

С.Ф. ПЛАТОНОВ

1

С.Ф. ПЛАТОНОВ

НАУКА

Сергей Федорович
ПЛАТОНОВ
Фотография 1883 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С.Ф. ПЛАТОНОВ

Собрание сочинений
в шести томах

МОСКВА НАУКА 2010

С.Ф. ПЛАТОНОВ

Том первый

Московские земские соборы
XVI и XVII веков

*

Древнерусские
сказания и повести
о Смутном времени XVII века
как исторический источник

МОСКВА НАУКА 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
ПЗ7

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
“Культура России”*

Редакционная коллегия:

С.О. ШМИДТ,
А.И. АЛЕКСЕЕВ, С.М. КАШТАНОВ,
А.В. МЕЛЬНИКОВ (ответственный секретарь),
А.В. СИРЕНОВ, А.Н. ЦАМУТАЛИ, С.В. ЧИРКОВ

Ответственный редактор

академик Российской академии образования С.О. ШМИДТ

Составители:

доктор исторических наук В.В. МОРОЗОВ,
кандидат исторических наук А.В. СИРЕНОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. АКСЕНОВ,
кандидат исторических наук В.А. ЧЕРНЫХ

ISBN 978-5-02-037575-8
ISBN 978-5-02-037576-5 (т. 1)

© Институт славяноведения РАН, Археологическая комиссия РАН, Российская национальная библиотека, 2010
© В.В. Морозов, А.В. Сиренов, составление, 2010
© С.О. Шмидт, предисловие, 2010
© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

Предисловие

Сергей Федорович Платонов (1860–1933) – виднейший российский историк конца XIX – первой трети XX в. После кончины В.О. Ключевского в 1911 г. С.Ф. Платонов воспринимался и широкой общественностью, и многими учеными как первый среди специалистов по отечественной истории, “Глава русской историографии”, если использовать определение самим Платоновым места Ключевского в науке и общественной жизни, в написанной им статье памяти знаменитого московского профессора. (Тогда термином “историография” обозначали еще не отрасль науки, изучающей ее историю или совокупность работ по какой-либо исторической тематике, а само описание прошлого, науку истории.)

Платонов уже в дореволюционные годы был известен как выдающийся исследователь и знаток истории Отечества (особенно XVI–XVIII вв.); автор многих исследовательских и научно-популярных трудов, подготовитель и редактор документальных публикаций; первоклассный лектор и наставник в семинарских занятиях – создатель научной школы (среди старших его учеников – Н.П. Павлов-Сильванский и А.Е. Пресняков); организатор системы образования и учитель гимназических преподавателей. Его “Лекции по русской истории”, изданные в 1899 г. на основе читанных на Высших женских курсах, в Санкт-Петербургском университете и в Военно-юридической академии, вышли в 1917 г. уже десятым изданием (“пересмотренным и исправленным”), “Учебник русской истории: Курс систематический” 1909–1910 гг. издан в 1916 г. восьмым изданием, “Сокращенный курс русской истории для средней школы, с восьмью картами” 1914 г. – в 1917 г. четвертым дополненным изданием, “Учебник” признавался лучшим учебным пособием такой тематики (да и сейчас остается непревзойденным по методике, лаконичности и образности изложения).

С.Ф. Платонов родился в Чернигове 16 июня 1860 г. (по старому стилю). С 1869 г. семья его обосновалась в Петербурге. Однако родители его – коренные москвичи; мальчик часто гостил у московской родни, где “чувствовал себя как бы на родине” – у родителей была “сознательная преданность Москве с ее святынями,

историей и бытом”, передававшаяся и сыну (слова из начальной части Автобиографической записки С.Ф. Платонова середины 1920-х годов¹). Это, по-видимому, во многом определило выбор впоследствии тематики исследований.

По окончании гимназии в Петербурге Платонов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В студенческие годы (1878–1882) он сразу же выделился интересом к научным занятиям и исключительными дарованиями. Причем профессора увлекали его не только предметом своего преподавания, но и “личными талантами”, приемами педагогического мастерства. Платонов изначально формировался как будущий исследователь и как будущий педагог, оценивая в лекциях и “элемент моральный”, “обаяние личности профессора”. Он посещал и лекции профессоров юридического факультета, а вначале и лекции филологов. “Первая научная работа”, – вспоминает Платонов, – “О местожительстве готов-тетракситов” была написана в семинарии византиниста В.Г. Васильевского, преподававшего историю Средних веков. Это первое знакомство положило “начало долгих и близких отношений” с Васильевским, который стал в 1890 г. академиком и высокопоставленным чиновником министерства – главным редактором “Журнала Министерства народного просвещения”. Васильевский содействовал укреплению служебного положения Платонова – его утвердили руководителем кафедры русской истории и профессором университета уже в 1890 г., до защиты докторской диссертации, которая состоялась лишь в 1899 г.

Наибольшее воздействие на студента оказали лекции К.Н. Бестужева-Рюмина и профессоров юридического факультета А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича. Бестужев-Рюмин признается создателем “петербургской школы” историков России с ее особым вниманием к проблемам и методике источниковедения, он стал руководителем дипломной, кандидатской работы (такую степень до 1884 г. получали за лучшую письменную работу на избранную тему. Это давало право при поступлении на государственную службу на X класс). Платонов избрал темой историю земских соборов XVI–XVII вв., тогда еще совсем неизученную. Этот студенческий труд – первая в России работа такой проблематики обобщающего характера.

Оставленный при университете (т.е. употребляя современную терминологию, в аспирантуре), Платонов, лишившийся к тому времени отца, зарабатывал уроками русского языка и истории в средней школе, затем чтением лекций в Александровском

(пушкинском) лицее, на Высших женских курсах (с 1883 г.) с тем, чтобы обеспечить семью материально. После защиты магистерской диссертации в 1888 г. в университете он стал приват-доцентом.

Магистерская диссертация “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник”, явно превосходящая по своему исследовательскому уровню обычные диссертации, – первая обобщающего характера монография о нарративных источниках Смутного времени, притом в контексте с событиями социополитической истории современного и последующих десятилетий.

1880-е годы для Платонова – период обретения и совершенствования педагогических навыков, что затем очень пригодится при подготовке учебных пособий для средней и высшей школы и организации обучения учительниц. С 1890 г., став помощником редактора “Журнала Министерства народного просвещения”, Платонов, и ранее подвизавшийся печатанием рецензий, откликов на новейшую историческую литературу, обрел и большой редакторский опыт, и знания в области методики преподавания. И потому-то именно Платонов получил предложение преобразовать существовавшие при женских гимназиях Педагогические курсы в высший Педагогический институт. Продолжая возглавлять кафедру в Университете, он стал директором созданного тогда Женского педагогического института, проявив недюжинные организаторские и административные способности. Тогда же он сближается с покровителем института великим князем Константином Константиновичем, президентом Академии наук. Изданный в 1911 г. сборник статей к 25-летию “ученой деятельности” Платонова “Сергею Федоровичу Платонову – ученики, друзья и почитатели” открывается сонетом К.Р. (псевдоним великого князя как поэта), посвященным историку.

Докторская диссертация Платонова “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)” была первым обобщающим трудом по социально-политической истории конца XVI – начала XVII в., т.е. времени, непосредственно предшествовавшего началу так называемого “нового периода” российской истории. Резонанс этой защиты можно сравнить только с тем впечатлением, которое произвела докторская диссертация о Боярской думе В.О. Ключевского за 20 лет до того.

В последующие дореволюционные годы Платонов не выступал в печати с книгами научно-исследовательского и даже науч-

но-популярного типа; но его статьи (преимущественно о России XVI–XVIII вв.) и документальные публикации оказывали значительное влияние на развитие исторической науки и изучение истории России XVI–XVIII вв. и проблематику и методику историографии, источниковедения, археографии. Для Платонова по-прежнему путь исследования всякой исторической темы начинается с определения источниковой базы ее, с самооценочного (а не только вспомогательного в плане исследования данного вопроса) изучения исторических источников.

Авторитет Платонова как профессора, исследователя и администратора был так весом, что ему (как писали газеты) предлагали пост министра народного просвещения. Платонов, однако, не склонен был к занятию правительственных должностей, тем более к участию в деятельности каких-либо партий. Взгляды его были монархические, точнее государственника, полагающего, что монархическое управление традиционно для России; но уважение к правящей династии после 1905 г. и последующих событий он утратил и не скрывал своих убеждений.

В 1916 г., когда пришли сроки получения полного пенсионного довольствия, он в чине тайного советника подал в отставку, оставив за собой лишь “небольшое число лекций” в университете и Педагогическом институте. Обеспеченный литературным доходом, он сменил казенную квартиру на просторную собственную на Каменноостровском проспекте, куда и переехал со своим большим семейством, и решил – как замечает в Автобиографии – “отдать остаток жизни науке и путешествиям, которые очень любил”. Когда его хотели вознаградить привычным при таких обстоятельствах почетным отличием – сенаторством, опекуном или креслом в Государственном совете, Платонов, как вспоминают в мемуарах, ответил: “Я ничего не хочу. Хочу остаться просто Русским Историком Платоновым”.

Переворот 1917 г. – как он выразился – поставил Платонова “снова в ряды повседневных работников”. Понятно, что Платонов не мог принять провозглашенную Октябрьской революцией программу преобразований общественной жизни, но убежденный “великорусский патриот” (как характеризует себя в Автобиографии), он не стал эмигрантом и не участвовал в деятельности антисоветских группировок. Платонов вернулся к преподаванию в Университете и стал работать в Главархиве. Этому способствовало сближение с первым его руководителем Д.Б. Рязановым. После перевода правительственных учреждений в Москву, Платонов стал главой управления архивами Петрограда (до 1923 г.),

а также профессором Архивных курсов, директором Археологического института (до 1923 г.), с 31 декабря 1918 г. – первым избранным председателем Археографической комиссии (перешедшей в ведение Академии наук). Убеждаясь в том, что большевики все уверенней утверждают во власти, Платонов видел долг свой в том, чтобы сберечь культурное наследие и приобщить к нему народ, сохранить дорогие ему историко-культурные традиции.

В 1920 г. Платонова избирают членом Академии наук. В середине 1920-х годов именно у Платонова сосредоточилось руководство несколькими академическими учреждениями – Пушкинским Домом, Библиотекой Академии наук. Он был во главе Отделения гуманитарных (общественных) наук. В отчетно-официальном издании 1927 г., посвященном деятельности Академии наук в первые десять лет советской власти, академик Платонов – автор статей “История” и “Библиотечное дело”.

Знаменательна характеристика, данная (в 1921 г.) в конфиденциальной записке В.И. Ленину наркомом просвещения А.В. Луначарским о виднейших деятелях культуры: “*Академик Платонов* – ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии, замечательный историк правых убеждений. Несмотря на это, сразу стал работать с нами... Держится в высшей степени лояльно и корректно...” Не соответствовавшие действительности слухи об избрании президентом Академии наук – показатель того положения, которое приписывало Платонову общественное мнение. В 1926 г. его называли одним из наиболее вероятных кандидатов в вице-президенты.

В советские годы ученый выступает с книгами и статьями, опирающимися в значительной мере на прежние исследования (“Борис Годунов”, “Иван Грозный”, “Москва и Запад в XVI–XVII вв.”, “Петр Великий. Личность и деятельность”), а также и более новой для него тематики (о Русском Севере, пушкинских местах в Псковском крае) и о результатах новых архивных изысканий о России времени Петра I. Платонов интенсивно продолжает публикаторскую работу, пишет много популярных статей, даже газетных.

Сокращенное издание в 1923 г. его главного труда (докторской диссертации) под общим названием “Смутное время” должно было и напомнить о его самой значительной монографии 25-летней давности, и показать, что основные положения этого сочинения не устарели, и современному читателю, воспитываемому в советской России на новых социологических концепциях,

тоже полезно приобщиться к такому знанию. Еще более дерзко и откровенно вульгарно-социологической схеме М.Н. Покровского он противостоял в небольшой книге “Петр Великий” (открыто выступая, впрочем, по поводу произведений художественной литературы, опирающейся на воззрения Покровского) и в докладе к юбилею Н.М. Карамзина – 1926 г.

Понятно, что именно платоновские работы были особенно популярны в среде эмигрантов, где в русских школах обучали по его учебникам. Труды его переводили на иностранные языки. А в дни “Недели советской исторической науки” в Германии в 1928 г., когда советскую делегацию возглавлял М.Н. Покровский, там был устроен прием только в честь С.Ф. Платонова. А до того еще ему заказали написать подробную автобиографию для немецкого издания.

Платонов предполагал организовать в Академии наук научно-исследовательский институт на базе Археографической комиссии для изучения и издания исторических источников. Противостояние Платонова насаждению в исторической науке концепций М.Н. Покровского, убежденность его в непреходящей ценности работы в области источниковедения и археографии (т.е. выявления, описания, публикации письменных памятников), открыто проявляемое уважение к академику С.Ф. Платонову и его московскому другу академику М.М. Богословскому историков младших поколений, вызывали все большее раздражение воинственного и высокосановного лидера марксистского “исторического фронта”. Покровский публично рассуждал о “научном кладбище” “бывших ординарных, экстраординарных профессоров”, о “позициях”, которые должно “штурмовать” историкам-марксистам.

Сталин тогда объявил об обострении классовой борьбы в нашей стране, о якобы усиливающемся сопротивлении врагов социализма, особо выделяя среди враждебных сил старого мира “верхушку буржуазной интеллигенции”, и наступило едва ли не самое злое в XX столетии время “великого перелома”, столь пагубное для трудового крестьянства, священнослужителей и квалифицированной интеллигенции (“спецов”).

Особенно сильный урон понесла наука отечественной истории. Видимо, не без воздействия Покровского, для того, чтобы лишить Платонова и близких ему лиц влияния и добиться единоначалия на “фронте” исторической науки (а тем самым официального утверждения единомыслия), решили прибегнуть к таким сокрушительным приемам, как политические обвинения в антигосударственной деятельности. По разработанному сценарию начали с “чистки” личного состава сотрудников академических уч-

реждений в Ленинграде, вынудили Платонова отказаться от всех занимаемых должностей в Академии наук, стали арестовывать его сотрудников. А затем в начале 1930 г. арестовали и самого академика. Арестованным инкриминировалось участие в заговоре, целью которого была реставрация монархии, и руководителям которого (а главным представили Платонова!) приписывали связь с соучастниками в Москве и в провинции (тут жертвами были активисты краеведческой работы; и краеведению был нанесен невосполнимый ущерб и в научном, и в нравственном планах).

Платонов даже в записке, составленной в тюрьме, считал возможным предупредить: «Я не был “марксистом” в теории ... и не мог поверить в исключительную возможность изучать исторический процесс только по способу М.Н. Покровского. Напротив, будучи не только историком-исследователем, но и историком-техником (издателем текстов и археографом), я находил и нахожу исключительность Покровского и его школы вредной для роста у нас исторической науки и желал бы, чтобы подготовка молодых археографов была свободна от этой исключительности».

С.Ф. Платонова, как и Н.П. Лихачева, М.К. Любавского и Е.В. Тарле, лишили в 1931 г. звания академика. Его выслали в Самару, где ученый скончался 10 января 1933 г. от сердечной недостаточности. Точное место его захоронения теперь утрачено.

Уже в 1937 г. переиздали классическое исследование Платонова “Очерки по истории Смуты...”, его лекционный курс стал основой первого учебника по отечественной истории для вузов (1939 г.), среди авторов которого были ранее осужденные по фальсифицированному делу “О контрреволюционном заговоре в Академии наук” (С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета). Но еще в 1960–1970-е годы Платонова продолжали характеризовать в обобщающих историографических трудах как наиболее яркого выразителя идеологии “реакционного дворянства” в дореволюционный период и выступавшего с “позиций апологета самодержавия” в советские годы. Реабилитировали Платонова полностью лишь в 1967 г., когда посмертно восстановили и в звании академика.

И понадобилось еще более 20 лет, чтобы могли появиться первые журнальные статьи о последних годах жизни Платонова, затем и книги обо всем его жизненном пути. В 1993 г. изданием “Дела по обвинению академика С.Ф. Платонова” начали многотомную публикацию следственных материалов фальсифицированного “Академического дела 1929–1931 гг.” В 1994 г. вышел из печати первый выпуск Каталога архива академика С.Ф. Платонова, подготовленный В.А. Колобковым².

С 1991 г. началось интенсивное переиздание отдельных сочинений Платонова, сборников его трудов и публикации ранее ненапечатанного. Среди имен историков, возвращенных читателям в последнее время, особенно почетное место занимает имя С.Ф. Платонова. Переиздание его трудов вызывает широкий читательский интерес.

В Самаре проводятся Всероссийские Платоновские чтения, и в 1997 г. там выпущена медаль с изображением ученого. Весной 2003 г. состоялась конференция в академическом учреждении – в связи с 70-летием со времени кончины Платонова было посвященное памяти ученого заседание Археографической комиссии с докладами и сообщениями историков из Москвы и других городов (эти материалы опубликованы в “Археографическом ежегоднике за 2003 год”).

Уже в 1903 г. Платонов подготовил сборник своих трудов “Статьи по русской истории (1883–1902)”, в 1912 г. вышло второе его дополненное издание “Статьи по русской истории (1883–1912)” как первый том “Сочинений” историка. Вторым томом сочинений была переиздана книга 1888 г. “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник”. При жизни автора переиздана и книга “Очерки по истории Смуты...” 1899 г.; в 1901 г. – второе издание, в 1910 г. – третье.

При жизни ученого были опубликованы списки его печатных трудов, составленные Б.А. Романовым, – в 1912 г. в “Сборнике статей, посвященных С.Ф. Платонову” и в 1922 г. в “Сборнике статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову”. В перечни были включены далеко не все сочинения историка, особенно молодых лет. В “Археографическом ежегоднике за 1993 год” помещен “Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.)”, составленный В.А. Колобковым. Усилиями А.В. Мельникова, а также В.Г. Бухерта, список печатных трудов С.Ф. Платонова значительно пополнен, прежде всего за счет сочинений молодого ученого (рецензий, отзывов о сочинениях других историков, учебно-методических работ) и трудов, изданных за рубежом в переводах и на языке подлинника, репринтным способом и, конечно, переизданий и недавних первых публикаций написанного ученым. Эти дополнения к библиографии опубликованы в “Археографическом ежегоднике за 2003 год”.

Начинающееся данной книгой Собрание сочинений С.Ф. Платонова готовится к изданию Археографической комиссией Российской академии наук и Российской национальной библиотекой. Там в Отделе рукописей хранится личный архивный фонд ученого. В Собрание сочинений предполагается включить и те работы,

которые переиздавались при жизни автора, и другие – в том числе те, которые никогда не публиковались.

Намечено издание шести томов сочинений Платонова. В первом томе – ранние труды монографического характера, во втором – “Очерки по истории Смуты”; третий том в основном будет состоять из материалов “Сборника статей по русской истории”, подготовленного самим автором в 1913 г.; в четвертом – труды по отечественной истории, написанные в советский период (книги и статьи); в пятом – труды историографического и источниковедческого характера (в том числе воспоминания об университетских учителях и некоторые рецензии); в шестом томе – материалы, отражающие научно-просветительскую и методико-педагогическую деятельность ученого.

Немалая часть творческого наследия Платонова публикуется впервые или перепечатывается из новейших изданий (“Археографического ежегодника” и др.). Письма Платонова, как правило, в издание не включаются, так как готовится к печати двухтомное издание писем Платонова; в первом томе (вышедшем в издательстве “Наука”) – его письма за 1883–1930 гг., в полутомах второго тома – полная переписка, т.е. письма и самого Платонова, и его адресатов: П.Н. Милюкова, А.И. Яковлева, М.М. Богословского за 1886–1929 гг.

В первом томе Собрания сочинений впервые публикуется большой труд студента Платонова о земских соборах и переиздается его магистерская диссертация о сказаниях и повестях о Смутном времени. Приведем текст Автобиографической записки, т.е. написанной самим Платоновым об этих его сочинениях:

«Одновременно с работою у Васильевского я работал над темою, данною мне Бестужевым для диссертации на первую ученую степень “кандидата”, с какою тогда оканчивали курс факультета наиболее успевающие студенты. Насколько Васильевский много давал ученикам в смысле ученого метода и техники, настолько Бестужев был холоден в отношении руководства. Свою заботу он ограничивал тем, что давал студенту тему или утверждал тему, выбранную студентом, а затем предоставлял ему самому управляться своими силами в подборе пособий и в обработке собранного материала. Не берусь судить, был ли это продуманный прием отношения к учащимся, или же просто недостаток приема. В таком положении предоставленного на произвол судьбы оказался и я, когда Бестужев одобрил мою тему “Московские земские соборы XVI–XVII вв.” С конца 1880 года я целый год собирал, – можно

сказать, ощупью – источники по истории земских соборов и писал свое сочинение безо всякой помощи со стороны. Оно вышло обширным и вполне, по-видимому, удовлетворило Бестужева; но оно было совершенно чуждо его взглядам и не отразило на себе его ученого влияния. Предлагая мне после окончания курса факультета остаться в университете для приготовления к профессуре, Бестужев отметил это обстоятельство; он сказал мне: “Я вижу, что вы больше ученик Сергеевича”. В этом он ошибался: к концу университетского курса я одинаково отошел как от идеологии Бестужева, так и от схем Сергеевича. В отношении метода и техники я целиком следовал Васильевскому; в понимании же смысла и содержания русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В.О. Ключевского. Ученая репутация Ключевского выросла вдруг около 1881–1882 года. В эти годы он получил кафедру русской истории в Московском университете и напечатал свою докторскую диссертацию “Боярская дума Древней Руси”. Московские студенты были очарованы изумительным лекторским талантом Ключевского и широко распространили литографские издания его курса. Эти издания дошли и до Петербурга. Как курс Ключевского, так и “Боярская дума” одинаково сильно увлекли меня. Меня прельщала не столько склонность их автора к “экономической точке зрения” в объяснении исторических явлений, сколько разносторонность и широта в их понимании и полная (как мне тогда казалось) независимость от господствовавшей дотоле “системы русской истории” школы С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина. Не говорю уже об остроумии и красоте речи и о том, что на каждой странице у Ключевского можно было заметить глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности в художественном воспроизведении. Чтобы исправить ошибочный отзыв Бестужева и воспользоваться его обычным приемом – определять ученых тем, у кого они учились, – я мог бы сказать о себе, что я учился сперва у Бестужева и Градовского, а затем у Васильевского и Ключевского. Учителем моим Сергеевича считать не могу: я им любовался как лектором, но всегда держался от него вдалеке. [...]

Первою моею печатной работой была статья “Заметки по истории московских земских соборов” (1883)³. Она представляла собою извлечение из моей кандидатской диссертации и заключала в себе те мои наблюдения и выводы, которые были новостью в изучении предмета. В этой статье относительно большое внимание было уделено организации земского представительства в Смутное время, именно в 1612–1613 годах, когда средние классы

московского общества создали свое временное правительство и успели подавить внутреннее междоусобие в государстве и освободить столицу от польской оккупации. Этот исторический момент казался мне чрезвычайно важным: в моем представлении он отделял древнюю Москву с ее архаическим строем вотчинной (патримониальной) монархии от нового государства, возникшего из Смуты с иной комбинацией политических отношений между новой династией и сознавшими свою силу сословными группами. Мне хотелось углубить изучение данной переходной эпохи, исследовать всесторонне начало и развитие того общественного движения, которое создало ополчение князя Д.М. Пожарского и в нем образовало устойчивое временное правительство. Это мое желание подсказывало тему для магистерской диссертации. Начинать приходилось с первичного момента земского движения – с возникновения в Нижнем Новгороде, по почину Кузьмы Минина, ополчения для освобождения Москвы от польского гарнизона и от казачьих разбойничьих дружин. Следовало изучить социальный состав населения Среднего Поволжья, где возникло движение, узнать, какой сословный слой был там господствующим и почему, какими средствами, материальными и моральными, он располагал. Это – мечтал я – позволило бы мне указать настоящих возбудителей и вожаков движения, понять движение в самых его корнях. Тогда стало бы ясно, кто именно создал власть в потрясенном государстве и вышел победителем из многолетних смут. А это могло бы, в свою очередь, объяснить основной ход московской истории XVII века, приведший государство к реформе Петра Великого.

Таковы были мои первоначальные планы. Первые же опыты изучения поставленных мною историко-социальных вопросов меня разочаровали. В то время (80-е годы XIX столетия) по известным науке источникам точный состав населения в Среднем Поволжье был неопределим. Самый ход нижегородского патриотического движения нельзя было восстановить в твердых, реальных исторических формах, потому что известные нам тогда его подробности были похожи на легенду, бледную, наивную, скудную содержанием. Мы знали о Минине и Пожарском и о всем их политическом предприятии преимущественно из неточных и противоречивых летописных хроник (“сказаний” и “повестей”) и эпических вымыслов. Необходимо было искать новый исторический материал для данной темы в архивах, еще не приведенных в порядок; необходимо было произвести критическую работу над известным историко-литературным материалом, ко-

торым историки пользовались без должной осмотрительности. Молодой начинающий ученый не мог исполнить эту задачу в ее полном объеме, и я отступил перед ее обширностью и трудностью.

В работе над источниками истории Смутного времени я впервые близко познакомился с историко-литературными произведениями той эпохи. “Смута”, потрясавшая Московское государство в начале XVII века, начиная с необыкновенного голода 1601–1603 г[одов], продолжая самозванцами и иноземным вмешательством, привела московское общество в состояние хронического междоусобия и полного распада. Московские люди, пораженные постигшими их бедствиями, посвятили “Смуте” много произведений, в которых или описывали необыкновенные события, или же размышляли над их причинами и значением. Кое-что из этих произведений (“летописцев”, “повестей”, “сказаний”) было издано целиком или в отрывках. Особенно известный Карамзин интересовался ими и охотно цитировал их в своей “Истории государства Российского”. Но в общем круг произведений о Смуте был не изучен; взаимоотношения их текстов не были выяснены; критических изданий не существовало. Между тем роль этих произведений как источников для истории Смуты, была очень существенна. Они не только давали фактические сведения, но отражали в себе настроения общественных групп. Сами же по себе, в своей совокупности, они являлись весьма заметным литературным явлением своего времени. Оставив свою первоначальную тему, я решил остановиться на изучении этих произведений. Так возникла моя первая “диссертация”.

Можно было идти двумя путями к решению принятой мною на себя задачи. Во-первых, можно было заняться критикой отдельных известий, находящихся в произведениях о Смуте, и отодвинуть на задний план изучение литературной истории произведений. Во-вторых, можно было сосредоточить внимание именно на литературной истории произведений, прибегая к критике их фактических показаний только там, где этого требовало изучение памятника в его целом. В первом случае работа получила бы характер свода отдельных историко-критических заметок, лишенных внутренней связи, о тех исторических фактах, о которых упоминают изучаемые произведения. Во втором случае работа явилась бы сводом литературных характеристик, вскрыла бы целый литературный эпизод в русской письменности XVII века и определила бы только общую степень достоверности каждого произведения. После некоторых колебаний я выбрал второй путь. Порядок

работы представился мне таким: сначала я должен собрать все, подлежащие исследованию произведения, как изданные, так и находящиеся в рукописях; затем я должен выделить самостоятельные произведения из массы компиляций и подражаний; наконец, я должен изучить самостоятельные произведения в хронологическом порядке их написания; после этого определение и изучение зависимых от них компиляций и подражаний не представило бы затруднений.

Главную трудность на первых порах работы представляло изучение текстов произведений неизданных, находившихся в рукописях в различных столичных и провинциальных хранилищах. Собрав указания на них в печатных “описаниях рукописей” и “каталогах”, я ездил для ознакомления с ними в Москву и в некоторые монастыри, обладавшие древними рукописями. Конечно, собственными средствами и силами я не смог бы этого сделать, если бы не пришли мне на помощь Университет и Археографическая комиссия. Университет обеспечил мне поездку в Москву и Троице-Сергиеву лавру, а Комиссия, пользуясь принадлежавшим ей тогда правом, постепенно выписывала из провинции необходимые мне рукописи и предоставляла мне их для занятий. Только ее помощь и содействие сделали возможным успешное завершение моего труда... Начинаящие ученые-историки второй половины XIX века с чувством чрезвычайного уважения входили в скромное помещение Комиссии для того, чтобы приобрести ее издания или же учиться читать древние рукописные тексты. В числе таковых и я стал посетителем Комиссии; управлявший делами Комиссии Л.Н. Майков, ознакомясь с моими работами над литературными источниками истории Смутного времени, нашел возможным применить к ним право Комиссии выписывать необходимые ей рукописи из архивов и библиотек. С тех пор я получил возможность работать в помещении Комиссии, привлекая туда необходимый для моей темы рукописный материал из таких глухих провинциальных мест, куда сам я никогда бы не попал. Таким порядком был доставлен, между прочим, из захолустного монастыря unicum “Временника дьяка Ивана Тимофеева”. Эта хроника, тогда никому не известная и лишь мимоходом отмеченная Строевым, теперь составляет, будучи издана, один из самых замечательных памятников письменности XVII века. Понятно то чувство благодарности, какое питаю я к Археографической комиссии...

Только благодаря помощи Археографической комиссии мое исследование могло охватить более 60 произведений русской

письменности о Смутном времени, изученных по 150-ти, приблизительно, рукописям. В моих руках оказалось значительное количество неизданных и вовсе неизвестных текстов, которые придали моей книге и содержательность, и интерес. Стремясь использовать эти тексты как историк, я мало обращал внимания на историко-литературную их сторону и оставил ее без достаточного освещения. Когда моя книга вышла в свет, ученая критика оценила ее благосклонно; но мои критики стояли на той же точке зрения, как и автор, и видели в моей книге только опыт в области *kritische Quellenuntersuchung**. Один лишь В.И. Ламанский (известный славист) в своем устном отзыве указал мне на то, что моя книга в истории московской литературной письменности заполняет существенный пробел. По словам Ламанского, первая половина XVII века в отношении литературного творчества представлялась бесплодным промежутком; найденные и собранные мною памятники показали, куда именно направилось это творчество. Описание и объяснение только что пережитой Смуты стало на время главным предметом внимания для московских писателей. Справедливость замечания Ламанского стала скоро общепризнанной. Во всех позднейших обзорах древнерусской литературы явился отдел, посвященный моим памятникам, как одному из важнейших литературных явлений середины XVII века. Так моя историческая тема привела меня, помимо моего собственного сознания, к результатам историко-литературного порядка, чем я лично объясняю успех моей книги на книжном рынке. Она скоро стала библиографической редкостью и потребовала второго издания – результат редкий для ученой диссертации в ту эпоху в России.

Ценность собранных и обследованных мною произведений привела Археографическую комиссию к мысли сделать систематическое их издание. Редакция издания была поручена мне, и в 1891 году в XIII томе издаваемой Комиссией “Русской исторической библиотеки” появились обследованные и найденные мною тексты под заглавием “Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени”. С этих пор я стал постоянным сотрудником (с 1894 года – членом) Археографической комиссии и в течение нескольких лет редактировал в “Полном собрании русских летописей” издание обширнейшего московского официального летописного свода XVI века, называемого “Никоновской летописью”»⁴.

---

* критического исследования источников (*нем.*)

Эти обширные выписки знакомят с самооценкой Платоновым трудов, публикуемых в первом томе его Сочинений.

Вместе с первой, студенческой еще монографией Платонова о земских соборах (1881–1882 гг.), целесообразно публиковать и его реферат 1880 г. о книге Н.П. Загоскина, так как рассуждения о Боярской думе важны для понимания хода работы его по изучению истории земских соборов и познания все расширяющегося исторического и историографического кругозора начинающего исследователя. Уже в ранних трудах Платонова заметны характерные черты научного творчества выдающегося российского историка.

Рукописи впервые публикуемых трудов ученого находятся в его личном архивном фонде в ОР РНБ (Ф. 585. Оп. 1): “Боярская дума...” – Ед. хр. 1242; “Московские земские соборы...” – Ед. хр. 1243. Все тексты (в том числе и издававшейся ранее книги) публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и синтаксиса, однако сохраняется свойственное для XIX в. написание отдельных слов, к настоящему времени архаичное. Ввиду того что справочный аппарат работ Платонова подготовлен в то время, когда не существовало устойчивых правил, а в рукописях можно было допустить и понятные лишь автору сокращения (отсутствие указаний на место и время издания работ, краткие названия, ссылки лишь на автора) издатели сочли необходимым для удобства читателя привести справочный аппарат в соответствие с современными правилами.

Подготовка настоящей книги к печати начата старшим научным сотрудником Археографической комиссии В.В. Морозовым, тогда еще кандидатом исторических наук, и завершена доцентом Санкт-Петербургского государственного университета кандидатом исторических наук А.В. Сиреновым при участии старшего научного сотрудника Археографической комиссии, кандидата исторических наук А.В. Мельникова. На начальном этапе работы очень много сделал ученый секретарь Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук В.А. Колобков. Составленный им первый выпуск “Каталога архива академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки” стал основой, на которую опирались, определяя состав издания. А без деятельного соучастия нынешнего ученого секретаря РНБ, кандидата исторических наук А.И. Алексева, научного сотрудника Отдела рукописей РНБ Д.П. Белозерова, неизменной поддержки нашей работы руководителями и сотрудниками этого Отдела, берегущими документальное наследие Сергея Федоровича

Платонова наше начинание невозможно было бы реализовать. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 02-01-0146а).

Глубоко признательны всем, кто помогает нам в подготовке первого Собрания сочинений классика отечественной исторической науки.

С. О. Шмидт
советник Российской академии наук,
академик Российской академии образования

¹ *Платонов С. Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. С. 255 (далее цитаты из Автобиографии по этому изданию).

² Основную литературу см.: *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 135.

³ *Платонов С. Ф.* Заметки по истории московских земских соборов // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. № 3. С. 1–20.

⁴ Академическое дело... С. 261–262, 263–269.

Московские
земские соборы
XVI и XVII
веков

у мѣ члѣнъ
кандидата.

Commissio uno magistris y dilectis
finesibus des nougenis emere
кандидата

С. Платонова.

Е. Замосквитинъ

Московскіе земскіе соборы XVII и XVIII в.в.

Quod principi placuit, legis habet vigorem. - Titul

Трактатомъ - сѣмъ вѣстамъ, Замосквитинъ - сѣмъ сѣмъ.

А. С. Сидорова

1881 - 1882 г.г.

Участие земщины в управлении Московского государства. – Земские соборы как вид этого участия. – Определение соборов. – Причины их возникновения. – Веча и соборы

Характер верховной власти в Московском государстве не вполне еще наукою выяснен. Московские государи именовали себя самодержцами и сознательно считали себя неограниченными. На деле власть их действительно была очень велика, и иностранцы удивлялись той степени могущества, на которой стоял царь и великий князь Московский. Он был единственным источником власти в государстве, он был главою русской церкви, и ни в одной из многочисленных сфер его деятельности воля его не знала ограничений. Таково было положение дела. Но вместе с тем самодержавие московских государей не было санкционировано никаким законодательным актом и, основываясь исключительно на “пошлине”, встречало себе оппозицию – впрочем, несерьезного характера – со стороны боярства, хранившего долее других общественных слоев традиции далекой старины. С другой стороны, вместе с самодержавием в Московском государстве уживались явления, совершенно не свойственные такому государственному строю, который основан на идее полного абсолютизма. Мы разумеем здесь то немалое участие, каким пользовался народ в управлении Московского государства. Ввиду этого некоторые ученые (например, В.И. Сергеевич) – и не без основания, по нашему мнению – полагают, что полное самодержавие сложилось у нас только во время Петра; эпоха же Московского государства по справедливости может назваться относительно положения царской власти – эпохою переходною, в которой сосуществовали, так сказать, два начала: новое начало царского самовластия и отголоски старых порядков, старых народоправств.

Обращаясь к участию народа в управлении, мы прежде всего должны заметить, что, так как общественной жизни наших предков чужды были точные юридические формы и определения, то несколько затруднительным представляется указать правовое значение той роли, какую играла земщина в делах управления. Через своих выборных земщина участвовала в областном управлении

Московского государства; земщина невозбранно подавала правительству челобитья обо всех своих нуждах, и эти челобитья – что несомненно доказано – влияли на направление и характер законодательных правительственных мер; земщина, наконец, чрез своих представителей призывалась к обсуждению важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Но насколько областное самоуправление, подача челобитий и участие в обсуждении главных вопросов государственной жизни были *правом* земщины – в этом ученые наши не пришли еще к определенному раз навсегда мнению. Никакой акт не узаконяет прав земщины на то многостороннее участие в государственных делах, каким *de facto* земщина пользовалась.

Что касается до деятельности земщины в сфере местного управления, то эта деятельность во многих случаях своего проявления должна рассматриваться не как право земщины на самоуправление, а как государственная повинность, возложенная правительством на народ ради лучшего устройства управления. Такой характер государственной повинности имеют “верные”, то есть присяжные должности голов и целовальников, выбиравшихся “для государевых дел” из тяглых людей и из тех служилых, которые занимались промыслами и торговлею. Государевы дела, поручаемые выборным людям, были очень разнообразны, хотя нужно заметить, что при всем своем разнообразии они почти все вращались в сфере финансового управления. Сбор податей, пошлины таможенные, кабацкие и другие, продажа казенных товаров, добывание селитры, соли, железа, шелка и пр., покупка в казну хлеба и других запасов и заведование этими запасами, иногда полицейская служба – вот предметы ведомства выборных голов и целовальников. Находясь в полном подчинении у воевод или под непосредственным ведением приказов, выборные несли свою службу часто вдали от собственных хозяйств, оставляя свои дела и промыслы. В случае же каких-либо упущений по службе, все убытки, понесенные от этого казной, взыскивались с выборного или с его избирателей, с общины. Понятно, что такая служба, не предоставляя служащим никаких прав, но возлагая на них большую ответственность, не может иначе рассматриваться, как тяжелая повинность, возложенная на общины правительством, мало еще имевшим собственных средств для управления и искавшим для своей администрации помощников в среде самой земщины.

Но совершенно иное значение имеет учреждение выборных губных старост, данное земщине Иваном IV как право и существовавшее до времени Петра I. Установление губного института обусловливалось слабостью правительственных средств для под-

держания общественной безопасности: ни наместники, ни специально посылаемые из Москвы сыщики не искореняли в областях разбоев и грабежей, но сами являлись своего рода язвой для народа, употребляя во зло данную им власть. Такое положение дела не могло, конечно, удовлетворять ни правительства, ни народа, и правительство возложило на самую земщину заботу о собственной безопасности, вводя повсюду губной институт, передававший всю уголовную юстицию в руки областных земщин. Что губные учреждения понимались и правительством и народом в смысле *права*, а не в смысле повинности, может свидетельствовать тот факт, что губные грамоты давались сперва отдельным общинам и областям в виде особой льготы или милости, и впоследствии только губное право было распространено на все области Московского государства. С другой стороны, сама земщина в губном институте видела не прибавление тяготы, а особую царскую милость. “И бысть крестьяном радость и лгота велика...” – говорит псковский летописец по поводу введения в Псковской области губного права (ПСРЛ. Т. 4. С. 305). С течением времени, несмотря на повсеместное назначение воевод, губной институт не только не исчез, но стал постоянным учреждением и существовал до XVIII в. (до 1702 г.) – он только подвергся правительственному надзору. Сперва контроль над губными старостами принадлежал^а различным приказам (по областям), но потом, со времени Уложения (гл. XXI), сосредоточился в Разбойном приказе. За упущения по должности губные старосты подвергались ответственности не пред обществом, их избравшим, а перед правительством, как приказные люди. Это сближало их с приказной бюрократией, хотя они и были земской властью. Выбирались губные старосты всеми сословиями известного округа (духовенством, служилыми и тяглыми людьми) из дворян “лучших”, “прожиточных” и честных. Выборами руководила местная правительственная власть (воеводы), причем избранный староста ехал в Москву, где подвергался испытанию, удостоверявшему его годность к службе, приносил присягу и получал наказ для руководства. Кроме старосты для губного дела избирался еще целый штат лиц, подчиненный старосте, а на содержание этого штата и вообще на губное дело жители губного округа несли особые повинности, сбор и расход которых находился в ведении старосты.

Таким образом, уголовная юстиция в областях была в ведении земских выборных. Одновременно с губными учреждениями Иван IV Васильевич решил ввести в своем государстве и полное областное самоуправление, передавая земщине все дела, лежавшие прежде на наместниках. Это областное самоуправ-

ление вводилось – как то всегда бывало в Московском государстве – сперва в виде частных “пожалований”, льгот отдельным общинам, а затем уже (в 1556 г.) сделано мерою общею для всего государства¹. Однако земщина не везде принимала “царское пожалование”, часто отказывалась от прав самоуправления и просила у царя прежней администрации, т.е. наместников. Зато те общины, где привилось новое начало самоуправления, сохраняли его и в XVII в., впрочем, в виде исключений, так как в большинстве областей в XVII в. мы видим правительственное управление посредством воевод. Земская администрация состояла из выборных властей, которые сперва носили название “излюбленных старост или голов”, потом “земских судей или судеек”. Они разбирали гражданские дела между жителями своего округа, заведовали сбором податей и ведали все дела полицейского характера. В помощь им выбирались целовальники; делопроизводством же заведовали дьяки, тоже выборные. Это самоуправление составляло, без сомнения, право многих общин, которым они пользовались на основании старинных жалованных грамот, подтверждавшихся и последующими государями.

Наконец, внутреннее хозяйство всех тяглых общин искони находилось в руках самих общин и управлялось посредством выборных земских старост (сотских), целовальников и земских дьяков. Выбор этих властей составлял право общин и производился безо всякого контроля со стороны правительства. Если же иногда правительство и наблюдало, чтоб выбирались люди достойные, то в интересах самих же общин, чтоб выборные “с крестьян лишних денег не собирали”. В ведении выборных властей главным образом находились: раскладка и сбор податей, отправление различных повинностей, все дела по землевладению и некоторые полицейские дела.

Таким образом, как видно из нашего беглого очерка, земщина принимала деятельное и разностороннее участие в делах местного управления: во-первых в качестве простых помощников администрации, а во-вторых в силу прав, данных ей правительством. Но участием в тесной сфере местного управления не ограничивалась роль земщины в государственных делах. Земщине принадлежало еще так называемое право ходатайства, право подачи челобитий не только “о судебных делах” (т.е. кассационных и апелляционных жалоб), но и о всех нуждах народной жизни. Право ходатайства – небольшое право, но применение его в жизни Московского госу-

---

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов думает, что “так называемые земские учреждения Ивана IV суть не что иное, как освящение и упорядочение народных учреждений, давно живших в обычае” (*Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории. Киев, 1880. Т. 2. С. 152, примеч. 145*).

дарства так богато результатами, что на челобитья необходимо обратить особое внимание. Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что преимущественно челобитьями земщины определялся весь исторический ход московского законодательства. Московское законодательство развивалось путем издания частных законоположений, разрешавших те законодательные вопросы, которые ставились на очередь самую жизнь. Просматривая массу дошедших до нас отдельных законодательных актов, мы замечаем, что почти все они вызваны к жизни челобитьями земских людей, в которых указывались не только земские нужды, но и самые средства для их удовлетворения. По меткому выражению И.И. Дитятин, московское правительство “ничего не творило из себя”; оно только давало и утверждало то, чего просила земщина в своих челобитьях. Так как подача и самое содержание челобитий не ограничивались никакими нормами со стороны правительства, то, понятно, челобитья подавались с полной свободой: земщина била челом обо всем, что стесняло ее жизнь, просила не только об искоренении частных злоупотреблений, но и об изменениях в самом законодательстве, просила даже пересмотра всего законодательства: как увидим ниже, само Уложение возникло по общему челобитью земщины. Это то проявление народной инициативы в законодательстве – инициативы, которая высказывалась совершенно свободно и принималась правительством к сведению – и делает роль челобитий очень важную в истории Московского государства. И.И. Дитятин (*Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Русская мысль. 1880. Кн. 5 (май)*) совершенно справедливо говорит, что по инициативе народной результатами челобитий явились земские и губные учреждения Ивана IV, прикрепление крестьян к земле (по челобитьям служилых людей), многие особенности поместной системы, Монастырский приказ, Новоторговый устав, наконец, само Уложение. Почтенный профессор не преувеличивает значения народной инициативы в законодательстве. Что она была очень велика, в этом согласится всякий, знакомый с так называемыми указными книгами и прочими сборниками наших законодательных актов.

До времени Уложения подача челобитий практиковалась с полной свободой: челобитья подавались, смотря по желанию, или в приказы или самому государю во время его выходов. Но Уложение (X, ст. 20) запрещает подачу челобитий государю и велит подавать их только в приказы; если же в приказе не дадут челобитной хода, т.е. не передадут ее в государеву Думу, то челобитчик вправе подать челобитную самому государю, означив в ней, что она прежде была подана в приказ. Это ограничение не касалось

содержания челобитий и мало стесняло право ходатайства. И после Уложения, как и до него, земщина широко пользовалась этим правом: она была челом обо всем, что ее стесняло, что ей было не по душе. Челобитья подавались не только от отдельных лиц, но и от целых общин, и от людей нескольких чинов известного округа, и от населения нескольких уездов сразу. Так, например, мы знаем челобитную от разных чинов торговых людей всего севера тогдашней Руси; они просили государя, чтобы он обратил внимание на притеснения, которые чинят им торговые иностранцы, и запретил иностранцам торговать внутри государства (ААЭ. Т. 4. № 13). С.М. Соловьев (*Соловьев*. История. Т. 13. С. 132 и след.) говорит, что в 1675 г. крестьяне всего Устюжского уезда, враждая с посадскими, задумали просить себе отдельного от посадских людей земского старосты. Поэтому в Устюге съехались выборные от крестьянства из всех волостей уезда и, говоря языком того времени, “учинили собор”, на котором написали челобитную о даровании устюжским крестьянам отдельного от посадских людей самоуправления, на что правительство согласилось.

Это собрание выборных от крестьянства, организованное по началу представительства, приводит нас к новому ряду явлений московской жизни, однородных с выше разобранными. Мы разумеем здесь представительные собрания Московской Руси. В данном случае мы видим одно из *местных* представительных собраний или “соборов”, о которых наука знает еще очень мало, хотя существование таких соборов и не может подлежать сомнению. Гораздо важнее и несравненно известнее – соборы всей земли, имевшие место в Москве и называемые в науке *земскими соборами*. Земщина, принимавшая участие в управлении в качестве простой помощницы администрации, земщина, имевшая до некоторой степени права самоуправления и широко осуществлявшая право подачи челобитий, эта далеко не бесправная земщина чрез своих представителей призывалась правительством и на общий совет по более важным государственным делам. Таким образом, земщина могла принимать участие и в центральном управлении своими советами и челобитьями, которые подавались на соборах представителями земли и в которых выражалась народная инициатива в размерах более широких, чем в простых челобитьях, носивших по большей части характер все-таки местный и частный.

Таков объем того участия, которым пользовалась земщина в государственных делах. Один из видов этого участия – земские соборы – избрали мы для специальной обработки, как одно из любопытнейших явлений московской жизни, и теперь переходим к непосредственному рассмотрению нашей темы.

Под именем земских соборов наука разумеет собрания выборных ото всех областей и сословий Московского государства; они созывались правительством непериодически для обсуждения – вместе с освященным собором и боярскою Думою – важнейших вопросов внешней и внутренней политики, а в безгосударное время – для выбора нового государя и для управления страной. Подобные представительные собрания не составляют особенности только нашей истории: они являлись в известный период жизни и у других европейских народов, представляя много аналогических черт с нашими земскими соборами. Причины возникновения таких собраний на Западе и у нас различны. На Западе они возникли результатом борьбы общественных элементов. В Англии правительство прибегло к созванию представителей графств и городов для того, чтобы опереться на народ в борьбе с аристократией, но представители народа обратились заодно с аристократией против королей. Во Франции Филипп Красивый созванием народных представителей думал укрепить свой союз с народом в видах предстоявшей борьбы с духовенством. Относительно возникновения наших соборов существует мнение (В.И. Сергеевича), что царь Иван Васильевич созвал земских выборных для того, чтобы найти опору в земщине для борьбы с боярством. Но это мнение не выдерживает критики. Борьбу московских государей против боярства нельзя уподобить борьбе английских королей с аристократией, как то делает В.И. Сергеевич. Наше боярство было слишком слабо, а верховная власть очень могущественна, и между ними не могло произойти борьбы подобной той, какую мы видим в Англии. Английская аристократия была земельной аристократией и располагала обширными средствами; боярство же наше было аристократией служилой, не имевшей помимо службы никаких средств и очень мало связи с землею. Так называемая борьба его с верховной властью была в сущности пассивной оппозицией, попытками отъезда и ропота с одной стороны, и казнями и опалами – с другой. К тому же в то время, когда был созван первый земский собор, Иван Васильевич не вступил еще в период своей болезненной подозрительности по отношению к княжатам и боярству, не начинал еще своей “борьбы” и казней. Первый собор был созван по случаю боярских насилий и самовластия во время детства царя. На соборе бояре обвинялись не в качестве сословия, а в качестве административных деятелей, чиновничества *sui generis*; самый же собор явился средством единения между верховной властью и народом для достижения государственной пользы. Московское государство слагалось путем присоединения к Москве различ-

ных областей, прежде самостоятельных и живших своею особою жизнью. Но совокупность этих областей, строго говоря, еще не составляла государства: области продолжали управляться в значительной мере понятиями частного права и были до некоторой степени простою вотчиною московских князей. Между тем приращение территории и увеличение населения с его разнообразными областными интересами усложняли жизнь этой “вотчины”, усложняли управление и вырабатывали государственные понятия – вотчина становилась государством. Жизнь представляла новые задачи правительству и требовала новых принципов управления; прежняя примитивная (наместничья) система управления не удовлетворяла правительству, возбуждала неудовольствие народа и становилась анахронизмом. Но что могло сделать слабое средствами управления московское правительство для того, чтоб идти в уровень с требованиями жизни и из вотчинной власти обратиться в государственную? Конечно, оно должно было обратиться за советом к земщине, войти с нею в общение, узнать таким образом положение дел в стране и народные нужды, сообразоваться с этими нуждами в дальнейшей своей деятельности и тем самым стать земскою властью. Средством же сближения с народом (средством, единственным в то время) являлись соборы. К ним и прибегает правительство для своих и для земских выгод, для достижения общего благоустройства, для укрепления государственного порядка, возмущенного не борьбою сословий, а злоупотреблениями правительственных органов. Поэтому-то наши земские соборы при полном отсутствии сословной борьбы носят характер патриархального союза между правительством и народом. В стремлении правительства к единению с земщиной и заключается, по нашему мнению, причина возникновения у нас земских соборов. Как на Западе представительные учреждения возникли из борьбы сословий и борьбою поддерживались, так у нас они явились результатом мирного общения земщины и государственной власти.

Во всех средневековых европейских государствах представительным собраниям предшествовали первичные (как их некоторые называют) племенные или общинные собрания; они не были представительными и исчезали обыкновенно прежде появления собраний представительных. Так было и у нас. Соборам предшествовали веча, на которых поголовно, а не в качестве представителей присутствовали жители известного города или области. Во второй половине XIV века веча исчезают везде, кроме Новгорода и Пскова, под влиянием татарского ига и усиления княжеской власти. Соборы же являются только в половине XVI в., т.е. через *двести* лет после уничтожения веча. Таким образом, непосредственного преемства между вечами и соборами не было. Несмот-

ря на это, некоторые писатели полагают, что древние веча только “преобразились” в земские соборы, что веча и соборы имеют различие только в том, что в последних силен был нравственный элемент, а первые примешивали употребление грубой внешней силы. По нашему разумению, различие веча и земских соборов идет гораздо далее. Вече было собранием поголовным: на нем каждый присутствовал за себя; земские же соборы были представительными собраниями. На земских соборах присутствовала “вся земля”; веча же существовали не только в каждом княжестве, но и в каждом городе (пригороде), что делает их до некоторой степени явлением местным, тогда как соборы – явление общегосударственное. Соборы были собраниями сословными, организовались по-сословно; на вечах никакого сословного деления не видно. На вечах участвовали с одинаковым правом все разряды лиц вечевого периода, а на соборах крестьянство было редким гостем. Наконец, кроме отличий внешних есть и глубокое внутреннее различие между вечами и соборами: веча были учреждением резко ограничительным по отношению к князьям; они собирались самостоятельно, так сказать, по своей воле, тогда как соборы, хотя и выходили за пределы совещательных учреждений, но царской власти не ограничивали и созывались волею государей. Веча были гарантией против княжеского произвола; соборы же никаких гарантий земщине не давали, а имели смысл доброго обычая, в котором выражалось единение власти с народом. Ввиду указанных различий мы далеки от^б всякого сближения веча и земских соборов, как со стороны внешней, так и со стороны тех идей, которые выражались в этих двух учреждениях; далеки тем более, что сама вечевая эпоха представляет нам образчик земского собора в его зародыше. В 1211 году, когда сын великого князя Всеволода Константин отказался принять от отца город Владимир, желая получить “Владимир к Ростову”, великий князь “созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрию Володимерь по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси людии на Юрии” (ПСРЛ. Т. 7. С. 117; Русская летопись с Воскресенского списка... СПб., 1794. Ч. 2. С. 151–152). Здесь мы видим зачатки московских порядков, и недаром В.И. Сергеевич (“Вече и князь”) обошел этот эпизод молчанием, собирая летописные указания на веча: здесь заметно незнакомое вечевым обычаям стремление собрать все разряды лиц изо всех подчиненных князю волостей – факт знаменательный...

Сделав предварительные замечания касательно земских соборов, переходим к обзору источников для их истории и к самой их истории.

Источники вопроса: акты, разрядные книги, источники летописного характера, сказания современников. – Песни.

Литература вопроса: К.С. Аксаков и С.М. Соловьев. – Б.Н. Чичерин. – И.Д. Беляев. – В.И. Сергеевич. – Н.П. Загоскин. – И.И. Дитятин. – Н.И. Костомаров

На первый взгляд может показаться, что вопрос о земских соборах располагает достаточным количеством данных для разработки. Действительно, очень много указаний на деятельность соборов мы можем найти в сборниках официальных актов, в летописях, в частных сказаниях как русских людей, так и иностранцев XVI и XVII вв. Безотносительно взятое, число сведений о соборах велико, но не следует забывать, что велик и объем самого вопроса о соборах. Земские соборы непрерывной почти цепью тянутся на пространстве более чем столетия; исследователь, с точностью желающий восстановить их историю, не сможет этого сделать, потому что источники – и при большом их количестве – слишком отрывочны и недостаточны. О некоторых соборах сохранились только намеки в летописях и сказаниях, и самое их существование может еще подвергаться сомнению; от других соборов остались краткие записи в разрядных книгах или же грамоты правительства в города с изложением соборного постановления. Лишь немногие соборы имеют акты, содержащие в себе изложение соборных деяний, да и то в этих актах иногда более риторики, чем фактических сведений. Таким образом, материал, которым может располагать историк, слишком недостаточен. Для юриста, исследующего строй и значение соборов как государственного учреждения, источники дают тоже немного сведений, на что совершенно справедливо жалуется В.И. Сергеевич (*Сергеевич В.И. Земские соборы Московского государства // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. 2. С. 109*). Вся внешняя сторона соборных заседаний и некоторые другие вопросы соборной практики почти совсем в науке не разработаны. Нужно надеяться, что материал для изучения соборов станет полнее в будущем, когда те миллионы документов, которые ныне лежат в

наших архивах не вполне разобранными, станут наконец доступными для изучения.

Официальные документы

Обращаясь к обзору тех источников, какими мы пользовались в своем труде, прежде всего остановимся на официальных документах. Они занимают главное место при изучении истории и организации земских соборов¹.

Среди такого рода источников следует раньше всего сказать о *соборных актах*, которых до наших дней сохранилось *шесть* от соборов: 1566 г. (СГГД. Ч. 1. № 192), 1598 г. (ААЭ. Т. 2. № 7), 1611 г. (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 793 и 794), 1613 г. (СГГД. Ч. 1. № 203), 1642 г. (СГГД. Ч. 3. № 113) и 1653 г. (СГГД. Ч. 3. № 157 и ПСЗ. Т. 1. № 104). Кроме двух последних, все они скреплены подписями членов собора. Эти акты, с большей или меньшей подробностью, передают мнения или решение участников собора. Акты избирательных соборов 1598 и 1613 гг. отличаются крайней витиеватостью изложения и заключают в себе немного фактов, которые были бы для нас ценны. Соборные акты необходимо отличать от другого рода известий о соборах, которые в науке часто называются *протоколами* соборных заседаний². Протоколы есть не что иное, как записи в разрядных книгах о происходивших соборных заседаниях. Эти записи составлялись не на соборах, а в приказах. Они отличаются краткостью и сообщают только сущность государевой речи и ответов на нее соборных людей. Такого рода протоколов дошло до нас около *десяти*: почти все они помещены или в тексте разрядных книг (в Дворцовых разрядах и в Книгах разрядных), или отдельно (в СГГД и в ААЭ). Протокол соборного заседания 1549–1550 г. из одного списка “Степенной книги” напечатан Н.М. Карамзиным (*Карамзин*. ИГР. Т. 8. Примеч. 182 и 184) и в СГГД (Ч. 2. № 37). Протокол же избирательного собора 1613 г., совершенно отличный от торжественного акта этого собора, напечатан в СГГД из “Государственной книги”, а также в тексте разрядов – в иной редакции (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 9).

Показания соборных актов и протоколов в значительной степени дополняются правительственными грамотами, являющи-

---

¹ Они помещены в следующих изданиях: СГГД. Ч. 1–4; ААЭ. Т. 2–4; Книги разрядные. СПб., 1853–1856. Т. 1–2; Дворцовые разряды. СПб., 1850–1855. Т. 1–4; АИ. Т. 4; ДАИ. Т. 3; ПСЗ. Т. 1, 2. Кроме того любопытные документы см.: АЮ; *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850; *Карамзин*. ИГР. Т. 8, 12; *Соловьев*. История; АИЮС. Кн. 1; Сборник Археологического института / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1879. Кн. 2.

² Впрочем, название “протокол” нередко прилагается и к соборным актам.

мися результатом соборных решений. Когда государь на соборе постановлял с соборными людьми какой-нибудь приговор, то немедленно после собора во все города отправлялись грамоты, в которых приговор излагался во всей его подробности, и посылались предписание о точном его исполнении. Такие *исполнительные грамоты* в начале царствования Михаила Федоровича писались иногда от лица самого земского собора (ААЭ. Т. 3. № 26, 29). Одновременно с отправлением грамот в города составлялись и *наказные грамоты*, которыми должны были руководиться назначенные для исполнения соборного приговора лица. В этих наказах излагался обыкновенно и самый приговор, а часто и причины созвания собора, так что наказные грамоты могут служить иногда дополнением соборного протокола. О некоторых соборах, за неимением их протоколов, мы почерпаем сведения даже исключительно из наказов и исполнительных грамот (например, о соборах 1622 и 1632 гг.). Отсюда понятно то значение, какое имеют наряду других источников такого рода грамоты. Они встречаются в тексте Книг разрядных и в сборниках, особенно в ААЭ.

Немалое значение имеют и те грамоты, посредством которых правительство вызывало городских представителей на соборы. Помощью этих *призывных грамот* уясняется, до некоторой степени, порядок выбора представителей. К сожалению, таких грамот известно очень немного: две грамоты 1612 г. (СГГД. Ч. 2. № 281 и ААЭ. Т. 2. № 203), одна грамота 1616 г. (ААЭ. Т. 3. № 77), две грамоты 1619 г., которые вместе с тем могут быть названы исполнительными (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 615; СГГД. Ч. 3. № 47; ААЭ. Т. 3. № 105) и, наконец, призывная грамота 1648 г. (ААЭ. Т. 4. № 27).

Таковы виды прямых источников нашей темы. Соборные акты и протоколы, грамоты исполнительные, наказные и призывные – вот прямые памятники соборной деятельности. Но одними ими не может ограничиться исследователь: есть много любопытных актов, имеющих косвенное отношение к истории соборов, но тем не менее очень важных для изучающего соборы. Перечислить их трудно; да к тому же они будут нами указаны в своем месте. Теперь же мы упомянем об одном только их виде – о *челобитьях*, которые подавались или на имя земского собора (АЮ. № 35, 36), или от имени соборных людей (ААЭ. Т. 4; АИ. Т. 4.). Эти челобитья приобретают первостепенную важность, например, при изучении деятельности собора 1648–1649 года, созванного для составления Уложения.

Официальные документы, в сравнении с летописями и прочими памятниками, составляют важнейший и достовернейший

материал для истории соборов. Но и этим достовернейшим материалом следует пользоваться с осторожностью. Краткость и отсутствие точности в изложении допускают нередко возможность различного понимания какого-нибудь акта (например, СГД. Ч. 3. № 113 – начало); некоторые акты, как, например, утвержденные грамоты 1598 и 1613 гг., строго говоря, не могут совсем служить источниками, ибо представляют собой риторическое, далекое от истины изображение событий. К тому же грамота 1613 г. наполовину списана с грамоты 1598 г. в той ее части, где повествуется о посольстве в Кострому и о приеме его Михаилом Федоровичем (см. ниже, стр. 95 примечание (32)). Но эти внутренние недостатки официальных источников не так затрудняют исследователя, как количественная их неполнота. О соборах 1549–1550, 1584, 1605, 1612 и 1645 гг. мы совершенно не имеем официальных сведений. Ход заседаний избирательных соборов 1598 и особенно 1613 гг. совершенно почти неизвестен. От собора 1648–1649 гг. не осталось никаких прямых известий, если не считать Предисловия к Уложению, показания которого опровергаются – как увидим ниже – новейшими изысканиями историков-юристов...

В заключение нашей речи об официальном материале скажем несколько слов о разрядных книгах, на которые никто из занимавшихся земскими соборами не обращал доселе внимания. При изучении соборов времени Михаила Федоровича эти книги играют видную роль. Те соборные протоколы, исполнительные грамоты и указы, которые помещены в сборниках актов, взяты из разрядных книг более чем наполовину. Но кроме этих уже известных актов в разрядных книгах заключаются и некоторые другие документы и сведения не известные ученым, специально занимавшимся земскими соборами. Так, например, только здесь напечатаны: протокол сентябрьского собора 1614 г. (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1–4), протокол собора 1619 г. (Там же. Стб. 613) и протокол собора 1653 г. (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 360), совершенно отличный от известного в науке акта этого собора. Кроме протоколов находим здесь краткую запись о соборе 1632 г., в которой находится точное указание на время собора, дотоле неизвестное (Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 299). Наконец, в Книгах разрядных (Т. 1. Стб. 824) помещена царская грамота в города, из которой узнаем, что в начале 1622 г. в Москве был земский собор о польских делах. Этот собор 1622 г. в специальных трудах оставался до сих пор совершенно незамеченным. Отсюда видно, какое значение для истории соборов имеют разрядные книги. Но приведенными сейчас указаниями не исчерпывается весь материал, даваемый ими: ниже мы будем на них ссылаться еще

много раз, теперь же о них заговорили только с целью указать на их надлежащее место в кругу других источников официального характера.

Летописи

При недостатках собственно документов большим пособием для изучения земских соборов служат известия летописей и отдельных сказаний летописного типа. Особенно часто приходится к ним обращаться при изображении деятельности земских соборов XVI века и Смутной эпохи. При царях Романовых летописи уступают свое место разрядным книгам, которые принимают строго официальный характер, еще не так заметный в московских летописях. В летописях XVI и начала XVII века личность их составителя все еще ощущается; в отношении летописи к различным общественным явлениям и историческим лицам еще нет той объективности и, так сказать, безличности, которая в высшей степени присуща разрядам. Поэтому летописным материалом мы должны пользоваться осторожно, с оглядкой, чтобы мнение партии или одного лица не принять за мнение общее или факт. С другой стороны, летописи требуют осторожного к ним отношения еще и потому, что их показания в большинстве случаев страдают неопределенностью и излишнею краткостью. Соборы 1584 г. и 1605 г., известные нам только по летописям и показаниям иностранцев, являются для нас далеко не понятными и не ясными, ибо летописи говорят о них очень мало и неопределенно. Деятельность избирательного собора 1613 г. остается еще не совсем разрешенной загадкой, хотя летописи и много о нем повествуют, сравнительно с другими соборами... Что же касается до отдельных сказаний частного происхождения, то почти все они очень субъективны и требуют крайней осмотрительности.

Между летописными источниками, как по количеству, так и по качеству сообщаемых сведений для истории соборов, первое место занимает так называемый "*Новый летописец*". Мы руководились тремя его редакциями: одна составляет VIII-ой том "*Русской летописи по Никонову списку*" (изд. 1767–1792 г.); другая издана отдельно под названием "*Летопись о многих мятежах и о разорении Москов(ского) государства*" (2-ое изд. 1778 г.); третья редакция, которую кн. М.А. Оболенский считает "*первоначальной*", напечатана им в XVII томе "*Временника имп. Московского Общества истории и древностей российских*". Эта последняя редакция издана лучше прочих; что же касается до других, то их издание оставляет желать очень многого: иногда фразы лишены простого смысла. Из Нового летописца мы почерпаем сведения,

начиная 1584 годом и кончая вступлением на престол Михаила Федоровича. Для этого времени Летописец дает больший материал, чем какой-либо другой источник, и при этом нужно заметить, что составитель Летописца относился к событиям сравнительно очень объективно и внимательно; поэтому произведение его приобретает еще более важное значение.

Другой летописный источник, откуда мы почерпаем сведения о соборе 1566 г. – так называемая *Александро-Невская летопись* (РИБ. Т. 3). Она представляет собою интересный образец соединения летописи и разрядных книг: она имеет признаки как летописей, так и позднейших разрядов, но, как переходный тип, не может быть причислена ни к тем, ни к другим. Ее рассказ о соборе 1566 г. походит на разрядные записи о соборах времени Михаила Федоровича, отличается точностью и во многих частностях дополняет соборный акт 1566 года.

Совсем иным характером отличаются частные сказания, которые чаще всего своим предметом имеют Смутное время. Из таких сказаний прежде всего упомянем об *“Ином сказании о Самозванцах”*. Оно издано И.Д. Беляевым (Временник ОИДР. М., 1853. Т. 16) в двух редакциях. Первая редакция – первоначальная, как совершенно справедливо замечает издатель, – более любопытна, чем вторая. Написана она человеком, вполне преданным В.И. Шуйскому; отсюда вытекает ненависть составителя к Годунову, стремление представить Бориса хитрым и безнравственным похитителем престола. С другой стороны, сказание с чрезвычайною любовью и уважением повествует о личности и делах В.И. Шуйского. Сказание написано с очевидной страстностью, партийность и пристрастие бьют в нем ключом; между тем многие ученые (Н.М. Карамзин³, С.М. Соловьев) основывают свои взгляды на Бориса между прочим и на этом сказании! Как одностороннее произведение, эта редакция Сказания весьма мало может служить источником, хотя иметь ее под руками, конечно, необходимо. Другая редакция представляет для нас еще меньше существенного. Это не что иное как простая компиляция, которая вначале руководствуется первоначальным Сказанием, а затем другими сказаниями; между прочим целиком выписываются главы из Сказания Авраамия Палицына, как, например, глава об избрании на царство Михаила Федоровича (Временник ОИДР. Т. 16. С. 132). Этого, кажется, не заметил издатель *“Иного сказания”*.

---

³ Н.М. Карамзину было известно это сказание. Ср.: *Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 397; *Временник ОИДР*. Т. 16. С. 8.

Гораздо большее значение для нашей темы имеет “Сказание об осаде Троицкого-Сергиева монастыря” Авраамия Палицына (2-е изд. М., 1822 г.). Под этим названием Авраамий Палицын написал рассказ о Смутном времени, рассказ очень живой, но подчас риторический, не совсем точный. Для нас значительный интерес представляют его свидетельства об избирательном соборе 1613 г., а также об избрании и низложении В.И. Шуйского.

О том же повествует и так называемая “Рукопись Филарета” (мы пользовались 1-м изд. 1837 г.). Написанная немного проще, она может иногда служить дополнением к показаниям других летописных источников по нашему вопросу.

Любопытные указания о соборе 1613 г. и о других фактах Смутной эпохи дает одно сказание неизвестного автора, помещенное в V томе Полного собрания летописей в Прибавление к Псковским летописям. Это сказание известно было Н.М. Карамзину под названием “Псковской летописи” (Ср.: *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 564 и ПСРЛ. Т. 5. С. 57). Написанное человеком, очевидно, незнатного происхождения, сказание это одинаково враждебно относится и к Годунову, и к Шуйскому, и к московскому боярству. Оно отличается краткостью и простотою изложения, оригинальностью взглядов и не может быть опущено при изучении того времени, о котором говорит.

Кроме названных сказаний, мы пользовались еще теми отрывками хронографов, которые приведены в^в “Изборнике” А.Н. Попова^в и в трудах Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Примечания к Истории Карамзина особенно богаты такими отрывками. В “Смутном времени” Н.И. Костомарова также есть несколько указаний, очень любопытных (о соборе 1613 г.) но, к сожалению, почтенный ученый не называет их источника.

Сказания современников

Теперь нам надлежит перейти к последнему отделу источников нашей темы – к сказаниям иностранцев, но прежде необходимо упомянуть о двух произведениях русских людей, не^г имеющих для нашего вопроса большого значения, но вообще очень любопытных. Это сочинения кн. А.М. Курбского и Г.К. Котошихина. “Историей” Курбского мы пользовались очень мало и распространяться о ней, строго говоря, здесь не место. У Котошихина же мы находим одно важное указание – на собор 1645 г., от которого не осталось никаких документов.

Несмотря на то, что свидетельства иностранцев о земских соборах или кратки, или неопределенны, ими пользоваться необходимо: о некоторых соборах (1584, 1605 и 1645 гг.) мы знаем толь-

ко по словам иностранцев и показаниям летописей, а о соборе 1698 г. имеем одно свидетельство иностранца. Много ли придется заимствовать из сказаний иностранцев, будет видно ниже, здесь же мы только перечислим их и укажем относительную важность их показаний для нашей темы. Прежде всего остановимся на *Флетчере*. В VIII главе своего сочинения о России (*Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. London, 1591*) он описывает заседания “собора” или русского “парламента”. Но из этого описания видно, что умный и образованный англичанин называет парламентом не земский собор, а соединенные заседания освященного собора и боярской Думы. По Флетчеру, парламент состоит только из духовенства и боярства, не имеет законодательной инициативы и является пустой формальностью, ни в чем не ограничивая верховную власть. Он представляется учреждением, постоянно действующим и имеющим определенный день заседаний. С.М. Соловьев пользуется описанием Флетчера для характеристики не земских соборов, а “чрезвычайных собраний Думы” (*Соловьев. История. Т. 7. Гл. 4*). Ясно, что земские соборы были Флетчеру неизвестны, и он принял за “парламент” наше высшее совещательное учреждение, организованное не по началу представительства.

Из иностранцев, писавших о действительных земских соборах, упомянем о *Конраде Буссове*, добросовестном писателе, жившем в России в Смутную эпоху. В его труде (*Bussov C. Chronicon Moscoviticum a. 1584–1612 // Rerum rossicarum scriptores exteri. Petropol, 1851*) можно найти известия об избрании Б. Годунова и о последующих событиях Смутного времени, имеющих отношение к вопросу о соборах. Та же эпоха рисуется у *Жака Маржерета* (*Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le capitaine Margeret. Paris, 1606*), в добросовестности мало чем уступающего Буссову. У Маржерета для нас важны сведения о соборах^д 1598 и 1605 гг. и рассказ об избрании В.И. Шуйского. Менее имеют значения записки *Иеронима Горсея*, иногда носящие анекдотический характер, и *Петра Петрея*, из них мы почерпаем сведения о соборе 1584 г. Сочинения *Де-Ту*, не бывшего в России, *Геркмана* и, в особенности, *Жолкевского*, хотя и не представляют прямых сведений о соборах, тем не менее должны быть приняты во внимание. Из иностранцев позднейшего времени для нас важны два: *Адам Олеарий*, свидетельствующий о соборе 1645 г., и *Иоани Георг Корб*, служащий единственным источником наших знаний о соборе 1698 г. Свидетельство Корба, несмотря на его краткость и неполноту, тем не менее заслуживает

доверие. С.М. Соловьев совершенно справедливо замечает, что заезжий иностранец, каковым был Корб, не мог сам выдумать так удачно состава того собора, о котором говорит (*Соловьев. История. Т. 14. Примеч. 214*).

Вот тот круг источников, в котором должен вращаться историк земских соборов. Нет сомнения, что будущее во многом увеличит материал, нам ныне доступный: нет сомнения, что будущие исследователи соборов и в обнародованном материале сумеют найти новые, доселе ускользавшие черты; нет также сомнения, что эти новые черты в обилии заключаются в нашем неизданном и не разобранным богатстве архивов... Во всяком случае не мы скажем последнее слово о земских соборах.

Песни

Не распространяясь о важности для историка народных исторических песен, заключим наш обзор источников краткою заметкою о тех песнях, которые носят название “Земский собор”, хотя и повествуют скорее о Думе боярской. Если это совершенно неправильное название присвоено песням их собирателями А.Ф. Гильфердингом и П.Н. Рыбниковым, то о песнях и говорить не стоит⁴. Но если это название – народное и если судить о жизненном значении соборов по обилию и свежести народных о них воспоминаний, то придется, пожалуй, свести это значение к нулю: песни свидетельствуют, что народ совсем забыл о соборах. Именем земского собора он зовет боярскую Думу, которой царь Алексей Михайлович Московский предлагает на решение вопрос, отдать ли шведскому королю город “Смоленец” в обмен на “Хинскую землю”. Два князя советуют ему отдать, говоря, что Смоленец – город не русский и к тому же беден и незащищен. Но князь Милославский опровергает их доводы и советует Смоленец держать за собой. Государю нравится это мнение, и он, награждая Милославского, велит казнить других советчиков. Совещание это происходит на площади (Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. № 154 и 161). Как видно, память в данном случае изменила народу...

Литература

Переходим к рассмотрению литературы земских соборов. Сравнительно с другими вопросами истории нашего права, земским соборам посчастливилось: им посвящено большое количе-

---

⁴Трудно, однако, думать, чтобы просвещенные собиратели наших былин допустили такую грубую ошибку.

ство статей. В последнее двадцатипятилетие, начиная с 1856 года, ученые – как историки, так и юристы – очень часто останавливали свое внимание на этом любопытнейшем явлении в истории Московского государства и рассматривали его и с фактической стороны и со стороны исторического и правового значения. Число всех трудов, имеющих предметом земские наши соборы, превышает пятнадцать, но мы будем останавливаться в нашем обзоре не на всех этих трудах, а лишь на тех, которые обращают на себя внимание своим научным достоинством и оригинальностью взглядов.

В IV томе Русской беседы 1856 г. появилась статья *К.С. Аксакова*, озаглавленная “По поводу VI тома Истории России г. Соловьева”. В этой статье было обращено между прочим внимание на значение земских соборов – впервые в русской науке соборы оценивались с точки зрения так называемой славянофильской, с точки зрения своеобразных исторических взглядов, выработанных *К.С. Аксаковым*. За соборами *К.С. Аксаков* признавал громадное историческое значение⁵. Соборы были, как он говорил, “*существеннейшим* явлением русской народной жизни, выражением нашего коренного народного начала”. Начало же это заключалось, по мнению *К.С. Аксакова*, в свободном союзе Земли и Государства: “Как скоро, – говорит *К.С.*, – государство стало единым над единою Русскою землею; как скоро оно почувствовало свою целость; как скоро великий князь Московский стал царем: тогда государство, единое, обращается к единой Русской земле и зовет ее всю на совет. Первый царь созывает первый Земский собор. На этом соборе встречаются Земля и Государство, и между ними утверждается свободный союз. Отношения царя и народа определяются: правительству – сила власти, земле – сила мнения. На Земском соборе торжественно признаются эти две силы, согласно движущие Россию: власть государственная и мысль народная” (*Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 150). Всем известна эта философия истории, построенная на начале разделения неразделимых понятий “Земли” и “Государства”. Полемизировать против этого начала мы не имеем ни места, ни времени; но мы должны признать, что искусственное разделение единого понятия о государстве и отождествление “государства” с “правительственной властью” не помешало однако *К.С. Аксакову* очень близко подойти к истине в понимании соборов как выражения союза между верховной властью и народом. Признавая за собора-

---

⁵Этим объясняется обилие его заметок о соборах (См.: *Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1: Сочинения исторические).

ми “одну чисто нравственную силу мнения”, К.С. Аксаков тем не менее связывает соборы с древними вечами, допускавшими нередко “употребление грубой внешней силы”. И веча и соборы для К.С. Аксакова есть различное выражение одной свободной земской мысли, которая свободно высказывалась до Петра I; Петр же перестал прибегать к помощи “мысли народной”. Объясняя значение соборов их историей, К.С. Аксаков обнаруживает большое знакомство с фактическими данными, и мы чрезвычайно должны сожалеть, что ему не удалось написать полного очерка истории земских соборов, за что он несколько раз принимался: этот очерк был бы прекрасным вкладом в нашу науку.

Против названной нами статьи К.С. Аксакова С.М. Соловьев написал в ответ известную статью свою “Шлецер и антиисторическое направление” (Русский вестник. 1857. Т. 8. Апрель, кн. 2. С. 431–480). Разумея под антиисторическим направлением направление К.С. Аксакова, С.М. Соловьев полемизирует против него с большою резкостью приемов. Говоря о земских соборах, наш великий ученый отвергает всякую их связь с древними вечами и не признает за ними столь большого исторического значения, как К.С. Аксаков. По мнению С.М. Соловьева, соборы имели значение только в критическую эпоху жизни Московского государства – в Смутное время и в царствование Михаила Федоровича. Когда же государственный кризис миновал и уничтожились причины, вызывавшие необходимость соборов, соборы вымирают и вымирают еще до времени Петра I, при отце его Алексее Михайловиче: при нем уже они стали пустой формой, исполнявшейся только из уважения к традиции (собор 1653 г.). Насколько можно согласиться с таким взглядом, мы увидим ниже. Нужно заметить, что как С.М. Соловьев, так и К.С. Аксаков за время Алексея Михайловича считают только три собора, тогда как на самом деле их было пять с 1645 по 1653 г., т.е. в продолжение восьми лет. Это отчасти может свидетельствовать, были ли соборы простой “формой” при Алексее Михайловиче.

На статью С.М. Соловьева К.С. Аксаков отвечал два раза в 1857 г. (Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 173 и 214), между прочим, и по вопросу о земских соборах, но этой дальнейшей полемики мы касаться не будем.

В промежуток между 1857 и 1862 гг. появилось несколько статей, посвященных фактическому обзору земских соборов. Такова, например, статья П.В. Павлова (О некоторых земских соборах XVI и XVII столетий // Отечественные записки. 1859 г. Т. 122. Январь. С. 163–175; Т. 123. Март. С. 149–172). Статья эта не кончена; она широко задумана и обещала быть очень подробной. Таковы же и

две статьи *А.П. Шапова*: одна о соборе 1642 г. (Земские соборы в XVII столетии: Собор 1642 года // Век. 1862. № 11. С. 100–103), другая о соборе 1648–1649 г. (Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов // Отечественные записки. 1862. Т. 145. Ноябрь. С. 1–43). О соборах вообще говорил и *С.М. Шпилевский* в своей речи “Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I” (Ученые записки Казанского университета. По отделению историко-филологических и политико-юридических наук. 1862. Вып. 2. С. 257–332). Все эти труды в настоящее время не имеют особенного значения, потому что по нашему вопросу наука значительно ушла вперед.

Но не потеряла своего значения и до сих пор – по оригинальности взгляда на соборы – статья *Б.Н. Чичерина* (в его труде “О народном представительстве”. СПб., 1866). Б.Н. Чичерин считает наши соборы “чисто совещательными” собраниями, которые прекратились “просто вследствие внутреннего ничтожества”, так как “не могли дать правительству ни помощи, ни совета”. На соборах, по мнению Б.Н. Чичерина, сказывалось “отсутствие всякой политической мысли” в древнем русском обществе, “эгоистические стремления сословий” и ничего больше. Такой пессимистический взгляд, построенный на не вполне глубоком изучении фактической стороны дела, не нашел себе в науке подражателей.

Менее чем через год после появления труда Б.Н. Чичерина покойный профессор Московского университета *И.Д. Беляев* посвятил земским соборам свою речь на университетском акте. В этой речи с редким талантом, хотя и не без фактических погрешностей, И.Д. Беляев объяснял значение земских соборов и нарисовал блестящую картину их жизни. Главной целью И.Д. Беляева было показать, что земские соборы нельзя считать одною “прихотью государей”, потому что, собираемые волею царя, они вместе с тем являлись и продуктом исторической жизни, необходимым и естественным следствием издавна действовавших исторических причин (*Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси: (Речь, читанная 12-го января 1867 года на торжественном акте) // Московские университетские известия. 1866/67. Неофициальный отдел. № 4. С. 241–306).

Через несколько лет после замечательной речи И.Д. Беляева на земские соборы обратил внимание *В.И. Сергеевич*, ученик Б.Н. Чичерина. Статья В.И. Сергеевича (Земские соборы Московского государства // Сборник государственных знаний. 1875. Т. 2. С. 1–59) заслуживает полного внимания: в ней к изучению наших соборов впервые прилагается так называемый сравнительный метод, важность которого вполне признана в науке и не нуждается в объяснениях. Как юрист, В.И. Сергеевич занялся соборами исключительно с

точки зрения права, сравнивая их с западноевропейскими средневековыми представительными собраниями и не касаясь подробно соборной истории. Добросовестное изучение источников, всегда присущее нашему ученому, полная объективность и научность отношения к предмету ставят труд В.И. Сергеевича очень высоко. На наш взгляд, ему можно сделать лишь один упрек: сравнительный метод прилагается у В.И. несколько односторонне^ж, как будто с целью выяснить *только* сходство наших соборов с древними западноевропейскими собраниями. Это особенно заметно при объяснении причин возникновения наших соборов, якобы общих с причинами, вызвавшими представительные собрания на Западе. По нашему разумению, сравнительный метод в данном случае должен был бы привести к уяснению *различия* между условиями возникновения наших соборов и западных собраний. На односторонность применения сравнительного метода у В.И. Сергеевича обращает внимание и М.Ф. Владимирский-Буданов в своей рецензии на труд В.И. (*Вл[адимирский]-Буданов М.Ф.* [Рецензия на статью В.И. Сергеевича “Земские соборы в Московском государстве”] // Университетские известия. Год пятнадцатый. 1875. № 10. Октябрь. С. 259–276). Результаты труда В.И. Сергеевича немаловажны. Все, что могли дать источники по вопросу об организации соборных выборов и заседаний и о соборных порядках вообще, все это с подробностью извлечено и разработано. Останавливаясь на юридическом значении земских соборов, В.И. Сергеевич хотя и находит, что это значение “неопределенно”, но признает как несомненную истину, что “значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения: оно идет далее, хотя никакой указ формально и не признавал за ними того положения, которым в действительности они пользовались” (*Сергеевич В.И.* Земские соборы Московского государства. С. 38). В устах строгого юриста такой отзыв приобретает большую цену.

Мы выше упомянули о рецензии *М.Ф. Владимирского-Буданова*. Эта рецензия, написанная – смеем думать – несколько поспешно, заслуживает внимания по оригинальным взглядам автора на состав наших соборов и на³ способы выбора представителей на них. С этими взглядами мы познакомимся ниже (стр. 168–169); теперь же не станем о них распространяться.

После В.И. Сергеевича вопросом о земских соборах занялся молодой ученый, профессор Казанского университета *Н.П. Загоскин*. В I томе своей “Истории права Московского государства” он посвятил соборам пространную главу, большая часть которой занята историческим обзором соборов. Этот обзор представляет самую полную историю земских соборов, какую мы имеем, он

составлен добросовестно, хотя и можно заметить несколько погрешностей: так, например, Н.П. Загоскин считает собор 1651 г. фикцией, созданной в науке, тогда как о нем имеются точные свидетельства. Остальная часть статьи посвящена вопросу об организации соборов; в этом вопросе по некоторым частностям Н.П. Загоскин идет далее В.И. Сергеевича, что однако нисколько не уменьшает заслуг этого последнего.

I-й том “Истории права Московского государства” Н.П. Загоскина вышел в 1877 г., а в 1879 г. на акте Казанского университета этот ученый произнес речь “Об Уложении царя Алексея Михайловича и земском соборе 1648–1649 гг.” (вышла отдельно в 1879 г.). В этой речи подробно разработан вопрос о степени участия земщины в составлении Уложения, и разработан очень добросовестно, хотя, к сожалению, автор не обратил внимания на вышедший немного раньше его труда в том же 1879 году II-ой том “Сборника Археологического института”, где помещены любопытные документы для истории Уложения. Поэтому многие частности в труде Н.П. Загоскина оказались устарелыми уже в самый момент выхода в свет этого труда.

В 1880 г. (в “Русской мысли” за май) появилась замечательная статья *И.И. Дитятина* “Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства”. Нося характер чисто журнальный и отдавая дань злобе дня, статья эта имеет, однако, немалое и научное значение. В ней устанавливается новый взгляд на земские соборы как на средство проявления народной инициативы в законодательстве. Соборы приводятся в связь с правом подачи коллективных челобитий, посредством которых земщина влияла на ход московского законодательства. Таким образом, соборы⁶ выводятся из своего изолированного, так сказать, положения и входят в круг однородных с ними явлений в жизни Московского государства. После статьи *И.И. Дитятина* становится невозможным писать о соборах, не упоминая о прочих видах участия земщины в управлении государством. В этом заслуга почтенного ученого. Со стороны же фактической статья *И.И. Дитятина* мало дает для истории соборов.

Одновременно с *И.И. Дитятиным* о соборах писал и известный нам историк *Н.И. Костомаров*. Его статья “Старинные земские соборы” печаталась в газете “Новое время” в апреле и в мае 1880 г.⁶ Нового – сравнительно с другими трудами *Н.И. Костомарова* – эта статья представляет очень мало: это свод всего

---

⁶*Костомаров Н.И.* Старинные земские соборы // Новое время. 1880. № 1485 (16 апр.), № 1488 (19 апр.), № 1491 (24 апр.), № 1497 (30 апр.), № 1504 (7 мая), № 1511 (14 мая) и № 1519 (22 мая).

того, что почтенный ученый уже имел случай прежде высказать о соборах. Отношение к ним у Н.И., если можно так выразиться, враждебное: он не признает за ними никакого значения, никакой исторической необходимости и полагает, что соборы с успехом могли бы быть заменены журналами и газетами, если бы таковые в XVII веке существовали (Новое время. 1880. № 1511. Стб. 6). Как видно, в отношении соборов отрицание у Н.И. Костомарова идет гораздо дальше, чем у Б.Н. Чичерина, который все-таки признавал за соборами времени Михаила Федоровича не одно со-вещательное значение (*Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 370*). Как на характеристичную особенность воззрений Н.И. Костомарова, следует указать на тот факт, что наш маститый историк не допускает возможности сравнения между нашими соборами и западноевропейскими представительными собраниями одной эпохи, хотя и говорит, что в практике наших соборов есть нечто похожее “на средневековые начатки” западноевропейских собраний (Новое время. 1880. № 1511 и № 1519).

Этим заключаем обзор литературы нашего предмета. Здесь мы назвали все достойные внимания труды; если же некоторые статьи и опущены, то смеем думать, что они не имеют серьезного научного значения (*См. Приложение II*).

III

Исторический обзор земских соборов

Земские соборы до Смутного времени: 1549/50 г., 1566 г., 1584 г., 1598 г. и 1605 г. – Избрание и свержение Шуйского. – Избрание Владислава. – Соборы в земских ратях: 1611 и 1612 гг. – Постоянные земские соборы 1613–1622 гг. – Последующие соборы: 1632–1634 гг., 1637 г., 1642 г., 1645 г., 1648–1649 гг., 1650 г. и 1653 г. – Комиссии выборных людей: комиссии 1681–1682 гг. – Известия о соборе 1698 г.

1549–1550 гг.

“Первый царь созывает первый земский собор”, – говорит К.С. Аксаков, и это справедливо: впервые собор был созван при Иване Васильевиче Грозном в начале его самостоятельного правления. Но, к сожалению, обстоятельства этого любопытнейшего собора не вполне известны, и его историю приходится восстанавливать по неясным отрывкам, допускающим часто различные толкования. Мы даже не знаем точно времени, когда происходил первый собор, и принуждены определять его год по соображению. Поэтому-то в ученых трудах и существует полнейшее разногласие касательно хронологии первого земского собора. Н.М. Карамзин рассказывает о нем между 1547 и 1550 гг. (*Карамзин*. ИГР. Т. 8. С. 64), И.Д. Беляев и В.И. Сергеевич полагают, что собор происходил в 1548 г. (*Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси... С. 241 и 251; *Сергеевич В.И.* Земские соборы Московского государства. С. 5), Н.П. Загоскин считает временем собора 1548–1549 гг. (*Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Т. 1. С. 214). Наконец, С.М. Соловьев говорит, что Иван Васильевич мог обратиться к народу “не ранее 20-го года своего возраста” (*Соловьев*. История. Т. 6. С. 52). С.М. Соловьев разумеет здесь 1549–1550 гг., так как царь Иван родился 25 августа 1530 года. Насколько мы можем судить, это последнее мнение основательнее всех прочих, ибо имеет за себя некоторые данные источников, тогда как хронология других ученых, собственно говоря, ни на чем не основана. В некоторых списках Степенной книги (СГД. Ч. 2. № 37)

читаем, что Иван Васильевич “бысть в возрасте 20 году”, когда он обратился с воззванием к народу. Двадцатый же год возраста царя Ивана приходится, как сказано, на 1549–1550 г. Вот одно основание для определения времени первого собора. Другое основание представляет нам предисловие к Стоглаву, составленному, как известно, в 1551 г. Здесь, в этом предисловии, помещена между прочим речь царя Ивана к Стоглавому собору, где царь говорит: “*В предъидущее лето бил есми вам челом и с бояры своими о своем согрешении, а бояре тако же, и вы нас в наших винах благословили и простили, а аз по вашему прощению и благословению и бояр своих в прежних винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми христианы царствия своего и в предних всяких делех помиритися на срок, и бояре мои, и вси приказные люди, и кормленщики со всеми землями помирилися во всяких делех*” (Стоглав. Казань^к, 1862. С. 46, 47^к; СПб., 1863. С. 38, 39). В этой картине всеобщего покаяния и прощения мы видим указание на земский собор, который действительно имел нравственное значение. Другой меры всеобщего умиротворения мы в то время не знаем. При таком понимании вышеприведенных слов для нас важное значение приобретают слова “в предъидущее лето”. Значит, земский собор был только “летом” ранее Стоглавого собора, т.е. в 1550 г. Этот вывод совпадает с определением Степенной книги, что Иван Васильевич созвал земский собор в двадцатый год своей жизни. Выражаясь точнее, мы имеем полное право полагать, что первый земский собор произошел по московскому счету в 7058 г., т.е. в промежуток времени между 1 сентября 1549 г. и 1 сентября 1550 г.

О деятельности и о ближайших причинах этого собора мы имеем очень мало сведений. Поэтому, чтобы объяснить себе мотивы его созвания, мы должны начать издалека и искать этих мотивов в общем состоянии Московского государства в половине XVI в., т.е. проследить те явления общественной жизни, которые обусловили собою необходимость такой необычайной меры, как созвание земского собора. Сделаем это, насколько позволят нам наши слабые силы.

Со смертью матери царя Ивана Васильевича Елены Глинской для Московского государства наступило тяжелое время. Государь был ребенком, и его именем правили бояре. Это время боярского правления было эпохою смуты, насилий и беззакония. На Москве в то время мы видим беспрестанные интриги, власть переходит от одной партии к другой, и этот переход сопровождается убийствами и возмутительными насилиями: не отступают даже пред свержением митрополитов, оскорбляют наглым образом ребенка-

государя, казнят без суда ни в чем невинных людей, открыто грабят государево добро. Правосудия нет: прав бывал или “свой” или тот, кто больше даст. В областях сидели приятели и приспешники господствующих в Москве партий: они без зазрения совести грабили народ, не давали ему законного суда и расправы, а напротив возбуждали сами несправедливые иски на богатых и, осуждая их, грабили их имущества, они заставляли народ даром работать на себя и облагали его поборами так, что народ разбежался от своих правителей (ПСРЛ. Т. 4. С. 304). Псковская летопись называет наместников псковских “злодеями”, “свирепыми аки львов”, и красноречиво повествует об ужасах их управления (Там же). Понятно, что при таких условиях благосостояние народа не могло развиваться, и недавно образовавшееся государство не могло ни сплотиться, ни окрепнуть: Москва с ее правительством не могла привлечь симпатий областного населения.

Правительство же, не заботясь о государственных интересах, не заботилось и о воспитании главы государства. Иоанн рос без призора и обещал стать достойным продуктом среды, его растившей. В одном из писем к князю Курбскому царь вспоминает свое печальное детство и описывает его такими живыми красками, с такою фактической мелочностью, что не верить ему нельзя. Царь говорит, что его с покойным братом (Георгием) бояре “пита-ти начаша, яко иностранных или яко убожайшую чадь... Якова ж пострадах во одеянии и алкании!” – восклицает Иван Васильевич, – “во всем бо сем воли несть, но вся не по своей воле и не по времени юности” (*Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. СПб., 1842. С. 183). Таким образом, ребенок-государь терпел неправду во внешних удобствах, в удовлетворении даже первых потребностей. Нравственное же его воспитание было еще безотраднее: в нем оскорбляли и человека, и государя. Шуйские обращались с ним без всякого уважения, третировали его личность: ночью у постели двенадцатилетнего монарха его “холопы” оскорбляли митрополита Иоасафа. Даже в опочивальне великого князя не нашел себе защиты митрополит! Любимец государя Воронцов был при нем избит боярами, и государь умолял своих же подданных пощадить жизнь Воронцова. Естественно, что при обстановке, чуждой чистого нравственного элемента, в душу Иоанна западали семена озлобления, проявившиеся так сильно впоследствии на беду и самого царя, и его подданных. Характер мальчика портился, появились дурные инстинкты: удаленный от дел, государь не интересовался ими и искал иных занятий, а бояре дурно направили это стремление к деятельности, допуская и даже поощряя грубые и дикие забавы ребенка. По словам кн. Курбского, малолетний

государь “начал первее безсловесных крови проливати с стремнин высоких мечуще их... Егда же уже приходяще к пятомунадесять лету, и вяще, тогда начал человек уроняти... и воистину дела разбойническия самыя творяше и иныя злая исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно” (Там же. С. 6–7). Таким образом, забавы царя были и грубы, и “срамны”, характер его ожесточался, и, наконец, сами бояре стали на себе испытывать жестокость царя: были казнены Андрей Шуйский, затем Воронцовы, Кубенский. Но, приходя в возраст и проявляя свою самостоятельность опалами и казнями, Иван Васильевич вместе с тем не надлежащим образом относился к государственным делам и выказывал свойства, мало утешительные в правителе. Мы имеем известие, что однажды (в 1547 г.) псковичи били государю челом на своего наместника, а государь вместо разбора дела “безчестовал” челобитчиков: обливал их горячим вином, палил им бороды, и только случай избавил несчастных псковичей от дальнейших истязаний (ПСРЛ. Т. 4. С. 306).

Итак, и боярское правление, и первые годы самостоятельности государевой не обещали народу ничего хорошего. Как при боярах, так и позже народ вместо правосудия получал из Москвы корыстолюбивых правителей, для которых закон не существовал. Народ шел в Москву с жалобами, но это не достигало цели: если наместников и сменяли, то все-таки корыстная система управления оставалась, и области по-прежнему “не ведали правды московския”, как выражается летописец (Там же. С. 288). Такое положение дел тяжело, конечно, для всякого государства, но для государства Московского оно было особенно тяжело потому, что государственный организм был еще очень молод и слаб. В областях живы были еще люди, помнившие самостоятельность родных городов; сепаративные стремления, несомненно, существовали в областях: они проявлялись, хотя и слабою струею, еще и в Смутное время, полвека спустя, теперь же, конечно, были сильнее. Непорядки московского управления могли их только усилить, и государству грозила опасность, если бы не были приняты вовремя меры, разложиться на составные свои части. Правительству надлежало позаботиться именно об укреплении государственного организма, а достигнуть этого можно было не одною сменою правителей, а реформами всей административной системы в духе, соответствующем быту и желаниям народа. Но для того необходимо было знать народные нужды и желания, а достигнуть этого проще и лучше всего можно было созванием земских людей, которые бы непосредственно пред царем раскрыли положение дел в областях и указали царю, чего желает его зем-

ля. К этому средству и прибегло московское правительство, верно угадавшее свою задачу.

Печальное положение Московского государства продолжалось до 1547 г. и завершилось пожаром и бунтом в столице. 24 июня 1547 г. выгорела почти вся Москва. Царь удалился в село Воробьево. Митрополит Макарий в суматохе упал, разбился и был отведен в Новоспасский монастырь. Народ, подстрекаемый, как говорят, некоторыми из бояр, поднял бунт, убил в Успенском соборе дядю царя Юрия Глинского, явился даже толпой в село Воробьево, требуя выдачи других Глинских, которых считал виновниками пожара. Толпу разогнали оружием. Все эти происшествия произвели подавляющее впечатление на молодого царя. Его душевным состоянием сумел воспользоваться благовещенский священник Сильвестр: по словам кн. Курбского (*Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. С. 9*), он явился к царю и имел с ним долгую беседу, результатом которой было перерождение Иоанна к лучшему. Происходила или нет эта беседа, но несомненно, что с 1547 г. Сильвестр имеет на государя большое влияние: несомненно, что благодаря Сильвестру около государя группируются новые лица, более достойные своих высоких постов, чем предшествовавшие им советники Иоанна. Молодой царь – под влиянием этих лиц – проникается иными чем прежде стремлениями, работает на пользу государства и начинает лучшую эпоху своего царствования – эпоху реформ.

Он собирает “свое государство”, т.е. выборных от областей, и объявляет им, что времена боярского самовластия отошли навсегда в прошедшее, что не он, царь, виновен в беззакониях старых лет, а бояре, пользовавшиеся его малолетством. Это торжественное обращение царя к городским всех чинов людям имело место на Красной площади в одно из воскресений (вероятно, летом 1550 г.). С крестным ходом вышел государь на площадь, на Лобное место, выслушал молебен и затем обратился с речью к митрополиту. Он говорил, что бояре не радели о его воспитании, самовластничали, обижали и разоряли народ; “аз же яко глух и не слышах, и не имый во устех своих обличения юности ради моя и пустоты”, – заявлял царь, возлагая вину за прошлое на бояр и свидетельствуя, что он “чист от крове сея”. После речи к митрополиту Иоанн обратился к народу и сказал, что теперь невозможно исправить всех бывших злоупотреблений, но что впредь сам царь будет народу “судьей и обороной”, будет блюсти за правосудием и честностью правителей (СГГД. Ч. 2. № 37 и *Карамзин. ИГР. Т. 8. Примеч. 182*). Этими чертами и ограничиваются наши сведения о первом соборе. Мы знаем только, что царь объявил

народу кто были виновниками его бедствий и обещал правосудие в будущем.

Но ограничилось ли дело только этим? Неужели правительство созывало областных представителей и заставляло их предпринимать долгое и сопряженное с расходами путешествие в Москву для того лишь, чтобы они услышали несколько слов царя? Эти слова могли бы быть обнародованы с надлежащей полнотою путем более удобным – в окружных грамотах. Вернее, нам кажется, предполагать, что роль выборных не была столь пассивна и кратковременна, какую нам рисуют ее сохранившиеся отрывки источников. По всей вероятности, выборные заявляли правительству о желаниях и нуждах народа и своими заявлениями указывали молодому государю то направление, какого должен он был держаться, если желал быть с народом солидарным. В истории последующих лет мы находим косвенные подтверждения такого взгляда. В один год с созванием собора, летом 1550 г., был составлен Судебник; от 1552 г. до нас уже начинают доходить уставные грамоты о введении областного самоуправления (ААЭ. Т. 1. № 234). Для нас знаменателен факт, что московское правительство приступает к реформам уже после того, как в Москве был собран земский собор; знаменательно и то, что реформы половины XVI века клонятся к ограждению земщины от административного произвола. Все это очень подкупает в пользу той гипотезы, что роль выборных людей на первом соборе не была столь мала, как ее представляют источники. Если мы и не можем уверенно сказать, что Судебник и вопрос об областном самоуправлении были обсуждаемы при непосредственном участии земских людей, то вероятным кажется предполагать, что земские люди своими заявлениями предопределили до некоторой степени характер последующей деятельности правительства. Этой же мысли держался и покойный И.Д. Беляев (Земские соборы на Руси... С. 250). С И.Д. Беляевым согласен и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 216–217).

Переходим к вопросу о значении первого земского собора как исторического факта. В науке весьма часто повторяется мнение, что собор этот был созван государем с целью найти в земщине опору для борьбы с боярством. Поэтому собору придают значение оборонительного и наступательного союза верховной власти с народом против притязаний бояр. Против этого мнения впервые выступил проф. М.Ф. Владимирский-Буданов в своей заметке о земских соборах (*Вл[адимирский]-Буданов В.Ф.* [Рецензия на статью В.И. Сергеевича...] С. 275) и совершенно справедливо. В момент созвания собора мы не видим никакой борьбы мо-

нарха с боярами, да ее и быть не могло, ибо боярство сословной корпорации не составляло, большими средствами не владело и бороться с верховной властью было не в силах. Эта борьба, пожалуй, происходила при отце и деде Ивана Васильевича, но к его времени уже прекратилась. Собственные же гонения Грозного на бояр еще не начинались. Что же касается значения земского собора, то он действительно был актом союза между царем и народом, но союза совсем иного характера. На земском соборе верховная власть заявила всенародно о своем намерении трудиться на пользу государства; она сняла с себя ответственность за неправды прошедших лет и таким образом свела их на степень частных злоупотреблений, обещая в будущем неусыпно преследовать эти злоупотребления. Народ с полным доверием отнесся к намерениям правительства и этим как бы признал полнейшую законность московского самодержавия. Со времени этого собора верховная власть покоится на незыблемой основе народного доверия и становится властью чисто земской, не дружинной и не вотчинной. С другой стороны, собор 1549–1550 гг. имеет громадное значение в следующем отношении: на нем областные люди увидели себя равноправными членами одного государственного тела, детьми одной всем общей родной земли. По счастливому выражению И.Д. Беляева, русские люди узнали на соборе, “что врозь им жить уже нельзя, что все они должны жить под одною властью, нести одни обязанности, пользоваться одними правами и тянуть к Москве как к общему центру, что всякое отделение от Москвы для них должно равняться самоубийству” (Беляев И.Д. Земские соборы на Руси... С. 255). На первом земском соборе в первый раз вместо механически соединенных областей является органическое тело – молодое Московское государство. В этом-то и состоит “идея” первого земского собора. Она ясна несмотря на то, что деяния собора и ближайшие мотивы его созвания скрыты от нас временем.

Этим собором начинается длинный ряд московских земских соборов. Они проходят чрез московскую историю на пространстве целого столетия, учащаясь в критические минуты государственной жизни. Рассматривая эти соборы, в их истории можно подметить три момента, существенно друг от друга отличные, обладающие каждый особыми, ему только свойственными признаками. Теперь характеризовать эти три момента в жизни соборов мы не станем, находя более удобным сделать это ниже в самом ходе изложения, теперь же продолжим наш исторический обзор.

1566 г.

Спустя 16 или 17 лет после первого земского собора, в 1566 г., летом, царь Иван Васильевич снова созвал на совет “свое государство”. Собор происходил 28 июня 1566 г., как говорит Александр-Невская летопись (РИБ. Т. 3. Стб. 277–278); приговорная же грамота помечена 2 июля. Причины, заставившие царя, в то время уже окруженного опричниною, обратиться к совету земщины, заключались в следующем. В 1558 г. царь Иван, вопреки желаниям своих советников, начал войну с Ливонией. Его советники указывали ему на покорение Крыма, как на дело, которое надлежало совершить немедленно; Иван же стремился на запад, понимая, что сюда должны быть направлены после побед на востоке русские силы. Царь сознавал, как важно было для русских интересов воспользоваться слабостью Ливонии, приблизиться к морю и тем “в Европу прорубить окно”. Грозному не удалось этого сделать: окно в Европу прорублено было только через полтора столетия, но неудача Ивана Васильевича не ослабляет важности его замысла... Начало Ливонской войны сделано было удачно: почти вся Ливония была завоевана. Казалось, Иван мог торжествовать полную победу, но дело неожиданно усложнилось тем, что в 1559 г. Ливония вступила в тесный союз с королем Сигизмундом-Августом, и царю пришлось ведаться с Польшей. Однако, несмотря на заступничество Польши, русские продолжали успешно действовать в Ливонии, и магистр Ливонский Кетлер, отчаясь в спасении государства, в 1561 г. отдал Ливонию польской короне. Таким образом, Ливонская война превратилась в войну Польскую. С поляками русские воевали менее счастливо, чем с ливонцами, но все-таки Иоанн овладел Полоцком, важным в стратегическом и в торговом отношении городом (15 февраля 1563 г.). Сигизмунд-Август, когда ему не удалось поднять на Русь крымского хана, решил вступить в переговоры о мире. Но мир не состоялся, и война продолжалась с переменным счастьем до 1566 г., когда снова начались переговоры. Послы Сигизмунда-Августа уступали царю взятый им Полоцк, но без его повета, и все земли Ливонии, занятые царскими войсками. Царь же требовал всего Полоцкого повета, Риги, Вендена, Вольмара и некоторых других городов, уступая королю Курляндию и несколько городов на северном берегу Двины. Переговоры затянулись. Царь Иван Васильевич понимал трудность дальнейшего продолжения восьмилетней войны. Перемирие на условиях, предложенных королем, было не бесславно, но при этом надлежало отказаться от заветной цели владеть морем. Царь колебался. При начале войны многие его советники высказывались против войны. Теперь, когда война затянулась и

стала тяжелой для государства, царь, естественно, желал знать мнение о ней своего государства. Окруженный опричниками, он не мог чрез них узнать, что думает земщина, ибо опричники, “крошечники”, не дружили с земщиной. Мнение бояр, высказываемое подозрительному и грозному царю, не могло быть свободным, да и не пользовалось доверием царя. Оставалось созвать земщину на собор... Так объясняют побуждения, руководившие царем при созыве собора, наши историки С.М. Соловьев (*Соловьев. История. Т. 6. С. 231*) и Н.И. Костомаров (*Старинные земские соборы // Новое время. № 1485. 16 апреля 1880 г.*).

Как мы упомянули, от собора 1566 г. дошла до нас приговорная грамота (СГГД. Ч. 1. № 192 и Продолжение ДРВ. Т. 7) и запись в Александро-Невской летописи (РИБ. Т. 3. Стб. 277–278). По показанию приговорной грамоты, на соборе присутствовали: 9 архиепископов и епископов, 23 архимандритов, игуменов и старцев, 16 бояр, 3 окольных, 10 думных людей, 97 дворян первой статьи, 99 дворян второй статьи, 3 торопецких и 6 луцких помещиков, 33 дьяка и приказных человека, 12 гостей, 63 московских и смоленских (22) торговых людей, а всего 374 человека¹. Из нашего перечисления видно, что этот земский собор не может называться в строгом смысле собором всей земли: на нем присутствовали тяглые люди не всего государства, а только москвичи и представители тяглого населения областей, близких к театру Ливонской войны. Это обстоятельство отчасти можно объяснить тем, что на соборе обсуждался вопрос специального характера – об удобстве предполагаемой границы между Польшей и Русью для пограничных наших уездов. Этот вопрос вряд ли был доступен пониманию какого-нибудь рязанца или нижегородца, мало знакомого с условиями жизни западных частей Московского государства.

Из приговорной грамоты собора не видно, присутствовал ли на нем государь. В ответе духовных лиц на соборе значится, что государь говорил с ними, “как нам стояти против своего недруга короля Польского?” Бояре и думные люди по государеву приказу рассуждали “о Литовском деле по выписи речей боярских с

---

¹ Да кроме того: во-первых, среди подписей под грамотой находим подписи Никиты Фуникова и Ивана Петрова Федорова, имен которых в самой грамоте нет; во-вторых, по словам летописи, на соборе присутствовал брат царя князь Владимир Андреевич. Число соборных людей исчисляется учеными различно: И.Д. Беляев считает 376 чел., А. Барсуков (*Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 286*) – то же, Н.П. Загоскин – 371, Н.М. Карамзин – 339. Митрополита на соборе не было, ибо “Офонасей митрополит в то время митрополию оставил”, – как говорит летопись.

послы с литовскими”. Остальные чины разделились на 6 групп (1) дворяне 1-й статьи; 2) дворяне 2-й статьи; 3) торопеецкие помещики; 4) луцкие помещики; 5) дьяки и приказные и 6) гости и торговые люди) и обсуждали предложенные вопросы порознь, по группам – “по государеву приказу”, “по государеву наказу”. Таким образом, из слов грамоты можно заключить, что государь лично говорил с одним духовенством. Между тем, Александро-Невская летопись говорит, что царь лично участвовал в заседании собора, а в монографии г. А. Барсукова “Род Шереметевых” (Кн. 1. С. 286) читаем: «Заседание земского собора происходило во дворце. Собралось 376 человек всех состояний кроме крестьянского. Неподалеку от царя, сидевшего на троне, разместились за особым столом власти (духовенство). Поодаль на лавках сидели бояре, один за другим, в порядке, “кто кого породою ниже, а не тем, кто выше и преж в чину; окольниковичие – под боярами против того ж” и т.д. Всего бояр присутствовало 16 человек...» Откуда взяты эти интересные подробности, г. Барсуков не указывает; лично же мы таких сведений в известных нам источниках не встречали.

На решение собора были предложены два вопроса: 1) поступать ли королю ливонскими городами: Ригою и другими, которые король не отдавал, и 2) требовать ли от короля к Полоцку земли на южном берегу Двины? Словом, заключать ли мир на условиях, предложенных послами короля? На это все члены собора единодушно ответили, что мира заключать на таких условиях нельзя: следует добывать ливонские города; иначе “не токмо государевым городом Юрьеву и иным городом ливонским государским и Пскову тесноты будут великие, но и Великому Новгороду и иных городов торговым людем торговли затворятца”. Также нельзя и Полоцка брать без земли за Двиною, ибо там лучшие места полоцких земель, а по сю сторону реки “все худыя места”; кроме того, в случае войны Полоцку не выстоять против неприятеля, потому что “литовские люди город за Двиною поставят”. “Мы, холопи его, государевы, за одну десятину Полоцкого и Озе-рищскаго повету головы положим, чем нам в Полотцке помереть запертым”, – говорили торопеецкие помещики. Более обстоятельное мнение подали бояре и думные люди. Печатник царский Иван Михайлович Висковатого подал даже отдельное мнение – проект условий, на которых желательно было бы помириться с королем: король должен вывести войска из Ливонии и отдать нам Полоцк без повета; тогда царь мог бы завладеть всей Ливонией... Был еще третий вопрос на соборе: допустить ли съезд московских и литовских послов на границе? Этот вопрос был предложен (в выписи речей боярских с послами), кажется, одним боярам и дум-

ным людям, которые ответили, что “боярам государя нашего с паны на рубеже быти непригоже, и преже сего не бывало”. Свои речи духовенство, боярство и думные люди скрепили подписями, причем архиереи привесили к приговорной грамоте печати, а думные чины целовали крест; все остальные целовали крест, но под грамотой не подписывались.

Таким образом, собор высказался в пользу продолжения войны. Все чины заявили, что они готовы жертвовать и имуществом, и собою за “государево дело”. Царь убедился, что владеет сочувствием земли, и после собора, решаясь продолжить войну, отправил к королю боярина Умного Колычова с наказом, в котором требования царя были гораздо притязательнее, чем в предыдущих переговорах. Война продолжалась и шла до 1570 г.

1584 г.

Были ли еще земские соборы в царствование Ивана Васильевича, мы не знаем². За время после смерти Грозного до воцарения Бориса мы тоже не имеем прямых свидетельств, т.е. актов и определенных летописных данных, о созвании земских соборов. Однако с полным основанием можно утверждать, что в 1584 г. около мая месяца в Москве собрался земский собор. По всей вероятности, главным предметом его обсуждения был вопрос о том, кому наследовать престол умершего Грозного, ибо после смерти царя произошла смута, подробности которой не совсем ясны. У Ивана Васильевича осталось два сына: слабоумный Федор и Димитрий, еще совсем дитя. Вероятно, смута началась по поводу Димитрия, которого Б. Бельский и другие старались возвести на престол помимо брата. В первую ночь по смерти царя Ивана родственники царевича Димитрия были схвачены приверженцами Федора, затем сам Димитрий с матерью Марьей Федоровной Нагой был выслан в Углич. Но в Москве остался Богдан Бельский и продолжал работать в пользу Димитрия, чем вызвал против себя народный бунт, подготовленный, по всей вероятности, враждебными Бельскому боярами. Между рассказом об отъезде Димитрия и Нагих в Углич и о бунте против Бельского наши летописцы говорят: “по пре-

---

²Мы не решаемся давать веру рассказу англичанина Горсея, который говорит, что царь Иван Васильевич, сделавший государем Симеона Бекбулатовича по финансовым якобы соображениям (1574–1576 гг.), сверг его и снова принял венец и правление лишь тогда, когда *земский собор* (а Parliament) согласился на некоторые требования финансового же характера со стороны царя Ивана. Горсей и появление опричнины объясняет финансовыми соображениями царя (См.: Толстой Ю.В. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI в. // Отечественные записки. 1859. Сентябрь. С. 116–117).

ставлении царя Ивана Васильевича приидоша к Москве из всех городов Московскаго государства и молили со слезами царевича Федора Ивановича, чтобы не мешкал, сел на Московское государство и венчался царским венцом” (Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1792. Ч. 8. С. 5). Другая летопись выражается несколько иначе: “...приидоша, – говорит она, – из всех городов к Москве именитые люди и всего государства Московскаго и молиша со слезами государя царевича Федора Иоанновича, чтобы был на Московском государстве царем и венчался царским венцом” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича / Изд. по списку князя Оболенскаго // Временник ОИДР. М., 1853. Кн. 17. Материалы. С. 21; Летопись о многих мятежах и разорении Московскаго государства... Собрано из древних тех времен описаниев. СПб., 1771. С. 6). Сами по себе эти известия странны: не за обычай было в Московском государстве являться из городов и просить вступающего на престол по праву царя “не мешкать” воцарением. Но эти известия становятся ясными при сопоставлении их со свидетельством Горсея, который говорит, что 4 мая 1584 г. собрался в Москве собор из духовенства и знати; этот собор назначил день венчания на царство Феодора. О других предметах обсуждения Горсей не говорит, но замечает, что после этого собора на Руси водворилась тишина и правосудие; Россия даже во внешности стала иною страной, чем при Иване Васильевиче Грозном (*Павлов П.В.* О некоторых земских соборах XVI и XVII столетий // Отечественные записки. 1859. Сентябрь. С. 122)³. Таким образом, ясно, что придворная смута разрешилась земским собором, который вручил правление Феодору. Партия Феодора восторжествовала. Легко может быть, что приверженцы Феодора поступали здесь так же, как впоследствии поступил Борис Федорович Годунов: они созвали земский собор для того, чтобы земля в лице своих представителей утвердила на престол Федора Ивановича и чтобы тем самым противная Феодору партия была лишена нравственной возможности действовать.

1598 г.

Следующим земским собором был избирательный собор 1598 г. Он собрался спустя 6 недель по кончине бездетного царя Федора Ивановича и вручил власть его шурина Борису Федоровичу Годунову. Вопрос об этом соборе тесно связан с вопро-

---

³О всенародном избрании Федора Ивановича говорит и Петрей (См.: Сказания современников о Димитрии Самозванце / С предисл. Н. Устрялова. Изд. 3-е, испр. СПб., 1859. Ч. 1. С. 357, примеч. 10).

сом о личности самого Бориса: лишь тогда, когда нравственный облик этого человека станет для нас вполне ясен, можем мы точно определить, насколько был самодеятелен собор 1598 г., был ли он игрушкой в руках хитрого, честолюбивого правителя или сознательно возвел Бориса на престол, ведая, что никого не найти земле лучше Бориса и что за Борисом более, нежели за кем-нибудь, найдется прав на царский венец. Теперь же при разногласии историков в нравственной оценке Бориса и при неопределенности дошедших до нас сведений о соборе, которые можно толковать и за, и против Бориса, нам трудно выяснить себе настоящую роль земской Думы. Есть известия, что Борис вел деятельную агитацию и на Москве, и в городах, чтобы угрозами и лаской понудить народ избрать его на царство. У Н.М. Карамзина (*Карамзин. ИГР. Т. 10. Примеч. 376 и 385*) приведены выдержки из хронографов, где читаем, что Борис “посла по всем улицам и переулкам с листами всех людей прельщати и устрашити их... И по прочим Российския земли городам [розсыла советники своя], чтобы на царство избрали и молили его, Бориса”. В “Ином сказании о самозванцах”, автор которого – приверженец Шуйских, говорится, что Борис “нача посылати злосоветников своих и рачителей по царствующему граду Москве и по всем сотням и по слободам и по всем градам Российския области ко всем людям, чтобы на государство всем миром просили Бориса” (Иное сказание о самозванцах // *Временник ОИДР. 1853. Кн. 16. С. 7. См. также: Изборник. С. 214*). К. Буссов (*Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. С. 14*) говорит, что Борис и сестра его царица лестью и деньгами склонили “сотников и пятидесятников никого не выбирать на царство, кроме Бориса”. Но с другой стороны, зачем было Борису прибегать к таким крайним и компрометирующим мерам, когда у него было более шансов стать царем, чем у других бояр? Он был родственником угасшего царского рода, братом царицы, “оставленной покойным царем на всех своих великих государствах”; кроме того, он долго управлял государственными делами и своей деятельностью заслужил народную любовь. Об этом говорит Маржарет (*Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. С. 256*), говорят и наши летописцы: по их словам, народ избрал Бориса, видя “его при царе Феодоре Иоанновиче праведное и крепкое правление” (*Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 36; Летопись о мятежах... С. 48*), “зрящи разум его и правосудие” (*Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича... С. 46*). Принимая во внимание такое разногласие свидетельств и руководствуясь тем, что дают нам источники официальные, мы лично далеки от запоздrevаний Бо-

риса в тех приемах агитации, которые ему приписывают, как мы видели, некоторые хронографы и на основании их Н.М. Карамзин (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. Гл. 3), Н.П. Загоскин (*История права Московского государства*. Т. 1. С. 228–229) и другие. Но вместе с тем необходимо допустить, что адепты Годунова – а их было много – работали в пользу его избрания: агитация, неизбежная при всех выборах теперь, была знакома и прошлым векам. Но существование этой агитации вряд ли может служить доказательством отсутствия у собора собственной инициативы. Дело нам представляется в таком виде.

По смерти царя Федора царица Ирина приняла иночество в Новодевичьем монастыре под именем Александры. С ней в монастыре жил и Борис. Государство управлялось “по указу царицы иноки Александры Феодоровны патриархом и боярами” (*Соловьев*. История. Т. 8. С. 6), но сама царица инока отказалась принять правление. После ее пострижения была сделана попытка заставить народ присягнуть до избрания царя боярам, но народ не присягнул, толпа на площади закричала: “Да здравствует Борис Федорович!” (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 379). Тогда патриарх с духовенством, думными и простыми людьми отправился в Новодевичий монастырь просить Бориса принять венец. Несмотря на многие просьбы, Борис отказался, и патриарх Иов отложил решение дела до истечения сорока дней по смерти царя Федора. Есть известие – и весьма вероятное, – что бояре хотели предложить Борису ограничительные условия, и что Борис решил ждать земского собора, который бы дал ему полную власть (*Соловьев*. История. Т. 8. Примеч. 12). Маржерет говорит, что Борис прямо потребовал созвания выборных по 8–10 человек от города (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. С. 257). Мы склонны верить этим известиям: чрез несколько лет бояре ограничили власть В.И. Шуйского; немудрено, что они хотели это сделать и с Б.Ф. Годуновым. Но Годунов, понимая свое выгодное положение, решил ждать собрания всей земли, надеясь волею земли стать самодержавным монархом. Как бы то ни было, избрание царя было решено предоставить земскому собору, первое заседание которого происходило 17 февраля 1598 г., в пятницу. От этого собора дошла до нас приговорная или “утвержденная” грамота, в которой заключается довольно небрежно составленный перечень участников собора, а под грамотой находятся их подписи (ААЭ. Т. 2. № 7). На соборе присутствовало около 500 человек: так определяет Н.М. Карамзин, имевший в руках не один список утвержденной грамоты (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. С. 131 и примеч. 377). Определение Н.М. Карамзина наиболее близ-

ко к истине, чем счисление других ученых, считающих 474 или 457 соборных людей (см. *Приложение I*). Не менее 1/5 всех участников собора составляло духовенство: черного и белого духовенства было до 100 человек. Бояр и окольничих – от 35 до 40 человек; из них 8 носило фамилию Годуновых. Думных людей было около 10–12. Стольников, жильцов, стряпчих с платьем и прочих придворных чинов присутствовало до 135 человек. Дворян было до 100; было несколько стрелецких голов (5 или 7); было 27 приказных; из городов выборных – 37, гостей и представителей гостиной и суконной сотен – около 27. Кроме того, на соборе были представлены 16 черных сотен и полусотен, выборные которых подписали утвержденную грамоту. Из их подписей явствует, что на соборе было более чем по одному представителю от каждой сотни и полусотни, хотя в перечне выборных в тексте грамоты и поименовано по одному (причем три сотни (Малого Ярославцаⁿ, Белого и Мясницкая) пропущены). Это можно заключить из того обстоятельства, что за неграмотностью сотников расписывались простые чины тех же сотен (иногда иногородних, не московских); кроме того, от гостиной и суконной сотен имеются по две подписи, а присутствовало, вероятно, всего^m 6 человек, судя по подписям, но в тексте грамоты поименованы только двое старост этих сотен. Судя по этим фактам, можно предположить, что от каждой черной сотни было минимум по два представителя, а всего – 32 человека. При этом нужно заметить, что из тяглых людей, бывших на соборе, не все были москвичи, но были представители и иногородних тяглых общин; так, например, прислали своих выборных Шелонская и Водская пятины, Ржев и, весьма вероятно, Малый Ярославец и Белый. Таким образом, состав собора простирался до 500 даже с лишком человек. Из них духовенства – до 100 человек, придворных – до 200 человек, служилых людей – более 150 человек и тяглых – более 50 человек. Насколько же состав собора мог быть благоприятен для Бориса? Патриарх – креатура Б.Ф. Годунова – должен был высказаться за него, а с патриархом, конечно, высказалось и подчиненное ему духовенство. Среди боярства было 8 Годуновых, которым лестно и выгодно было стать царскою роднею; но и кроме них в числе бояр были сторонники Бориса. Придворные чины, привыкши видеть Бориса правителем и правителем ласковым, в большинстве не могли иметь ничего против избрания на престол брата царицы. Низшие чины служилых людей и тяглые люди, стоявшие вдалеке от придворных интриг, должны были достаточно убедиться доводами патриарха: они видели и сами, конечно, что Годунов более других бояр имеет право на престол и по родству с покойным царем, и по давниш-

нему умелому управлению государством. Большинство на соборе было в пользу Бориса несомненно, но можно думать, однако, что избрание его совершилось не так мирно и единодушно, как то говорит утвержденная грамота. Без сомнения, существовала и противная Годунову партия, во главе которой стояли Шуйские⁴; без сомнения, эта партия не оставалась бездеятельною и работала против избрания Годунова. Патриарх Иов сам говорит, что по смерти царя Феодора он стал жертвою “озлобления, клевет и укоризн” (СГГД. Ч. 2. № 82. С. 181). От кого же могли исходить эти “клеветы и укоризны”, как не от противников Годунова, которому предан был Иов? По всей вероятности, эти противники Годунова высказывались и до собора, а тем более на соборе, ибо от его решения зависел успех или неуспех партии.

Утвержденная же грамота рисует деятельность соборных людей таким образом: 17 февраля 1598 г. состоялось у патриарха первое заседание собора. Оно открылось речью патриарха. Рассказав об отказе Ирины и Годунова от царства и о решении патриарха и москвичей отложить дело до созвания собора, патриарх Иов пригласил соборных людей “объявить свою мысль и дать совет: кому на великом преславном государстве государем быть?” При этом, не дожидаясь ответа, он прибавил, что у него самого и у всех тех людей, которые были на Москве, одна мысль и один совет – иного государя, кроме Бориса, не хотеть. Тогда – по словам грамоты – весь собор единогласно согласился с патриархом, причем были перечислены все те обстоятельства, по которым Борис признавался достойным царского сана: близость его к царскому угасшему роду и мудрое управление государством при усопшем царе Феодоре. Выбрав таким образом царем Бориса Феодоровича, патриарх и соборные люди три дня служили молебны, чтоб по их прошению Бог даровал им государя царя Бориса Феодоровича, и затем 20 февраля, в понедельник, отправились в Ново-Девичий монастырь сообщить Борису волю народа и просить его принять власть. Борис отказался. Ввиду отказа патриарх тот же час собрал соборных людей к себе и предложил на следующий день, 21 февраля, с крестным ходом идти всей Москвой в Новодевичий монастырь просить Ирину и Бориса “показать милость” и внять народным просьбам. В случае же их конечного отказа патриархом и духовенством было решено отлучить Бориса от церкви, а самим снять с себя святительские саны и на Бориса возложить ответственность за долженствующие последовать смуты

---

⁴ “Князи же Шуйские единые его (Бориса. – С.П.) не хотяху на царство...” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 36; Летопись о мятежах... С. 48).

и неустройства. 21-го февраля двинулся крестный ход из Москвы к Новодевичьему монастырю и был встречен с подобающею честью. Борис вышел навстречу патриарху, приложился к чудотворным иконам и на убеждения патриарха исполнить народную и Божью волю отвечал одними слезами. Патриарх служил в монастыре обедню, после которой весь пришедший из Москвы народ направился к келье царицы. Патриарх с высшими чинами вошел в келью; простой же народ стал около кельи, наполнил всю монастырскую ограду, стоял даже за воротами монастыря и, плача, криками просил Бориса принять царский венец. Торжественность обстановки, мольбы народа и увещания патриарха действовали на Ирину и Бориса. Ирина благословила брата, и он принял избрание. Один хронограф, повествуя о сцене народных просьб и плача в монастыре, говорит: “народи же мнози на площади стояли, мнози же суть и неволю пригнани, и заповедь положена, аще кто не придеть Бориса на государство просити, и на том по два рубля правити на день; за ними же мнози приставы приставлены быша, пренужаемы от них же с великим воплем вопити и слезы точити; но како слезам быти, аще в сердцы умиления и радения несть, ни любви к нему, сия же слез ради подьочию слинами мочаша” (Иное сказание о самозванцах. С. 8; см. также: *Соловьев*. История, Т. 8. С. 13–14 и Изборник. С. 215). На это известие опираются сторонники той мысли, что собор 1598 г. был пустою формальностью, декорацией, но они забывают, что известие это написано страстным приверженцем Шуйских и, следовательно, врагом Бориса. А к одностороннему свидетельству следует относиться осторожно (См. Предисловие к Иному сказанию о самозванцах; *Соловьев*. История. Т. 9. С. 422 и примеч. 31).

Мы изложили все данные о деятельности соборных людей при избрании Бориса. Этих данных очень немного для того, чтобы судить, насколько сознательно отнеслись земские люди к тому делу, для которого были созваны. При конце нашей речи о соборе 1598 г. приходится повторить то, что было нами сказано в начале: пока личность Бориса и приемы его политики не станут в нашей науке определенными, до тех пор шаткие показания о соборе, избравшем Бориса, не будут поняты в их должном значении. Большинство ученых считает этот собор комедией, “далеко не ловко разыгранной”. И.Д. Беляев называет собор 1598 г. прикрытием происков партии Годунова и приводит этому пять доказательств: 1) Собор созван патриархом, – говорит И.Д. Беляев, – на что патриарх не имел права. Писанного права он, конечно, не имел, но патриарх в безгосударное время, несомненно, был первым человеком на Руси. Он до некоторой степени замещал отсутствующую

верховную власть. “Теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный”, – говорили московские послы под Смоленском в 1610 г. (*Соловьев*. История. Т. 8. С. 365). Очевидно, что этот начальный человек имел полное право собирать собор и руководить выбором царя; очевидно, что И.Д. Беляев глубоко ошибается, отрицая это право. 2) Второе доказательство происков Годуновской партии у почтенного исследователя еще менее веско: он находит “не в порядке вещей” тот факт, что собор заседал у патриарха. Земские соборы не имели строго определенного места заседаний: они собирались и во дворце, и на открытом месте (1549–1550 г.), и в Успенском соборе (1613 г.). Поэтому заседание собора в патриарших палатах никак не может служить доказательством его незаконности. Начальный человек русской земли собирает земских людей на совет; вполне естественно, если они соберутся у него. 3) Затем И.Д. Беляев говорит, что патриарх оказал давление на выбор, выставив своего кандидата, причем заявление его было сделано в форме, “не допускающей других мнений”. Это сказано на основании грамоты собора (ААЭ. Т. 2. № 7). Действительно, в грамоте говорится устами Иова: “А вы бы (выборные люди – *С.П.*) мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быти? А у меня, Иева патриарха, и у митрополитов, и у архиепископов, и у епископов, и у архимаритов, и у игуменов, и у всего освященного вселенского собора, и у бояр, и у дворян, и у приказных, и у служилых у всяких людей, и у гостей, и у всех православных крестьян, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам мимо государя Бориса Феодоровича иного государя никого не искати и не хотети”. (ААЭ. Т. 2. № 7. С. 24, 25). Из этих слов действительно видно, что патриарх как бы рекомендует Бориса. Но это место грамоты вовсе не будет столь тяжкой уликой против патриарха, если мы примем во внимание, что, во-первых, грамота, написанная официально-условным языком, не может претендовать на верное изложение деяний собора, и основываться на ней в частности нам кажется не совсем удобным; а во-вторых, если бы патриарх и действительно говорил те слова, что изложены в грамоте, то почему же их не считать за простое изложение патриаршего мнения. Если патриарх был сторонником Годунова, естественно ему было подать голос за Годунова, а не за Шуйских. Таким образом, этот обвинительный пункт – при несостоятельности первых двух – не может, кажется, доказывать того, что собор 1598 г. был только “прикрытием происков Годуновской партии”. 4) Далее И.Д. Беляев ставит в вину патриарху то, что он привел соборных людей к присяге на верность Борису еще до крестно-

го хода в Новодевичий монастырь. Почтенный историк видит в этом, вероятно, со стороны патриарха желание сделать более верною победу своего сторонника и боязнь, чтобы народ не нарушил своего “обранья”. Быть может, это и так, но мы увидим ниже, что в 1613 г. Русская земля, избрав на царство Михаила Федоровича 21 февраля, в тот же день присягает ему, еще не зная, примет ли он избрание. Таким образом, факт поспешной присяги Борису Федоровичу Годунову в 1598 г. повторился в 1613 г. и, следовательно, не может быть трактуем как факт исключительный и ненормальный. 5) Последний, пятый, пункт обвинений И.Д. Беляева мы не станем даже опровергать, а только изложим его содержание: патриарх предложил собору написать и подписать утвержденную грамоту об избрании Бориса, а затем выбрать место для ее хранения. Собор все это сделал, как впоследствии точь-в-точь то же сделал собор 1613 г. (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 633–636). Но где тут указание на происки годуновской партии?.. Очевидно, И.Д. Беляев подошел к вопросу с предвзятой точки зрения и поэтому совершенно естественным и законным фактам давал ложное освещение. Несомненно, что партия Годунова агитировала в его пользу, но рискованно утверждать при неудовлетворительном состоянии источников, что собор 1598 г. собрался только “для формы”. В своем месте мы привели уцелевшие в источниках намеки на то, что на соборе действовали две партии – Годунова и Шуйских. Первая взяла верх, успев привлечь на свою сторону большинство, не потерявшее сознание и оценившее обе партии по достоинству. Подобные факты сплошь и рядом бывают в современной парламентской практике, и никто не решится упрекать победившую партию, если приемы ее агитации честны. А о приемах агитации годуновской^н партии^н трудно что-либо сказать определенного, трудно ориентироваться среди разноречивых и часто пристрастных свидетельств...

1605 г.

Странный образец земского собора представляет нам время Димитрия Самозванца. Вскоре после въезда Димитрия в Москву Басманов донес ему, что князь Василий Иванович Шуйский – тот самый, который производил следствие об убийстве царевича Димитрия, а при успехе Самозванца не принял мер к его разоблачению, – тот самый князь Василий Иванович Шуйский стал теперь через своих доверенных людей распространять слухи, что на Московском царстве утвердился не настоящий Димитрий, ибо настоящий на самом деле убит (*Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 405. *Соловьев*. История. Т. 8. С. 109). Результатом доноса Басманова был

арест (23 июня 1605 г.) князя В.И. Шуйского и его двух братьев, действительно интриговавших против Лжедмитрия. Наши летописцы объясняют мотивы этой интриги следующим образом: “Мнози же людие, зрящи наступающее гонение на христианскую веру, начаша помышляти, дабы до конца не разорилась, первии же в оном помышлении боярин князь Василий Иванович Шуйский с братиею. Уведав же сие, Гришка переимав их...” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича; почти то же: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 71 и Летопись о многих мятежах... С. 96). Современники иностранцы относительно этого вопроса высказываются различно: К. Буссов говорит, что князь Шуйский составил заговор с целью умертвить Димитрия за его нерусские симпатии и замыслы против русской национальности (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. С. 52). Маржерет пишет только, что Шуйский был признан виновным в оскорблении величества (Там же. С. 299). Де Ту рисует Шуйского доблестным гражданином, открыто стоявшим за попираемые права русской народности (Там же. С. 338). За неимением достоверных данных трудно восстановить действительные подробности дела. Мы знаем одно, что князь В.И. Шуйский что-то замышлял против Димитрия, за что он и его братья были арестованы и преданы суду. Но суд, наряженный над Шуйскими, не был обычным (боярским) судом. Димитрий созвал собор, на котором кроме духовных властей и бояр были и простые люди, и поручил собору рассмотреть дело Шуйских. По словам летописи, “собра (Димитрий – С.П.) собор их (Шуйских. – С.П.) ради, яко честнии суть вельможи, бояся их тако погубити, да на нь не возглаголят, яко всеу погуби их” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 71). Но мог быть и другой мотив, по которому Лжедмитрий отдал Шуйских на суд народу: здесь дело шло о его царском происхождении. Раз всенародно будут осуждены Шуйские, тем самым подлинность, так сказать, Димитрия будет признана, и это окажется в высшей степени полезным для упрочения Самозванца на престоле. Со стороны Лжедмитрия тут был известный риск, ибо голос народа мог высказаться за Шуйских; но этот риск станет вполне понятным, если мы вспомним не раз высказанное мнение, что Димитрий был вполне уверен в своем царском происхождении. Собор осудил Шуйских: “на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей, никто ж им (Шуйским. – С.П.) пособствующе, все на них же кричаху” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8.

С. 71)⁵, “Весь же собор знающе, яко не царев сын есть оный, но Гришко Отрепьев, но никто ж его смеяше обличити, бояху бо ся друг друга, и на оных Шуйских вси вопияху” (Иное сказание о самозванцах. С. 71). Основываясь на приговоре собора, Димитрий заключил Шуйских в тюрьму, а князя Василия Ивановича велел казнить. Но затем этот последний был помилован и с братьями сослан в Галицкие пригородки, а имение их было конфисковано⁶. Нам остается неизвестен состав собора, неизвестны также и подробности его заседания. Летописи наши, исключая вышеприведенные краткие заметки, ничего о соборе 1605 г. не говорят. А кроме летописей и кратких отзывов иностранцев мы не имеем ничего.

1606 г.

Димитрий, называемый Самозванцем, был убит в ночь 17 мая 1606 г. Душою и руководителем заговора против него был прощенный им князь В.И. Шуйский; это знала вся Москва. Вместе с царем был свергнут и патриарх Игнатий, его “потаковник”.

19 мая утром временное правительство – духовенство и бояре – вышли на Красную площадь, где все те дни толпился народ, и предложили приступить к избранию патриарха, который должен был быть во главе правления в такое трудное время, а затем отправить в города грамоты с приглашением на земский собор для избрания царя. Но на такое заявление властей голоса из народа отвечали, что царь нужнее, чем патриарх, и выкрикнули царем князя В.И. Шуйского (Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 1–3). Никто не решился возражать, и Шуйский воцарился. Так совершилось избрание В.И. Шуйского, совершилось, конечно, партией Шуйского и не без его участия, но зато без участия русской земли... “Немногие люди, – повествует летопись, – умысля по совету князь Василья Ивановича Шуйскаго и не советовав со всею землею, да и на Москве же не ведаху многие люди, в четвертый день по убиении Разстригине, приехав в город (т.е. Кремль. – С.П.), взяша князь Василья на Лобно место и нарекли его царем, поидоша с ним во град в соборную церковь Пречистыя Богородицы” (Русская летопись по Никонову спис-

---

⁵ В “Летописи о мятежах” (стр. 96), это место, очевидно, испорчено. Здесь читаем: “На том же соборе не властники из бояр; но из простых людей никто же им пособствующе” и т.д. Эта порча текста подала некоторым повод утверждать, что против князей Шуйских в особенности были вооружены простые люди.

⁶ Вскоре, однако, князья Шуйские были возвращены и получили обратно свои саны и имения.

ку. Ч. 8. С. 76; Летопись о многих мятежах... С. 102). “Нецые от вельмож и от народа... без совета общаго избраша царя от вельмож боярина князя Василия Ивановича Шуйскаго; ... избрания ж его не токмо во градах, но и на Москве не вси ведаху...” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 74). “По убиении Ростригине в 4-ый день малыми некими от царских палат излюблен бысть царем князь Василий Иванович Шуйской, и возведен бысть в царский дом, и никим же от вельмож пререкован, ни от прочаго народа умолен, и устроися Россия вся в двоемыслие: ови убо любяще его, овии же ненавидяще” (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах, сочиненное оною же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. Изд. 2-е. М., 1822. С. 34; Изборник. С. 241)⁷. Несмотря однако на такой характер избрания, В.И. Шуйский и его партия старались представить дело в таком виде, как будто все Московское государство участвовало в избрании царя. В окружной грамоте от лица бояр, написанной в мае 1606 г., читаем: “Митрополиты и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, также и мы, бояре, и окольные, и дворяне, дети боярские, и всякие люди Московскаго государства избирали *всем Московским государством*, кому Бог изволит быти на Московском государстве государем” (СГГД. Ч. 2. № 142). В другой окружной грамоте, тоже 20 мая сам В.И. Шуйский заявляет, что его избрали “всем Московским государством” (Там же. № 144. С. 303). Подобное же выражение видим в окружной грамоте царицы инокини Марфы, написанной в то же время с целью убедить Русскую землю в смерти действительного царевича Димитрия (Там же. № 146). Такое злоупотребление именем всего государства лучше всего доказывает, что в умах и народа, и правящих лиц участие всего государства, всей земли в избрании царя признавалось необходимым, и что земские соборы – этот орган, которым выражалась воля народная – считались не игрушкой, не случайным капризом правителей, а существенным элементом государственной жизни Москвы. Выкрикнутый “царьшубник”, купивший престол ценою ограничений и уступок боярству, пробует убедить народ, что он избран советом всей земли, ибо чувствует, что всякий иной способ избрания незаконен.

---

⁷ Кроме этих свидетельств см. Псковскую летопись (ПСРЛ. Т. 5. С. 57) и у Н.М. Карамзина (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 555 и 564); из иностранцев: К. Буссова (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. С. 76), Маржерета (Там же. С. 303), Де Ту (Там же. С. 348–351) и Геркмана (Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1868. С. 291–293).

1610 г.

Свержение В.И. Шуйского было актом гораздо более народным, чем его избрание. Однако и свержение это совершено было незаконным путем (если тут можно говорить о законности), не собором представителей всей земли, а скорее мятежным скопищем людей всех чинов. Потому-то и протестовал так горячо патриарх Гермоген против свержения царя Василия (ААЭ. Т. 2. № 169). Но оно совершилось и точно так же, как избрание В.И. Шуйского, официально считалось делом *всего* Московского государства.

С.М. Соловьев совершенно верно выразился, что смертью Михаила Васильевича Скопина-Шуйского порвана была связь русских людей с Шуйскими. В роде их не было человека, который мог бы питать надежды земли на лучшее будущее. Братья Шуйского не были любимы. Сам Василий Иванович не имел совсем авторитета в глазах народа. Он не был избранником народа, он был “выкрикнутый” царь, царь скупой, мелочный, нерешительный и “несчастливый”: его личной несчастливой доле народ приписывал все беды, при нем постигшие Русскую землю (См.: Изборник. С. 346). Царь Василий не мог руководить народом в трудную пору, ибо в правлении своем не опирался на здоровые элементы русского общества; он был царем московской партии, и русская земщина не признавала его своим. А между тем, в 1610 г. время настало критическое: украинные города отказывали в повиновении царю; Жолкевский от Клушина шел к незащитной Москве; Самозванец был под самой Москвой в селе Коломенском; Прокофий Ляпунов агитировал в Москве против В.И. Шуйского: “Присла Прокофей Ляпунов, – говорит летопись, – к Москве ко князю Василию Васильевичу Голицыну, да к брату своему Захарью Ляпунову и ко всем своим советником Олешку Пешкова, чтоб царя Василья с государства ссадить” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 139; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 119; Летопись о многих мятежах... С. 186). В то же время и среди самих москвичей не было спокойно: “Егда прибежал князь Дмитрий Шуйский с победы (т.е. от Клушина – С.П.) бысть мятеж велик во всех людех... подвигошася на царя...” (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 555). Московские люди видели критическое положение дел, знали бессилие царя, понимали, что так идти дальше дело не может и что следует искать себе другого водителя вместо царя Василия. Но где искать этого водителя? Кто может им стать? Есть сведения, что “Жигимонт король писал на Москву, чтобы московские люди царя Василья отставили, а взяли на государство королевича Владислава” (*Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. М., 1843.

Т. 3. С. 241, примеч. 1321; Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные П.А. Мухановым. Изд. 2-е. СПб., 1871. С. 67–68; СГГД. Ч. 1. № 203. С. 606. Ч. 3. № 7. С. 29). Но, очевидно, предложение Сигизмунда не прельщало москвичей. Ляпунов и его одномышленники не желали ни поляков, ни Тушинского вора. Мы знаем, что московские всех чинов люди съезжались у Данилова монастыря с тушинцами, бывшими в Коломенском и, отрекаясь от царя Василия, убеждали тех отстать от вора, выбрать сообща всей землей государя и стать *против ляхов* соединенными силами. Об этом свидетельствует Авр. Палицын (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 234; Иное сказание о самозванцах. С. 112. См. также: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 139; Летопись о многих мятежах... С. 186; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 119; Изборник. С. 346 и *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 557)⁸. Но не желая ни самозванца, ни поляков, не имея определенного кандидата на престол, московские люди не хотели оставаться и с Шуйским: “Все бояря и окольные, и думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяня, и гости, и торговые лучшие люди съезжались за город, за Арбацкия ворота, – повествует летописец, – и советовали, какво Московскому государству не быть в разоренье и в расхищенье; что пришли под Московское государство поляки и литва, а с другую сторону Колужской вор с рускими людьми, и Московскому государству с обеих сторон стало тесно. И бояря и всякие люди приговорили бити челом государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси, чтоб он, государь, царство оставил для того, что кровь многая льетца, а в народе говорят, что он государь несчастлив, а города украинные, которые отступили к вору, его, государя, на царство не хотят же” (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 559; Изборник. С. 346). Этот приговор привел в исполнение Захар Ляпунов с своими единомышленниками. Он 17 июля 1610 г.⁹ с большою толпою явился во дворец к Василию Ивановичу Шуйскому и изложил пред ним просьбу всяких чинов людей о том, чтоб царь Василий оставил царство. Царь отказался и

---

⁸ Мы поместили известие о присылке Прокофием Ляпуновым Пешкова в Москву прежде известий о переговорах у Данилова монастыря с тушинцами на основании “Нового летописца” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 119), Н. С. Арцыбашев (Повествование о России. Т. 3. С. 241) помещает переговоры с ворами ранее.

⁹ Относительно числа в источниках разногласие: в окружной грамоте бояр о низложении В.И. Шуйского – 17-ое число (СГГД. Ч. 2. № 197; ААЭ. Т. 2. № 162); в Рукописи Филарета – 18-ое (С. 32); в Новом летописце – 15-ое (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 119). В Никон. летописи число не указано, а в “Ином сказании о самозванцах” указано 17 июня.

даже обнажил нож на Захара Ляпунова, но Ляпунов не смутился и ответил царю дерзостью. Услышав отказ Василия Ивановича, вся толпа отправилась из дворца на Красную площадь объявить об этом народу, который собирался на площади (Записки гетмана Жолкевского... С. 68–70). Прибыл к сборищу патриарх и бояре. Народу собралось столько, что площадь не вмещала его. Тогда решили идти на более просторное место – за Москву-реку, к Серпуховским воротам. Туда же приехали и патриарх с боярами (Никоновская летопись и Летопись о мятежах говорят, что их привезли туда “насильством”). Там всенародно было решено после долгих споров – “ссадить царя Василья”. Спорили против этого немногие бояре, энергично восставал патриарх Гермоген, который уехал со сборища еще до окончательного решения дела, видя бесполезность своих усилий. Постановив приговор, отправили свояка царева князя Воротынского и других взять царя из дворца и отвезти его на старый двор, что и было сделано. Так ссадили с государства Василия Ивановича Шуйского. Вскоре (18 или 19 июля) он был неволею пострижен¹⁰.

Таким образом, низложение Шуйского было делом москвичей, делом народным, но не делом “всей земли”. Скопище московских жителей, носившее мятежный характер, нельзя считать ни в каком случае земским собором, и нам кажется совершенно излишним ставить даже вопрос об этом, как то делает Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 235), клонящийся к тому мнению, что это мятежное скопище было земским собором “по идее”. В официальных источниках, а именно в окружной грамоте бояр о низложении Василия Ивановича Шуйского (СГГД. Ч. 2. № 197 (в Сургут) и ААЭ. Т. 2. № 162 (в Пермь) с некоторой разницей) мы читаем, что эта грамота писана от “всего Московскаго государства” и что царь Василий оставил царство по челобитью “всех чинов людей всего Московскаго государства”, которые били ему челом всею землею; словом, здесь практикуется тот же прием, который употребил В.И. Шуйский при своем восшествии на престол. Народное скопище, партия выдается за все Московское государство. Но в той же самой грамоте уверение, что в низложении царя участвовал весь народ, подрывается заявлением боярского правительства, что оно озабочено мыслью выбрать нового государя, “сослався со всеми городами”; значит, Шуйский свергнут не “сослався со всеми городами”, а

---

¹⁰ Подробности 17 июля 1610 г. наиболее обстоятельно, с указанием источников, изложены Н.И. Костомаровым в его “Смутном времени” (*Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604–1613)*. М., 1868. Т. 2. С. 368–372).

одной Москвой. Здесь же мы видим приглашение от московских людей прислать выборных к Москве, “изо всех чинов выбрав по человеку”¹¹. Это еще более подтверждает, что В.И. Шуйского низложила Москва, а не все государство, которое могло только сочувствовать этому. Все это дает нам полное право не считать в числе земских соборов собрание, низложившее Шуйского. Если же мы распространились о нем, то единственно потому, что все исследователи земских соборов не проходят его молчанием, иногда придавая ему значение правильного народного совета.

По свержении В.И. Шуйского москвичи, вынужденные необходимостью, поневоле, ввиду польского войска, избрали на царство королевича Владислава, “не согласясь и не сослався с городами”, как единогласно говорят летописи (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 120; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 141; Летопись о многих мятежах... С. 189). Несмотря на это, бояре князя Ф.И. Мстиславский, В.В. Голицын, Д.И. Мезецкий и думные дьяки В. Телепнев, Т. Луговский, заключая 17 августа 1610 г. договор с гетманом Жолкевским об избрании Владислава, заявляли, что они заключают этот договор по благословению и совету патриарха и всего освященного собора и “по приговору бояр, и окольных, и дворян, и дьяков думных, и стольников, и дворян, и стряпчих, и жильцов, и дворян из городов, и голов стрелецких, и всяких приказных людей, и детей боярских, и гостей, и торговых людей, и стрельцов, и казаков, и пушкарей, и всех чинов служилых и жилецких людей великаго Московскаго государства” (СГГД. Ч. 2. № 199 и № 200). То же самое находим и в окружных грамотах бояр об избрании Владислава (СГГД. Ч. 2. № 202; ААЭ. Т. 2. № 164), но в тех же грамотах бояре заявляют, что хотя они писали в города о присылке выборных, однако “из городов по ся места никакие люди не бывали”. Неоспоримо, стало быть, что избрание Владислава произведено было не всей землей, а одной Москвой, и что здесь мы видим новое злоупотребление именем всей земли. Не раз это бывало в Смутное время!

1611 г.

Когда Тушинский вор был убит и замыслы Сигизмунда и поляков стали ясны для русского народа; когда русская земщина встала на защиту родной земли и народное ополчение обложило занятую поляками Москву; когда московское боярское правитель-

---

¹¹ Странно, что о присылке выборных говорится только в грамоте в Сургут (СГГД. Ч. 2. № 197); грамота же в Пермь об этом молчит (ААЭ. Т. 2. № 162).

ство потеряло всякую власть, в лагере под Москвою создалась иная власть, руководившая землею. В апреле 1611 г. придя под Москву, городовые дружины с целью устранить несогласия, на первых же порах возникшие в их среде, выбрали сообща трех начальников, которые должны были управлять и войском, и землею: “Бысть у них под Москвою меж себя рознь великая, и делу ратному спорыни не бысть меж ими, и начаша всею ратью говорити, чтоб vybrати одних начальников, кому ими владеть, и им бы одних их и слушати. И снидошася всею ратью и думаша, и выбраша в начальники князь Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да Прокофья Ляпунова, да Ивана Заруцкого; они же начаша всеми ратными людьми и всею землею владети” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 159; Летопись о многих мятежах... С. 214. Иначе: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 135). Выбранные воеводы приняли власть в свои руки. Они писали грамоты в города о присяге на единение против врагов веры и земли, о сборе денег и о присылке ратных людей под Москву; они сменяли городских воевод (СГГД. Ч. 2. № 262; ААЭ. Т. 2. № 185; СГГД. Ч. 2. № 251 и ААЭ. Т. 2. № 188, V); после убийства И. Салтыкова в Новгороде они послали туда В.И. Бутурлина оберегать Новгород (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 136; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 162; Летопись о многих мятежах... С. 217); они устраивали разоренных смольнян, дорогобужцев и вязмичей на новых поселениях (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 140; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 168; Летопись о многих мятежах... С. 226); они раздавали поместья (АИ. Т. 2. № 328); есть даже известие, что они посылали просить на царство шведского королевича Филиппа (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 138; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 165; Летопись о многих мятежах... С. 222). Словом, троеначальники были истинными руководителями не только подмосковной рати, но и всей земли. Однако среди них не было мира, и распри их вредили общему делу. Ляпунов был предводителем земских людей и мирволил своим, относясь недружелюбно к^о казакам Заруцкого; сверх того он был заносчив и горд. Заруцкий же позволял казакам грабить и ласкал их в ущерб интересам земских дружин. Царили беспорядок и несправедливость. Жалованье раздавалось пристрастно: кому много, кому ничего. Земскими деньгами и поместьями распоряжались оба вождя самовольно; князю Трубецкому же от них “не было никакой чести”. Видя такое неустройство, ратные люди решились положить ему конец.

По словам летописи, дворяне и земские служилые люди сошлись с казаками вместе и, обсудив положение дел, решили подать военачальникам письменную челобитную о разных делах, “чтоб, – как говорит летопись, – бояре и воеводы стояли под Москвою и чтоб пожаловали, были в совете и ратных людей жаловали б по достоянию, а не выбором, а себе б взяли во обладание вотчины и поместья тех бояр, которые изменили и сидят в Москве, по достоинству своему; прочее же все взяти во дворец и тем кормить и жаловать их, ратных людей, и чтоб пожаловали, которые были и служили в тушинских таборах и которые были в Москве, друг друга тем не укоряли, а которые изменники есть ныне в Москве с королевскими людьми, а люди их ныне в казаках, и о тех людех помысля, сказать им указ, в каком чине им служить” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 138–139. Иначе: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 166; Летопись о многих мятежах... С. 223–224). Таким образом, войско просило своих вождей об упорядочении финансового управления и о сохранении мира и благоустройства в войске. Эта челобитная князю Трубецкому и Заруцкому показалась “не любя”, но Ляпунов одобрительно отнесся к ней и велел “написать приговор”, как выражается летопись. Это выражение неточно. Вероятней, что Ляпунов согласился на созвание общей Думы ото всех дружин и полков, а Дума составила обширный приговор, касавшийся не только подмосковного войска, но и всей земли. Этот чрезвычайно важный и любопытный приговор напечатан только у Н.М. Карамзина (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 793, 794), и то не совсем желательным образом. Н.М. Карамзин не привел полностью имена подписавших приговорную грамоту лиц, так что мы, зная, от каких городских дружин были представители на этом войсковом соборе, не знаем, сколько их было, и были ли они выборные, или же горожане шли на собор, кто хотел и в каком числе угодно. Н.М. Карамзин говорит, что “Дума составила из *выборных* войска”. Вероятнее всего, что так и было, что городские и казачьи ополчения посылали на общий совет своих выборных: не могло же войско во всем составе прийти на совещание или предоставить решение важных дел не правильно избранным представителям, а кому ни попало.

30-го июня 1611 г. сошлись на собор “Московского государства разных земель царевичи и бояре, и окольные, и чашники, и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы, и казаки, и всякие служилые люди, и дворовые, которые стоят за дом Пресвятыя Богородицы и за православную

христианскую веру, против разорителей веры христианския против литовских и польских людей под Москвою”. Эти люди “приговорили и выбрали всюю землею” вторично князя Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова “строить землю и всяким земским и ратным делом промышляти и чинить расправу между всяких людей вправду”. Ратные же и земские люди должны были им повиноваться¹². Но в то же время приговорено было, чтоб “смертной казнью без земскаго и всей земли приговору бояром не по вине не казнити и по городом не ссылати... недружбы никоторыя никому не чинити”. Над преступниками “по сыску наказанье и смертную казнь чинити бояром, поговоря со всею землею, смотря по вине... А кто кого убьет без земскаго приговору, и того самого казнити смертью”. “А буде бояре, которых выбрали ныне всюю землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и росправы чинити не учнут во всем вправду, и по сему земскому приговору всяких земских ратных дел делати не станут и за ними всякия земския дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, и нам всюю землею вольно бояр и воевод переменить, и в то место выбрати иных, поговоря со всею землею, кто будет бою и земскому делу пригодится”¹³. Таким образом, земская рать подвергала своих начальников контролю и ответственности, вероятно, ввиду их несогласий и происходившего оттого неустройства.

Затем для установления порядка в делах приговорено было учредить приказы: *Большой Разрядный*, который должен был ведать ратные дела, вести списки убитых и раненых и отмечать “послуги” ратных людей; *Большой приход*, который ведал финансовую часть управления и должен был собирать “со всех городов всякия таможенныя и кабацкие деньги и всякие доходы”; *Разбойный* и *Земский приказы*, которые должны были ведать уголовные дела по всей земле, и *Поместный приказ*, который долженствовал

---

¹² Это вторичное утверждение во главе войска и земли князя Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова дало повод С.М. Соловьеву игнорировать их первое избрание, как будто его не было (*Соловьев*. История. Т. 8. С. 383–384). Но летописи повествуют об их избрании отдельно и ранее известий о приговоре 30 июня. Кроме того, мы имеем грамоты, писанные от лица этих троеначальников ранее 30 июня (СГГД. Ч. 2. № 262; ААЭ. Т. 2. № 185). Нужно пояснить, что это собрание и приговор не были *первыми* в подмосковном войске, как то можно бы заключить из повествования С.М. Соловьева: в грамоте приговорной (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 793, ст. 141) упоминается о “боярском и всей земли *прежнем* приговоре”, который, очевидно, имел место ранее 30-го июня и которым легко могли быть избраны в первый раз земские вожди.

¹³ В видах системы мы передаем приговорные статьи не в той последовательности, в какой они изложены в грамоте.

испоместить всех бедных и разоренных дворян и детей боярских. Этот приказ должен был вообще водворить порядок в деле раздачи поместий, нарушенный Смутой. Для этого общая Дума выработала очень обстоятельные правила, сущность которых сводится к следующему. Постановлено было *отобрать* от владельцев: 1) те поместья, которые бояре и воеводы взяли себе и другим раздали сверх окладов без земского совета; 2) те поместья, которые добыты на Москве в осаде, в Тушине и в Калуге сверх прежних окладов; 3) те поместья, которые сверх окладов испрошены от короля и королевича; и 4) все те поместья, владельцы коих не несут службы. Отобранные таким путем земли решено отдать в поместья бедным и разоренным дворянам и детям боярским, а черные волости и дворцовые села отдать “во дворец”. Право на получение поместий, по соборному приговору, имели все те обедневшие служилые люди, которые “ныне под Москвою в полках служат и за православную христианскую веру стоят”, также порубежные с литовской и крымской стороны служилые люди, разоренные и обедневшие. Духовенству, церквям и монастырям присуждено было отдать назад отторгнутые у них за время Смуты земли. Было решено *не отбирать* земель у следующих лиц: у жен и детей дворян “заложённых” (т.е. бывших в плену) в Литве с Филаретом Никитичем и В.В. Голицыным; у жен и сыновей убитых и умерших служилых людей; у тех людей, которым князь М.В. Скопин-Шуйский давал за службу с ним земли; у тех служилых людей, которые не приехали до 29 мая к подмосковному войску по уважительным причинам, а не “по лени и воровству”¹⁴; наконец, решено было возвратить поместья тем, у кого они были отняты по ложным челобитьям, и тем, которые сидели в Москве в осаде поневоле. Далее, по приговору земли, атаманов и казаков, если они этого пожелают, можно было верстать за их службу поместными и денежными окладами; не желающим этого решено было давать хлебное и денежное жалованье. Бояре (т.е. троена-чальники) могли выдавать вместо утраченных новые вотчинные жалованные грамоты и всякие крепости, даже давать вотчины, поговоря со всею землею. Такими правилами должен был руководиться подмосковный Поместный приказ. Ему исключительно были ведомы все поместные дела: в полках производство таких дел приговором воспрещалось.

Кроме поместных дел земский приговор заключает в себе и иного рода постановления. Решено было возвратить под Москву

---

¹⁴ Существовал, очевидно, приговор, по которому служилые люди, не бывшие к 29 мая под Москву на службу, лишались своих поместий.

всех годных к службе дворян и детей боярских, которые были отправлены в города на воеводства и с посылками; на их же место отправить неспособных ратному делу. Во избежание грабежей и бесчинств решено было свести с городов казаков; за припасами посылать “дворян добрых” и детей боярских со стрельцами и казаками, а не одних казаков. Кроме того, меньшие воеводы без ведома троеначальников не могли назначать в города воевод, приказных и сборщиков. Для печатанья грамот постановили сделать “земскую печать”, а грамоты “о больших земских делах” должны были подписывать начальники. Наконец, решили беглых или увезенных кем-либо крестьян и людей возвращать их помещикам.

На обороте подлинной грамоты¹⁵ находятся подписи трех дьяков; двух бояр: князя Трубецкого и Заруцкого; П. Ляпунова; окольничего А.В. Измайлова, князя И.А. Голицына, Вельяминова; стольника В.Измайлова, И. Шереметева; ключника Ветошкина, какого-то жильца, да от городов: Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Ярославля, Можайска, Калуги, Муром, Владимира, Юрьева, Нижнего Новгорода, Пошехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельска, Переяславля Залесского, Костромы, Воротынского, Юрьева Польского, Болхова, Звенигорода (итого 25 городов); также от полков князя Трубецкого, Заруцкого, князя П.В. Бахтеярова, Пр. Ляпунова, М. Вельяминова; атаманов, судей, есаулов, сотников и многих других без означения чинов.

Теперь нам надлежит разрешить вопрос, можно ли считать эту Думу подмосковного воинства за земский собор? Н.И. Костомаров (*Смутное время...* Т. 3. С. 158) говорит, что эта Дума “хоть и казалась собранием чинов всей земли, но не была тем на самом деле, потому что в ней не видно было духовных”. На этом, вероятно, основании он и умалчивает о ней в своей статье о земских соборах (*Костомаров Н.И. Старинные земские соборы // Новое время. 1880. Апрель и май*). Н.П. Загоскин говорит об этой Думе мимоходом, но не считает ее в числе земских соборов (*Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. С. 237*). С.М. Соловьев не высказывается по этому поводу, говоря “о приговоре ополчения” (*Соловьев. История. Т. 8. С. 383–387*). Другие исследователи обходят этот приговор молчанием. Для решения вопроса необходимо вспомнить, что приговор подмосковной Думы касается главнейшим образом дел общеземских, а не только войсковых, что участники Думы приговаривали и выбирали “всею землею”, по их собственному выражению, и что, следовательно, в их глазах их собрание было собранием всей зем-

---

¹⁵ См.: *Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 794. У нас – почти дословный пересказ.*

ли, “земским собором”. Далее мы знаем, что на этом собрании были представители 25 городов; они были посланы от городских дружин, которые составлялись из горожан, несомненно обладающих правом выбора, и выборы их (а выборы, по всем вероятностям, были, как мы видели выше) необходимо считать законными; следовательно, можно допустить, что на собрании города были представлены с достаточной для того времени правильностью. Отсутствие духовенства, т. е. одного чина, не может, по нашему мнению, лишать звания земского собора собрание других чинов. Ведь на московских земских соборах сплошь и рядом не было представителей самого многочисленного чина Московского государства – крестьян, а земские соборы тем не менее назывались собранием всех чинов государства Московского¹⁶. На основании всех этих соображений мы решаемся признать подмосковное собрание служилых всяких чинов людей и казачества за земский собор, правда, не полный собор, но имеющий права называться таковым гораздо больше, чем, например, сборище^п, провозгласившее и низложившее В.И.^р Шуйского¹⁷. Здесь земщина, вооружившаяся для защиты национальности в безгосударное время, всем миром думает о временном благоустройении родной земли до избавления народа от врагов, до избрания царя. Это ли не *земский собор*?.. Несмотря на неполноту этого собора, мы придаем ему важное значение, мы видим в нем одну из первых попыток разоренной земли, оставленной на произвол судьбы и на собственное попечение, промыслить о себе, устроить и упорядочить себя. По значению этот собор – предтеча того собора, который избранием царя Михаила Федоровича укрепил расшатанное государство и положил предел смутам, чуть не предавшим Россию и русскую национальность в руки ее исконных врагов.

1612 г.

Однако первое полуземское, полуказачье ополчение, как известно, не могло совершить своей задачи и подверглось, если можно так выразиться, разложению. Этим оно обязано было сво-

---

¹⁶ Никто не думает оспаривать значения земского собора у собрания чинов 1566 г., а между тем состав его в своей полноте настолько же не удовлетворяет требованиям правильного представительства, насколько и состав подмосковной думы 1611 г.

¹⁷ Да одни ли служилые люди и казаки были на этом собрании? В перечне его участников упоминаются “всякие служилые и дворовые люди” (См.: *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 793, ст. 138). Трудно точно определить, кто разумеется под именем “дворовых людей”; но чрезвычайно вероятно, что люди не служилые; ведь в земское ополчение могли приниматься и тяглецы.

ему сбродному характеру, присутствию в войсках бродячих элементов, способных более поддерживать смуту, чем противостоять ей. На смену этому неудачному ополчению явилось другое, уже чисто земское. Это земское ополчение, образовавшись в Нижнем Новгороде из нескольких городских дружин, двинулось к Москве, имея во главе князь^c Дмитрия Михайловича Пожарского и земского человека Кузьму Минина Сухорукого. Но земское войско шло из Нижнего не прямо на Москву, а на Ярославль: нужно было дать время собраться городovým ополчениям, очистить север от бродячих шаек, удержать шведов, грозивших северным областям, и тем обеспечить свой тыл. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский в начале апреля 1612 г. прибыл в Ярославль и оставался там до августа. Туда сходились ополчения из городов, приезжали служилые люди и посадские, везли деньги и припасы; словом, Ярославль стал сборным пунктом земщины, поднявшейся на защиту родины. Вскоре после прибытия князя Пожарского в Ярославль от имени его и всех чинов людей, с ним бывших, пошли грамоты по всей земле, извещавшие о происшедших событиях. В грамотах ополчение, прося денег на свое содержание, просило вместе с тем города прислать “изо всяких чинов человека по два” для “земского совета” и с этими людьми “совет свой отписать за своими руками” о том, как бы в такое трудное время не оставаться безгосударным и как бы стоять “против общих врагов польских, и литовских, и немецких людей и русских воров”. Дошедшая до нас такая грамота подписана не одним князем Пожарским, а 49-ю лицами разных чинов (ААЭ. Т. 2. № 203). В другой уцелевшей грамоте ополчения в города встречается та же просьба о присылке выборных людей для общего совета и то же выражение, как и в предыдущей, что эта грамота написана от лица всех чинов людей, бывших в Ярославле (СГГД. Ч. 2. № 281). Ясно, что и в войске князя Пожарского, как в первом ополчении, соборное начало играло видную роль. Князь Пожарский “с товарищи” пользовался большою властью: он принимал челобиття всякого рода, подтверждал тарханы и жалованные грамоты монастырям (ААЭ. Т. 2. № 204, 205); распоряжался постройкой городов и наказанием строптивых по городам (Там же. № 206); давал льготы разоренным (АИ. Т. 2. № 336, 339); распоряжался взысканием денег на ратное дело (Там же. № 337) и проч., но все это им делалось, как свидетельствуют грамоты, “по боярскому приговору и совету всей земли”, “по приговору всей земли” и т.п. В летописях находим указания на то, что совет и приговор всей земли существовали не только в грамотах, но и на самом деле. Когда войско пришло в Ярославль, нужно было позаботить-

ся об охране северных областей и самого войска от врагов: шведы были в Тихвине, казаки занимали Углич и Пошехонье. По этому поводу князь Пожарский и К. Минин собрали, по словам летописи, “всю рать свою, *властей призваша и посадских людей*, начаша советовати, что имут чинити, како б земскому делу было прибыльнее; и умыслиша в Новьград Великий послати послов, чтоб новгородцы отписали к ним, какой у них договор учинен с немцами между собою; а к Якову Пунтусову (Делагарди – С.П.) отписати особо, что всему Московскому государству быти с новгородским под единым государем, и аще кроль даст брата своего на государство, чтоб он крестился в православную веру. Умылиша ж сие сотворити того ради, егда они пойдут под Москву для очищения, чтоб в то время немцы не пошли войною в поморские города; а на черкас и на казаков умылиша послати войною” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 148–149; также: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 181; Летопись о многих мятежах... С. 243). Таким образом, в летописи заключается, как мы видим, прямой намек на собор всяких чинов людей, вроде того, что был в подмосковной рати в 1611 г., только более полный – “со властями” и с посадскими. Далее, по возвращении к войску первого посольства в Новгород, явилась надобность отправить туда и другое посольство по делу об избрании на царство шведского королевича и о нейтралитете шведов. Это посольство отправилось вместе с новгородскими людьми, присланными в Ярославль из Новгорода. Об этом летопись говорит: “Московского ж государства народ, митрополит Кирил и начальники и все ратные люди придумаша их (новгородцев) отпустить и писаху к митрополиту и к боярину, и к Якову Пунтусову, будет королевич крестится в православную... веру... и мы ему все ради” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 184; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 150; Летопись о многих мятежах... С. 248). Здесь тоже ясно проглядывает участие в деле не одних начальников, но и всей рати, ратного собора. Затем в Ярославле на жизнь князя Пожарского было совершено покушение. Виновные, как говорят, действовали по наущению Заруцкого. Их поймали; розыск и суд были произведены “всею ратью”, собором. По словам летописи, злодея, бросившегося с ножом на князя Пожарского, “поймаша и vedoша... *всею ратью и посадские люди* к пытке и пыташа ево; он же все рассказаше и товарищей своих всех сказа, и их переимаша, они же все повинися, и *землю* ж их все разошла по городом, по темницам...” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 186; Новый летописец, составленный в царствование Михаила

Федоровича. С. 151; Летопись о многих мятежах... С. 250). Здесь опять указание на соборное решение дела. Итак, хотя при неудовлетворительном состоянии источников мы и не можем с полной уверенностью сказать, что князь Пожарский и другие военачальники были окружены постоянным собором земских чинов, но существует сильное вероятие, что дело было именно так.

Выше мы видели, что, во-первых, тотчас по приходе в Ярославль и в последующее время князь Пожарский заботится о том, чтобы в его войске были из городов выборные люди. Эти выборные – надо думать – вызывались не только для выбора царя, ибо грамоты князя Пожарского предлагают городам на разрешение не один вопрос об избрании, но и вопросы о том, как стоять против врагов государства? Как сослаться без царя с иностранными государями о государственных и земских делах и как устраивать впредь государственный порядок? Города приглашаются обсудить все это и свою мысль прислать “за руками” с выборными людьми (ААЭ. Т. 2. № 203. С. 356). Избрание государя, действительно, стоит на первом плане, но не забываются князем Пожарским и другие дела, для которых нужен “земский совет”. К тому же следует помнить, что ополчение шло прежде всего освободить Москву и государство от поляков и потом уже избирать царя. Поэтому созвание выборных до освобождения Москвы было бы преждевременным, если бы эти выборные созывались только ради избрания государя. Во-вторых, во всех грамотах, исходивших от лица князя Пожарского и бояр, неукоснительно говорилось, что распоряжения, которые делаются в этих грамотах, делаются “по совету” или “по приговору всей земли” и т.п.; и в-третьих, летописи свидетельствуют, что все важные дела в войске решались при участии всей рати, властей (т.е. духовенства) и даже посадских. Имея такие данные, мы можем, кажется, безо всякого риска сделать заключение, что в Ярославле дела решались не немногими лицами, а собором¹⁸. Собору этому представлялась частая практика; неужели же он не имел никакой организации и был простым сбродом всякого рода войсковых людей? Трудно этому верить. Вероятно, наличное духовенство, высшие чины, которых в Ярославле было более 10 человек (ААЭ. Т. 2. № 203, см. подписи), также приехавшие из городов люди “по два, по три из всякаго чина”, затем выборные от городских дружин, бывших в Ярославле, и посадских, находившихся в войске, составляли постоянный совет около начальствующих лиц, совет, имеющий

---

¹⁸ Ниже, при обзоре собора 1613 г., мы встретимся еще с некоторыми данными, говорящими в пользу такого заключения.

полное право называться земским собором наряду с московскими земскими соборами. Если соборное начало проявилось так ярко в подмосковной полуземской рати, то естественно ему было с такою же яркостью проявиться и в войске чисто земском... Нужно еще заметить один характерный факт, который свидетельствует, с каким вниманием и добросовестностью относились правящие в Ярославле люди к избравшей их земщине: из Ярославля в города были разосланы для обсуждения списки с документов, касавшихся переговоров с Новгородом об избрании шведского королевича (ААЭ. Т. 2. № 208, 210). Это показывает, что князь Пожарский “с товарищи” не довольствовались даже обсуждением этого дела всею ратью, т. е. собором, но старались привлечь *de facto* всю землю к участию в этом деле, поставляя ей на вид и все обстоятельства дела и поведение ярославских властей.

* * *

Мы остановили свое внимание на проявлении соборного начала в ополчении Прокопия Ляпунова и в земской рати князя Пожарского и изложили соборы, происходившие в войсках, как могли подробнее потому, что эти ратные Думы составляют перелом в истории земских соборов Московского государства и начинают собою новый момент в жизни этого учреждения. До времени междуцарствия в продолжение шестидесяти лет земские соборы представляют собою редкое, необычное явление государственной жизни. За это время мы знаем всего три собора (1550 г., 1566 г. и 1605 г.), созданных государями по текущим делам управления и суда. Остальные соборы, считая и “фиктивные” соборы времени В.И. Шуйского, занимаются избранием (и свержением) государей – делами чрезвычайными. Очевидно, обычай созывать соборы еще не привился. Так, Годунов и Шуйский к ним не прибегают совсем за все время их царствования; между тем при Михаиле Федоровиче соборы становятся даже постоянными в продолжение нескольких лет. С другой стороны, до междуцарствия земские соборы, насколько они известны, не служат действительными представителями *всей* земли: они очень неполны, хотя, может быть, и людны. На соборе 1566 г. тяглых людей представляли лишь москвичи да смольяне, а в 1598 г. городских тяглых людей было около десятка. И служилые представители городов на этих соборах были немногочисленны. Идея полного представительства никогда не осуществлялась в Московском государстве; но во времена царей Романовых стремились к представлению на соборах возможно большего числа местностей; в XVI же веке этого стремления еще не видно, идея полноты представительства еще

не была сознаваема, довольствовались присутствием на соборах представителей всех *чинов*, полагая, может быть, что представители какого-либо чина из одной местности могут представлять интересы людей этого чина всего государства. Наконец, представители земли на соборах до междуцарствия (мы говорим не об избирательных соборах) никогда не возвышались до того значения, какое приобрели они позже, при Михаиле Федоровиче. При Иване Васильевиче в 1566 г. выборные^т ограничились подачею своего мнения, в 1605 г. они играли роль присяжных, но ни одного соборного приговора, который имел бы обязательную силу в государстве, до нас от XVI в. не дошло. До таких приговоров земщина возвышалась только при царях Романовых, как увидим это ниже, и в безгосударное время, как мы это видели.

Такие признаки отличают земские соборы первых 60-ти лет (1549–1610 гг.) их существования от последующих земских соборов. В 1611 и 1612 гг. земщина, предоставленная самой себе, выбирает себе вождей; образуются в войсках своего рода земские власти, держащие Русскую землю; эти власти правят делами не самолично, а при помощи соборов земских людей, которые постановляют о делах приговоры, имеющие силу закона. На этих ратных земских соборах представительство городов должно было развиться сильнее, чем прежде, уже в силу самых обстоятельств: соборы происходили не в Москве, а в ополчениях, составленных из обывателей многих городов. Москвичи, составлявшие большинство на прежних соборах, не могли явиться в значительном числе на эти собрания; напротив, городские люди являлись свободно и составляли собою всю массу участников собора. Поэтому в ополчении Ляпунова на ратной Думе мы видим представителей 25 городов, чего на прежних московских соборах не бывало. В войске князя Пожарского было представлено тоже немало, вероятно, городов, потому что в это ополчение вошло очень много городских дружин. Эти признаки существенно отличают войсковые соборы от прежних соборов московских и роднят их с соборами времени царей Романовых. Поэтому мы их и присоединяем ко второму моменту истории соборов или, что вернее, ставим на рубеж между двумя моментами: первым (1549–1610 гг.) и вторым (до 1622 г.), к изложению которого теперь переходим.

1613 г.

В конце ноября 1612 г. Москва была очищена от поляков. Грамотой из Москвы от 16 декабря (СГГД. Ч. 2. № 288) воеводы земской рати извещали города об освобождении столицы и приглашали горожан петь благодарственные молебны. Но царский престол

все еще “вдовел”, и теперь, когда Москва от врагов “учинишася свободна”, надлежало заботиться об избрании царя, ибо без него русским людям “ни малое время быти не можно”: “пещися о государстве и людьми Божиими промышлять некому”. Но обратиться к избранию государя немедленно по взятии Москвы помешал поход к Москве Сигизмунда. Когда на Москве узнали, что Сигизмунд в Вязме, то и воеводы, и ратные люди пришли в ужас: в Москве не было запасов на случай осады, да и ратные земские люди, освободив столицу, разъехались в города (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 159; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 198; Летопись о многих мятежах... С. 266). Однако решено было защищаться до последнего. Эта решимость спасла Москву. Сигизмунд, видя, что как сама Москва, так и все другие города “стоят крепко” против него, повернул назад. Во время похода короля к Москве Гонсевский ходил с отрядом под Осташков, но без успеха. Возвращаясь в лагерь (*do Kosza*), Гонсевский, по его собственным словам¹⁹, поймал несколько детей боярских – “торопецких послов”, которые были на Москве для избрания царя, но не порешив ни на чем, уехали домой (“*ktorzy do stolicy na obieranie card posyłani byli, ale vis nanie zgodzinszy, nazad nię z czym odjachali*”). Эти люди объявили Гонсевскому, что избрание царя назначено на 23 марта 1613 г. На основании этого известия Н.И. Костомаров полагает, что для избрания царя выборные съезжались в Москву два раза: в конце 1612 г. и в феврале 1613 г. Но к словам Гонсевского нужно отнестись осторожно. Прежде всего, ни один русский источник не намекает на два съезда выборных, все ясно говорит об одном. Далее: Гонсевский мог перехватить тех выборных “послов”, которые были вызваны в Ярославль князем Пожарским “для земскаго совета и царскаго обиранья” и которые, по всей вероятности, следовали за ним и в Москву. Эти выборные могли сказать Гонсевскому, что они отпущены из Москвы, где были ради земских дел и избрания царя, и что избрание отсрочено до прибытия новых выборных из городов. Что же касается до того предположения, что собор, окружавший князя Пожарского в Ярославле, следовал за ним и в Москву, то оно подтверждается одною позднейшею грамотой: в ней заключается намек, что в Москве до съезда избирательного собора 1613 г. имел место приговор, составленный “всею землею”. В грамоте этой собор 1613 г. пишет царю Михаилу Федоровичу: “И до нас, холопей твоих, послал боярин князь

---

¹⁹ У Н.И. Костомарова (*Костомаров Н.И. Смутное время. Т. 3. С. 292*) приведена выписка из письма самого Гонсевского, которое хранится в рукописях Радзивилловского архива в Несвиже.

Д.Т. Трубецкой да столник князь Дмитрий Пожарский, для твоих государевых обиходов, отписывать дворцовых сел... по приговору Кирила митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собору, и по совету всеа земли” (Дворцовые разряды. Т. I. Приложение 12). Кто же мог составить этот “совет всей земли” как не тот собор, который был около Пожарского еще в Ярославле? И когда же мог этот собор заботиться о пополнении “царских обиходов”, как не по взятии Москвы у поляков?²⁰

Русские источники повествуют об избрании царя следующим образом: “Начальники ж и вси людие, – говорит летопись, – видя над собою милость Божию (т.е. счастливое избавление от Сигизмунда – С.П.) начаша думати, како бы им избрати государя на Московское государство праведна, чтоб дан был от Бога, а не от человек, и послаша во все городы... чтобы все ехали к Москве на избрание государя, власти и бояре, и всяких чинов люди” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 200; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 160; Летопись о многих мятежах... С. 269). Другой источник повествует, что, очистя Москву, бояре и все люди писали “в понизовые, и в поморские, и в северские, и в украинные во все городы ко всему освященному собору... и ко всяким служивым и к жилецким, и к уездным людям” грамоты, в которых излагали бедственное состояние государства: ему без государя “строиться” невозможно: нельзя “городов из плену у литвы и немец доступать”, нельзя заботиться об общей безопасности и благоустройстве. “В городех бы, – писали из Москвы, – всякие люди меж себя о том совет и договор учинили крепкой, как бы в безгосударное время Московскому государству от иноплеменных... людей... и от межеусобных брани в погибели не быти; и православная... вера... в разорение и во обругание и досталь не учинилась, и православные б христиане, которые малодушьством своим пристали к литовским и к немецким людям, от литовских и от немецких людей отстали, и утвердились б все люди... в православной христианской вере и в соединении, и обрать бы... на все великия государства Российскаго царствия государя, царя и великаго князя всеа Руси, кого Бог даст, опричь литовского и немецкаго короля и королевича, кем такое великое разореное государство собрать в единомыслие и святую... веру утвердить, и святыя Божия церкви в первую лепоту облечи, чтоб в них Божие имя славилось во веки. А учиня б в городах о том совет и приговор крепкой, выбрали изо всех горо-

---

²⁰ Не лишним здесь будет принять к сведению один любопытный факт: в декабре 1612 г. (так же как и в феврале 1613 г.) челобитья подавались не на имя обоих правящих бояр, но на имя “всей земли” (АЮ. № 35, 36).

дов лучших и разумных постоянных людей для земского великаго совету и государскаго обиранья, прислали к Москве тотчас” (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 20; СГГД. Ч. 3. № 2). В избирательной грамоте 1613 г. (СГГД. Ч. 1. № 203) говорится, что “бояре, воеводы и все христолюбивое воинство” писали в города, прося всех высших духовных лиц прибыть к ним в Москву, “а из дворян и из детей боярских, и из гостей, и из торговых, и из посадских, и из уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных людей, по скольку человек пригоже, для земскаго совету и для государскаго обиранья” прислать к Москве же (Там же. С. 612). Из смысла приведенных мест видно, что города приглашались обсудить не только вопрос об избрании царя, но и средства избавления государства от постигших его бед. Выборные люди призывались в Москву не только для избрания царя, но и для “великаго земскаго совета”, что и было действительно, как увидим ниже. Затем, со стороны временного московского правительства заметно стремление к тому, чтобы выборы в городах были произведены тщательно, чтоб выбраны были люди “лучшие, крепкие и разумные”, чтобы, далее, горожане, обсудив положение государственных дел, дали своим выборным “полные договоры”, инструкции, которыми лучшие люди должны были руководиться в своей соборной деятельности. Как удостоверение в правильности выборов должны были составляться “выборы”, т. е. избирательные протоколы за подписями избирателей (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 636); эти протоколы, будучи представлены в Москве, служили удостоверением и личностей выборных людей. Кроме того, нельзя не заметить, что к участию в выборе представителей призываются и “уездные люди”, т. е. крестьяне. Собор 1613 г. – единственный, на котором присутствовали – как мы то с достоверностью можем сказать – и представители крестьянства; это видно не только из вышеприведенных мест, но и из подписей выборных людей под избирательною грамотой собора 1613 г. (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 640 и др.).

Когда съехалась в Москву большая часть выборных из городов, было определено духовными властями поститься три дня строгим постом и молиться об устроении Русской земли и о даровании ей государя. Так пишет Авраамий Палицын (Сказание о осаде Троице Сергиева монастыря... С. 289). Затем открылись заседания собора. Когда именно съехали выборные в Москву, мы не знаем, не знаем и того, когда открылись их заседания. Нам известно только, что окончательный выбор Михаила Федоровича последовал 21 февраля, что выборные жили на Москве и “мыслили о государском обираньи” многое время и что у них были “мно-

гие соборы” (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 47 и 49; СГГД. Ч. 3. № 4). Вероятно, съезд выборных произошел в январе 1613 г. и тогда же открылись заседания собора. Но прежде чем обратиться к изложению дошедших до нас скудных сведений об этих заседаниях, скажем несколько слов о составе собора 1613 г.

Состав этот может быть определяем только с помощью подписей, которыми соборные люди скрепили избирательную грамоту – официальный памятник деяний этого собора (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 636–643). Из подписей видно, что на соборе присутствовали действительно все чины людей Московского государства, как духовные, так и светские. За уездных людей (крестьян) мы находим 12 подписей, а всех подписей под грамотою, сделанных по поручению и собственноручных – 277; 3 подписи принадлежат митрополитам, 5 – архиереям, 39 – архимандритам, игуменам и старцам; кроме того, есть подписи 10 лиц белого духовенства. Всего же духовных лиц, подписавших грамоту – 57. Из духовенства некоторые подписались “выборными”. Далее следуют 136 подписей бояр (их было 17), окольных, думных людей и других придворных чинов и 84 подписи выборных из городов светских людей. Но эти 277 подписей не могут нам дать понятия о численном составе собора: из выборных, подписавших грамоту, почти все подписывали не за себя одного, но и за всех выборных своего города без означения их имен; таким образом, действительное число выборных гораздо более числа подписей их. Сохранилось одно интересное показание о числе выборных из Нижнего Новгорода. Избирательную грамоту подписали от лица Нижнего Новгорода 4 человека: выборный спасский протопоп Савва, выборный посадский человек Самошка Богомолов “и в товарищей своих место” стрелец Якунька Ульянов, и “в товарищей своих место” стрелецкий сотник Княжегорский (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 643). Но уцелел один документ (Дворцовые разряды. Т. 1. Прил. № 13. Стб. 1085–1086), из которого ясно, что Нижний послал на собор трех священников (в числе их вышеупомянутый Савва), 12 посадских (кроме помянутого Богомолова) да дьяка Василья Сомова. О числе выборных от других чинов нижегородских не говорится. Итак, вместо четырех подписавших грамоту оказывается 19 (minimum) выборных. Если все представленные на соборе города послали по столько же выборных, то число всех соборных людей необходимо увеличить до громадной цифры. Таким образом, мы имеем основание полагать, что избирательный собор 1613 г. был сравнительно очень полон и по присутствию на нем *всех* чинов государства, и по числу городских представителей; его следует считать полным также и в отношении числа представленных

местностей: на соборе были представители *пятидесяти* городов и мест, кроме Москвы²¹.

К началу соборных заседаний съехались не все выборные, как это надо полагать из того обстоятельства, что соборные люди, предрешив вопрос об избрании Михаила Федоровича 7 февраля, отложили окончательное его решение на две недели, до 21 числа, когда приехали в Москву князь Ф.И. Мстиславский и другие бояре, доселе отсутствующие, а также “всего великаго Российскаго царствия всякие люди” (СГГД. Ч. 1. № 209. С. 613). Заседания собора, насколько можно судить по скудным указаниям источников, были продолжительны и бурны: “По многие дни бысть собрания людем, дела ж... утвердити не могут и всеу мятутся семо и овамо” (Дворцовые разряды. Т. 1. С. 65; Рукопись Филарета. С. 67); “многое было волнение всяким людем, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 201; Летопись о многих мятежах... С. 270). Прежде всего соборные люди пришли к соглашению в том, чтобы “литовскаго и свейскаго короля и их детей, и иных немецких вер и никоторых государств иноязычных... на Владимирское и Московское государство не обирати, и Маринки и сына ея на государство не хотети, потому что полскаго и немецкаго короля видели к себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение” (Дворцовые разряды. Т. 1. С. 47). Такое постановление не выбирать царя из иноземцев, а выбрать “из московских родов” было первым общим решением собора 1613 г. К нему пришли, по всей вероятности, не тотчас по открытии заседаний, а после многих прений, потому что находились люди, желавшие царя из иноземцев. На это есть у нас свидетельство одной из Псковских летописей: “И восхотеша начальницы паки себе царя от иноверных, – говорит эта летопись, – народи же и ратнии не восхотеша сему быти” (ПСРЛ. Т. 5. С. 63). Это сообщение нам кажется правдоподобным. Многие из бояр не желали внезапного возвышения одного какого-нибудь боярского рода над другими из опасения междоусобия и зависти между родами, с одной стороны, а с другой стороны – из боязни преследований от царя-боярина, свежий пример чему представляло время

---

²¹ Это явствует из подписей под избирательной грамотой (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 636–643). В подписях упоминаются следующие города и места: Алексин, Арзамас, Боровск, Брянск, Бежецкий Верх, Белгород, Владимир, Вологда, Волок (Ламский), Вязьма, Вятка, Двинский уезд, Зарайск, Кадын (Кадом? или Кадин?), Казань, Калуга, Кашин, Козельск, Козмодемьянск, Коломна, Кострома, Курск, Ливны, Малый Ярославец, Мещовск, Мценск, Нижний Новгород, Новосиль, Одоев, Оскол, Осташков, Перемышль, Переяславль Рязанский, Романов, Ростов, Рыльск, Рязань, Свияжск, Серпейск, Серпухов, Солова, Тверь, Торжок, Тула, Устюжна Железная, Царевосанчурск, Чебоксары, Чернь, Шацк и Ярославль.

Б.Ф. Годунова. По этим причинам боярство легко могло тянуть к иноземцам. Простой же народ настрадался от иноверцев; его религиозное и национальное чувство было беспрестанно оскорбляемо, его материальное благосостояние было разрушено почти вконец иноземцами. Призвать на престол иноземца в глазах народа значило отдать на поругание свою веру и на разорение остатки имущества. Избрание Владислава дорого обошлось народу, и он это, конечно, помнил. Поэтому мысль об избрании иноверного человека могла найти себе последователей на соборе только среди высших чинов, “начальников”, как называет их летопись; масса же не разделяла такого стремления и желала себе вождя единоплеменника. “Начальники” должны были уступить большинству, и собор приговорил не выбирать царя иначе, как из московских родов²². Согласясь на этом, соборные люди стали намечать кандидатов “из московских родов”: “Говорили на соборех о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст на Московском государстве быть государем” (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 13), но сразу не могли остановиться ни на ком²³. “Много избирающи искаху, не возмогоша вси на единого сослатися: овии глаголаху того, инии же инаго, и вси разню вещаху, и всякий хотяше по своей мысли учинити, и тако “проводиша не малые дни” (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 160). Очевидно, много времени прошло в бесплодных спорах и борьбе партий, пока наконец представители Русской земли не пришли к единодушию. Есть известия, что во время этой “избирательной борьбы” были пускаемы в ход не одни чистые средства. “Мнози же от вельмож, желающи царем бытии, подкупахуся, многим дающи и обещающи многие дары”, – говорит летописец (Там же. С. 160–161; см. также: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 202; Летопись о многих мятежах... С. 271). Кто были эти честолюбивые вельможи, кого ставили кандидатами на престол, известные нам источники не говорят. Н.И. Костомаров, не указывая, откуда он

---

²² Н.И. Костомаров (*Костомаров Н.И. Смутное время. Ч. III. С. 292–293*) говорит, что *на собор* явился некто Б. Дубровский в качестве посланника от Делгаарди с предложением на московский престол шведского королевича и получил отказ от собора. Но летописи повествуют о приезде Б. Дубровского ранее, чем о съезде выборных на Москве (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 200–201; Новый летописец... С. 160). Поэтому мы не включаем этого эпизода в свое изложение.

²³ Перечень лиц, имевших наиболее шансов быть выбранными, представлен г. Н. Лавровским в его статье “Избрание Михаила Федоровича на царство” (Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института. Вып. 4. СПб., 1852).

почерпнул свои известия, говорит, что на соборе были голоса за возвращение В.И. Шуйского, за избрание В. Голицына, Воротынского. Ф. Шереметев, родственник Романовых, хлопотал будто бы в пользу избрания Михаила Федоровича (*Костомаров Н.И.* Смутное время... Т. 3. С. 294). Говорилось, по словам Н.И. Костомарова, и о князе Дмитрие Трубецком²⁴. Даже есть будто бы известие, что князь Д. Пожарский истратил до 20 000 рублей (!) на подкупы в свою пользу соборных людей (*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874. Отд. 1, вып. 2. С. 724). Мы оставляем ответственность за эти любопытные подробности на почтенном историке, но считаем излишним их привести в своем рассказе.

Итак, на соборе не было единодушия; соборные люди не могли остановиться ни на одном “великом московском роде”, и время шло в бесполезных спорах и пререканиях. “Великое было волнение”, – говорит летопись про то время... (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 201; Летопись о многих мятежах... С. 270). Каким же образом состоялся, наконец, единодушный выбор Михаила Федоровича при таких нестроениях на соборе? Трудно на это ответить за абсолютным отсутствием положительных указаний в источниках. В данном случае поневоле приходится заменять недостаток прямых известий предположением, своего рода гипотезой, которая бы, не противореча дошедшим до нас отрывочным сведениям, вместе с тем соединила эти сведения в одно целое... Мы знаем, что до избрания Михаила Федоровича к Авраамии Палицыну на подворье Троицкого Сергиева монастыря явились “многие дворяне и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки” с “писанием”; они заявили свое желание, чтоб избран был на царство Михаил Федорович Романов, и просили Авраамия Палицына довести это до сведения “державствующих тогда бояр и воевод” (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 291; Иное сказание о самозванцах. С. 133). С.М. Соловьев, со слов одного хронографа, рассказывает (*Соловьев.* История. Т. 8. С. 442), что какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, что надобно избрать на царство Михаила Федоровича. Против этого раздалось возражения. Тогда выступил донской атаман и подал письменное также мнение в пользу выбора того же Михаила Федоровича. Эта одинаковость мнений будто бы решила дело, и Михаил Федорович был провозглашен царем. Далее рассказывают, будто калужский гость

---

²⁴ Н.И. Костомаров (Смутное время... Т. 3. С. 306) передает, что А.Ф. Бычков видел приписку к одной рукописи, в которой значится, что Д. Трубецкого избрали в цари на соборе 1613 г.

Смирный с товарищами принес к Москве “писание” от Калуги и от северских городов об избрании царем Михаила Федоровича Романова (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 293; Иное сказание о самозванцах... С. 134). При всей своей неопределенности эти показания, однако, ясно утверждают, что народ вмешивался в дело избрания царя, предоставленное соборным людям, и этот факт вмешательства позволяет с некоторым основанием высказать следующее предположение: разногласие на соборе и неурядицы вследствие подкупов и “засыланий” не оставались для народа тайною. Народная же масса давно видела в роде Романовых кандидатов на “вдовеющий” царский престол. Жолкевский еще при избрании Владислава в 1610 г. заметил, что народ вместе с патриархом Гермогеном желал избрать взамен свергнутого В.И. Шуйского скорее всего Михаила Федоровича Романова (Записки гетмана Жолкевского... С. 74–75). В народе уже в то время сложилось известное сказание о передаче царем Федором Ивановичем своего скипетра Романовым, которые его не приняли. Это сказание записано некоторыми современниками-иностранцами (Буссов, Петрей), попало и в русские хронографы (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 370). Народ любил Романовых. Естественным нам кажется, что, видя бесполезные колебания соборных людей, народ воздействовал на их волю своими “писаниями”. Такой смысл имеет, по нашему мнению, обращение всяких чинов людей к известному в то время деятелю Авраамии Палицыну; такой смысл имеет и приход на собор галицкого дворянина и атамана, и приезд в Москву калужского гостя.

Мы не знаем ни формы, какую носили “писания”, подаваемые на собор (может быть, это были челобитья), ни той обстановки, при которой они подавались, но раз существование неоднократных заявлений в пользу выбора Михаила Федоровича будет признано, необходимо признать, что эти заявления заставили соборных людей обратить большее внимание на излюбленного народом кандидата, и без того имевшего на соборе много шансов. Низшие чины собора и прежде, вероятно, стояли за него, а ввиду народных заявлений, стали стоять и крепче. Из духовных многие помнили, конечно, благоволение покойного Гермогена к роду Романовых. О том, как относилось боярство к кандидатуре Михаила Федоровича, мы имеем одно свидетельство, очень интересное: известный наш ученый и беллетрист П.И. Мельников знает о существовании письма Федора Шереметева к князю В.В. Голицыну в Польшу²⁵,

---

²⁵ См.: *Костомаров Н.И.* Смутное время. Т. 3. С. 294. О существовании такого письма, найденного в Москве в Рождественском, если не ошибаемся, монастыре В.М. Ундольским, мы лично слышали и из других источников.

где между прочим сказано: “Выберем Мишу Романова: он молод и еще глуп”. Смысл этих слов ясен: бояре надеялись забрать мальчика в руки и усилить свое значение. Для них менее всего был выгоден взрослый человек, который, получив власть, стал бы ходить по своей воле. Как бы то ни было, справедливо или нет наше предположение о воздействии народном на соборных людей, но соборные люди после многих нестроений 7-го февраля решили избрание Михаила Федоровича²⁶. По всей вероятности, к этому дню должны быть приурочены два показания Авраамия Палицына. Он говорит: “Егда убо писаньми о избрании его (Михаила Федоровича. – С.П.) царском утверждающесея, койждо чин себе написавше; снесоша же во общее свидетельство, и не обретесе ни во едином словеси разнствие” (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 203). Эти слова намекают, что на соборе чины заседали не вместе, но порознь – каждый чин отдельно. В другом месте (Там же. С. 202) Палицын рассказывает, что по избрании уже Михаила Федоровича собор выслал архиепископа Феодорита, Авраамия Палицына, архимандрита Иосифа и боярина Морозова на Лобное место спросить у народа “о избрании царском”, кого народ желает в цари. Народ, еще не зная о совершившемся избрании, единодушно заявил, что хочет М.Ф. Романова²⁷.

Решив избрание Михаила Федоровича 7 февраля 1613 г., соборные люди “для большого укрепления” отложили окончательное решение на две недели до сборного воскресенья 21 февраля. А до тех пор собор принял следующие меры: звали в Москву отсутствовавших на соборе бояр – князя Ф.И. Мстиславского и других, чтоб они “для большого государственного дела и для общаго земскаго совета” ехали к Москве “наспех”. В то же время “во все города Российскаго царствия, опричь дальных городов, послали тайно во всяких людех мысли их про государское обирание проводывати верных и богобоязных людей, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех” (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 613). Оказалось, по словам избирательной грамоты (Там же), что везде и все хотят на царство Михаила Федоровича. Эта посылка, показывающая необыкновенную заботливость о мнении

---

²⁶ В пользу нашего предположения о народном вмешательстве в дела собора говорит и еще один факт. Поляки впоследствии ставили русским на вид, что Михаила Федоровича посадили на царство воры и казаки с К. Мининым во главе, без совета с боярами и дворянами (Соловьев. История. Т. 9. С. 190).

²⁷ Этот факт, если он действительно произошел, не может относиться к 21 февраля, ибо 21-го народ присутствовал при самом избрании в Успенском соборе, как говорят грамоты.

народа со стороны собора, может быть объяснена и с точки зрения нашего предположения, что соборные люди были приведены к единомыслию относительно выбора Михаила Федоровича внешним давлением: надлежало собору удостовериться, точно ли народ желает Романовых на царство, действительно ли те люди, которые говорили на Москве о желании видеть царем Михаила Федоровича, выражали желание народа²⁸.

Когда съехались приглашенные бояре и возвратились посланные в города с удостоверением, что народное мнение высказывается за Михаила Федоровича, 21-го февраля соборные люди и “всенародное многое бесчисленное множество” сошлись в Успенский собор. Церковь стала как бы местом торжественного открытия заседания земского собора. Прежде всего следовал молебен: молились, чтобы всемилостивый Бог отвратил праведный свой гнев, лежащий на русских людях, и дал бы им государя “праведна, свята, благочестива, благородна и христолюбива”. Затем все бывшие в церкви единодушно избрали на вдовеющий престол Русского царства сродича покойному царю Федору Ивановичу – Михаила Федоровича Романова-Юрьева²⁹. По избрании в Успенском соборе и других церквях служили торжественные молебны о многолетнем здравии новоизбранного царя, о том, чтоб Господь ниспослал на него свою милость и царство его устроил мирно и немятежно, и от всех врагов непоколебимо. После молебна Москва присягнула новому царю (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 613–615 и другие грамоты в СГГД. Ч. 3. и Дворцовых разрядах. Т. 1).

Но с избранием государя не кончились полномочия выборных, и земский собор не был распущен. Созванные в Москву для “великаго земскаго совета” соборные люди через четыре дня по окончательном избрании государя, 25 февраля, отправляют в города известительные грамоты об избрании, где, призывая города быть с Москвою, “под одним кровом и державою и под высокою рукою” царя Михаила, говорят, что не люди, а “Бог его, государя, на такой великий царский престол избрал” (СГГД. Ч. 3. № 4; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 45–51). Вместе с избирательными грамотами была отправлена и крестоцеловальная запись на

---

²⁸ Нам приятно сказать, что и у Н.И. Костомарова в его “Смутном времени” (Т. 3. С. 295–296) мелькает та же мысль о народном давлении на соборных людей.

²⁹ В официальных грамотах выбор Михаила Федоровича мотивируется именно родством его с угасшей царской династией: его называют “племянником” царя Федора Ивановича. Между тем известно, что степень родства здесь иная.

верность новому царю (СГГД. Ч. 3. № 5). По этой записи города немедленно принимали присягу и отписывали об этом к Москве уже на имя нового царя, что случалось даже ранее того, как Михаил Федорович изъявил согласие принять престол (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 1, 2, 3, 7; *Иванов П.И.* Описание государственного разрядного архива. С. 135 и след., № 12, 13, 14 и 15)³⁰. Разослав известительные грамоты, земский собор в заседании 2-го марта постановил приговор отправить послов к Михаилу Федоровичу “в Ярославль или где он, государь, будет” (в Москве неизвестно было настоящее местопребывание царя). Послы должны были объявить Михаилу Федоровичу об его избрании, просить его принять Богом ему данный престол, а затем отписать собору, принял ли Михаил Федорович избрание и, если принял, то когда он намерен прибыть в Москву. Обо всем этом был составлен подробный наказ (СГГД. Ч. 3. № 6; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 31–45). Кроме того, послам были вручены грамоты к Михаилу Федоровичу и к его матери ото всей земли (СГГД. Ч. 3. № 10; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 54 – “... и грамоты подали и речь по наказу говорили...”). В состав посольства вошли по соборному избранию следующие лица: из духовенства – Феодорит, архиепископ Рязанский и Муромский, Авраамий, чудовской архимандрит, Авраамий Палицын, келарь Троицкого монастыря, и еще два архимандрита и три протопопа; из светских чинов – бояре Ф.И. Шереметев и князь В.И. Бахтеяров-Ростовский, окольный Ф.А. Головин и с ними всяких чинов люди по спискам, которые были у бояр, ехавших во главе посольства. Вероятно, посольство отправилось немедля, т.е. 2-го или 3-го марта, ибо 13-го оно было уже в Костроме. По отъезде посольства, земский собор 10-го марта от лица всей земли отправил с дворянином Д. Аладьиным королю Сигизмунду и Раде грамоты, в которых исчислял неблагоприятные поступки поляков за все Смутное время, но, несмотря на вероломное их поведение, соглашался поддерживать с Польшей дипломатические сношения по всем делам, “опричь того дела ... что Владиславу королевичу быти на Московском государстве”. Это означало официальный отказ Владиславу от русского престола. Далее, собор требовал от поляков размена пленных и освобождения задержанных поляками послов: митрополита Филаре-

---

³⁰ В “Описании государственного разрядного архива” П.И. Иванова напечатаны (С. 95–282) те же документы, что и Приложениях к т. 1 “Дворцовых разрядов”. Но в “Дворцовых разрядах” документы напечатаны полнее и расположены хронологически, чего не сделал П.И. Иванов. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем ссылаться на “Дворцовые разряды”, означая у П.И. Иванова лишь соответствующие №№ грамот.

та и В.В. Голицына с товарищами, предлагая устроить для этого съезд послов с обеих сторон (СГГД. Ч. 3. № 7)³¹.

Между тем посольство, отправленное собором к государю, нашло его в Ипатьевском монастыре в Костроме, куда прибыло к вечеру 13-го марта³². Михаил Федорович, известясь о прибытии посольства, назначил ему прием у себя на следующий день, 14-го марта. Послы, объявив костромичам о цели своего приезда, устроили 14-го марта крестный ход в Ипатьевский монастырь и шли, сопровождаемые толпами народа. Михаил Федорович с матерью встретили крестный ход за пределами монастыря. Когда послы объявили им о всенародном избрании Михаила Федоровича, то они “с великим гневом и плачем” отказались принять это избрание, и послы едва уговорили их следовать за крестным ходом в церковь св. Троицы Ипатьевского монастыря. В церкви, отслужив молебен, послы подали Михаилу Федоровичу и инокине Марфе грамоты от земского собора и снова начали просить Михаила Федоровича не отказываться от исполнения воли Божьей, предназначавшей его на царский престол по всенародному избранию. На это как сам Михаил Федорович, так и мать его отвечали отказом, говоря, как передает грамота, что Михаил Федорович еще “не в совершенных летах”, что русские люди “по грехам измалодушествовались”, стали непрямо служить своим государям, совершали такие позорные дела, что и прирожденному государю трудно быть на Москве государем; к тому же государство разоре-

---

³¹ Эти грамоты были запечатаны печатью митрополита Ефрема и “земскою печатью” (СГГД. Ч. 3. С. 31); следовательно, земский собор имел свою печать.

³² Рассказ о приезде посольства в Кострому и о делах в Костроме мы ведем исключительно со слов грамоты, которою послы уведомили собор о согласии Михаила Федоровича (СГГД. Ч. 3. № 10; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 52). С большей подробностью рассказан день 14 марта в избирательной грамоте (СГГД. Ч. 1. № 203), но эта грамота в данном случае не может нам служить: ее составитель имел перед глазами избирательную грамоту Б.Ф. Годунова (ААЭ. Т. 2. № 7), с которой списал целиком начало (исторический перечень); затем, при описании просьб послов и долгих отказов Михаила, составитель грамоты влагал в уста Михаила слова Бориса, дополняя их и изменяя лишь там, где это было нужно для избежания фактических несообразностей. Далее, слова иноки Александры перешли таким же образом в уста иноки Марфы, а слова патриарха Иова в уста архиепископа Феодорита. Кроме того, и фактическая сторона заимствована иногда дословно: сцена народного плача и молений, обращенных к Борису (ААЭ. Т. 2. С. 32–33), целиком перенесена в Кострому (СГГД. Ч. 1. С. 627). Одним словом, эта часть избирательной грамоты Михаила Федоровича написана, так сказать, по трафарету, представляемому грамотой об избрании Бориса. Кроме этого источника, составитель грамоты 1613 г. имел и еще – известительную грамоту посольства о согласии Михаила (СГГД. Ч. 3. № 10) и наказ посла от собора при отправлении их в Кострому (Там же. № 6). По крайней мере при чтении избирательной грамоты многие ее места напоминают эти документы.

но; сокровища царской казны разграблены и вывезены поляками; дворцовые села и черные волости розданы в поместья и разорены; люди обеднели. Государю нечем будет служилых людей жаловать, не на что будет защищать государство от врагов, не на что будет самому жить. Если Михаил Федорович согласится принять престол, то в Польше над отцом его митрополитом Филаретом какое-нибудь “зло сделают”, а Михаилу Федоровичу без отцова благословенья престола принять нельзя. На эти доводы иноки Марфы и Михаила послы отвечали, что теперь русские люди “наказались все и пришли в соединение”, избрали царя “всею землею”, не так как В.И. Шуйского, который избран “немногими людьми”, а потому и будут служить Михаилу Федоровичу “безо всякаго сомнения до смерти”. Что же касается до митрополита Филарета, то, – говорили послы, – со стороны земского собора уже приняты меры к его освобождению, и Михаилу Федоровичу заботиться о безопасности отца нечего. Однако Михаил Федорович и мать его не сразу согласились принять избрание: “с третьяго часу дни и до девятого часа” просило их посольство и, наконец, инока Марфа решила благословить сына на царство, а Михаил Федорович дал свое согласие, принял от архиепископа Феодорита благословение и посох, символ царской власти, допустил все посольство к своей царской руке. Определенного дня отъезда в Москву государь не назначил: обещал, что будет в Москве “вскоре”. Послы немедленно известили земский собор о согласии Михаила Федоровича (СГГД. Ч. 3. № 10; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 52).

Но земский собор, не дожидаясь сообщений о принятии Михаилом Федоровичем престола, уже начал письменно докладывать ему различные дела по управлению государством. Он извещал государя о принятии разными городами присяги на верность новому царю (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 1, 2, 3, 7; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 12, 13, 14, 16) и сообщал о своих распоряжениях относительно защиты городов от поляков (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 5 и 6; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 6 и 5). Таким образом, мы видим, что деятельность собора не замирала после избрания царя и отправления к нему посольства. Когда (23 или 24 марта) пришла в Москву грамота посольства о согласии государя принять избрание, собор в полном составе собрался в Успенском соборе и велел оповестить по всей Москве, чтоб все люди шли в Кремль. Народ сошелся; ему объявили о согласии Михаила Федоровича, и затем во всей Москве служили молебны о многолетии царском. Отписывая об этом царю в особой грамоте, собор просил его скорее приехать

в Москву (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 8; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 1). Вместе с этой грамотой была послана грамота и соборным послам с наказом, чтобы они упрашивали царя поспешить выездом в Москву и отписали бы собору, когда выедет государь, где и как велит себя встретить (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 9; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 2). Но вряд ли послы успели на это ответить: 26-го марта прибыл в Москву стольник князь И.Ф. Троекуров с грамотами от царя и матери его к собору. Царь писал (СГГД. Ч. 3. № 11 и 12; Дворцовые разряды. Т. 1. № 68 и 78), что он принял избрание и 19-го марта выехал из Костромы, а 21-го прибыл в Ярославль. Грамоту царскую князь Троекуров читал в Успенском соборе и говорил соборным людям и всем москвичам “жалованное царское слово” и речь “по наказу” (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 10 и 11; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 3 и 4). После своей торжественной речи князь Троекуров от имени царя обратился к земскому собору с запросом, есть ли в Москве во дворце какие-либо запасы к приезду царя и озаботились ли собиранием запасов для дворца по городам? На это собор в грамоте отвечал государю, что запасов на Москве во дворце мало, что в города посланы за ними сборщики и что соборные люди ожидают скорого привоза запасов. К грамоте собор приложил роспись как запасам, так и сборщикам, посланным за ними (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 12; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 7). Далее князь Троекуров спрашивал, кому розданы дворцовые села и чем думают полнить царские обиходы? Собор отвечал, что уже давно, еще до съезда избирательного собора, приняты были и теперь собором принимаются меры, чтоб дворцовые села, за кем они ни есть, отписаны и в города посланы отписчики и сборщики (Там же). Затем князь Троекуров передал собору желание государя, чтоб приняты были меры против грабежей на Москве и по дорогам, и спрашивал от имени государя, самовольно или с разрешения собора разъехались из Москвы служилые люди? Относительно грабежей собор заявил, что против них приняты строгие меры, а об отъезде служилых людей отзывался, что иначе как по делам службы собор никого из Москвы не увольнял (Там же).

Одновременно с этими делами земский собор списывался с государем по другим, извещая его о присяге городов, о неисправном поведении некоторых приказных, о происшествиях в городах – словом, о всех выдающихся событиях того времени (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 13–16 и др.). В то же время

собранные люди продолжали заботиться о достойной встрече государя и 1-го апреля писали своему посольству, чтоб оно спросило у государя его указа о церемониале встречи и отписало бы им, когда он будет к Москве, “чтоб им про государев приход безвестным не быть” (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 17; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 11). Как бы в ответ на это 8-го апреля была послана в Москву от государя грамота, где государь, хотя и обещал скоро быть в Москву, но, основываясь на донесении князя Троекурова и на отписке собора о малом числе запасов во дворце, упрекал собор в различных нестроениях и приказывал сообща подумать и “учинить крепкий приговор” о том, как бы поскорее пополнить государеву казну и дворцовые запасы, чтоб хватило на государев обиход и на жалованье. Затем государь требовал бóльшего порядка в производстве поместных и вотчинных дел, которые будто бы решались часто без розыска. С неудовольствием напоминал государь собору, что не сам он искал престола, а принял его по усиленному челобитью земли, и требовал от русских людей, чтоб они служили “вправду” и старались об исправлении неустройств (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 21; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 41). Понятно неудовольствие молодого царя: дела были крайне запутаны; в казне не было ни денег, ни хлеба, ни земель; земли были розданы, расхищены или разорены; водворить порядок в землевладении было невозможно благодаря путанице, пропаже документов, захватам и прочим злоупотреблениям, присущим смутным временам; при всеобщем бедствии нельзя было собрать ни денег, ни достаточного количества хлебных продуктов... Трудно было положение молодого царя разоренной земли, но еще труднее было положение земского собора: его нельзя винить за то, что он не мог сразу разрубить гордиева узла, в который судьба связала тогда русскую жизнь.

Только 16-го апреля Михаил Федорович отправился из Ярославля³³. 17-го апреля царь прибыл в Ростов, откуда известил о своем путешествии москвичей (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 34; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 42). Государь писал, что он идет к Москве “мешкотно” оттого, что “подвод мало и худы служилые люди; стрельцы и казаки, и дворовые люди многие идут пеши” (!). 23-го апреля государь был в Переяславле Залесском и оттуда приказывал боярам,

---

³³ За два дня перед этим, 14-го апреля, в Москве происходило заседание земского собора, на котором решено было написать утвержденную грамоту об избрании и определено место ее хранения (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 633). Грамота эта была написана в мае 1613 г. (Там же. С. 636).

князю Федору Ивановичу Мстиславскому “с товарищи”, какие хоромы приготовить для жилья ему и его матери (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 45; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 58). Во все это время продолжалась переписка временного московского правительства с государем о текущих делах. Грамоты государю писались теперь от имени одних бояр – Ф.И. Мстиславского и других. Государь отвечал им. Но земский собор пребывал в Москве, и вскоре ему пришлось выслушать новые укоризны царя за грабежи и разбой, не унимавшиеся на Руси.

И после уверения земского собора, что приняты строгие меры против грабежей, до государя продолжали доходить сведения о разбоях казаков кругом Москвы. Они осмеливались даже оставливать и грабить царских гонцов. Понимая все зло, происходящее от своеволия казаков, Михаил Федорович решился энергично воздействовать на соборных людей и заставить их принять действительные меры для прекращения грабежей и насильств. Будучи в Троицком Сергиеве монастыре, государь заявил соборным послам, что не выедет оттуда, если не прекратятся беспорядки и разбой: прося его на престол, ему говорили, что все русские люди пришли в соединенье и “от воровства отстали”, теперь же он видит, что это была ложь, что кровопролитие и воровство продолжается, дороги “затворены” злыми людьми и для служилых, и для торговых людей, которые не смеют ехать с товарами к Москве, боясь быть ограбленными и побитыми. При таком положении дел трудно будет устроить государство, – говорил Михаил Федорович. Архиепископ Феодорит и другие послы, выслушав упреки царя, просили его позволения отправить в Москву от себя несколько людей и отписать земскому собору, чтоб он принял меры против нестроений. Государь дозволил, и 29-го апреля в Москву прибыли чудовской архимандрит Авраамий, стольник И.П. Шереметев и другие всех чинов люди с грамотами от соборных послов и от государя. Послы писали собору о неудовольствии государя и советовали принять меры против разбоев, просить царя смилостивиться и ехать в Москву (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 52; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 53). Государь от себя писал, что он недоволен положением дел и приказывает собору “учинить крепкий заказ”, чтоб прекратить беспорядки (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 54; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 52). На другой день, 30-го апреля, происходило по поводу этих грамот заседание собора, причем грамота царя была читана всенародно в Успенском соборе. Земским собором было решено против бес-

порядков принять следующие меры: на Москве “крепкий заказ учинили”, чтоб “воровства и корчем” не было ни в слободах, ни в казачьих таборах; расписали по улицам объезжих голов для наблюдения за порядком; где же по дорогам объявятся вору, туда приговорили посылать из Москвы людей для их поимки. Атаманы и казаки уговорились между собою, чтоб двум атаманам осматривать через день каждую станицу казаков для обнаружения воровства и, если оно сыщется, то виновных выдавать властям и за них не заступаться. Порешив на этом, собор отправил к царю послами бояр князя И.М. Воротынского и В.П. Морозова, окольничего князя Д.И. Мезецкого и других с наказом: известить царя о соборном приговоре против разбоев и просить его скорее приезжать в Москву (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение 60; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 57). Вместе с тем отправлены были грамоты от земского собора государю и соборным послам; в них соборные люди сообщали о своем приговоре и писали, что ими добросовестно принимаются меры против воров, но что люди, посылаемые против воров из Москвы, не всегда их могут словить, а на тех воров, которые разбойничают далеко от Москвы, послать из Москвы некого, ибо на Москве мало служилых людей (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 61 и 62; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 54 и 55). Соборные послы, князь Воротынский с товарищами, застали государя в селе Братовщине, куда они приехали утром 1-го мая. Государь удовольствовался объяснениями и приговором собора и сказал, что будет в Москву 2-го мая (Дворцовые разряды. Т. 1. Приложения 66 и 67; *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. № 60 и 67)...

Таким образом, мы имеем ясные свидетельства, что земский собор находился в Москве и принимал участие в управлении государством вплоть до въезда Михаила Федоровича в Москву. Но и после того как государь самолично вступил в управление государством, соборные люди не были отосланы в города. Земский собор оставался у престола, помогая царю нести его трудные обязанности. Юный царь владел царством неблагоустроенным; на его месте и опытный государственный ум мог легко потеряться в массе затруднений, создаваемых тогдашними обстоятельствами; молодому же монарху невозможно было одному вынести все бремя нестроений. Он удерживал при себе представителей земщины, видя в их помощи залог успешности своих начинаний и ручательство в том, что меры, принимаемые правительством, не расходятся с нуждами и желаниями народа. А согласоваться с нуждами и желаниями народа, жить в ладу с здоровыми общественными

элементами было тогда для правительства необходимо. Верховная власть еще не окрепла, не достигла надлежащей высоты и обаяния в глазах народа; авторитет ее еще так недавно колебался и падал, расшатывая основы государства. В случае разлада между властью и земщиной, земщина могла – по недавнему примеру – снова впасть “в малодушество”, а бродячие, беспокойные слои населения, почерпнув в этом “малодушестве” силу, могли опять разрушить только что восстановленное, еще шаткое, равновесие. Этого-то должна была опасаться верховная власть; поэтому-то ей надлежало искать свои интересы в интересах земщины и в деле устройства государства идти с земщиной рука об руку. И московское правительство верно поняло свою задачу. Самым удобным средством единения с народом был земский собор, и мы его видим постоянно около молодого царя в первые годы его правления. Такой смысл имеет, по нашему мнению, постоянное пребывание в Москве земских выборных в десятых годах XVII в. Это была потребность эпохи: обстоятельства сделали земские соборы на время постоянным звеном в центральном управлении Московского государства³⁴.

* * *

Тот факт, что земские соборы в первые годы царствования Михаила Федоровича стали как бы постоянным правительственным учреждением, указывается источниками с достаточной ясностью. Хотя мы не можем со всей полнотою изобразить картину деятельности соборных людей за эти годы, так как до нас дошли лишь отрывочные известия о соборах этого времени, однако и уцелевшие отрывки дают нам полное право предполагать, что земский собор, избравший Михаила Федоровича, оставался в Москве около трех лет и был распущен в конце 1615 г., причем на смену уехавших выборных были немедленно созваны другие, а эти, в свою очередь, пробыв в Москве несколько лет, были заменены третьими.

---

³⁴ В дополнение к нашему рассказу об избрании Михаила Федоровича остается прибавить, что существуют свидетельства, будто бы Михаил Федорович был ограничен в своей власти боярами (ПСРЛ. Т. 5. С. 64; *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб., 1859. С. 104). Эти свидетельства очень странны, и большинство ученых относится к ним скептически (См. напр.: *Соловьев.* История. Т. 9. Гл. 5). Действительно, Михаил Федорович был *народным* царем, а боярство за Смутное время поистратилось и ослабело – значит, условия для ограничения государя были совершенно неблагоприятны. С другой стороны, факты дальнейшей истории царствования Михаила Федоровича опровергают всякую мысль об ограничении: Михаил Федорович был самовластен и никем в своей деятельности не ограничиваем.

1613 г.

Спустя менее месяца после въезда Михаила Федоровича в Москву из Москвы была отправлена братьям Строгановым грамота (около 24-го мая) за подписью одних духовных сановников, но от лица всяких людей всех городов, т.е. от лица всего земского собора (ААЭ. Т. 3. № 4). Духовные и светские чины сообщали Строгановым о трудном положении государства, об оскудении царской казны, о необходимости денежных средств на жалованье служилым людям и о том, видя такое положение дел, всех чинов люди, “поговоря на вселенском соборе”, били челом государю, чтоб он во все города послал сборщиков для денежных и хлебных сборов согласно их “соборному уложению”. От Строгановых собственно собор требовал спешной высылки следуемых с них оброчных денег и сверх того от имени царя просил у них “взаимы служилым людям на жалованье денег и хлеба и соли”. Строгановы откликнулись на соборную грамоту присылкою 3000 рублей. Интересно, что при этой соборной грамоте была послана Строгановым и царская грамота, заключающая в себе ту же просьбу, но ни словом не помянувшая о “соборном уложении” (ААЭ. Т. 3. № 3). Далее, мы имеем еще одну царскую грамоту того же времени в Углич, по тексту почти тождественную с вышеназванной: она заключает ту же просьбу о заимообразном вспоможении и точно так же молчит, что послана она согласно соборному приговору (ААЭ. Т. 3. № 5). Сопоставление этих трех грамот дает нам полное право заключить, что вскоре после приезда своего в столицу молодой государь вместе с земским собором занялся изысканием средств для пополнения пустой царской казны. Собор приговорил послать по всем городам сборщиков, которые должны были собирать не заплаченные в казну доходы (кабацкие, таможенные и другие сборы), где таковые найдутся, и кроме того просить у общин и у отдельных лиц взаимы для государевой казны денег и запасов, кто сколько может дать. Результатом такого соборного приговора явились окружные грамоты царя, вроде сейчас нами приведенных. К ним, вероятно, прилагались грамоты и от земского собора.

Таким образом, земский собор принимал участие в управлении государством и после того, как Михаил Федорович приехал в Москву и лично принял правление. Однако мы имеем свидетельство, что не все текущие дела передавались тогда на рассмотрение собора. Боярская дума и в то время сохраняла значение ближайшего совета государя. Так, мы видим, что государь в июле 1613 г. совещается с своею Думою, а не с земским собором о защите Белева, Калуги и других городов от поляков и черкас. Дума,

в состав которой в этот раз вошли и “власти”, т.е. духовенство³⁵, приговорила на поляков и черкас идти с войском князю Д.М. Черкасскому и М.М. Бутурлину (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 101). Трудно, конечно, сказать, какие именно дела передавались на обсуждение земскому собору, какие – Боярской думе. Можно заметить одно лишь, что в то время земский собор принимал участие во всех делах, касающихся непосредственно земщины, например, в вопросах внутреннего благоустройства государства, в назначении экстренных денежных сборов и т.п.

1614 г.

Следующее известие о земском соборе мы имеем от 18-го марта 1614 г. Этим числом помечены две грамоты, написанные от лица земского собора. Одна из этих грамот была послана к волжским казакам, другая – к известному “Ивашке Заруцкому”, который в то время сидел в Астрахани с несчастною Мариной Мнишек и пытался возмутить волжских и других казаков. В Москве чрезвычайно боялись, что казачество откликнется на мятежный призыв Заруцкого, и старались этому помешать, действуя на казаков подарками, ласками и словесными увещаниями быть верными новому царю. К казакам на Волгу были посланы грамоты от царя (ААЭ. Т. 3. № 24), от духовенства (Там же. № 25) и от земского собора (Там же. № 26). Во всех этих грамотах рассказывались злые дела Заруцкого и вспоминались подвиги казачества для устройства государства. Казакам и льстили, и в то же время грозили проклятием духовенства и Страшным судом, если они пристанут к Заруцкому. Из этих грамот для нас важна грамота от имени бояр и прочих чинов людей. Основываясь на ней, мы можем сделать два вывода: во-первых, мы видим, что в 1614 г. в Москве был земский собор, к помощи которого прибегло^у правительство, чтобы его авторитетом подействовать на казачество; во-вторых, эта грамота дает основание полагать, что собор, ее составивший, был тот же самый, который избрал Михаила Федоровича в 1613 г. В грамоте соборные люди пишут, что Михаил Федорович вступил на престол “по прошению... всего освященного собора... и нас (курсив. – С.П.), бояр и окольничих, и дворян, и детей боярских, и атаманов, и казаков, и всяких чинов людей” (ААЭ. Т. 3. № 26. С. 55). В то же время, когда были отправлены грамоты к волжским казакам, из Москвы писали и самому Заруцкому. Царь обе-

---

³⁵ Патриарх был обычным членом Боярской думы, а прочее высшее духовенство приглашалось в Думу в *важных* только случаях (Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 2. С. 71–74).

шал ему помилование, если он отстанет от воровских замыслов (ААЭ. Т. 3. № 26. С. 55). Вместе с царской грамотой духовенство и светские чины отправили грамоту и от себя, увещая Заруцкого покориться избранному ими государю (ААЭ. Т. 3. № 29).

В том же 1614 г. (ранее 14-го апреля) состоялся соборный “всяких чинов людей” приговор о повсеместных денежных сборах на жалованье войскам. Мы не знаем, в каких размерах этот сбор проектирован был собором; нам только известно, что на основании соборного приговора посланы по городам для денежных “сборов... окольные и дворяне большие, а с ними изо властей архимариты и игумены, и из приказов дьяки, и... наказы о денежных сборах из Посолского приказу... им даны” (ААЭ. Т. 3. № 31). Извещая города о последовавшем приговоре земского собора, правительство приказывало местным властям содействовать посланным сборщикам в исполнении их обязанностей и давать им в помощь должное число людей, чтоб государству и земскому делу “ни за чем мотчанья не было” (ААЭ. Т. 3. № 31 и 32).

Наконец, о деятельности земского собора в 1614 г. мы имеем еще несколько сведений, относящихся к одному приговору соборных людей. Приговор этот касается казаков, не прекращавших свои грабежи, несмотря на все меры, принимаемые против них московским правительством. Почти все уезды Московского государства страдали от беспокойной и распутной вольницы, но особенное свое внимание эта вольница обращала теперь на северные русские города, которые сравнительно менее пострадали за Смутное время и поэтому привлекали к себе грабителей надеждой большой наживы. Но то же самое сравнительное благоустройство северного края делало его предметом особенных забот и со стороны московского правительства, ибо северные города могли исправнее других пополнять царскую казну. Поэтому, когда в Москву дошли вести о грабежах и зверствах казачества на севере, в Москве озаботились немедленным принятием мер против этого врага общественной безопасности, действия которого, если верить летописцам, превышали по жестокости своей и цинизму всякое вероятие (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 168; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 214).

1-го сентября 1614 г., когда в Москве праздновалось наступление нового 7123 года, царь назначил заседание земского собора и “говорил с митрополиты и с архиепископы и епископы, с архимариты, и с игумены, и со всем освященным собором, и с бояры, и с думными, и со всех чинов со всякими людьми” о разбоях на севере и о том, какие меры следует принять для их искоренения

(Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1–2). Посланы были нами, – говорил царь, – по городам люди для денежных сборов на жалованье войску (это было сделано на основании земского приговора, как мы видели выше). Но теперь пишут в Москву из северных городов, что там во многих местах разбойничают казаки и поэтому сборщикам “денежные казны собрати не мочно, а которая денежная казна собрана, и тое привезти не мочно”. Получа такие вести, государь не раз посылал к казакам и духовных, и светских людей с увещаниями бросить “воровство” и идти на государеву службу, но увещания не подействовали, и потому государь теперь обращается к земскому собору за советом: “как с теми казаки быть, которые... воруют и грабят... и собрати ничего не дадут, и государевы казны к Москве... не пропускают, чтоб от такого их воровства те атаманы и казаки, которые государю служат, ... и досталь не оскудели и с государевых служб не разъехалися” (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 2, 5–6, СГГД. Ч. 3. № 22). Выслушав государеву речь, соборные люди приговорили: послать к ворами казакам из всяких чинов “крепких и разумных людей”, которые бы объявили казачеству от лица всей земли, что казаки, желающие служить царю, должны отстать от разбойничьих шаек, идти на государеву службу и служить, где им укажет царь: тогда они могут рассчитывать на царское прощенье и жалованье. На тех же из казаков, которые не послушают соборных послов и не отстанут от “воровства”, собор грозил послать войско и силою заставить их прекратить свои разбои (Там же). По этому соборному приговору государь послал к казакам из духовных архиепископа Герасима с архимандритом и монахом, а из светских чинов – боярина Б.М. Лыкова, при котором состояли: дьяк, четверо московских дворян, пять промышленных людей и пять казаков. Это своего рода посольство сопровождал конвой из трехсот дворян, детей боярских, стрельцов и казаков. Князю Лыкову дан был обстоятельный наказ (СГГД. Ч. 3. № 22; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 4–12), а в те местности, где разбойничали казаки, к воеводам были посланы известительные грамоты о соборном приговоре с инструкцией, как должно поступить против казаков, если вновь обнаружатся их бесчинства (ААЭ. Т. 3. № 44). Тот, на первый взгляд, странный факт, что земский собор против казаков не послал сразу военной силы, объясняется, нам кажется, слабостью тогдашнего правительства: оно еще нуждалось и в средствах, и в людях. В данное время шла война с Польшей, и против казаков нельзя было сразу собрать достаточного числа людей. Когда примирительное посольство князя Лыкова не удалось, и казаки явились под Москву, не оставив “воровства”, тогда только против них удалось выставить военную

силу и разбить их скопища. Эта военная сила пришла к Москве, между прочим, из Кашина, более чем за 300 верст от Москвы.

Такова была деятельность земского собора в 1614 г. Он приговорами своими содействовал устройению и успокоению Русской земли. Без сомнения, многие подробности его деяний исчезли для нас благодаря тому факту, что не всякое его заседание отмечалось в разрядных книгах и не всякий его приговор назывался соборным в правительственных грамотах. Кто знаком с источниками того времени, поверит нам, что часто соборные “приговоры” в царских грамотах становились простыми “указами” царя и в виде “указов” же записывались в приказные книги. Но несмотря на такой способ действий наших предков, мы все-таки с уверенностью можем сказать, что земский собор принимал постоянное участие в делах как в 1613 г., так и в 1614 г. То же, нам кажется, можно сказать и о 1615 г., хотя от него дошло до нас лишь одно известие о соборе.

1615 г.

В 1615 г. (ранее 8-го апреля) земский собор приговорил: со всех городов и людей собрать на жалованье ратным людям “пятую деньгу”, т.е. 20% с имущественной оценки. До нас не дошло соборного протокола, и мы знаем о соборном решении лишь по грамоте, отправленной из Москвы к нижегородским воеводам с приказанием взыскать эту пятую деньгу со Строгоновых (ААЭ. Т. 3. № 68). В грамоте говорится, что взыскание “пятой деньги” делается на основании царского указа и “всей земли приговора”³⁶.

* * *

Мы выше высказали предположение, что те выборные люди, которые были присланы из городов в 1613 г. для избрания царя, оставались в Москве около трех лет, до 1615 г.³⁷ Действительно, за эти годы мы не имеем никаких сведений ни о распусчении избирательного собора, ни о призыве новых выборных; напротив, имеем основание думать, что в 1614 г. в Москве оставались те же выборные, которые были там с 1613 г. Но затем с полной достоверностью можем сказать, что в 1615 г. земские выборные были отпущены по домам, и в то же время сделано было распоря-

---

³⁶ О сборе “пятой деньги” дошла до нас и другая грамота (ААЭ. Т. 3. № 70). В ней говорится, что сбор производится по “царскому указу”; о соборном же приговоре нет ни слова.

³⁷ Той же мысли держатся И.Д. Беляев (Земские соборы на Руси... С. 269), В.И. Сергеевич (Земские соборы Московского государства. С. 35) и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 249).

жение о замене их новыми выборными. Эта замена не была вызвана какими-либо политическими соображениями или личными качествами выборных 1613–1615 гг., а произошла по той простой причине, что участие в составе земского собора было своего рода службой, повинностью: выборный человек отрывался от родной среды и, живя в Москве, нес расходы, проживался, лишаясь в то же время возможности обеспечивать себя и свою семью личным трудом. Поэтому честь быть “выборным человеком” сопрягалась с большими тяготами и не могла быть продолжительною, иначе выборные люди могли разориться, будучи оторваны от своих промыслов.

О том, что земский собор был обновлен в своем составе в 1615 г., мы знаем из царской грамоты в Пермь (ААЭ. Т. 3. № 77). От имени царя напоминалось пермскому воеводе и дьяку, что им велено было прислать в Москву “для государева и великаго земскаго дела на совет пермичь посадских лутчих и середних трех человек, добрых, разумных и постоятелных людей”. Между тем, эти люди в Москву не явились, и пермским властям подтверждается приказание о присылке выборных. Эта грамота писана в Москве 12-го января 1616 г. Надо думать, что на Москве решено было вызвать новых выборных не позже октября 1615 г., ибо грамоты из Москвы в Пермь шли около месяца: нужно принять в расчет время доставки в Пермь первой грамоты о выборных и время, необходимое для того, чтоб ожидание выборных пермичей в Москве было признано напрасным. Из этой же грамоты в Пермь мы получаем интересные сведения о том, что делами по сбору выборных заведовал в те годы Посольский приказ: выборным пермичам велено было по прибытии в Москву явиться в этот приказ.

1616 г.

Новый земский собор решил в 1616 г. вторичный повсеместный сбор “пятой деньги” и “посошного сбора” (по 120 рублей с сохи) на жалованье ратным людям³⁸. Очевидно, положение государственных финансов было плачевно. По “всемирному приговору” новому сбору подлежали имущества дворцовые, патриаршие, архиерейские и монастырские (тех монастырей, “которые торгуют”), далее – имущества боярства, приказных людей и дворян, как поместья, так и вотчины; затем – имущества торговых и промышленных посадских и уездных людей. Сбор должен был быть

---

³⁸ “Посошный сбор” должны были платить “сошные люди”, т.е. люди, живущие земледелием, а “пятую деньгу” – промышленные и торговые люди.

заплачен непременно деньгами, а не натурою, причем от сбора не были освобождены и владельцы тарханских грамот (ААЭ. Т. 3. № 79, 80 и 81). Со Строгоновых собор первоначально приговорил взять 16 000 рублей, которые им велено было доставить в Москву самим, но затем решение собора было изменено. От Строгоновых потребовали не 16, а 40 000 рублей, за которыми был послан из Москвы стольник С.М. Проестев (ААЭ. Т. 3. № 79 и 81).

После этого соборного приговора, который последовал, кажется, в апреле 1616 г., известий о деятельности земских чинов мы не имеем в продолжение двух лет. Но прежде чем обратиться к дальнейшему изложению соборной деятельности, нельзя здесь обойти молчанием одного интересного факта, имеющего прямое отношение к нашему предмету.

1617 г.

В феврале 1617 г. по Столбовскому миру Новгород и другие города, дотоле занятые шведами, перешли снова во владение Московского государства. Окончательный мирный договор был написан 27 февраля. В тот же день написана была и грамота Михаила Федоровича ко всем новгородцам, доставленная в Новгород еще раньше, чем шведы его очистили. В этой грамоте Михаил Федорович извещал о заключении мира и о возвращении Новгорода русскому государству. Царь приказывал новгородцам служить благодарственные молебны и принимать присягу на верность ему. В конце грамоты читаем следующее: “И ты б, богомолец наш, митрополит Исидор, буде поможешь, да с тобою изо всяких чинов люди, покольку человек пригоже, ехали к нам к Москве наши царские очи видети” (СГГД. Ч. 3. № 34. С. 154). Прямой смысл этих слов ясен: новгородцы приглашаются “видети царския очи”. Но в Московском государстве не повелось такого обыкновения – созывать подданных смотреть царские очи нового государя. Нам кажется, что в этих словах скрыт иной смысл и что дело заключается в следующем: в Москве, как и в прежние годы, в 1617 г. был постоянный земский собор, на котором присутствовали представители если не всех, то большинства русских городов. Мы видели, как настойчиво требовала Москва присылки выборных посадских из Перми. Без сомнения, так же относилось московское правительство к представительству и других городов, заботясь о возможной полноте земского собора. С присоединением Новгорода оказался в государстве очень важный пункт, не имеющий своих представителей в столице. Вполне естественно, что правительство озаботилось пополнением освященного собора таким видным лицом как новгородский митрополит, а также

и пополнением городских выборных представителями Новагорода Великого “изо всех чинов людьми, покольку пригоже”. Такой смысл имеет, по нашему мнению, царское приглашение новгородцев в Москву, и это приглашение в нас лично поддерживает мысль о том, что в 1617 г. в Москве присутствовал земский собор, хотя он и не оставил прямых следов своей деятельности в этом году.

1618 г.

В 1618 г., в конце июля в Москве состоялся приговор об уничтожении “мест” между служилыми людьми на некоторое время, именно, с июля 1618 г. до сентября 1619 г. (“до 7128 года”). Это временное запрещение местнических счетов было, очевидно, одною из тех паллятивных мер, которые правительство принимало против местничества начиная со времени Ивана Грозного. Не место здесь говорить о том вреде, какой приносил этот обычай в московской жизни, и о той докуче, которая из-за родовых счетов боярства выпадала на долю московским государям³⁹. Не это нас в данном случае занимает. Мы видим, что здесь правительство прибегло не к ограничению, а к полному уничтожению местничества на известный срок, и сделало это распоряжение не исключительно своею властью, а на основании “приговора”. Об этом-то “приговоре” мы и будем говорить. Он, по повелению царя, был записан в разряд. Разрядные книги, упоминая о состоявшемся приговоре, говорят, что он был постановлен Думою боярскою и духовенством, но в то же время называют это заседание Боярской думы “собором” – термин, который к Боярской думе обыкновенно не прилагался: “И на соборе государь царь... приговорил с митрополитом... и с архиепискупы, и с епискупы, и с архимариты, и с игумены, и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольничими, и с думными людьми... всяким людем быти на нынешних государевых службах, и вперед до 128 году... у всяких дел без мест” (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 560). Эта формула изложения приговора обыкновенно применялась к приговорам земских соборов, а не Боярской думы. Затем, в одном из списков разрядных книг мы находим уже прямое указание, что приговор о местничестве был составлен не одними думными, но и всеми служилыми людьми вместе с освященным собором. По этому списку, в постановлении приговора участвовали, кроме членов думы, стольники, стряпчие, дворяне московские и дворяне из городов (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 341. Примеч.).

---

³⁹ О местничестве см. статью С.М. Соловьева (*Соловьев С.М. О местничестве // Московский ученый и литературный сборник. М., 1847. Т. 2. С. 285–316.*)

Таким образом, мы имеем основание предположить, что в июле 1618 г. было в Москве заседание земского собора не в полном его составе, а с участием только служилых людей, так как предмет занятий (вопрос о местничестве) имел отношение лишь к служилым людям, а тяглым людям был чужд. Однако приговор 1618 г. совершенно не достиг цели: местнические споры продолжались. Чрез какой-нибудь месяц боярин М.М. Годунов поплатился тюремным заключением за нарушение приговора (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 341), а затем мы видим целый ряд местнических дел в 1619 г. (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 382 и далее; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 665 и далее).

Приговор о местничестве состоялся 26-го или 27-го июля 1618 г. Спустя с лишком месяц после того, 9-го сентября, происходило особенно важное экстренное заседание постоянного земского собора о ратных делах. Москва воевала тогда с поляками. Королевич Владислав от Можайска, где он оперировал с войсками с июня месяца, 6-го сентября направился к Москве. 8-го пришла об этом весть в Москву, и государь на 9-ое число указал быть собору. Владислав действовал не только силою, но и словом. Он перед походом на Москву отправил туда грамоту, где, называя себя московским государем, извещал, что идет теперь в Москву “на свой царский престол” и убеждал москвичей оставить Михаила Федоровича и обратиться к нему, истинному государю (СГГД. Ч. 3. № 39). Поэтому на соборе Михаил Федорович, объявив о походе Владислава и о готовности своей стоять против поляков “сколько Бог помочи подаст”, прежде всего обратился к собору с увещанием, чтобы всяких чинов люди за веру, царя и за самих себя против поляков стояли крепко, если им придется быть в осаде, “а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались”. На это обращение царя соборные люди ответили, что они готовы “безо всякаго сомненья” сидеть в осаде и биться с поляками, “не щадя голов своих”. Затем государь предложил собору на решение вопрос: “как ему, государю, будучи на Москве в осаде, против... польских и литовских людей и черкас стоять и над ними промышлять? Кому с ним, с государем, боярам и окольниковым... и всяких чинов людям быть на Москве в осаде, и кого бояр и воевод по городам послать, ... чтоб в городах боярам и воеводам, собравшимся с ратными людьми, государю и Московскому государству помочь чинить?” Этот вопрос об организации защиты против поляков и составил главный предмет занятий земского собора. Прежде всего государь и соборные люди приговорили, кому из бояр оставаться в Москве в осаде и кому ехать в города собирать войска против поляков: в Ярославль был отправлен боярин князь

И.Б. Черкасский “с товарищами”, в Нижний Новгород – боярин князь Б.М. Лыков. Далее расписали воевод по местам на Москве, вверяя каждому какую-либо часть городских стен. При этом было подтверждено государем недавнее постановление, чтобы всем по 7128 г. быть без мест. Затем расписали по местам всех наличных ратных людей (Протокол заседания собора см.: СГГД. Ч. 3. № 40; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 353–363; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 561–575). Воеводам князьям Черкасскому и Лыкову даны были наказы; в составлении их, вероятно, участвовали соборные люди, хотя они и писаны от имени одного государя. В наказах определялись города, с которых Черкасский и Лыков должны были требовать людей и денег им на жалованье, и указывались правила для сбора людей и дачи им содержания⁴⁰. Затем воеводам князьям Черкасскому и Лыкову предписывалось действовать против поляков, если они появятся в тех уездах, куда посланы воеводы; а если воеводы получают царский указ идти к Москве на помощь, то должны идти немедленно (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 577–588). Черкасский и Лыков отпущены были государем 17-го сентября 1618 г. (Там же). Этим же числом помечены и грамоты, посланные в города государем и земским собором. Государь писал городовым служилым людям, чтоб они шли на сход к Черкасскому и Лыкову, не ленясь, и чтобы крепко и мужественно стояли против врагов, за что они не будут забыты государевым жалованьем, и служба их “памятною во веки учинена будет”. К тяглым людям и к духовенству государь обращался с просьбою “ратных людей на службу поднять”, денег дать, сколько кто может; эти деньги государь обещал возратить впоследствии из своей царской казны (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 588–592). Земский собор поддерживал Михаила Федоровича в его обращении к городам: он отправил в города от себя грамоты, где также убеждал народ стоять против врага и давать займы деньги на ратные нужды, а про себя соборные люди писали, что они обещались до последней возможности бороться за веру и родину. Соборные грамоты отправлены, как и царские, 17-го сентября и подписаны всеми чинами собора (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 592–597).

Таким образом, земский собор с 9-го по 17-ое сентября 1618 г. занимался вопросом о защите государства от поляков. Рассматривая протокол соборного заседания 9-го сентября, мы из него можем вывести, как и Н.П. Загоскин⁴¹, два заключения: во-первых,

---

⁴⁰ Князя Черкасский и Лыков должны были в городах просить денег и в долг, обеспечивая платежи расписками за подписью дьяков (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 582).

⁴¹ См.: Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. С. 251–252.

что земский собор не был составлен наскоро из московских жителей, а состоял из действительных представителей городов. Это ясно из перечня лиц, вошедших в состав московского гарнизона: между ними сплошь и рядом встречаются лица из отдаленных городов, очевидно, участники собора (СГГД. Ч. 3. № 40. С. 170–176; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 564–575). На ту же мысль о правильности собора наводит и чтение соборной грамоты в города. Во-вторых, ясно видно, что – при правильности своего состава – этот собор не мог быть созван специально для обсуждения ратных дел, ибо 8-го сентября получено было в Москве известие о приближении Владислава, а 9-го мы уже видим собор заседающим; следовательно, этот собор в 1618 г. был в Москве постоянным, как и в предыдущие годы.

1619 г.

Следствием неудачного похода Владислава на Москву было Деулинское перемирие (1-е декабря 1618 г.). Между прочими условиями перемирия была статья о возвращении пленных с обеих сторон, и таким образом освобождение Филарета Никитича Романова было решено. Он 1-го июня 1619 г. был отдан поляками, а 14-го был уже в Москве, где встретил его сын и вся Москва с чрезвычайной торжественностью. Вскоре после этого к Михаилу Федоровичу явилось духовенство, бояре и всех других чинов люди; они изъявили желание, чтоб царь Михаил Федорович просил своего отца митрополита принять патриарший престол, который оставался незанятым или, как тогда говорили, “вдовел” со смерти Гермогена, с февраля 1612 г. (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 609. *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. С. 298) Надо думать, что на патриаршество никто не был ставлен в продолжении с лишком семи лет именно потому, что высокий сан патриарха с самого вступления на престол Михаила Федоровича предназначался его отцу: кому же приличнее было при тех обстоятельствах стать патриархом, как не Филарету Никитичу, и кто из тогдашнего духовенства осмелился бы явиться претендентом на патриарший престол, зная, что Филарет жив и будет в Москву рано или поздно. Ввиду этих соображений нельзя думать, что помянутый приход к государю всех чинов был актом свободной воли народа: по всей вероятности, это было исполнением заранее предначертанного церемониала избрания в патриархи царя отца. Михаил Федорович, выслушав заявление народа, просил отца принять патриарший сан, вместе с иерусалимским патриархом Феофаном, который тогда находился в Москве, и “Московского государства с митрополиты... и со всем освящен-

ным собором, и с бояры, и с окольничими, и думными людьми, и с столниками, и с стряпчими, и с дворяны московскими, и с приказными людьми, и с дворяны и с детми боярскими из городов, и с гостми, и с торговыми со всяких чинов людьми” (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 610–611). Это всеобщее прошение о том, чтобы Филарет Никитич принял патриарший престол, имело место 22-го июня в Золотой палате кремлевского дворца (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 400)⁴². Митрополит Филарет долго отказывался от предлагаемой ему высокой чести, но затем согласился и был поставлен в патриархи 24-го июня 1619 г.

И.Д. Беляев (Земские соборы на Руси... С. 270) и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 252) видят в людях всех чинов, просивших Филарета о патриаршестве, членов земского собора, который, как и прежде, находился в 1619 г. около государя. К этому предположению склонны и мы на следующих основаниях: 1) неделю спустя после поставления патриарха Филарета в Москве мы видим земский собор, решающий вопросы, возбужденные *патриархом*. В неделю невозможно было вызвать на собор людей из городов; следовательно, соборные люди жили в то время на Москве по другим делам и легко могли участвовать в избрании Филарета. 2) Церемония прошения Филарета происходила во дворце, куда народу не было дороги. Но там могли присутствовать соборные люди, как лица с официальным значением. На таких основаниях мы лично склонны к тому мнению, что в избрании Филарета принимал участие именно земский собор, бывший в Москве в 1619 г., а не наскоро собранная толпа москвичей.

Мы сейчас упомянули о том, что неделю спустя после поставления Филарета в патриархи произошло заседание земского собора по вопросам, возбужденным патриархом. Это заседание было ранее 3 июля 1619 г., ибо приговор собора был разослан в города 3–5 июля (ААЭ. Т. 3. № 105; СГГД. Ч. 3. № 47; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 615–620). Разрядная книга 7127 г. повествует о причинах созвания собора так: по поставлении своем Филарет Никитич со всем освященным собором пришел к Михаилу Федоровичу и обратил внимание царя на то, что бедствиями Смутного времени земля разорена, а между тем подати и сборы взимаются с разоренных граждан неравномерно: с кого берут по писцовым, а с кого по дозорным книгам. Уже это вносит беспорядок и неравномерность

---

⁴² Дворцовые разряды в некоторых списках говорят, что Филарета Никитича просили одни духовные чины; по другим же спискам участвуют в церемонии и все светские чины (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 400, 401 и 405, примеч.).

в дело взимания податей⁴³, а к этому присоединяются еще и злоупотребления дозорщиков и писцов, которые оценивали и писали не прямо: одним по дружбе давали льготы, другим же по злобе прибавляли тяготы. С своей стороны тяглые люди не хотели, как надлежало, нести тягло. Они или били челом о льготах, или из своих мест уезжали в иные города, чтоб не платить податей, а подати поэтому тяжелее ложились на оставшихся людей, которые должны были платить и за уехавших; или же, наконец, чтоб избавиться от платежей, тяглые люди “закладывались” за бояр и духовенство, т.е. переходили в их владения, с которых податей не взималось. Кроме этих нестроений патриарх указывал государю и на то, что многие люди просят их “от сильных людей оборонить”, потому что эти сильные люди – бояре т.е. – “чинят им насильства и обиды” (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 613). Выслушав заявления патриарха, Михаил Федорович обо всем этом “учинил собор” и с людьми всех чинов говорил, “как бы то исправить и землю устроить”. Собор, заседавший, вероятно, в первые дни июля, постановил следующий приговор:

1) В города, не разоренные в Смутное время, послать писцов, т.е. подвергнуть их *переписи*; города же, потерпевшие от Смуты, подвергнуть *дозору*, причем в писцы и дозорщики выбрать надежных людей, дать им наказы и привести их к присяге, чтоб посулов, т.е. взяток, не брали, а писали и дозировали вправду.

2) Всех тяглых людей, выехавших из своих мест ради уклонения от платежа податей, вернуть в их города и уезды, равно как и тех, которые “заложилась” за духовных, бояр и других людей. С бояр и всех прочих, принимавших в “закладчики” тяглых людей, взыскать те подати, которые следовали с принятых ими тяглецов за все то время, как у них жили эти тяглецы.

3) Боярам князю И.Б. Черкасскому и князю Д.И. Мезецкому поручить сыскивать про обиды и несправедливости “сильных людей”.

4) Составить подробную роспись: сколько казна имеет денежных и хлебных доходов с городов по окладам; сколько сумм и запасов в текущее время числится в приходе, сколько в расходе и как много недоимок; какие города и села от разоренья запустели, какие села и деревни розданы в поместья и вотчины, сколько с них было сборов и сколько, за исключением их, остается по окладам доходов; куда, на какие нужды предназначаются эти доходы

---

⁴³ *Дозор* – это податная оценка имуществ сообразно их благоустроенности. Здесь принимаются в расчет обстоятельства, могущие дать льготы по уплате податей (долги, пожары, разорения и т.п.). *Перепись* же – это простая податная оценка имуществ, при которой не обращается внимания на благосостояние.

и сколько, за всеми издержками, от них останется. Таким образом, собор приговорил составить смету государственных доходов и расходов.

5) Последний пункт соборного приговора определяет вызвать из городов выборных людей всяких чинов, “которые бы умели рассказать обиды и насильства, разоренья и чем Московскому государству полнитца и ратных людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтоб пришло все в достоинство”. Выбрать решено было с города, из духовных лиц – одного или двух человек, из дворян и детей боярских – двух и из посадских – двух же человек (Приговор см.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 614–619; СГГД. Ч. 3. № 47; ААЭ. Т. 3. № 105).

По составлении приговора в города были разосланы царские грамоты (СГГД. Ч. 3. № 47; ААЭ. Т. 3. № 105; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 615–620). В них извещалось о возвращении Филарета из польского плена, о поставлении его в патриархи и о земском соборе. Изложив соборный приговор и дав инструкции к его исполнению, московское правительство приказывает городовым властям собрать в соборной церкви духовенство, служилых, торговых, посадских и уездных людей, прочесть им царскую грамоту и велеть произвести выборы представителей, как об этом приговорил земский собор. Когда выборы состоятся, выборным людям должны быть вручены “выборные списки за руками”, т.е. документ, удостоверяющий правильность выбора и личности самих выборных, а затем выборные должны немедленно ехать в Москву, чтоб царю и его родителю “нужи, тесноты, разоренья и всякие недостатки были ведомы”, чтобы, выслушав их челобитья, великие государи могли бы “говорити и промышляти об них ко всему добру”.

Основываясь на соборном^ф приговоре и на этих грамотах, мы можем сказать, что в 1619 г. одна сессия выборных была отпущена по домам и заменена немедленно другою. С какого времени находились в Москве отпущенные в 1619 г. выборные, были ли они членами второй смены выборных и находились в составе собора с 1616 г., или же они были призваны позднее, как третья смена на место выборных 1616 г., мы решительно ничего не можем сказать. И.Д. Беляев думает, что в 1619 г. была отпущена из Москвы вторая смена, т.е. выборные 1616 г. (Беляев И.Д. Земские соборы на Руси... С. 271), но доказать это невозможно. Мы видим заседания собора в апреле 1616 г., но затем должны констатировать полнейшее отсутствие известий о занятиях собора в продолжение двух с лишком лет, до второй половины 1618 г. Мы только имеем некоторое основание думать, что за это время (1617 г.) земские выборные, как и в предыдущие годы, жили на Москве, но при

полной отрывочности наших сведений рискованно делать какие бы то ни было предположения относительно изменений в составе земского собора тех лет.

Когда съехались новые выборные взамен отпущенных в 1619 г. и чем новый земский собор начал свои заседания, для нас остается вполне неизвестным. О делах этого собора, долженствовавшего открыть правительству все “нужи и тяготы” государства, не сохранилось ни малейших известий. Следы его деятельности можно искать лишь среди правительственных распоряжений тех лет, что и делает И.Д. Беляев. Основываясь на том, что главной причиной созыва новых выборных было желание правительства знать нестроения и нужды земли, И.Д. Беляев (Земские соборы на Руси... С. 272) полагает, что именно вследствие заявлений и жалоб соборных людей Михаил Федорович разослал в 1620 г. на имя земских людей грамоты, в которых областным властям запрещалось притеснять народ, а народу запрещалось давать воеводам и приказным какие бы то ни было взятки (ААЭ. Т. 3. № 115). Эта догадка И.Д. Беляева, на наш взгляд, весьма вероятна, и мы осмелимся со своей стороны предположить, что заявлениями выборных людей вызваны, вероятно, и некоторые льготные грамоты того времени, например, льготная грамота посадским калужанам (4-го января 1620 г.), освобождающая их вследствие разорения от сборов и повинностей на три года (АИ. Т. 3. № 83). Дана она “по челобитью”, но, против обычая, имен челобитчиков не указывается в царской грамоте, не указывается, по нашему мнению, потому, что челобитье шло не обычным путем того времени, а явилось в форме заявления калужан на земском соборе от лица всей Калуги.

* * *

Переходя к вопросу о времени распушения земских выборных 1619 г., И.Д. Беляев (Земские соборы на Руси... С. 272), а за ним и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 256), полагают, что распушение это последовало ранее 1621 г., а в 1621 г. был созван новый собор специально^x по делам с Польшею. Но есть ли основание так думать, раз мы признали постоянное существование собора в первые годы царствования Михаила Федоровича? Никакого непосредственного указания на распушение старых выборных 1619 г. и на призыв новых в 1621 г. не имеется; о соборе 1621 г. говорится только: “7130 году октября в 12 день был у государя... собор...” (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 776); нет также никаких обстоятельств, которые заставляли бы думать, что старый собор 1619 г., который, надо полагать, был

в Москве и в начале 1620 г., был распущен; наконец, до нас не дошло призывных грамот на собор 1621 г. Словом, предположение названных ученых является несколько произвольным. По отсутствию известий о смене одних выборных другими, с одинаковым, если не с большим правом, можно высказать обратное предположение, что собор 1621 г. состоял из выборных 1619 г. и что постоянное пребывание земского собора около царя кончается не в 1620, а в 1622 г. За это говорит самая деятельность соборных людей в 1621–1622 гг.: им главным образом пришлось только выслушать речи государей и выразить, конечно, свое сочувствие к ним. Не стоило для этого созывать в Москву народ, когда государевы речи могли быть с удобством переданы в города посредством грамот. Такие грамоты и были разосланы, а между тем земский собор, как увидим ниже, оставался при государе в 1621 и 1622 гг.

1621 г.

Деулинское перемирие было заключено на 14 с половиной лет. Но спустя два года после него Москва уже готовится объявить Польше войну, стараясь воспользоваться удобными для этого обстоятельствами. Для Москвы трудно было оставаться при Деулинских условиях: поляки владели русскими городами (Смоленск); Владислав не отказался от притязаний на московский престол; происходили постоянные нарушения границ со стороны польской; поляки не признавали Михаила Федоровича, отказывали ему в царском титуле и называли обидным полуименем. Постоянно оскорбляемое, московское правительство не располагало однако достаточными средствами для ведения войны и отстаивало свои права дипломатическим путем, убеждая поляков и грозя им. В 1621 г. (в августе) прибыл в Москву турецкий посланник грек Фома Кантакузин и от имени султана (Османа) приглашал царя воевать Польшу в союзе с турками. Его отпустили с ответом, что, если поляки хоть малым чем нарушат мир, царь пошлет на них войска. Московскому правительству казалось удобным начать войну с Польшей, когда Польша была занята войною с турками и шведами и должна была дробить свои силы. Но прежде чем окончательно разорвать с поляками, Михаил Федорович нашел необходимым призвать на совет земщину и объявить ей положение дел. 12-го октября 1621 г. в Грановитой палате собрались высшие духовные лица, архимандриты, игумены, старцы, протопопы; затем – Боярская дума, стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки, жильцы, дворяне из городов, “выборные и приказные люди”, головы и сотники (стрелецкие), дети боярские “всех городов”; далее – гости, торговые люди и казаки (Книги разряд-

ные. Т. 1. Стб. 773; СГГД. Ч. 3. № 57); одним словом, на соборе были представители действительно всех чинов, кроме крестьян. Государь и отец его говорили собравшимся людям речь, сущность которой сводится к следующему. “Искони вечный враг Московского государства”, король Сигизмунд, не соблюдает перемирия: его подданные нарушают границы, захватывают в порубежных местах русские участки земли и занимаются на них промыслами; вторгаются в русские пределы, бьют помещиков и стоняют с их поместий. Русские пленные доселе не все отпущены из Польши, несмотря на договор. Как областные польские чиновники, так и сами паны-рада отказывают царю Михаилу Федоровичу в царском титуле и не признают его родства с угасшим родом московских государей. Видя эти неправды, государь и родитель его ждали, не опомнятся ли поляки и не будут ли исполнять честно договор; но оскорбления с польской стороны продолжаются, и государь Михаил Федорович намерен теперь охранять свою честь и русских людей силою оружия, тем более, что обстоятельства этому благоприятны: турецкий султан воюет с поляками и просит у Михаила Федоровича союза; крымский хан и шведы во вражде с Польшей и также зовут государя в союз. Но государь, жалея о своих подданных и не желая кровопролития, не сразу откликнулся на призыв турок, шведов и крымцев, а захотел испытать последнее средство – указал боярам послать грамоту к панам-раде с увещанием честно соблюдать договор⁴⁴. Если паны-рада не ответят достойным образом и “в обидных делах расправы не учинят”, то великие государи пошлют в Польшу рать, пользуясь удобным временем. Послать рать теперь, когда дружественные государи воюют с поляками, следует еще и потому, что в противном случае султан, хан и шведский король могут обидеться за неоказание им помощи.

Таким образом, в речи своей собору Михаил Федорович с отцом старались показать необходимость войны с Польшей. Соборные люди, прослушав эту речь, “били челом” великим государям, чтоб они крепко стояли против врагов-поляков. Духовные люди говорили, что они будут молиться о ниспослании победы на врагов; служилые люди обещали биться, “не щадя голов своих”, тяглые люди обещали помогать деньгами, сколько кому можно, смотря “по прожиткам”, т.е. по состоянию. Земский собор, стало быть, принял сочувственно мысль о войне с поляками. Земщина обещала помогать правительству и личной службой, и деньгами. Тем главный предмет соборного заседания и был исчерпан. По

---

⁴⁴ Эта грамота была послана “с собора” 14-го октября 1621 г. (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 826–827).

городам решено было послать грамоты с извещением о неправдах поляков и о том, что государи “приговорили на соборе стояти на польскаго короля”. По городам служилые люди должны были по получении этой грамоты готовиться к войне (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 781 и 805–823). Но кроме вопроса о войне на этом соборе был поднят еще один вопрос, касающийся ратного благоустройства. Служилые люди, обещая биться против поляков, вместе с тем заявили о необходимости “разобрать” в городах всех служилых людей, кому можно и следует быть на службе, чтоб не было “избылых”, т.е. уклоняющихся от службы людей, и чтобы поэтому тягости службы падали на всех равномерно. Сообразно этому заявлению были посланы в города бояре, которые должны были произвести смотр служилым людям, проверить, все ли они несут службу как должно; освободить старых и увечных от личной службы и определить, сколько с них брать даточных людей; верстать в службу выросших детей служилых людей и беспоместную их родню – одним словом, привести в ясность все поместные дела и наличность сил служилого сословия (О соборе 1621 г. см.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 773–823; СГГД. Ч. 3. № 57).

1622 г.

Боярская грамота, посланная в Польшу, не возымела там действия: 2-го февраля 1622 г. приехал обратно в Москву Григорий Борняков, возивший в Польшу боярскую грамоту, и привез с собою лист панов-рады, по московским понятиям очень оскорбительный. Вскоре затем пришла в Москву весть, что и областные польские власти продолжают оскорбительные выходки против московского государя. Видя, что от Польши нельзя ждать добровольной перемены политики, Михаил Федорович и Филарет Никитич решились действовать против поляков оружием и вторично создали земский собор по польским делам. Земскому собору Михаил Федорович объявил, что польский король не оставил своих неправд, и потому государь, не желая более терпеть его “грубостей и безчестья”, решился стоять против него и “мстить его неправды”. Что отвечали на это соборные люди, мы не знаем, потому что сведения о соборе 1622 г. очень скудны (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 830–831). На соборе, вероятно, решили начать войну, потому что “с собора” были посланы в города грамоты (14-го марта 1622 г.), чтобы служилые люди немедленно готовились к службе и ждали о походе царского указа, указ обещано прислать скоро (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 824–832). Однако, как известно, войны не состоялось. Полякам удалось избавиться от врагов, прежде чем русское войско двинулось в поход, а Мос-

ковскому государству борьба с Польшей один на один была тогда еще не под силу, и в Москве решили войны не начинать.

Выше мы высказались в пользу того мнения, что на земский собор о польских делах не были вызываемы новые выборные, а дело было поручено рассмотрению земских людей, живших в Москве постоянно, быть может, с 1619 г. Как от собора 1621 г., так и от собора 1622 г. не дошло призывных грамот; соборы эти представляются нам – по изложению их деяний в разрядной книге – простыми собраниями постоянной сессии выборных. Если дело было так, то тогда мы можем сказать, что постоянное пребывание в Москве земского собора длилось с 1613 г. до 1622 г. в продолжение десяти лет. Десять лет земский собор был постоянным учреждением в Московском государстве и содействовал, насколько мог, упрочению государственного порядка на Руси, поддерживая верховную власть и нравственно, и материально, действуя своим влиянием на русскую земщину, которая безропотно несла громадные повинности в виде “пятой деньги” и других сборов, необходимых для пополнения государственной и царской казны, дочиستا разворованной в Смутное время. Эти десять лет составляют самую блестящую эпоху в истории московских земских соборов, не только по той пользе, какую они приносили в деле устройства земли, но и по тому значению, какое они тогда приобрели. Они не ограничивали царскую власть, напротив, они были верными слугами самодержавию, отождествляя интересы самодержавной царской власти с интересами земщины. Они достигли иного, не ограничительного значения: они имели значение нравственной силы, дополнявшей царскую власть, силы, к помощи которой прибегало правительство, чтобы лучше и вернее достигать цели устройства земли. Этим-то нравственным значением и можно объяснить то высокое право соборов, неписанное и неформулированное право постановлять совокупно с царем приговоры, которым повиновалась земля, и которые особенно часто имели место в эти годы. Верховная власть не могла с опасением смотреть на факт соборных приговоров, ибо сама она в своих собственных интересах его создала, сама дала земле “право приговора”, если так можно выразиться, и сама желала этих приговоров⁴⁵.

Почему же постоянное пребывание в Москве собора прекратилось, и земский собор с 1622 г. принимает участие далеко не

---

⁴⁵ Н.П. Загоскин высказал даже предположение, что Михаил Федорович, принимая престол, одним из условий своего согласия поставил постоянное участие земского собора в делах управления, видя в них наилучший способ умиротворения государства (*Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. С. 245*). Такое предположение нам кажется вероятным.

во всех важных делах государства? Этому, как нам кажется, две причины: во-первых, государство за десять лет успело успокоиться несколько, и верховная власть могла окрепнуть настолько, что считала постоянную поддержку земщины излишней. Это – причина общая. Во-вторых, причина частная – приезд в Москву Филарета Никитича. Филарет Никитич был характер твердый и обладал умом государственным. По приезде в Москву он приобрел там большую власть: в его руках сосредоточилось управление всем государством, и есть известие, что даже сам царь его боялся, как отца (Изборник. С. 316). Тотчас по приезде Филарет Никитич возбуждает некоторые вопросы государственного управления, и они обсуждаются земским собором; на этом соборе решено даже созвать новую серию выборных. Таким образом видно, что Филарет сначала отнесся с полным сочувствием к участию земщины в государственных делах. Но затем, когда этот умный, твердый и властный человек присмотрелся к положению дел, ему, естественно, должно было казаться совершенно излишним передавать дела на решение собору, если в этом нет настоятельной нужды. Прочтите изложение соборных заседаний по делам польским при Филарете и сравните его с протоколами предыдущих соборов: вы увидите, что земский собор уже иначе поставлен, соборные люди приглашены как будто для того только, чтоб выслушать царские намерения и указы. О совместном приговоре собора с царем уже не говорится, а далее, после 1622 г., мы и совсем не видим соборов почти до смерти Филарета.

1621 и 1622 гг. составляют грань, с которой начинается новый, третий момент в истории земских соборов. С 1622 г. соборы теряют свой характер постоянных собраний, хотя продолжают сохранять свое значение во внутренней жизни Московского государства. Как увидим ниже, Алексей Михайлович прибегает к помощи земского собора против восстаний во Пскове и думает подавить беспорядки нравственным влиянием земских представителей. Земщина и после 1622 г. продолжает совокупно с царем постановлять приговоры (1632, 1634 и 1637 гг.); земщина после 1622 г. призывается к участию в законодательных работах по составлению Уложения; словом, совет земщины имеет еще большое значение в глазах правительства. Но с другой стороны, потеряв характер постоянного учреждения и снизойдя на степень экстраординарных правительственных мер, соборы начинают вместе с тем являться в иной роли – простых совещательных собраний, в роли, которая была им свойственна, впрочем, в XVI в. Соборы 1642 и 1651 гг. есть не что иное как совещательные собрания, на которых выборные “допрашиваются” правительством, и прави-

тельство не считает себя связанным мнениями земщины. Такой характер принимает практика земских соборов после 1622 г. и сохраняет его до 1653 г., а 1653 год по справедливости можно считать последним годом в жизни земских соборов...

Указав на отличительные черты третьего момента в истории соборов, приступаем к дальнейшему изложению фактов.

* * *

1632 г.

После соборов 1621 и 1622 гг. в продолжение десяти лет верховная власть не обращается к содействию земщины, и соборов мы не видим до 1632 г. В этом году открылась война с Польшей. К ней московское правительство готовилось давно: оно закупало оружие и боевые припасы, нанимало иноземцев, реформировало ратный строй собственного войска. Все это требовало больших издержек. Зато в 1631 г. численность русских войск была доведена до крупной цифры – 66 тысяч человек, и, когда в феврале 1632 г. король Сигизмунд умер и начались смуты на польском избирательном сейме, московское правительство решилось начать войну, пользуясь междуцарствием в Польше. Но в самом начале войны уже обнаружился недостаток денежных средств у московского правительства, вследствие предшествовавших крупных затрат и вследствие того, что необходимо было выплачивать большие деньги иностранным наемникам, и выплачивать без задержек помесечно. К тому же, несмотря на крупные военные силы, действовавшие в Польше, нельзя было обойтись без больших резервных войск, на снаряжение которых необходимы были и большие деньги.

При таких обстоятельствах правительство решилось созвать земский собор и просить у земщины денег сверх обыкновенных податей и сборов. Подлинного акта и призывных грамот этого собора до нас не дошло, и почти все, что мы знаем о соборе, почерпается из наказов, данных тем лицам, которым было поручено исполнение соборного постановления, и из царских грамот в города (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 480–491; ААЭ. Т. 3. № 211–214). Заседание собора происходило 11-го ноября 1632 г. (7141 г.) в Столовой палате Кремлевского дворца (Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 299). Состав собора нам неизвестен, но надо думать, что самый предмет занятий соборных – обсуждение экстренных повинностей, падавших на все чины и местности, – обуславливал собою большую или меньшую правильность соборного состава. Заседание открылось, как обыкновенно, речью царя и отца

его патриарха. Изложив причины объявления войны и трудного положения финансов, великие государи выразили желание, чтоб все чины, как духовные, так служилые и тяглые, помогли правительству и дали денег на ратные дела. Соборные люди, конечно, согласились удовлетворить желанию государей, и на соборе было решено, что промышленные люди внесут в государеву казну “пятую деньгу” со своих животов (это уже в третий раз!); служилые люди – высшие и низшие – дадут, кто сколько может, и роспись своим пожертвованиям доставят правительству немедленно; духовные люди помогут также по мере своих достатков. Князю Д.М. Пожарскому с товарищами было указано ведать этот экстренный сбор и на Москве, и по городам (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 480–487; ААЭ. Т. 3. № 211 и 213). На том же соборе решено было соборными людьми оказать помощь правительству и с другой стороны, а именно: доставить, кто сколько может, подвод для перевозки под Смоленск ратным людям провианта, заготовленного правительством. Дело это указано было ведать князю И.М. Борятинскому и другим (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 487–491; ААЭ. Т. 3. № 212 и 214). Вот все, что известно нам о соборе 1632 г. По словам наших источников, соборные люди выслушали указ государей о денежном сборе и подводах и “били им челом” о своем согласии на принятие царского приказа. О приговоре соборном нет речи; но трудно верить, чтобы отношение верховной власти к земщине изменилось за десять лет настолько, что земские выборные созываются лишь для выслушания царского указа. Вернее, изменилась форма официального изложения соборных решений, а не положение соборных людей, которые в данном случае, в 1632 г., несомненно, постановили приговор, как это явствует по существу дела.

1634 г.^ч

Это соборное заседание имело место в ноябре 1632 г. Следующий земский собор происходил в январе 1634 г. Изложим прежде всего обстоятельства, его вызвавшие. Война с Польшей шла удачно сначала: боярин М.Б. Шеин и окольный А. Измайлов, взяв много городов, осадили зимой 1632–1633 гг. Смоленск. Смоленск упорно защищался, и войско М.Б. Шеина принуждено было надолго остановиться здесь. Между тем поляки избрали в короли сына покойного Сигизмунда – Владислава, который немедленно двинулся на помощь Смоленску и пришел туда 25-го августа 1633 г. Одновременно с этим крымские татары, по наущению польского правительства, вторглись в русские пределы и опустошили несколько городов. В войско Шеина дошли об этом вести, и

много служилых людей отъехали из-под Смоленска, услышав, что татары грабят их места. Этот отъезд, конечно, ослабил Шеина, а Владислав успешными стратегическими движениями и удачными битвами сбил Шеина с некоторых позиций и отрезал русскому войску сообщение с Москвой. М.Б. Шеин очутился в очень трудном положении. Когда об этом узнали в Москве, решено было послать в помощь М.Б. Шеину князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского с войском. Но как этому вспомогательному войску, так и войску Шеина необходимо было жалование, а казна была истощена затянувшейся войною и не располагала достаточными средствами. Явилась снова необходимость в экстраординарных сборах, и поэтому в начале 1634 г., 28-го января, царь указал быть собору.

Соборные люди собрались скоро, на другой день после указа, 29-го января 1634 г. Этот факт может навести на два заключения: или собор состоял из одних московских людей, или собор в это время постоянно находился в Москве. Против первого заключения говорит то обстоятельство, что предмет заседаний собора – общая финансовая мера – требовал присутствия на соборе выборных всех чинов и местностей. Мы лично стоим за второе предположение, как и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 260), вследствие некоторых частности в речи государя на соборе. Эта речь была говорена или читана не самим государем, хотя он и был в соборном заседании (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 611; СГГД. Ч. 3. № 99. С. 342; ААЭ. Т. 3. № 242. С. 366). Речь начинается так: “В прошлом во 141 (1632) г. государь царь... объявили *вам на первом соборе* многие неправды... Жигимонта короля...” (Там же). Далее в речи говорится: “А в прошлом во 141 г. по государеву... указу, и по приговору *вас*, властей и бояр, и думных и всяких чинов людей с соборнаго уложения, сбирано... на жалование ратным людем” (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 618; СГГД. Ч. 3. № 99. С. 345; ААЭ. Т. 3. № 242. С. 369). Таким образом, соборный акт отождествляет соборных людей 1634 (7142) г. с соборными людьми 1632 (7141) г. и называет ноябрьское заседание 1632 г. *первым* собором. На этом основании смело можно предположить, что во время второй польской войны правительство считало необходимым иметь при себе постоянный земский собор, о двух заседаниях которого и дошли до нас известия.

Заседание 29-го января открылось пространной речью, читанною от имени государя (патриарх Филарет незадолго до этого скончался). В речи описывались причины объявления войны Польше, ход военных действий, неудачи последнего времени и плохое состояние государственной казны вследствие больших по необходимости расходов и вследствие того, что прошлогодний

сбор “пятой деньги” в сумме дал меньше, чем можно было надеяться. В прежние годы, когда благосостояние государства было менее удовлетворительно, “пятая деньга” давала более, чем дала теперь; правительство приписывало это недобросовестности торговых людей, которые платили часто “не по правде”, менее указанного по соборному приговору. Поэтому казна скоро истощилась, и теперь правительство обращается к соборным людям в надежде, что они не откажут ему в денежной помощи на ведение войны. Соборные люди обещали дать правительству денег, сколько кому будет можно, и по этому соборному приговору указал государь ведать новый сбор боярину князю Б.М. Лыкову с товарищами, которым 4-го февраля дан был соответствующий наказ (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 621; ААЭ. Т. 3. № 245), а в города посланы грамоты с извещением о вновь решенном сборе (СГГД. Ч. 3. № 101).

* * *

Быть может, к этой же соборной сессии 1632–1634 гг. следует отнести один любопытный документ: это – письменное мнение патриарха Иосафа и всего освященного собора, поданное Михаилу Федоровичу на каком-то земском соборе, год которого нам неизвестен и от которого не осталось никаких сведений, кроме мнения духовенства. Иосаф был патриархом между 1634 и 1641 гг.; следовательно, в этот же промежуток времени происходил и упомянутый земский собор, но когда именно, нельзя и предположить с достоверностью. Предметом соборного заседания были дела с Крымом. Патриарху из Посольского приказа было прислано “письмо”, в котором излагалось, “что объявлено на соборе всяких чинов людем крымскаго царя и калгины и нурадыновы многие неправды, что они мимо своей правды и шерти чинят в Крыме... государевым посланником позор и мучение, и грабеж, и всякую тесноту... И о тех злых неправдах, и о казне, которая посылана по старине в Крым для дружбы и любви; и казну емлют, а в правде не стоят; и о многом запросе, и по вымученным кабалам о платеже, как ныне быть? и за мучение... государевых людей крымским послом и гонцом что учинити?” Получив такое изложение дела и вопросные пункты, освященный собор в отдельном от других чинов заседании обсудил дипломатические затруднения с Крымом и письменно объявил государю “мысль свою и совет”, что государю нужно стараться освободить своих послов, по их освобождении отказать крымцам в казне, которая прежде им посылалась, и усилить пограничную охрану на случай их набегов. Что же касается до того, как поступать с крымскими послами в воз-

даяние за мучения наших послов, то духовенство отказалось дать на это ответ, потому что это не духовного чина дело (См.: Мнение Иоасафа патриарха и всего освященного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 372–374; *Соловьев*. История. Т. 11. Дополнения). Ответы других чинов нам неизвестны как неизвестны и подробности самого дела, которое предложено было на обсуждение земскому собору. Нельзя ли здесь разуместь тех насилий, которым подверглись в Крыму в 1634–1635 гг. наши послы Коробьин и Матвеев, возвращавшиеся из Турции (*Соловьев*. История. Т. 9. С. 263–264)?..

1637 г.

Следующий земский собор был в Москве в 1637 г. 18-го июня этого года донские казаки взяли турецкий город Азов и крепко в нем засели. Немного ранее того они убили турецкого посла Фому Кантакузина. Таким образом, подданными русского царя султану было нанесено два оскорбления, и султан, несмотря на объяснительную грамоту Михаила Федоровича, приказал крымцам сделать набег на московские уkraine. Возвращаясь в сентябре из русских пределов, брат крымского хана, заправлявший набегом, Багадур-Гирей, писал в Москву, что татары разоряли Русь по воле султана за взятие Азова и что на весну 1638 г. готовится на Русь большой поход татар и турок. Такое неприятное известие заставило московское правительство озаботиться защитой государства, и вот для лучшей организации защиты в Москву созывается земский собор. Заседание этого собора происходило в конце 1637 г. Соборным людям были предложены на обсуждение следующие вопросы:

1. Каким образом собирать войска? Ратные люди “пооскудели”; много из них побито и померло; наличного числа их будет мало для защиты государства, и надобно будет пополнить войска даточными людьми с земель.

2. На какие средства вооружать собранных людей? Соборные люди, обсудив с государем эти вопросы, приговорили против врага стоять “сколько Бог помочи подаст”; служилым и ратным людям объявить поход; для пополнения войск с земель, принадлежащих духовенству и большим монастырям, взять даточных людей пеших, по человеку с 10 дворов (малые и средние монастыри должны были поставить с 10 дворов по 4 лошади); с бояр и с других служилых людей, как с поместий, так и с вотчин, взять по человеку с 20 дворов; то же самое и с дворцовых сел. Тяглые люди в городах, посадах и уездах вместо даточных людей должны

были заплатить со двора по 2 рубля на военные издержки. Таким образом, указаны были и средства пополнить войска, и источники для содержания и снаряжения войск. Согласно соборному приговору государь указал боярину князю И.А. Голицыну заведовать денежными сборами, а в города посланы были грамоты о немедленной уплате денег за даточных людей, “чтоб к весне... ратные люди против недруга... были все готовы” (ААЭ. Т. 3. № 275).

1642 г.

Однако весной 1638 г. Московскому государству не пришлось воевать ни с кем. Сообщение Богадур-Гирея оказалось пустою угрозой. Только с 1639 г. турки начали готовиться к походу, и то не на Русь, а к Азову, который оставался во власти казаков и который турки хотели вернуть. Весною 1641 г. громадные турецкие силы двинулись к Азову и почти до октября осаждали его, неоднократно пытаясь штурмовать. Но все усилия 240-тысячной армии разбились о замечательную стойкость казачества. Казаки отсиделись, отбили все приступы, и турки ушли. Но, конечно, эта осада не прошла даром и казакам: у них было много раненых, боевых запасов не было; платья и пищи тоже недоставало. Казаки сознавали, что собственными силами им Азова не удержать. Извещая Москву о своей победе, казаки писали, чтоб государь принял Азов в свою власть и прислал им помощи, запасов и платья (СГГД. Ч. 3. № 112). Государь в ответ на это послал (в декабре 1641 г.) казакам 5000 рублей и грамоту, где хвалил мужество казаков и обещал, как вскроются реки, послать им боевых запасов, продовольствия и сукон. Но относительно принятия Азова в подданство государь решительного ответа не дал, а велел только тем лицам, которые возили казакам деньги, город Азов “досмотреть, переписать и начертить на чертеж” (Там же). Понятны причины, почему царь Михаил Федорович не решился сразу дать положительного ответа на челобитье казаков о принятии Азова. Принять Азов значило разорвать с Турцией, а Турция была тогда могучей державой; считаться с ней было не по силам Московскому государству, истощенному прошлой Смутой и войнами времени Михаила Федоровича. Государь колебался. Удачная защита Азова казаками показывала возможность противостоять туркам, но далеко не блестящее положение финансов, недостаточность служилых людей и трудность неизведанной доселе войны с турками, у которых война бывает “не по один год” – все это заставляло крепко задуматься. Не склоняясь ни к какому определенному решению, Михаил Федорович пожелал – для большего уяснения дела – выслушать мнение земщины по азовскому вопросу и поэтому ука-

зал быть собору. Собор этот состоялся в январе 1642 г., и до нас от этого собора дошел акт, наиболее подробный из всех соборных актов, но, к сожалению, без конца (СГГД. Ч. 3. № 113). Несмотря на свою подробность, он многие вопросы, касающиеся собора, оставляет неразрешимыми, передавая с полной точностью мнения соборных людей, он отличается совершенною неясностью в передаче внешней истории собора и соборного состава. Этими-то вопросами мы теперь и займемся.

Прежде всего в акте читаем, что 3-го января 1642 г. государь указал быть собору, на соборе же быть духовенству, Думе, московским и городским служилым и тяглым людям, “и сказати всяких чинов людям”, чтоб они из всех чинов выбрали добрых и умных людей для совещания по азовскому делу, “а кого выберут, и тем людям принести имена”. По государеву указу, собор был “в Столовой избе”, на нем присутствовали всяких чинов люди, и печатник, думный дьяк Ф.Ф. Лихачев говорил на соборе, что государь указал быть собору для совещания по азовскому вопросу и для того дела велел выбрать из всяких чинов людей “из больших статей” от 7 до 20 человек, а “из немногих людей” от 2 до 5 человек, “а кого выберут, и тем людям принести имена, и им про все объявить подлинно”. Далее акт продолжает, что имена выбранных людей присланы в Посольский приказ из Разряда, а сами выборные собрались “в Столовой избе”, где тогда, по государеву указу, были и члены Боярской думы. В этом собрании была читана подробная речь об Азове, списки с которой были розданы выборным для обсуждения “порознь” по чинам и группам. Далее, в соборном акте следует список участников собора и излагаются мнения соборных людей. Как можно убедиться из нашей передачи, изложение акта чрезвычайно спутано и сбивчиво. Поэтому нам кажется, что вступительная часть акта дошла до нас не в окончательной редакции, а представляет собою только черновой набросок, попытку составить официальный отчет о соборе. В этом предположении утверждает нас и то обстоятельство, что вместе с пространном изложением письменных мнений соборных людей, с изложением, которое, очевидно, есть простой список с этих письменных мнений, дошла до нас и более краткая их переделка. Словом, нам кажется, что мы имеем не официальный акт собора 1642 г., а лишь черновые бумаги, из которых этот акт долженствовал составиться. Отсюда становится ясною небрежность и сбивчивость изложения, которая лишает нас возможности определить ясно время заседаний и состав собора 1642 г.

По прямому смыслу разбираемого акта, 3-го января 1642 г. последовал царский указ о собрании всех чинов людей. Этим лю-

дям, собравшимся в Столовой палате, была указана причина, почему государь желает советоваться с земщиной, и велено было выбрать из своей среды представителей, так что черные люди оказываются не выборными, а *избирателями*. Далее, избранные ими люди сходятся в той же Столовой палате, слушают подробное изложение дела об Азове и затем подают свои мнения. Но трудно верить, чтобы сперва последовало поголовное собрание избирателей для выслушания царского указа о соборе. Такого примера мы ни разу не видим в соборной практике; к тому же на соборе были представители 50 (minimum) городов; неужели они были избраны все на Москве случайным собранием избирателей? За таким предположением весьма мало вероятия, и по нашему мнению, в прямом смысле показаний соборного акта принимать невозможно. Едва ли не вернее будет предположить, что в конце 1641 г., одновременно с получением казацкой челобитной о принятии Азова в подданство, Михаил Федорович приказал городам выслать в Москву выборных, которые съехались к январю 1642 г. Что же касается московских обывателей, как служилых, так и тяглых, то они, может быть, и были созваны, чтобы выслушать указ царя о выборах на земский собор, и затем прислали своих выборных “из больших статей человек по 20 и по 15” и т.д. Мы высказываем это предположение как простую догадку, но нам кажется более удобным держаться этой догадки, чем думать вместе с Н.П. Загоскиным (История права Московского государства. Т. 1. С. 263), что земский собор 1642 г. состоял только из лиц, бывших в то время на Москве, а выборных из городов не было требовано. Этому противоречит тот замечательный факт, что на соборе были представлены, повторяем, до 50 городов и что число городских представителей было очень правильно: каждый город, по большей части сообразно величине и значению, имел 2-х, 3-х или 4-х представителей, одна только Рязань была представлена 8-ю человеками. Этой правильности не могло бы быть, если бы собор не был составлен правильным путем.

Как бы то ни было, какими бы способами ни были представлены города, на соборе мы видим городских представителей дворян в числе 112 человек из 51 города⁴⁶. Кроме того, по списку, по-

---

⁴⁶ В акте упоминаются следующие города: Алексин, Арзамас, Болхов, Боровск, Белев, Белоозеро, Белый, Владимир, Воротынский, Вязьма, Галич, Гороховец, Звенигород, Зубцов, Калуга, Карачев, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Лихвин, Лух, Малый Ярославец, Медынь, Мещера, Мещовск, Можайск, Муром, Мценск, Нижний Новгород, Новгород, Новосиль, Переяславль Залесский, Пошехонье, Ржев, Ростов, Ряжск, Рязань, Серпейск, Серпухов, Смоленск, Солова, Старица, Суздаль, Торжок, Торопец, Торуса, Тула, Чернь, Юрьев Польский и Ярославль.

мещенному в акте, на соборе были: 10 стольников, 34 московских дворянина и жильца, 4 стрелецких головы, 12 гостей и торговых людей и 20 представителей московских черных сотен и слобод. Таким образом, на соборе было 192 выборных, но это число менее действительного числа выборных людей, потому что в акте, в списке городов и их представителей пропущено несколько городов, упоминаемых далее в тексте акта. Кроме того, мы не знаем числа духовных и бояр, бывших на соборе. Поэтому численный состав собора остается для нас неопределенным. Что касается до состава собора по сословиям, то мы замечаем, что на соборе не было представителей тяглого населения и крестьян. Крестьяне почти всегда отсутствуют на земских соборах; причины же отсутствия посадских очень трудно указать. Благодаря отсутствию посадских собор 1642 г. мы не можем считать собором полным. В отношении своего состава он может быть поставлен наряду с соборами 1566 и 1598 гг., где тоже мы видим сравнительно недостаточную полноту представительства.

Обращаясь к изложению деятельности соборных людей в 1642 г., прежде всего скажем, что соборные люди, как видно из акта, были призваны с единственной целью – обсудить азовский вопрос; приговора же их о политике по этому вопросу государь не требовал: ему угодно было лишь узнать об этом деле мнение его подданных. Таким образом, когда выборные собрались вместе с Боярской думой на первое свое заседание (вероятно, 3-го января) в Столовую палату, им были изложены обстоятельства азовского дела: сиденье казаков в Азове; их челобитье о принятии Азова под государеву руку; сборы Турции и Крыма с целью снова воевать Азов, а затем и Московское государство; трудности войны с турками, которые привыкли к долговременным войнам и у которых войны ведутся “не по один год” и т.д. Затем выборным были предложены вопросные пункты, которые заключались в следующем: 1) Принимать ли Азов у казаков и, следовательно, разрывать ли с Турцией? и 2) если Азов принимать и с Турцией разрывать, то откуда взять необходимое для долгой войны количество ратных людей, денег и всякого рода запасов? По прочтении речи и вопросных пунктов списки с них были розданы соборным людям, которые для их обсуждения разделились на следующие группы: 1) стольники; 2) дворяне московские и жильцы; 3) головы и сотники стрелецкие; 4, 5, 6 и 7) дворяне из городов, разделившиеся на четыре группы; 8) гости и торговые люди и 9) представители черных сотен и слобод. Духовенство составило особую группу и совещалось у крутицкого митрополита. Где совещались другие группы, мы не знаем. Боярская дума, как постоянный совет го-

сударя, не участвовала, вероятно, в этом экстраординарном совещании.

Совещания групп или “допросы”, как выражается акт, начались, кажется, в тот же день, когда выборным была прочитана речь государева, т.е. 3-го января, потому что 3-го одна группа (московские дворяне) уже подала свое мнение (мнения подавались письменно). О времени, когда окончились совещания выборных, и они были отпущены, мы не знаем, потому что в акте не обо всех группах сказано, когда они подали свои мнения, и мы, таким образом, лишены возможности узнать последний срок подачи мнений (Н.П. Загоскин делает здесь ошибку, полагая последним днем совещаний 17-го января).

На первый вопрос – принимать ли Азов или нет? – духовенство, стрелецкие головы и дворяне Владимира, Нижнего, Муромы и Луки ответили, что принять или не принять Азов – дело царской воли; таким образом, эти группы уклонились от решительного ответа на поставленный вопрос; впрочем, все они заявили, что рады служить и помогать государю, насколько их силы позволят. Другие выборные от городов (две группы) и два московских дворянина Желябужский и Беклемишев, подавшие отдельное мнение, категорически высказались за принятие Азова. Остальные группы: стольники, московские дворяне и тяглые люди (четыре группы), предоставляя принятие Азова на волю государя, в то же время склоняются к мысли принять Азов. Таким образом, по первому вопросу большинство соборных людей высказалось в пользу принятия Азова, а меньшинство удержалось от подачи мнения, полагая решение дела на царскую волю.

На второй вопрос – откуда взять людей и средства для неизбежной в случае принятия Азова войны с турками – ответили не все соборные люди. Духовенство, головы стрелецкие, некоторые дворяне из городов и все тяглые люди совсем не высказались относительно средств ведения войны. Стольники и московские дворяне, не говоря ничего о средствах к войне с турками, советуют, однако, держать Азов казаками и послать им в помощь “охочих людей”. Охочие эти люди – прибавляют московские дворяне – должны быть набраны из украинских городов, ибо украинные жители знакомы с условиями службы на Дону; если же охотников найдется мало, то следует в Азов, уже волею государя, послать людей из тех же украинских городов. обстоятельные мнения о средствах ведения войны с турками подали лишь две группы городских дворян (большинство городских представителей) и дворяне Желябужский и Беклемишев. Эти последние советуют послать в Азов охотников всяких чинов, “опричь крепостных и кабальных

людей” из украинских городов и отдать их под начальство атаманов азовских. Деньги, необходимые для войны, собрать со всех людей, не несущих личной службы; если же денег этих не хватит, то сверх того собрать “хотя по гривне” со всех без исключения людей. Даточных же людей брать преимущественно с крупных землевладельцев и облегчить эту повинность для мелкопоместных людей, которые до этого времени от нее много терпели. Еще более пространное мнение подали две группы городских людей (в которых были все^ч городские дворяне, кроме владимирцев, новгородцев, муромцев, лушан). Две записки этих групп весьма близки между собою по содержанию, и поэтому представляется возможность изложить их вместе. Для защиты Азова дворяне полагают наиболее целесообразным послать стрельцов, солдат и охочих людей. Хлебные запасы для Азова собрать в южных, ближних к Азову городах и в богатых монастырях в тех видах, чтобы запасы поспели в Азов одновременно с войском. В случае же нужды дворяне рекомендуют обратиться и к повсеместному сбору запасов и людей. Это – для защиты Азова; на случай же нашествия турок на Московское государство дворяне советуют: 1) с имений бояр и духовенства, а равно и с городских дворян, не несущих личной службы, и с их вдов и недорослей взять конных и пеших даточных людей; 2) с обогатевших приказных людей, с придворных чинов и с тех городских дворян, которые, избегая городских служб, записались “по московскому списку” (т.е. стали московскими дворянами) и благоденствуют, взять как даточных людей, так и деньги на ратное дело, смотря по их состоянию; 3) в дополнение к даточным людям собрать, сколько нужно, стрельцов и солдат, набирая их по всей земле, но не из крепостных людей (иначе дворянам трудно было бы^ш при меньшем числе крепостных отправлять службу, на которую они должны были являться “конны, людны и оружны”); 4) для исправного отправления службы городскими дворянами испоместить и устроить беспоместных, пустопоместных и малопоместных дворян, чтоб им была возможность явиться, как надлежит, на службу; 5) для уравнивания служб и усиления военных средств определить, с какого количества крестьян можно дворянину отправлять службу без жалованья, т.е. без денежной помощи со стороны правительства (одна группа определяет это количество крестьян пятьюдесятью). За кем находится крестьян более указанного числа, с того требовать и личную службу и деньги на жалованье ратным людям; 6) если денежных сборов, которые указаны выше, окажется недостаточно, то с духовенства и монастырей взять их “лежачую казну”, а тяглых людей обложить налогом сообразно их торговле

и промыслам. Кроме того учесть по приходным книгам приказных и выборных присяжных людей, которые занимались сборами повинностей, и если найдутся за ними утаенные деньги, то эти деньги взыскать, “чтобы государева казна без ведомости у государя не терялась”.

Таким образом, одни городские дворяне подробно разработали вопрос об организации государственной защиты. В их записках высказывается полное понимание дела, большой политический смысл и отсутствие сословных эгоистических стремлений. *Они сознательно стремятся к уравнению служебных тягот и повинностей*, не отказываются и сами посильно служить государству, но требуют, чтобы и другие высшие чины несли службу соответственно их состоянию. На начале уравнения служб государству построены, как можно заметить, систематически обе их записки, и глубоко не прав Б.Н. Чичерин, упрекая соборных людей 1642 г.³³ за “отсутствие политической мысли” и за “наивный эгоизм сословий”.

Но кроме прямых ответов на вопросы, предложенные правительством, на соборе 1642 г. сделаны были выборными людьми и иного сорта заявления. Воспользовавшись случаем, как дворяне, так и тяглые люди в своих записках указывали откровенно на темные стороны общественной жизни, на злоупотребления правящих лиц и на расстройство народного благосостояния. В записках дворян мы видим очень ясные жалобы на неравномерное распределение служебных тягостей между высшими служилыми чинами, с одной стороны, и низшими городскими служилыми людьми – с другой. Для первых служба была не столь тяжела сама по себе и соединялась с выгодами служения на воеводствах, в приказах и т.д., отчего они и “наживают великие пожитки, а государевой полковой службы не служат”. Городские же дворяне вследствие частых по службе отъездов из дому запускают хозяйство, несут тяжелую “безкорыстную” службу с запущенных и часто малых поместий и поэтому окончательно беднеют и разоряются. Действительно, благодаря частым войнам в царствование Михаила Федоровича положение некрупных помещиков было очень тяжело: многие из них бросали свои поместья и вотчины и шли в кабалу к богатым землевладельцам, предпочитая жизнь кабальную помещичьему званию, и правительство должно было насильно возвращать их на службу для пополнения состава служилых людей, редевшего и без того от убыли в беспрестанных войнах (Хрестоматия по истории русского права / Сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 170–172). Другим же служилым людям удавалось “избыть” городовую службу и переписаться в другие

чины на Москве, где они, состоя у государевых дел, старались нажитья на счет бедневшего народа. Об этом стремлении к незаконной наживе на счет народа неоднократно свидетельствуют записки служилых людей: “А розорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов”, – пишет в конце своей речи одна группа служилых людей. На это же жалуются и торговые люди, говоря, что от “насильства” воевод в городах “всякие люди обнищали и оскудели до конца”. Но не в одном грабительстве воевод заключались беды торговых и промышленных людей, не от воевод “многие тяглые людишка из сотен и слобод разбрелися розно и дворишка свои мечут”: были беды еще бóльшие. Тяжесть личных служб, частые сборы “пятой деньги”, увеличение податей, повинности натурой и прочие государственные тяготы подрывали благосостояние тяглых людей. К этому присоединялись большие пожары и упадок торговых дел вследствие конкуренции иноземных торговцев, забиравших русские рынки в свои руки⁴⁷. Такова была невеселая картина быта, нарисованная тяглецами на соборе 1642 г. И несмотря на это, тяглые люди выражали готовность повиноваться, если государь повелит нести новые жертвы для удержания Азова. Земля сознавала, что ей необходимо удерживать Азов для обеспечения своих южных окраин, но в то же время для земли была ясна ее слабость и неустроенность, а азовское дело требовало больших усилий и жертв. В большинстве своих представителей земля решалась на принятие Азова и на борьбу за него, но одновременно показывала государю и свои раны, требующие скорого врачевания.

На что мог решиться государь, узнав, что земщина, соглашаясь поддерживать его в случае войны с турками, вместе с тем просит его “воззреть на ея бедность”, “взыскать своим жалованьем”, чтоб было чем его “государскую службу служить”. Государь, конечно, понял, что при трудном положении государства война с сильными турками обратится в народное бедствие, потребует напряжения последних слабых сил земли, истощенных бедствиями Смуты и последующими войнами. К тому же, как узнали, в разбитом Азове нельзя было защищаться, пока укрепления не будут исправлены, а на это надо было время. Воевода молдавский не советовал московскому государю вступать в войну с Турцией, представлял ее трудности и говорил, что во время войны все православные подданные султана потерпят гонения. Все это

---

⁴⁷ См. челобитную торговых людей на иноземцев: ААЭ. Т. 4. № 13; затем: СГГД. Ч. 3. № 138 и ПСЗ. Т. 1. № 9.

вместе взятое заставило Михаила Федоровича отказаться от мысли владеть Азовом, он в апреле 1642 г. приказал казакам уйти оттуда.

Б.Н. Чичерину “грустно смотреть на этот *последний* памятник нашего древнего земства”, как он называет собор 1642 г. (Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 378). Для него “чисто совещательная форма” этого собора и “разрозненность поданных мнений” составляют признаки упадка, разложения соборного начала. Так ли это? Нет, начиная с того, что собор 1642 г. не был *последним* памятником соборного начала: как увидим ниже, соборное начало проявлялось ярко еще не один раз и после 1642 г. Совещательная же форма собора оправдывается целью его созвания – желанием знать отношение земщины к азовскому делу, а “разрозненность” мнений, понимая это слово в смысле отсутствия полного единогласия, явилось следствием самой формы совещания – “порознь”, по группам. Нам кажется, напротив, удивительным, что при такой форме совещаний, неудобной для выработки единого мнения, большинство соборных людей согласно высказалось за принятие Азова. Это можно объяснить лишь присутствием в московском обществе политического смысла, который отрицает Б.Н. Чичерин: общество понимало важное значение Азова для жизни русских окраин и потому желало воспользоваться случаем и удержать Азов за собой. Этот политический смысл и, кроме того, стремление к уравниванию тягот для всех сословий, следовательно, отсутствие эгоизма, ясны для^б всех исследователей, кроме Б.Н. Чичерина, и по всеобщему признанию делают большую честь русскому обществу XVII в. Что нужды, что в 1642 г. земский собор был только совещательным. Значение соборов не падает от этого после собора 1642 г., который важен не формой, а тем, что земщина показала на нем свою компетентность в государственных делах и с честью исполнила данное ей государем поручение – высказаться по азовскому вопросу. Поэтому в соборе 1642 г. мы не можем видеть упадка и разложения соборного начала, как их видит Б.Н. Чичерин.

1645 г.

Собор 1642 г. был, насколько мы знаем, последним в царствование Михаила Федоровича. Михаил Федорович скончался в ночь с 12-го на 13-ое июля 1645 г., оставив наследником сына Алексея, которому тогда было только 16 лет. Молодой царь был, следовательно, несовершеннолетним. Известный Котошихин, говоря о смерти Михаила Федоровича, продолжает: “Мало время минуше (по смерти царя. – С.П.), патриарх и митрополиты, и

архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь духовный чин соборовали, и бояре, и окольные, и думные люди, и дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые и всяких чинов люди, и чернь после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешняго царя, и учинили коронование в соборной болшой первой церкви и молили Бога... а было тех дворян и детей боярских, и посадских людей для того обрания человека по два из города” (О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григорья Котошихина. 2-е изд. СПб., 1859. С. 4). По этому свидетельству современника, а легко может быть и очевидца, воцарение Алексея Михайловича было санкционировано народом посредством правильного земского собора. На то же самое намекает и Олеарий, говоря о воцарении Алексея Михайловича, что оно произошло по согласию сановников и всего народа (Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем. и снабдил предисл. Павел Барсов. М., 1870. С. 256, 257). Отвергать эти известия, в особенности Котошихина, мы не имеем оснований: у Котошихина нельзя подозревать никакой в данном случае тенденции: ему совершенно незачем здесь лгать. Поэтому мы имеем полное право полагать, что в Москву летом 1645 г.⁴⁸ съехались выборные люди, чтоб именем всей земли утвердить второго царя новой династии на отцовом престоле и вручить ему самодержавную власть. Этот факт несколько не противоречит обстоятельствам того времени. Положение государства было трудно: мы выше познакомились с жалобами земщины на внутренние неурядицы, на тяжесть служеб и податей, на грабительство и волокиту, на упадок торговли и т.д. Тяжесть положения заставляла многих “метать свои дворишки и брести розно”, образовывается таким образом тот общественный осадок, который породил Стеньку Разина, и это обстоятельство не могло оставаться в Москве незамеченным, тем более, что самозванщина не исчезла (вспомним, какое впечатление производил на московское правительство несчастный Луба и какое значение ему придавалось). С другой стороны, при трудном положении государства молодость царя могла привести к новым затруднениям, к образованию придворных партий и к смутам. Принимая все это во внимание, весьма вероятным кажется, что лица, окружавшие Алексея Михайловича (Б.И. Морозов), решились прибегнуть к созванию земского

---

⁴⁸ Михаил Федорович умер 13 июля 1645 г., а коронация Алексея Михайловича была 28 сентября. В этот промежуток времени и происходил собор.

собора как к средству прочно укрепить положение молодого царя всенародным утверждением его на престоле и тем дать его власти большую силу и обаяние.

1648–1649 гг.

Прошло около трех лет. Молодой государь не мог, конечно, управлять самостоятельно государством, и около него, как главные его помощники, стояли Б.И. Морозов и И.Д. Милославский. Их высокое положение как царских родственников и доверенных лиц царя позволяло им оказывать большое влияние на дела, и этим влиянием они пользовались не всегда сообразно государственным пользам. Сами не бескорыстные, они давали волю и своим креатурам, которые пользовались возможностью нажиться уже безо всяких стеснений и нещадно грабили народ. Их злоупотребления вызвали известный московский бунт 1648 г., успокоенный путем уступок народу: выдачею ему наиболее ненавистных чиновников и обещаниями правосудия в будущем. Через месяц после этой вспышки народного негодования, очевидно, под свежим впечатлением бунта правительство решается на составление полного законодательного сборника с целью дать народу ясные законы и безволочитный суд. 16-го июля 1648 г. государь совещается с освященным собором и своею Думою по этому вопросу и указывает боярам князю Н.И. Одоевскому и князю С.В. Прозоровскому, окольникему князю Ф.Ф. Волконскому и дьякам Г. Леонтьеву да Ф. Грибоедову заняться собранием материалов и составлением проекта законодательного кодекса. Цель издания нового кодекса указывается правительством в Предисловии к Уложению таким образом: новые законы даются для того, “чтобы всяких чинов людям от болшаго и до меньшаго чину суд и расправа была во всяких делех всем равна”, чтобы государево и земское дело “утвердити и на мере поставить”, т.е. чтобы дать народу, говоря языком нашего времени, справедливый суд и водворить возможный порядок в общем течении государственной жизни. Инициатива этого дела, однако, не принадлежала правительству; оно само говорит (ААЭ. Т. 4. № 27), что приступило к кодификации действовавших законов по челобитью всяких чинов людей, как московских, так и городских. Когда последовало такое челобитье, мы не знаем. Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 281) полагает, что оно было принесено земским собором 1645 г., – догадка вероятная, но не единственная возможная в данном случае. Челобитье могло быть подано и во время московской смуты 1648 г. московскими и городскими людьми, бывшими тогда в Москве. По крайней мере, до нас

дошло известие, что “в самое смутное время” 1648 г. били челом государю московские и городские тяглые люди об облегчении их служб (ДАИ. Т. 3. № 47, I). Весьма вероятно, что во время беспорядков, видя внимательное отношение царя к народным желанием, народ спешил посредством челобитных высказать государю свои важнейшие желания и между прочим желание об издании новых законов. Что же касается до того, имел ли народ какое-либо основание желать кодификации и переработки законодательства, то на этот вопрос можно только отвечать утвердительно.

Со времени издания царского Судебника протекло столетие. С тех пор законодательство Московского государства продолжало развиваться путем издания отдельных законоположений, вызывавшихся к жизни или челобитьями земщины, или усмотрением самого правительства. Эти отдельные законоположения дополняли пробелы и недосмотры Судебника, и число их ко времени Алексея Михайловича возросло до большой цифры. Рассеянные по приказным книгам и разбросанные по областям в виде частных указов, законоположения эти своею неупорядоченностью затрудняли отправление правосудия и давали простор злоупотреблениям как лиц правящих, так и управляемых. Уже одно это заставляло желать скорейшей систематизации действующего законодательства, но с другой стороны, были причины желать не простого приведения в систему отдельных указов, а пересмотра законодательства, создания новых норм общественного быта. Трудное положение государства, расшатанного Смутою начала XVII в., требовало больших жертв для врачевания. При Михаиле Федоровиче общественные повинности достигали громадных размеров: несколько раз помимо увеличенных податей собиралась “пятая деньга”, что в высшей степени тяжело отзывалось на делах тяглых людей; служилые люди вследствие частых походов и войн убывали в числе и, запуская хозяйство, беднели. Такие тяжелые условия жизни вызывали в народе стремление освободиться от тягот, избыть податей и служеб. Тяглые уездные и посадские люди выходили из своих общин и ставили себя в зависимость от “беломестцев”, т.е. от^{би} лиц, не плативших податей, от монастырей, боярства и др. Уездные люди шли в посады, в городские промыслы, а посадские продавали свои дворы “беломестцам” и тем освобождали их от тягла. Общины, несшие тягло не с лиц, а в виде определенной переписью суммы, от убыли своих членов страдали тем, что сумма податей раскладывалась на меньшее число лиц, и потому подати становились тяжелее. Это вызывало со стороны общин жалобы и челобитья о прекращении выхода из общин. Служилые люди, в свою очередь, жаловались на

упадок своего хозяйства, на неравномерное распределение служеб, которые становились чаще и тяжелее вследствие того, что число служилых людей уменьшалось от войн и уклонения многих дворян от службы посредством перехода в более льготные разряды служилых людей или посредством заклада и кабалы, как мы то видели. Сверх того, помещичьи крестьяне часто бегали из разоренных имений и тем еще более разоряли помещиков. Все эти нестроения были известны правительству, и оно принимало меры против них, издавая указы, но указы эти носили частный и случайный характер и поэтому на практике не имели решительного действия. Злоупотребления продолжались и в среде земщины, и со стороны правящих лиц в очень широких размерах. Надлежало принять не частные, паллятивные меры против злоупотреблений, а в корне пересмотреть действовавшее законодательство и дать новые, соответствующие нуждам времени, основания для правильного течения государственной жизни. Попыткой такого рода и явилось Уложение, всем известный, но вполне еще не обследованный памятник нашего законодательства.

Подготовительные работы по составлению Уложения поручены были, как уже сказано, комиссии из пяти лиц с князем Н.И. Одоевским во главе. Это было в июле 1648 г. Одновременно с этим в города были посланы грамоты с приказом выслать в Москву “для государева и земскаго великаго царственнаго дела” из дворян и детей боярских от больших городов по *два* человека, а от малых городов и от новгородских пятин по *одному* человеку (так что новгородцы имели право прислать 5 человек). Из черных сотен и слобод и из городских посадов требовалось по *одному* человеку. Московские же люди должны были прислать: придворные чины и дворяне – по *два* человека из чина, гости – *трех* человек, гостиная и суконная сотни – *четыре*х (Предисловие к Уложению). Так намечен был состав земского собора правительством; при этом выбирать было указано людей “добрых и смышленных”, “которым государевы и земские дела за обычай”. Выборы было указано свидетельствовать рукоприкладством избирателей, а выборные списки “за руками” – присылать в Москву. Сами же выборные должны были собраться в Москве к 1-му сентябрю 1648 г. (ААЭ. Т. 4. № 27). Призывных грамот на этот собор не сохранилось, но мы имеем память новгородского воеводы к губному старосте Обонежской пятины с приказанием выбрать “человека добра, которому б быть на Москве для государева и земскаго дела *с государевы бояры, со князем Н.И. Одоевским с товарищи*” (Там же). Вряд ли эта фраза выдумана воеводою, а не взята им из царской призывной грамоты. Уже в этой фразе

мы лично видим намерение московского правительства привлечь земских выборных к участию в трудах комиссии князя^б Одоевского^б, на что ниже встретим и другие указания.

Выборные собрались в Москву вероятно около назначенного срока – 1-го сентября 1648 г., и с этого дня мы можем приблизительно считать начало соборной сессии. О численном составе этого земского собора, на котором, кроме крестьянства, участвовали все чины, мы можем судить по подписям на подлинной Уложенной грамоте (свитке). Эти подписи напечатаны И.Е. Забелиным в I томе “Архива историко-юридических сведений” Н.В. Калачова. По счету И.Е. Забелина, грамота подписана: патриархом, двумя митрополитами, тремя архиепископами, одним епископом, пятью архимандритами, одним игумном, 15-ю боярами, 10-ю окольными, одним казначеем, одним думным дворянином, одним печатником, одним думным дьяком, одним протопопом, пятью московскими дворянами, 148-ю городскими дворянами, тремя гостями, 12-ю выборными от черных сотен и слобод, 89-ю посадскими и 15-ю стрелецкими выборными (от приказа по одному). Всего же на Уложении 315 подписей (АИЮБ. Т. I, отд. II. С. 3). Эти 315 подписей принадлежат представителям более чем сотни городов⁴⁹. По полноте представительства собор 1648–1649 гг. занимает самое видное место среди всех московских земских соборов.

Переходя затем к деятельности этого собора, мы предварительно должны сказать, что прямых известий об этой деятельности мы почти не имеем. Скучные и неопределенные об этом показания Предисловия к Уложению можно изложить в двух словах.

---

⁴⁹ Мы насчитали 113 городов и местностей, но весьма возможно, что это число еще менее действительного. Не совсем лишним считаем привести здесь названия представленных местностей: Алатырь, Арзамас, Атамар, Балахна, Болхов, Боровск, Брянск, Бежецкий Верх, Белгород, Белев, Белоозеро, Васильсурск, Верея, Владимир, Вологда, Волок, Воронеж, Вязьма, Вятка, Галич, Гдов, Гороховец, Дмитриева слобода, Дмитров, Елатьма (25), Елец, Зарайск, Зубцов, Кадом, Казань, Кайгородок, Калуга, Карачов, Каргополь, Кашин, Кашира, Клин, Козмодемьянск, Коломны, Коломна, Кострома, Кременецк, Кромы, Курмыш, Курск, Ладога, Ливны, Лихвин, Лух, Малоярославец (50), Мещера, Мещовск, Минск, Можайск, Муром, Мценск, Нерехта, Нижний Новгород, Новгород Великий, Новгород Северский, Новосиль, Одоев, Опочка, Орел, Оскол, Переяславль Залесский, Переяславль Рязанский, Порхов, Пошехонье, Псков, Путивль, Ржев, Ржева Пустая, Романов, Ростов (75), Руза, Рязжск, Рязань, Свияжск, Серпухов, Смоленск, Солова, Соль Великая, Соль Вычегодская, Соль Галицкая, Соль Камская, Старая Руся, Старица, Стародуб, Суздаль, Тверь, Торжок, Торопец, Торуса, Тула, Углич, Унжа, Уфа, Хлынов, Царевококшайск (100), Царевосанчурск, Цивильск, Чаронда, Чебоксары, Чердынь, Чернигов, Чернь, Чухлома, Шуя, Юрьев Польский, Ядрин, Яранск, Ярославль (113).

Предисловие говорит, что комиссия князя Одоевского, исполнив указ царя и собрав материалы, доложила их царю. Государь с Думою и духовенством с 3-го октября 1648 г. слушал доклад комиссии, который в то же время был читан особо и земским людям. Затем, по прочтении доклада, государь приказал его списать “на список”, который был скреплен рукоприкладством земского собора, после чего с этого списка была написана книга, а с книги напечатано Уложение. Из этих свидетельств Предисловия можно сделать вывод, что выборные люди играли совершенно пассивную роль на соборе, но это оказывается неверным. Трудами В.И. Сергеевича (Земские соборы Московского государства) и Н.П. Загоскина (Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года: Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании имп. Казанского университета 5-го ноября 1879 г. доц. университета доктором гос. права Н.П. Загоскиным. Казань, 1879) справедливость Предисловия к Уложению заподозрена, и доказано, что соборные люди не только прослушали Уложение, но и приняли участие в его составлении. О степени этого участия мы и будем теперь говорить.

Как сказано, выборные съехались в Москву, вероятно, к 1-му сентября 1648 г. Что делали они в продолжение сентября, до нас не дошло прямых сведений. Мы можем только предполагать, что земские выборные не оставались целый месяц до 3-го октября безо всяких занятий, а по всей вероятности, были привлечены к участию в трудах комиссии князя Одоевского. Н.П. Загоскин (Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича...) полагает, что в это время выборные “могли быть собираемы для обсуждения поставленных комиссиею новых законодательных вопросов” и что в это именно время и последовало *соборное* обсуждение тех 17-ти статей, против которых на подлинном свитке Уложения находится помета: “вновь”, “вновь пополнено” и т.п. (Уложение. Гл. 10, ст. 137, 146, 147, 149, 185 и 236; гл. 11, ст. 15–18 и 30; гл. 15, ст. 2 и 3; гл. 17, ст. 34 и 35; и гл. 20, ст. 57 и 58. См.: АИЮС. Кн. 1. Т. 1, отд. II. С. 18–20). Что эти статьи были обсуждаемы при участии собора, Н.П. Загоскин заключает по их содержанию: по большей части они трактуют о гарантиях земщины против злоупотреблений администрации, определяют права землевладельцев на беглых крестьян и касаются вообще дел земли, землевладения. Соглашаясь с Н.П. Загоскиным в общем и признавая полную возможность и вероятность его предположения, что к участию в составлении этих “новых” статей были призваны и земские люди, мы вместе с тем не предполагаем, что непременно *все* 17 статей с пометою “вновь” были

обсуждаемы собором. Некоторые из них (например, статья 236 главы X, имеющая чисто процессуальный характер) не настолько важны, чтоб их предлагали на утверждение собору при той спешности законодательных работ, какую замечаем в 1648 г.

Одновременно с приездом в Москву выборных начинается с их стороны подача коллективных челобитий о разного рода земских нуждах. По рассмотрении и утверждении этих челобитий государем и Думою, содержание их, разделенное на статьи, входит в состав Уложения уже в виде законов. Очевидно, что земские люди, знакомясь с работами комиссии князя Одоевского, обсуждали собранный ею материал и заявляли о тех дополнениях и изменениях, которые были необходимы, по их мнению, в этом материале. Заявления выборных для доклада государю облекались в почтительную форму челобитных, получали, как обыкновенные челобитья, высочайшую санкцию и заносились в Уложение. Одно из таких челобитий было подано государю еще до 1-го сентября 1648 г. (вероятно в самом конце 7156 г.) служилыми людьми “всех городов” об уничтожении урочных лет, установленных для возвращения беглых крестьян их владельцам. До этого времени, по указу 1647 г., беглые крестьяне, если в продолжение 15 лет не были отысканы и возвращены помещику, становились от него свободны. Теперь же служилые люди просили об отмене урочных лет для сыска крестьян, мотивируя эту просьбу тем, что они не могут сыскивать крестьян вовремя, ибо “по вся годы” находятся на службе (АИ. Т. 4. № 30). Челобитье это было доложено государю князем Одоевским с товарищами. Государь по совету с своей Думой и земским собором утвердил его, и оно, будучи внесено в Уложение, составило 1 и 2 статьи XI главы. Следующие же 3–14 статьи составляют по смыслу прямое продолжение и развитие первых двух; поэтому в зависимость от челобитья служилых людей должны быть поставлены не две, а 14 первых статей XI главы Уложения. Эти статьи возникли, несомненно, по инициативе земских выборных; несомненно также, что эта инициатива проявилась ранее 3-го октября, когда, по словам Предисловия к Уложению, началось слушание Уложения царем и собором; а так как сейчас рассмотренное челобитье выборных было доложено государю комиссией князя Одоевского, то мы можем предполагать, что выборные и до 3-го октября были знакомы с содержанием комиссионных работ и заявляли в эту комиссию о желаемых изменениях в проекте Уложения. Но если это справедливо, то известие о том, что Уложение только с 3-го октября слушалось царем и собором, становится совсем неясным, и мы решительно не можем сказать, какая пере-

мена произошла с 3-го октября в положении выборных людей и в ходе работ по составлению Уложения⁵⁰. Мы знаем только, что подача соборными людьми челобитных имела место и после 3-го октября, и за неимением других указаний на деятельность соборных людей займемся исключительно рассмотрением этих челобитных.

1-ая статья XIII главы Уложения свидетельствует, что она составлена по челобитью “всех чинов людей”, под которыми, конечно, следует разуметь членов земского собора. Эта 1-ая статья говорит об учреждении нового Монастырского приказа, в ведение коего должен был поступить суд по искам на духовенство и ему подчиненных людей. Прежде такого рода дела ведались одним Приказом Большого двorca; помимо его расправы на лиц духовного ведомства не было, и это вело за собой излишнюю волюкиту. Понятна поэтому причина, по которой земщина в лице земского собора била челом об уничтожении судебных льгот духовенства. Когда имело место это челобитье, точно неизвестно, но в результате челобитья явилось учреждение нового приказа (XIII глава, статья 1) и другие важные ограничения процессуальных льгот духовенства (XIII глава, статьи 2 и 3). Таким образом, три статьи XIII главы Уложения составлены по инициативе выборных, а так как остальные 4–7 статьи той же главы по содержанию вполне зависят от первых трех, то можно сказать, что вся XIII глава возникла как следствие челобитья земщины. К этим статьям XIII главы можно присоединить еще 3-ю статью XII главы, ибо она представляет собою простой пересказ 2-й статьи XIII главы, применяя лишь содержание последней к более ограниченному кругу лиц.

Далее. Мы знаем, что в 1648 г. (ранее 9-го ноября) “все выборные люди ото вся земля” били челом государю, прося его отобрать от духовенства те вотчинные земли, которые духовенство получило после 1580 г.⁵¹, и раздать эти земли беспоместным и малопоместным служилым людям (ААЭ. Т. 4. № 33). Несмотря на неоднократные запрещения, путем купли и безвозмездной дачи на помин души духовенство и монастыри продолжали при-

---

⁵⁰ Вероятнее всего, нам кажется, что 3-го октября произошло какое-нибудь изменение лишь во внешнем порядке заседаний. Быть может, с этого числа государь со всею думою боярской принял регулярное участие в работах по Уложению, тогда как прежде работала одна комиссия князя Одоевского с выборными людьми. Впрочем, это только предположение.

⁵¹ В 1580 г., как известно, состоялся приговор освященного собора и боярской Думы о запрещении духовенству и монастырям приобретать вотчинные земли (СГД. Ч. 1. № 200).

обретать массу земель, с которых ни сами они, ни люди, жившие на этих землях, не несли никаких повинностей. Благодаря таким привилегиям на эти земли толпами выходили из своих общин посадские и уездные люди, чтобы не нести тягла государству. Понятно, при этом интересы государства очень страдали. Кроме того, чем более возрастали поземельные имущества духовенства, тем более государство теряло земель, с которых прежде оно получало службу, тем малоземельнее становились служилые люди и тем труднее было им отправлять свои повинности государству. Все это, конечно, сознавалось русским обществом XVII в. и, наконец, возбудило в нем протест, который и выразился в общей челобитной 1648 г. Земщина просила коренной реформы в этом отношении: она желала отнятия земель духовенства и употребления их в видах государственной пользы. Но правительство не вполне удовлетворило желанию земщины, вероятно, вследствие настояний духовенства, бывшего на соборе: оно, по совету с земским собором, оставило за духовенством его земли, но запретило ему впредь как покупать, так и принимать на помин души или в заклад даваемые вотчины. Этот новый закон был внесен в Уложение и, будучи развит в подробностях, занял 42, 43 и 44 статьи XIII главы. Таким образом, эти три статьи, несомненно, возникли по инициативе земских выборных.

То же самое можно сказать и о первых 34-х статьях XIX главы Уложения. 25-го октября 1648 г. от земского собора были поданы два челобитья: одно от служилых, другое от тяглых выборных людей (ААЭ. Т. 4. № 32). В этих челобитьях земские люди указывали государю, что городские выгоны занимают пашнями и слободами беломестцев, т.е. духовенства и боярства, что в этих слободах, заведенных около посадов на Москве и в городах, живут монастырские, боярские и других господ люди и, не платя податей, занимаются торговлей и промыслами в ущерб благосостоянию тяглых посадских, что в самых посадах беломестцы куплею или закладом приобретают дворы и ведут торговлю, не неся тягла, и, наконец, что много тяглых людей, избывая тягла и ища льгот, сходят из посадов в слободы беломестцев и там торгуют или промышляют безданно и беспошлинно, а это очень тяжело отзывается на благосостоянии посадских людей. Указывая на все это, земские люди просили отписать все промышленные слободы от беломестцев “на государя”, в казну, чтоб никто не был “в избылых” от тягла, и возвратить городам отнятые выгоны. Челобитья собора были доложены государю комиссией князя Одоевского, и государь указал все слободы около посадов, заведенные беломестцами после 1613 г., отобрать в казну, а тяглых людей,

ушедших куда бы то ни было из посадов после того же 1613 г. и их детей, сыскав, воротить в посады. За уход из посадов впредь чинить наказание. Узнав этот царский указ, земские люди снова били челом (25-го ноября), чтобы государь указал отписывать слободы и возвращать тяглых людей *без сыска о времени*, когда заведены слободы и когда вышли из посадов тяглецы (ААЭ. Т. 4. № 32, III). И это челобитье было утверждено государем, а новое положение об отобрании в казну слобод и сыске ушедших посадских было обработано, развито в частностях и составило 1–33 статьи XIX главы⁵². Что же касается до 34-й статьи XIX главы (о торговых людях гостиной и суконной сотен), то нам кажется, что источник ее следует искать не в этих челобитьях 30-го октября и 25-го ноября, как то делает Н.П. Загоскин, а в челобитье гостей и людей гостиной сотни, поданном 4-го января 1649 г. (ДАИ. Т. 3. № 47, I) Гости и гостиная сотня били челом о пополнении их числа и просили государя отменить его прежний указ (в июле 1648 г. ААЭ. Т. 4. № 28), по которому городовым посадским людям, взятым в гостиную и суконную сотню, позволялось жить в их городах и там нести службу. Государь пожаловал гостей и гостиную сотню, согласился на их челобитье, и 34-я статья XIX главы Уложения, приказывающая членам гостиной и суконной сотен жить на Москве, является таким образом отменой прежнего распоряжения. Об этом свидетельствует и другая челобитная гостей и гостиной сотни (15-го февраля 1649 г.), говоря: “По твоему государеву Уложению велено тем людям (посадским. – С.П.) бити в гостиной сотне (т.е. на Москве. – С.П.)” (ДАИ. Т. 3. № 47, IV)⁵³.

Наконец, из одной царской грамоты 1651 г. (АИ. Т. 3. № 43) мы узнаем, что VIII глава Уложения “О искуплении пленных” составлена по совету государя с духовенством, Думою и “всяких чинов с выборными людьми”. Была ли в этом деле инициатива земства, или же собор только участвовал в определении размеров сбора на выкуп пленных, мы не знаем.

---

⁵² Впрочем, некоторые из этих статей (например, 3-я, 12-я и отчасти 2-я и 11-я) были вызваны ранее (в марте 1648 г.) как частное законоположение челобитьем новгородских посадских (ААЭ. Т. 4. № 24). Это челобитье по существу однородно с челобитьями 30-го октября 1648 г.

⁵³ Мы полагаем, что на соборе 1648–1649 гг. было и еще одно коллективное челобитье от гостей и всех торговых людей о запрещении иностранцам торговать в России. Царский указ, ограничивающий торговые права англичан (СГГД. Ч. 3. № 138; ПСЗ. Т. 1. № 9), говорит, что он возник по челобитьям прежних лет (ААЭ. Т. 4. № 13) и “нынешнего 7157 году”. Указ объявлен 1-го июня 1649 г., следовательно, челобитье 7157 г. было между сентябрем 1648 и маем 1649 г., а большая часть этого времени занята была сессией собора.

Конечно, все эти уцелевшие до наших дней указания на активное участие земщины в работах по Уложению не исчерпывают вполне вопроса об этом участии. Без сомнения, земщина гораздо более вложила своих трудов в кодификационные работы, чем мы то знаем, но и теперь, благодаря преимущественно труду Н.П. Загоскина, мы могли отметить более 80 статей, возникших и обработанных при помощи соборных людей. Для наглядности мы здесь представляем таблицу этих статей, о содержании которых мы говорили выше.

ГЛАВЫ	СТАТЬИ	
VIII. <i>О искуплении пленных</i>	1–7-я (вся глава)	По совету с земским собором
X. <i>О суде</i>	137, 146, 147, 149, 185-я	<i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”)
XI. <i>Суд о крестьянх</i>	1–14, 15–18-я, 30-я	По челобитью до 1 сентября 1648 г. <i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”)
XII. <i>О суде патриарших и прочих людей</i>	3-я	По челобитью (время не известно)
XIII. <i>О монастырском приказе</i>	1–7-я (вся глава)	<i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”)
XV. <i>О вершених делах</i>	2-я и 3-я	<i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”)
XVII. <i>О вотчинах</i>	34-я и 35-я 42, 43 и 44-я	<i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”) По челобитью (ранее 9-го ноября 1648 г.)
XIX. <i>О посадских людех</i>	1-я–33-я 34-я	По челобитью 30-го октября и 25-го ноября 1648 г. По челобитью торговых людей 4-го января 1649 г.
XX. <i>Суд о холопех</i>	57-я и 58-я	<i>Предположительно</i> по совету с собором (с пометою “вновь”)

Проследив, насколько было возможно, все указания на деятельность земских выборных, сделаем теперь одно замечание о внешней стороне соборных засаданий. Предисловие к Уложению говорит, что государь с духовенством и думою слушал Уложение, т.е. работы комиссии кн. Одоевского, отдельно от выборных, которые были в Ответной палате и занимались под председательством князя Ю.А. Долгорукова. Это разделение собора на две “палаты” составляет исключительную особенность собора 1648–1649 гг. Вероятно, занятиями выборных руководили члены

комиссии князя Одоевского, и если при обсуждении различных статей выборные делали какие-либо замечания, то эти замечания или немедленно докладывались государю князем Долгоруким и комиссией и получали резолюцию, или же, в случае их важности, формулировались в челобитья и обсуждались государем и Думою. Впрочем, это мы можем говорить лишь предположительно, ибо вся история Уложения долго еще не выйдет из области гаданий и долго еще будет для науки недоступной.

Темен был до последних лет и вопрос о времени окончания кодификационных работ и сессии земского собора. Дело в том, что на всех трех первоначальных изданиях Уложения (1649 г.)⁵⁴, в конце, помещены одни и те же слова: “совершена сия книга... лета 7157 генваря в 29 день”. Эта дата долгое время заставляла думать, что 29-го января 1649 г. Уложение было уже кончено напечатанием; насколько мы знаем, Н.П. Загоскин первый подверг эту дату подозрению и высказал мысль, что она должна быть отнесена не к печатным книгам, а к той рукописной книге, в которую был переписан подлинный свиток Уложения, по словам его Предисловия, и которая послужила оригиналом для печатных книг (Загоскин Н.П. Уложение Алексея Михайловича... С. 63 и далее). На этой, между прочим, догадке Н.П. Загоскин построил предположение, что Уложение было окончено составлением в конце декабря 1648 г. Но одновременно или немногим даже ранее труда Н.П. Загоскина (в 1879 г.) вышла в свет 2-я книга “Сборника Археологического института”, в которой заключается несколько драгоценных известий об Уложении. Оттуда узнаем, что Уложение впервые печаталось с 7-го апреля по 20-ое мая 1649 г. (См.: Выписка из расходных книг Печатного двора // Сборник Археологического института / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1879. Т. 2. С. 21); отсюда же узнаем, что дата 29-го января 1649 г. находится на подлинном свитке, на первоначальном тексте Уложения. На самом свитке читаем, что “совершена сия книга... лета 7157 генваря в 29 день” (см.: Там же. С. 11)⁵⁵. Поэтому становится совершенно ясным, что Уложение окончено было только редакцией 29-го января 1649 г., и около того же времени, по совершении рукоприкладств, отпущены были земские выборные, с честью по-

---

⁵⁴ Н.П. Загоскин ошибочно полагает, что в 1649 г. было два издания Уложения (Загоскин Н.П. Уложение Алексея Михайловича... С. 66 и сл.). Первоначальных изданий было три, на что можно найти указания в ПСЗ (Т. 1. С. XXII) и в “Сборнике Археологического института” (Кн. 2. С. 12).

⁵⁵ Название свитка “книгою” не должно нас смущать: под книгою здесь разумели не вещественную книгу, по нашему мнению, а “Книгу Уложенную” – в смысле кодекса.

работавшие над составлением нового закона, а не бывшие пассивными свидетелями кодификационных работ...

Мы кончаем нашу речь об Уложении, обходя много вопросов, возбуждаемых его историей, отчасти потому, что они – вне пределов нашей темы, отчасти потому, что наши слабые силы не позволяют стать в уровень с задачей. Уложение еще ждет исследователей, и задача, им предстоящая, громадна. Мы совсем не знаем этого важнейшего памятника нашего древнего законодательства: он составляет и доселе ряд нерешенных вопросов первой важности. Из этих вопросов наибольший интерес представляют, на наш взгляд, два следующие: насколько Уложение есть простая кодификация действовавших законов и насколько его должно считать попыткой переработать нормы общественной жизни, реформировать общественный строй? Что оно не было только кодификацией, это ясно из нашего предыдущего изложения и из того факта, что в некоторых слоях общества Уложение возбудило неудовольствие и протест. Сам патриарх Никон считал Уложение ложною и незаконною книгою; в Соловки было, говорят, сослано до 150 лиц, недовольных делом исправления церковных книг и новшествами в сфере гражданской жизни, т.е. Уложением; городские бунты 1648–1650 гг. произошли отчасти вследствие новых законов... Но насколько велики были эти новшества, как глубоко противоречили они старому порядку, мы не знаем. С другой стороны, интересен вопрос, насколько Уложение было национальным “земским” кодексом? Источники этого кодекса, собственно говоря, нам неизвестны. Разработка их, конечно, уяснит, какое значение в составе Уложения имели разновременные челобитные земщины, в которых земщина рассказывала свои нужды и которые наводили правительство на ряд указов, имевших жизненное значение и соответствовавших потребностям времени. Эти указы массой вошли в Уложение, и таким образом помимо челобитий собора 1648–1649 гг. на Уложении отразились и челобитья более ранние. Самое беглое сличение некоторых указных книг с Уложением убедило нас в том, что число статей последнего, возникших из таких ранних челобитий, достигает большого числа. Для примера укажем на главу IX, статьи 1, 2, 3, 19 и 20; главу XVI, статьи 3, 4, 5, 21, 22, 43, 44, 45 и 49; главу XX, статьи 1, 2 и 3 (эти статьи возникли из челобитий с 1635 г.). Конечно, указанные статьи составляют лишь малую часть статей подобного рода, и будущие исследования насчитают их гораздо больше, но и теперь, не дожидаясь точных исследований, уже можно назвать Уложение законодательным памятником, в очень значительной степени построенным самою земщиною...

1650 г.

С тех пор как было совершено Уложение, прошло не более полутора года, и мы снова видим в Москве земских выборных. На этот раз им пришлось совещаться “о Псковском воровском заводе”, т.е. о бунте, бывшем в 1650 г. К сожалению, о земском соборе 1650 г. до нас почти не дошло известий, и только в “Истории” С.М. Соловьева (т. 10) можно найти выдержки из соборного протокола, не вполне сохранившегося.

Псковский бунт был следствием только что произведенных реформ, которыми запрещалась беспошлинная торговля служилым людям и были приняты тщательные меры против уклонения от тягла; но ближайшею причиною волнений было недоверие народа к правящим классам, в среде которых народ видел “измену”. Имя Б.И. Морозова и во Пскове поднимало страсти⁵⁶. Мы не будем следить за подробностями псковских беспорядков; скажем только, что эти беспорядки были упорнее, чем в других городах, длились долго, выразились в открытом сопротивлении отряду царских войск, посланному во Псков с князем И.Н. Хованским. Когда князь Хованский (с небольшими, впрочем, силами) не смог водворить порядка во Пскове, правительство решилось действовать на мятежников словом убеждения. Из Москвы 4-го июля 1650 г. было отправлено во Псков посольство из трех духовных лиц с 12-ю выборными людьми всех светских чинов (порядок их выбора нам неизвестен). Во главе посольства стоял епископ Рафаил, которому дан был наказ уговаривать псковичей смириться, выдать зачинщиков и впустить войско князя Хованского (ДАИ. Т. 3. № 74). Вслед за отправлением посольства 26 июля 1650 г. государь указал быть собору о псковских делах (*Соловьев. История. Т. 10. С. 176*).

На соборе присутствовали, как обыкновенно бывало, все чины кроме крестьян⁵⁷. Соборным людям изложены были обстоятельства псковского дела, и затем на решение собора был поставлен вопрос: если псковичи епископа Рафаила и выборных людей не послушают, то что с ними делать? К сожалению, ответ собора, т.е. соборный приговор, до наших дней не сохранился,

---

⁵⁶ О бунтах 1648–1650 гг. и об их причинах см. и теперь еще имеющую значения статью г. Зернина “О смутах в начале царствования Алексея Михайловича” (*Зернин А. О смутах, бывших в начале царствования Алексея Михайловича // Библиотека для чтения. 1860. Т. 162. Ноябрь. С. 1–34*). Фактическая сторона беспорядков – у С.М. Соловьева (*Соловьев. История. Т. 10. Гл. 2*).

⁵⁷ Числа представителей мы не знаем. Известно только, что из гостиный и суконной сотен велено быть “старостам по 5 человек, а из черных сотен по соцкому” (*Соловьев. История. Т. 10. С. 176*).

но С.М. Соловьев сообщает, что после собора был послан епископу Рафаилу указ, чтобы вопреки первоначальной инструкции от псковичей не требовать выдачи зачинщиков и обещать им, что, если они покорятся, князь Хованский отступит от Пскова. Эти уступки правительства могут навести на предположение, что земский собор стоял за употребление самых кротких мер для подавления мятежа. Но созвание собора оказалось излишним, так как еще ранее его приговора Псков “целовал крест государю”, будучи достаточно убежден доводами посольства епископа Рафаила (см.: *Соловьев. История. Т. 10. С. 181*).

За собором 1650 г. следуют два собора по делам внешним, а именно по вопросу о принятии в подданство Малороссии и о неизбежном следствии этого принятия – о войне с Польшей.

1651 г.

Первый из этих соборов происходил в феврале 1651 г. Он имеет странную участь в нашей ученой литературе: о нем как-то позабывают. С.М. Соловьев в своей “Истории” обходит его молчанием; в специальных исследованиях он также не упоминается; даже Н.П. Загоскин в своем подробном историческом очерке соборов считает собор 1651 г. плодом фантазии К.С. Аксакова (*История права Московского государства. Т. 1. С. 295*)! Документы этого собора не изданы³; единственные сведения о нем (и сведения неудовлетворительные) нашли мы только в 1-м томе “Истории Малой России” ([*Бантыш-Каменский Д.Н.*]. *История Малой России, со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче. С кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. С. 3–4*) и по этим-то сведениям должны вести свое изложение...

Еще с 1648 г. Б. Хмельницкий вел дело о присоединении к Московскому государству. Но перспектива войны с Польшей из-за Малороссии заставляла московское правительство осторожно относиться к этому делу и медлить решительным ответом гетману. К опасениям относительно войны присоединялись и другие неблагоприятные для скорого решения дела обстоятельства: например, польский посол А. Пражмовский указывал боярам, что Б. Хмельницкий в союзе с крымцами хочет воевать Московское государство; таким образом, поведение Б. Хмельницкого, и в самом деле немного двуличное, в глазах московского правительства не могло, конечно, служить гарантией того, что казаки в будущем останутся Москве верными. С другой стороны, усложняли дело и внутренние затруднения: мятежи 1648–1650 гг. показывали, что земщина недовольна ходом дел, и московское правительство на

случай войны не могло не обратить на это внимания. И вот, не предпрещая вопроса и не принимая никаких решительных мер относительно Малороссии, государь прибегает к созванию собора с целью узнать отношение земщины к делу присоединения казачества и к предстоящей в случае присоединения войне с Польшей.

Заседание собора происходило 19-го февраля 1651 г. в Столовой палате в присутствии самого государя. На соборе были: патриарх Иосиф с духовными властями, боярство и “всякого чина и звания люди”, как выражается Д.Н. Бантыш-Каменский. Как всегда бывало, заседание началось чтением государевой речи; в ней прежде всего было изложено о дипломатических затруднениях с Польшей: поляки, как и прежде, умаляют царский титул и не только не дают удовлетворения за подобные оскорбления, но даже умышляют в союзе с крымцами воевать Московское государство. Далее речь переходит к малороссийским делам и говорит, что Б. Хмельницкий просит о принятии его со всем войском в подданство, а в случае отказа грозит стать в зависимость от турецкого султана. В конце речи на решение собора предлагается вопрос: что делать, если поляки не дадут удовлетворения, не накажут виновных в оскорблении государевой чести, а станут тянуть дело от сейма до сейма?

Выслушав речь, соборные люди дали на нее ответы по чинам, письменно. Все эти ответы или мнения, если верить Д.Н. Бантышу-Каменскому, советуют государю принять Малороссию “за великия неправды и за нарушение договоров” со стороны поляков. Если же отношения к Польше улучшатся, и король удовлетворит государевой чести, то дело о принятии Малороссии соборные люди предоставляют на усмотрение государя.

Вот и все, что знаем мы о соборе 1651 г. Очевидно, что этот собор принадлежит к тому типу совещательных соборов, лучшим представителем которого является для нас собор 1642 г. об Азове. Роль Азова здесь играет Малороссия; в этом только и различие, если только не считать высказанных в 1642 г. жалоб на злоупотребления и неустройства.

1653 г.

Но не к тому типу принадлежит второй земский собор о малороссийских и польских делах. Прежде чем заняться описанием его заседания (1-го октября 1653 г.), от которого дошли до нас два акта (1) СГГД. Ч. 3. № 157 и ПСЗ. Т. 1. № 104; 2) Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 369), мы должны сказать несколько слов в пользу недоразумения, давно уже возбуждаемого этим собором.

Несмотря на сочувствие первого земского собора к принятию Малороссии и к войне с Польшею, правительство не решалось на войну. Около двух лет продолжались дипломатические пререкания между Москвой и Польшей по поводу малороссийских дел и оскорблений государевой чести. Отношения двух государств чем далее, тем более обострялись. Наконец, в апреле 1653 г. в Польшу были отправлены полномочные послы: бояре князя Б.А. Репнин и Ф.Ф. Волконский для последних переговоров. Они должны были решительно требовать удовлетворения государевой чести и наказания виновных в умалении царского титула. Вместе с тем им наказано было говорить панам-раде, что государю Б. Хмельницкий сообщал, будто поляки не соблюдают договоров, заключенных с казаками, и жестоко преследуют украинцев, поэтому украинцы просят государя о принятии их под его высокую руку, а если он их не пожалует, то грозят поддаться султану. Государь велел им оставаться под властью польского короля и обещал “помирить” их с королем, поэтому и указал князьям Репнину и Волконскому посоветовать полякам лучше обращаться с казаками. Но посольство московское не имело успеха: поляки отклонили речь о казаках и резко отвечали на требования послов. Послы возвращались в Москву в середине сентября, между тем как 6-го сентября государь послал к Б. Хмельницкому стольника Стрешнева и дьяка Бредихина объявить ему, что в случае неудачи посольства в Польшу государь примет Малороссию в подданство. Когда исход посольства стал в Москве известен, то *20-го сентября* послали гонца догнать Стрешнева и Бредихина и приказать им прямо объявить Хмельницкому о принятии его в подданство, а *1-го октября* состоялось заседание земского собора, на котором было решено разорвать с Польшей и принять Малороссию.

Видя, что заседание собора состоялось *позже* того, как государь отправил приказ о принятии Хмельницкого, С.М. Соловьев делает заключение, будто бы собор 1653 г. не имел никакого значения в глазах правительства и был простою формальностью, исполненною лишь из уважения к обычаям старины (Соловьев С.М. Шлецер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Апрель. С. 449). С.М. Соловьеву вторит и Б.Н. Чичерин (О народном представительстве. С. 379), а Н.П. Загоскин, не соглашаясь с ними (История права Московского государства. Т. 1. С. 294 и далее), довольно шаткими доводами доказывает, что собор 1653 г. не был одною формою, живущею по традиции. Но все эти ученые, говоря о злополучном соборе, не имели в виду одного сообщения Дворцовых разрядов, которое проливает немало света на запутанное дело. В Разрядах читаем, что 2-го мая

1653 г. (т.е. вскоре после отъезда посольства князей Репнина и Волконского) в города были посланы грамоты, которыми было “велено во всех городех выслать изо всякаго города из выбору по два человека дворян добрых и разумичных людей... к Москве... мая ко 20 числу” (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 350). Далее, 15-го мая срок этот был изменен: приказывалось “выборных людей добрых дворян по два человека из города” выслать в Москву не к 20 мая, а к 5 июня (Там же. Стб. 351). На основании этих сообщений мы имеем полное право предполагать, что уже с июня 1653 г. в Москве были выборные люди, что эти выборные люди еще до возвращения посольства Репнина и Волконского успели обсудить польско-малорусский вопрос; что Стрешнев и Бредихин были посланы к Хмельницкому с ведома земского собора, и, наконец, что по возвращении князя Репнина земский собор сошелся 1-го октября 1653 г. только для того, чтоб подтвердить прежде принятое решение свое – в случае неудачи посольства принять Малороссию и начать войну с Польшей. Заседание 1-го октября было лишь окончательной санкцией прежнего приговора и имело действительное политическое значение; в пользу этого говорит и тот знаменательный факт, что Разряды как бы прямым следствием собора считают вскоре после собора последовавшую посылку боярина В.В. Бутурлина к Хмельницкому с целью официально принять его в подданство и привести новых подданных к присяге (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 372). Назначение это объявлено В.В. Бутурлину в той же Грановитой палате, где был собор, и, кажется, в самый день собора (Там же)⁵⁸. Из изложенного видно, что недоразумение С.М. Соловьева и других ученых легко устраняется и без помощи тех гаданий, к которым прибегают Н.П. Загоскин, с одной стороны, и К.С. Аксаков – с другой.

Заседание 1-го октября происходило после обедни, в Грановитой палате, в присутствии самого государя. На соборе были: патриарх Никон, два митрополита, весь освященный собор; государева Дума, стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы; дворяне и дети боярские из городов; гости и люди гостиной и суконной сотен; представители черных сотен и дворцовых слобод и стрельцы (Разряды говорят, что были и выборные посадские люди: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 369). Таким образом,

---

⁵⁸ С другой стороны, малороссийские хроники, не упоминая о посылке Стрешнева и Бредихина, говорят о В.В. Бутурлине как о первом и единственном царском после, сообщившем о принятии московским государем в подданство Б. Хмельницкого с войском. (Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 35 и 239). Таким образом, посылка Стрешнева и Бредихина не имела официального характера.

состав собора был очень полон, но числа соборных людей мы не знаем. По государеву указу было прочитано соборным людям очень подробное изложение обстоятельств польско-малорусского вопроса (ПСЗ. Т. 1. № 104; СГГД. Ч. 3. № 157). В этом изложении говорилось, как и на соборе 1651 г., о том, что поляки умаляют государев титул и отказываются дать в этом удовлетворение; что в Польше напечатаны были книги, содержащие хулы на государя и государство Московское, и что, наконец, поляки, задумав нарушить свой вечный мир с Москвою, ссылаются с крымским ханом, чтоб в союзе с ним воевать Московское государство, и допускают постоянное нарушение границ, чиня задоры и насильства в порубежных местах. Объяснив все оскорбления и задирики поляков, изложение переходит к малороссийским делам: видя неоднократные просьбы Б. Хмельницкого принять его с войском в подданство или защитить от преследований поляков и “помирить” с Польшею, государь указал своим послам князю Репнину и князю Волконскому говорить панам, чтоб они с казаками помирились на условиях Зборовского договора, православия не преследовали и насильств в Украине не чинили. А паны “во всем отказали” и государевых послов отпустили “без дела”; между тем Б. Хмельницкий пишет, что у него снова началась война с поляками, и бьет челом о принятии его с войском под государеву руку. В конце изложения не ставится правильно сформулированных вопросов, на которые правительство желало бы получить ответы. Это подтверждает только наш взгляд на собор 1-го октября, как на окончательную санкцию раньше выработанного решения. Выслушав чтение, выборные люди порознь по чинам заявили свое мнение. Мнение боярства названо в соборном акте “приговором”, а мнения духовенства в акте нет совсем, что не может не казаться странным. Как боярский приговор, так и заявления прочих чинов сводились к одному: с Польшей начать войну, а Хмельницкого принять в подданство. Чины объявляли свою мысль устно, как можно заключить из соборного акта. На основании соборных заявлений государь послал В.В. Бутурлина принимать присягу с войска казацкого, и это назначение “сего числа (т.е. 1-го октября. – С.П.) боярину В.В. Бутурлину с товарищи, в Грановитой же полате сказано” (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 372). По всем источникам внешняя сторона заседания представляется нам в таком виде: от обедни в праздник Покрова духовенство, государь и все чины собора сошлись в Грановитую палату, чтобы окончательно утвердить свое общее решение вести войну с Польшей. Когда все собрались, приступлено было к чтению торжественной речи, а по окончании чтения все чины поочередно заявили государю свою

мысль, после чего тут же В.В. Бутурлину было указано ехать к Хмельницкому, а затем собор разошелся. В.В. Бутурлин уже 9-го октября 1653 г. выехал из Москвы...

Собор 1653 г. был последним, строго говоря, собором. Алексей Михайлович, прибегавший в первые 8 лет своего царствования не менее *четырёх* раз к помощи всей земщины, в последующие 22 года, до самой смерти своей, не созвал ни одного собора. Дела, которые при Михаиле Федоровиче решались соборами, после 1653 г. стали решаться одной Думою. Так, в 1673 и 1679 гг. по поводу войн с турками указаны были новые, экстренные сборы: с вотчин и поместий служилых людей и духовенства по полтине со двора, а со всех тяглых людей “десятая деньга”. Указы об этих сборах были сделаны на основании приговоров духовенства и Боярской думы, последовавших в апреле 1673 г. (СГГД. Ч. 4. № 85) и в феврале 1679 г. (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 1073 и далее). Прежде же, в первой половине XVII в., подобные вопросы решались не Думою, а земскими соборами. Точно так же не созывались более земские соборы и для решения вопросов об объявлении войн; эти вопросы перешли также в исключительное ведение государевой Думы. Словом, с 1653 г. земские соборы прекращаются, и земщина устраняется от участия в важнейших государственных делах. Но вместе с тем мы должны заметить, что одновременно с прекращением соборов во второй половине XVII в. чаще и чаще начинает практиковаться обычай созывать комиссии из выборных людей одного какого-либо сословия. Эти выборные люди играют роль экспертов: с ними совещается правительство по делам текущего управления; они дают свои показания и ничего более: кроме совещательного, иного значения эти комиссии не имеют. Из них мы здесь помянем следующие: совещание в 1660 г. бояр с тяглыми людьми (московскими) о дороговизне съестных припасов и о мерах к ее прекращению (СГГД. Ч. 4. № 18); совещание в 1672 г. в Посольском приказе гостей и людей гостиной и суконной сотен о торговом договоре, заключенном с армянскими купцами в 1667 г. (Там же. № 81); совещание князя М.Ю. Долгорукова с гостями в Ответной палате в 1676 г. по вопросу о торговле с Персией и о желании голландцев через Россию торговать с персиянами (СГГД. Ч. 4. № 105); наконец, две совещательные комиссии 1681–1682 гг., на которых мы несколько остановимся.

1682 г.

24-го ноября 1681 г. царь Федор Алексеевич указал князю В.В. Голицыну с выборными ото всех служилых людей заняться проектом улучшения московской военной организации. Когда

началась деятельность этой комиссии, мы не знаем. Занимаясь своим предметом, комиссия пришла к мысли ходатайствовать перед царем об уничтожении местничества, как вредного для интересов службы обычая. Ходатайство комиссии в форме челобитья было доложено государю, вероятно, в начале 1682 г., и государь по поводу этого челобитья назначил на 12-ое января заседание Боярской думы вместе с освященным собором. В торжественном заседании, на котором присутствовало более ста человек духовных и думных людей (СГГД. Ч. 4. № 130), местничество было навсегда уничтожено. Об уничтожении его был составлен акт, подписанный самим государем, духовенством, Думою и несколькими выборными (СГГД. Ч. 4. № 130; ПСЗ. Т. 2. № 905). Неизвестно, почему некоторые исследователи (например, И.Д. Беляев) помещают это заседание Боярской думы 12-го января в число земских соборов: его акт ясно свидетельствует, что выборные не участвовали в составлении приговора о местничестве, а оставались исключительно членами комиссии по ратным делам во все время пребывания в Москве.

Немного позже, а именно около 1-го января 1682 г. начала свои заседания под председательством того же князя В.В. Голицына другая комиссия – торговых и тяглых людей. Состояла она из четырех гостей, четырех людей гостиной и суконной сотен и из представителей торговых и тяглых людей (по два от общины) всех местностей государства, кроме Сибири (ПСЗ. Т. 2. № 899). Целью работ этой комиссии было уравнивание служб и податей торговых и тяглых классов. О деятельности этой комиссии мы ничего не знаем. Известно только, что она была распущена около 1-го мая 1682 г. (АИ. Т. 5. № 83).

Принимая в расчет время заседаний той и другой комиссий, мы можем сказать, что одно время в 1682 г. Москва вмещала в себе представителей всех чинов государства и что, таким образом, были все данные для полного земского собора. Однако до нас не сохранилось никаких известий от 1682 г. о земском соборе: представители земли оставались исключительно членами совещательных комиссий... От соборов отвыкли, соборы “вымерли”.

Мы обойдем молчанием “всенародное” избрание на царство царевича Петра 27-го апреля 1682 г. и “всенародное” челобитье 26-го мая о двоецарствии (СГГД. Ч. 4. № 132 и № 147). Этих событий мы не считаем в числе деяний земских соборов. Изложение их у С.М. Соловьева (*Соловьев. История. Т. 13. С. 335–354*) вполне уясняет, что в 1682 г. не было и мысли о созвании правильного собора, да и самое имя собора не употреблялось.

1698 г.

Минуя 1682 г., мы прямо переходим к последнему собору Московской Руси, стоящему на закате ее дней. Он происходил в 1698 г. и, надо признаться, очень мало нам известен.

Летом 1698 г. произошел известный стрелецкий бунт. Петр в августе вернулся из-за границы и приступил к строгому розыску, отыскивая виновников мятежа. На пытках кем-то была оговорена царевна Софья, и на основании этого оговора молодой царь предал свою сестру суду земского собора. Об этом земском соборе оставил нам свидетельство только Иоанн Георг Корб, современник и очевидец стрелецких казней. Он говорит, что царь велел для суда над Софьей Алексеевной выбрать представителей от высших придворных чинов, служилых людей, дьяков и от тяглых людей (из каждой сотни или общины по двое)⁵⁹. Что происходило на соборе 1698 г., Корб не говорит; известно, что Софья Алексеевна в 1698 г. была пострижена в монахини.

* * *

Этим мы заканчиваем исторический очерк земских соборов. В заключение сделаем маленький обзор, своего рода *curriculum vitae* земских соборов и отчасти напомним то, что было уже нами сказано. В изложении нашем мы наметили те грани, которыми история земских соборов разделяется на три периода или, как мы выражались, на три момента. В первом моменте своей жизни, с 1560 до 1610 (приблизительно) года, институт соборов еще не достиг большого значения в управлении государством. Смутное время, расшатавшее государственный организм, возбудило самостоятельность народа и придало земским соборам огромное значение в государственной жизни: на время они даже сделались постоянным учреждением среди органов центрального управления Московского государства. Эта эпоха процветания соборов длилась собственно десять лет, с 1612 до 1622 г. Затем, после этих десяти лет, соборы вступают в третий момент своего существования, теряют отчасти свое значение, снисходят на степень исключительных правительственных мер, но, созываясь очень часто, по-прежнему являются прекрасною поддержкою правительству. Причина такой перемены в положении земских соборов проста:

---

⁵⁹ У Корба читаем: “Conclisit hodie Tzarus ex omnibus suis subdites, Bojarinis, principibus, officialibus bellicis, stolnicis, seribis, civibus, et plebeis, et singulis tribus binos seligere”. К сожалению, мы не имеем в руках подлинного “*Diarium itineris in Moscoviam*” Корба и принуждены были довольствоваться выпискою из “Истории России” С.М. Соловьева (*Соловьев. История. Т. 14. Примеч. 214 и С. 283*).

государство окрепло после Смуты и освободилось до некоторой степени от внутренних неурядиц и внешних врагов; государственная власть приобрела подобающую ей силу и должный авторитет и могла обходиться без постоянной поддержки земщины. Поэтому она обращалась к созванию соборов лишь в важных случаях, но^ю часто; и так дело шло до 1653 г., когда, собственно говоря, соборы окончили свое существование. Причины такого внезапного упразднения соборов будут нами рассмотрены ниже; теперь же мы переходим к обзору организации земских соборов, чему посвящается следующая глава.

Организация земских соборов

Общее число соборов. – Предметы занятий. – Состав соборов и порядок выбора представителей. – Место, время и порядок соборных заседаний

Прежде чем заняться собственно организацией земских соборов, мы позволим себе сделать несколько замечаний о числе соборов, о предметах их ведения. Как видно из предыдущего изложения, общее число известных нам сессий земских соборов достигает *девятнадцати*¹. Отдельных же заседаний соборных было гораздо более, так как некоторые соборные сессии, продолжаясь целые годы, имели большое число заседаний, сосчитать которые нам теперь не позволяет состояние источников. Мы можем только сказать, что земские соборы были вообще очень частым явлением московской государственной жизни: в промежутках между 1549 и 1653 гг. было создано *minimum* 18 соборов; следовательно, на каждые 6 лет приходится по одному собору. Отсюда уже видно, насколько соборы были жизненным явлением и как охотно прибегала к ним правительственная власть. Но собираясь очень часто и будучи заурядным явлением, земские соборы созывались не периодически и не имели никаких писаных уставов или конституции. Точно так же не имели они и раз навсегда определенного круга деятельности: всякий вопрос внутренней и внешней политики подлежал их ведению, если правительство находило нужным передать этот вопрос на обсуждение собора. Право определять круг соборной деятельности принадлежало всецело государю, исключая, конечно, безгосударное время, когда верховная власть сосредоточивалась в руках самого земского

---

¹ Именно сессии: 1549–1550 гг., 1566 г., 1584 г., 1598 г., 1605 г., 1611 г., 1612 г., 1613–1615 гг., 1616–1619 гг., 1619–1622 гг., 1632–1634 гг., 1637 г., 1642 г., 1645 г., 1648–1649 гг., 1650 г., 1651 г., 1653 г. и, наконец, 1698 г. Должно напомнить, что такое расположение сессий (времени Михаила Федоровича) по необходимости иногда является гадательным.

собора. Объявление войны (соборы 1621 и 1622 гг., 1642 г., 1651 и 1653 гг.) и заключение мира (1566 г.); дипломатические сношения (1612 и 1613 гг.); экстренные налоги (1613–1616 гг., 1632 и 1634 гг.); вопросы внутреннего благоустройства (1613–1615 гг., 1619 г.), мятежи и бунты (1614 и 1650 гг.); средства защиты государства от врагов (1618 и 1637 гг.); суд (1605, 1698 гг.); наконец, избрание государей (1598 и 1613 гг.) и утверждение на престоле их законных наследников (1584 и 1645 гг.) – вот предметы занятий земских соборов.

Переходим теперь к вопросам внутренней организации земских соборов. Трудami В.И. Сергеевича и Н.П. Загоскина эта часть нашей темы почти вся исчерпана, и нам придется по большей части ограничиться только передачей результатов, добытых этими учеными.

Один из любопытнейших вопросов организации соборов – вопрос об их составе. По идее, как совершенно верно замечает В.И. Сергеевич (Земские соборы Московского государства. С. 12), земский собор олицетворял собою *всю* землю, *все* государство. Эта идея жила в сознании и правительства, и народа. Правительство называет решение собора “приговором *всей* земли” (ААЭ. Т. 3. № 68), “всемирным приговором” (Там же. № 79); созывая собор, оно советуется “*со всеми людьми* Московского государства” (Книги разрядные. Т. 2. Стб. 613)⁴. Народ, избирая государя, говорит, что избирает “всею землей”; в безгосударное время челобитные подаются “боярам, воеводам и *всей* земле” (АЮ. № 35, № 36), т.е. земскому собору. На практике, однако, идея всенародности осуществлялась далеко не полно. И наш век еще не выработал более или менее совершенной организации представительства, а в то время, в XVI и XVII вв., представительство имело вполне примитивный характер, находилось в первой фазе развития, и не только у нас. Московское правительство, не заботясь о непременно представлении на соборе всех областей и уездов государства, старалось только, чтоб на соборе были представлены все чины государства, и достигало этого двумя путями: созванием некоторых высших чинов “поголовно”, т.е. не в качестве представителей, и созванием выборных представителей от других чинов. В.И. Сергеевич думает, что лично, а не в качестве представителей, призывались те чины, которые по обстоятельствам жизни имели возможность являться поголовно (Сергеевич В.И. Земские соборы Московского государства. С. 12). Но этому мнению противоречат факты: члены нужных придворных чинов (например, стольники), жившие в большинстве на Моск-

ве, равно и жители московских слобод могли являться на соборы всею массою; однако от них требовались выборные. Лично же на соборах присутствовали только члены освященного собора и Думы боярской². И освященный собор, и Дума были особыми от земских соборов учреждениями. Освященный собор организовался по церковным постановлениям и обычаям; Боярская дума имела свои правила организации. Оба эти учреждения целиком входили в состав земских соборов, соединяясь с представителями народа. В глазах московского правительства земский собор слагался именно из присоединения народных выборных к составу постоянных учреждений – Думы боярской и освященного собора. Поэтому-то и являлось на соборах “личное” присутствие боярства и некоторых духовных, как необходимых членов Думы и духовного собора, – и допускать это личное присутствие только в силу внешних обстоятельств будет, по нашему мнению, ошибкой.

Итак, в состав земского собора входили:

1) *освященный собор*, состоявший из патриарха, митрополитов, архиереев, архимандритов и игуменов, соборных старцев и белого духовенства (белое духовенство и соборные старцы являлись по выбору);

2) *Боярская дума*, состоявшая из бояр, окольных и думных людей. К ней мы причисляем и царских родственников (князь Владимир Андреевич на соборе 1569 г.: РИБ. Т. 3. Стб. 277–278);

3) *представители служилых людей*: низших придворных чинов, московских дворян, дворян и детей боярских из городов, стрельцов и т.д. и

4) *представители тяглых людей*: гостей и торговых людей, московских черных сотен и слобод, городских посадских и – иногда – крестьян (“уездных” людей). Крестьян мы видим лишь на соборе 1613 г.; на прочих соборах они в числе участников не упоминаются.

Таким образом, “сословный” состав земских соборов более или менее приближался к своему идеалу: представляемы были обыкновенно все сословия и все разряды лиц государства, кроме самого низкого закрепощенного чина; но крестьяне свободные, как мы видели, пользовались иногда правом участия в земском совете. Другое дело численный состав соборов. В этом отношении представительство московское было далеко не полно. Мы

---

² Кроме того, лично призывались некоторые высшие должностные лица: коняший, дворецкий, печатник и др. Но эти лица были или постоянными членами думы, или единственными представителями своего звания, так что выборов тут и быть не могло.

уже заметили, что правительство не заботилось о том, чтобы собирать на соборы представителей непременно *всех местностей* Руси. Оно довольствовалось, если съезжались представители только некоторых городов, и открывало собор при неполном его составе. Относительно числа представителей тяглого сословия московское правительство было особенно равнодушно. В 1566 г. на соборе были только московские и смоленские тяглые люди; в 1598 г. городских тяглых людей было очень мало, менее, пожалуй, десяти. И вообще на всех соборах тяглые люди составляли очень незначительный процент, кроме собора 1648–1649 гг., на который они явились в большом числе. Да и служилое сословие представлялось вообще не полно: далеко не все местности высылали своих представителей. Трудно сказать, чем это обуславливалось: отсутствием ли приглашений из Москвы, которые, может быть, рассылались не повсюду, или же уклонением городов от обязанности посылать выборных на соборы; вернее, последним, ибо до нас дошла грамота (1616 г.: ААЭ. Т. 3. № 77), где правительство, выговаривая пермичам за неприсылку выборных, требует немедленно прислать на собор трех посадских. Неполнота соборного состава происходила еще и оттого, что многие города присылали представителей в меньшем, чем было указано, числе, или же, присылая служилых людей, не присылали тяглых (Нижний Новгород в 1648 г.), и наоборот, присылая посадских, не присылали дворян (Кострома в 1648 г.). Эта неисправность в присылке представителей объясняется в науке совершенно правдоподобно таким образом: дальняя поездка в Москву и пребывание на соборе сопряжены были с крупными издержками и с большою тратою времени, между тем как домашнее хозяйство нередко оставлялось без призора; поэтому ехать в качестве выборного в Москву было не только правом, но и тяжелою обязанностью, которую не всякий мог и хотел принимать на себя. Так как правительство не обращало особого внимания на число выборных и так как вопросы решались на соборе не большинством, а следовательно, и особенная точность относительно числа соборных не имела практического смысла, то города при посылке выборных руководились наличностью охотников ехать в Москву: если их было меньше того числа, которое предписано было высылать, то и посылали меньше; если же находилось много охотников, то посылали и больше предписанного числа, как и сделал, например, Новгород в 1648 г., выслав *семь* дворян вместо *пяти*, требуемых правительством. Здесь кстати будет отметить тот факт, что Москва обыкновенно присылала на соборы непропорционально^{aa} большое число представителей сравнительно с прочими города-

ми. Особенно в этом отношении замечательны избирательные соборы 1598 и 1613 гг. В 1598 г., например, служилых москвичей, кроме членов Думы, было около 200, а число городских дворян не доходило и до 50-ти.

Переходим к вопросу о порядке выборов на земские соборы. Как мы не раз говорили, московское правительство не придавало большого значения числу представителей и открывало сессии при численном составе соборных людей, крайне неудовлетворительном с нашей точки зрения. Посылая в города предписания о присылке выборных, правительство, впрочем, находило нужным определять число представителей от каждого избирательного округа³. Так, в 1619 г. от каждого города с уездом предписывалось выбирать: от духовенства *одного* или *двух* человек, от дворян и детей боярских – *двух*, от посадских – также *двух* (СГГД. Ч. 3. № 47; ААЭ. Т. 3. № 105). В 1642 г. правительство призывало из людных чинов от 7 до 20 человек, смотря по желанию избирателей, а из малолюдных чинов от 2 до 6 человек, причем определение того, люден чин или нет, предоставлялось самим чинам (СГГД. Ч. 3. № 113). В 1648 г. московские служилые чины и дворяне больших городов должны были выбрать по *два* человека, а дворяне малых городов – по *одному* человеку от чина; черным слободам и посадам велено прислать по *одному* человеку, гостиной и суконной сотням – по *два*, а гостям – *три* человека (Предисловие к Уложению). Как видно, числовые нормы изменялись правительством и вообще определенностью не отличались. Иногда даже (в 1613 г.) просто предписывалось выбрать “сколько пригоже” (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 612). Никакого ценза, дающего право быть избирателем, не было⁴. Правительство только общими словами определяло, какими качествами умственными и нравственными должны были обладать представители. По представлению московского правительства, избираться должны были люди “лучшие, крепкие и разумные” (СГГД. Ч. 1. № 203), люди “добрые и разумные” (ААЭ. Т. 3. № 105), люди “добрые и смышленные, кому б государевы и земские дела за обычай” (ААЭ. Т. 4. № 27).

Самая процедура выборов происходила следующим образом: из Москвы (из Разрядного приказа, как полагает Н.П. Загоскин)

---

³ Эти избирательные округа вполне совпадали с административным делением Московского государства на уезды, каждый с городом во главе. Новгородские пятины каждая представляла отдельный округ (Сергеевич В.И. Земские соборы Московского государства. С. 17).

⁴ Впрочем, в одной из грамот о присылке посадских (ААЭ. Т. 3. № 77) предписывается выбор произвести из “лучших” и “средних” людей. О “молодших” или “худших” не упоминается.

рассылались о присылке выборных грамоты на имя воевод (ААЭ. Т. 3. № 77; Т. 4. № 27; СГГД. Ч. 3. № 47) или губных старост (ААЭ. Т. 3. № 105). Получив грамоту, воевода или староста согласно предписанию собирал как можно больше избирателей или в соборной церкви (ААЭ. Т. 3. № 105), или на губном стану (ААЭ. Т. 4. № 27), читал им вслух призывную грамоту и затем приказывал произвести выборы, которые происходили *по чинам* (ААЭ. Т. 3. № 105; Т. 4. № 27)⁵. Когда избрание совершалось, избиратели составляли “выборный список” с подписями (примеры таких списков см: АЮ. № 278–288) и передавали этот список воеводе или губному старосте (ААЭ. Т. 3. № 105; Т. 4. № 27) для отсылки в Москву в Разряд, откуда списки всех выборных передавались в Посольский приказ (СГГД. Ч. 3. № 113). В Посольский же приказ являлись и сами выборные люди по приезду в Москву (ААЭ. Т. 3. № 77). Из городов они отправлялись в Москву немедленно после выборов и брали с собой “запасы”, т.е. продовольствие (ААЭ. Т. 4. № 27). Издержки на эти запасы и вообще на содержание в Москве выборного падали, вероятно, на всех избирателей, как это полагают В.И. Сергеевич (Земские соборы Московского государства. С. 19) и Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 317–318). Есть известие, что кроме выборных списков избиратели составляли для своих выборных еще и известные инструкции или “договоры”, которыми выборный должен был руководиться в своей деятельности. “Договоры” эти составлялись по требованию правительства (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 20; СГГД. Ч. 3. № 2).

Из этого очерка выборов видно, что представительство в Московском государстве было *сословным*. Правительство требовало представителей от каждого сословия и чина. Выборы производились по чинам: каждый чин выбирал особых представителей. Несмотря на ясные показания источников, в ученой литературе существует, однако, мнение, принадлежащее покойному И.Д. Беляеву, что выборные избирались не по сословиям и являлись на соборе представителями не сословий, а “целого местного общества” (Беляев И.Д. Земские соборы на Руси... С. 267). Мнение это И.Д. Беляев вынес из рассмотрения подписей на акте собора 1613 г., где от многих городов подписались не всех, а толь-

---

⁵Это видно из ААЭ. Т. 4. № 27. Для выбора дворянина собираются только дворяне, а не все чины. Но относительно духовенства есть данные предполагать, что в выборах духовных лиц на соборе участвовали все чины. Утвержденную грамоту 1613 г. некоторые выборные попы и игумены подписывают “в места” светских чинов своего города и тем как бы представляют себя уполномоченными от этих чинов (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 640–642).

ко некоторых чинов люди. Но тот факт, что недостает подписей за некоторые чины, не дает еще права заключать, будто бы на соборе не было особых представителей от этих чинов. Рукоприкладство, как мы видели по данным собора 1598 г., велось крайне небрежно: многие выборные совершенно не расписывались, многие расписывались сразу за нескольких лиц без их поименования. Отсюда уже видно, на каком шатком основании построено мнение И.Д. Беляева. Но неверность этого мнения обнаружится еще более, если мы вспомним, что численный состав соборов был всегда неудовлетворителен: многие города совсем не присылали представителей (в 1613 г., например, Галич, Кашира, Лихвин не представляются ни одною подписью); многие города высылали представителей не ото всех чинов (Пермь в 1616 г. не прислала посадских: ААЭ. Т. 3. № 77). Поэтому, если на соборном акте от какого-либо города подписались, например, лишь духовные и посадские, то это не значит, что им вверено представительство за все чины, а значит только, что служилые люди уклонились почему-либо от присылки своего выборного, или же, что выборные от служилых чинов, будучи на соборе, не подписали грамоты. М.Ф. Владимирский-Буданов варьирует несколько мнение И.Д. Беляева, говоря, что выборы производились по чинам, но что сами выборные на соборе рассматривались как представители всего уезда, а не своего только чина. Разбор этого мнения удобнее произвести при обзоре порядка соборных совещаний, к которому мы теперь и перейдем.

Когда съезжалось достаточное число выборных, правительство открывало заседания собора. Заседания эти происходили по большей части в различных палатах Кремлевского дворца: в Столовой палате (1632 г., 1634 г., 1642 г., 1651 г.), в Грановитой палате (1621 г. и 1653 г.), в Ответной палате (1648–1649 гг.). Собор 1598 г. заседал в патриарших палатах, а не во дворце. Некоторые торжественные заседания, не требующие прений, происходили в Успенском соборе (в 1613 г.: СГГД. Ч. 1. № 203; Дворцовые разряды. Т. 1. Приложение № 8 и т.д.). Собор 1549/50 г. происходил на площади. Соборы заседали и в праздники, и в будни: в праздники собирались торжественные заседания (в воскресенье 7-го и 21-го февраля 1613 г.; в праздник Покрова – 1-го октября 1653 г.). Что же касается до других дней, то всякий будний день мог быть днем заседаний (см.: *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Т. 1. С. 322), и свидетельство Флетчера, что соборы заседали по пятницам, оказывается вздорным. Многие соборы, как известно, не ограничивались одним заседанием: собор, созданный в 1613 г., заседал целые годы; собор 1648–1649 гг. об-

суждал Уложение в продолжение 4-х или 5-ти месяцев; собор 1642 г. продолжался более двух недель. Но о продолжительности прочих соборов трудно сказать что-либо определенное: источники мало следят за подробностями соборных заседаний и не всегда ясно передают их внешний порядок.

Соборная сессия открывалась обыкновенно таким образом: земский собор в полном составе собирался в какой-либо прежде указанной палате дворца, куда приходил и государь, который присутствовал, кстати сказать, *на всех* соборах, кроме, конечно, бывших в безгосударное время. Заседание открывалось государевой речью; в ней излагались обстоятельства дела, для которого собраны выборные, и ставились вопросы, подлежавшие их обсуждению, причем иногда (на соборах о денежных делах, например, 1634 г.) правительство само указывало то решение дела, которое ему было желательно. Речь произносил или сам государь (на соборах 1618 г., 1621 г. и др.), или же по государеву указу и в присутствии его самого читал кто-нибудь другой (на соборе 1642 г. – думный дьяк и печатник Ф.Ф. Лихачев). По выслушании речи выборные приступали к совещаниям. Насколько можно судить, совещания чаще всего происходили по чинам или, вернее, по группам. Иногда правительство само предписывало выборным совещаться “порознь” по чинам; это делалось в тех случаях, когда правительство не имело в виду постановления соборного приговора, а желало только знать мнение всех классов общества об известном деле. Такие соборы, не завершавшиеся приговором, мы будем называть *совещательными* в отличие от соборов *приговорных*, результатом которых являлся имеющий силу закона приговор государя и всей земли. Так как порядки совещаний чинов не совсем одинаковы на приговорных и совещательных соборах, то мы их изложим отдельно, а затем скажем несколько слов о третьем виде земских соборов – соборах *избирательных*.

Порядок совещаний на *приговорных* соборах в подробностях неизвестен. Протоколы этих соборов обыкновенно передают содержание царской речи и затем тотчас переходят к изложению самых приговоров: “Государь царь... говорил на соборе... всех чинов со всякими людьми... И приговорил государь царь... на соборе... со всяких чинов людьми...” (следует приговор) (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1–2); или “Государь царь... говорил на соборе митрополитом... и всяких чинов людем... (следует речь). И государю царю... говорили на соборе митрополиты... и всяких чинов люди...” (следует приговор собора) (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 561–563). Таким образом, самый процесс обсуждения государевой речи опускается. Один только протокол собора 1621 г. (о

войне с Польшей) отличается большей подробностью: по изложению речи он передает ответы на нее всех чинов отдельно (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 779; СГГД. Ч. 3. № 57). Из протокола видно, что духовенство отвечало государю отдельно от остальных чинов; служилые и тяглые люди тоже дали особые ответы, причем дворяне и дети боярские, выражая вместе с прочими служилыми чинами свое сочувствие к войне с поляками, отдельно от них подают челобитные об уравнивании их служб. Получив отдельные, но согласные между собою ответы соборных людей, государь и патриарх Филарет указывают послать в города грамоты, извещающие, что “они, государи, на соборе *приговорили*... стояти на литовского короля” и пр. Такое изложение дела дает нам полное право заключать, что общий соборный приговор составлялся из отдельных частных приговоров и что для обсуждения дела выборные разделялись на группы не только по сословию, но и более по чинам, ибо чин дворян и детей боярских, чтобы составить коллективную челобитную, должен был необходимо обособиться от других служилых чинов. Точно так же следует предполагать деление членов собора по сословиям и в тех случаях, когда предметом соборного приговора являлись какие-либо денежные повинности государству (1613–1616 гг.). Эти повинности разнo ложились на духовенство, на служилых и на тяглых людей; естественно, что сословия отдельно друг от друга обсуждали каждое размер своих повинностей. А некоторые дела, напротив, по самому существу своему требовали совместного обсуждения всеми сословиями: так, меры против мятежа Заруцкого и грабежей казачества в 1614 г. и известные распоряжения собора 1619 г. не могли быть иначе проектированы, как в соединенных заседаниях сословий. Таким образом, следует думать, что на приговорных соборах порядок совещаний не был строго определенным: сословия заседали и вместе, и порознь, смотря по обстоятельствам дела, как было удобней.

Большой материал для характеристики соборных совещаний дают нам акты тех соборов, что мы назвали *совещательными* соборами (1566 г., 1642 г. и 1651 г.). Все чины сходились вместе для выслушания государевой речи. По ее прочтении они разбивались на группы для более удобного обсуждения предложенных государем вопросов. На соборе 1566 г. мы видим *восемь* групп: 1-я) освященный собор, 2-я) Дума, 3-я) дворяне “первой статьи”, 4-я) дворяне “второй статьи”, 5-я) торопецкие помещики, 6-я) луцкие помещики, 7-я) приказные люди и 8-я) тяглые люди. Собор 1642 г. разбивается на *десять* групп: 1-я) освященный собор, 2-я) стольники, 3-я) московские дворяне, 4-я) головы и сотники (стрелецкие), 5-я), 6-я), 7-я) и 8-я) группы – городские дворяне и дети

боярские, 9-я) гости и гостиная с суконной сотни и 10-я) черные слободы и сотни. Если мы пожелаем вникнуть в эти деления по группам с целью найти их основание, то прежде всего заметим, что деления носят характер *сословный*: служилые люди, например, не смешиваются ни с духовенством, ни с тяглецами, и эта *сословность* групп строго соблюдается⁶. Далее, Дума боярская выделяется из состава прочих служилых чинов (в совещаниях собора 1642 г. она даже и не участвует). Затем мы замечаем, что деление идет далее сословий. Каждое сословие может дробиться на чины; стольники совещаются отдельно от московских дворян, а эти, в свою очередь, отдельно от городских дворян. Наконец, каждый чин, если его представители многочисленны, делится – уже совершенно произвольно – на несколько частей, как, например, на соборе 1642 г. разделились городские дворяне⁷. Итак, основною чертою деления является сословность; дальнейшие же подразделения совершаются, так сказать, в пределах сословий, которые никогда между собою не смешиваются. Это мы видим на всех соборах московских, от которых дошли до нас сведения об их разделении по группам.

Несмотря на то, что сословный характер деления земских соборов вполне ясен, в нашей науке раздаются против него возражения. М.Ф. Владимирский-Буданов полагает (в чем с ним соглашается и И.И. Дитятин), что “собор делился довольно произвольно по статьям для легкости обсуждения дела, безо всякого внимания к сословному положению” (*Владимирский-Буданов М.Ф.* [Рецензия на статью В.И. Сергеевича...] С. 270; *Дитятин И.И.* Роль челобитий и земских соборов... С. 79). Что собор делился “по статьям”, совершенно верно, но почтенные ученые забывают, что статьи эти составлялись *непрерывно* из членов одного и того же сословия, так что, делясь “по статьям”, собор в то же время делился и по сословиям. Нельзя сыскать ни одной “статьи”, в которой бы духовенство, например, соединялось с посадскими или посадские со служилыми людьми и т.п. *Собор прежде всего делился на*

---

⁶ Эта сословность замечается не только на совещательных соборах, но и на всех других (например, 1621 и 1653 гг.) и представляется нам неоспоримым фактом.

⁷ Они разделились на четыре группы. Первую составили владимирцы, “которые на Москве”; вторую – нижегородцы, муромцы и лужане, “которые на Москве”; третью и четвертую – представители остальных 47-ми городов (minimum). О них не говорится, что они из тех, “которые на Москве”. И.И. Дитятин поэтому думает, что члены первых групп – не выборные, а случайно жившие на Москве, тогда как члены последних групп – выборные из городов. (*Дитятин И.И.* Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Русская мысль. 1880. Кн. 5 (май). С. 79). Может быть, поэтому-то владимирцы и др. и были отделены от представителей других городов.

сословия, а сословия уже подразделялись на “статьи”. Неверный взгляд на “произвольное” якобы деление членов земского собора повел М.Ф. Владимирского-Буданова к другой неверной мысли, будто бы на соборе все депутаты известного округа рассматривались как представители всего округа, а не одного сословия, хотя и избирались не всею массою избирателей, а посословно (*Владимирский-Буданов М.Ф.* [Рецензия на статью В.И. Сергеевича...] С. 271). В этом, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, убеждают подписи на утвержденной грамоте 1613 г., где за все сословия города часто, будто бы, подписывается один выборный... Здесь уважаемый ученый неверно передает факты: на грамоте 1613 г. только некоторые *духовные* выборные (четыре и пять человек) подписывались: *один* – за все сословия своего города (Брянска), а остальные – кто за служилых, а кто за тяглых людей. Из светских же чинов только один пушкарь подписывался за всех рыльских посадских, стрельцов и пушкарей (СГГД. Ч. 1. С. 641); все же остальные выборные подписывались или за себя лично или за своих товарищей *по выбору*. Каким образом можно из этих подписей вывести заключение об отсутствии сословности на соборах, мы недоумеваем, тем более, что доказательства М.Ф. Владимирского-Буданова относительно этого предмета не отличаются определенностью. Напротив, совершенно определенно рисуют нам источники сословный характер подразделений соборных людей, так что для нас ясно, что земские соборы были сословными собраниями, а земские представители были представителями только своих чинов. Иными они и быть не могли уже потому только, что государственные повинности различных сословий были различны, и интересы чинов часто сталкивались между собою, что мы ясно видели в челобитьях земщины на соборе 1648–1649 гг.

Возвращаемся к порядку соборных заседаний. Итак, за чтением государевой речи следовало ее обсуждение, для чего выборные делились на группы. В 1642 г. каждой группе, как надо полагать, предложена была письменная “память”, содержащая в себе изложение обстоятельств обсуждаемого дела. По крайней мере, такая “память” дана была представителям черных сотен и слобод (СГГД. Ч. 3. № 113. С. 396). На соборе 1566 г. Боярская дума обсуждала вопрос о войне “по выписи из речей боярских с послы литовскими” (Там же. Ч. 1. № 192. С. 548). Была ли такая “выпись” дана другим чинам, неизвестно. Затем, к каждой группе соборных людей были приставляемы дьяки (1642 г.), деятельность которых неизвестна. В.И. Сергеевич полагает, что эти дьяки допрашивали каждого члена группы о его мнении, записывали все мнения и из них составляли одну общую сказку (*Сергеевич В.И.* Земские

соборы Московского государства. С. 30). На такое представление о порядке совещаний навели В.И. Сергеевича слова соборных актов, что выборные бывали “допрашиваны по чинам порознь”. Но, как совершенно справедливо доказывает Н.П. Загоскин (История права Московского государства. Т. 1. С. 328–329), термины “допрашивать” и “допрос” необходимо понимать в смысле простого “вопроса”, ибо на основании источников можно смело предполагать, что никаких допросов – в том смысле, как мы это слово понимаем, на соборах не происходило: совещания групп были вполне свободны, и если от соборных людей требовались ответы письменные, то они составлялись самими выборными. Протокол собора 1642 г. говорит, что всем соборным группам велено было “мысль свою объявить на письме” или же “мысль свою принести к государю на письме”. Это уже показывает, что соборные люди сами записывали выработанные ими мнения и “приносили их к государю”. Духовенство само записало свое мнение и через сына боярского С. Сатынникова передало его на рассмотрение государя⁸. Другие письменные мнения, которые без пропусков, очевидно, вошли в акт собора 1642 г., свидетельствуют, что они составлены не дьяками: о соборных людях они говорят в первом лице, например: “то наша... дворян и детей боярских розных городов мысль и сказка!” и т.п.; они содержат резкие жалобы на дьячество с его “неудобь-сказаемыми палатами” и вообще на волокиту: эти жалобы вряд ли бы появились в письменных мнениях, если бы эти мнения составлялись дьяками и посредством “допроса” выборных. Наконец, вторая более краткая редакция акта 1642 г. (СГГД. Ч. 3. С. 379) прямо говорит: дворяне таких-то городов “в сказке своей написали” то-то... На соборе 1566 г. мнения подавались тоже письменно, насколько можно судить при чтении их, и по различным их выражениям ясно видно, что писались они самими выборными. Одним словом, очевидно, что дьяки не играли большой роли в совещаниях групп, и совещания шли совершенно самостоятельно. Самый ход их нам неизвестен, как неизвестно и место, где они происходили. Конечно, к известному результату приходили не сразу. Так как решение большинством не было в обычае наших предков, то прения продолжались до тех пор, пока все не сходилось на одном каком-либо мнении. На соборе 1642 г. одна группа совещалась, например, две недели, а другая только сутки и т.д. Придя к определенному мнению, записывали его и

---

⁸ Другое мнение духовенства, писанное, несомненно, самими духовными, см.: Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 372; Соловьев. История. Т. 11. Дополнение (здесь с пропусками).

чрез дьяков подавали правительству. Впрочем, на совещательных соборах возможна была подача и отдельных мнений теми лицами, которые почему-либо не довольствовались мнениями своей группы. На соборе 1566 г. мы видим, что печатник И.М. Висковатого, подавая мнение вместе с Боярскою думою, сверх того подал особый проект условий мира с Польшею. Несколько смольнян дополняют особою сказкою мнение тяглых людей. В 1642 г. два московских дворянина Беклемишев и Желябужский подают отдельное мнение, более определенное и категоричное, чем мнение всего чина московских дворян. Необходимо заметить, что выборные люди не ограничивались только обсуждением поставленных правительством вопросов, но в своих совещаниях поднимали собственной инициативой различные общественные вопросы, так или иначе соприкасавшиеся с тем делом, для которого они были созваны. На соборе 1642 г. и служилые, и тяглые люди обратили внимание правительства на злоупотребления судов и местной администрации. Подобное же было и на приговорных соборах: в 1621 г. городские служилые люди собственной инициативой возбуждали вопрос о приведении в порядок поместных дел. Примеры инициативы соборных людей в 1648–1649 гг. мы рассмотрели в своем месте. Все посторонние прямому делу собора заявления выборных облекались в форму челобитий, а то и прямо заносились в письменные сказки соборных групп, как это было в 1642 г.

Подачею мнений не оканчивалась деятельность выборных на совещательных соборах. Мнения их (по всей вероятности, дьяками) или сводились в более краткую редакцию, как в 1642 г., или просто переписывались, и таким образом составлялся соборный акт, который все чины собора выслушивали и (в 1566 г.) закрепляли крестным целованием, а некоторые (высшие) члены собора и рукоприкладством, после чего следовал роспуск собора, но в какой форме он совершался, никаких известий нет⁹.

О порядке заседаний соборов *избирательных* 1598 г. и 1613 г. мы знаем очень мало. При чтении их актов невольно является предположение, что эти соборы заседали не по чинам, а одною палатой. Нигде не говорится, что собор 1598 г. дробился на группы, да не видно и таких обстоятельств, которые бы заставляли

---

⁹ Собор 1648–1649 гг. (который трудно причислить к какому-либо из рассмотренных видов соборов и о котором мы знаем очень мало) представляет странную особенность. Если верить Предисловию к Уложению, он делился на две палаты: в одной заседали выборные, в другой – духовенство и Дума. Весьма вероятно, что при обсуждении некоторых вопросов выборные делились по сословиям; это можно заключить из того, что челобитья иногда подавались отдельно служилыми и отдельно тяглыми людьми (ААЭ. Т. 4. № 32).

предполагать это дробление. О соборе 1613 г. Авраамий Палицын, очень темно выражаясь, говорит, что каждый чин написал отдельное “писание” о царском избрании (Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах, сочиненное одного же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. С. 241), но мы сомневаемся, можно ли эти слова принимать как доказательство того, что собор 1613 г. постоянно заседал по чинам: нам кажется, что по самому существу дела господствующей формой заседаний на избирательных соборах были заседания общие, деления же на группы, если и практиковалось, то в виде исключения. Когда собор единогласно избирал государя, он не расходился, а принимал присягу на верность избраннику и ждал его согласия принять престол. Когда государь соглашался, составлялась грамота об избрании, что занимало много времени (грамота 1598 г. составлена была лишь к августу, тогда как выбор происходил в феврале; грамота 1613 г. написана в мае, чрез три месяца по избрании). Соборные люди ожидали написания грамоты, слушали ее и закрепляли своими подписями. Это и было последним актом избирательного собора.

В заключение скажем несколько слов о тех многолетних постоянных сессиях земских соборов, которые мы замечаем в начале царствования Михаила Федоровича. К сожалению, известий об этих сессиях так у нас мало, что нет возможности хотя бы в общих чертах восстановить картину их деятельности. На основании сохранившихся отрывочных сведений мы не можем решить, собирались ли выборные периодически для решения текущих дел или же созывались только в экстренных случаях без определенных сроков; мы не можем определить точно ни предметов ведения соборов, ни обыкновенного порядка их заседаний в то время, ни характера тех отношений, которые образовались между собором и верховной властью. Мы знаем только, что Дума боярская в те годы оставалась ближайшим советом государя, а это наводит на мысль, что земскому собору были ведомы лишь особо важные дела. Далее, в те годы все известные нам соборные заседания кончались общим приговором государя и собора; следовательно, соборы не были только совещательными собраниями. Наконец, мы знаем, что в первое время царствования Михаила Федоровича соборы от себя отправляли в города грамоты, по значению равносильные царским грамотам (ААЭ. Т. 3. № 4, № 26 и № 29). Этого рода деятельности мы не замечаем у прочих соборов. Есть и еще одна черта, присущая только постоянным сессиям соборов: собор 1619 г. своим собственным приговором определяет вызов из городов новых выборных и – *eo ipso* – прекращение своей сессии.

Причины прекращения соборов. Их значение с точки зрения права и истории

Познакомясь с фактической стороной нашей темы, переходим к рассмотрению некоторых общих вопросов, имеющих прямое отношение к земским соборам. Прежде всего остановимся на причинах исчезновения наших соборов. До сих пор в науке эти причины объясняются различно: так, Б.Н. Чичерин полагает, что соборы уничтожались сами собою вследствие своего внутреннего ничтожества и отсутствия всяких здоровых задатков. В.И. Сергеевич, опровергая доводы Б.Н. Чичерина и не находя никаких внутренних причин, которые обусловили бы упадок соборов, ищет причин их упразднения вне их самих и думает, что соборы пали вследствие противодействия им высших общественных слов, а главным образом – боярства. М.Ф. Владимирский-Буданов, не соглашаясь в свою очередь с В.И. Сергеевичем, говорит, что соборы прекратились, потому что “верховная власть (в лице Петра), проводя в жизнь новые нормы вопреки обычному праву (т.е. народному сознанию о праве), не могла в этой деятельности опираться на представителей народа; напротив, она должна ожидать в них лишь противодействия и порицания”. Наконец, Н.П. Загоскин, не касаясь реальных причин исчезновения соборов, думает, что соборы вымирали постепенно, как постепенно уничтожались причины, их вызвавшие. Государство крепло, правительственная власть получала все более и более авторитета и средств, и вместе с этим мало-помалу теряли значение соборы, явившиеся следствием слабости государственного организма. К какому из изложенных мнений присоединимся мы? Против мнения Б.Н. Чичерина мы не раз уже высказывались: по нашему разумению, земские соборы были здоровою силою; земские представители обнаруживали всегда достаточное количество такта и политического смысла, достаточное количество патриотического чувства, и поэтому соборы не могли пасть вследствие внутреннего бессилия и гнилости. Мнение М.Ф. Владимирского-Буданова не может быть также принято, потому что оно грешит против исторической правды. Соборы, как мы видели, прекратили свое существование задол-

го до времени Петра, и Петр поэтому не мог быть виновником их прекращения. Напротив, если верить И. Корбу, Петр решился обратиться к забытой мере, к созванию земского собора для суда над Софьей Алексеевной и таким образом поступил совершенно наперекор мнению М.Ф. Владимирского-Буданова. В мнениях же В.И. Сергеевича и Н.П. Загоскина заключается, по нашему убеждению, значительная доля истины. Эти мнения дополняют друг друга. В.И. Сергеевич приводит причину прекращения соборов внешнюю, реальную; Н.П. Загоскин указывает на причины, коренящиеся во внутренней исторической жизни народов. История не слагается из одного взаимодействия внешних, видимых нам факторов; в ней действуют причины внутренние, более общие и глубокие, познание которых составляет труднейшую задачу историка. Эти внутренние причины, недоступные непосредственному усвоению, управляют всем ходом исторической жизни, и внешние факторы и деятели вполне, хотя и бессознательно, от них зависят. В последовательной смене исторических событий за причинами временными и реальными всегда следует искать причин внутренних, таящихся в глубине народной жизни, во всем ее складе. Наши земские соборы возникли не из одной временной потребности царя Ивана Васильевича сблизиться с народом: они явились следствием слабости государственного начала в молодом организме Московского государства. Правительство не имело еще достаточных средств для управления только что объединенной страной, в которой слабо еще было сознание государственного единства и слаба связь общественных элементов. Для укрепления своей власти и для лучшего устройства государственного порядка правительство искало помощи самой земщины, в союзе с ней надеясь лучше достичь своих целей. В этом заключалась причина возникновения соборов – “советов всей земли”. Московское государство пережило кризис Смутного времени, доказав этим свою живучесть и способность к дальнейшему развитию. Верховная власть при помощи самой земщины сумела восстановить порядок в расшатанном государстве, упрочить свой авторитет и увеличить свои средства. Она могла управлять страной и без активного содействия земщины одними приказными, бюрократическими, так сказать, средствами; таким образом, причина, вызвавшая к жизни соборы, уничтожилась, а вместе с ее уничтожением окончили существование и самые соборы. Но для того, чтобы вполне понять факт исчезновения соборов, нам нужно допустить, что в самой жизни Московского государства среди государственных деятелей должно было явиться сознание непригодности, ненужности столетнего учреждения соборов. У кого явилось это сознание и кто был виновником упразднения земского совета, мы не знаем.

Нигде в источниках мы не находим объяснения тех мотивов, по которым правительство перестало созывать соборы. Нам известен только тот факт, что, советуясь с земщиной в 1648, 1649, 1650, 1651 и 1653 гг., царь Алексей Михайлович после 1653 г. ни разу не обратился к собору. О причинах такой внезапной смерти соборов мы можем только догадываться. В.И. Сергеевич думает, что виной этой смерти было боярство и духовенство. Не отрицая того, что боярство могло относиться к соборам враждебно, мы вместе с тем не можем допустить, чтоб оно было в состоянии одним своим авторитетом заставить верховную власть отказаться от крепкой традиции старины. Кроме того, еще в 1648 г. Боярская дума решает созвание собора для законодательных работ, и это доказывает, что в половине XVII в. в среде боярства не выработалось резкого протеста против соборов, который бы мог привести к их уничтожению. Гораздо более прав В.И. Сергеевич, указывая на духовенство. В качестве сословия оно вряд ли больше значило, чем боярство: на том же соборе 1648 г. оно не могло помешать ограничению своих процессуальных льгот, отнятию своих промышленных слобод и запрещению приобретать вотчины. Все эти чувствительные потери понесло духовенство по инициативе земских людей, как мы видели при рассмотрении собора 1648–1649 гг. Это, конечно, могло вооружить духовенство и против Уложения, и против участия земских людей в государственных делах, участия, которое направилось в 1648 г. против интересов духовенства. Но протест духовенства как сословия, вряд ли, повторяем, мог иметь большое значение, если бы во главе нашей церкви не стал в то время такой энергичный человек, как Никон, имевший громадное влияние на “тишайшего” Алексея Михайловича. По нашему мнению, Никон и был виновником прекращения соборов; он был поставлен в патриархи 25-го июля 1652 г.; последний же собор происходил 1-го октября 1653 г. – совпадение не случайное...

Таким образом, лично мы ставим исчезновение земских соборов в зависимость от личного влияния Никона на Алексея Михайловича. Влияние это – факт неоспоримый, и доказывать его нет надобности; но представляется необходимостью показать, что влияние энергичного патриарха могло направиться против соборов. Прямых свидетельств того, что патриарх Никон был противником соборов, до нас не дошло, поэтому наше мнение остается догадкой, но догадкой не совсем безосновательной. С достоверностью известно, что Никон был сильно вооружен против Уложения. В 1666 г. он писал к царьградскому патриарху Дионисию: “да у его же царскаго величества учинена книга, святое Евангелие, и правилом святых Апостол и святых отец и законам греческих царей во всем противна, и судят и указы чинят по ней и почитают

ее вяще Евангелия Христова...” “И о сей проклятой книге многажды глаголахом царскому величеству, чтоб искоренить ее и да держать Божественные и святаго Евангелия заповеди” (ЗОРСА. Т. 2. С. 517 и 519). Из рукописей Никона (Мнение патриарха Никона об Уложении // Там же) видно, что Никон особенно оскорблялся теми местами Уложения, которыми ограничиваются права духовенства и которые возникли по инициативе земского собора. Самый же собор Никон считал как бы мятежническим, говоря, будто “всем ведано, что збор был не по воли, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради” (Там же. С. 426). Все это дает некоторое право предполагать в Никоне враждебное отношение к соборам. Поэтому-то весьма соблазнительна мысль, что, будучи настроен против участия земщины в государственных делах, результатом которого явилась “проклятая” Уложенная книга, и пользуясь огромным влиянием на молодого царя, патриарх Никон успел его убедить, что самодержавной царской власти не подобает снисходить до созвания на совете своей земли “боязни ради и междоусобия от всех черных людей...” К личному влиянию Никона могло присоединиться и недовольство соборами в среде духовенства и боярства вообще, на что указывает В.И. Сергеевич. На царя же Алексея Михайловича внешнее влияние в этом отношении могло оказать тем большее действие, что, с одной стороны, мягкая натура царя поддавалась давлению извне, а с другой стороны, сам Алексей Михайлович имел высокое мнение о царской власти, и в его время мы замечаем при дворе более, чем прежде, пышности и церемоний, направленных “к вящему возвышению царской особы”.

* * *

Переходим к вопросу о значении земских соборов. Это значение можно рассматривать с двух различных точек зрения: с точки зрения права, во-первых, и с точки зрения исторической, во-вторых.

С точки зрения права мы должны различать два вида земских соборов: соборы безгосударного времени и соборы, созывавшиеся самими государями. Правовое значение соборов первого вида вполне определено: во время междоцарствия соборам принадлежала верховная власть. Земский собор 1613 г., несомненно, был главным распорядителем государственных дел: он вступал в дипломатические сношения, заботился о восстановлении внутреннего порядка в стране, наблюдал за правильным течением дел по всем отраслям управления, принимал челобитья разного рода; выбрав государя, он отправил к нему посольство, и это посольство отдавало отчеты в своих действиях всему земскому собору;

над земским собором никто не был главой; напротив, собор был главою всей земли, и только власть исполнительная сосредоточилась в руках Мстиславского и других бояр, которым при постоянной деятельности собора мало оставалось собственной инициативы. Такое же положение дел было и в войске князя Пожарского в 1612 г., если справедливо наше предположение, что около народного вождя был земский собор. Ратный собор в войске князя Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого, вручая этим воеводам власть над войском и землей, вполне сознает свое над ними главенство и грозит им сменою в случае ссор и дурного управления. Все это ясно показывает, что, по мнению наших предков, права верховной власти за отсутствием государя принадлежали собору всей земли, а не избранным воеводам и не одному боярству. Гораздо труднее уяснить себе правовое значение тех соборов, которые созывались в нормальные эпохи московской жизни самими государями. Никакой акт не объясняет нам взаимных правовых отношений верховной власти и земских соборов. Эти отношения созидались не на основании писаных уставов, а под влиянием случайных условий времени. Практика земских соборов ни разу не требовала теоретической разработки вопроса о правовом положении земских выборных, и все дело не сходило с изменчивой почвы факта. Поэтому с точностью формулировать правовое значение соборов не представляется возможности. Несомненным кажется, однако, что собором во все моменты их жизни совершенно чуждо было ограничительное значение. Московские государи оставляли за собою полное право действовать помимо соборов и, действительно, пользовались этим правом. Созвание соборов никогда не совершалось против воли государей: соборы существовали лишь тогда, когда этого желала верховная власть, и совершенное упразднение соборов не вызвало ропота в народе. Кроме того, вся деятельность земских соборов направлена была в интересах верховной власти; государи пользовались ими для своих целей: для лучшего устройства управления, для более успешного сбора денежных средств, для водворения внутреннего порядка. “Государево и земское дело” никогда не разделялись, но шли рука об руку. После Смутного времени земские соборы не только не помыслили ограничить самодержавие, но всю свою деятельность содействовали его укреплению. Все эти факты исключают всякую возможность мысли об ограничительном значении соборов. Но вместе с тем все исследователи, останавливавшиеся на правовом значении соборов, единогласно признают, что соборы выходили из тесных рамок совещательных учреждений и имели значение более, нежели совещательное. Н.П. Загоскин думает, что соборы имели “некоторую, только нравственную принудительность по отношению к

государственной власти”. В.И. Сергеевич говорит, что “значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения”, что “московские государи признают что-то и за народом, в силу чего и обращаются иногда к его согласию”. Даже Б.Н. Чичерин за соборами времени Михаила Федоровича признает не одно совещательное значение. Действительно, факт постановления соборами “приговоров”, имеющих силу закона, далеко выводит земские соборы за пределы совещательных учреждений. На соборный приговор верховная власть опирается постоянно как на лучшее побудительное средство для исполнения ее приказаний, присоединяя к соборному приговору и свой “указ”. После Смутного времени в первую половину царствования Михаила Федоровича земские соборы стоят очень высоко, будучи в продолжение 10-ти лет постоянным учреждением, имея свою печать, постановляя приговоры по самым разнообразным отраслям управления и от своего лица рассылая предписания. Правительственная власть, значение которой, несомненно, пошатнулось за время Смуты, должна была для своего собственного укрепления идти заодно с здоровыми элементами населения; и, действительно, Михаил Федорович ничего важного не предпринимает, не опираясь на соборный приговор представителей этих здоровых элементов. С течением времени и с укреплением государственного порядка соборы не сходят на степень исключительно совещательных собраний: в 1648–1649 гг. инициатива собора проявляется энергично и многосторонне, и правительство не оппонирует ей, напротив, принимает желанья земщины к сведению и санкционирует их. Все это факты, несвойственные практике совещательных учреждений. Таким образом, выходя за пределы совещательных учреждений, соборы вместе с тем не становятся собраниями ограничительными. Такая юридическая их неопределенность происходит оттого, что в основе земских соборов лежало *чисто нравственное* начало патриархального единения монарха с своим народом, начало, возможное в молодом организующемся государстве, но исчезающее при дальнейшем развитии и осложнении государственной жизни, когда уничтожаются древние патриархальные отношения, и правовые нормы все более и более проникают в жизнь.

Историческое значение соборов – вопрос обширный и важный, могущий стать темою отдельной исторической диссертации. Мы его можем коснуться только в самых общих чертах, высказать только общие наши соображения. Признавать за соборами действительное значение в исторической жизни Москвы может не тот, кто смотрит на соборы, как Б.Н. Чичерин, а тот, кто признает в них здоровую общественную силу и не отрицает присутствия на соборах крепкой “мысли народной”. В труде своем мы достаточно

высказались на этот счет и ясно показали, что относимся к деятельности соборов, как к достойному проявлению здорового народного духа; поэтому для нас вопрос об историческом значении соборов имеет полный смысл. В чем же это значение заключается? По нашему разумению, в жизни Московского государства ясно обнаруживается ее руководящая идея. Возникнув из внешнего, механического объединения отдельных областей, Московское государство стремится слить их органически, укрепить государственный порядок и завоевать полную независимость. Московские люди – и правительство и земщина – одинаково стремятся к одной цели: к построению государства и защите его от врагов. Эта-то идея построения и охраны государства проникает всю московскую жизнь, составляет главный интерес и правительства, и народа, руководит всею внутреннею и внешнею московской политикой. Московский период по справедливости может назваться эпохой внутреннего роста государства, которое, как таковое, вполне сформировалось только ко времени Петра, если еще не позже. Земские наши соборы тем и важны, что сослужили большую службу в деле укрепления и охраны государства. Давая возможность непосредственного единения верховной власти с народом, соборы указывали государям действительное положение государства и не только заявляли о народных нуждах и желаниях, но и рекомендовали средства для лучшего их удовлетворения, чем способствовали упрочению государственного порядка. Сам факт возникновения общих советов земли, по очень верному замечанию И.Д. Беляева, содействовал тому, что в областных земщинах выработалось сознание своего государственного единства. В Смутное время и после него соборы с большою энергией работали для восстановления порядка и для укрепления законной верховной власти. Во всех случаях внешних государственных затруднений соборы с редким патриотизмом откликались на призыв государей, безропотно несли “своиivotы” и обещали “биться до смерти” за охрану государственной ценности и независимости. Патриотическая деятельность соборов в трудное время государственной жизни, деятельность, которая действительно способствовала восстановлению законной власти в почти разрушенном государстве, и затем постоянное стремление соборов к упрочению внутреннего порядка и силы государства – все это составляет действительную заслугу земских соборов, которою и обуславливается их большое историческое значение. Они всегда оставались верны своему призванию, никогда не шли вразрез с государственной пользой, а были одним из видных факторов нашего государственного развития, работая для пользы государства с полным отсутствием сословного эгоизма и тем заслуживая с нашей стороны благодарной памяти.

Приложения

Приложение I к главе III (стр. 61) Собор 1598 года

В тексте утвержденной грамоты этого собора (ААЭ. Т. 2. № 7) поименованы участники собора в числе 457 человек. Между тем, под утвержденной грамотой находятся подписи всех духовных и светских чинов, бывших на соборе, и таких подписей насчитывается 474. Следовательно, перечень соборных людей, помещенный в грамоте, не полон. С другой стороны, сличая этот перечень с подлинными рукоприкладствами, можно заметить, что некоторые лица, поименованные в грамоте, рук своих к грамоте не прикладывали. Поэтому нужно допустить, что число рукоприкладств – 474 – не вполне выражает число лиц, бывших на соборе: их было больше 474-х, но сколько именно, точно определить нельзя, благодаря той небрежности, с какою был составлен перечень и ведено рукоприкладство.

Вот таблица, показывающая по чинам, сколько соборных людей насчитано в грамоте, и сколько подписей находится под грамотой:

	В грамоте	Подписей
Патриарх	1	1
Митрополитов	4	4
Архиепископов и епископов	9	9
Архимандритов и игуменов	46	52
Соборных старцев	23	22
Протопопов	нет	11
Всего духовенства	83 чел.	99 чел.
Бояр	18	23
Окольничих	16	16
Казначей и печатник	2	2
Думных людей	10	9
Всего Думы боярской	46 чел.	50 чел.
Стольников	45	42
Жильцов и стряпчих с платьем	74	61
Барашей и дворцовых ключников	15	15

	В грамоте	Подписей
<u>Всего придворных чинов</u>	<u>134 чел.</u>	<u>118 чел.</u>
Приказных дьяков	27	26
Стрелецких голов	5	7
Дворян	92	96
Из городов выборных	34	35
<u>Всего служилых людей</u>	<u>158 чел.</u>	<u>164 чел.</u>
Гостей и людей гостиной и суконной сотен	23	27
Людей от черных сотен	13	16
<u>Всего тяглых людей</u>	<u>36 чел.</u>	<u>43 чел.</u>
<u>Итого:</u>	<u>457 чел.</u>	<u>474 чел.</u>

С.М. Соловьев считает 474 участника собора (*Соловьев. История. Т. 8. С. 9*); И.Д. Беляев насчитывает 456 человек (*Беляев И.Д. Земские соборы на Руси... С. 261*); Н.П. Загоскин – 457 человек (*Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. 1. С. 228*). Для нас ясно, откуда происходит эта разница, но мы не можем принять ни той, ни другой цифры. Всего лучше держаться определения Н.М. Карамзина, который считает “не менее 500” соборных людей (*Карамзин. ИГР. Т. 10. С. 131*).

Приложение II к главе II (стр. 46)

Считаем нелишним указать в хронологическом порядке номенклатуру известных нам статей, относящихся к истории земских соборов.

1) *Аксаков К.С.* [Статьи и отрывки о соборах] // Полн. собр. соч. Константина Сергеевича Аксакова. М., 1861. Т. 1: (Сочинения исторические);

2) *Соловьев С.М.* Шлецер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Т. 8. Апрель, кн. 2;

3) *Павлов П.В.* О некоторых земских соборах XVI и XVII вв. // Отечественные записки. 1859. Т. 1 и 3;

4) *Щапов А.П.* Земские соборы в XVII столетии: Собор 1642 г. // Век. 1862. № 11;

5) *Он же.* Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов // Отечественные записки. 1862. Ноябрь. Т. 145;

6) *Шпилевский С.М.* Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Ученые записки Казанского университета. По отделению историко-филологических и политико-юридических наук. 1862. Вып. 2;

- 7) *Он же*. Земский собор 1642 г. // *День*. 1863. № 9 (аноним.);
- 8) *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866;
- 9) *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси: (Речь, читанная 12-го января 1867 года на торжественном акте) // *Московские университетские известия*. 1866/67 г. Неф. часть. № 4;
- 10) *Хлебников Н.* О влиянии общества на организацию государства в Московский период русской истории. СПб., 1869;
- 11) *Сергеевич В.И.* Земские соборы Московского государства // *Сборник государственных знаний*. СПб., 1875. Т. 2;
- 12) *Владимирский-Буданов М.Ф.* [Рецензия на предыдущую статью] // *Киевские университетские известия*. 1875. № 10;
- 13) *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Казань, 1877. Т. 1;
- 14) *Он же*. Уложение царя Алексея Михайловича и земский собор 1648/49 г. Казань, 1879;
- 15) *Дитятин И.И.* Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // *Русская мысль*. 1880. № 5 (май);
- 16) *Костомаров Н.И.* Старинные земские соборы // *Новое время*. 1880. № 1485 – № 1519;
- 17) *Колюпанов Н.П.* Очерк внутреннего управления России, начиная с Московского периода // *Русская мысль*. 1882. № 1.

P.S. Последняя статья появилась в свет уже тогда, когда наш труд был окончен и в большей своей части переписан; поэтому мы не могли в своем месте отдать о ней должный отчет, хотя статья эта, по своим свойствам стоит внимания. Написанная с развязностью плохого дилетанта, она основана на сочинении г. Н. Хлебникова “О влиянии общества на организацию государства” (в этом признается сам автор) и заключает в себе, наряду со справедливыми положениями, достаточное число курьезов (*sit venia verbi!*) Не имея места рассмотреть все части статьи (продолжение коей еще должно последовать), мы коснемся тех характеристичных ее мест, которые посвящены соборам. Приступая к делу с убеждением, что участие земства в управлении только тогда может быть “полезно”, когда земство имеет постоянный орган с определенным кругом действий (*Колюпанов Н.И.* Очерк внутреннего управления России, начиная с Московского периода // *Русская мысль*. 1882. № 1. С. 508), автор видит в наших соборах не постоянное учреждение, а “экстренное”, где дела “решались в пользу духовенства, бояр и служилого класса, которые всегда являлись в подавляющем большинстве; так,

собор 1653 г., по мнению автора, состоял только из духовенства и придворных чинов (!), посадские же люди и черные сотни присутствуют на соборах редко и в едва заметном числе (вместо возражения вспомним соборы 1613–1615 гг., 1616 г. (ААЭ. Т. 3. № 77) и особенно 1648–1649 гг.). Далее, на соборах, по мнению автора, низшие служилые люди “враждуют” с боярством и приказными, а тяглые “враждуют” с служилыми людьми (!); верховная же власть поощряет и поддерживает эту взаимную рознь или вражду сословий (!), ибо только помощью этой розни (!) оно и может удержать свое значение (Там же. С. 309). Хотя, как думает автор, соборы были исключительно совещательными собраниями, и общего постановления (т.е. приговора) на них не составлялось (Там же. С. 309), однако соборы “утверждали важнейшие законодательные акты” – Стоглав (?!), Уложение, и решали чрезвычайные сборы ввиду военных издержек (Там же. С. 311), важнейшие акты государственной жизни, таким образом, “являлись не единоличными мероприятиями самодержавной власти, а выражением народной воли” (Там же. С. 312); тем не менее автор не признает за соборами представительства целой страны (Там же. С. 310)... Оставляя всякие комментарии, скажем только, что следует пожалеть русскую науку, если при составлении исторических статей у нас авторитет, например, В.И. Сергеевича и И.Д. Беляева оказывается менее известным составителю, чем воззрения г. Н. Хлебникова, к тому же не всегда верно понимаемые.

25 января 1882.

^а Далее в скобках написано несколько букв и стерт.

^б Далее в скобках зачеркнуто мысли.

^{в-в} Дописано над строкой.

^г Дописано над строкой.

^д Далее в скобках зачеркнуты буквы о соб.

^е Далее в скобках зачеркнуты буквы значе.

^ж Далее в скобках зачеркнуты буквы съ.

^з Далее зачеркнуты буквы сб.

^и Написано над строкой.

^{к-к} Дописано над строкой.

^л В рукописи Ярославля.

^м Дописано над строкой.

^{н-н} Дописано над строкой.

^о В рукописи по ошибке пропущено, вставлено по смыслу.

^п В рукописи сборища.

^р В рукописи М.

^с Дописано над строкой.

^т Написано над строкой.

^у В рукописи это слово повторено дважды.

^ф Написано над строкой вместо зачеркнутого этого.

^х Дописано над строкой.

^ц На боковом поле написано несколько слов (не читаются).

^ч Написано над строкой.

^ш Написано над строкой.

^ш Слова 1642 г. написаны над строкой.

^ь Далее вторично для.

^ы Далее зачеркнуто юридических.

^ь Дописано над строкой

^з На боковом поле карандашом рукой С.Ф. Платонова приписано Дубасов
Очерки из истории Тамб[овского] края. Вып. III. М., 1884, стр. 34. Грамота вы-
борных сотских старост.

^ю Слова но часто написаны над строкой.

^я Ссылка дописана над строкой.

^{аа} В рукописи пропорционально.

Древнерусские
сказания и повести
о Смутном времени XVII века
как исторический
источник

ДРЕВНЕРУССКІЯ
СКАЗАНІЯ И ПОВѢСТИ

О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА,

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Послѣдованиіе

С. Ѳ. Платонова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Лазкоидрова (Надеждинская, 43).

1913.

Предисловие

Первому изданию настоящей книги, вышедшему в свет в мае 1888 г. и тогда же представленному в Императорский С.-Петербургский университет в качестве диссертации для получения степени магистра русской истории, было предпослано следующее предисловие:

«Предлагаемый труд первоначально был напечатан в “Журнале Министерства народного просвещения” за 1887 год (октябрь, ноябрь и декабрь) и за 1888 год (февраль, март и апрель). В настоящем издании прибавлены: заключение, указатель имен личных и географических и перечень рукописей, разобранных и упомянутых в книге.

В своем труде автор желал дать систематический обзор тех литературных произведений великорусской письменности XVII века, которые были посвящены изображению и обсуждению событий Смутного времени Московского государства. Число таких произведений довольно велико. Они стали появляться еще до окончания Смуты по поводу отдельных ее фактов. Время царя Михаила Феодоровича было особенно богато сказаниями о Смуте: многие очевидцы событий Смутного времени спешили описать пережитую эпоху и оставили по себе обширные, иногда даже художественные труды. И при царе Алексее Михайловиче записано было несколько любопытных воспоминаний и преданий о Смутном времени. Но во второй половине XVII века непосредственные воспоминания о Смуте стали уже замирать, и люди, писавшие о временах самозванщины, или перерабатывали более ранние повествования, или создавали легендарно-поэтические рассказы.

Литературный характер произведений о Смуте очень разнообразен. Большинство их носит название “повестей” (иногда – “сказаний”) и включает в себе литературно обработанное повествование о событиях и деятелях Смутного времени. Рядом с “повестями” стоят “жития” лиц Смутной эпохи, в которых агиографические черты тесно сплетены с историческими. Некоторые памятники называются “летописцами” и действительно представляют собою погодное изображение событий. Нередко рассказом о Смуте заканчивается тот или другой вид “хронографа”, даже

поздней “степенной книги”. Не одно повествование о фактах составляет задачу всех этих литературных памятников: среди них часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические, в которых фактическая сторона имеет лишь служебное значение.

При большом разнообразии внешних форм и приемов изложения все древнерусские произведения, касающиеся Смуты, представляют собою одну цельную категорию источников для изучения Смутной эпохи наряду с официальными документами и записками иностранцев. В качестве исторического материала сказания о Смуте еще в прошлом веке привлекали внимание исследователей. Однако начитанность историков XVIII столетия в этом материале не шла далее Сказания Авраамия Палицына, Нового летописца и немногих хронографов. Только в нашем веке Н.М. Карамзин достиг редкого, для его времени изумительного знакомства с рукописными текстами самых разнообразных сказаний о Смуте. Многочисленные выписки из сказаний в последних томах “Истории государства Российского” и до сих пор нередко заменяют ученым первый источник и сохраняют за трудом Карамзина свежесть как бы современного нам исследования. После “Истории государства Российского” пользование этого рода источниками стало безусловно обязательным для каждого последующего историка Смутного времени.

Впервые вводя в научный оборот массу нового материала из сказаний, Карамзин не мог, разумеется, точно оценить каждый памятник со стороны его состава и достоинства его показаний. С течением времени многие из рукописных источников Карамзина были изданы; шире стал и самый круг известных сказаний о Смуте; в трудах С.М. Соловьева, А.Н. Попова, И.Е. Забелина и других исследователей сделано было несколько попыток оценить критически те или другие памятники. Но историко-критическое изучение сказаний о Смуте во всей их совокупности составляло до последнего времени невыполненную задачу в русской историографии. Принимая на себя эту задачу, автор настоящего труда исходил из того убеждения, что дальнейшая разработка истории Смутной эпохи может идти с надлежащим успехом только путем критической оценки ее источников.

Первая и главнейшая трудность, какую надлежало преодолеть автору, состояла в том, чтобы собрать и изучить все касающиеся Смуты рукописные тексты сказаний. Не имея возможности ознакомиться с составом всех русских древлехранилищ, автор не смеет надеяться, что исчерпал в полной мере подлежащий его рассмотрению материал. И та степень полноты материала, какой

удалось ему достигнуть, была бы недоступна для его личных усилий без просвещенного содействия его труду Археографической комиссии в Санкт-Петербурге. Второе затруднение представилось автору в самом изложении результатов его труда. Лучшей системою, какой он мог держаться в обзоре памятников, без сомнения, была бы система хронологическая, при которой разбор более ранних произведений предшествовал бы разбору более поздних. Но отсутствие точных сведений о времени составления многих сказаний не позволяло расположить их в строгом порядке по времени их происхождения. Кроме того, автор иногда находил более удобным давать отчет в одном месте о разновременных произведениях в силу их внутренней близости и зависимости одного от другого. Тем не менее, он стремился, выделив памятники наиболее любопытные и важные из массы прочих, проследить на них постепенное развитие в XVII веке письменности о Смуте и отметить общие отличительные признаки произведений различных эпох. Останавливаясь с особенным вниманием на ранних и потому наиболее ценных сказаниях, писанных современниками Смуты, автор считал возможным дать только краткие характеристики произведений позднейших и компилятивных; что же касается до местных сказаний о Смуте, то скудость текстов, бывших в распоряжении автора, заставила его и вовсе отказаться от детального исследования этого рода памятников.

Как в отношении общего порядка изложения автору не удалось выдержать единообразного приема, так невозможно было его выдержать и в исследовании отдельных произведений. Не имея в виду проверки всех показаний памятника, автор ограничивался желанием определить время его составления и указать личность составителя; выяснять цели, какими руководился составитель, и обстоятельства, при которых он писал; найти источники его сведений и, наконец, характеризовать приблизительную степень общей достоверности или правдоподобности его рассказа. Но исследование некоторых произведений не давало удовлетворительного ответа на весь круг этих вопросов. В других случаях внешняя история и общий характер произведения оказывались настолько известными, что избавляли автора от необходимости повторять в своем труде наблюдения и выводы предшествующих исследователей. Напротив, тексты малоизвестные и вовсе неизвестные налагали на автора обязанность ознакомить читателя с их содержанием помимо общих историко-критических замечаний о памятнике. Так, особенности и степень известности каждого отдельного произведения влияли на характер отзыва о нем.

Приведенные замечания свидетельствуют, что автор сам знает неполноту и недостатки своего труда. С благодарностью примет он все дополнения и замечания, какие будут предъявлены ему ученою критикою. С глубокой благодарностью вспоминает он и то сочувствие, с каким относились к его труду многие лица. Занятия рукописными текстами стали ему возможны благодаря благосклонному содействию А. Ф. Бычкова и И. А. Бычкова (в Императорской Публичной библиотеке), А. И. Тимофеева (в Археографической комиссии), князя П. П. Вяземского и Д. Ф. Кобеко (в Императорском Обществе любителей древней письменности), И. Е. Троицкого и А. С. Родосского (в библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии), В. О. Ключевского (в библиотеке Московской Духовной Академии), о. арх. Леонида (в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры), Д. П. Лебедева (в Московском Публичном и Румянцевском музеях) и И. А. Шляпкина (в его собственной библиотеке). С начала и до конца своих работ автор пользовался советами и указаниями своих бывших преподавателей, профессоров К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловского. Со стороны Л. Н. Майкова и В. Г. Дружинина видел он постоянную помощь и самое теплое отношение к его труду. Наконец, составлением указателя к книге автор обязан Н. Н. Платоновой».

В речи своей на магистерском диспуте в С.-Петербургском университете 11 сентября 1888 г. автор, между прочим, сказал:

«Представляя на ваш суд мою диссертацию, я не позволю себе долго утруждать ваше внимание своей вступительной беседой. Я не стану передавать здесь главнейшие выводы моей книги: они в настоящую минуту у всех в руках в печатном листке “положений”. Нет также нужды выяснять и первостепенную историческую важность Смутной эпохи, к которой относится мой труд: эта важность уже ясно сознана в нашей историографии. Гораздо более уместным мне кажется – остановиться на истории самой моей работы и показать вам те обстоятельства, силою которых моя работа приняла именно такой вид, в каком она является на ваш суд. История труда пояснит вам происхождение его недостатков и этим самым даст вам возможность произнести наиболее справедливый приговор над ними.

Общий характер моей работы совсем ясен. Это – критическое исследование исторических источников, *kritische Quellenuntersuchung*, как сказал бы немецкий ученый, пользуясь своей более установленной исторической терминологией. Я не разделяю существующего у нас мнения, будто бы подобного рода работы преждевременны в русской историографии, скудными выводами

и бедной работниками. Но, признаюсь, что я, быть может, и не взялся бы за свой труд, если бы мог предвидеть количество и сущность критических операций, необходимых для полного развития темы, и если бы мог предвидеть, что удачным завершением работ своих я буду обязан только ряду счастливых случайностей.

Из нашего университета вместе с навыками научной критики я вынес и стремление к отвлеченным историческим построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее. Вот почему, выбирая эпоху для специальных занятий по русской истории, я не забывал общей схемы русской исторической жизни и остановился на Смутном времени. Мне представлялось, что это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией. Естественным казалось взяться прежде всего за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить в древнейшие эпохи, или спускаться в новейшие времена. Я понимал, что было бы невозможно на первых шагах научной деятельности задаваться исследованием Смутной эпохи во всей ее сложности. Меня остановил один факт Смуты – Нижегородское движение 1612 года. Мне хотелось изучить его всесторонне, узнать социальный состав населения Среднего Поволжья, узнать, какой сословный слой был там господствующим и почему. Это, как я мечтал, позволило бы мне указать предводителей народного подвига, понять народное движение 1611–1612 года в самых его корнях. Тогда стало бы ясно, кто именно освободил Москву в 1612 году и кто остался победителем в многолетних смутах. А это могло бы, в свою очередь, многое объяснить в истории XVII века, даже в истории реформы.

Таковы были мои первоначальные планы. Изучение источников показало мне, что они неисполнимы: состав населения в Среднем Поволжье XVI века неопределим за недостатком писцовых и иных подобных книг. Изучение самых фактов Нижегородского движения показало мне, что и эти факты мы не можем знать твердо, потому что знаем их преимущественно из неточных и противоречивых летописных сказаний. Сказания эти настолько неполны, неточны и противоречивы, что допускают совершенно противоположное их понимание. Доказательство этому – полемика И.Е. Забелина и Н.И. Костомарова о Пожарском и Минине: на основании одних и тех же текстов эти ученые пришли к совершенно различным характеристикам, произвольность которых иногда равняется их остроумию.

Здесь я в первый раз близко ознакомился с некоторыми русскими сказаниями и повестями о Смуте. Естественно, что они и

заинтересовали меня и удивили бедностью фактического содержания, противоречиями, неопределенностью происхождения. От сказаний о конце Смуты любопытство повлекло меня к сказаниям о начале Смуты. Здесь интерес еще усилился: сказания сообщали больше фактов, заключали больше противоречий, в них слышались иногда совсем ясно голоса различных общественных партий, существовавших в Смуту. И вместе с тем, несмотря на весь свой интерес, сказания оказывались вовсе неисследованными, неисследованными до того, что, например, известия весьма популярного Авраамия Палицына цитировались иногда исследователями не под его именем, а как особенная новость, по неизданной поздней компиляции XVII века.

Простое ознакомление с текстами сказаний подсказывало определенную мысль – исследовать тексты, рассеять путаницу и произвол в пользовании ими. Результаты работы видны были с первых же шагов: для меня, при первом же знакомстве со сказаниями, стало ясно, например, что личность и общественная деятельность Бориса Годунова может получить новое освещение, если удастся показать пристрастие к нему некоторых сказателей, его врагов. Работа историко-критическая обещала вывод чисто исторический: этим и была соблазнительна тема. Если сообразить, что сказаний о Смуте было известно довольно много и что таким образом материал для исследования был обилен и легко доступен, то станет понятно, почему я решился, наконец, остановиться на исследовании сказаний.

Было два пути к разрешению принятой мною задачи. Во-первых, возможно было заняться критикою отдельных известий, находящихся в сказаниях о Смуте, и при этом отодвинуть на задний план изучение литературной истории произведений. А во-вторых, возможно было сосредоточить свое внимание именно на литературной истории сказаний, прибегая к критике фактических показаний только там, где этого требовало изучение памятника в его целом. В первом случае работа получила бы характер свода отдельных историко-критических заметок, лишенных всякой внутренней связи, о тех фактах, о которых случайно упоминают сказания. Притом эти заметки имели бы за собой научное значение только до тех пор, пока или новые исторические данные или критическое остроумие позднейшего исследователя не упразднили бы их новизны и смысла. Во втором случае работа явилась бы сводом литературных характеристик, вскрыла бы целый литературный эпизод в письменности XVII века и определила бы только общую степень достоверности каждого сказания, оставляя без исследования много отдельных известий. При меньшей деталь-

ности результаты подобной работы были бы прочнее: захваченный характеристиками материал может пополняться, отдельные наблюдения и выводы не избежат поправок, но работа в своем целом останется первым шагом в изучении известного историко-литературного явления и будет служить всегда точкою отправления для будущих изысканий.

Моя книга свидетельствует, что я выбрал второй путь. Но этот выбор был сделан не сразу, а после многих ложных шагов и после тяжелых разочарований. Сначала мне казалось, что необходима проверка каждого, даже мелкого, сообщения сказаний и что вопрос о составе отдельных сказаний для меня не может иметь большого значения. Такой методологический промах скоро дал себя знать практическими затруднениями. Проверка небольшой части одного “Иного сказания” отняла у меня несколько месяцев без всякой серьезной пользы и показала мне, что, работая с подобными приемами, я рискую не кончить книги и в десять лет. В то же время сопоставление текстов различных памятников привело меня в целый лабиринт литературных отрывков, происхождение которых было неясно. Одно и то же известие десятки раз повторялось в различных памятниках, и все в одной и той же литературной форме. И вместе с тем, два списка одного и того же памятника иногда разнились настолько, что общего между ними оставалось одно название да десяток общих фраз. В подобной мозаике текстов я совершенно терялся. Прежде мне казалось, что я могу ограничить свой труд только печатным материалом. Впоследствии же у меня ясно выросло сознание, что работать над текстами правильно я могу только тогда, когда весь, и печатный и рукописный, материал будет в моем распоряжении, когда я изучу весь без исключения материал не в виде отдельных известий, а в виде отдельных произведений. Ясно понял я, что первым моим шагом должно было быть выделение самостоятельных памятников от массы компиляций и подражаний; а вторым шагом – изучение этих самостоятельных памятников в хронологическом порядке их написания.

Около трех лет провел я, собирая памятники. Внимание к моей работе факультета позволило мне совершить, с прекрасными результатами для темы, поездку в Москву и Троицкую Лавру, а благосклонная помощь Археографической комиссии дала мне возможность пользоваться в Петербурге рукописями недоступных мне древлехранилищ. При такой благоприятной обстановке материал был собран с достаточной полнотой. Изучение его с историко-литературной стороны, со стороны состава и происхождения, было и легко и интересно. Сказания о Смуте представились

мне, наконец, в известной системе. И я увидел, что, решая вопрос о целях писателей, выясняя их взгляды, внешнюю обстановку, литературные приемы, я в сущности отвечаю на заданную себе тему и даю определенную основу для проверки каждого отдельного известия в сказаниях. Раз я убедился, что цель исследования достигается, я спокойно изложил результаты своих занятий в предлагаемой книге.

Так, милостивые государи, в постановке темы, отправляясь от изучения эпохи, я пришел к изучению ее источников; а в исполнении поставленной темы, отправляясь от критики фактических известий, пришел к критике литературных произведений. Тема историческая перешла в историко-литературную рядом постепенных, для меня не всегда даже сознательных изменений».

Автор приводит теперь эти свои слова как позднее доказательство того, что в свое время ему самому не было чуждо сознание несовершенств его труда и что он сам своевременно указывал на те же самые недостатки, на которые обратила внимание и ученая критика. Автору посчастливилось в том отношении, что его книга была внимательно оценена такими авторитетными людьми, как В.О. Ключевский и В.С. Иконников. Первый дал свой отзыв о книге в "Отчете о тридцать первом присуждении наград графа Уварова" в Императорской Академии наук; отзыв же В.С. Иконникова был помещен в "Известиях Университета Св. Владимира" за 1889 год и затем напечатан отдельно в книжке: "Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. В.С. Иконникова" (Киев, 1889). Если в мнении В.О. Ключевского автору невольно виделась некоторая требовательность к тем сторонам исследования, которые критику гораздо легче было наметить, чем исследователю выполнить, то в рецензии В.С. Иконникова автор увидел много желания помочь освещению и разработке темы посильными дополнениями и исправлениями. Необыкновенное богатство библиографических и фактических указаний, сделанных В.С. Иконниковым, обращают его рецензию в ценнейшее прибавление к исследованию, и автор считает своею обязанностью указать читателям на необходимость пользоваться трудом В.С. Иконникова при чтении предлагаемой книги.

В настоящем издании текст исследования оставлен без всяких изменений {...}. Также без изменений напечатаны и подстрочные примечания; но автор считал необходимым внести в них, в прямых скобках, ссылки на тексты, напечатанные им после первого издания настоящей книги в "Памятниках древней русской письменности, относящихся к Смутному времени". Эти

памятники дважды были изданы Императорскою Археографическою Комиссиею в XIII томе “Русской Исторической Библиотеки” (СПб., 1891 и 1909); в прямых скобках даются сокращенные ссылки [РИБ. XIII] на страницы второго, более полного, издания “Памятников”. Кроме таких ссылок, в прямых же скобках поставлены те немногие дополнения, которые автору казалось нужным внести в текст подстрочных примечаний, и сверх того даны указания на “примечания”, помещенные в конце настоящего издания. Таким образом весь текст первого издания сохранен неприкосновенным; все же то, что к нему теперь добавлено, находится или в прямых скобках, или в “примечаниях” на с. 512–517.

Сердечно благодарю М.И. Скороходову и П.Гр. Васенко за их помощь при корректуре настоящего издания.

С.-Пб. 5 марта 1913.

Произведения, составленные до окончания Смуты

I

В ряду русских повествований о Смутном времени так называемому Иному сказанию принадлежит одно из видных мест. Его фактические данные были очень популярны в XVII в., и составители позднейших редакций хронографов охотно вносили эти данные в свои труды. Благодаря этому и в научной литературе нашего века показаниями Иного сказания пользовались весьма часто, хотя в своей первоначальной форме оно стало известно только с 1853 г., когда было издано И.Д. Беляевым с его предисловием во *Временнике Московского общества истории и древностей*, кн. XVI. Н.М. Карамзин был знаком с Иным сказанием лишь по сокращенной его переделке, о которой будет сказано ниже, и по извлечениям в хронографах¹. Со времени же издания Сказания им пользовались все исследователи Смуты, а С.М. Соловьев дал его краткую характеристику, отметив отсутствие в нем объективности².

Иное сказание в своем полном составе встречается довольно редко³. Нам известны только два его списка. Один, с которого Сказание было издано И.Д. Беляевым, принадлежал П.М. Строеву и хранится в *Погодинских рукописях Императорской Публичной библиотеки*⁴. Другой принадлежит Московским Публичному и Румянцевскому музеям⁵. Оба списка писаны в XVII в. и не пред-

---

¹ Это видно из его ссылок в «Истории государства Российского»: примечания к т. 10: 221, 385, 397; к т. 11: 194, 199, 252, 263, 272, 322, 331, 348, 402, 406, 530 и др.

² *Соловьев*. История. Т. 9. Гл. V. С. 422–423.

³ Таково мнение и составителя Отчета МПРМ за 1876–1878 гг. М., 1879. С. 95 [См. *Примечание I*].

⁴ № 1503. Писан двумя почерками XVII в., скорописью, в 4-ю долю, на 391 л., с оглавлением и приписками руки П.М. Строева. Иное сказание находится на л. 242–391.

⁵ № 1836. Писан полууставом, переходящим в скоропись, XVII в., в 4-ю долю, на 333 л. Иное сказание находится на л. 199–325. К нему приписан, на л. 326–333, краткий Родословец русских государей. Рукопись принадлежала в XVIII в. «Усолицу торговому человеку Михаилу Федорову сыну Звягину»; позднее – крестьянину Федору Васильеву Кулешеву; в Музей поступила в 1878 г. от И.А. Бердникова.

ставляют сколько-нибудь важных вариантов. И в том и в другом Сказание следует за Сказанием Авраамия Палицына, как бы в виде дополнения к нему. Об этом свидетельствует и самое заглавие дополнительного Сказания: “Той же первой истории последует⁶ вторым сказанием, иже в первой скрашено, zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Инаго творения”. Другого, самостоятельного заглавия Сказание не имеет. Строев в своем списке озаглавил его так: “Дополнение к Истории Палицына неизвестного автора”. Присвоенное же Сказанию название “Иного” дано ему издателем И.Д. Беляевым. Если говорить о времени составления Иного сказания в полном его составе, то следует относить его к середине или ко второй половине XVII в.⁷ Но даже беглое знакомство с памятником убеждает в том, что Иное сказание составилось из нескольких летописных повествований разного времени и различных авторов. Мнение И.Д. Беляева⁸, что в первоначальном виде Сказание “было доведено сочинителем, кажется, только до изгнания поляков из Москвы”, остальное же принадлежит другому автору, – требует существенных поправок. В Ином сказании более двух самостоятельных повествований: оно весьма ясно разлагается на следующие составные части:

1) Повесть о времени Бориса Годунова и первого самозванца, сохранившая все признаки своей литературной самостоятельности и по внесении в текст Иного сказания (В р е м е н н и к О И Д Р. Кн. 16. С. 1–38). [РИБ. Т. 13. Стб. 1–66].

2) Собрание правительственных грамот о свержении самозванца и воцарении Шуйского (В р е м е н н и к О И Д Р. Кн. 16. С. 38–55). [РИБ. Т. 13. Стб. 66–95].

3) Повествование о движениях в первое время царствования Шуйского, преимущественно же о движении Болотникова (В р е м е н н и к О И Д Р. Кн. 16. С. 55–64). [РИБ. Т. 13. Стб. 95–114].

4) Повесть о видении, бывшем в Успенском соборе в Москве в 1606 г., вставленная в предыдущее повествование (выпущена во Временнике). [РИБ. Т. 13. Стб. 101–105].

5) Летописные заметки, тождественные со статьями Хронографа второй редакции (1617 г.), о взятии Тулы царем Василием и о дальнейших событиях до избрания Михаила Феодоровича

---

⁶ Предпочитаем чтение второго из указанных списков; в списке Строева: “последнее”.

⁷ Последнее известие Сказания говорит о венчании на царство царя Алексея Михайловича “в лето 7154 (1645) сентября в 28-й день”; списки же Сказания, несомненно, относятся к XVII в.

⁸ Иное сказание о самозванцах // Временник ОИДР. М., 1853. Кн. 16. Материалы. Предисловие. С. IV.

на царство, чем и кончается Хронограф 1617 г. (Временник ОИДР. Кн. 16. С. 64–73). [РИБ. Т. 13. Стб. 114–131].

б) Летописные заметки о времени царя Михаила Феодоровича и о вступлении на престол Алексея Михайловича (Временник ОИДР. Кн. 16. С. 73–80)⁹. [РИБ. Т. 13. Стб. 131–144].

Для полной оценки Сказания следует ознакомиться ближе с каждой из его отдельных частей. Наибольшую важность имеет первая из них; к ее обзору теперь и обратимся.

I. Главное содержание первой части Иного сказания (мы будем в нашем изложении называть ее Повестью 1606 года) составляет описание следующих событий: 1) убийства царевича Димитрия, 2) воцарения Бориса Годунова, 3) появления самозванца, 4) борьбы самозванца с Борисом и воцарения самозванца, 5) действий самозванца против русской народности и православия, 6) свержения самозванца и воцарения Шуйского и 7) перенесения мощей царевича Димитрия в Москву. Вся Повесть проникнута чувством ненависти к Борису и самозванцу, одинаково и чувством преданности Шуйскому. Всем повествованием руководит желание показать, что и Борис, и самозванец получили скорое возмездие за свои злодеяния.

Как сказано, Повесть сохранила на себе полный отпечаток самостоятельного литературного произведения. От остальных частей Иного сказания она отделена послесловием, и смысл некоторых ее мест даже противоречит дальнейшему рассказу Иного сказания. В конце Повести выражается радость по поводу избавления России от самозванца и по поводу вступления на престол “такового благочестиваго государя” В.И. Шуйского, который не ведет своих подданных в погибель, как вел их Расстрига, но возвращает их с пути погибельного и даже сподобился видеть мощи царевича Димитрия в Москве. О дальнейших смутах времени Шуйского в Повести нет и помину; главное чувство писателя – радость о том, что смута миновала и притом так благополучно. “Слава единому премудрому жизнодателю Богу”, восклицает он: “яко малом наказа нас, но много помилова”¹⁰. Между тем, дальнейшее повествование о смутах времени Шуйского, в третьей из указанных нами частей Иного сказания, ведется уже совершенно в другом тоне: радостному чувству нет места; его заступает

---

⁹ Некоторые из составных частей Иного Сказания уже указаны А.Н. Поповым (Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 148–149). В списке П.М. Строева есть в конце несколько ничтожных приписок, сделанных, очевидно, гораздо позднее владельцами рукописи.

¹⁰ Иное Сказание о самозванцах // Временник ОИДР. Кн. 16. С. 35–37 [РИБ. Т. 13. Стб. 61–66].

сознание, что современники автора осуждены Богом “во тмочисленныя беды и различныя напасти паки впасти по праведному Его суду Божию” за то, что сами отпали от Него своими согрешениями¹¹. Описание многочисленных восстаний против царя Василия, сознание силы мятежников и слабости Шуйского, делает преждевременным и странным радостное убеждение Повести в окончании Смуты. Очевидно, что лицо, составлявшее Иное сказание, лишь механически соединяло его составные части и не позаботилось сгладить их взаимные несогласия в цельный рассказ.

Счастливо уцелевшие частности Повести 1606 года помогают нам с достаточною точностью определить время и обстоятельства ее написания. Если Повесть торжествует вступление на престол Шуйского и перенесение мощей Димитрия царевича в Москву, но не знает еще, что при царе Василии Смута не только повторится, но и разовьется с большею силой, – значит, написана эта Повесть в самом начале царствования Шуйского. Время ее написания следует полагать после 3-го июня 1606 г. (день перенесения мощей царевича в Москву), но до начала восстания против Шуйского на юге, которое произошло не позже августа 1606 г.¹², и, конечно, до прихода Болотникова и Пашкова к Москве, который последовал осенью того же года¹³. Об этом приходе Болотникова и Пашкова повествует уже третья часть Иного сказания. Как можно догадываться по одному признаку, Повесть написана была тогда, когда автор ее узнал, что в государстве вторично началось брожение во имя Димитрия и что тишине, которая должна была бы наступить

---

¹¹ Там же. С. 55–56 [РИБ. Т. 13. Стб. 96–97].

¹² СГГД. Ч. 2. № 149. С. 316; Изборник. С. 331 (“...того же 114 году.. в Украйных, в полских и в северских городех, учинилася прелесть и смута” – значит, ранее 1-го сентября 1606 г.).

¹³ Изборник. С. 332. 2-го декабря 1606 г. мятежники были уже разбиты и прогнаны от Москвы (СГГД. Ч. 2. № 150 и № 151). В списках Иного сказания не сохранилось никаких хронологических дат, которые указывали бы время написания Повести. Но в некоторых списках сокращенной позднейшей редакции Повести, известной под именем “Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов”, читаем выражение: “о люте быша бы нам *нынешняго* 114 году” (рукопись имп. Публичной библиотеки Q.IV.144, л. 283 об., и O.IV.17, л. 423. В пространной Повести слово “нынешняго” выпущено: Иное сказание... С. 33) [РИБ. Т. 13. Стб. 56 и 165]. Если мы вправе думать, что это чтение первоначальное, но утраченное списками полной редакции, то уже несомненным будет факт написания нашей Повести до 1-го сентября 1606 г. С.М. Соловьев при обработке VII тома “Истории России” пользовался сокращенною редакцией Повести и ее относил к “первому времени царствования Шуйского” (Соловьев. История. Т. 7. Примеч. 80). В своем месте увидим, что так можно говорить только о редакции распространенной. А.Н. Попов именно эту последнюю относил к 1606 г. (Попов А.Н. Обзор хронографов... Вып. 2. С. 148).

со свержением ложного царя, угрожает опасность. В своем послесловии он обращается с наставлением к какому-то “грубителю Божию” и грозит ему: “еще... не пременишия от злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеши zde и в будущем, яко же сей проклятый еретик Гришка Отрепьев”¹⁴. Дидактический тон, красной нитью проходящий через всю Повесть, в послесловии усиливается: писатель пространно объясняет, что погибель самозванца была неизбежным следствием его “законопреступления”, и что такое же возмездие грозит всякому его последователю. Автор даже открыто признается в дидактических целях своего произведения, говоря, что писал свою Повесть “прочитающим на пользу и в предыдущия времена по нас будущим человеком на память, а прочим зломысленником, рачащим его (то-есть самозванца. — С.П.) злонравному преступлению, дабы пришли во умиление и от таковых лукавствий престали”¹⁵.

Приведенные места послесловия вскрывают нам несколько внутренние намерения автора: Повесть его направлена против “грубителей Божиих”, зломысленников, рачащих делу самозванца. Написана, стало быть, она тогда, когда брожение, не прекращавшееся в народе с самого дня переворота 17-го мая 1606 г., стало принимать опасный для установившегося порядка характер, но не перешло еще в определенные формы народного бунта против Шуйского. В противном случае автор не закончил бы своего произведения радостною картиной счастливых дней, наставших для народа с воцарением В.И. Шуйского. Он не видит еще явного нарушения счастливой тишины, но замечает возможность такого нарушения и спешит своим увещанием предупредить его и по мере сил упрочить авторитет излюбленного им царя Шуйского. Первые месяцы правления Шуйского как раз могли вызвать его на такой труд. Нет нужды приводить многочисленные указания источников на то, что в первые же дни царя Василия заложены были семена дальнейших смут и что взошли они очень скоро и прежде всего в виде неясных, но настойчивых слухов о том, что Дмитрий спасся и жив¹⁶. Много было людей, веривших этим слухам и не веривших Шуйскому. Такие люди, не желавшие легко успокоиться и поверить тому, что говорило им правительство Шуйского о “законопреступлении” только что низвергнутого царя, могли казаться “рачащими законопреступлению Разстриги” и могли тревожить В.И. Шуйского и всех ему преданных лиц. Против та-

---

¹⁴ Иное сказание... С. 38 (неисправный текст издания исправлен по рукописям) [РИБ. Т. 13. Стб. 66].

¹⁵ Иное сказание... С. 37 (также исправлено) [РИБ. Т. 13. Стб. 64–65].

¹⁶ Соловьев. История. Т. 8. Гл. IV, и другие исследования о Смутном времени.

ких-то “рачителей законопреступления” и направлена, смеем думать, разбираемая Повесть.

Кто же и по каким мотивам взял на себя труд способствовать успокоению московских умов путем литературного влияния в помощь официальным убеждениям правительственных грамот?

Лица, писавшего Повесть, назвать мы не можем, потому что имени его Повесть не сохранила. Но по некоторым частностям рассказа можно довольно близко указать ту среду, к которой принадлежало это лицо. Свидетельствуя, что все гонимые самозванцем люди умирали верными православию, автор прибавляет: “А инии братия наша иноцы еще в живых ошашся и тии ныне вкупе с нами содетельствуют во обители пресвятыя и животворящия Троицы, а ини у архистратига Божия Михаила, у чудотворца Алексея в Чюдове”¹⁷. Из этих строк мы с достоверностью узнаем, что автор принадлежал к числу братии Троице-Сергиева монастыря. На это указывает и выражение “братия наша иноцы” и слова: “вкупе с нами содетельствуют во обители... Троицы”. Еще более подтверждает такой вывод рассказ автора о перенесении мощей царевича Димитрия. Автор ничего не говорит ни об обстоятельствах открытия мощей в Угличе, ни о подробностях их перенесения от Углича до Москвы, но считает необходимым описать их встречу в Троице-Сергиевом монастыре и описывает ее хотя кратко, но с такими подробностями, какие могла сохранить только память очевидца¹⁸.

Духовным саном автора объясняется отчасти его значительная начитанность: он нередко приводит выписки из Священного Писания, из творений отцов церкви (Афанасия Великого, Григория Нисского и др.); знаком он и с византийскою историей. С.М. Соловьев заметил, что “образцом красноречия” послужило

---

¹⁷ Иное сказание... С. 37 (текст исправлен по рукописям) [РИБ. Т. 13. Стб. 63–64].

¹⁸ Иное сказание... С. 35: “Егда же приближающимся честным его мощем ко пречестней лавре пресвятыя и живоначальныя Троицы и Сергия чудотворца, и тоя честныя обители архимандрит и священники и диаконы, облачяся во священныя одежды, с кадилы, и прочая вся братия со свещами сретяху его пречистыя и многоцелебныя мощи вне ограды с радостными слезами и подобное надгробное псалмопение лица ему воспеваху. И обита во обители в соборной церкви пресвятыя и живоначальныя Троицы некую годину и паки поиде ко царствующему граду Москве” [РИБ. Т. 13. Стб. 61]. Есть и еще одна черта, косвенно подтверждающая наш вывод: автор укоряет самозванца в том, что он “множеством имений, еже есть в Российском царствии, пообладал и обогател весьма зело вскоре” (Иное сказание... С. 37) [РИБ. Т. 13. Стб. 65]. Этот упрек весьма понятен в устах именно Троицкой братии, по свидетельству которой (Сказание Палицына. С. 224) Лжедимитрий взял у Троице-Сергиева монастыря 30 000 рублей.

ему Сказание о Мамаевом побоище¹⁹. Действительно, сличая это сказание²⁰ с нашей Повестью, замечаем некоторое сходство литературных приемов. Оба писателя влагают в уста действующих лиц целые речи; однако наша Повесть прибегает к такому приему реже Сказания о Мамаевом побоище. В обоих произведениях встречаем иногда одни и те же характерные выражения; но эти выражения не принадлежат исключительно Повести и Сказанию, а встречаются и в других древнерусских произведениях²¹. При таких условиях предполагать прямое подражание Сказанию со стороны нашего автора, конечно, невозможно, тем более, что в описаниях битв (где С.М. Соловьев собственно и находил подражание Сказанию о побоище) наша Повесть ближе следует пространной, позднейшей редакции жития князя Александра Невского²²; а началом своим она до некоторой степени напоминает “Повесть о житии и о представлении великаго князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго”²³. Вернее поэтому просто предполагать, что автор Повести вообще усвоил себе установившиеся ранее литературные приемы и, не подражая рабски ни одному произведению, в сущности зависел ото всех своих литературных предшественников. Сходные с более ранними произведениями места Повести служат, таким образом, доказательством начитанности ее автора, но не могут уличать его в недостатке литературной оригинальности и самостоятельности.

---

¹⁹ Иное сказание... С. 5, 7–8, 10 и т. д.; *Соловьев*. История. Т. 9. С. 422 [РИБ. Т. 13. Стб. 8–18].

²⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 90–98; Т. 4. С. 75–83.

²¹ Так, например, и Сказание, и Повесть бегство побежденных с поля битвы передают одинаковыми словами: “вдав плещи своя побеже”, “давше плещи побегоша” (ПСРЛ. Т. 6. С. 95; Иное сказание... С. 19, 24) [РИБ. Т. 13. Стб. 32–34, 40–42]. Но это же выражение находим и в других памятниках разных эпох. В Сказании о покорении Новгорода (ПСРЛ. Т. 6. С. 11) читаем: “вдаша своя плеща лукаваго ополчения и побегоша вспять”; в весьма древней “Повести о житии и о храбрости... князя Александра Невского” (ПСРЛ. Т. 5. С. 4) о немцах говорится: “и даша плеща своя и сечахуть я”. Далее, как наша Повесть называет Бориса Годунова “вторым Иудою предателем и вторым Святополком по святоубийству”, так в Сказании о Мамаевом побоище “новым Иудою и новым Святополком” является князь Олег Рязанский (ПСРЛ. Т. 6. С. 92; Иное сказание... С. 5) [РИБ. Т. 13. Стб. 9]. Но это же самое сравнение встречаем и в “Поведании... о побоище великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго” (Русский исторический сборник / Под ред. М.П. Погодина. М., 1838. Т. 3. Кн. 1. С. 9), да и вообще в нашей письменности Святополк Окаянный был одним из отрицательных прототипов.

²² Книга Степенная. Т. 1. С. 360, 363–364; Иное сказание... С. 17–18, 19 [РИБ. Т. 13. Стб. 29–34]; ПСРЛ. Т. 6. С. 94. Впрочем, нужно заметить, что картины битв у наших древних сказателей, при большей или меньшей распространенности, страдают однообразием черт. См.: ПСРЛ. Т. 6. С. 11, 106; Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1788. Ч. 4. С. 282 и т.д.

²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 104 и Иное сказание... С. 1.

В конце Повести находим заявление автора, что он писал “не слухом уверяясь, кроме того, как той еретик и законопреступник (то есть самозванец) был в Литовской земли, а что сотворися в Российском государстве, то вся сия зря своима очима”²⁴. Сказанные автором для привлечения бóльшего доверия к его Повести, слова эти не могут быть принимаемы нами в их буквальном смысле. Соображая общественное положение автора с существом передаваемых им событий, мы должны верить ему только в том, что он, как современник, описал пережитую им эпоху, а не восстанавливал незнакомой ему старины по недоступным проверке преданиям. Но можно сильно сомневаться, чтобы он все описанные события видел своими глазами. Не говоря уже о многих второстепенных фактах его рассказа, каковы, например, подробности защиты Новгорода Северского и Кром и другие частности похода самозванца на Москву, свидетелем которых трудно было быть монаху²⁵, – и многие главные события Повести вряд ли были доступны глазам и ушам автора. Ни одна черта рассказа не говорит нам, например, что автор сам видел убиение царевича Димитрия, что он лично удостоверился в насильственной смерти царя Феодора “от неправеднаго убийства того же Бориса”, что он знает точно о самоубийстве Бориса, что он сам слышал о намерении самозванца избить “боляр и гостей и всех православных христиан”. По существу дела, как частный человек и к тому же инок, он многого не мог видеть и знать и, стало быть, о многом мог говорить только “уверяясь слухом” или на основании каких-либо свидетельств иного рода.

Мы приходим таким образом к вопросу об источниках нашей Повести. Нет, конечно, возможности точно и со всею полнотою указать, откуда автор черпал свои показания. Мы можем лишь с большею или меньшею вероятностью установить связь некоторой части Повести с другими, современными ей историческими памятниками. Все эти памятники официального характера. Некоторые из них наш автор включил в свой рассказ целиком, таковы: Извет старца Варлаама и три грамоты самозванца к русским лю-

---

²⁴ Иное сказание... С. 37 [РИБ. Т. 13. Стб. 64].

²⁵ Поход самозванца на Москву изложен в нашей Повести хотя и довольно подробно, но без малейших указаний на то, что писал очевидец. Подробно сти военных действий он мог узнать по официальным документам или просто по слухам. На основании слухов иностранцы сообщают нам иногда и бóльшие подробности в сравнении с Повестью. Сошлемся, например, на рассказ Массы об осаде Кром, совершенно согласный с рассказом Повести, но гораздо более подробный и яркий (Сказания Массы и Геркмана. СПб., 1874. С. 126–128. Ср.: Иное сказание... С. 21) [РИБ. Т. 13. Стб. 36].

дям, писанные до его прихода в Москву²⁶. Другими же документа-

---

²⁶ Иное сказание... С. 11–14, 15–16, 24–27, 28–29 [РИБ. Т. 13. Стб. 18–25, 27–28, 42–47, 48–49]. Все эти документы изданы отдельно: Извет – в ААЭ. Т. 2. № 64; грамоты – в ААЭ. Т. 2. № 26, 34, 37 и в “Истории Российской” кн. М. Щербатова (*Щербатов*. История. Т. 7, ч. 1. С. 335–336, 338–342; ч. 3. С. 3–4). Исследование грамот самозванца вне пределов нашей темы. Что же касается до Извета Варлаама, то в виду разногласий в вопросе о подлинности его считаем нужным сообщить о нем некоторые замечания. Как известно, Н.И. Костомаров пытался доказать его подложность (*Костомаров Н.И.* Кто был первый Лжедмитрий? СПб., 1864. С. 21; Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Вестник Европы. 1866. Т. 3. С. 43). С.М. Соловьев, возражая Костомарову в защиту Извета (*Соловьев*. История. Т. 8. Примеч. 65), признавал однако, что не все в Извете справедливо и безошибочно; но он думал, что неточности и ошибки даже неизбежны в “первом показании” свидетеля: “Что Варлаам не знал некоторых подробностей, смешал имена князей Вишневецких, передал по своему речь Лжедмитрия королю, – это так естественно, что не сто́ит останавливаться на этом”, – говорит С.М. Соловьев. И он сам, и другие исследователи вполне доверяли и доверяют Извету. Нам же кажется, что в данном случае скептицизм Костомарова вполне уместен. Извет Варлаама был составлен раньше, чем думают обыкновенно, не в конце 1606 г., а по крайней мере летом. Он вошел в разбираемую нами Повесть, а она была сочинена до появления Болотникова под Москвой. Старец Варлаам, таким образом, явился со своим Изветом в желанную минуту для правительства Шуйского, когда оно старалось собрать как можно скорее и как можно больше оправданий майского переворота. Вместе с тем старец Варлаам знал каким-то образом те грамоты Лжедмитрия, которые он распространял по Московскому государству во время похода к Москве. Хотя Варлаам в это время, по его словам, сидел в Самборской тюрьме и жил затем в Киеве, стало быть, не был в Московском государстве, тем не менее он изложил в своем Извете речь самозванца Сигизмунду дословно по грамотам самозванца (ср.: Иное сказание... С. 13, 25 и 15–16 [РИБ. Т. 13. Стб. 23, 43, 27] и ААЭ. Т. 2. № 64, № 34 и № 26). Таким образом, Извет есть до некоторой степени плагиат, если рассматривать его с литературной точки зрения. Подобная манера его составителя, конечно, не может говорить в пользу искренности и безыскусственности его рассказа, зато обнаруживает в нем литературные навыки и притязания. Впрочем, они заметны и из других мест Извета: его начало – разговор Варлаама с Григорием на Варварском крестце (обыкновенном сборном месте бродячего духовенства) – поражает искусственностью композиции: случайно встреченный Отрепьевым Варлаам, как оказалось, знал родню безвестного Отрепьева; он с точностью запомнил, о чем спрашивал и что рассказывал ему Отрепьев, помнил самый день встречи и разговора и через четыре года не затруднился подробно записать весь этот разговор, и притом в форме довольно литературной. Далее, немного странно то обстоятельство, что Варлаам тут же на крестце решился на другой день пуститься в далекий и трудный путь ко Гробу Господню. Странно и то, что такое же намерение так же случайно возникло и у Отрепьева, а между тем к следующему дню он успел уже “приговорить ехать” с собою третьего монаха, который оказался тоже известным Варлааму: он “знал его у князя Ивана Ивановича Шуйскаго”. Такое обилие маловероятностей делает первую часть Извета скорее любопытною сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Зато в остальной своей части Извет полон фактов и имен: Варлаам помнит много монастырей и их настоятелей, знает много населенных

ми автор пользовался, можно думать, как руководством и с фактической стороны, и со стороны самых взглядов, проводимых в Повести. При чтении Повести невольно бросается в глаза строгое соответствие между рассказом о правлении самозванца нашей Повести и грамотами о свержении Лжедмитрия, обнародованными правительством Шуйского в мае и июне 1606 г. Со стороны фактов наш автор иногда дает более, иногда менее, чем упомянутые грамоты, но освещение фактов он прямо берет из грамот. Его обвинения против самозванца тождественны с теми, какие предъявил народу В.И. Шуйский в оправдание переворота 17-го мая. В грамотах В.И. Шуйского и его боярства²⁷ самозванец уличался в

мест и много лиц; он как будто стремится доказать, что ему известно все об Отрепьеве, стремится подавить недоверие читателя массой фактов и имен. Но вместе с тем он допускает погрешности в показаниях довольно важных (на них указывают приведенные нами слова Соловьева и разбор Извета Костомарова). Гораздо легче, кажется, было забыть имя какого-нибудь строителя Новгород-Северского монастыря, где Варлаам пробыл весьма недолго, чем не знать об участии Константина Вишневецкого в деле самозванца, за которым Варлаам так внимательно следил. Но Варлаам помнит первое и не знает второго. Если можно кратко характеризовать, что известно и что неизвестно Варлааму, то мы можем сказать, что он знает о Димитрии все то, что могло быть известно московскому правительству, и делает ошибки там, где оно не могло иметь точных сведений. Он, например, сообщает, что Лжедмитрий выехал в поход с Мнишком 15 (25) августа 1604 г. Если разбирать, откуда явилось это сообщение в Извете, то вряд ли можно допустить, чтобы, сидя в польской тюрьме, Варлаам мог знать точно день и цель отъезда самозванца из Самбора. Нельзя допустить и того, чтобы частный русский человек, сочиняя ложный извет, мог указать это число, если только он не был с самозванцем. Это число с точностью и не определено, но оно поставлено первым в начале дневной записи пути с Димитрием Мнишка (СГГД. Ч. 2. № 80), при чем указывает не выезд из Самбора (который мог быть раньше), а пребывание в Жупновице. Из этой записи число 15-е августа стало известно московскому правительству Шуйского, из нее же могло попасть и в Извет Варлаама. Сопоставляя с замечаниями на Извет Костомарова литературное взаимодействие Извета, его неправдоподобное начало, обилие точных указаний в одних отношениях и довольно крупные промахи в других, мы решаемся высказать мысль, что Извет не мог быть правдивым показанием следившего за Отрепьевым человека, но не мог быть и подделан искусною рукою какого-нибудь мало знающего москвича. Он составлен, очевидно, лицом, много знавшим и близким к правительству (Варлаам говорит, что он знал И.И. Шуйского), и составлен не для правительства, которое могло знать и из других источников все изложенное в Извете, а для убеждения народа. На это указывает искусственность формы, стремление все объяснить и рассказать, стремление завоевать доверие массой фактов и имен. Быть может, что все эти факты и имена не Варлаамом были сообщены Шуйскому, а напротив, в его Извете перешли из правительственных источников, как мы можем это предполагать о числе 15-го августа. Понятно, что при таком понимании Извета мы не считаем его надежным источником.

²⁷ СГГД. Ч. 2. № 140, 144, 146, 147 (и № 76); ААЭ. Т. 2. № 44 и 48; Иное сказание... С. 38–41 и 42–55 [РИБ. Т. 13. Стб. 66–71, 73–95].

том, что уступал Литве Смоленск и Северскую землю. Это обвинение находим и в Повести²⁸. В грамотах достаточно места уделено на то, чтобы доказать сношения самозванца с папой и еретичество его. И Повесть не проходит этого молчанием, указывая на помощь, оказанную папой Лжедимитрию за его обещание водворить в Москве католичество²⁹. Это намерение самозванца уничтожить православие и ввести католичество грамоты Шуйского утверждают не один раз. И Повесть считает искоренение правой веры главной целью самозванца. Как грамоты говорят, что самозванец достиг престола “ведовством и чернокнижеством”, так в Повести читаем, что очень рано Гришка начал вникать “в премудрости богомерских книг”, был “волшебной премудрости исполнен”, но погиб, несмотря на “злехитренныя свои чародейства”; по этому поводу автор даже входит в рассуждение о вреде “книг, отреченных святых Отцы”³⁰. Грамоты Шуйского ближайшим поводом свержения самозванца выставляют умысел его перебить 18-го мая всех бояр и больших дворян. На этом умысле останавливается и автор Повести, но в его глазах самозванец хотел избить “всех православных христиан” и истребить затем православие. Объяснение такого гиперболического изображения находим в так называемых речах Бучинских, где читаем будто бы слова самого Лжедимитрия: “мая в 18-й день... бояр, и дворян лутчих, и детей боярских, и голов, и сотников, и стрельцов, и черных людей, которые за них любо станут, побити всех, а совершив тотчас велю костелы Римские ставить”³¹. Также изменил автор и свидетельство грамоты Шуйского о посте самозванца по католическому обряду: грамота говорит лишь о том, что папин легат приказал самозванцу поститься по-католически, на что тот и согласился; в Повести же находим показание, что Лжедимитрий, держав католический пост, не держал православного³². Наконец, как грамоты, так и Повесть одинаково говорят, что самозванец укреплял свою власть страхом, который он внушал москвичам казнями и ссылками³³, и что он вел безнравственную жизнь³⁴.

---

²⁸ Иное сказание... С. 15 [РИБ. Т. 13. Стб. 26].

²⁹ Там же.

³⁰ Иное сказание... С. 10, 32, 38 [РИБ. Т. 13. Стб. 18, 56, 65].

³¹ Иное сказание... С. 32–33 [РИБ. Т. 13. Стб. 56–57]; СГГД. Ч. 2. № 140. С. 298; ААЭ. Т. 2. № 48. С. 109–110.

³² Иное сказание... С. 32 [РИБ. Т. 13. Стб. 56]; СГГД. Ч. 2. № 147. С. 314–315; ААЭ. Т. 2. № 48. С. 115.

³³ Иное сказание... С. 30–31 [РИБ. Т. 13. Стб. 53]; СГГД. Ч. 2. № 140. С. 298; № 144. С. 302; № 146. С. 306–307; № 147. С. 309; ААЭ. Т. 2. № 44. С. 100; № 48. С. 107, 109.

³⁴ Иное сказание... С. 32 [РИБ. Т. 13. Стб. 55]; СГГД. Ч. 2. № 147. С. 309; ААЭ. Т. 2. № 48. С. 107.

Есть в Повести и такие факты, каких нет в грамотах Шуйского о правлении самозванца, но их очень мало: перенесение тела царя Бориса в Варсонофьев монастырь, несостоявшаяся казнь и ссылка В.И. Шуйского, устройство “ада” на Москве-реке, да подробности о сожжении тела самозванца – вот все, что находим в Повести и чего нет в грамотах Шуйского³⁵. В свою очередь, грамоты заключают в себе такой материал, которым не воспользовалась наша Повесть. Таким образом, в Повести мы видим не слепое подражание официальным документам, но самостоятельное изложение, только основанное в большей части на этих документах и веденное в том же направлении, какого держатся самые документы.

Еще более строго выдержано единство направления в той части Повести, какая посвящена вновь воцарившемуся В.И. Шуйскому. Здесь автор не только, согласно с грамотами, считает В.И. Шуйского законно избранным монархом, но идет гораздо далее, сплетая аргументы, приводимые в пользу избрания Шуйского в грамотах царских и боярских, с самой неумеренною лестью новому царю. Таким образом частная Повесть как бы приходит на помощь официальному документу, пуская в ход для достижения общей цели – укрепления на престоле В.И. Шуйского – такие средства, какие неуместны в документе. В грамотах бояр и Марфы Нагой об избрании В.И. Шуйского находится характеристика его, как “государя благочестиваго и по Божьей церкви и по православной христианской вере поборителя, от корени великих государей Российских, от великаго государя князя Александра Яро-

---

³⁵ Мы не включаем сюда очень темных упоминаний Повести о обличении Расстриги от многих иноков, последовавших в этом подвиге примеру В.И. Шуйского (Иное сказание... С. 31) [РИБ. Т. 13. Стб. 54]. Это сообщение может быть просто развитием темы, данной грамотами. В грамотах светского правительства находим такое место: “и многих православных христиан, которые его знали и злодейство ведали и его обличали, злой смерти (Расстрига. – С.Л.) предал” (СГГД. Ч. 2. № 147. С. 309; ААЭ. Т. 2. № 48. С. 107). В грамоте московского духовенства, писанной в июне 1606 г. князю Василию Константиновичу Острожскому, читаем: (Отрепьев) “в Российском царстве многую смуту и разорение учинил, церкви Божии осквернил и многих православных христиан, которые его злодейство ведали и обличали, наипаче же от духовнаго чина и иноков многих, побарающих о вере, премучил и в заточение отосла” (ДАИ. Т. 1. № 151. С. 258). О светских обличителях (Тургенев, Осипов и др.) наш автор ничего не говорит; об иноках же иноку всего легче было заговорить, потому что в своем монастыре он, по его собственным словам, знал потерпевших от самозванца иноков (Иное сказание... С. 37) [РИБ. Т. 13. Стб. 63]. Но можно сомневаться, что они сообщили автору какие-либо важные факты о своих мучениях, иначе он их включил бы в свою Повесть. Точно так же мы не считаем самостоятельным упрек Повести самозванцу за употребление им титула Цезарь: этот упрек находим в речах Бучинских (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 109; Иное сказание... С. 33) [РИБ Т. 13. Стб. 58].

славича Невского, и многое смертное изгнание за православную веру с братьею своею во многия лета претерпели, а наипаче всех от того вора, богоотступника и еретика, смертию пострадал”³⁶. Автор Повести довольно точно воспроизводит эту лестную характеристику. Он говорит, что православные христиане “избрали себе на царство царские же палаты сингклита мужа праведна и благочестива, прежних благоверных царей корене, от великаго Владимира во святом крещении Василия и от благовернаго князя Александра Ярославича Невского, от того святого корене великаго боярина князя Василия Ивановича Шуйскаго, еже первые пострадал за православную христианскую веру”. К этому отзыву он прибавляет в Повести еще такую похвалу Шуйскому: (Бог даровал) “нам по всещедрому хотению своему такового благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Русии самодержца, истиннаго заступника и пастыря словесным овцам своим, а не наймника, и тако полагает душу свою за овцы во время скорби и погибели нашае: не точию о имениих своих поскорбе, но и плоти своей не щаде и ныне соблюдает истинную православную веру христианскую, яко зеницу ока, и управляет и наставляет всякаго на путь спасения, дабы по отшествии своем вси были наследницы породы жизненныя, а не ведет нас в погибель и, паки реку, совращает с пути погибельнаго”³⁷. Высказывая, согласно грамотам, взгляд на деятельность Шуйского при самозванце как на религиозный подвиг, автор считает нужным пояснить краткие слова грамот об этом подвиге пространном рассказом о казни и ссылке Шуйского³⁸. Не беремся решать, на чем основал автор фактическую сторону этого рассказа, но политический заговор своего излюбленного героя он представляет как страдание за веру – точка зрения, наиболее желательная для самого Шуйского. В своем заговоре боярин Шуйский является “первострадальцем”, уразумевшим “ересь” Расстриги по откровению Божию, “страстотерпцем”, которым Бог восхотел “сохранить свою церковь от разорения”. Не сомневаясь, как сомневались некоторые позднейшие писатели³⁹, в законности избрания В.И. Шуйского, наш автор старается уверить, что Шуйский избран “всею Российскою областью”, а не только “всем Московским государством”. Разницу этих двух понятий он, конечно, чувствовал так же, как и московское правительство Шуйского. Однако последнее не всегда отваживалось в грамотах так решительно утверждать, что Шуйский избран “всею

---

³⁶ СГГД. Ч. 2. № 142. С. 301; № 146. С. 307–308.

³⁷ Иное сказание... С. 34–35 и 37 [РИБ. Т. 13. Стб. 61, 64].

³⁸ Иное сказание... С. 30 [РИБ. Т. 13. Стб. 52].

³⁹ Автор Нового летописца, Авраамий Палицын и др.

Российскую область” или “всеми государствами Российского царствия”, как следовало бы выразиться, если бы выбор был правилен. Автор в этом случае менее стесняется в пользу Шуйского, чем сам Шуйский. Личные достоинства и права на занятие престола нового царя наша Повесть стремится подкрепить указанием на родовые добродетели и высокое общественное положение Шуйских⁴⁰. Автор говорит, что Шуйские “из начала прародителей своих боящся Бога и держащи в сердцах своих к Богу велию веру и к человеку нелицемерную правду”; он называет князя Ивана Петровича Шуйского “верным приятелем и доброхотом” царя Ивана Грозного и в то же время всех Шуйских “господами” Годунова⁴¹. Таким образом, мы видим, что Повесть в отношении Шуйского не только приняла официальную его рекомендацию, изложенную в грамотах, но и гораздо подробнее развила ее, укрепив новыми фактами и сообщив ей характер пространного дифирамба. Даже радостное настроение автора, которому он отдается в конце Повести по поводу воцарения Шуйского, торжества православия и гибели врага правой веры самозванца – даже это настроение замечаем в одной из официальных грамот, которая советует “изрядным во благочестии” христианам “о сем радоваться и веселиться, что истинная и непорочная христианская вера тверда и непоколебима пребывает, бесовавший же ся на истину и хотящий свет омрачити конечною погибелию погибоша”⁴².

Так сильна связь нашей Повести с официальными грамотами, составленными одновременно с тем, как составлялась сама Повесть. Но можно догадываться, что автор, кроме этих документов, имел под руками и другие источники официального происхождения. Он, например, точно знает назначения военачальников, последовавшие еще во времена Бориса; знает, кто защищал Нов-

---

⁴⁰ Иное сказание... С. 34 [РИБ. Т. 13. Стб. 60]. По грамотам Шуйского, выбор совершается “всеми людьми Московского государства” (СГГД. Ч. 2. № 142, 144, 146; ААЭ. Т. 2. № 44). В одной грамоте Шуйский весьма знаменательно объясняет, что “принял скифетр Российского царствия... за челобитьем... людей Московского государства” (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110. См. также: СГГД. Ч. 2. № 147. С. 310). Между тем по актам 1598 и 1613 гг. видим, что и Б.Ф. Годунов, и М.Ф. Романов приняли престол по избранию “всего многобездчисленного народного христианства от конец до конец всех государств Российского царствия”, “всех православных христиан всего Российского царствия” (ААЭ. Т. 2. № 6; СГГД. Ч. 1. № 203). Когда же эти акты довольствуются термином Московского государства, то упоминают при этом и о городских выборных, чего не делает Шуйский. Различие понятий “Московского государства” и “Российского царствия” в смысле видовом и родовом отчасти объяснено В.О. Ключевским (Боярская дума Древней Руси. 2-е изд. М., 1883. С. 344–345).

⁴¹ Иное сказание... С. 1–3 [РИБ. Т. 13. Стб. 1–6].

⁴² ДАИ. Т.1. № 151. С. 262.

город-Северский от самозванца и кто из воевод сражался при Добрыничах. Ему известно, что у города Кром сперва стоял Ф.И. Шереметев, а что Мстиславский с товарищами прислан туда после; известно также, какие именно воеводы передались самозванцу по смерти Бориса и какие с вестью об этом “к Москве утекоша”. Знает автор и то, что войска самозванца вступили в Московское государство двумя путями: от Киева и по Крымской дороге; известен ему и весь поход самозванца к Москве⁴³. Трудно предположить, чтобы все эти подробности могла удержать память человека, не бывшего ни в разряде, ни в войске, да еще чуждого войне и местничеству монаха. Не будет рискованным допустить, что ему были известны официальные или частные разрядные записи. Сравнивая его показания с дошедшею до нас любопытною разрядною книгой того времени (она известна под именем Хронографа Столяра), мы видим, что наш автор допустил лишь две небольшие погрешности: во второй битве при Добрыничах воеводою правой руки он считал В.И. Шуйского вместо Дмитрия Ивановича, его брата; а Ивана Ивановича Годунова назвал воеводою левой руки, тогда как он был в сторожевом полку⁴⁴. Других ошибок сличение Повести с разрядною книгой не открывает, хотя и заметны незначительные разногласия в их показаниях.

Вот все данные об источниках повествования нашего автора, какие мы могли проследить путем сближения Повести с другими историческими документами. Ранее мы видели, что автор, помимо простого описания достопамятных событий, поставил себе целью убедить своею Повестью “зломысленников”, рачащих законопреступлению Расстриги, “дабы пришли во умиление” и оставили свои лукавства. Сближение Повести с грамотами Шуйского показывает ясно, что автор усвоил себе вполне правительственную точку зрения на события и развивал правительственные взгляды В. Шуйского. Такое совпадение взглядов и самая цель повествования, поставленная прямо в интересах Шуйского, придают нашей Повести характер официозного произведения. Мы не имеем никаких данных для того, чтобы утверждать, что автор Повести писал по поручению В.И. Шуйского и имел исключительно публицистические цели. Он мог приняться за свой труд по внутреннему побуждению, чтобы передать потомству те впечатления, какие он получил от удивительных событий его времени, и чтобы вместе с тем содействовать успокоению умов современников и склонить их в пользу нового государя. Автор мог чувствовать

---

⁴³ Иное сказание... С. 16, 17, 19, 21, 23–24, 15 [РИБ. Т. 13. Стб. 26–42].

⁴⁴ Иное сказание... С. 19 [РИБ. Т. 13. Стб. 33]; Изборник. С. 324 и 326.

искреннюю преданность Шуйскому, мог искренно верить показаниям его правительства, мог безо всякой задней мысли положить эти показания в основу своего труда. Одним словом, он бессознательно мог, ища истины, стать на сторону узкой политической партии, далеко не правой в своих показаниях и взглядах⁴⁵. Если бы дело было и так, взгляд наш на произведение не может измениться. Автор его, сознательно или нет, но стоит на стороне одной партии, проводит ее взгляды, старается возвысить и оправдать Шуйских и унижить их противников. Этого он достигает с большою литературною умелостью и настолько верен своему пристрастному партийному взгляду, что его партийность бросается в глаза при первом же знакомстве с Повестью. С.М. Соловьев, мимоходом характеризуя Повесть, называет автора ее “ревностным приверженцем” Шуйского. Таким образом, мы должны, и не обвиняя автора в намеренном искажении истины, все же признать его Повесть пристрастным голосом одной политической партии, полным отражением взглядов, симпатий и антипатий царя Шуйского с его правительством.

С этой точки зрения мы должны ценить все фактические показания автора. Некоторые из них, как мы старались показать, взяты из официальных документов, и оценка их достоверности зависит от того или другого отношения к официальным сведениям. Но помимо явно заимствованного автором материала, есть в Повести и такие показания, источника которых указать невозможно и на которые историк поэтому должен смотреть как на первоисточник. Отношение к этому первоисточнику и может создаваться лишь на почве общей характеристики Повести.

Кроме многих мелких фактических показаний и частных эпизодов, которые изложены в Повести самостоятельно или не находятся совсем в современных и более ранних памятниках, — наша Повесть является самым ранним и при том самостоятельным литературным воспроизведением следующих исторических обстоятельств: во-первых, борьбы Годунова с Шуйскими за власть при слабом царе Феодоре, во-вторых, убиения царевича Димитрия, в-третьих, захвата Борисом Годуновым царского престола путем интриг и подкупов, в-четвертых, биографии самозванца до бегства его в Литву, и в-пятых, некоторых подробностей о последних днях Бориса и о судьбе его семьи. Показать самозванство свергнутого царя Димитрия было одною из главнейших задач нашего ав-

---

⁴⁵ Отсутствие правды во многих заявлениях Шуйского относительно личности и деятельности самозванца весьма убедительно показывает г. Н. Левитский в своем труде “Лжедимитрий I как пропагандист католичества в Москве” (Христианское чтение. 1885. № 5–6, 9–10; 1886. № 1–2, 7–8).

тора. Собирая биографические подробности о самозванце, он в то же время чувствовал необходимость показать судьбу и истинного царевича Димитрия. По официально заявленным данным, царевич был жертвою Бориса Годунова. И самозванец называл Бориса своим “изменником” и убийцей, и В.И. Шуйский объявил народу прямо, что царевич “по зависти Бориса Годунова яко агня незлобивое заклася”⁴⁶. В виду такого заявления грамот, автор Повести должен был показать участие Бориса в смерти Димитрия и исполнил это с большим старанием: он поставил официально заявленный факт в связь с характером и замыслами Годунова так, как он их понимал, и нарисовал целую картину козней и преступлений Бориса, совершенных для достижения престола. Стоя вообще на точке зрения Шуйского, он отнесся к Борису так, как относились Шуйские, то есть крайне враждебно. Интересуясь Шуйскими, он видное место отвел и их борьбе с Годуновым при царе Феодоре.

Но изображение этой борьбы у нашего автора и мало содержательно, и односторонне. Автор только намекает на различные факты борьбы, и эти намеки не имеют для нас никакой определенности, расплываясь в туманные фразы. Автор не упоминает об участии в борьбе ни митрополита Дионисия, ни Мстиславского, ни других лиц, и единственными твердо поставленными фактами являются у него известия о взятии Ивана Петровича Шуйского на дороге в суздальскую вотчину и о смерти в ссылке Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских. Самый взгляд на боярскую смуту в Повести, очевидно, односторонен: Шуйские – образец добродетели, Годунов – воплощение зла; Шуйские – терпеливые жертвы, Годунов – двоедушный тиран, трусливый при неудаче, жестокий при успехе. Сопоставляя в этом отношении нашу Повесть с показаниями Нового летописца, мы должны отдать предпочтительные показания последнего как более полным и объективным⁴⁷.

Гораздо труднее оценить рассказ нашей Повести об убиении царевича Димитрия. Смерть царевича в науке находит, как известно, два противоположных толкования, и критика источника в данном случае не может опереться ни на какое прочное основание. В 1591 г. официально был установлен факт нечаянного самоубийства Димитрия, в 1605 и 1606 г. официально же утверждалось в данном случае, убийство со стороны Годунова, но без всякого объяснения его подробностей⁴⁸. Наша Повесть впервые переносит это утверждение из области официальных уверений и народных толков в область литературы и впервые противопоставляет описа-

---

⁴⁶ ААЭ. Т. 2. № 26, 37, 48. С. 110; СГГД. Ч. 2. № 147. С. 311.

⁴⁷ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 7–10.

⁴⁸ СГГД. Ч. 2. № 60; ААЭ. Т. 2. № 26, № 37, № 48.

ние убийства картине самоубийства, находящейся в следственном деле. Это придает большую важность рассказу Повести о смерти царевича. Рассказ был написан в то время, когда были живы и действовали в Москве ближайшие к событию лица: мать царевича и его дяди Нагие⁴⁹. Автор рассказа, как мы видели, был хорошо снабжен источниками, имел в руках много документов, сам принадлежал к числу братии близкого к Москве и влиятельного монастыря, писал в целях и, легко может быть, с покровительством В.И. Шуйского. Если для неважных подробностей похода самозванца автор добыл себе точные источники, то мы в праве думать, что для описания смерти царевича, которую для целей автора необходимо было доказать как можно убедительнее, автор и должен был и по своему положению мог собрать обстоятельные и точные показания. Что же находим мы в его рассказе? Очень краткие сообщения о том, что, желая “исторгнуть корень царский” и наследовать царство, Борис задумал предать смерти царевича, стал притеснять его и “многожды” посылал к нему “смертоноснаго яда вкушение”. Но видя, что яд не действовал (почему, не объясняется), Борис послал М. Битяговского и “племянника его” Н. Качалова убить царевича. Они ждали удобного мгновения и, когда царевич вышел “играть”, “един от них” (кто именно, не говорится) “пререза гортань его”, после чего убийцы были побиты “от людей града того”. В рассказе нет ни одной черты, которая указывала бы на близкое знакомство с местностью и внешнею обстановкой преступления, с положением Нагих в Угличе и с их отношениями к большому московскому двору; нет ни одной такой подробности, которая намекала бы на очевидца события или на близость повествователя к очевидцу. Напротив, можно даже думать, что автор Повести плохо был ознакомлен с обстоятельствами смерти царевича и с произведенным о ней следствием. В минуту смерти царевича в Угличе говорили, что убили его Осип Волохов, Никита Качалов и Данила Битяговский (сын); Михаил же Битяговский, по показанию Михаила и Григория Нагих, приехал на царский двор после убийства и в убийстве непосредственного участия не принимал. Если даже и подозревать, что следственное дело было подделано во всем его составе или же в некоторых его частях, то и в таком случае нет никаких данных полагать, что сочинители дела желали освободить Михаила Битяговского от обвинения в том, что он своими руками убил Димитрия. Поэтому мы можем думать, что, во всяком случае, М. Битяговского во время несча-

---

⁴⁹ СГГД. Ч. 2. № 149. В августе 1606 г. Марфа Нагая посылала в Елец с образом царевича Димитрия брата своего Григория Федоровича Нагого.

ствия с царевичем не было около него. Между тем, автор Повести, не помяная вовсе о сыне Битяговского и о Волохове, представляет дело так, как будто М. Битяговский лично напал на царевича. С другой стороны, наш автор делает в дальнейшем своем изложении явную ошибку: рассказывая о борьбе Годунова с самозванцем (с чем мы встретимся ниже), он мимоходом заявляет, что для погребения Димитрия и для следствия в Углич был послан с Василием Ивановичем Шуйским и патриарх Иов. На самом же деле, в Углич ездил не Иов, а митрополит Геласий⁵⁰. Эти обстоятельства отнимают у нас возможность отнестись с полным доверием к рассказу нашей Повести о смерти царевича. Сближение Повести с показаниями следственного дела может только усилить наше недоверие к Повести. За следственным делом, бесспорно, остается преимущество большей современности и обстоятельности показаний. Повесть противоречит официальному документу в том, что в смерти царевича видит убийство; она указывает и главного виновника злодейства – Бориса. Но когда автор Повести начинает излагать обстоятельства убийства, он не сообщает никаких доказательств того, что произошло убийство, и никаких улик против Бориса Годунова. Он воспроизводит в общих чертах ту же обстановку смерти царевича, какую находим и в следственном деле. По рассказу Повести, царевич был ранен у дворца, когда играл “по детскому обычаю”; то же находим и в следственном деле во многих показаниях. По рассказу Повести, рана у царевича была в горле; в следственном деле – то же. Следственное дело, как и Повесть, называет М. Битяговского и Н. Качалова в числе лиц, побитых по подозрению в злодействе; но из дела узнаем, что подозревали и убили не только двух, но более десяти человек. Новостью в Повести является желание Бориса отравить царевича, но некоторые показания привлеченных к следствию лиц дают ясные намеки на то, что, по представлению Нагих, царевича портили до его смерти помощью какой-то “жоночки уродливой”, ходившей к царевичу “для потехи”⁵¹. Такие предположения царицы, погубившей жоночку уже два дня спустя после смерти царевича, напоминают несколько намеки Повести на старание Бориса тайно извести царевича ядом. Если яд не привел к цели, по свидетельству Повести, то и порча жоночки не извела царевича, убитого ножом, по мнению его матери. Как бы то ни было, кроме этого показания

---

⁵⁰ Иное сказание... С. 21 [РИБ. Т. 13. Стб. 37]; СГГД. Ч. 2. № 60. С. 121.

⁵¹ СГГД. Ч. 2. № 60. С. 106–107. И самозванец в одной из своих грамот (ААЭ. Т. 2. № 34) писал, что “изменники... посылали многих воров и велели портити нас и убити”. Быть может, эти заявления о порче были зерном легенды о яде [См. *Примечание 2*].

о яде, наша Повесть в сравнении со следственным делом не дает ничего нового относительно внешних обстоятельств, сопровождавших смерть царевича. Она только утверждает, что смерть произошла от убийства по замыслу Бориса Годунова, но на чем основано такое утверждение об убийстве и вине Годунова, автор не объясняет. Не подкрепленное никакими фактами, это утверждение автора является голословным, тогда как следственное дело дает массу фактических подробностей и скрепляет их подписями многих свидетелей. Поэтому уже своим фактическим содержанием наша Повесть не может опровергнуть следственного дела; если же мы примем во внимание крайнюю вражду ее автора к памяти царя Бориса и его зависимость от официальных взглядов правительства Шуйского в других частях его Повести, то придем к тому предположению, что в данном случае автор только осветил с точки зрения своей партии те факты, какие были установлены ранее в свою пользу противною партией. Таким образом, и здесь мы должны принимать его показание с крайнею осмотрительностью, как голос партии, которая бросила обвинение и, несмотря на его громадную важность, не успела собрать никаких улик и доказательств. А срок для этого был: со времени преступления прошло уже пятнадцать лет; свидетели были налицо и служили обвинителям.

Большее количество фактов собрал автор Повести для того, чтобы обрисовать преступную и лукавую политику Бориса для захвата царского престола. Обвиняя Бориса (и опять голословно) в смерти царя Феодора, он так излагает историю избрания Годунова в цари: Борис, давно желавший царства и гадавший с астрологами о том, получит ли он венец, заранее старался утвердить свое влияние в стране. Он “прельстил” и бояр, и духовенство, и “гостей и всяких людей”, кого подарками и “любовью”, кого страхом, и никто поэтому не смел ему противоречить “от бояр и до простых людей”. После смерти царя Феодора он отправил по всему государству своих агентов, чтобы они убеждали народ избрать Бориса на престол. И никто не возражал против этого: кто был сторонником Бориса, кто боялся его мести; а были и такие, которые боялись посеять междоусобие. Народ, наученный агентами Годунова, просил его на царство перед боярами и пред “властями”, пред всем “царским синклитом”. Люди, действительно достойные занять престол, видя “народное изволение” и думая, что любовь народа к Борису искренняя, не решались выступить его соперниками. Но сам Борис, отказываясь от престола, указывал на этих “достойных” и ушел в Новодевичий монастырь “служить” своей сестре-царице. Настойчивые прось-

бы народа не оставили его и там. Борис, однако, не смел дать свое согласие, боясь сестры, которая противилась его избранию, потому что знала его преступления. Тогда приятели Бориса “принудили” народ просить царицу дать свое согласие. Народ просил Ирину “по вся дни с великим воплем и плачем”. А между тем, видя народное движение, люди, достойные занять престол, то есть великие бояре, “сродники” угасшему царскому роду, и в это время не решались избрать царя “между себе”, но отдали дело на волю народной массы, потому что “быша и тако при царех велики и честни и славни”. А те, добавляет автор, кто и не хотел Бориса, боялся говорить против него, зная его нрав. Народ, принужденный “рачителями” Бориса, долго проливал невольные и неискренние слезы, стоя “на площади” в Новодевичьем монастыре; “боляре же и вельможи” “предстояли” Ирине в ее келии. Наконец, благодаря доброхотам Бориса, Ирина убедилась в искреннем желании народа иметь царем Бориса. Она согласилась благословить на царство брата; но сам Борис упорно отказывался, желая, чтобы его просили как можно более. И тогда, видя народное желание и понуждаемый сторонниками Бориса, патриарх Иов с крестным ходом пошел просить Бориса на царство. Борис, как бы “устрася” пришествия к нему образа Богоматери, согласился и принял скипетр. Во время же своего царствования он старался укрепить престол своему потомству и поэтому гнал и искоренял “царский род”, то есть вельмож, родственных угасшей династии царя Феодора.

В такой последовательности фактов автор Повести передает избрание Бориса в цари. Вчитываясь в эти строки Повести, мы замечаем в них некоторые фактические неточности и внутренние несообразности. Прежде всего, автор ни слова не говорит о том, что избрание Бориса совершено земским собором, от которого до нас дошло и много частных свидетельств, и официальные документы. По изображению автора, Годунова избрало в цари население одной Москвы под влиянием агентов Бориса. Хотя автор и упоминает, что Борис посылал своих “злосоветников и рачителей” “по всем градом”, а не по одной Москве, просить его на царство; хотя автор и говорит, что Бориса просило на царство “всенародное множество”, но городских выборных в его повествовании не видно, а под термином “всенародное множество” мы не имеем права разуметь земского собора, потому что земский собор сошелся уже тогда, когда Борис был в монастыре, а “всенародное множество”, по рассказу автора, просило Бориса еще до отъезда его к царице Ирине. Далее, по представлению автора, Ирина согласилась на избрание Бориса не в один день с Борисом:

ее согласие было получено избирателями до крестного хода патриарха Иова. Между тем, по избирательной грамоте царя Бориса, которая подробно, день за днем, передает обстоятельства избрания, дело происходило иначе: царица Ирина, как и сам Борис, согласилась на народную просьбу только 21-го февраля 1598 г.⁵² Такие неточности в передаче фактов сопровождаются у нашего автора внутренними противоречиями и некоторою спутанностью изложения. Любопытно сопоставить в рассказе Повести те места, где говорится об участии “бояр и вельмож” в избрании Бориса. Сперва автор заявляет, что Годунов то лаской, то угрозами подчинил себе и бояр, и всех прочих людей, и “не смеяше никто вопреки ему глаголати от бояр и до простых людей”⁵³. Так было до смерти царя Феодора. Когда же умер Феодор и Борис начал добиваться избрания в цари, опять по разным побуждениям и простые люди и бояре “никто не смея противу его речи”. В то же время, когда простой народ пред вельможами молил Годунова принять престол, люди, достойные царства, то есть вельможи, сродные царю Феодору, не решались поставить себя кандидатами на царство уже не страха ради, а потому, что считали мольбы народа искренними, исходящими “от истинных сердечных любви” к Борису. Точно так же, когда народ стал молить Ирину благословить брата на царство, и тогда достойные царства вельможи не стали мешаться в это избрание. Но мотив в этом случае автор указывает иной: сродные царям бояре “быша и тако при царех велики и честни и славни не токмо в великой Руси, но и в иных дальних странах”. Наконец, когда автор повествует о согласии Ирины и о сценах народного плача в Новодевичьем монастыре, он сообщает, что в народных просьбах участвовали и бояре, и вельможи: одни из них “предстояли” Ирине в келии, другие стояли на крыльце келии. Те, которые предстояли в келии, просили Ирину “преклонити ушеса и внимати к молению народному”. Читатель Повести вправе думать, что автор ведет здесь речь о всех боярах; но несколькими строками ниже оказывается, что и в келье, и на крыльце распоряжались Борисовы рачители. Они подавали из кельи условные знаки для того, чтобы народ знал, когда следует вопить и плакать. Стало быть, если в келье царицы Ирины и присутствовали чуждые Борису и достойные царства бояре, то они, по прямому смыслу Повести, были немymi свидетелями наглого обмана. Но эти немые свидетели не были ничтожны в глазах Бориса: он боялся, что они будут держать на него гнев и будут его

---

⁵² ААЭ. Т. 2. № 7. С. 28–30.

⁵³ Иное сказание... С. 7 [РИБ. Т. 13. Стб. 12].

поносить за то, что он сам взял скипетр. Именно поэтому он так упорно отказывался от царства: он желал, чтобы все видели, что он стал царем по просьбе народа, а не самовольно.

Итак, с одной стороны, бояре запуганы Борисом, они не смеют говорить против него, они присутствуют молча при обмане царицы Ирины. С другой стороны, они потому только не избирают царя между себя, что и так велики и славны; они не сопротивляются народному избранию, потому что считают народную любовь к Борису искреннею; сам Борис боится их гнева и укора. Помирить такие противоречия Повести можно лишь искусственными толкованиями изложенных мест. И во всяком случае, легче объяснить эти противоречия, чем слить их в цельное представление. Автору надобно было показать чрезмерную силу и влияние Бориса и в то же время не уронить авторитета тех лиц, которые были при избрании Бориса и сохраняли свое высокое положение и в 1606 г., когда была писана Повесть. Среди бояр, достойных царства и уступивших его Борису в 1598 году, автор конечно, понимает род Шуйских и царя Василия. Показать читателю ничтожество и страх Василия Шуйского пред Борисом для нашего автора было невозможно при его отношении к царю Василию. Поэтому, как нам кажется, и явились в рассказе автора подробности о боярах, веривших чистой народной любви к Борису и не стремившихся к престолу, потому что и без царского венца они были велики и славны. Не мог, конечно, автор Повести отнестись свободно и к личности патриарха Иова, который известен как почитатель Бориса. Патриарх Иов, сверженный и опозоренный при самозванце, со вступлением на престол Василия Шуйского стал снова пользоваться почетом. Сохранилось от начала XVII в. известие, что по свержении Игнатия Иов не возвратился на патриаршество, потому что ослеп⁵⁴, стало быть, у современников была мысль даже о возвращении Иова на престол. В начале 1607 г. правительство Шуйского и патриарх Гермоген с большим почетом приняли Иова в Москве⁵⁵. Ясно, таким образом, что Иов, оставаясь не у дел, был при Василии Шуйском весьма почетным лицом. Участие Иова в избрании Бориса Годунова на основании официальной избирательной грамоты представляется весьма деятельным: патриарх руководил всем в деле избрания царя. Но автор Повести, представляя избрание Бориса нечистым делом его партии, оставляет патриарха в стороне и отводит ему пассивную роль: Иов вмешивается в дело избрания только тогда,

---

⁵⁴ Изборник. С. 194 [РИБ. Т. 13. Стб. 1296]; Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874. С. 240.

⁵⁵ ААЭ. Т. 2. № 67.

когда убеждается в неприменном желании народа иметь царем Бориса⁵⁶. К тому же одновременно с внутренними побуждениями, Иов “понужен” был и со стороны доброхотов Годунова. Тогда только патриарх с крестным ходом идет к Борису, и Борис сразу соглашается на избрание. Такое осторожное отношение нашего автора к личности и поступкам патриарха приводит его к фактическому разногласию с официальными данными и кажется на первый взгляд очень странным. В ученых трудах мы привыкли при описаниях воцарения Бориса видеть на первом месте патриарха Иова и слышать нападки на его поведение в деле избрания Годунова⁵⁷. Патриарх Иов с полным основанием признается доброхотом Бориса всеми учеными исследователями⁵⁸, а между тем современник Бориса, настроенный против него более всех летописателей XVII в., ставит патриарха Иова в стороне от Бориса и представляет его жертвою интриги, устроенной Борисом. Чем иначе объяснить эту странность, как не внешними обстоятельствами, при которых писал наш автор? Патриарх Иов был тогда жив, и его личность нельзя было тронуть с такою легкостью, как личности Годунова и самозванца.

Таким образом, рассмотрение рассказа автора о воцарении Бориса Годунова показывает нам прежде всего фактические разногласия его с официальными данными, заключающимися в избирательной грамоте Бориса. Хотя критическая оценка данных этой грамоты не входит в нашу задачу, тем не менее мы, кажется, вправе сказать, что грамота в некоторых местах может служить для

---

⁵⁶ Нужно заметить, что в обоих дошедших до нас списках Иного сказания, как кажется, есть пропуск в повествовании о патриархе Иове. Этот пропуск восстанавливается по тексту изданного А.Н. Поповым Хронографа 3-й редакции (Изборник. С. 216). В Ином сказании (С. 9) читаем: “Таже видя сия патриарх народное усердие и тшание к Борису, паче всех сухих возлюбиха Бориса на государство; к сему же еще Борисовыми рачители и доброхоты к молению понужен бывает патриарх Иев; патриарх же со всем освященным собором приемлет икону...” и т.д. В Хронографе же это место читается так: “Тако же видя вся патриарх народное усердие и боляр и велмож никому о сем не пререкающе, и никто на се не поступает, но вси народом тшутся о царском избрании и яко вси усердно возлюбиха Бориса на царство, к сему же еще и Борисовыми рачители и доброхоты к молению понужен бывает патриарх Иев. Патриарх же Иев со всем освященным собором приемлют икону” [РИБ. Т. 13. Стб. 16].

⁵⁷ Для примера сошлемся на труды: *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси: (Речь, читанная 12-го января 1867 г. на торжественном акте) // Московские университетские известия 1866/67 г. Неоф. отдел. № 4 и *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604–1613). СПб., 1868. Т. 1. Названные исследователи подвергают очень строгой критике действия Иова в 1598 г.

⁵⁸ В духовной грамоте самого Иова находим убедительные доказательства преданности его Борису Годунову (СГГД. Ч. 2. № 82; ДРВ. М., 1788. Ч. 6. № 5).

поправок к нашей Повести. Грамота гораздо точнее и полнее передает внешние обстоятельства избрания, чем какой-либо другой источник. Поэтому исследователи обыкновенно излагают ход избрания Бориса, руководясь именно грамотой, и только дополняют свой рассказ показаниями сказаний, в том числе и нашей Повести. Изображая факты вступления Бориса на престол совершенно в ином свете, чем грамота, наша Повесть, при всей спутанности и внутренних противоречиях, дает ряд показаний, которые не содержатся в грамоте и не допускают проверки помощью надежных источников: таковы, например, свидетельства о подкупах и застраховании со стороны Бориса и его клеветников, о принудительном собирании народа под Новодевичий монастырь, о штрафах и побоях, которым подвергались москвичи за то, что не обнаруживали преданности Борису. Подобные известия возможно найти лишь у некоторых иностранцев-современников (Буссов, Маржерет, Массе), но сказания иностранцев сами нуждаются в проверке. Таким образом, в данном случае мы можем только указать на оригинальные показания Повести, но не имеем возможности их оценить иначе, как с нашей общей точки зрения на всю разбираемую Повесть. Если видеть в Повести голос партии, а не объективное свидетельство о бывшем, то пользоваться данными Повести о поведении враждебной автору стороны можно лишь с большой осторожностью.

Переходим к тем данным нашей Повести, которые поясняют биографию Григория Отрепьева до его бегства в Литву. Рассказ Повести о самозванце до его похода на Москву распадается на две части: в первой автор описывает жизнь Отрепьева до побега за рубеж в Литву и говорит от своего лица; во второй автор помещает “Извет” Варлаама и от себя к нему не прибавляет ничего. В той части, где автор говорит от себя, он сообщает, что Юшка (Юрий) или в монашестве Григорий Яковлев Отрепьев происходил из Галича “от младыя чади”, как и сам Борис Годунов⁵⁹. Он был

---

⁵⁹ Этот язвительный намек автора на неродовитое происхождение Годуновых, сделанный с целью поставить Бориса на одну доску с Гришкой, привел Карамзина к недоразумению. В Повести читаем: (Бог попустил на Бориса) “Отрепьева родом, Российския же области града зовомаго Галича от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков сам той святоубийца, Борис Годунов” (Иное сказание... С. 10. Мы цитируем по рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1503, л. 258 об.) [РИБ. Т. 13. Стб. 17]. Карамзин относительно местоимение “яков” принял за имя собственное и заметил (*Карамзин. ИГР. Т. 11. Примеч. 194*), что “отец Разстригин назывался Яковом, как и сам Годунов”. В этом усомнился уже Арцыбашев (*Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1843. Т. 3. Примеч. 448*). И действительно, ни грамматический строй, ни логический смысл речи нашей Повести не позволяют читать это место, как читал Карамзин.

научен дома матерью Священному Писанию, затем ушел в Москву, где встретился с игуменом Хлыновского Успенского монастыря Трифоном⁶⁰. Трифон уговорил Юрия постричься в монашество, и Юрий был пострижен (где именно не указывается) 14 лет от роду с именем Григория. После пострижения Григорий ушел из Москвы в Суздаль в Спасо-Ефимьевский монастырь, оттуда перешел “в том же уезде” в Кукоцкий (“на Куксе”) Спасов монастырь, бывал и в других монастырях и, наконец, вернулся снова в Москву, где и основался в Чудове монастыре. По “произволению” архимандрита Чудовского Пафнутия⁶¹ Григорий был посвящен в диаконы патриархом Иовом. После этого он начал вникать “в премудрости богомерзких книг” и впал в ересь; в то же время, живя в Москве, он стал известен многим мирянам и духовным людям. Из Чудова Григорий ушел к Николе на Угрешу, а спустя немного времени – в Костромской уезд в монастырь Иоанна Предтечи на Железном Борку. Оттуда он снова вернулся в Москву, а из Москвы убежал в Литву с чернецами Мисаилом Повадиным и Варлаамом.

Сличая это повествование с другими историческими документами, говорящими о похождениях Отрепьева на Руси, мы приходим к убеждению, что рассказ нашего автора отличается от всех других официальных и частных повествований. Написанный в год смерти самозванца, он имеет поэтому большую важность. Кроме того, важен он и своею подробностью. В большинстве русских сказаний (не говоря уже об иностранных) происхождение и первые годы Отрепьева описываются весьма кратко. Только наша Повесть, Новый летописец и легендарное “Сказание, еже содеяся...” дают больше материала, далеко не одинакового, иногда даже противоречивого⁶². Несколько подробностей, и согласных, и несогласных с нашею Повестью, можно найти и в официальных актах времени Бориса Годунова и Василия Шуйского. Они отчасти дополняют данные повести, отчасти

---

⁶⁰ Игумен Трифон (святой) в то время существовал действительно (*Строев*. Списки. Стб. 802; Житие преподобного Трифона. Казань, 1868; *Барсуков*. Источники. С. 560).

⁶¹ Архимандрит Пафнутий (впоследствии митрополит Сарский) в то время существовал действительно (*Строев*. Списки. Стб. 163). Его упрекает Авраамий Палицын в том, что он, зная Отрепьева, свидетельствовал о нем, как об истинном царевиче (Сказание Палицына. С. 25) [РИБ. Т. 13. Стб. 991].

⁶² Новый Летописец – Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 54 и Летопись о многих мятежах. С. 72; Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве, и о походе его // Чтения ОИДР. 1847. Кн. 9 [РИБ. Т. 13. Стб. 713–754]. Указания некоторых противоречий находим у Костомарова (Кто был первый Лжедмитрий? С. 24 и след.).

сходятся с нею, иногда же противоречат ей; но редкий официальный акт может сравниться с Повестью количеством сведений о первоначальных похождениях Отрепьева⁶³. Поэтому нам кажется, что Повесть в этих своих показаниях об Отрепьеве должна занять одно из первых мест среди прочих источников. Если она и уступает Новому летописцу в обилии второстепенных подробностей, то за нею остается преимущество большей простоты рассказа.

В заключение укажем на те места Повести, где говорится о смерти царя Бориса и гибели его семейства. Видя успехи самозванца, Борис думал отвратить от него народную симпатию тем, что заставил патриарха Иова и Василия Шуйского всенародно свидетельствовать о смерти царевича Димитрия в Угличе. Он выбрал именно этих лиц потому, что они, как думает автор, были посланы царем Федором “к досмотру и погребению” Димитрия после его смерти (мы уже видели, что автор делает здесь большую ошибку: Иов не был послан в Углич). Народ, однако, не верил ни патриарху, ни Шуйскому, думая, что они говорят по принуждению Бориса. Не помогло Борису и то, что он “уоставил” царевичу в соборной церкви “вечную память кликати”, а Гришку Отрепьева проклинать. На эту меру в народе отзывались, что если бы Борис так не утверждал и не делал, то ему следовало бы прямо отказаться от царства и спасти свою жизнь. Было и другое мнение, будто Борис искренно думает, что царевич мертв и что противник Бориса – самозванец; на самом же деле царевич предумышленно был заменен другим ребенком, который и был убит вместо Димитрия; Димитрий же рос не в Угличе и теперь, как истинный царь, идет к Москве. Веря в идущего на Москву Лжедимитрия, москвичи желали ему удачи и явно выражали ему свое сочувствие. Борис жестоко наказывал тех, кого уличал в распространении выгодных для самозванца слухов; но это не повело ни к чему: вера в самозванца не исчезала. Тогда, видя военные успехи ложного царевича и чувствуя, что народ на его стороне, Борис впал в отчаяние и отравился. Перед смертью он принял пострижение с именем Боголепа. От яда тело его и лицо почернело, как уголь, и было изломано, то есть сведено судорогой. По смерти Бориса, с приближением самозванца к Москве, жена Бориса и сын Федор были умерщвлены по приказу Лжедимитрия, а дочь оставлена в живых для утешения самозванца. При вступлении Лжедимитрия в Москву тело Бориса было извлечено “на сонмище” и

---

⁶³ Важнейшие акты, говорящие об Отрепьеве до его перехода в Польшу, следующие: СГГД. Ч. 2. № 152; *Щербатов*. История. Т. 7, ч. 3. № 24; ААЭ. Т. 2. № 28; ДАИ. Т. 1. № 151.

порувано, после чего Годуновых погребли в убогом Варсонофьевском монастыре⁶⁴.

В этом рассказе любопытны две подробности: о самоубийстве Бориса и о судьбе его дочери. Далеко не все последующие сказатели о Смутном времени разделяют мнение Повести о самоубийстве царя Бориса. Писатели, принадлежавшие к придворному кругу, своими глазами видевшие Бориса и мало расположенные к нему, князя С.И. Шаховской, И.М. Катырев-Ростовский и И.А. Хворостинин одинаково говорят о естественной смерти Бориса⁶⁵. То же свидетельствует и Авраамий Палицын. Новый летописец, богатый сведениями и точный в своих показаниях, смерть Бориса также считает естественною⁶⁶. Что касается до современников-иностранцев, то и они не все верят Борисову самоубийству⁶⁷. Таким образом, сопоставляя разноречивые показания источников, приходим к тому заключению, что весьма ценные источники противоречат нашей Повести. Известие о самоубийстве Бориса не подкрепляется и историческими фактами, при которых произошла смерть Годунова. Соображая, были ли достаточные основания для того, чтобы Борис мог впасть в отчаяние и решиться на самоубийство, наши исследователи приходят к отрицательному выводу и не верят, что Борис умер от яда⁶⁸. В виду этих обстоятельств, с полным правом можно отвергать показание нашей Повести о самоотравлении Бориса. В этом показании легко усмотреть простой слух, ходивший по Москве в 1605 г. и вызванный, очевидно, тем, что Борис умер внезапно, без долгой болезни. Но отвергая главное показание автора, не имеем оснований отвергать любопытные частности, к нему относящиеся. По

---

⁶⁴ Иное сказание... С. 21–23, 29–30 [РИБ. Т. 13. Стб. 37–39, 50–51]. День смерти Бориса в Повести указан 13-го апреля, согласно с официальною грамотой (СГГД. Ч. 2. № 83), с показанием Маржерета (23-го апреля по новому стилю. Сказания современников о Димитрии Самозванце / С предисл. Н. Устрялова. 3-е изд., испр. СПб., 1859. Ч. 1: (Бер, Паерле, Маржарет и де-Ту). С. 295) и разрядной книгой Столяра (Изборник. С. 327). Но одна из надписей в Троице-Сергиевой лавре день смерти Бориса показывает 1-го мая (ДРВ. М., 1791. Ч. 16. С. 317).

⁶⁵ Изборник. С. 290; рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.IV.172, л. 4 об.; рукопись Московской духовной академии. № 213, л. 290 [РИБ. Т. 13. Стб. 574, 646–647, 533, 864].

⁶⁶ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 64; Сказание Палицына. С. 23 [РИБ. Т. 13. Стб. 989].

⁶⁷ Сказания Массы и Геркмана. С. 136 и примечание.

⁶⁸ Карамзин. ИГР. Т. 9. С. 105; Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII ст., М., 1839. Ч. 1. С. 121; Соловьева. История. М., 1873. Т. 8. С. 101; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 624–625.

рассказу Повести, Борис пришел в отчаяние вследствие военных неудач и недоверия к нему народа, ожидавшего с нетерпением прихода в Москву самозванца. Военные действия того времени мы можем проследить по другим источникам; но настроение умов в Москве, которое автор рисует очень живо в цельной картине, восстанавливается труднее. Показания автора в этом отношении очень ценны и занимают видное место среди показаний других современников. Нет никаких данных думать, что автору Повести необходимо было сочинить в этом случае небылицу. Всей своей Повестью он хотел вызвать и укрепить доверие народа к Шуйскому; к этой цели вряд ли могло вести изображение того, как народное недоверие привело Бориса к скорой гибели.

Известие нашей Повести о печальной судьбе царевны Ксении, взятой Лжедмитрием для гнусных целей, подтверждается, помимо некоторых писателей-современников, и одною данною в переписке самозванца с Юрием Мнишком: в декабре 1605 г. этот последний просил Лжедмитрия удалить от себя “царевну Борисову дочь”⁶⁹. В Повести известие о Ксении появилось тогда, когда Ксения была еще жива и когда о ней еще помнили в Москве. Трудно допустить, чтобы автор без достаточного основания решился набросить тень на ее имя; точно также и Мнишек не сделал бы Лжедмитрию своего предостережения, если бы не имел верных сведений о том, что Ксения живет при самозванце.

Если мы упомянем еще о некоторых мелких, но любопытных подробностях, которые являются в нашей Повести недоступными для проверки и источника которых указать нет возможности, то этим содержание памятника будет исчерпано. К числу таких подробностей относим мы рассказ о том, что Борис собирал волхвов и гадал, будет ли он царем⁷⁰; затем рассказ о том, что Лжедмитрий после поражения при Добрыничах думал бежать в Литву, но не был отпущен жителями Украйны, которые решились или погибнуть с самозванцем, или посадить его на Москве: они боя-

---

⁶⁹ Нужно, впрочем, заметить, что далеко не все русские сказатели говорят о судьбе Ксении. Из самостоятельных писателей встречаем упоминание об этом у Катыева-Ростовского (Изборник. С. 292) и Шаховского (рукопись Московской духовной академии, № 213, л. 291) [РИБ. Т. 13. Стб. 650–652, 865]. В иностранных сказаниях находим у Буссова (*Rerum Ross. Scriptores exteri*. I. P. 35), Петрея (*Ibid*. I. P. 177), Массы (Сказания Массы и Геркмана... С. 171). См. также: *Adelung F. Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Bericht bekannt sind*. Sankt-Petersburg; Leipzig, 1846. Bd. 2. S. 224; СГГД. Ч. 2. № 112.

⁷⁰ Нужно заметить, что еще в 1605 г. шел слух о волхвах, “которых у себя Борис держал” (СГГД. Ч. 2. № 96. С. 214). Но цитируемую здесь грамоту вряд ли можно считать источником нашей Повести.

лись, что Борис расправится с ними за измену так же жестоко, как с жителями Комарицкой волости. Далее упомянем о том известии автора, что самозванец вел с собою до Путивля старца Леонида, которого и показывал всем за Григория Отрепьева; в Путивле же за какую-то вину этот Леонид был посажен в тюрьму. Любопытны в Повести подробности несостоявшейся казни В.И. Шуйского при Лжедмитрии и сообщение об “аде”, построенном для потехи Лжедмитрия на Москве-реке. Наконец, не лишены значения для характеристики народного настроения в Москве рассказы о тех видениях, какие были по ночам над трупом самозванца, и о тех резких изменениях погоды, какие случились в мае 1606 г. и были поставлены в связь с свержением и убийством еретика Лжедмитрия⁷¹.

Итак, разбор первой части Иного сказания показал нам, что в Иное сказание включена в целом виде самостоятельная Повесть, составленная не позднее лета 1606 г. монахом Троице-Сергиева монастыря. Повествуя о времени Бориса Годунова и Лжедмитрия, Повесть имеет целью успокоить взволнованные умы московских людей и укрепить положение только что возникшего правительства Шуйского. Преданный царю Василию автор Повести основывает свой рассказ на официальных источниках, обнародованных Шуйским, усваивает взгляды В.И. Шуйского и излагает события в интересах и с точки зрения правительства Шуйского. В виду этого Повесть 1606 года получает характер пристрастного публицистического произведения и не может считаться объективной летописью событий. Там, где Повесть сходится своим содержанием с грамотами В. Шуйского, проверка ее показаний естественно должна переходить в критику официальных сообщений В. Шуйского. Самостоятельные же сообщения Повести, насколько они допускают оценку с помощью других источников, являются в большинстве пристрастным, в пользу Шуйского, изложением событий. Поэтому историческая ценность разбираемого памятника должна определяться не столько его фактическим богатством, сколько теми взглядами, с которыми выступает перед нами автор и которые характеризуют настроение и взгляды партии В. Шуйского в первое время его правления. Историк должен крайне осторожно пользоваться фактическими данными Повести именно потому, что в ней сказывается партийная односторонность. Для фактической истории Повесть может служить лишь теми показаниями, за которыми исследование не откроет партийной тен-

---

⁷¹ Иное сказание... С. 6, 20–21, 28, 30, 32 и 34. Об “аде” Масса отзывается, что это – потешная крепость (Сказания Массы и Геркмана... С. 210) [РИБ. Т. 13. Стб. 10, 35–36, 48, 52, 55–56, 59; также 1424].

денции (таковы, например, показания о первых похождениях Отрепьева, хронологические данные и т. д.). Зато отзывы и взгляды автора, обусловленные его приверженностью к В. Шуйскому, дают богатый материал для суждений о том, как была настроена, что говорила и думала известная часть московского общества, шедшая за В.И. Шуйским. С этой точки зрения разбираемая Повесть имеет большое историко-литературное значение.

В письменности XVII в. Повесть 1606 года стала, как мы уже сказали, весьма популярна. В полном своем составе она, как можно судить по малочисленности списков, переписывалась редко. Гораздо чаще встречается она в сокращенной переделке, известной в рукописях под названием: “Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов” и т. д. С другой стороны, с небольшими изменениями рассказ Иного сказания о смерти царевича Дмитрия лег в основу жития царевича, внесенного в известные Минеи Г. Тулупова. Наконец, большая часть первоначального текста Повести перенесена в Хронографы так называемой 3-й редакции и в этом виде сохранилась во множестве списков.

Прежде чем перейти к обзору дальнейших частей Иного сказания, мы остановимся на сокращенной переделке нашей Повести и на упомянутом нами житии царевича Дмитрия.

Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов⁷², представляет собою сокращение первой части Иного сказания с некоторыми вставками. В ней мы уже не встречаем того известия, что Повесть составлена в Троице-Сергиевом монастыре; но в ней уцелели послесловие и многие черты, указывавшие на время составления пространной Повести. В частности содержания сокращенная Повесть различается от первоначальной следующими сокращениями и вставками:

---

⁷² 1) Сборник имп. Публичной библиотеки, О.IV.17, в 8-ю долю, XVII в., скоропись, 554 л., на л. 400–434 (Рукопись эта принадлежала А.И. Ермолаеву и перешла к Н.М. Карамзину, который много раз цитировал Повесть по этому именно списку (см.: *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 194 и др.). Этим же списком пользовался и С.М. Соловьев (см.: *Соловьев*. История. Т. 7. Примеч. 80); 2) Сборник имп. Публичной библиотеки, Q.IV.144, в 4-ю долю, XVII в., скоропись, на 294 л., л. 264–294 (Из собрания гр. Ф.А. Толстого. Отд. II. № 438); 3) Сборник Московского Публичного музея, № 1516, в 4-ю долю, XVII в., скоропись, на 517 л., л. 439 об. – 493; 4) Сборник Московского Публичного музея, № 2529, XVIII в., в 4-ю долю, на 461 л., скоропись, на л. 326–386 (список с посторонними вставками); 5) В хронографе имп. Санкт-Петербургского университета (без №), в 4-ю долю, XVII в., скоропись; 6) В списке И.П. Сахарова, писан в лист рукою Сахарова и с его замечаниями о самой Повести, на 11-ти листах; принадлежит И.А. Шляпкину.

а) Сокращено описание смерти царя Иоанна Грозного и иначе передан отъезд царевича Димитрия в Углич: по сокращенной Повести Димитрий был Федором “отпущен” на удел, а по первоначальной “отогнан” (неизвестно кем) и терпел там притеснения.

б) После известия первоначальной Повести об опале Шуйских в сокращенной редакции внесена вставка о волхвовании Бориса, которым он привлек к себе любовь царя Феодора и достиг полной власти в государстве. Определить происхождение этой вставки на основании имеющихся у нас текстов нет возможности⁷³.

в) В сокращенной Повести выпущен рассказ о попытке Бориса отравить царевича Димитрия, а также нет и описания самого убийства в Угличе. Выпущенные рассказы заменены краткими фразами, взятыми из первоначальной же Повести.

г) Выпущены сообщения первоначальной Повести о том, что Борис гадал с волхвами и звездословцами, получит ли он престол; от смерти царевича Димитрия автор прямо переходит к смерти царя Феодора.

д) Пропущены все подробности избрания на престол Бориса, кроме сообщения, что Борис посылал своих советников по Москве и городам, чтобы обеспечить свое избрание. За этим сообщением идет сравнение Бориса с Фокой Мучителем и известие о его венчании на царство.

е) Вслед за сообщением о воцарении Бориса находим небольшую вставку неизвестного происхождения о лицемерии и жестокостях Бориса и вставку о чудесах царевича Димитрия⁷⁴.

---

⁷³ Приводим эту вставку здесь. После слов первоначальной Повести (Иное сказание... С. 4): “...многих от вельмож различным смертем предаст, их же число Бог весть”, – следует вставка сокращенной Повести: “Из многих городов Российской области собираша многих волхвов и кудесников, и тем волшебством и прелестию сотворил себе, яко и сам царь и великий князь Федор Иванович всея Руси любяще его. Он же наводдаше на многих вельмож и на князей лживыми словесы. Государь царь во всем веряще ему, живущей в нем прелести неведяще, понеже бо царь государь во всем вероятелен и праведен и безлюбив и благочестив, на молитве стояще день и ночь, того ради православие земное возложиша на него Бориса, мняще его к воинскому чину и ко всей земли правителя, и того ради страха все вельможи повиновахуся ему и весь воинской чин и вся земля. Он же возгоревся велми и помышляху, как бы восхитити царский престол, и многих вельмож и воинскаго чину и земских людей без государева ведома ових смерти предаст, ових в заточение по разным городом разосла и домы их в расхищение сотвори и многих кроворазлитие учини и некоторою кровию славобесныя утробы своея не удовли” [РИБ. Т. 13. Стб. 6, 150–151].

⁷⁴ Приводим здесь эти вставки. После слов первоначальной Повести (Иное сказание... С. 9): “...и царствова лет 7”, следуют слова: “Но обаче своего злаго нрава и обычая лукаваго не остави. Егда же воцарился, нача вельмож и бояр, паче

ж) Рассказав, согласно первоначальной Повести, о происхождении Отрепьева, составитель сокращенной переделки иначе передает о похождениях его в Литве: Лжедмитрий убежал в Литву с тремя, а не с двумя иноками, как в первоначальной Повести: Мисаилом Повадиным, Венедиктом и Леонидом. Из них Леонид стал называться в Литве именем Отрепьева, когда сам Отрепьев объявил себя за царевича. О дальнейшем поведении самозванца в Литве автор позднейшей редакции передает кратко двумя фразами из Извета Варлаама, но самого Извета не приводит⁷⁵. А затем он возвращается к тексту первоначальной Повести.

блаженныя памяти царя и великаго князя Федора Ивановича всея России сродичев имати и разсылати по дальним городом, и тамо их повеле в заточении умерити злою смертию. Прежде поминаемый же и благоверный царевич князь Дмитрий Иванович, убиенный от Бориса на Угличе, нача по смерти чудеса многа творити с верою приходящим ко гробу его. Оному же Борису не довляеше, еже уби младенца незлобива, паче же реку государя своего, царевича Дмитрия, и пролия кровь неповинную; но хотяше и по смерти память его от земли истерти, и преславная чудеса его в презрении положити, дабы имя его и по смерти не именовалось, но обаче на себя привлече студ и поношение. Пребывше же ему на царстве лет 7” [РИБ. Т. 13. Стб. 16, 153–154]. Сличи житие царевича Дмитрия Милютинской редакции (рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск., № 1558, л. 210) [РИБ. Т. 13. Стб. 910–912].

⁷⁵ Приводим это место позднейшей Повести [РИБ. Т. 13. Стб. 155–156]: “И прельсти с собою отйти в Киев трех иноков: Мисаила Повадина, да чернеца Венедикта, да чернеца Леонида Крипецкаго монастыря. И жил во граде Киеве Успения Пречистыя Богородицы в Печерском монастыри в чернцах. И повеле тому Леониду зватися своим именем Гришкою Отрепьевым, а сам ложно именовна себя благоверным царевичем Дмитрием Ивановичем еже убиен бысть во граде Угличе и иже излия кровь свою неповинную. И сверг с себя окаянный он Гришка иноческий образ и изучися, ту живучи, люторской и латинской и польской грамоте и бысть отметник и преступник православныя христианския сущия веры” (эта фраза по Извету Варлаама: Иное сказание... С. 12; ААЭ. Т. 2. № 64. С. 142–143). И нача прельщати Литовския земли короля, имянуючи себя сущаго быти царевича Дмитрия, приснаго сына благовернаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, великия Российския области самодержца” (и эта фраза по Извету: Иное сказание... С. 13; ААЭ. Т. 2. № 64. С. 143) [Извет в РИБ. Т. 13. Стб. 18–25]. О монахе Леониде, который носил имя Отрепьева, говорит и первоначальная Повесть (Иное сказание... С. 28); но составитель сокращенной редакции видоизменил ее показание, опустив одни подробности и вставив другие, и перенес его в другое место своего текста. Что же касается до чернеца Венедикта, то его в первоначальной Повести нет. “Чернец Венедикт, постриженник Троице-Сергиева монастыря”, упоминается как свидетель самозванства Отрепьева в одной из грамот патриарха Иова (ААЭ. Т. 2. № 28). Быть может, это официальное упоминание и послужило источником для составителя; хотя необходимо заметить, что, по грамоте патриарха Иова, Венедикт бежал в Киев сам и узнал Отрепьева только в Киеве. Известие сокращенной Повести о трех иноках, ушедших с Гришкой, повторено в так называемом Морозовском летописце и принято с некоторой оговоркой Карамзиным (*Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 201).

з) Описание похода самозванца к Москве в позднейшей Повести ведется исключительно на основании первоначальной редакции, но очень сокращенно. Составитель переделал бывший у него в руках текст таким образом: он пропустил грамоты Лжедмитрия, кратко рассказав их содержание; пропустил описание битв и осады Кром; отбросил хронологические указания, бывшие в первоначальной Повести. Он изобразил только общий ход успехов самозванца и удержал те размышления, какие высказывал автор первой Повести по поводу описанных событий. Если сличать обе редакции шаг за шагом, то становится ясным, что позднейший составитель по большей части целиком выхватывал фразы из Повести 1606 года и располагал их в том порядке, какой ему казался удобнее, не придерживаясь последовательности, данной первым автором⁷⁶. Иногда же он прибегал к самостоятельному пересказу данных ранней Повести, причем старался сжать свое изложение⁷⁷. Доведя свое сокращенное повествование до убийства царя Феодора Борисовича, составитель поздней редакции снова сходится с текстом более ранним и с незначительными пропусками и вставками доводит свое повествование до конца Повести.

и) Виднейшие отличия поздней Повести в повествовании о правлении и убийстве самозванца суть следующие: пропущено описание ареста и казни В.И. Шуйского; пропущено известие о приезде в Москву инокини Марфы Нагой; опущены некоторые хронологические указания; вставлено известие об обличении самозванца людьми разных чинов⁷⁸; наконец, в заключении пропущено место о вреде книг, отреченных святыми Отцы.

Может возникнуть вопрос, на каком основании считаем мы сокращенную редакцию Повести позднейшей в сравнении с той,

---

⁷⁶ Заимствование фраз идет приблизительно в таком порядке страниц Иного сказания: 15, 18, 16, 23 и 28, 22–23, 29.

⁷⁷ Так, вместо грамот Лжедмитрия находится следующий пересказ их содержания: “И умысли лукавствы своими, нача во царствующий град Москву, еже есть мать градовом, и по окрестным градом, иже суть в Российской области, гонцов с грамотами посылати, и в грамотах именова себе прирожденным Московским царевичем Димитрием Ивановичем, и изьяснати всем людем, живущим во градах и в селех и весех, великую свою милость, и во всех винах, что противу его стояли, пощаду и милосердие, и от темниц свобождение и от уз разрешение, и хотяше воинскому чину поместья и вотчины изобильно даровати, и златом и серебром удовлети, а гостем и торговым и всяким тяглым людем великую льготу давати” [РИБ. Т. 13. Стб. 157–158].

⁷⁸ Приводим эту вставку. После слов первоначальной Повести: “...ко идолопоклонянию православных христиан всячески понуждати в восхоте” (Иное сказание... С. 32), следует: “не покоряющих же ся сему злонравному и проклятому обычаю гонению вда. И царския палаты дворяне, и дьяки и иные многие служилые люди, и церковнаго чина протопопы и священники обличаше его проклятую ересь. Он же их многих смерти предаст, а иных в заточение разосла” [РИБ. Т. 13. Стб. 55, 163].

какая вошла в Иное сказание. Мы не можем точно указать ни лица, составившего сокращенную редакцию, ни времени ее составления. Но по некоторым данным можем безошибочно заключать, что сокращенная редакция Повести составлена позже пространной.

Уже простое сравнение текстов обеих редакций приводит к мысли, что в пространной редакции более фактического содержания и больше цельности во взглядах и изложении. Невозможно допустить, что на основании разобранных нами краткой редакции позднейший книжник составил более распространенный и более фактический рассказ, внося в него точные хронологические показания (вроде дат поставления патриарха Игнатия и казни В.И. Шуйского, отсутствующих в краткой редакции). Трудно допустить, что позднейший составитель внес в рассказ целиком те грамоты и документы, которые только в пересказе или отдельными фразами являются в краткой редакции. Трудно, наконец, допустить, что интерполятор мог не только развить фактические данные, но и строго выдержать основную точку зрения на события, данную краткою Повестью, и сохранить цельность изложения, какую мы замечаем в пространной редакции. На других сказаниях о Смуте мы видим, что позднейшие переделки и компиляции в том случае, если они распространеннее своих оригиналов, пополняются отвлеченными суждениями и легендарными чертами или же распространяются путем вставок, плохо связанных с основным текстом. В них не найти ни точности фактического изложения, если они удерживают литературную форму (например, Морозовский летописец), ни литературной цельности, если они пополняются фактическими вставками (Хронографы 3-й редакции). В разбираемых же редакциях Повести на стороне полнейшей из них и фактическое богатство, и литературная цельность⁷⁹. Одно это уже может служить указанием, что полнейшая редакция есть в то же время и более ранняя.

---

⁷⁹ Нет нужды доказывать, что пространная редакция Повести богаче фактическими показаниями: это ясно из приведенного нами перечня различий обеих редакций. Что же касается до литературной стороны, то вставки, находящиеся в краткой редакции, иногда просто нарушают последовательность изложения: такова, например, приведенная нами выше вставка о лицемерии Бориса и о чудесах от мощей царевича в Угличе. И до нее, и после нее составитель повторяет известие, что Борис царствовал 7 лет. Самое содержание вставки о чудесах Димитрия настолько неопределенно, что возбуждает некоторое недоумение: составитель сделал эту вставку перед рассказом о появлении самозванца; как же мог самозванец иметь успех в народе, если от гроба царевича Димитрия были чудеса раньше появления самозванца? И литературная неловкость (повторение одного и того же показания), и внутренняя непоследовательность показаний произошла, кажется, оттого, что составитель в данном случае неумело редактировал известие Жития царевича Димитрия (Милютинской редакции) о том, что Борис насильственно прекращал слухи о чудесах царевича.

Но помимо гадательных соображений мы можем найти оправдание своему взгляду и в памятниках письменности. Некоторые списки жития царевича Димитрия, внесенного в Минеи Г. Тулупова, дают нам ясные указания на то, что это житие составлено в 1607 г. Оно есть почти дословное повторение той части первоначальной Повести, в которой описывается смерть царевича Димитрия и которая выпущена в “Повести, како восхити” и т.д. Таким образом мы можем утверждать, что пространная редакция Повести уже в 1607 г., через год по ее написании, послужила источником для иных литературных произведений. Каким бы образом могло это быть, если бы в 1606 г. была написана не пространная редакция Повести, а краткая, в которой рассказ об убиении царевича выпущен?

Чтобы не быть голословными, обратимся к разбору названного нами жития царевича Димитрия.

Житие царевича Димитрия, внесенное в Минеи Г. Тулупова, встречается в нескольких списках. В полном своем виде оно состоит из: 1) риторического предисловия (Нач.: “Бог премудростию землю основа...”), 2) собственно Жития (Нач.: “В лето 7091 родися сей благочестивый царевич...”), 3) Повести о перенесении мощей святого из Углича в Москву (Нач.: “В лето осьмое по убиении святаго...”) и 4) Слова похвального (Нач.: “Благого и человеколюбиваго Бога нашего...”). Однако вместе все эти части не встречаются ни в одном из известных нам списков⁸⁰. Первоначально были написаны, насколько можно судить, самое Житие и Повесть о перенесении мощей, впоследствии Житие было украшено витиеватыми началом и концом. Так как предисловие и по-

---

⁸⁰ Нам известны следующие списки: 1) Костромского Богоявленского монастыря. № 838, в 4°, XVI и XVII в., л. 420–443 (См.: *Строев*. Словарь. С. 327); 2) Библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357, в лист, XVII в., л. 471–484. В обоих этих списках находим только Житие и Повесть о перенесении мощей, без предисловия и похвального слова; 3) Библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 676 (Минея Г. Тулупова на май), 1630 г., в лист, л. 467 об.–482; 4) Той же библиотеки, № 625, в 4°, XVII в., л. 170–192. В обоих этих списках находим предисловие, Житие и Похвальное слово без Повести о перенесении мощей; 5) Библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1459, в 4°, XVII в., л. 17–30. В этом списке находится предисловие и Житие без Повести о перенесении мощей и Похвального слова; 6) Московского Публичного и Румянцевского музеев, рукопись В.М. Ундольского № 643, в 4°, XVII в., л. 226–236; 7) Того же Музея, по Описанию Востокова № 157, в 8°, XVII в., л. 136–158. В этих двух списках есть предисловие, Житие и Повесть о перенесении мощей без Похвального слова; изложение иногда сокращено; в последнем списке перед Повестью о перенесении мощей вставлена риторическая статья (Нач.: “Елма убо всякое создание...”), которая встречается и отдельно (рукопись имп. Публичной библиотеки Q.I.352).

хвальное слово святому, являясь простыми ораторскими упражнениями, не включают в себе ни исторических данных, ни указаний на автора и время их составления, то эти части жития мы оставляем без рассмотрения. Обращаясь же к самому житию и рассказу о перенесении мощей, легко замечаем, что оба эти произведения написаны одним лицом и в одно время. В послесловии, уцелевшем в одном из списков жития (Костромского Богоявленского монастыря № 838), находится любопытная приписка: “Списах же сие преславное принесение честных мощей с Углича во царствующий град Москву желанием веры ко святому, занеже начало видех очима своими аз многогрешный... А сие пречестное принесение списах аз, многогрешный, в лето 7115 (1607), месяца июля в 24 день, в славу Богу и его страдальцу”⁸¹. По прямому смыслу этой приписки мы должны думать, что в 1607 г. написана была только Повесть о перенесении мощей; о времени составления жития, приложенного к этой повести, приписка не говорит. Но знакомясь с содержанием памятника, мы видим, что не только в Повести о перенесении мощей, но и в Житии заключается много указаний на современность произведения с фактом перенесения мощей царевича. Повесть о перенесении мощей дает несколько подобных указаний: она, например, употребляет слово “ныне”, когда говорит о явлении мощей царевича Димитрия и их принесении в Москву: “честныя же его мощи сокровенны быша во граде Угличе, отнюду же ныне нам яко солнце преславно от гроба возсия”. В конце повести находится молитва ко святому Димитрию, и в ней автор просит святого царевича защитить свое царство от междоусобной вражды и разорения: “царству своему буди миротворец от междоусобных брани”⁸². Ясно, что эта молитва составлена не в спокойное время, когда нет необходимости в умиротворении, а в смуту: в 1607 г. Шуйский боролся с Болотниковым. Точно также и в самом Житии Димитрия замечаем несколько таких фраз, которые указывают, с одной стороны, на время написания Жития, а с другой стороны, на близость Жития к Повести о перенесении мощей. Говоря о погребении царевича в Угличской церкви Преображения, житие прибавляет: “отгуду же и ныне нам возсия яко солнце изрядными чудесы”. “Возсия бо нам днесь яко солнце добropобедный страдалец”, прибавляет автор немного ниже и выражается о царевиче, что его “в последняя лета преслав-

---

⁸¹ Строев. Словарь. С. 327–328. В 1885 г. Археографическая Комиссия обратилась в Костромской Богоявленский монастырь с запросом о рукописи № 838 и получила извещение, что рукопись эта в монастыре не находится.

⁸² Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357. Л. 474 об. и 483 [РИБ. Т. 13. Стб. 885–886 и 898].

но прояви Бог Российскому царствию хранителя необорима”⁸³. Эти фразы весьма близко подходят к приведенным нами словам Повести о перенесении мощей и дают полное основание полагать, что житие составлено в том же 1607 г., когда была сочинена Повесть, и составлено притом тем ж самым лицом, которое написало и рассказ о перенесении мощей. Вот почему, делая свою приписку к Повести, свидетельствующую, что она написана в июле 1607 г., неизвестный составитель Жития и Повести о перенесении мощей выразился, что написал свой рассказ, “да проповесться надо всякою страную, яко воистину царев сын пострада от властолюбива раба”⁸⁴. Между тем, в Повести о перенесении мощей нет описания страданий и смерти царевича. Ясно, стало быть, что, говоря таким образом, автор разумел в своей приписке не одну Повесть, но и Житие царевича. Наконец, для доказательства того, что рассказ о житии и Повесть о перенесении мощей царевича составляют одно литературное целое, имеет большое значение следующий факт: оба повествования весьма заметно пользовались разобранною нами первою частью Иного сказания, причем Житие царевича всю свою фактическую основу прямо заимствовало от Иного сказания, а Повесть о перенесении мощей написана была под его литературным влиянием. Что касается до состава Жития царевича, то с первых же его строк читатель замечает его зависимость от Повести 1606 г. Автор Жития выбросил из начала Иного сказания все, что не имеет прямого отношения к царевичу Димитрию, например, сообщение о том, кому Иван Грозный, умирая, поручил своих сыновей, рассказ о вражде Годунова и Шуйских и т. д. Немногие же разрозненные фразы Иного сказания о рождении и ссылке в Углич царевича Димитрия автор сплотил в цельный рассказ, кое-что изменив в них и добавив к ним краткое известие о пострижении царя Ивана Васильевича (“и восприят иноческий чин и наречен бысть Иона”). Эти немногие фразы и послужили автору вместо введения к рассказу о смерти царевича, которую он описывает уже прямо словами Повести 1606 г. без всяких пропусков⁸⁵. Окончив рассказ о убиении Димитрия кратким сообщением о его погребении в Угличе, составитель

---

⁸³ Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357. Л. 473–473 об.; Рукопись Троице-Сергиевой Лавры, № 676. Л. 474–474 об. [РИБ. Т. 13. Стб. 883–884].

⁸⁴ *Строев*. Словарь. С. 328.

⁸⁵ Иное сказание... С. 4. Со слов: “И начат же помышляти лукавый той раб...” до слов на с. 5: “в церкви боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа” [РИБ. Т. 13. Стб. 6–9]. Следующие затем в Ином сказании слова Григория Нисского автор Жития перенес в начало своего рассказа о смерти царевича.

жития продолжает далее уже самостоятельно. В немногих словах замечает он, что Борису удалось достигнуть своей цели и сесть на Московском престоле, но “по неколицех летех” за свое убийство он принял и отмщение от Бога, попустившего на него самозванца. Невинный же мученик-царевич прославлен был чудесами, и в нем Бог проявил русскому государству необоримого хранителя. Затем краткой молитвой ко святому автор и оканчивает Житие.

“Повесть о обретении и о принесении честных и многочисленных мощей благовернаго царевича Димитрия от града Углича в Москву” начинается кратким известием о смерти царя Феодора, о воцарении и семилетнем правлении царя Бориса и о появлении Лжедимитрия. Кратко рассказывается затем об успехах, воцарении и гибели Лжедимитрия, причем на изложении автора заметно отражается его знакомство с Повестью 1606 г. Он иногда пользуется ее выражениями так: Повесть 1606 г. дает московским государям эпитет “во благочестии пресветло сияющих”; этот эпитет употребляется и нашим автором. Заимствованное, вероятно, из Псалтири (псалом 2-й) выражение Повести 1606 г. “поучатися тщетным” или “поучатися всячески тщетным” находим и у нашего автора. Как Повесть 1606 г., так и Повесть о перенесении мощей отмечают тот факт, что тело Лжедимитрия было сожжено в том “аде”, который он устроил для своей потехи в Москве. Наконец, нам кажется, что знакомство с Повестью 1606 г. составителя Повести о перенесении мощей царевича Димитрия выразилось и в том противоречии, в какое он впал, объясняя причину появления самозванца. Повесть 1606 г. высказывает мысль, что Бог попустил самозванца на Бориса в отмщение всех его злодейств. Эту точку зрения усвоил и автор Повести о перенесении мощей царевича Димитрия, но не вполне выдержал ее: рядом со словами: “мню бо, яко на отмщение крови праведнича посла Бог (самозванца), да отмщение убившему его сотворит”, у него встречаем и такие слова: “Богу нас наказующу, да быхом познали заповеди Его и отвратилися бы от всех зол своих, пустившу на нас грех ради наших за наше беззаконие богомерзкаго безбожнаго досадителя” (то есть самозванца)⁸⁶. Из этих двух объяснений одно внушено автору его литературным образцом, другое могло составлять его личный взгляд. Помирить их и слить вместе автор не сумел: и то и другое объяснение поставлены у него почти рядом, но независимо одно от другого и в неловком сочетании фраз.

Сообщив о воцарении Василия Шуйского, с такими же похвалами ему, какие читаем в Повести 1606 года, автор перехо-

---

⁸⁶ Иное сказание... С. 9–10; Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357. Л. 474 об. [РИБ. Т. 13. Стб. 16–17, 886].

дит к рассказу об обретении мощей царевича. Небогатый вообще фактическими сведениями, этот рассказ, однако, дает несколько любопытных черт и, ни в чем не противореча окружной грамоте Шуйского⁸⁷, дополняет ее показания некоторыми подробностями. Не вдаваясь в подробный пересказ повествования, отметим лишь его немногие особенности. Автор, например, ни разу не упоминает в своем повествовании о патриархе и, говоря о духовенстве при встрече мощей в Москве, на первом месте ставит “архиереев” или освященный собор, – ясный признак, что патриарх Гермоген еще не был поставлен в патриархи 3-го июня 1606 г., когда состоялось принесение мощей царевича в Москву⁸⁸. Далее автор замечает, что царевич Димитрий до обретения мощей его не был “никем помяновен или со славою взыскан страха ради убийцы”, то есть Бориса⁸⁹. Есть в повествовании несколько мелких подробностей, дополняющих фактическую сторону дела: о их орехах, которые находились в руке царевича, повествователь сообщает, что они “целы, но токмо от пречестныя его крови почернели”; гроб, в котором погребен был царевич, был “от древа дуба”; при встрече мощей Василием Шуйским в Москве, он сам “совлек царскую червленую багряницу с пречестных мощей и целовав святого любезно”⁹⁰. Все эти мелочи, не находимые в других источниках, имеют некоторую цену, как показания лица, близко стоявшего к событию, очевидца, как он и сам себя называет. Но кроме этих мелочей, Повесть о перенесении мощей царевича не дает ничего для исследователя.

Итак, мы закончили разбор первой части Иного сказания и произведений, от нее зависящих. Что касается до статей о Смуте Хронографов 3-й редакции, то разбор их был бы здесь неуместен. Будучи компилятивными, эти статьи пользуются не одним Иным сказанием, но и другими повествованиями о Смуте, и мы предпочитаем рассмотреть их тогда, когда будут оценены все их источники. Теперь же возвратимся к разбору дальнейших составных частей Иного сказания.

II. Вторая часть Иного сказания (С. 38–55), как уже было нами указано, состоит из нескольких правительственных грамот, от-

---

⁸⁷ СГГД. Ч. 2. № 147; ААЭ. Т. 2. № 48.

⁸⁸ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. СПб., 1878. Т. 10. С. 125–126. Слич: Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. СПб., 1837. С. 8 (Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 270).

⁸⁹ Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357. Л. 478 [РИБ. Т. 13. Стб. 891]. Любопытно сопоставить это замечание с тем фактом, что московская администрация в 1604–1605 гг. не сразу могла точно установить год смерти царевича Димитрия (Соловьев. История. Т. 8. С. 88–89).

⁹⁰ Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1357. Л. 479 и 480 [РИБ. Т. 13. Стб. 892–894].

носящихся к 1606 г. и объясняющих обстоятельства свержения Лжедмитрия и вступления на престол царя Василия Шуйского. Пред каждой грамотой находится как бы предисловие от составителя Иного сказания, поясняющее время и обстоятельства составления грамот. После же грамот приписано небольшое заключение.

Все эти грамоты достаточно известны и помещены в различных сборниках актов. Из них первая разослана в города 20-го мая 1606 г. Василием Шуйским и включает в себе краткое изложение московских событий 17–19 мая: убиения самозванца и избрания царя Василия⁹¹. Пред нею автор Иного сказания заметил только, что царь Василий, “егда восприял скипетр великия державы”, разослал эту грамоту “по государством и по всем городом Российския области”. За эту грамотой следует известная “запись целовальная, по которой сам царь целовал крест”⁹². Следующая грамота разослана была из Москвы уже в июне 1606 г.⁹³. Она заключала в себе подробное изложение причин свержения самозванца и сообщала об избрании на престол царя Василия и об обретении мощей царевича Димитрия. К этой грамоте были приложены целиком некоторые документы: так называемые “распросные речи” Бучинских были введены в самый текст грамоты⁹⁴, а одно из письменных обязательств Лжедмитрия Мнишку вместе с сокращенным изложением его переписки с поляками и католическим духовенством были приписаны к концу грамоты. По содержанию своему эта июньская грамота явилась обширным обвинительным актом против самозванца и должна была убедить русское общество в справедливости внезапного низвержения Лжедмитрия. Очень любопытна та приписка, которую находим в Ином сказании пред этой грамотою. Она поясняет, что царь Василий разослал июньскую грамоту потому, что русские люди были “развращены и прельщены” самозванцем и считали его истинным государем. Стало быть, первые объяснения Шуйского, данные им

---

⁹¹ Напечатана: СГГД. Ч. 2. № 144; ААЭ. Т. 2. № 44; *Щербатов*. История. Т. 7, ч. 3. С. 63–67; *Берх В.Н.* Древние государственные грамоты... собранные в Пермской губернии. СПб., 1821. С. 14; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... Т.1. Приложения. С. 150.

⁹² Напечатана: СГГД. Ч. 2. № 141; ААЭ. Т. 2. № 44. С. 102; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... Ч. 1. Приложения. С. 108.

⁹³ Напечатана: СГГД. Ч. 2. № 147, № 140 и № 76; ААЭ. Т. 2. № 48; *Берх В.Н.* Древние государственные грамоты... С. 1; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... М., 1841. Ч. 2. Приложения. С. 3; *Щербатов*. История. Т. 7, ч. 3. С. 33; Т. 7, ч. 1. С. 332. Об этой грамоте см.: Сказания Массы и Геркмана... С. 208, 212–215.

⁹⁴ Иное сказание... С. 44–47 [РИБ. Т. 13. Стб. 76–81]; СГГД. Ч. 2. № 140.

тотчас же по возвращении, не были приняты народом доверчиво, и являлась нужда в новых оправданиях совершенного Шуйским переворота. Выше мы старались показать, что эта нужда вызвала помимо официальных уверений и разобранную нами Повесть о Борисе Годунове и самозванце.

Не лишены интереса и те строки Иного сказания, которые следуют непосредственно за указанными грамотами, составляя как бы их заключение⁹⁵. В них сперва сообщается, что принесение мощей царевича в Москву состоялось 3-го июня, “а праздновати его уложиша собором, стихеры и канон сложен октября в 19-й день, на тот же день, в которой день... царевичь... родился, на память святого мученика Уара”. Затем выражается радость по поводу явления нового угодника, который отнял “стужу от сердец” русских людей и их печаль “днесь на радость преложил... своим преславным явлением”. Это чувство радости вызывает у писателя горячую благодарность Богу, “яко от толиких бед и напастей избавил нас, малым бо понаказа нас, а великая даровал нам”. Таково содержание приписки. Оно позволяет сделать заключение относительно того, когда именно к разобранной нами Повести 1606 года были приписаны следующие за нею грамоты и самая приписка. Выражение “днесь”, употребленное о явлении мощей царевича, и радостное чувство, вызванное малым наказанием и великой милостью от Бога, чувство, не омраченное еще сознанием смут, прямо свидетельствуют о том, что грамоты и их послесловие приписаны к Повести 1606 года в том же году, до смуты Болотникова, о которой Иное сказание повествует непосредственно за разбираемой припискою. Очень легко может быть, что и грамоты, и приписки к ним присоединил к своей Повести сам ее автор. Мы уже видели, что грамоты эти не только были знакомы автору Повести 1606 года, но и служили ему источником для его труда. Слог приписок не разнится от слога Повести, а некоторые фразы заключительной приписки могут быть поставлены в прямую связь с выражениями Повести. Хвала, высказанная в приписке “милостидавцу и избавителю нашему Богу, яко от толиких бед и напастей избавил нас, малым бо понаказа нас, а великая даровал нам”, – в сущности есть парафраза заключительных страниц Повести 1606 года, где воздается хвала “единому премудрому жизнедателю Богу, яко малом наказа нас, но много помилова, предложи нам смерть и дарова живот”⁹⁶.

---

⁹⁵ Иное сказание... С. 55 [РИБ. Т. 13. Стб. 95–96].

⁹⁶ Иное сказание... С. 55 и 36 [РИБ. Т. 13. Стб. 96 и 63].

Итак, мы можем думать, что грамоты, составляющие вторую часть Иного сказания, были приписаны к Повести 1606 года немедленно по ее сочинении. Вместе с Повестью они стали той первоначальной основой Иного сказания, на которую разновременными слоями ложились позднейшие добавления. К рассмотрению этих добавлений мы теперь и обратимся.

III. Последующие части Иного сказания нельзя назвать цельными литературными произведениями, за исключением лишь Повести о видении, бывшем в 1606 г. в Московском Успенском соборе. Дальнейший рассказ Иного сказания представляется нам как ряд более или менее пространных записей, присоединенных в разное время и разными лицами к Повести 1606 года. Прежде всего, в царствование В.И. Шуйского приписан был рассказ о бунте Болотникова и самозванца Петра (Иное сказание... С. 55–64 [РИБ. Т. 13. Стб. 96–115]). В этот рассказ была внесена целиком Повесть о видении 1606 г. [РИБ. Т. 13. Стб. 101–105]. Затем позднее и совсем независимо от предыдущих частей Иного сказания составлены были статьи об окончании царствования В. Шуйского и о междуцарствии и присоединены к Иному сказанию (С. 64–73 [РИБ. Т. 13. Стб. 116–131]). Наконец, в царствование Алексея Михайловича к Иному сказанию приписаны были краткие известия о замечательных событиях второй четверти XVII в. (С. 73–80 [РИБ. Т. 13. Стб. 131–144]). В тексте Иного сказания не сохранилось никаких прямых указаний ни на время, ни на обстоятельства написания всех этих повествований, и поэтому нельзя с точностью определить их происхождения и отношения к другим литературным произведениям той же эпохи. А между тем, для изучения нашего памятника это было бы весьма важно, в виду того, что Иное сказание в своих последних частях часто буквально сходится с другими повествованиями о Смуте, и исследователю иногда очень трудно решить, в каком памятнике он имеет дело с первоначальным текстом и где он находит позднейшее заимствование.

Подобное затруднение мы встречаем прежде всего при изучении той части Иного сказания, которая повествует о Лжепетре и Болотникове. Рассказ о них отделяется небольшим вступлением от разобранный нами приписки к грамотам 1606 г. В этом вступлении обнаруживается взгляд автора на смысл описываемых событий: бедствия междоусобия посланы на Русь за то, что люди обратились “на злодеяние и беззаконие” и прогневали Бога. Так как благодать Божия отступила от людей Его, сатана воздвиг на царя Василия Илейку Горчакова и Ивана Болотникова, которые последовали примеру погибшего Лжедмитрия и пожела-ли завладеть Московским государством. Для этой цели Илейка и назвался Петром, небывалым сыном царя Федора Ивановича.

Описывая возникновение и развитие первого восстания против Шуйского, автор рассказа везде соединяет в один бунт несколько движений, возникших не в одно время и в разных местах. Ложный царевич Петр, как известно, явился у терских казаков еще при жизни Лжедмитрия; Болотников же принял участие в движении южных городов значительно позже, уже после того, как недовольство Шуйским в Северной области привело к восстанию отдельные города; при этом Болотников действовал не в пользу Петра, а в пользу вымышленного царя Дмитрия. Наконец, Рязань и Тула с окрестными городами восстали, также за царя Дмитрия, еще позже, после первых побед Болотникова⁹⁷. В разбираемом же рассказе дело представлено так, как будто бы движение начато было в Северной области Лжепетром и Болотниковым и оттуда сразу распространилось на другие города, которые встали за того же Лжепетра. О втором самозванце, имя которого на самом деле служило знаменем для восставших, автор рассказа говорит только мимоходом, что Лжепетр “именоваше у себе царевича Дмитрея... дядю тому Петру царевичу”; но этот царевич Дмитрий не играет в рассказе никакой роли. Первоначальные военные действия московских воевод против мятежников под Ельцом и Кромами в рассказе опущены совершенно, и обстоятельное повествование начинается лишь с прихода мятежников в село Коломенское. Автор упоминает о сражениях с мятежниками под Москвой и о приступе их к Симонову монастырю, откуда они были отражены со срамом, и затем описывает, до какого отчаяния было доведено московское население, когда все пути из Москвы и в Москву были заняты бунтовщиками. При общем горе, однако, явилось и утешение. Неизвестное лицо духовного сана довело до сведения царя и патриарха, что ему было видение. Оно состояло в том, что “муж духовный” во сне видел Господа, грозящего наказать москвичей за их прегрешения, и Богоматерь, молящую Его о милости к ним⁹⁸. Узнав о видении, царь и патриарх заповедали москвичам молиться и поститься, чтобы раскаянием смягчить Божий гнев. Шестидневный пост (с 14-го по 19-е октября 1606 г.) и непрерывная молитва не прошли даром: к Москве подоспели подкрепления из Смоленска и с Двины, всего 400 человек. Царь же Василий объявил народу, что с одной Двины пришло 4000, да столько же из Смоленска; от этого среди москвичей началось ликование. В то же время число подоспевшего войска преувеличено было

---

⁹⁷ Соловьев. История. Т. 8. С.134–136, 158–162.

⁹⁸ Рассказ о видении составляет отдельную повесть, вставленную в Иное сказание целиком, но пропущенную в издании И.Д. Беляева (Иное сказание... С. 58). Разбор этой повести следует ниже.

и мятежниками, которые думали, что в Москву мимо их станов прошло более 5000 человек. Их уныние еще усилено было рассказами какого-то “служилаго пана Московскаго государства” Севастиана, который очень высоко ценил боевые качества двинских стрельцов и даточных людей. Так, по рассказу нашего автора, возвратилась бодрость к осажденным и явился страх у мятежников. Когда царь Василий убедился в том, что его подданные готовы умереть за него, он стал “надежен” и “дерзновенен”. Решась на битву с бунтовщиками, он служил торжественный молебен у гроба царевича Дмитрия и сам выехал на бой из Москвы Калужскими воротами. Испуганные паном Севастианом и храбростью Шуйского, мятежники были побеждены. “Атаман казачей” Истома Пашков⁹⁹ добровольно сдался царю Василию; остальные были прогнаны в их укрепленный острог в Коломенском. Через три дня и острог был взят царскими войсками, а мятежники бежали в Калугу и Венев. Далее рассказывается о военных действиях под Калугою и Веневом против шаек Болотникова и Лжепетра. Автор не описывает военных действий во всех их подробностях, а отмечает только некоторые их эпизоды и притом без всякой хронологической связи: у него нет, например, ничего о битвах на Вырке и у Серебряных Прудов, о чем находим известия у других сказателей (в Новом летописце и Столяровском хронографе); зато рядом с кратким описанием Пчельнинского сражения читаем очень подробное изложение того, как московские воеводы неудачно пытались зажечь калужские укрепления помощью деревянного подмета, о чем лишь вскользь замечает Новый летописец¹⁰⁰. В зависимость от неудачи этого подмета автор ставит даже отступление от Калуги воевод Шуйского, тогда как по другим источникам (Новый летописец, Хронограф Столяра) отступление от Калуги было последствием неудачной для Шуйского битвы на Пчельне.

Описанием мужественной защиты князем М.В. Скопиным-Шуйским отступающих от Калуги войск заканчивается подроб-

---

⁹⁹ Здесь Истома Пашков называется казачьим атаманом, в Новом летописце – сыном боярским (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 81; Летопись о многих мятежах. С. 109; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича // Временник ОИДР. 1853. Кн. 17. Материалы. С. 79); в Столяровской же разрядной книге о Пашкове сказано: “на Веневе был сотник” (Изборник. С. 332). В Новом летописце Пашков назван Соловlenином, а в одной из грамот 1606 г. – Епифанцем (ААЭ. Т. 2. № 60. С. 137) [См. *Примечание 3*].

¹⁰⁰ *Карамзин*. ИГР. Т. 12. С. 30–32; *Арцыбышев Н.С.* Повествование о России. М., 1843. Т. 3. С. 156–160; *Соловьев*. История. Т. 8. С. 164–165, 170–171; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 84–86; Летопись о многих мятежах. С. 113–117; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 82–84; Изборник. С. 333.

ный рассказ о военных действиях против мятежников. Следующие затем строки об осаде Шуйским Тулы очень отличаются от предыдущего рассказа: они очень кратки, написаны с иным литературным приемом (более риторически) и представляют полное тождество со статьей об этом же факте Хронографа 2-й редакции, чего нельзя сказать о предыдущем. Вот почему мы полагаем, что изложенная нами выше часть Иного сказания не составляет одного целого с последующими его частями. Мы думаем, что она была написана ранее их и, вероятно, еще в царствование Шуйского.

Однако мы не решимся утверждать это категорически. По своему содержанию изложенный нами рассказ не обличает в авторе полного знакомства со всеми подробностями описанного им времени: мы уже заметили, что он просто опустил многие эпизоды военных действий. Но вместе с тем многое в его рассказе указывает на то, что автор был современником рассказанных им событий и писал вскоре после того, как они совершились. Он иногда отличается такую точностью и мелочной подробностью в своих показаниях, какую мы можем предполагать только у очевидца или у человека, по свежим следам ознакомившегося с событием. Так, например, он сообщает, на какую именно дорогу хотел засесть Истома Пашков и сколько именно стрельцов и каким путем пришло в Москву. Далее, рассказ его о пане Севастиане, немного сказочный по своему характеру, вовсе не походит на позднюю легенду, а скорее воспроизводит один из слухов, бывших в обращении в ближайшие к событию дни. Повествование о поражении бунтовщиков под Коломенским полно интересными подробностями: острог, устроенный мятежниками, обстреливали безуспешно три дня; мятежники прятались в землянках, а огненные ядра (бранд-кугели) тушили яловичьими кожами; узнав об этом от пленного, воеводы царя Василия приняли свои меры и успели зажечь острог, устроив особым образом ядра; выбитые из острога мятежники в своем бегстве прятались по дворам и церквам. Такие подробности могли явиться лишь у человека, видевшего факт или же хорошо знавшего о нем от очевидцев. Подобные же частности встречаем и в описании неудачного дровяного подмета к стенам Калуги. Весь ход осадного маневра изложен очень удовлетворительно и неудача осаждающих описана прекрасно; очевидно, что автор имел обо всем этом очень хорошие сведения¹⁰¹. При этом он свои сведе-

---

¹⁰¹ Рассказ нашего автора в данном случае подтверждается и дополняется известиями Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 84; Летопись о многих мятежах. С. 113; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 82) и показаниями Массы (Сказания Массы и Геркмана... С. 236–237).

ния записал, как можно полагать, немного времени спустя после событий, им рассказанных: в его повествовании есть черты, позволяющие думать, что он писал еще в царствование В. Шуйского. Царя Василия он постоянно именует “боголюбивым царем”, “благочестивым царем и великим князем”. При описании личного участия царя в походе на Коломенское он слагает как бы панегирик его доблести и его дело считает делом правым. Ни одним словом он не дает понять, что царствование Шуйского уже миновало и что все его хвалы относятся к государю, уже не царствующему. В то же время, упоминая о мощах царевича Димитрия, автор называет его “новым почестоносцем”, – признак того, что автор писал немного спустя после открытия мощей царевича Димитрия.

К такому выводу приходим на основании данных разбираемого текста. Сравнение текста с другими произведениями, ему современными, с одной стороны, подтверждает, с другой же – как будто колеблет этот вывод. Сличение разбираемого рассказа с Повестью 1606 года приводит к тому заключению, что в слоге рассказа и Повести есть большое сходство, как будто бы Повесть послужила литературным образцом для разбираемого рассказа. Описание битв под Москвою с мятежниками в рассказе, очевидно, скопировано с описаний битв в Повести; точно так же и описание бегства мятежников из Коломенского очень близко подходит по слогу к описанию бегства первого самозванца после битвы при Добрыничах. Кроме того, очень часто в разбираемом рассказе можно встретить и отдельные выражения и сравнения, совершенно сходные с оборотами Повести 1606 года¹⁰². Что автор рассказа знал Повесть 1606 года и в дополнение к ней составил свое повествование, в этом, как нам кажется, не может быть сомнения: говоря о Борисе Годунове, он употребляет такое выражение: “преждепоминаемого святоубийцы Бориса Годунова”, а между тем, в его рассказе ранее Борис не поминался ни разу¹⁰³. Ясно, что в данном случае автор понимает не свой рассказ, а Повесть 1606 года, и считает себя как бы продолжателем Повести. Мы не имеем никаких указаний относительно личности этого продолжателя, но сходство слога в Повести и ее продолжении, сходство даже взглядов, какое не трудно заметить при чтении Иного сказания, позволяют сделать предположение, не сам ли автор Повести 1606 года, троцкий монах, явился ее продолжателем? При таком предположении легко объясняется то чувство особенного почтения и симпатии, с каким продолжатель Повести отнесся к муже-

---

¹⁰² Ср.: Иное сказание... С. 57 и 18–19, 62 и 19 [РИБ. Т. 13. Стб. 99–100 и 31–33, 111–112 и 32–33].

¹⁰³ Иное сказание... С. 56 [РИБ. Т. 13. Стб. 97].

ству братии Симонова монастыря при нападении на монастырь мятежников¹⁰⁴.

Таким образом, сравнение с Повестью 1606 года нисколько не противоречит сделанному нами выводу относительно разбираемого рассказа, напротив, даже оправдывает его. Если рассказ был назначаем его автором в дополнение к Повести, если он был написан в ее духе и, быть может, тем же лицом, то естественно думать, что он явился вскоре после описанных в нем событий, как сама Повесть о самозванце была написана тотчас после смерти самозванца. Но сличение рассказа со статьями Хронографа 2-й редакции о тех же событиях может поколебать подобное заключение.

Дело в том, что в Хронографе 2-й редакции находим несколько мест, совершенно одинаковых с разбираемым рассказом. Несомненно в данном случае прямое заимствование одним сказателем у другого, потому что нельзя думать, что и наш рассказ и статьи Хронографа написаны одним лицом. Для этого нет ни малейших оснований. Нет оснований и для того, чтобы предполагать какое-либо неизвестное нам более раннее произведение, повлиявшее и на статьи Хронографа, и на разбираемый рассказ. Кто же явился заимствователем: автор ли рассказа, или автор статей о Смуте в Хронографе? На этот вопрос ответить очень трудно.

Не говоря покуда о статьях Хронографа 2-й редакции вообще, заметим, что в них все те немногие фразы, какие находим о бунте Болотникова и Лжепетра (до описания осады Тулы), почти тождественны с соответствующими местами рассказа в Ином сказании¹⁰⁵. Но в Ином сказании рассказ гораздо подробнее, богаче фактами и включает в себе такие черты современности описанному, каких нет в Хронографе, составление которого А.Н. Попов совершенно основательно относит к первым годам царствования Михаила Феодоровича. При таких условиях легко является мысль, что автор статей в Хронографе просто заимствовал свои показания из Иного сказания. Однако при ближайшем сравнении текстов это может подвергнуться сомнению. Мы, например, читаем в Ином сказании, что Лжепетр назвался сыном царя Федора Ивановича:

---

¹⁰⁴ Иное сказание... С. 57–58 [РИБ. Т. 13. Стб. 100].

¹⁰⁵ Ср.: Изборник. С. 195 (от слов “Сей ложныя лжи ложь...” до слов “грады многими и мesty”) и Иное сказание... С. 56 (вторую половину) и С. 57 (со слов “И такового ради ложнозвательства...”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1297 и 97–99]. Далее: Изборник. С. 195–196 (§ 3 от слов “Гермоген патриарх со всем освященным собором...” до слов “И тако молитвами святаго...”) и Иное сказание... С. 60 (от слов “повелевает патриарху Гермогену со всем освященным собором...”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1299 и 108]. Далее: Изборник. С. 196 (от слов “И тако молитвами святаго...” до конца § 3), и Иное сказание... С. 61 (от слов “милостями пречистая Богородицы...”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1299 и 109].

“инии же пишут, назвася сыном царевича Ивана”, – прибавлено затем в Ином сказании. Чем вызвана эта прибавка и кто писал, что самозванец Петр назвался сыном Ивана, а не Федора? В официальных грамотах напрасно будем искать подобной ошибки, но мы встречаем ее как раз в Хронографе 2-й редакции¹⁰⁶. Выходит как будто так, что автор рассказа, помещенного в Ином Сказании, знал статьи Хронографа и пользовался ими, выписывая из них целые места и оговаривая то, чему он в них не доверял. Стало быть, рассказ Иного сказания сочинен был позже составления статей Хронографа, – вывод, противоположный сделанному нами выше. Противоречия здесь можно избежать, сделав предположение, что слова “инии же пишут” и т.д. вставлены в текст каким-либо позднейшим переписчиком; но для такого предположения мало данных. Трудно также допустить и то, что составитель Хронографа неумело сократил слова Иного сказания и из двух изложенных в нем показаний о самозванстве Петра выбрал одно, менее вероятное. Далее, можно указать и еще одно место в разбираемых произведениях, которое увеличивает затруднения исследователя. И в Хронографе и в Ином сказании читаем о Лжепетре одинаковые фразы: “и такового ради ложнозвательства его все люди страны тоя прияша (его)”¹⁰⁷ и т.д. В Хронографе ясно, какие места автор понимает под словами “страны тоя”: выше он говорит (и говорит неверно), что Лжепетр первоначально явился в Путивле “и во всей земли Черниговския страны”. Но в Ином сказании слова “страны тоя” не находят себе никакого объяснения в предшествующем тексте. Это обстоятельство, как явная стилистическая неловкость со стороны автора разбираемой части Иного сказания, может быть истолковано не в его пользу: гораздо легче предполагать неумение справиться с фразой у компилятора, стесненного особенностями чужой речи, чем у самостоятельного писателя, свободно излагающего свои мысли. Естественно является предположение, что в Ином сказании заключается неумелое распространение того, что кратко и стройно изложено в Хронографе.

Так, некоторые мелочи текста мешают придти к категорическому выводу об отношениях Хронографа к рассказу Иного сказания. Однако мы решаемся сказать, что, по нашему личному мнению, эти мелочи не могут играть решающей роли в вопросе о времени написания разбираемой части Иного сказания: соображая общий ход изложения в Ином сказании, мы склонны считать позднюю вставку замечание: “инии же пишут: назвася сыном ца-

---

¹⁰⁶ Иное сказание... С. 57; Изборник. С. 195.

¹⁰⁷ Иное сказание... С. 57; Изборник. С. 195 [РИБ. Т. 13. Стб. 98 и 1297].

ревича Ивана”¹⁰⁸; что же касается до стилистического промаха, указанного нами, то сам по себе он не имеет большого значения. Вместе с тем, ряд фактических неточностей и краткость изложения в Хронографе (с чем мы познакомимся в своем месте) исключают в нас всякую мысль о том, чтобы более верный, подробный и носящий в себе самом следы своего раннего происхождения рассказ Иного сказания мог явиться позднейшим распространением неточного и беглого рассказа Хронографа. На этих основаниях мы полагаем, что заимствовал автор статей в Хронографе, а не составитель дополнений к Повести 1606 года, и что, стало быть, дополнения к Повести 1606 года составлены ранее статей Хронографа, вероятно, в царствование Василия Шуйского, как можно догадываться по указаниям самого текста дополнений.

IV. Переходим теперь к той Повести о видении, бывшем неизвестному “мужу духовну” в 1606 году, которая целиком внесена в состав Иного сказания, и о которой мы уже упоминали. При напечатании Иного сказания И.Д. Беляев выпустил это произведение, поместив лишь краткий отзыв о его содержании¹⁰⁹. Но в обоих списках Иного сказания Повесть о видении находится налицо; кроме того, она существует и в отдельных списках и по одному из них, к сожалению, позднему, была напечатана в Летописи занятий Археографической комиссии¹¹⁰. Из всех известных нам списков Повести наиболее ценный находится в рукописи императорской Публичной библиотеки (О.IV.17). Он один только имеет предисловие, позволяющее определить, когда и кем была составлена Повесть о чудесном видении. Приводим здесь это предисловие: “Некоторому мужу духовну явися таково видение

---

¹⁰⁸ Такие поздние вставки, несомненно, существуют в дошедших до нас списках Иного сказания. Укажем на одну из них: в статье “о пленении царя Василия”, написанной не позже 1617 г., вставлено известие о возвращении из Польши князя Ивана Шуйского. Эта вставка могла явиться только после 1619 г., ибо князь Иван вернулся не ранее конца этого года (ср.: Иное Сказание... С. 68–69; Изборник. С. 68–69; *Соловьев*. История. Т. 9. С. 135, 143, 188 [РИБ. Т. 13. Стб. 123 и 1308–1309].

¹⁰⁹ Иное сказание... С. 58 [РИБ. Т. 13. Стб. 101–105 и 177–184].

¹¹⁰ В составе Иного сказания Повесть находится в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1503 и в рукописи Московского Публичного и Румянцевского музеев № 1836. Отдельно и в составе компилятивных повествований о Смуте Повесть находится: 1) в рукописи имп. Публичной библиотеки, О.IV.17, в 8°, XVII в., 554 л., л. 284–294; 2) рукописи той же библиотеки, Погодинск. № 1551, 4°, XVII в., 34 л., л. 29 об.–34; 3) рукописи той же библиотеки, Погодинск. № 1570, 4°, XVII в., 247 л., л. 29–32; 4) рукописи той же библиотеки, Q.XVII.94, 4°, XVIII в., 292 л., л. 158; 5) рукописи той же библиотеки, Толстовск. Отд. II, № 101, 4°, Петровского времени, л. 368–377; 6) ркп. Библиотеки А.И. Хлудова, № 258, 4°, XIX века, 112 л., л. 107–112 – ЛЗАК. 1862. Вып. 1. Отд. 2. С. 52–56.

во сне, и той муж то видение сказал Благовещенскому протопопу Терентью. И по его скаскам Терентей писал у него, и то письмо написал, да отдал патриарху, да и царю сказывал. А того человека имяни не сказал ни царю, ни патриарху, кому то видение виделось: заклиал деи его именем Божиим, не велел про себя сказывать. И то видение чли по царскому велению в соборе у Пресвятыя Богородицы вслух во весь народ, а миру собрание велико было. И для того пост учинили в царьстве, велик и мал, лета 4115 (1606), с октября с 14-го дня от понедельника да по октябрь же по 19-й день до недели, и молебны пели по всем храмом и Бога молили за царя и за все православное крестьянство”¹¹¹.

Из этого предисловия ясно, что видение “духовна мужа” записано было московским благовещенским протопопом Терентием в 1606 г. ранее 14-го октября. Из других же источников¹¹² знаем, что самое видение имело место 12-го октября. Стало быть, между этими числами протопоп Терентий и составил свой рассказ¹¹³. Тот “муж духовный”, которого Терентий в Повести называет “святым мужем” и который рассказал Терентию свое видение, остается нам совершенно неизвестен. Зато протопоп Терентий лицо не безызвестное в древней письменности, и его Повесть о видении не есть его первое произведение. В кратковременное царствование Лжедмитрия он успел составить ему два послания, исполненные похвал не только самозванцу, но и патриарху Игнатию. Одно из этих посланий, помеченное 7114 (1605–1606) г., еще не издано¹¹⁴;

---

¹¹¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки, О.IV.17, л. 284 [РИБ. Т. 13. Стб. 177–178]. Те же дни поста (14–19 октября) показаны и в Ином сказании (С. 59). Предисловие к Повести было известно С.М. Соловьеву (*Соловьев. История*. Т. 8. С. 180).

¹¹² Иное сказание... С. 58 [РИБ. Т. 13. Стб. 105]; рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1551, л. 29 об.; Бычков. Описание. Ч. 1. С. 36.

¹¹³ Рассказ Терентия в рукописи имп. Публичной библиотеки О.IV.17 дошел до нас в своем первоначальном виде. На это указывает сохранившееся только в этом списке обращение Терентия к слушателям в начале Повести: “Благочестивому царьскому сигклиту и христолюбивому воинству и всему православному христианству руского народа. Послушайте Божия милости к нам, грешным, повести сия: дивно и зело полезно к нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшему Божия милости и уклонившемуся от заповедей Его святых и впадшему в сети дьявола многоразличныя. Поведа мне, грешному...” и т.д. (л. 285). В других списках это обращение Повести к народу, слушавшему ее в церкви, или уничтожено, или переделано в заглавие Повести.

¹¹⁴ Находится в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1622, л. 10–14. См.: *Бычков. Описание*. Ч. 1. С. 402–403 [См.: *Примечание 4*]. А.Ф. Бычков, отмечая в этой рукописи два послания Лжедмитрию (л. 10 и л. 12), первое из них категорически, а второе лишь предположительно приписывает Терентию. Насколько мы можем судить на основании нашего знакомства с рукописью № 1622, первое послание составляет лишь введение ко второму и предназна-

другое уже напечатано в Актах Археографической экспедиции под не совсем точным названием “приветствия” самозванцу Димитрию¹¹⁵. Биографических данных о протопопе Терентии мы не

чено было для того, чтобы рядом похвал самозванцу смягчить для него основную мысль последующего рассуждения (“Вся церковная предания... непреложно подобает соблюдать не токмо святителем, но и царем... Потом непреложно подобает соблюдать от свитка новых заповедей Устинияна... о священстве и о царстве...”). Если первое послание принадлежит Терентию (что несомненно), то второе, по внутренней их связи, должно принадлежать ему же. Мы и видим, что в рукописи № 1622 второе послание не имеет особого заглавия и ничем не отделено от предыдущего: писец очевидно считал обе вещи за одно целое, как можем считать и мы по содержанию посланий. Если наш взгляд верен, это послание Терентия приобретает большой интерес. На основании его мы можем думать, что были в Москве такие люди, которые мягко и дружески подавали самозванцу совет держаться старых правил московской жизни строже, чем он это делал.

¹¹⁵ ААЭ. Т. 2. № 224. Основываясь на неточном заглавии памятника, митрополит Макарий в своей Истории русской церкви (М., 1881. Т. 10. С. 110–111) высказал предположение, что Терентий “сказал или поднес” самозванцу свое приветствие в день венчания его на царство. Вряд ли это было так. Произведение Терентия, о котором идет речь, напечатано в Актах Археографической экспедиции из сборника имп. Публичной библиотеки О.И. 17 (где оно находится на л. 238–245 об.). В общем оглавлении сборника (л. 3) произведение названо так: “Список с челобитные и похвала Терентия, благовещенскаго протопопа, к тому же ложному царю Димитрию”. Перед самым же текстом произведения в рукописи заглавия вовсе нет. Из этого видно, то название “приветствие благовещенскаго протопопа Терентия Димитрию самозванцу” в Актах Археографической экспедиции дано произведению совершенно произвольно. Оно не оправдывается и самым смыслом произведения, которое есть не что иное, как литературно написанная челобитная. В начале ее Терентий слагает похвалу “ложному царю” и затем просит его: “наша молбы царския подвигнися приимати; а яже в твоя честнейшая ушеса влагающих слухи неподобные, ими же много и непотребен свар сотворяют и тебя великого государя на гнев подвизают, таковые отревати, яко неподобны”. Какие это были “слухи неподобные”, иначе говоря, клеветы, мы не знаем. Терентий только смутно намекает на содержание этих клевет, говоря самозванцу: “отврати слух свой праведный иже неправе глаголят на ны тебе, царю великоимените... Бог бо тебе укрепи, и утверди, и постави нозе твои на камыще своего основания, кто тя может поколебати?” И далее: “никогда бо твоей царстей власти зла сотворихом, токмо припадаем сокрушенным сердцем и со слезами, и молим всещедрого Владыку всегда за твое царское многолетнее здравие...” На основании этих мест можно думать, что на Терентия пало подозрение в какой-то провинности политического характера. Чтобы избавиться от такого подозрения, он и составил свое витиеватое челобитье. Он припадает к ногам самозванца и молит: “да услышу глас твой пресладкий: иди в дом свой с миром и к тому не буди печален, но буди моля Бога о нас! И пришед в дом свой, милости твоя всем возвещу...” Вот в чем заключается сущность этого произведения Терентия. Приведенных мест достаточно для того, чтобы видеть, что это не могло быть ни простым “приветствием” государю, ни речью на торжестве царского венчания. Зато не будет невозможным предположение, что Терентий мог вызвать гнев самозванца своим первым к нему посланием, указанным выше. Наставление государю, как должно ему себя вести, могло показаться Лжедимитрию посягательством на полноту его власти.

имеем; знаем только, что после 1606 г. он был лишен своей должности в Благовещенском соборе и получил ее обратно 30-го ноября 1610 г. по указу Сигизмунда III¹¹⁶.

Содержание Повести о видении, написанной протопопом Терентием, таково: человек духовного сана, пожелавший скрыть свое имя, передал Терентию в душеполезной беседе, что ему было видение. После вечерней молитвы, в полночь, он был разбужен звоном колокола. Отворив окно, он с удивлением увидел, что уже светло. К нему подошел какой-то знакомый ему человек и позвал его в Успенский собор, говоря, что там он увидит “преславное видение”. Когда духовный муж подошел к западным дверям собора, то заметил, что они открыты, и увидел Господа, сидящего на престоле. Одесную Его стояла Богоматерь, а на левой стороне престола Иоанн Креститель. Господу предстояли лики святых. Пораженный видением, муж духовный стоял “к единой стране церковных врат приникся”, и услышал голос Богоматери, молящей Господа пощадить православный народ. На это Господь отвечив: “Многажды твоих ради молитв отвращаю праведный гнев Свой от них; но зело стужают Ми злобами своими и лукавыми нравами: понеже бо церковь Мою оскверниша злыми своими праздными беседами и Мне ругатели бывают; взявше убо от скверных язык мерзския их обычая и нравы, брады своя постригают и содомская дела творят, и неправедный суд судят, и правым убо насилуют, и грабят чужая имения, и многая иная скверная их дела творят...”¹¹⁷ Когда же Богоматерь и все предстоящие Господу продолжали моление о православных, то Господь вторично отвечал им: “Не рех ли вам, яко несть истинны во цари же, и в патриарсе¹¹⁸, ни во всем священном чину, ни во всем народе Моем, новем Израили”. Однако Он, внимая мольбам Богоматери, обещал, наказав православных, пощадить их и теперь, если они покаются. Слыша это, некто от предстоящих в соборе подошел к мужу духовному и велел ему поведать, кому сам знает, обо всем виденном. “Аз же окаянный”, говорил тот Терентию: “от ужаснаго того и страшнаго видения трепетен бых и едва в себе пришед, и убедихся на одре лежа”. И рассказав протопопу свое видение, он требовал, чтобы Терентий передал его царю и патриарху, как призыв ко всенародному покаянию. Такое покаяние и было со-

---

¹¹⁶ АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 183. С. 388–389: “велено протопопу Терентию быти по прежнему у Благовещенья, а благовещенскому протопопу велено быти у Спаса на Дворце”.

¹¹⁷ Рукопись имп. Публичной библиотеки, О.IV.17. Л. 288 об.; ЛЗАК. Вып. I. Отд. II. С. 52.

¹¹⁸ В других списках читается: “во царех же и в патриарсех”.

вершено, как мы уже видели. Не имея значения исторического источника, рассказ протопопа Терентия очень любопытен в другом отношении. Он свидетельствует нам, до какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты. Историк не имеет оснований видеть какой-либо затаенный умысел или обман как в рассказе о видении, так и в предписанном всему “царству” покаянии по поводу этого чудесного события. Не одно только записанное Терентием чудесное видение огласилось в то время в Москве: можно указать и другие необычайные факты, которые, по убеждению современников, совершались тогда на Руси¹¹⁹. И все эти факты говорят нам о глубоком нравственном потрясении русского общества, которое не могло отыскать правды и смысла в удивительных событиях реальной жизни, часто не верило очевидности, но верило сверхестественному и вместе с тем возвышалось до открытого сознания, что “несть истинны во царе же и в патриарсе, ни во всем священном чину, ни во всем народе”. При такого рода сознании вряд ли мог быть обман, да и говорящий такими словами обманщик многим рисковал бы, если бы был уличен.

Но считая искренним рассказ “духовна мужа” о его видении, мы не можем считать таковым рассказа его подражателя. В Новгороде нашелся какой-то неизвестный нам человек, написавший Повесть о видении, бывшем мниху Варлааму в 1611 г. И видение мниха Варлаама чрезвычайно напоминает изложенное нами московское видение, и Повесть о нем есть очевидное подражание

---

¹¹⁹ Иное сказание... С. 34 и 68; Изборник. С. 199 [РИБ. Т. 13. Стб. 59, 121–122, 1307–1308]; рукопись имп. Публичной библиотеки О.IV.17, л. 292–293 об. Чудо, рассказанное в этой рукописи, было видно семью сторожами в Архангельском соборе в Москве 27-го февраля 7115 (1607) г. Сторожа донесли “окольничему и казначею” В.П. Головину: “Как де будет в 5-м часу ночи, и учал де быти в церкви у собора Архангела Михаила, где благовернии великие князи лежат, шум быти и говор велик, по смете голосов с двадцать или с тридцать. А один де из них говорил по книжному за упокой без престани; а речей де его и тех людей, у которых промеж ими говор и шум велик, не разумети, и их в лица не видети никого же; а в те поры в церкви свеча горит. И последи де того промеж ими учал быти смех, и один де из них изо всех голос толст, а против де его говорили все встречно, а один де таки говорит по книжному за упокой; и толстоголосой на них на всех крикнул, и они де пред ним все умолкли. И после де того в церкви промеж ими всеми учал быти плач велик. А по церкви де в те поры по всей свет велик был: и как де свет пойдет к верху, ино де осветит верх весь и всю церковь; а как свет пойдет к низу, ино де осветит мост церковный; а в лице де никого не видети и речей де их не разумети. И тое говори было промеж ими, шуму и плача с пятого часа да до седмаго; а заглядывали де те сторожи в церковные в двои двери дщelmi и сквоз замки” [РИБ. Т. 13. Стб. 184–186].

Повести протопопа Терентия¹²⁰. Мних Варлаам жил в Новгороде, иногда же пребывал “вне Великаго Новгорода” (но где именно, в новгородской Повести не объясняется). Питался он Христовым именем и был человек строгой жизни. Однажды сидел он в келии своей и, размышляя “о погибели православных земли русския”, задремал, хотя “никогда же очима своими дремания сна не дал”. И вот во сне с ним произошло почти то же, что с московским духовным мужем: он, правда, не слышал колокольного звона, но увидел свет “света сего светлее седмерицею” и, открыв оконце, также заметил человека, зовущаго его из келии. С этим человеком пошел он в Новгород, и градская стража не видела их, хотя город и берегли, так как шведы стояли уже от города “мало боле поприща в монастыре Пречистыя Богородицы, еже есть зовомо на Колмове”¹²¹. Как московский муж духовный, идя к Успенскому собору, удивлялся тому, что дорога суха и чиста, несмотря на осеннюю пору (октябрь), так и мних Варлаам спрашивал “водящаго” его: “что ныне путь гладок есть, а осень нестройна и дождевна?” Неумеренно подражая московской Повести, новгородский автор впал здесь в очевидное противоречие с самим собою. В заглавии он отнес видение Варлаама к 15-му числу июля; по тексту Повести видно, что оно было тогда, когда шведы занимали Колмово, то есть в последние дни перед взятием Новгорода, именно в июле 1611 г.¹²²; а между тем, мних Варлаам говорит о нестройной и дождевной осени. Придя “к церкви святыя и великия Софеи”, мних Варлаам увидел в церкви свет и “двери церковныя отверсты”, но не вошел в церковь, а стал смотреть “скважнею прилежно”. Он увидел Богоматерь, сидящую на престоле, а пред нею ангельские лики и новгородских святых: “Никиту епископа и Иоанна архиепископа и прочии же новгородстии святии”. Хотя

---

¹²⁰ Новгородская Повесть о видении известна нам по рукописи библиотеки И.А. Шляпкина (сборник, в 8-ю долю, скорописью XVII в.). Повесть носит название: “Повесть зело полезна: бысть явление в Скифопольской стране, иже нарицается в Великом Новеграде, некоторому мниху, именем зовому Аврааму, в лета 7119 году, июля в 15 день”. Названный в заглавии Авраамом, инок в самом тексте произведения носит имя Варлаама [РИБ. Т. 13. Стб. 243–248].

¹²¹ В те дни (судя по заглавию разбираемой Повести, видение было 15-го июля 1611 г.) шведы действительно стояли в Колмове монастыре (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 169; Летопись о многих мятежах. С. 227). Но о городской страже Новый летописец замечает: “во граде же в те поры по стенам стража худа” (там же).

¹²² Новгород был взят шведами 16-го июля 1611 г. (См.: Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 807 и 810). По тексту Повести, как и по ее заглавию, возможно отнести видение прямо к 15-му июля: Богоматерь в Повести предвещает, что Новгород будет взят шведами “во утрий день”, то есть, иначе говоря, видение совершилось накануне дня падения Новгорода.

все они готовились “изыти из града вон и Великий Новгород предати безбожным немцам”, однако святители новгородские стали молить Богородицу о пощаде их славному городу. На это они получили отрицательный ответ. Богоматерь говорила им о новгородцах: “прогневали Сына Моего... и Мене злыми, мерзкими, скверными, блудными своими делы, осодомили бо есть все люди от мала до велика”. Когда же преподобный Варлаам Хутынский повторил моление о пощаде, Богоматерь пролила слезы и сказала, что сама скорбит о Новгороде: “вем бо, яко сей есть град жребий Мой и людие есте достояние Мое”. Но гибель Новгорода решена: “Бысть место сие неразоримо, и собирашася в него людие от всех стран, еже разорени от нынешних бед и зол и утекающе семо во град сей; они же их оскорбляюще и поношающе их и наругающеся им и досаду им приносяще, яко невернии”. Много и других грехов тяжких содеяно новгородцами, и вот – “уже град сей предан хочет быти”, и воля Господа неизменна. Мних Варлаам, слышавший приговор, произнесенный над его городом, был затем призван от дверей церкви к самому престолу и услышал повеление Богоматери: “Старче! поиди во град и рцы митрополиту и всему синклиту и воеводам и всему Новаграда воинству, да примут все покаяние и готовились бы к смерти: уже хочет град сей во утрий день предан быти неверным людем немцам сваяном Свейския земли”.

На этом кончается новгородская Повесть. Несмотря на полную ее литературную зависимость от московской Повести, в ней взят совершенно иной основной мотив. Повесть протопопа Терентия скорбела о грехах московского народа, вещала, что нет более истины в “новом Израиле”, и звала народ к нравственному очищению, видя в этом единственное средство избавиться от смут и бедствий. Новгородская же Повесть в покаянии видит лишь приготовление к смерти и составлена не для того, чтобы призвать новгородцев к нравственному возрождению в виду грозящей им гибели. Написанная, конечно, после взятия Новгорода шведами, Повесть имела целью показать жителям Новгорода, что они несут заслуженное наказание за свои грехи. Перечисляя эти грехи, автор новгородского видения рядом с обвинениями, общими всем обличительным творениям того времени, бросает новгородцам упрек и в том, что они, как неверные, поносили и оскорбляли людей, искавших убежища в Новгороде. Быть может, в этом скрывается намек на какой-либо неизвестный нам факт, послуживший поводом к составлению самой Повести. Автор Повести, без сомнения, знал и Новгород, и новгородские события 1611 г.: он знал день взятия Новгорода, знал, где стояли шведские войска

перед штурмом Новгорода, знал, наконец, мелочи новгородской топографии, – словом, он был очевидцем новгородских событий. Но мы не можем утверждать, что он был коренным новгородским жителем: он мог быть и из числа тех, которые искали безопасности в Новгороде, а нашли там оскорбления.

V. Нам остается еще сказать о той части Иного сказания, которая совершенно тождественна со статьями Хронографа 2-й редакции. Эта часть начинается повествованием об осаде Тулы царем Василием и кончается статьей о “царстве государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича”¹²³. Так как разбор этих статей Иного сказания невозможен без рассмотрения статей Хронографа, то мы здесь же остановимся на той части Хронографа 2-й редакции, которая посвящена Смутному времени. Статьи Хронографа 2-й редакции о Смутном времени уже оценены А.Н. Поповым¹²⁴. В повествовании Хронографа о времени с 1534 г. до воцарения Михаила он видит “оригинальное цельное сочинение неизвестного русского автора”. Доказательствами оригинальности и цельности служат, по мнению А.Н. Попова, “общий характер всего произведения” (ряд характеристик и общих очерков), “особенность изложения, обыкновение автора говорить о себе в первом лице и постоянные ссылки то на предшествующий рассказ, то на последующий”. Автором этого цельного произведения А.Н. Попов считает самого собирателя второй редакции Хронографа. Трудно, однако, согласиться с мнением почтенного исследователя. Доказательства, высказанные им, сами по себе довольно слабы: ловкий компилятор сумеет у места поставить ссылки на предыдущий и последующий рассказ и легко будет говорить о себе в первом лице; общий же характер произведения и особенности изложения могут быть перенесены компилятором в его труд из того его источника, которому он даст преобладание над другими. Хотя текст разбираемых статей Хронографа действительно носит на себе черты своеобразного и довольно связного рассказа и потому не легко поддается анализу, хотя мы и не можем разыскать все источники, на которых построен этот рассказ, – тем не менее решаемся утверждать, что его нельзя признать вполне цельным и оригинальным произведением.

Сам А.Н. Попов указал, что в разбираемых статьях Хронографа находится вставка: “в царствование Ивана Васильевича

---

¹²³ Иное сказание.... С. 64–73 (кончая словами: “во всяком благоденствии и радости расти и множествовати”); Изборник. С. 196–204 [РИБ. Т. 13. Стб. 116–131].

¹²⁴ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 117–121. Статьи второй редакции Хронографа о Смуте изданы целиком: Изборник. С. 182–204, частями: *Расстопчин*. Сказания. С. 57–73; Иное сказание... С. 64–73 [РИБ. Т. 13. Стб. 116–131, 1273–1322].

Грозного включены отрывки из Хождения Трифона Коробейникова”. При изучении текста Хронографа можно заметить следы и других вставок. Все повествование о русских событиях XVI–XVII вв. в Хронографе можно разделить на простые летописные заметки и на связные очерки лиц и событий. Чем более составитель Хронографа приближается в рассказе к своему времени (начало XVII в.), тем менее у него кратких летописных заметок и тем более связан рассказ. В главе 161-й (“Царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси”)¹²⁵ мы читаем 13 известий летописного характера, отрывок из Хождения Коробейникова, характеристику царя Ивана Грозного, небольшой рассказ о взятии Казани под особым заглавием и сообщение о смерти и завещании Грозного тоже под особым заглавием. Все эти составные части вовсе не связаны между собою, и таким образом глава 161-я – начало “оригинального и цельного” рассказа, по мнению А.Н. Попова, вовсе не имеет литературной цельности. При этом несомненно и то, что автор внес в 161-ю главу свои летописные заметки не по памяти, а выбрал их из какого-нибудь более раннего летописца. Он писал в 1617 г.¹²⁶, а его летописные известия восходят к 1534 году и в то же время очень точны. О 1534 г., например, читаем: “августа в 1 день явилася звезда на небеси...”; о крымском набеге 1571 г.: “в лето 7079... прииде... Крымской царь и Москву пожар мая в 24 день”¹²⁷. Нельзя допустить, чтобы автор запомнил не только за 83, но хотя бы и за 46 лет день какого-либо события. Очевидно, под его рукою был какой-то летописный источник, из которого он вносил в свой Хронограф все, что его интересовало, вносил так же, как внес Хождение Коробейникова. Таким образом, 161-ю главу Хронографа мы не можем считать и оригинальным трудом: это – компиляция, в которой, однако, происхождение некоторых частей (характеристики Грозного, например) остается неясным.

Следующая 162-я глава (“Царство царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русии”)¹²⁸ начинается характеристикой царя Феодора Ивановича, за которою следует целый ряд известий, иногда весьма кратких, по годам. Эти известия опять ничем, кроме хронологической последовательности, не связаны одно с другим. После известия о замысле Шуйских расторгнуть брак Феодора,

---

¹²⁵ Изборник. С. 182–186.

¹²⁶ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 70. По хронологическим указаниям, находящимся в самом Хронографе второй редакции, его составление должно быть отнесимо к 7125 (1616–1617) г.

¹²⁷ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 313.

¹²⁸ Изборник. С. 186–188 [РИБ. Т. 13. Стб. 1276–1282].

следует упоминание о постройке каменной городской стены в Москве, а затем краткая заметка об учреждении патриаршества, и т.д. Источника этих известий указать мы не можем, но не можем и найти таких черт, которые бы давали право говорить о литературной цельности рассказа. Скорее можно указать на некоторую неловкость изложения: повторение известий. В конце главы 161-й сообщается о воцарении Феодора, в начале же 162-й главы это известие снова повторяется в иной форме. Еще заметнее отсутствие цельности рассказа в следующей 163-й главе (“Царство Борисово”)¹²⁹. После характеристики Бориса, сочувственной ему, следуют два маловажных известия (о построении Белгорода и о кончине новгородского митрополита Варлаама) и продолжается характеристика Бориса. Далее идут опять мелкие заметки о голоде, дороговизне хлеба и море в Смоленске, после чего начинается статья о первом самозванце. Сказав о том, что царь Борис в появлении самозванца увидел кару Божию и “сега ради бысть зело прискорбен, потом же и болезнен, та же и смертен”, автор сейчас же говорит: “в лето 7112 государь царь и великий князь Борис Феодорович... преставися маия в 13 день”¹³⁰. Таким образом, он как бы дважды сообщает об одном и том же событии, но в разной форме: сперва в риторическом повествовании, потом в простом изложении краткого летописца.

Со 164-й главы (“Царство Феодора Борисовича Годунова”)¹³¹ исчезают в Хронографе краткие заметки по годам. Весь рассказ о Феодоре Борисовиче состоит из общего цельного очерка его недолгого царствования. Глава 165-я (“Царство Розстриги”)¹³² имеет тот же характер цельного повествования. Но глава 166-я (“Царство Василия царя”)¹³³, не заключая в себе простых летописных заметок, не отличается и цельностью изложения. Кроме общего заглавия, под которым помещено краткое родословие князей Шуйских, она имеет 11 заглавий, обозначающих отдельные небольшие рассказы о событиях времени Шуйского. Первый такой рассказ – о поставлении Гермогена на патриаршество – фактичен и краток. Затем следует повествование о самозванце Петре: оно

---

¹²⁹ Изборник. С. 188–191; *Расстопчин. Сказания.* С. 57–61 [РИБ. Т. 13. Стб. 1282–1288].

¹³⁰ День 13-го мая показан здесь неверно: царь Борис умер 13-го апреля (СГД. Ч. 2. № 83).

¹³¹ Изборник. С. 191–192; *Расстопчин. Сказания.* С. 62–64 [РИБ. Т. 13. Стб. 1288–1290].

¹³² Изборник. С. 192–194; *Расстопчин. Сказания.* С. 65–73 [РИБ. Т. 13. Стб. 1290–1294].

¹³³ Изборник. С. 194–200; *Иное сказание...* С. 64–69 [РИБ. Т. 13. Стб. 1295–1309].

состоит из риторического вступления и очень короткого рассказа о том, что Петрушка явился в Путивле, был “казаческой товарищ, родом звенигородец, художеством гончар”, возмутил “Черниговскую страну”, овладел местами “Шатьскими и Рязаньскими” и достиг даже до Москвы, но Москва была избавлена от него заступлением святых и молитвами “новаго почестоносца” царевича Димитрия. Сравнение этого повествования с официальными данными о самозванце Петре показывает, что в повествовании Хронографа много фактических неточностей¹³⁴. Сравнение же его с Иным сказанием, сделанное нами выше, открывает в Хронографе несколько одинаковых с Иным сказанием выражений. Показав при разборе 161-й главы Хронографа, что его собиратель и в своем повествовании о позднейших русских событиях не просто сочинял свои показания, а руководился литературными источниками, мы теперь с большею уверенностью можем высказать наше предположение, что он пользовался и продолжением Повести 1606 года, находящимся в Ином сказании. Это продолжение Повести, как мы видели, было составлено, по всем соображениям, еще в царствование Шуйского; нет ничего невероятного в том, что оно стало известно писателю первых лет царствования Михаила Феодоровича. Подобную же связь с Иным сказанием мы замечаем и далее, в следующей статье 166-й главы Хронографа, в рассказе о принесении в Москву мощей царевича Димитрия. Здесь автор сперва передает (и не вполне верно)¹³⁵ обстоятельства перенесения мощей, затем, как чудо от новоявленных мощей, описывает победу царя Василия над мятежниками у Коломенского. Это описание от начала до конца ведется словами Иного сказания, как мы уже говорили при разборе соответствующей его части.

Дальнейшие подразделения 166-й главы Хронографа, так же, как и остальные его главы до конца, представляют почти полное тождество с текстом Иного сказания. Разница между ними сводится к простому различию списков одного и того же произведения. Эта часть, общая обоим памятникам, начинается кратким рассказом об осаде и взятии Тулы, причем в ней нет никакого пред-

---

¹³⁴ ААЭ. Т. 2. № 81; *Соловьев*. История. Т. 8. С. 134–136. Автор Хронографа не знает даже того, что Петрушка явился еще до воцарения Шуйского и не был организатором восстания на юге против Шуйского, равно как и не являлся под Москву с Болотниковым и Пашковым.

¹³⁵ Он говорит, что за мощами царевича Димитрия был послан Крутицкий митрополит Геласий (Изборник. С. 195); на самом же деле в Углич ездил митрополит Филарет Ростовский (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110). Автору Хронографа изменила память: митрополит Геласий в 1591 г. хоронил царевича в Угличе (СГТД. Ч. 2. № 60. С. 121). [РИБ. Т. 13. Стб. 1298, иначе].

словия и никакого другого признака, по которому бы можно было видеть в ней особое, самостоятельное сочинение. Описав победу царя Василия над мятежниками, автор повествует о его к ним милосердии и о том, что помилованные им клятвопреступники не пришли “в разум истинный”, а снова подняли мятеж. Людской ярости и злобе, питавшей междоусобия, автор посвящает риторический плач, который и служит как бы введением к повествованию о дальнейших смутах. После плача он описывает появление Тушинского вора и развитие смут при царе Василии. Царь Василий, “желая отсуду и отгнуду помощи, но ни откуда же обретая”, посылает своего воеводу князя М.В. Скопина-Шуйского к шведам “призывати к своему царскому жалованию немецких всяких земель ратных людей”. Сообщив об этом, автор дает живую характеристику князя Михаила Скопина и выясняет, как много бед принесла Руси его смерть. Если б он жил, Русь освободилась бы от врагов; со смертью же его междоусобие усилилось и многие отпали от царя Василия. Как бы в зависимость от смерти Скопина в общем ходе своего рассказа автор ставит неудавшийся заговор против В. Шуйского князя Гагарина, Сумбулова и Грязного. Он относит его к 1610 г., с чем, однако, несогласно большинство исследователей, повествующих об этом заговоре под 1609 г.¹³⁶ Но если бы даже мятеж и произошел в 1610 г., все-таки он был ранее смерти Скопина¹³⁷ и, стало быть, не может быть поставлен с нею в связь. Поместив таким образом свой рассказ о мятеже не вполне на месте, автор, однако, сообщает в нем довольно ценные известия, которые вместе с Новым летописцем и грамотами пат-

---

¹³⁶ *Соловьев*. История. Т. 8. С. 238; *Карамзин*. ИГР. Т. 12. С. 85 и примеч. 351; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... Ч. 2. С. 226. Один Арцыбышев (Повествование о России. Т. 3. С. 231) относит мятеж к 1610 г., следуя именно показанию Хронографа 2-й редакции. Но Хронограф не всегда вообще верно показывает годы: появление Тушинского вора отнесено в нем к 7116 (1608) г. вместо 1607 г. (*Соловьев*. История. М., 1873. Т. 8. С. 172); свержение В. Шуйского рассказывается под 7119 (1611) г. вместо 1610 г. Относительно же мятежа 17-го февраля мы не имеем определенных хронологических указаний ни в каком другом памятнике, кроме Хронографа. Относящиеся к этому мятежу две грамоты Гермогена (ААЭ. Т. 2. № 169 и примеч. 19) не решают дела: они не имеют даты и по указаниям текста могут быть приурочены одинаково удобно и к 1609 и к 1610 г. Соображение же Карамзина: “если мятежники бежали к самозванцу в Тушино, то, конечно, в 1609 г., ибо в следующем Тушинского стана уже не было”, – не совсем справедливо: в феврале 1610 г. Тушино доживало еще свои последние дни (*Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 351 и 482; *Соловьев*. История. Т. 8. С. 279–281).

¹³⁷ М.В. Скопин-Шуйский умер в апреле 1610 г. (*Иконников В.С.* Князь М.В. Скопин-Шуйский // Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Киев, 1879. Кн. 1. С. 146–148).

риарха Гермогена позволяют нам хорошо узнать, что происходило в Москве 17-го февраля¹³⁸.

Далее логическая стройность рассказа несколько нарушается. Пред описанием свержения Шуйского автор помещает два известия о чудесных явлениях в Москве. Одно из них было “в четвертое лето царства Василия октября в 20-й день”, то есть в 7118 (1609) г., другое – “того же лета, месяца февраля в 18 день”, то есть в 7118 (1610) г. Таким образом, второе из чудесных явлений было позднее только что описанного мятежа против Шуйского, а первое несколькими месяцами раньше, – нарушение и хронологической последовательности изложения, если только мятеж 1-го февраля в известных нам списках отнесен к 7118 г., вместо 7117-го, не по ошибке писцов, а самим автором Хронографа. Статью о свержении царя Василия автор, как мы уже заметили, ошибочно помещает под 7119 (1611) г. (этот год находится и в обоих списках Иного сказания). Эта краткая статья служит прямым продолжением прерванного сообщением о чудесах рассказа автора. Он и начинает ее так: “в лето 7119... паки мятежницы злу и велику крамолу посреди народа воздвигнуша...” Упоминанием о смерти царя Василия в польском плену заканчивается обширная 166-я глава Хронографа. По составу своему, она, как мы видели, неоднородна. В начале она является как бы сокращением части Иного сказания, затем следует ряд отдельных статей, связанных между собою одною логическою нитью, при чем эта связь между ними нарушается вставочными известиями о чудесах. При таком характере рассказа, конечно, нельзя назвать его цельным повествованием.

Зато остальные главы (167-я, 168-я и 169-я)¹³⁹ отличаются полною выдержанностью изложения. Глава 167-я рассказывает “о боярском державстве Московскаго государства” и об общественной деятельности патриарха Гермогена при Шуйском и в междоусобице. При этом снова встречаемся с повторением одного и того же известия: в предыдущей главе автор уже говорил о посвя-

---

¹³⁸ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 111; Летопись о многих мятежах. С. 150; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 101; ААЭ. Т. 2. № 169. Повествования об этом мятеже других сказаний, на которые ссылаются исследователи, основаны именно на Новом летописце и Хронографе 2-й редакции. Здесь считаем не лишним заметить, что в обоих списках Иного сказания рассказ “о сонмище мятежников на царя Василия” читается так, как он напечатан в Изборнике А.Н.Попова (Изборник. С. 198); в издании же И.Д. Беляева (Иное сказание... С. 67) он помещен с пропусками [РИБ. Т. 13. Стб. 1305–1306 и 119–121].

¹³⁹ Изборник. С. 200–204; Иное сказание... С. 69–73 [РИБ. Т. 13. Стб. 123–131, 1309–1312 и 1315–1322].

щении Гермогена в патриархи; здесь же этим самым известием он начинает характеристику патриарха. К нему он относится с заметным несочувствием, осуждает его за постоянные раздоры с царем Василием и дает понять, что патриарх отчасти был виною падения Шуйского и своей собственной гибели. В главе 168-й следует краткий рассказ об ополчении Ляпунова и о его смерти, в которой прямо обвиняется Заруцкий; а затем автор общими чертами рисует историю нижегородского ополчения и в деле освобождения Москвы главным героем считает Минина, за личностью которого совершенно скрыты у него остальные деятели ополчения. Что касается до последней 169-й главы, то в Хронографе она имеет заглавие “Царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича”, но о событиях его царствования в ней нет речи. Мы находим в ней только повествование о избрании царя Михаила и свидетельство того, что новый государь мирно “нача правити мудрокормный царствия корабль” и что все русские люди с новым царствованием увидели “сладостныя тишины свободный день”. Эта глава есть заключение всего повествования Хронографа о русских событиях и поэтому составлена с особым риторическим прилежанием, а в начале даже представляет попытку рифмованной речи. Весь склад этой главы свидетельствует нам, что здесь кончается вторая редакция Хронографа и что все добавления к ней, какие встречаются в различных списках Хронографа, составлены позже другими лицами.

Таково содержание статей о Смуте Хронографа 1617 г. Ясно, что по внутреннему своему строю эти статьи не могут называться цельным повествованием: это – собрание простых летописных заметок, статей об отдельных фактах Смуты (об осаде Тулы, о заговоре 17-го февраля) и общих характеристик лиц и царствований. Все эти разнородные элементы произведения местами вовсе не связаны между собою, местами же достигают высоты прагматического изложения (как в главе 166-й). В общем же повествование Хронографа представляется не стройным литературным произведением, а хрестоматией разнородных сведений о Смутной эпохе. Мы успели, в малой, правда, степени, указать и на источники этой хрестоматии. Однако раз установлен тот факт, что автор Хронографа заимствовал кое-что из летописей, пользовался Хождением Трифона Коробейникова и, быть может, Иным сказанием, – мы имеем полное право отрицать полную оригинальность его произведения. Но вместе с тем мы должны допустить, что составитель Хронографа пытался связать и объединить собранный им материал помощью большей или меньшей его обработки в собственном вкусе и стиле. Для такого предположения найдутся данные.

На статьях о Смуте Хронографа лежит весьма заметный отпечаток оригинальности слога и взглядов. Изложение автора, богатое метафорами и эпитетами, выразительное и вместе с тем сжатое при всей своей вычурности, позволяет читателю безошибочно отличать его среди других статей Хронографа, написанных по иному литературному шаблону и иными лицами. Эта оригинальность слога и стремление автора в кратком очерке охватить все события известной эпохи заставила А.Н. Попова, а за ним и нас, считать началом разбираемого повествования главу 161-ю. Она ничем не отличалась бы от предшествующих глав Хронографа о русских событиях XV–XVI вв., если бы в нее не была введена характеристика Грозного, обладающая именно теми литературными особенностями, какие мы сейчас указали и какие встречаются в последующих главах. Но свидетельствуя о принадлежности всего повествования одному лицу, этот же самый оригинальный слог может служить доказательством и того, что в повествовании нет литературной цельности. Далеко не все статьи его писаны этим слогом; иногда даже в одной и той же статье разные ее части неодинаковы по слогу. Для примера укажем на известие об убиении царевича Димитрия¹⁴⁰. Пред ним находятся шесть кратких известий о разных событиях, написанных самым простым языком. Таким же языком передается и о смерти царевича: “мая в 15 день, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Пахомия великаго, убиен бысть благоверный царевич князь Дмитрей Иванович, иже на Углече, от Митки Качалова да от Данилки Битяговскаго; мнози же глаголаху, яко еже убиен благоверный царевич князь Дмитрей Иванович Углецкой повелением московскаго боярина Бориса Годунова”. Это краткое известие, как нам кажется, выписано автором откуда-нибудь целиком: он даже не заменил слов “московскаго боярина” обычным своим эпитетом Годунова “шурин царев”. Но к этому простому известию он счел нужным прибавить несколько риторических восклицаний: “О злое сластолюбие власти! О звере бестрашный, иже вся поядая и отончевая и останки ногами истребляя, ни милости внимая, ни будущаго прещения помышляя, не щадит сродных, не устрашается великородных, ни милует старость, ни умиляется о юности, но аки злой вран, иже злобою очерненный, доброцветущую ветвь благоплоднаго древа сокруши и пагубу злу учини!” Если первое приведенное нами место могло быть написано самим безыскусственным летописцем, то второе, несомненно, принадлежит нашему автору: в этом убеждает сравнение его с прочими

---

¹⁴⁰ Изборник. С. 188 [РИБ. Т. 13. Стб. 1281].

риторическими местами повествования и особенно с тем плачем о людской ярости и злобе, о котором мы уже упоминали¹⁴¹. Точно такое же различие в слоге, как в рассказе о смерти царевича, можно заметить и между стоящими рядом статьями о ссылке Романовых и о голоде при Борисе Годунове¹⁴². Не говорим уже о различии в языке простых летописных заметок и тех витиеватых статей, среди которых вставлены эти заметки.

Итак, служа отличием всего разбираемого произведения, его своеобразный слог часто невыдержан и часто сменяется совершенно простым, так сказать, нелитературным языком. Чем объяснить такую двойственность? На это можно ответить только тем предположением, что автор Хронографа, собирая свои данные из разнообразных источников, вместе с тем не желал ограничиться простым их сопоставлением в компилятивный рассказ. Можно думать, что некоторые заимствования он оставлял без изменений, как, например, выборки из летописей и Хождения Коробейникова, другие сокращал и отчасти переделывал, как рассказ Иного сказания, а многое писал и сам, или потому, что было необходимо заполнить пробелы между известиями, или потому, что автор не сочувствовал или не доверял тому источнику, который у него был под руками. В его рассказе нередко встречаем при каком-нибудь известии оговорку, что так “глаголют нецыи” или что так “мнози глаголаху”. Нам представляется, что в подобных случаях автор намекает на какой-либо свой литературный источник, опасаясь согласиться с ним безусловно. На все эти прибавления и переделки и легла печать стилистического дарования автора. Если бы мы попробовали соединить все места, написанные его слогом, в одно целое, мы не получили бы цельного рассказа, потому что все эти характеристики и общие очерки, очевидно, составлены уже тогда, когда автор собирал материал для последних глав Хронографа: в том, что писал он сам, он уже принимает во внимание те места, которые по слогу отличаются от его писаний и ему, вероятно, не принадлежат. Так в характеристике царствования Феодора Иоанновича он говорит о смерти боярина Никиты Романовича, не объясняя, какое значение он имел при государе, потому что это уже было сказано в летописной заметке в предыдущей главе; он только напоминает об этом читателю словами: “прежереченный благоверный болярин”¹⁴³. Далее, сделав краткую летописную запись о смерти царевича Димитрия, автор вспоминает о царевиче в риторической главе о Расстриге и говорит: “о нем же писах в цар-

---

¹⁴¹ Изборник. С. 196–187 [РИБ. Т. 13. Стб. 1301 и 116].

¹⁴² Изборник. С. 189–190 [РИБ. Т. 13. Стб. 1284–1286].

¹⁴³ Изборник. С. 186 и 185.

стве блаженные памяти Феодора Ивановича”¹⁴⁴. В своей статье о взятии Тулы В. Шуйским автор дважды упоминает имя Лжепетра с эпитетом “прежереченного”; этим он делает ссылку на те строки своего повествования, которые, по-видимому, взяты из Иного сказания. На те же строки ссылается он и в рассказе о втором самозванце, говоря, что Тушинский вор явился “в той же прежереченней Черниговстей стране”¹⁴⁵. Во всех нами указанных местах ссылки сделаны автором на те части Хронографа, которые не отличаются особенностями его слога, и в то же время эти ссылки не могут быть – по ходу изложения – объясняемы как позднейшие вставки переписчика. Таким образом, они достаточно определенно показывают нам, что общие очерки и характеристики в повествовании принадлежат самому собирателю Хронографа и составались уже тогда, когда составлялся самый Хронограф.

Итак, наблюдения над слогом Хронографа приводят к мысли, что при разнородном характере его составных частей эти части связаны более или менее в одно целое повествованием самого собирателя Хронографа. Может теперь возникнуть вопрос, каким образом часть повествования о Смуте, находящаяся в Хронографе, оказалась в Ином сказании? Так как статьи Хронографа не во всех своих частях являются оригинальным сочинением, то не заимствовал ли его собиратель из Иного сказания той части, которая дословно одинакова в обоих памятниках? На первый взгляд эта догадка кажется вполне вероятной на том основании, что автор Хронографа, как мы старались показать, заимствовал кое-что из продолжения Повести 1606 года, находящегося в Ином сказании. Однако держаться этой догадки невозможно по следующим соображениям.

Нет никаких прямых указаний для того, чтобы решить вопрос категорически. Исследователь должен руководиться исключительно теми данными, какие дает ему изучение текстов обоих памятников. При таких условиях единственный путь к разрешению задачи – сравнение текста, общего тому и другому памятнику, с другими частями этих памятников с целью выяснить, с каким из двух произведений исследуемая часть имеет более общих черт. Если мы произведем подобное сравнение, то убедимся, что статьи, общие Хронографу и Иному сказанию, написаны автором Хронографа и, стало быть, отсюда перешли в Иное сказание, а не наоборот.

Простое чтение обоих произведений уже показывает однородность общих статей с прочими частями Хронографа. Оригиналь-

---

¹⁴⁴ Изборник. С. 192 и 188 [РИБ. Т. 13. Стб. 1290 и 1278].

¹⁴⁵ Изборник. С. 196, 197 и 195 [РИБ. Т. 13. Стб. 1300, 1302, 1297].

ный слог Хронографа бросается в глаза одинаково во всех статьях его о Смуте с начала до конца¹⁴⁶. Можно уловить даже характерные выражения, чуждые Иному сказанию в его первых частях, но встречающиеся как в статьях общих, так и в начале повествования Хронографа. Так рассказ в общей части о сожжении Москвы начинается словами: “излияся фиал горести царствующему граду Москве”; подобное же выражение, “фиал гнева ярости Господня нань изливашеся”, встречаем у автора Хронографа, когда он говорит о смерти Годунова¹⁴⁷. Далее, в общей части, в заключительной главе, говорится, что Михаила Федоровича просили на царство “сродьственнаго его ради союза царских искр”; в 165-й главе Хронографа, говоря о возвращении Романовых из ссылки, автор к ним прилагает то же выражение: “иже быша искр царския крове родове”¹⁴⁸. В общей части о Скопине-Шуйском находим такой отзыв: “бе бо во бранех лют на враги и стремлением зело искусен и ратник непобедим”; в главе 161-й у автора Хронографа читаем о Грозном: “во бранех на сопротивныя искусен, велик бе в мужесте и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим”¹⁴⁹. Но помимо сходства и тождества отдельных речений, все характеристики лиц в общих статьях (Скопина-Шуйского, Гермогена, даже Минина) очень близки к характеристикам первых глав о Смуте Хронографа. И в то же время ни тон, ни отдельные речения Хронографа и общих статей не свойственны ни Повести 1606 года, ни ее продолжению.

Но и помимо внешних признаков, внутренние особенности произведений показывают, что общие их статьи гораздо ближе к Хронографу, чем к Иному сказанию. Повесть 1606 г. составлена, как мы знаем, духовным лицом, которое обладало достаточною богословскою начитанностью; оно вело свой рассказ в строгорелигиозном тоне, объясняло события вмешательством в людскую жизнь Божиим, а в бедах видело руку дьявола. К представителям

---

¹⁴⁶ А.Н. Попов, знавший оба памятника, не поднял даже вопроса о том, которому из них принадлежат общие их статьи. Он их разбирал как органическую часть повествования Хронографа, не упоминая об Ином сказании (*Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 120–121).

¹⁴⁷ Изборник. С. 200 и 191; Иное сказание... С. 69 [РИБ. Т. 13. Стб. 1310, 1288 и 124].

¹⁴⁸ Изборник. С. 203 и 193–194; Иное сказание... С. 72 [РИБ. Т. 13. Стб. 1320, 1294 и 129].

¹⁴⁹ Изборник. С. 198 и 183; Иное Сказание... С. 66. Текст о Скопине мы привели по Иному сказанию, ибо в Изборнике он неполон [РИБ. Т. 13. Стб. 1304, 1274, 118–119]. Ср.: *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 528 (о Хронографе Ключарева). Выражение “искусен стремлением” употреблено еще в главе 168-й Хронографа 2-й редакции (Изборник. С. 202; Иное сказание... С. 71).

духовенства автор Повести 1606 г. относился с большим вниманием и сочувствием. То же можно сказать и о продолжателе Повести 1606 г.: у него тот же религиозный тон, хотя меньше ссылок на Библию и Отцов церкви; у него такое же стремление объяснять ход событий неземным вмешательством; он также относится к людям духовным с большим сочувствием и почтением, что видно из его слов о защите иноками Симонова монастыря. Совсем иным представляется в своем повествовании автор Хронографа: в его рассказе почти вовсе нет библейских цитат, нет и стремления давать решающее значение в человеческих делах небесным силам и диаволу; религиозная точка зрения не исчерпывает его мировоззрения, а духовенство не поставлено у него на таком высоком пьедестале, как в Ином сказании. Чтобы не быть голословными, укажем на такой пример разного отношения повествователей к одному и тому же предмету. В Ином сказании самозванец Лжепетр является “сосудом диавола”, его орудием для того, чтобы “смутить языцы иноземи”; в Хронографе же повествование о нем начинается сообщением, что “паки Розстригины стаибники воздвизают крамолы”, а затем просто говорится о Петрушке, что “ин некто прелукавый змий возста”. Таким образом, Хронограф связывает явление Петра с прежней самозванщиной и этим как бы указывает на его причину, не прибегая к иным объяснениям¹⁵⁰. Подобных примеров различия между Иным сказанием и Хронографом можно указать достаточно; мы остановились на этом именно примере потому, что статья, из которой он взят, заключает в себе отдельные фразы, общие обоим памятникам. При сходстве изложения, при подражании одного писателя другому, естественно было ожидать и сходства воззрений на дело, но этого сходства не оказывается.

Статьи, общие Хронографу и Иному сказанию, своим внутренним строем приближаются вполне к Хронографу. Они отличаются от Иного сказания, прежде всего, меньшею подробностью рассказа: в Ином сказании очень подробно говорится о военных действиях московских войск против мятежников под Калугою, описываются даже малые стычки, приводятся подробности неудачного штурма Калуги. Читатель вправе ожидать, что такой крупный факт из истории возмущения Болотникова, как осада и взятие Тулы, будет описан с соответствующею подробностью, – и вместо этого видит резкую перемену в приеме изложения: взятие Тулы едва очерчено в беглом рассказе. Именно этим беглым рас-

---

¹⁵⁰ Иное сказание... С. 56; Изборник. С. 195 [РИБ. Т. 13. Стб. 96–97 и 116–117, 1297].

сказом и начинаются в Ином сказании общие статьи с Хронографом. В Хронографе же, напротив, этот рассказ своею краткостью вполне гармонирует с остальным изложением. Далее, вместе с краткостью в статьях, общих обоим произведениям, наблюдаются и другие черты, отдаляющие его от Иного сказания. Начало Иного сказания, как мы видели, составлено было в Троице-Сергиевом монастыре. Если бы разбираемые статьи были прямым продолжением Иного сказания, написанным тем же лицом или в том же монастыре, мы могли бы ожидать в них хотя краткого упоминания о судьбах Троицкого монастыря в эпоху Смуты. Но в этих статьях нет ни слова ни об осаде монастыря, ни о его роли во время междуцарствия. В первых частях Иного сказания мы видели ряд похвал Василию Шуйскому; в разбираемых же статьях отношение к царю Василию гораздо сдержаннее и холоднее, хотя автор статей и относится к нему в общем сочувственно.

Так ряд указаний текста лишает нас возможности считать общую часть Хронографа и Иного сказания за одно органическое целое с Иным сказанием. Напротив, есть данные, дающие основание думать, что эта общая часть составлена автором Хронографа и уже из Хронографа переписана в Иное сказание. Этому не может противоречить наше утверждение, что автор Хронографа пользовался кое-какими данными Иного сказания. Первые части Иного сказания были самым ранним по времени составления рассказом о Смуте; естественно, что собиратель Хронографа мог ими воспользоваться. Но сам он в своем Хронографе явился одним из первых повествователей о последних годах Смутной эпохи, и его рассказ мог быть занесен в списки Иного сказания в качестве прямого его продолжения. Во время появления Хронографа второй редакции в нашей письменности, насколько мы можем судить по уцелевшим памятникам, не было еще вовсе описания Смуты во всем ее целом, и поэтому статьи Хронографа о событиях XVI–XVII вв. могли представить собою большой интерес для современников. Они и переписывались иногда отдельно от предыдущих статей Хронографа, в дополнение, например, к Хронографу первой редакции¹⁵¹.

Чтобы окончить нашу речь о статьях Хронографа второй редакции, обратимся к вопросу об их исторической ценности. По нашему мнению, она не во всех отношениях одинаково велика. Статьи Хронографа очень интересны для того, кто желал бы узнать, как смотрели на события и деятелей Смутной эпохи люди времени Михаила Федоровича. Взгляды автора, отчасти изло-

---

¹⁵¹ *Попов. Обзор. Вып. 2. С. 253.*

женные А.Н. Поповым, поражают своею противоположностью тем воззрениям, какие мы встречаем в Повести 1606 года. В Хронографе, например, нет уже того беспощадно строгого осуждения Бориса Годунова, какое высказывал автор Повести со своей партийной страстностью. Напротив, Борису слагается целое Похвальное слово, как и сыну его Федору. В Борисе автор Хронографа видит только один порок – властолюбие, но говорит о нем, как бы извиняя его, с такою оговоркой: “не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем”. Этот порок привел Бориса к тому, что он для достижения и сохранения власти слушал доносы, гнал государеву родню и велел убить царевича Дмитрия; впрочем, о вине Бориса в этом убийстве автор даже не решается утверждать ничего: он говорит, что о ней “мнози глаголаху”, и только. Этот же порок привел к гибели и самого Бориса: “сего ради на ся от всех Русьския земли чиновачальников негодование наведе”, и доброцветущая красота его царства была поэтому низложена. Равным образом сочувственно относится автор Хронографа и к приятелю Бориса, патриарху Иову, которого называет “блаженным и смиреномудренным, источником медоточных сладости”. Напротив, к В.И. Шуйскому он холоден; хотя и не отказывает ему в названии “доброцветущаго благоверием” царя, но и не хвалит его так, как ранее хвалил царя Феодора Ивановича и Бориса. С плохо скрываемой враждой относится он к Гермогену, которого превозносят все прочие сказатели¹⁵², и без всякого сочувствия к деятельности и участи Ляпунова, который в 1611 г. первый откликнулся на призыв Гермогена освободить Москву от поляков. Он отмечает тот факт, что по смерти Ляпунова было “великое уныние” на Руси, но говорит, что происходило оно от “насилования ратных”, а не от потери земского предводителя. В его повествовании не видно, чтобы он считал Смуту наказанием Божиим за грехи всего народа; причину смут он видит в несогласиях русских людей и в брожении дурных частей русского общества, того “злочиннаго сонмища, идеже без зла не спят”, иначе говоря, казачества и прочих деятелей самозванщины. Но нигде автор не обвиняет всего православного народа, всех “простожительных людей” в тяжких прегрешениях, наказанием за которые являлась Смута, по мнению других писателей XVII в.

Нет возможности объяснить происхождение всех оригинальных взглядов автора Хронографа, потому что мы ничего не знаем о нем самом. Нам остаются неизвестными те условия, в которых он воспитался и которые повлияли на его воззрения и симпатии.

---

¹⁵² [См. *Примечание 5*].

Мы можем догадаться только об одном: в данном случае мы имеем дело не с таким очевидцем Смуты, который бы сам видел все описанные им лица и события и сам определил свое к ним отношение по своим личным впечатлениям. Несколько грубых фактических неточностей в рассказе Хронографа убеждают нас в том, что автор не все хорошо запомнил или не все хорошо знал из тех фактов, которые описал¹⁵³. Это, конечно, значительно уменьшает ценность его показаний для исследователя событий, но зато дает важность его показаниям при изучении взглядов на Смуту русского общества XVII в. Если автор писал не по памяти, которая ему изменяла, а по показаниям других лиц (мы не думаем, чтобы у него в 1617 г. могли быть какие-либо литературные источники для всех частей рассказа), то мы в его произведении встречаемся с мнениями не одного лица, а всей той среды, которая ему внушила его взгляды. При таких условиях мы можем в повествовании автора видеть отзвук различных мнений и слухов о Смуте, а не личные отзывы отдельного писателя-очевидца.

Заканчивая этим разбор статей Хронографа второй редакции и вместе с тем предпоследней части Иного сказания, мы должны сознаться, что отсутствие каких-либо точных указаний в тексте памятников лишило нас возможности пойти далее простой догадки, что последние четыре главы Хронографа, который сам по себе не представляет цельного и вполне оригинального произведения, были переписаны в Иное сказание в дополнение к его первым частям. Это заимствование из Хронографа сделано неизвестно кем, но, конечно, после 1617 г., когда была составлена вторая редакция Хронографа.

---

¹⁵³ Прежде всего замечаем неисправность хронологических показаний о событиях весьма крупных. Например: смерть царя Бориса показана под 7112 (1604) г., свержение Шуйского под 7119 (1611), избрание Михаила Федоровича под 14-го марта 1613 г. (Изборник. С. 191, 199, 203; *Распосчин.* Сказания. С. 61; Иное сказание... С. 68, 71) [РИБ. Т. 13. Стб. 1288, 1308, 1318, 122, 128]. Далее, мы уже указали на неточности в рассказах о самозванце Петре и о перенесении мощей царевича Димитрия. Последний рассказ – о перенесении мощей, – хотя и имеет верную дату (3-го июня 7114 г.), однако, передан так, что показывает незнание автора с событием. Помимо того, что вместо митрополита Филарета назван Геласий, весь строй рассказа неточен: автор думает, что при Шуйском являлось много чудес от гроба Димитрия, что только это постоянное чудотворение навело Шуйского на мысль перенести мощи в Москву и что он исполнил это лишь тогда, когда мятежники стояли под Москвой. По крайней мере, так можно понять по общему ходу повествования. Другие писатели имели большее знакомство с этим фактом и ни один из них не допускал таких ошибок и неточностей в передаче факта, как составитель Хронографа. Это тем более странно, что в авторе Хронографа можно предполагать московского жителя: он хорошо знал самый город Москву (см. начало главы 168-й).

Что касается до последней части Иного сказания, состоящей из кратких заметок по годам о времени царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, то ее разбор уже не входит в программу нашего труда. Заметим только, что эти краткие записи не составляют связного повествования, крайне разнообразны по содержанию и безыскусственны по форме. Продолжаются они до 7154 (1645) г. и заключаются известием о венчании на царство царя Алексея. В списке императорской Публичной библиотеки таких заметок несколько больше, чем в списке Московского Публичного музея. Не лишено значения то обстоятельство, что среди известий о делах общерусских весьма часто попадаются известия новгородские, большей частью о смерти и поставлении новгородских владык. Иногда же в них попадаются черты, прямо намекающие на их составителя новгородца. Так, о возвращении Новгорода под власть Михаила Федоровича говорится: “марта в 13-й день пришли послы в Новгород князь Данила Иванович Мезецкой... в четверток вторья недели Великаго поста, в десятой час дни, а немцы вышли из города того же дни в вечере”. Под 7137 (1620) г. читаем: “тое же весны в водополье в Великом Новегороде река Волхов иде вспять 10 дней”¹⁵⁴. Такое присутствие новгородских известий с чисто местным колоритом дает повод думать, что последние дополнения к Иному сказанию сделаны кем-либо в Новгороде¹⁵⁵.

Итак, мы окончили рассмотрение Иного сказания и некоторых произведений, с ним связанных. В основу Иного сказания легла Повесть, составленная в 1606 г. монахом Троице-Сергиева монастыря, в духе правительственных воззрений В.И. Шуйского. Эта Повесть 1606 года подверглась сокращению, в какое время – нам неизвестно, и в сокращенном виде дошла до нас в нескольких списках. С другой стороны, часть Повести 1606 года вошла в Житие царевича Димитрия 1607 г., внесенное в Минеи Четьи Германа Тулупова. На эту Повесть 1606 года в Ином сказании разновременными слоями легло несколько дополнений. Прежде всего, быть может, при самом ее появлении в свет к ней было приписано несколько правительственных грамот царя Василия. Затем, по всей вероятности, в царствование же Шуйского и самим автором Повести 1606 года, приписано было повествование о первых смутах при царе Василии. В это повествование целиком вошла Повесть протопопа Терентия о чудесном видении

---

¹⁵⁴ Иное сказание... С. 75 и 77 [РИБ. Т. 13. Стб. 134, 140].

¹⁵⁵ Впрочем, эти позднейшие заметки могли быть внесены в Иное сказание из какого-нибудь другого летописного сборника новгородского происхождения: они попадают и в списках хронографов XVII в. (Изборник. С. 278, 388).

1606 г., которая вызвала в Новгороде подражание себе. Далее, после 1617 г. к Иному сказанию было прибавлено несколько статей из Хронографа второй редакции и, наконец, Иное сказание дополнялось летописными заметками, доходящими до половины XVII в. Таким образом, разбираемый памятник есть не что иное, как сборник самого разнохарактерного состава. Первые его статьи показывают нам, что Смута еще в начальные моменты своего развития стала уже предметом литературного повествования. Дальнейшее наше изложение покажет, что существуют и другие повествования о Смуте, составленные до ее окончания.

II

Несколько повествований о Смуте, составленных в самую эпоху Смуты, были предметом нашего изучения в первой главе нашего труда. Таковы Повесть 1606 года, Повесть о перенесении мощей царевича Димитрия, рассказ о видении протопопа Терентия. Таковы же, вероятно, рассказ о новгородском видении 1611 г. и повествование, составляющее третью часть Иного сказания. К этим ранним произведениям о Смуте следует причислить еще Повесть о честном житии царя Феодора Ивановича, написанную патриархом Иовом, так называемую Новую Повесть о преславном Российском царстве 1610–1611 г., Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства в 1611 г. и некоторые повести о чудесных видениях, бывших в Смутное время. Разбор этих произведений должен предшествовать нашему знакомству с позднейшими трудами о Смуте.

Повесть о честном житии царя Феодора Ивановича, вошедшая в состав Никоновской летописи¹, написана была патриархом Иовом, по всем признакам, в царствование Бориса и, стало быть, ранее Повести 1606 года². В то время как последняя получила обширное распространение, труд Иова оставался без заметного влияния на последующие описания событий Смутного времени и переписывался редко³. А между тем, патриарх

---

¹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 316–359 [ПСРЛ. Т. 14].

² В Повести Иова нет прямых указаний на время ее составления. По некоторым выражениям можно было бы думать, что Повесть составлена в первые дни по кончине Феодора. Так Иов говорит: “се днесь благочестивый государь... оставив земное царство, восходит к вышнему, отседе же... престол великия Росия вдовствовать начинает” (С. 351–352). Обращаясь к усопшему, Иов выражается так: “аще еси уже достиже умных сил в премирная селения и ясне зриши триипостасного существа пресветлое сияние...” (С. 358). Но в другом месте находим указание, что Иов писал уже по избрании Бориса; говоря о том, что, награждая Бориса царскою золотою цепью, Феодор этим предсказывал царство Борису, Иов заключает: “не по мнозех летех царское его на сем пророчество совершися” (С. 345). С другой стороны, нет данных думать, что Иов составил свою Повесть по смерти царицы Ирины и царя Бориса: о них в Повести говорится как о живых. Далее, в Повести нет ни слова о смерти царевича Димитрия: не может быть, чтобы Иов умолчал об этом, если бы писал после появления или после смерти самозванца, когда обстоятельства требовали как можно тверже установить факт действительного прекращения династии Калиты. Соображая все эти данные, приходим к мысли, что патриарх Иов составил свою Повесть при царе Борисе еще в первые годы его царствования.

³ О списках Повести Иова см.: Барсуков. Источники. С. 587. Мы лично не встречали ни одного списка.

Иов по своим взглядам на лица и события представляет разительную противоположность автору Повести 1606 года. Начитанный и прекрасно владевший литературным слогом своего времени писатель и близко стоявший к государственным делам церковный деятель, Иов в своей Повести дал общий обзор важнейших внешних событий времени царя Феодора: подчинения Сибири, учреждения патриаршества, шведской войны, войны с крымцами в 1591 г. Рассказ патриарха носит на себе следы его литературного образования, отличаясь обилием риторики, и в то же время имеет характер официального повествования, сообразно общественному положению автора. Фактические показания Иова весьма мало могут служить историку Смуты, как потому, что не касаются событий Смутного времени, так и потому, что о времени Феодора Ивановича вообще мы знаем более, чем сообщает патриарх, на основании иных источников⁴. Труд патриарха интересен для нас только теми характеристиками, какие дал Иов двум главным лицам своего рассказа: царю Феодору и Борису Годунову.

И к тому и к другому относится он с чрезвычайным сочувствием. В его глазах Феодор “древним царем благочестивым равнославен, нынешним же красота и светлость, будущим же сладчайшая повесть и слуха благое наслаждение”. Господствующею чертою в характере Феодора Иов считает его глубокое благочестие: стремление к вечному отвлекает Феодора от житейских забот, ведет его к постоянной молитве, к изнурительному посту и долгим церковным стояниям. Вся жизнь Феодора есть ряд благочестивых подвигов и добрых дел: он “зело благочестив и милостив ко всем, кроток и незлобив, милосерд, нищелюбив и странноприимец”. Эти свойства обнаруживаются не только в частной жизни Феодора, но и в управлении государством: “во всей своей богохранимой державе Российскаго царствия правду любя, злобы ненавидя, любовь имея, лукавство ж разрушая и межусобныя брани, востающия во всем царствии его, своим царским смиренномудрием укрощая и вся пределы богохранимаго царствия своего в мире и в тишине и во всяцем благоденствии утвержая”⁵. В лице Феодора таким образом Иов создает как бы идеал монарха, инока и аскета по личной жизни, и в то же время разумного, кроткого и деятельного

---

⁴ Весьма интересен у Иова рассказ о последних минутах царя Феодора (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 347–359; ср.: Ч. 8. С. 33). Затем историк может воспользоваться некоторыми чертами рассказа о нашествии татар на Москву в 1591 г. в дополнение к тем данным, какие обнаружены С.М. Соловьевым по Делам Крымским и другим источникам (ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 335–348; *Соловьев*. История. Т. 7. С. 311–318). Но этим и ограничивается фактическая ценность памятника.

⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 319–320 и 346.

правителя. Жизнь Феодора он прямо называет “святым житием”⁶. Этот идеальный образ Феодора воспроизводится и другими сказателями⁷; но, признавая в царе Феодоре кроткого подвижника, отзываясь о нем с глубоким уважением, они расходятся с Иовом в одном отношении. В Повести Иова Феодор является активным деятелем государственной политики, в прочих сказаниях он совершенно удаляется от дел, скучает ими и все государство отдает в руки Бориса⁸. И форма позднейших отзывов о Феодоре и их самостоятельность в том или другом оттенке отношения к Феодору исключают всякую мысль о возможности прямого подражания Иову со стороны позднейших сказателей.

Не нашлось подражателей патриарху и в тех частях его Повести, которые посвящены Борису Годунову. Годунова Иов ставит по добродетелям его рядом с царем Феодором. По словам Иова, Борис мудр и храбр; о его уме, мужестве и благодетелии слава распространилась даже за пределы Руси; сам царь Феодор Иванович, видя правление своего шурина, удивлялся его достоинствам. Борис всех в Москве превосходил “благим разумом” и совершил “великий подвиг” “о исправлении богохранимыя царския державы”. В борьбе с татарами он показал себя “непобедимым воеводою”; “пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и тишине велелепней цветуще”; он создал много каменных градов “и в них превеликие храмы в славословие Божие возгради и многия обители устрой”; Москву он украсил, “яко некую невесту”, выстроив в ней много храмов, “палаты купеческия” и каменные стены⁹. Таков был “изрядный правитель”, по рассказу патриарха. О придворных смутах времени Феодора Ивановича, бывших следствием чрезвычайного возвышения Годунова, об опалах и ссылках, о смерти царевича Димитрия, словом, о темной стороне дворцовой жизни при царе Феодоре у патриарха Иова не находим ни слова. Он ограничивается лишь далеким намеком на “межусобныя брани, востающия во всем царствии”,

⁶ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 320.

⁷ Например, в Хронографе 2-й редакции (Изборник. С. 186), в Сказании Авраамия Палицына (Сказание Палицына. С. 2), в Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (Изборник. С. 285 и 318), в Житии царевича Димитрия, внесенном в Милютинские Минеи (рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 805 по Указателю арх. Саввы (Савва, архим. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. 3-е изд. М., 1858. Л. 1027), и во Временнике Ивана Тимофеева (рукопись Флорищевой пустыни. № 108. Л. 40–43 об.) [См.: РИБ. Т. 13. 2-е изд.]

⁸ Князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский замечает даже, что Борис получил такую власть при Феодоре, “яко же и самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити” (Изборник. С. 285) [РИБ. Т. 13. Стб. 563, 631].

⁹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 327–328, 337.

которые укрощал Феодор своим смиренномудрием, но ничего не говорит об этих бранях. Таким образом рядом с идеальным монархом в Повести Иова стоит идеальный правитель.

Сопоставляя характеристики Иова с отзывами Повести 1606 года, замечаем полнейшую их противоположность. У Иова Феодор является главным, лучшим деятелем своего времени, в Повести 1606 года царю Феодору, “пресветлой отрасли царского корени”, не найдем ни одной похвалы. Борис у Иова безупречный человек и правитель, в Повести 1606 года он только властолюбец и злодей без малейших признаков совести. Оба писателя, и патриарх и автор Повести 1606 года, явно пристрастны, и увлечение одного помогает нам лучше понять увлечение другого. Знакомство с писателями времени Михаила Феодоровича убедит нас в том, что люди, писавшие о Смуте по личным впечатлениям и свежим преданиям, умели избегать как односторонности официальных похвал Иова, так и партийной ненависти Повести 1606 года.

Новая повесть о преславном Российском царстве дошла до нас в единственном списке¹⁰ и представляет собою чрезвычайно любопытный памятник древнерусской письменности. Довольно обширное послесловие к Повести¹¹ позволяет определить происхождение этого памятника. Из послесловия узнаем, что автором Новой Повести был какой-то москвич, имевший жену и детей и служивший московскому боярскому правительству 1610–1611 года,

---

¹⁰ Рукопись библиотеки Московской духовной академии, № 175, в 4 долю, XVI и XVII вв., 561 л.; Новая повесть писана мелкою скорописью на л. 369–388 об. Описание ркп. № 175 см.: *Леонид, архим.* Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевы Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. // Чтения ОИДР. 1884. Т. 7, III. С. 182 [РИБ. Т. 13. Стб. 187–218]. Полное заглавие Повести таково: “Новая Повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском, и о страдании новаго страототерпца святейшаго кир Ермогена патриарха всеа Русии, и о посланных наших преосвященнаго Филарета митрополита Ростовскаго и боярина князя Василия Голицына с товарищи, и о крепком стоянии града Смоленска, и о новых изменниках и мучителей, и гонителей, и разорителей, и губителей веры христианския Федки Ондронова с товарищи”. Так как автор Повести в тексте ее не называет “новых изменников” по именам, то можно сомневаться в том, что он сам дал своей Повести это заглавие, к тому же не совсем грамотное; вернее, что оно было приписано кем-нибудь позже. Знавшие Повесть исследователи дали о ней различившие отзывы: архимандрит Леонид определил Новую Повесть, как “одно из Троицких посланий” в Смутное время (Чтения ОИДР. Т. 7, III. С. 196). С.И. Кедров, пользовавшийся Повестью в своем труде “Авраамий Палицын”, думал, что Повесть есть “послание, писанное из Кремля каким-то женатым лицом, вероятно, под Смоленск” между декабрем 1610 г. и апрелем 1611 г. (Чтения ОИДР. 1880. IV. С. 62). Оба определения одинаково не могут быть приняты [См. *Примечание 6*].

¹¹ Оно напечатано нами в статье “Новая Повесть о Смутном времени XVII века” (ЖМНП. 1886. Январь. С. 52–53). [Переиздано в нашем сборнике “Статьи по русской истории”].

тому правительству, которое избрало в цари Владислава и пустило в Москву польский гарнизон. Господство иноверных поляков в Москве и поведение бояр, подчинявшихся незаконным притязаниям Сигизмунда, заставили автора отвернуться от своих господ. Он смотрел на них как на изменников, “врагов креста Христова” и губителей православных христиан. Служить врагам Руси, не отстать от них и не противиться им значило для него погубить свою душу. Но он был у них “зело пожалован”, он знал “их думы и мысли”, и не мог безнаказанно стать против изменников. По его уверению, он не боялся умереть, если его измена боярам и полякам будет открыта: хотя “все мы смерти боимся”, но умереть за правду значит “ожити за ту правду”. Ему только страшно было “жена и дети осиротити, меж двор пустити, или будет всего того горши, – на позор дати”, и поэтому он задумал измену тайную. Он составил пространное “письмо”, в котором обличал замыслы Сигизмунда овладеть Русью и доказывал что боярское правительство служит королю и готово подчинить ему и Польше, а не Владиславу, все Московское государство. Указывая на бесчинства поляков и русских изменников в Москве, автор “письма” считал истинными защитниками веры и государства патриарха Гермогена, великих послов к Сигизмунду, не уступавших его требованиям, и храбрых защитников осажденного королем Смоленска. Приглашая москвичей последовать их примеру, автор Новой повести прямо побуждал их на открытое восстание против московских бояр и поляков, для того чтобы изгнать польский гарнизон из Москвы. Свое письмо автор, вероятно, бросил в каком-нибудь людном месте Москвы с тою целью, чтобы его подняли и прочли. “И кто сие письмо возьмет и прочтет”, пишет он: “и он бы его не таил, давал бы разсмотряючи и ведаючи своей братии православным христианом прочитати вкратце”. Таково происхождение Новой повести: это – подметное письмо, заключающее в себе призыв к восстанию против поляков, занимавших Москву, и против бояр, повиновавшихся и радевших Сигизмунду. Подметные письма или “листы” не были редкостью в Смутное время¹²,

---

¹² Дошли известия о подметных письмах при первом самозванце (Сказания Массы и Геркмана... С. 195). В 1606 г., после свержения самозванца, такие письма волновали москвичей (Сказания современников о Димитрии Самозванце / С предисл. Н. Устрялова. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 1. С. 306; Ч. 2. С. 177). Болотников своими “листами” старался поднять московскую чернь (ААЭ. Т. 2. № 57. С. 129). Немного позднее, как сообщает Масса, в Москве за распространение подметных листов был казнен священник (Сказания Массы и Геркмана... С. 239). Подметные письма появлялись и после Смуты (О России в царствование Алексея Михайловича / Соврем. соч. Григорья Котошихина. 3-е изд. СПб., 1884. С. 114; ЗОРСА. СПб., 1861. Т. 2. С. 682; ДРВ. М., 1788. Ч. 3. С. 285).

но они до сих пор не были известны. Новая повесть, являясь единственным образчиком такого рода, показывает вместе с тем, что тайные писания достигали иногда значительного объема и не были чужды литературных достоинств.

Невозможно определить по данным Повести личности ее автора: по свойству самого произведения он старался как можно меньше обнаружить себя. Если полагаться на его искренность в его немногих показаниях о самом себе, то следует предположить, что он был из числа людей служилых. Он говорит о себе, что был “пожалован” московским правительством, знал его намерения, “думы и мысли”, принял его сторону “для ради суетных славы и тленнаго богатства”, иначе говоря, для служебной карьеры и обогащения. Вряд ли мог так выражаться о себе человек тяглый, торговый или промышленный, далекий от политических дел и административной деятельности. Вряд ли могло так говорить и лицо духовное: забота автора о семье показывает, что он не был монахом, а резкий отзыв его о духовенстве¹³ и служба его “врагам креста Христова” не позволяют видеть в нем и священника. Наконец, нельзя не заметить и того, что он нигде не ставит себя рядом с боярством, “с земледержцами и правителями”; напротив, отождествляя себя с народной массой, он как бы противопоставляет себя боярству и отзывается о нем очень резко¹⁴. Все эти признаки, хотя и мало устойчивые, дают, однако, право думать, что сочинитель подметного письма был простым дворянином или сыном боярским, или же приказным дьяком. Бойкий слог его письма обличает в авторе человека, привыкшего писать, но не усвоившего себе привычки к риторическим оборотам книжной речи. Он не чуждается риторической фразы, но рядом с нею сходит до свободной шутки и до простого разговорного языка¹⁵. У него нет выписок из Библии и других духовных книг, которыми любили щеголять на-

---

¹³ О московском духовенстве автор говорит, что в нем Гермоген “способников себе не имеет никого же: которые его были сынове и богомольцы, той же сан на себе имеют, – и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто реши, подавилися и к тем врагом приклонилися и творят их волю” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 382) [См.: РИБ. Т. 13, где на полях означены листы рукописи].

¹⁴ “А будет и есть избрании, сердцем желанеи, по христианской вере и по всех по нас жалеют и радят от тех же чинов (то есть благородных) и боярских родов, но не могут ничего учинити”, говорит автор о боярстве в противоположность себе и народу (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 283 об.). Автор вообще не любит боярского правительства и постоянно называет его “изменниками”, “богоотступниками”, “кривителями”, “землесьедцами”, “братьями Иуды предателя” и т.д.

¹⁵ Несколько выдержек из Новой повести, приведенных в нашей статье о ней (Платонов С.Ф. Новая Повесть о Смутном времени XVII века), могут дать понятие о языке автора.

читанные писатели его времени; общий план его изложения невыдержан: автор беспорядочно перебегает от предмета к предмету и часто повторяется. Все это говорит нам, что автор, бойко владея пером, не имел вместе с тем книжных навыков. По этой примете легче всего предполагать в авторе именно приказного дьяка¹⁶.

Новая повесть не заключает в себе точных указаний и на время ее составления. По некоторым данным текста можно приурочить ее или к самому концу 1610, или к самому началу 1611 г. Автор ее знает те события, которые совершались в октябре, ноябре и декабре 1610 г., но ни слова не говорит о тех событиях, которые имели место в начале 1611 г. и должны были бы интересовать его. Так, в Новой повести находим рассказ о неудачных переговорах и о страданиях великого посольства под Смоленском; митрополит Филарет и кн. В.В. Голицын прибыли в королевский лагерь 7-го октября, а начали переговоры 15-го или 16-го октября¹⁷. Далее, в Повести читаем описание того, как Ф. Андронов распорядился царскою казною; назначение Андропова казначаем на Казенный двор состоялось 7-го ноября (нового стиля)¹⁸.

---

¹⁶ Московские дьяки не были безучастны к смене правительств, которым им приходилось служить. В 1610 г. Федор Андронов писал канцлеру Сапеге о приказных людях: “да и в Приказы б потреба иных приказных людей посадить, которые бы его Королевскому Величеству прямили, а не Шуйского похлебцы”. Он боялся вторичного воцарения царя Василия, который еще не был увезен из Москвы (АИ. Т. 2. № 299. С. 356). Многие дьяки внесены были в список подозрительных для поляков лиц, составленный в том же 1610 г. (АИ. Т. 2. № 310). Несмотря, однако, на заботу иметь у дел верных людей, Сигизмунд писал в апреле 1611 г.: “учинилося нам ведомо, што некоторые дьяки, целовав сыну нашоному крест, изменили, побежали с Москвы в воровство к Лягунову и иным изменником” (АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 183. С. 406) [См. *Примечание 7*].

¹⁷ РИБ. СПб., 1872. Т. 1. С. 686 и 688; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. 2-е изд. М., 1842. Т. 12. С. 303 и 312.

¹⁸ АЗР. Т. 4. № 183. С. 372. Автор Новой Повести не называет Андропова прямо по имени, но прикрывает его насмешливым нескромным прозвищем, настолько прозрачным, что нельзя и сомневаться, кого следует разуметь под ним (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 385 об.–386; *Платонов С.Ф.* Новая Повесть о Смутном времени XVII века. С. 60). О деятельности Андропова как казначая автор говорит: “И еще же враг и лютой злодей наш не в свое достояние вниде, аки Ихнилат в цареву ризницу вься казнити и губити то великое царское сокровище, от многих лет многими государи самодержьжи великими князи и цари всея Русии собрано и положено. Он же окаанный, аки вышеереченный Ихнилат, во едином часе или паки не во мнозе времени, все хочет изьести и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хощет пусту до конца оставити, аки пустую и бездельную храмину. А уже и оставил, а ныне те великие сокровища, тяжкоценныя камьки и портища и всякия вещи, иже нами неведомы и незнаемы, с своими единомысленники разбивает и вещь к вещи прибирает, к тому же злата и сребра и бисерия велия ковчеги насыпает и к тому пржежереченному сопостату нашему врагу королю и похитителю под оный заступный наш град (то есть Смоленск) посылает” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 386–386 об.).

Автор Повести описывает столкновение патриарха с одним из “новых изменников”, который требовал от Гермогена присяги на имя Сигизмунда; по намекам Повести следует думать, что это был М. Салтыков, а первая ссора с ним Гермогена происходила 30-го ноября и 1-го декабря 1610 г. (“пред Николиным днем” в пятницу и субботу¹⁹). Наконец, автор знает, что из великого посольства под Смоленском многие разъехались, многие стали служить королю: “Пошли от нас со многими людьми в велицем числе”, говорит он о послых: “а ныне де и в мале дружине остались вящих самых два, а то де и все, для великия скорби и тесноты не мога терпети, тому сопостату врагу королю поклонилися и на ево волю верилися. Того не вем, все ли от желаннаго сердца к нему приклонилися... токмо разошлися и разъехалися, овии к нам (то есть в Москву. – С.П.), а овии инуде по своим местом”²⁰. Разлад в посольстве и отъезд его членов – думного дворянина Сукина, дьяка Сыдавного и Авраамия Палицына – произошел уже в декабре 1610 г.²¹. Таким образом ясно, что Новая Повесть не мог-

---

¹⁹ Новая повесть не называет по имени того, кто спорил с патриархом; о нем говорится такими словами: “и по его злому делу недостойт его во имя *мысленнаго* или *святаго* назвати, но достойт его нареши злой человекоядный волк”. Этот волк в то же время называется “*начальным* губителем Божияго жребия”; “имя же его всем вам ведомо”, прибавляет затем автор (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 379). Боярин Михаил Глебович Салтыков подходит под все эти намеки: он назывался во имя “мысленнаго” архангела Михаила и был самым видным и деятельным из высокопоставленных сторонников Сигизмунда в Москве (его обвиняли из Сапегоу даже в том, что он “назывался на Москве владыком или правителем” и вершил дела по своему приговору и без боярского ведома (АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 306. С. 363). Если не предполагать в “начальном губителе” Салтыкова, то трудно указать другое лицо из московского боярства, всем известное и стоявшее во главе сторонников Сигизмунда (Ф. Андронova Новая Повесть характеризует иными чертами). О ссоре Салтыкова с патриархом см.: СГГД. Ч. 2. С. 224, 491; ААЭ. Т. 2. № 170. С. 292; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 152–153. Наша Повесть говорит, что “начальный губитель” требовал от Гермогена, чтобы тот повелел народу целовать крест самому Сигизмунду (“всего бы мира спасение злодейцу отцу касатися повелел”). Когда же патриарх не согласился, “начальный губитель” начал, “аки безумный пес на аер зря, лаяти и нелепыми словами, аки сущий буй камением, на лице святителю метати и великоимянитое святительство безчестити и до рождшия его неискусным и болезненным словом доходити”. Однако затем он просил прощения у патриарха и примирился с ним (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 379–380 об.; Платонов С.Ф. Новая Повесть о Смутном времени XVII века. С. 57–58 и 62).

²⁰ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 374. Ср.: Изборник. С. 348–349.

²¹ Прощальная аудиенция Сукина и Сыдавного была 8 (18)-го декабря (РИБ. Т. 1. Стб. 708. См. также: СГГД. Ч. 2. № 216 и № 217). Отпускная грамота короля архимандриту Евфимию и Авраамию Палицыну помечена 12-го декабря (СГГД. Ч. 2. № 218. С. 485–486).

ла появиться ранее декабря 1610 г., даже второй его половины, потому что ранее в Москве не могли узнать о несогласиях в посольстве и ранее не могли вернуться в Москву заметные члены посольства.

С другой стороны, все содержание Повести показывает, что автор писал до сожжения Москвы и до появления под стенами Кремля ополчения Прокопия Ляпунова (в марте 1611 г.). Мало того, несомненно, что автор вовсе не знал о том движении, которое начиналось в городах против поляков после смерти Тушинского вора. Напротив, он как бы упрекает города за их бездействие: указывая на пример Смоленска, он замечает: “аще бы таких крепкостоятельных и поборательных по вере градов в Российском государстве хотя и немного было, не токмо что все, – никакже бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю вход, но отнюдь, просто рещи, и повадно”²². Не знает еще наш автор и того, что Гермоген не только сочувственно относился к открытому сопротивлению полякам, но, прямо давая благословение на восстание, тем самым как бы становился во главе народного движения. Новая повесть питает уверенность только в сочувствии патриарха тем, кто восстанет против поляков, но не допускает и мысли, чтобы сам патриарх вызвал народ “на кровь дерзнути”. “Ей, ей, никакже такова от него государя поущения не будет; и сам он государь велика разума и смысла и мудра ума; мною: мыслит, чтобы не от него зачалося”, – так решительно высказывается автор и продолжает: “А ожидает (патриарх. – *С.П.*) с часу на час Божия поможения и вашего тщания и дерзновения на них (то есть на поляков. – *С.П.*). Аще и без его государева словеснаго повеления и ручнаго писания по своей правде дерзнете на них злых... не будет от него на вас клятва и прещение, паче же велие благословение на вас и на чадах ваших в роды и роды комуждо до живота его”²³. Между тем мы знаем, что нижегородцы получили от Гермогена словесное благословение идти к Москве против поляков в первые дни 1611 г., если еще не в конце 1610 г.; а 27-го января 1611 г. патриарх уже прислал нижегородцам и письменные воззвания²⁴. Современники Смутной эпохи (князь Иван Михайло-

---

²² Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 370 об.

²³ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 383 об. и 384.

²⁴ 12-го января 1611 г. в Нижний приехали из Москвы “сын боярской Роман Пахомов да посадской человек Родион Мосеев” и сказали, “что приказывал с ними в Нижней... святейший Ермоген патриарх... речью”. После этого “по благословению святейшаго Ермогена... и по совету всей земли” нижегородцы решили идти против поляков “к Москве в тот час” (СГГД. Ч. 2. № 228; ААЭ. Т. 2. № 176. С. 301). О грамотах от патриарха, присланных в Нижний 27-го января см.: СГГД. Ч. 2. № 229; ААЭ. Т. 2. № 176. С. 297.

вич Катырев-Ростовский и поляк Маскевич) свидетельствуют, что Гермоген стал решительно действовать против поляков словом и пером непосредственно после смерти Тушинского вора, то есть в декабре 1610 г.²⁵ На призыв Гермогена очень скоро отозвались многие города: в январе 1611 г. поднимался Нижний²⁶; московские бояре уже в первой половине января извещали гетмана Сапегу об измене Прокопия Ляпунова и писали королю, что Ляпунов возмущает весь Рязанский край²⁷. Ни о чем подобном нет ни слова в Новой повести. С достаточным основанием мы можем отсюда заключить, что события, в самом начале 1611 г. ставшие известными и московскому правительству (движение в Рязани), и русским людям далеких от Москвы мест (благословение Гермогена, разглашенное нижегородцами по другим городам), оставались неизвестными автору Новой повести. Он составил свое письмо, очевидно, ранее, чем мог узнать эти обстоятельства, весьма для него важные. Вызывая москвичей на восстание, он имел прямую выгоду указать на авторитет патриарха и на пример Ляпунова и нижегородцев. Если он не считал удобным и приличным, из боязни повредить Гермогену, прямо утверждать, что патриарх содействует восстанию, то ничто не мешало ему указать москвичам на восстание других городов. Он мог рано узнать о движении в государстве против поляков, потому что был “зело пожалован” правительством и знал его “думы и мысли”; заговорить об этом движении было прямо в его интересе; если он этого не сделал, то всего вероятнее потому, что он об этом еще не знал.

Итак, вторая половина декабря 1610 и начало января 1611 г. – вот вероятное время составления Новой повести, если судить по

---

²⁵ Изборник. С. 306 (см. также: Рукопись Филарета. СПб., 1837. С. 42–43; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 304–305; Сказания современников о Димитрии Самозванце. Т. 2. С. 48–49). Тушинский вор убит 11 декабря 1610 г. (АИ. Т. 2. № 307).

²⁶ СГГД. Ч. 2. № 228; ААЭ. Т. 2. № 176. С. 301.

²⁷ Гетман Ян Сапега писал князю Ю.Н. Трубецкому: “да генваря, господине, в 14-й день писали ко мне с Москвы бояре... что отложились от Москвы Прокопий Ляпунов со многими городы” (СГГД. Ч. 2. № 237. С. 508). Судя по дневнику Сапеги, 14 (24)-го января Сапега уже получил это извещение (Сын Отечества. 1838. № 1, Науки и Искусства. С. 58). Король Сигизмунд знал о восстании Ляпунова уже 17-го января (старого стиля) 1611 г. (Сборник Муханова. 2-е изд. № 110. С. 184–185. Ср.: СГГД. Ч. 2. № 223). О том, что движение Ляпунова было вызвано влиянием Гермогена, находим несколько данных в городских грамотах 1611 г. (СГГД. Ч. 2. № 229; ААЭ. Т. 2. № 176 и № 179), у князя Катырева-Ростовского (Изборник. С. 306) и у Жолкевского (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные П.А. Мухановым. 2-е изд. СПб., 1871. С. 115). Этому, однако, несколько противоречит показание Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 151 и 155).

данным ее текста. В обстоятельствах московской жизни за это время найдем подтверждение этому выводу. Еще в октябре 1610 г. гетман Жолкевский знал о намерении Сигизмунда приобрести Москву не для Владислава, а для себя; это желание короля, сообщенное гетману и письменно и устно, заставило его уехать из Москвы к королю²⁸. В октябре намерение Сигизмунда было еще тайной, а через какой-нибудь месяц, в конце ноября, московские сторонники короля уже решились требовать от Гермогена, чтобы он вместе с ними приказал великому посольству “положиться на королевскую волю”. Гермоген понял, что за этим требованием скрывается желание отдать Москву Сигизмунду и “целовати крест самому королю, а не королевичу”. В таком же смысле поняли это и другие русские люди²⁹, и желание короля завладеть Москвой стало быстро оглашаться. Уже 7-го января о нем знали в Казани; в Москве же узнали, разумеется, ранее, – вернее всего, в декабре, тотчас после столкновения патриарха с боярами³⁰. Понятно, что известие о затаенных враждебных стремлениях Сигизмунда заставило русских подумать о расторжении договора с Владиславом. И без того отношения москвичей к польскому гарнизону стали к декабрю весьма натянутыми³¹. Но, конечно, трудно было сразу придти к решению открытою силой стать против врагов. К тому же существование Тушинского вора не позволяло вести прямого расчета с поляками: борьба с внешним врагом давала бы новые силы внутренним элементам беспорядка. 11-го декабря, однако, вора не стало, самозванщина перестала грозить русскому обществу, и расчет с поляками стал возможен. Одна из грамот 1611 г. прекрасно передает, как повлияло известие об убийстве вора на настроение москвичей: “и в то время на Москве русские люди возрадовалися и стали меж себя говорить, как

---

²⁸ Записки гетмана Жолкевского... С. 95–96.

²⁹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 152–153; СГГД. Ч. 2. № 224. С. 491; ААЭ. Т. 2. № 170. С. 292; *Соловьев*. История. Т. 8. С. 350. Как мы видели выше, Новая Повесть также говорит, что от Гермогена требовали благословения на присягу королю (рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 379).

³⁰ СГГД. Ч. 2. № 224. С. 490; ААЭ. Т. 2. № 170. Из Казани писали в Хлынов, что 7-го января в Казань прямо из Москвы пришло известие о желании бояр целовать крест Сигизмунду и о том, что Гермоген по этому делу собирал народ “в соборную церковь”. “И гости и торговые и всякие люди, пришед в соборную церковь, отказали, что им королю креста не целовати”. Если это известие справедливо и Гермоген действительно говорил всему народу о незаконном намерении бояр, то это было в самом начале декабря, до смерти Тушинского вора, потому что казанцы, зная об этом, не знали еще, что вор убит, и 9 января целовали ему крест [Ср.: ААЭ. Т. 2. № 167].

³¹ СГГД. Ч. 2. № 224; ААЭ. Т. 2. № 170.

бы де во всей земли всем людем соединитись и стати против литовских людей, чтоб литовские люди изо всее земли Московския вышли все до одного, на чем крест целовали”³². После смерти самозванца явилась таким образом определенная мысль об общем соединении и открытой борьбе с врагами. Как мы видели, через какой-нибудь месяц после смерти вора московское боярское правительство уже доносило Сигизмунду о движении Ляпунова. Сообщало оно королю и о толках против поляков в Москве. В ответе своем боярам Сигизмунд повторял их донесение такими словами: “писали естя к нам, што... почала быти во многих людех московских молва и смута многая, што бутто мы, великий государь, сына нашего на Московское государство дати не хотим, бутто мы того государства Московского к Польше и к Литве достигать хотим и вашу православную христьянскую веру греческаго закона бутто мы, государь, порушити хотим и переворотити в латынскую и в иную веру”. Король просил не верить этим толкам и уверял: “а что люди, нам и сыну нашему недоброхоты, о нас пишут и сказывают, то все за злосердие и неправду делают”³³.

В продолжение этого месяца, протекшего от смерти вора до получения в Москве известий о движении в городах, и была, очевидно, составлена Новая повесть. Автор ее знал о смерти вора: он ни слова не говорит о самозванце. Если бы последний был жив, автор не мог бы умолчать о нем при том важном значении, какое имел вор в отношениях москвичей к полякам; к тому же автор Повести знает факты, происшедшие одновременно со смертью самозванца, – расколе в великом посольстве под Смоленском. С другой стороны, мы видели, что Повесть была написана до обнаружения восстания в городах³⁴. Своим содержанием она совершенно соответствует тем толкам против поляков, какие поднялись непосредственно после смерти вора. Автор Повести требует только изгнания поляков из Руси, но не отрицает безусловно кандидатуры Владислава. Сигизмунда он обвиняет именно в том, в чем тот оправдывался пред боярами в своей грамоте: быть может, даже Сигизмунд знал о существовании Новой Повести, когда говорил боярам о недоброхотах, пишущих про него по злосердию

---

³² СГГД. Ч. 2. № 226; ААЭ. Т. 2. № 176. С. 300.

³³ СГГД. Ч. 2. № 235. [См. также: СГГД. Ч. 2. С. 522, 540].

³⁴ Мы склонны предполагать, что автор писал свое письмо около праздника Рождества Христова: на святки в Москву стекалось много народа, а для автора было очень важно воспользоваться многолюдством в видах большего распространения его Повести и успеха восстания, которое он надеялся возбудить. У Маскевича (Сказания современников о Дмитрии самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 2. С. 49–50) находим описание святок 1610–1611 г. в Москве: они прошли беспокойно.

и неправде. Таким образом Новую повесть мы можем считать одним из первых по времени протестов против польского правительства. Автор писал в те минуты, когда скрытые планы Сигизмунда только что стали известны в Москве и когда патриарх еще не вполне обнаружил свою решимость руководить народом в борьбе с поляками. Этими обстоятельствами многое объясняется в изложении нашего автора.

Прямым призывом москвичей к восстанию на поляков автор и начинает и кончает свою Повесть³⁵. Все его изложение направлено к тому, чтобы показать необходимость вооруженной расправы с поляками и изменниками. Он рисует яркими красками бедственное положение государства, преданного своими же в руки поляков. Доказывая, что Сигизмунд желает разорить Московское государство и затем повелевать им из Польши, он убеждает москвичей не верить искренности и добрым намерениям поляков. Он предсказывает скорую гибель Руси, если народ не поддержит своих немногих защитников: Гермогена, московских послов под Смоленском и осажденный Смоленск. С грустью говорит он, что Гермоген терпит обиды и гонения в Москве; московские послы уже сдаются на волю короля, кроме двух только “вящих” послов пример Смоленска не находит подражания в других городах, послушных польской и изменничьей власти, а в Москве горсть поляков и изменников притесняет безнаказанно русский народ. Необходимо восстать против врагов, иначе, по мнению автора, гибель Москвы и государства неизбежна³⁶.

Указанными фактами и лицами и ограничивается автор в своем изложении. Собственно повествования о событиях мы у него не находим: он только обсуждает факты, в большинстве известные его современникам, и ограничивается иногда одним намеком на какое-нибудь обстоятельство, которое читателю нашего вре-

---

³⁵ “Не нерадите о себе”, – говорит автор москвичам в начале Повести: “вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру и за святая Божия церкви и за свои души и за свое Отечество и за достояние, еже нам Господь дал”. В заключении Повести читаем снова: “И вы, православнии, Богом почтении, умилитея душою, содрогните сердцем, зряще на себе такая неудобносимыя беды и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своих и поправление веры наша православныя, и не давайте сами себя в руки врагом своим. Взяв Бога на помощь и Пречистую Его Матерь и великих чудотворцов и всех святых, дерзайте на врагов своих” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 369 и 387).

³⁶ Содержание Новой повести в той последовательности, какой держится автор, передано нами в статье “Новая повесть о Смутном времени XVII века”. С. 54–61.

мени приходится угадывать³⁷. С особенным вниманием останавливается он на выяснении планов Сигизмунда, насилий и беззаконий поляков и русских изменников в Москве и на отношении к событиям патриарха. Все это вызвано, как надобно думать, обстоятельствами именно той минуты, когда писана Новая повесть. В первые дни после того, как обнаружилось желание Сигизмунда владеть Москвой, еще необходимо было доказывать и пояснять народу это желание. С другой стороны, народ еще не так враждебно относился к польскому гарнизону, как позже, пред сожжением Москвы, и не мог еще понять поведения М. Салтыкова, Ф. Андропова и им подобных. Наконец, и патриарх не успел еще заявить о себе как об открытом враге польских притязаний.

Что касается до планов Сигизмунда, то автор подходит к их объяснению чрез краткое изложение обстоятельств избрания Владислава. Он говорит, что к Сигизмунду было отправлено посольство “на добрейшее дело”: просить у него сына на московский престол. Королевич должен был принять православие и успокоить Московское государство, изгнав из него поляков и истребив “злое корение и зелие”, то есть самозванчину. Но “добрейшее дело” не может состояться, потому что Сигизмунд следует примеру прежних польско-литовских государей: “От давних лет, – говорит автор, – мысля(т) на наше великое государство все они окаянники и безбожники, иже и преж того были ево же (то есть Сигизмунда. – *С.П.*) братия в той же их проклятой земле и вере, како бы им великое государство наше похитити и вера христианская искоренити и своя богомерзская учинити; но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостата вра-

---

³⁷ Таков, например, его намек на преступление поляка Блинского, стрелявшего в икону Богоматери, находившуюся в воротах на одной из московских стен. Блинский был казнен, а его руки были прибиты под иконой. Об этом говорят Маскевич и Буссов (Сказания современников о Димитрии самозванце. 3-е изд. Ч. 2. С. 47–48; Ч. 1. С. 131–132; *Rerum Rossicarum Scriptorum exteri*. V. 1. P. 120–121). Наш автор, доказывая, что поляки не щадят русских святых, говорит о поступке Блинского только следующее: “в вид существа Божия и Пречистыя Его Матере стреляют, яко же ныне свидетельствуют злодейственней руце, пригвожденней к стене под образом Матери Божии” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 377). Здесь не лишним будет заметить, что Буссов помещает казнь Блинского по общему ходу своего изложения, в конце января или начале февраля 1611 г. Если верить Буссову, надобно написание Новой повести отнести, самое раннее, к февралю. Но Буссову противоречит Маскевич, который рассказывает о Блинском до описания рождественских дней и убийства Тушинского вора. Кроме того, если бы Повесть писана была в феврале, автору, без сомнения, было бы уже известно движение городов против поляков. Вот почему мы не придаем значения показанию Буссова, хронологическая исправность которого не всегда одинакова.

га короля”³⁸. Король очень обрадовался московскому посольству в своих целях: он думал, что ему легко будет овладеть Московским государством, когда в Москве находятся польские войска и когда русские изменники готовы ему служить. Он немедля пошел бы в Москву, если бы Смоленск не сопротивлялся так упорно; его доброхоты немедля привели бы Москву к присяге самому Сигизмунду, если бы этому не противился Гермоген. Теперь же король поневоле стоит у Смоленска и еще скрывает свои намерения. Но автор думает, что ни граждане Смоленска, ни патриарх не спасут Русской земли, если их не поддержат русские люди. Сам Сигизмунд, по его мнению, уверен в своем успехе: “уже конечно во уме своем мыслит, что великое наше государство обовладел, а бевовского своего воинства всю нашу землю наполнил и конечно надежен стал быти”³⁹. Эта надежда на успех повлияла на поведение слуг Сигизмунда в самой Москве: они требуют от патриарха, уже не скрываясь, присяги на имя короля и притесняют русских людей.

Поведение королевских слуг, поляков и русских, в Москве Новая повесть описывает любопытными чертами. “Сами видите, – говорит автор, – что они ныне над нами чинят: всегда в очех наших всем нам смерть показывают и поругаются и насилуют нам и посекают нас и дома наша у нас отнимают”. Указав, что поляки даже не щадят святыни русской и стреляют в образа (как мы выше сказали, это намек на поступок Блинского), автор свидетельствует, что такие поступки не остаются у поляков без наказания, – но вместе с тем прибавляет: “на то не смотрите, православнии христиане, и не имите тому веры, что они ныне пред вами лицемерство чинят, сами своих людей казнят, а все нам блазнят; уверяючи и прельщаючи вас тем, тако творят и сказывают, что не отцу быти у нас, но сыну”. Автор указывает и причину, почему поляки боятся слишком раздражать народ в Москве: “для того нам лстят и блазнят, чтоб нас всех тем областити и укротити и великим бы нашим морем не взмутити и им бы самем врагом в нем не потонуту”⁴⁰. Боясь возмущения этого моря, поляки принимают в Москве ряд предосторожностей: “ныне послали во все города, по которым стоят такая же губители и кровопролители неповинных новоизраилетских кровей, а велели им быти сюда к нам (то есть в Москву. – *С.П.*); а наших людей же в воинском чину, которых живут у нас zde, тех всех ссылают долов, а умышляючи то, чтобы их

³⁸ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 372.

³⁹ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 373 об.–374 [Ср.: СГГД. Ч. 2. С. 518].

⁴⁰ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 377–378.

врагов было много, а нас было мало, чтоб нам отнюд противу их стати не мочно”. Собирая людей, поляки в то же время укрепляли город, затворяя часть ворот, и держали сильные караулы в городе. Эти предосторожности оскорбляют автора Новой повести: он думает, что поляки желают ими “живую и явную смерть казати” москвичам⁴¹.

В то же время слуги Сигизмунда работают всячески в его пользу, приготавливая ему дорогу к московскому престолу. В числе таких доброхотов короля автор прежде всего называет русских бояр, “земледержцев и правителей, ныне же близ рещи и кривителей”. Первое место между этими кривителями, рабски угождающими королю, занимают два лица, не названных в Повести по имени: в них можно угадать боярина Салтыкова и думного дворянина Андропова. В то время как первый решается требовать от патриарха благословения целовать крест Сигизмунду, второй отправляет к королю царскую казну, которою он управляет. Называя Салтыкова “начальным губителем”, автор Новой повести относится к нему все-таки мягче, чем к Андропову. Его возмущает и поведение, и происхождение Андропова: “неведомо кто”, говорит он об Андропове: “ни от царских родов, ни от боярских сынов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают, от смердовских рабов”. Фамилию Андропова он подменяет неприличным прозвищем и ядовито смеется над родовитыми московскими людьми, которые предали Сигизмунду и поневоле ухаживают за Андроповым: “смотрят из рук и из скверных уст его, что им даст и укажет, яко нищии у богатаго проклятаго”. А между тем Андропов, по выражению автора, иному из них “и в подножие ног не гожд”⁴². Если не считать В.В. Голицына, одного из “вящих двух” членов посольства, то можно сказать, что автор ко всей московской правящей аристократии относится с ненавистью и как бы желает подорвать всякий ее кредит в глазах народа, представляя боярство врагом народа и православия. Он не жалеет слов, чтобы доказать измену боярства, и если поминает о немногих верных своему долгу боярах, то прибавляет, что они “не могут ничего учинити и не смеют стати” против врагов⁴³.

---

⁴¹ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 377 об., 384–385. См. также выписки из Повести: ЖМНП. 1886. Январь. С. 59–60. Показания Новой повести напоминают описание хода дел в Москве (в декабре 1610 г. или в начале января 1611 г.), какое находим в казанской грамоте на Вятку (СГГД. Ч. 2. № 224; ААЭ. Т. 2. № 170).

⁴² Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 385–386, 382; ЖМНП. 1886. Январь. С. 60–61.

⁴³ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 373, 382; ЖМНП. 1886. Январь. С. 55–56. Вот наиболее яркое место о боярах, служащих королю: “И тако

Зато все симпатии автора на стороне Гермогена. Он благоговееет пред патриархом, и в его рассказе Гермоген принимает черты эпического героя. Патриарх – единственная твердая опора веры и народа: как исполин безоружный, одним словом своим он поражает многочисленных врагов и движет народную массой; как непоколебимый столп, он держит собою все государство; как твердый адамант, он является неодолимым препятствием для врагов и защищает от них свою паству как “стена” и “забрало”. С его смертью православие неизбежно должно погибнуть, если сам народ не станет на его защиту⁴⁴. Твердость патриарха в борьбе с врагами обнаружилась тогда, когда от него “начальный губитель” Салтыков потребовал благословения на присягу королю. Гермоген на требование и брань отвечал твердым отказом: “да будеши проклят со всем своим соньмом в сем веце и в будущем, но и с тем, его ж желаеши и всего мира спасете ему всем усты касатися поущаеши (то есть с королем. – С.П.). И еще прирек: не токмо нам он гоуж, но и тако его отрасль, аще не придет в наше хотение”⁴⁵.

те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же нам всего учинили, что нас всех выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними со враги вооружилися вкупе и хотят нас всех погубити и веру християнскую искоренити” (л. 382–382 об.).

⁴⁴ Вот какими словами говорит автор о Гермогене: “Яко столб, непоколебимо стоит посреди нашея великая земли, сиречь посреди нашего великаго государства, и по православной вере побораеет и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит един противу всех их, аки исполин муж безо оружия и безо ополчения воинскаго, токмо учение, яко палицу в руку свою, держа противу великих агарянских полков и побивая всех; такоже и он, государь, вместо оружия токмо словом Божиим всем соперником нашим загражая уста и посрамляя лица и безделны отсылая от себя. И нас всех укрепляет и поучает, чтобы страха их и прещения не боятися и душами своими от Бога не отщелитися” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 374 об.). “Зде у нас прежереченный и непоколебимый столп сам крепко и непоколебимо во уме своем стоит и не стены едины великаго нашего града держит, но и живущих в них всех крепит и учит... и паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает. Сами вси видите: аще бы не он, государь, зде держал, кто бы таков ин востал и противу тех наших врагов и губителей крепко стал? Давно бы страха ради прещения от Бога отступили, душами своими пали и пропали” (Там же. Л. 376). “Только у нас ныне по Бозе и по Пречистой Его Матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель. Аще кторою мерою от тех врагов наших что над ним, государем, учинитца, и телесне разрешитца и от света сего прелестнаго в вечныя обители преселится, – конечно и вера наша изгубится (от) настоящих наших губителей, аще ваше противление к ним не явится. Аще ли его, государя, от них Бог соблюдет и неврежен поживет, тогда Бога и Пречистую Его Матерь и великих наших чудотворцов и всех святых умолит, и себя и нас всех спасет, и веру удержит, и врагов победит молитвою своею” (Там же. Л. 382 об.–383).

⁴⁵ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 379 об.–380.

Хотя “начальный губитель” и испросил себе лицемерно прощение у патриарха, однако за его отказ начал его притеснять⁴⁶. Но гонения не заставили Гермогена изменить своей воли: не принимать не только короля, но и Владислава, если он нарушит первоначальный договор с ним русских людей. Непрестанною молитвой просит он у Бога помощи и ожидает поддержки со стороны народа: “ожидает с часу на час, – говорит автор, – Божия поможения и вашего тщания и дерзновения на них (то есть на врагов. – С.П.)”. Но вместе с тем автор уверенно говорит, что Гермоген не подаст сам знака к восстанию, хотя и благословит тех, кто смело восстанет на поляков⁴⁷. Трудно сказать, на чем основана такая уверенность, но она заставляет автора энергичнее призывать народ к восстанию, не дожидаясь со стороны патриарха “словеснаго повеления и ручнаго писания”.

Таково в главных чертах содержание Новой повести. Она дает весьма мало фактического материала, зато сама является ценным литературным фактом. Как живой голос русского человека, возмущенного иноземным господством и поведением боярства, но в то же время боящегося этой ненавистной власти, – Новая повесть вскрывает те чувства и мысли, какие общи были многим москвичам в любопытный исторический момент. В конце 1610 и начале 1611 г. долгая внутренняя смута переходила из междоусобия в национальную борьбу против исконного врага Руси, завладевшего Москвой; в русских людях просыпалось чувство национального единства, являлось сознание необходимости защищать из последних сил самостоятельность государства и религии. Первым носителем этого сознания был Гермоген, руководивший движением земли против Сигизмунда. Новая повесть показывает нам, что в первые же минуты, как только обнаружилось притязания короля, патриарх имел уже у себя сторонников и помощников. Автор Повести старался своим письмом провести в массу московского населения те идеи, которые Гермоген распространял по всему русскому государству. Страстность, с какою написана Повесть, заставляет с осторожностью относиться к ее фактическим показаниям. Но взгляды на события, отзывы о лицах, тон, которым

---

⁴⁶ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 380–380 об. Показание нашего автора, что Салтыков после ссоры с Гермогеном “всяко стужает и теснит” патриарха, подтверждается одною из городских грамот (СГД. Ч. 2. № 228; ААЭ. Т. 2. № 176. С. 301). Как показание Новой Повести (предположительно), так и показание грамоты (наверно) должны быть отнесены к декабрю 1610 г.

⁴⁷ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 383 об.–384. Выписки об отношении Гермогена к восстанию против поляков приведены нами выше.

говорит автор о том или другом современном явлении, драгоценны для историка, потому что помогают ему уловить и воссоздать первые проблески того общественного настроения, которое быстро окрепло, сплотило всю народную массу одним национальным чувством и повело к возвращению государственного порядка и национальной самостоятельности. Этою своею стороною Новая Повесть представляет большой интерес.

Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства, заключающий в себе краткий обзор событий Смутного времени до разорения Москвы, дошел до нас в немногих и неудовлетворительных списках⁴⁸. Мы знаем лишь один список, в котором это произведение сохранилось в своем первоначальном виде⁴⁹. Из двух других списков один не имеет конца и довольно неисправен⁵⁰; другой же, при большей исправности, представляет, однако, те неудобства, что в нем отрывки Плача разделены выдержками из других произведений о Смуте⁵¹. Хотя часть Плача

---

⁴⁸ [См. *Примечание 8*].

⁴⁹ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504, в 4 долю, XVII в. (конца), 265 л. Плач помещен на л. 253–265; первые же листы заняты Сказанием Авраамия Палицына; список небрежный. Заглавие Плача, приведенное нами, взято из этого списка.

⁵⁰ Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529 (из собрания А.Н. Попова), петровского времени, в 4 долю, 461 л. Плач находится на л. 425–438 и носит название: “О пленении и конечном разорении Московскаго государства”. В этом списке недостает конца Плача, и изложение прерывается на рассказе о сожжении Москвы в 1611 г. Перед Плачем помещена разобранная нами выше “Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов” (л. 326–386). В ней находим обширные вставки из “Сказания и Повести, еже содеяся” и т.д. (Чтения ОИДР. 1846–1847. Т. 9. С. 1–24, и отдельно: М., 1847). За Повестью в рукописи следует ряд грамот 1606 г. о Лжедимитрии (л. 386–425), какие находятся в Ином сказании (Иное сказание... С. 42 и далее) [РИБ. Т. 13. Стб. 73 и сл.].

⁵¹ Рукопись библиотеки графа А.С. Уварова. № 896 (из бывшего собрания И.Н. Царского, по описанию П.М. Строева (Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому / Разобраны и описаны П. Строевым. М., 1848. Отд. II. № 417), в 4 долю, 1671–1676 гг., 288 л. На листах 144–245 об. находим компилятивное повествование под заглавием: “Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны грешныя Господь Бог праведный гнев свой, грех ради наших беззаконных, и како разорися Великая Россия попусщением Божиим от неверных язык и от междуусобныя брани, и о излинии крови многия христианския греческаго закона сынов русских”. Пред этим повествованием (на л. 143) рукою переписчика сделана надпись: “182 года сентября 1 день о ростриге у Трегубова”. На основании этой надписи можем думать, что компилятивное повествование составлено было не позднее 182 (1674) г. В начале его (л. 144 об.–150 об.) читаем вступительную часть разбираемого нами Плача, от ко-

и была напечатана⁵², но в переделке на южнорусский говор; поэтому в нашем изложении мы будем пользоваться рукописными текстами Плача.

Задача Плача состоит в изображении того критического положения, в каком находилось Московское государство в 1611–1612 гг., после сожжения Москвы и взятия Смоленска. Приемы, с которыми автор выполняет свою задачу, обнаруживают в нем привычку к книжному языку, но фактические неточности рассказа указывают на то, что автор мало был знаком с событиями Смуты. Свое повествование он начинает риторическим вступлением, приглашая “сынов света и чад церковных” плакать о падении “преславныя и ясносияющия великия Росии”. Говоря о славе, богатстве и благоденствии благочестивого Московского государства в прежние дни, автор ставит свою тему в виде вопроса: “како падеся толикий престол благочестия, како разорися благонасажденный виноград?”⁵³. На этот вопрос он отвечает указанием на

торого и вся компиляция названа также Плачем. На л. 151–165 находим начало Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (Изборник. С. 283–297) с многочисленными вставками из Хронографа 2-й редакции, Повести 1606 года и “Сказания и Повести, еже содеся” [РИБ. Т. 13]. Сопоставление источников сделано так неловко, что рассказ о смерти царевича Димитрия повторен дважды (на л. 156–157 – словами Катырева-Ростовского, на л. 164 об.–165 – по “Сказанию и Повести, еже содеся”). Далее, на л. 165 об.–175 об. помещена с некоторыми сокращениями часть Жития царевича Димитрия, внесенного в Минеи Милютина. На л. 175 об. – 222 об. продолжается на основании прежних источников (Повести Катырева-Ростовского, Повести 1606 года и Сказания, еже содеся и т. д.) рассказ о появлении и гибели первого самозванца, о воцарении Шуйского и борьбе его с Болотниковым (до взятия Тулы). На л. 223–224 находим второй отрывок из разбираемого Плача – о появлении Тушинского вора. За ним, на л. 224–230, помещен пересказ Повести протопопа Терентия о видении духовна мужа. На л. 230–238 об. читаем окончание разбираемого Плача, и, наконец, на л. 239–245 об., повествование заключается грамотами 1606 года целиком и в сокращенном пересказе (Иное сказание... С.42 и далее) [РИБ. Т. 13. Стб. 73 и сл.]. Сопоставляя с полным списком Плача его отрывки, разбросанные между прочими источниками компиляции, находим, что они составляют почти полный текст Плача: недостает только рассказа о первом самозванце. Вместе с тем в сравнении с полным списком можно указать и два весьма заметных дополнения, о которых будет речь ниже.

⁵² Временник ОИДР. Т. 5. Смесь. С. 56. Здесь находим первую половину Плача; заключительного рассказа о разорении Москвы в 1611 г. нет; выпущены также места о “домашних врагах”, которые избрали Владислава и пустили поляков в Москву (см. ниже).

⁵³ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск., № 1504. Л. 253 об. В рукописи графа Уварова № 896, л. 145, это место читается иначе: “како падеся толикий вихрь на благочестие и како разорися Богом насажденный виноград?” Затем, в сравнении с прочими списками, в этой рукописи вступление в его конце значительно дополнено (л. 146 от слов “Обаче ж во обычное моление притеку”

причины Смуты и кратким рассказом о ее развитии. Причиной разорения государства, по его мнению, были грехи монархов, предшествовавших Смуте, и грехи всего народа. Монархи уклонились от православия и снизошли до волшебства и чарования (в этом ясный намек на Бориса Годунова): они окружили себя пагубными советниками, слушали клеветы, и, возлюбив гордость и злобу, стали жестоки (в этом можно видеть намеки одинаково на Грозного и на Бориса)⁵⁴. И народ от головы и до ног покрылся “неизцельными” грехами⁵⁵. В наказание Господь попустил на Русь голод, а за ним бедствие, неизвестное ни богословским, ни философским, ни историческим книгам, именно, самозванца. С упоминания о голоде и с рассказа о первом самозванце начинается в Плаче фактическое изложение событий Смутного времени. Оно не богато содержанием, не дает нам ничего нового и интересно только своими ошибками. Автор его, как увидим ниже, пользовался в своем изложении письменными источниками. Хотя некоторых его показаний и не находим в этих источниках, однако ни одна черта Плача не показывает нам, чтобы автор был очевидцем описанных им событий и хорошо знал обстоятельства смутной эпохи.

до л. 150, до слов “Начну ж беседовати сиче”): автор обращается с молитвою к Богоматери и недоумевает, как попустила Она оскорбление своей святыни и разорение Русского государства. “О, како к тому помышлю и возглаголю, – восклицает автор, – яже в нас содеяшеса, да и ныне деется по смотрению Божию за неправду и за гордение и за грабление и за прочия лукавыя злыя дела” (л. 148–148 об.). По словам “да и ныне деется” можно думать, что это дополнение не есть позднейшая вставка, а часть Плача, пропущенная переписчиками других списков. Но обилие испорченных и трудно понимаемых мест мешает твердо установить внутреннее соответствие этого дополнения с другими частями Плача.

⁵⁴ “Сущи в нем (то есть в Русском государстве. – С.П.) живущии царие вместо лествицы ко Господу возводящия спасительных словес, иже рожают ся от книгородныхдохматов, приша богоненавистныя дары: бесовския козни, волжбу и чарование. И вместо духовных людей и сыновеи света возлюбиша чад сатаниных, иже отводят от Бога и от неблазненного света во тму. И не даша места умному своему слуху видети словеси правдива, но клевету на благородных ненависти ради ясно послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко реки, излишася. И вместо непобедимаго жезла богородражательныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша”. Приводим это место по рукописи Московского Публичного и Румянцевского музеев № 2529 (л. 427 об.–428). В других списках оно передано с частыми описками, но ничем не различается по смыслу (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 255 об.; Рукопись графа Уварова № 896. Л. 150–150 об.).

⁵⁵ “К сему ж от великих и благородных, от премудрых и до простых, вкратце реку, от главы и до ногу все неисцельными струпы обяшася” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 255 об.; Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 428 об.).

Начиная свой рассказ краткою заметкой о побеге самозванца из Москвы в Польшу, автор сообщает, что польский король, паны и католическое духовенство с радостью дали самозванцу литовское войско, чтобы воздвигнуть “меч на кровь христианскую”. Северские города приняли Лжедмитрия за истинного государя и вместе с ним “воздвигоша меч против братьий своих”. Когда уже самозванец завладел престолом, тогда только русские люди узнали, что это не Дмитрий, а расстрига Отрепьев. Однако он царствовал, страхом укрепляя свою власть, свергая иерархов и проливая кровь подданных. Он даже не устыдился ввести в церковь некрещеную свою невесту и повенчаться с ней, а затем пожелал и в конец искоренить православную веру и ввести латинство и люторство. Но тогда Бог “разсыпа бесовския козни его”, и он “срамную смерть от рук правоверных скончася”⁵⁶. После его смерти русские люди надеялись, что подобные соблазны самозванщины никогда не повторятся, а между тем, “паки того ж проименованием царя Дмитрия ин враг воздвижеся”: явился второй самозванец, то есть Тушинский вор. Он нашел себе сторонников, привлек к себе Марину Мнишек и получил помощь от польского короля. Король выслал на Русь свое войско, и оно разрушило

---

⁵⁶ На повествовании Плача о первом самозванце отразилась составленная в феврале 1607 года так называемая прощальная грамота патриархов Иова и Гермогена (ААЭ. Т. 2. № 67). Автор Плача подражает ей и даже заимствует из нее целые фразы. Так, например, от лица Иова в прощальной грамоте рассказывается о свержении его с престола и затем о поведении самозванца в Москве: по словам Иова, самозванец “многия крестьянския церкви осквернил и не прия в сытость сицева бесовскаго яда, но и до конца хотя разорити нашу непорочную христианскую веру, прияв себе из Литовския земли невесту, люторския веры девку, и введе ея в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и венча царьским венцом и повеле той своей скверной невесте прикладыватися и в царьских дверех святым миром ея помазал” (ААЭ. Т. 2. № 67. С. 155). В Плаче читаем, что самозванец “святителей и отец начальствующих со престолов сверг и многих пастырей и наставников от паств отлучил, безчисленныя крови христианския излиял. И не прия в сытость сицева бесовскаго яда, приял себе жену Люторския веры невесту Маринку и не устыдився ни мало, ниже убоявся безсмертнаго Бога, ввел ея некрещену в соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и венчав ея царьским венцем” (Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 431–431 об.; Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 257 об.–258). В таком близком сходстве фраз мы в праве видеть прямое подражание; заметно оно и в упоминании автора Плача о том, что царь В. Шуйский “бысть от корени святаго благовернаго князя Александра Ярославича Невскаго”. Вообще, при сличении мест Плача, относящихся к истории первого самозванца, с официальными грамотами Шуйского о свержении Лжедмитрия, мы готовы допустить предположение, что эти грамоты были известны автору Плача: он близко подходит к ним многими фразами своего рассказа.

города, поругало святыню, избило много православного народа. Вслед за вором и поляками, двумя главными врагами, поднялись враги второстепенные: явилось много самозванцев под разными именами. Все они, правда, погибли бесследно, но сильнейшие враги Руси восторжествовали над нею: польский король с течением времени сам поднялся на Русь и взял Смоленск, несмотря на его храброе сопротивление. В то же время Тушинский вор стоял под самою Москвою “с проклятою Литвою” и русскими изменниками. И в самой Москве нашлись изменники, “домашнии врази: от синклита царска Михайло Салтыков, от рода купецка Федка Ондронов и инии с ними”. Они отправились к королю, как бы посланниками от всей Москвы, просить на Московское царство королевича. По совету с королем им удалось действительно прельстить москвичей “епистолиями королевскими и своими злохитренными глаголы”, чтобы москвичи приняли Владислава с условием его перехода в православие. Затем они явились под Москву вместе с королевским гетманом (Жолкевским). Самозванец же по тайному соглашению с пришедшими поляками стал в это время особенно теснить Москву и разорять страну. Не понимая тайного союза врагов, русские люди из боязни вора решили принять королевича и для этого “несовершенством ума” своего свергли Шуйского, постригли его и отослали к королю, а литовское войско впустили в Москву⁵⁷. Один патриарх Гермоген понимал всю опасность происшедших событий и увещевал москвичей не дружить с поляками: он указывал на полную невозможность сближения с врагами православия и, осуждая мятежное свержение законного

---

⁵⁷ В одном списке Плача (Рукопись графа Уварова. № 896. Л. 231 об.–232) вся вина свержения Шуйского возложена на боярство: “Людие ж, живущии в велицей Росии, властодержцы московстии бояре сотониною завистию и дьявольским гордением не восхотеша царю Василию поклонитися, а не разумеша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотеша прияти королевича на Московское государство царствовать, и простотою и несовершенством ума Богом избраннаго царя Василия Шуйскаго со престола здвинули и от царствия отлучили”. В других списках это место читается так: “Людие же, живущии в великой Росии, не уразумеша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотеша прияти королевича на Московское государство царствовать, и несовершенством ума Богом избраннаго царя (Василия Ивановича всеа Русии) с престола свергнули и от царствия отлучили” (Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 435 об.–436; рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504. Л. 261 об.). Сопоставление текстов свидетельствует, что место о боярах насильственно разрывает правильную фразу о доверчивых и несовершенных умом московских людях, которые свергли Шуйского не по гордости, а по своей простоте. С полным основанием поэтому можно считать это место позднейшею вставкой.

государя, призывал народ молить у Бога вразумления и помощи⁵⁸. Не все слушали Гермогена с сочувствием, многие осуждали его, против него “нелепая вещающе”. А между тем поляки в Москве стали делать насилия, построили костелы, наконец, воздвигли “многоятежную бурю” на русских людей и пролили реки крови. Автор понимает под этою бурей разрушение Москвы и, обращаясь к тем людям, “иже не видеша сицеваго великия Росия разорения”, требует от них усиленного внимания к этому главнейшему факту своего повествования.

Поляки, говорит автор, завладев Москвой, не сразу решились на ее разорение, но ожидали удобной минуты и совещались с предателями Салтыковым и Андроновым, “которым бы образом разорити превеликий град Москву”. Обсудив дело, они приготовились и исполнили свой умысел, когда “седмица наста спасительных страстей”. Сперва они зажгли церкви и дома в Москве, затем стали избивать граждан и грабить то, что уцелело от огня. Каменные церкви были разграблены, иконы поруганы, все драгоценности в городе и в царской казне расхищены. Не пощадили даже раки мощей блаженного Василия, рассекли ее на части и на том месте, где она стояла, поставили коней и творили безчинства. Трупы убитых побросали в реку, а взятых в плен женщин подвергли поруганию. Уцелевшие от избиения москвичи бежали из Москвы и “по распутиям мнози мразом и гладом и различными скорбьми скончевашася”.

Таковыми чертами рисует автор разрушение Москвы. В одном из двух списков, заключающих в себе окончание Плача⁵⁹, непо-

---

⁵⁸ Приводим целиком увещание Гермогена по списку имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504 (л. 261 об.–262 об.), исправляя его на основании других списков (Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 436–437 об.; Рукопись графа Уварова. № 896. Л. 232–233): «Непоколебимый же столп благочестия, предивный рачитель христианския веры, крепкий адамант, чадолюбивый отец, премудрый иерарх, святейший Ергоген патриарх Московский (и) всеа Русии, видя людей Божиих в велицей Росии мятущихся и зело погибающих, много наказуя их, полезная вещая им, глаголя: “Чада паствы мояе! Послушайте словес моих. Что всуе мятетесь и вверяете душа своя поганым поляком? Которое вам, словесным овцам, причастие (с) злохищными волки? Вы кротцы о Христе, они же дерзостнии от сатаны. Весте сами, яко издавна православная вера наша христианская греческаго закона от иноплеменных стран ненавидима. Кими же нравы примирихомся со иноплеменники сими? Лутче было вам искати, что со слезами и с рыданием всему народу з женами и с чады притещи к неотсекаемой надежи, ко всемилостивому в Троицы славимому Богу и просити милости и щедроты у благодательныя Его десницы, да подаст нам разум благ, еже творити душам своим полезная и царствующему граду и окрестным градом благоустроенная и не мятежная”».

⁵⁹ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504. Л. 264 об.–265 об.

средственно за этим описанием московского пожара, убийств и грабежа следует краткое заключение, в котором автор призывает русских людей к покаянию и молитве, “дабы премилостивый Бог наш, человеколюбия ради своего, пощадил бы нас от врагов наших и злолукавый совет их искоренил и остаток бы Российских царств и градов и веси миром оградил и всяки благодати исполнил и не предал бы нас врагом нашим в расхищение и в плен”. В другом же списке находим вставку, очевидно, позднейшего происхождения, об ополчении Пожарского, освобождении Москвы и воцарении Михаила Федоровича⁶⁰. Сообразно с этой вставкой

---

⁶⁰ Рукопись графа Уварова. № 896. Л. 235 об.—237 об. Вслед за картиной московского разорения (после слов “мнози по путем мразом и гладом смертию скончашася”) здесь читаем: “Милостивый бо Владыко человеколюбец Бог наш, показуя наказав и не до конца род христианский сынов русских в руки неверным предаде. И сбежа с Москвы от сих окаянных убийцов поляков Богом соблюдаемии воины князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Дмитрий Михайлович Пожарской, да с ними ж приложись купец коровой именем Кузма Минин и инии с ними воеводы, иже оне не восхотеша душ своих от Бога отщегити и от веры хрисиянския отрешитися и в люторскую веру впасти и сим неверным не восхотеша повиноватися. И побегоша по окресным градом руским, в Казанския городы, и в Володимир, и в Суздоль, инии в Ярославль, инии в Нижней Новгород. И собраша войско сынов русских, иже кто изволил пострадаги за благоверие и за святую православную христианскую веру, и за святые церкви и обители, и за все православие. И пришедше с войском под царствующий град Москву. Тии ж окаяннии поляки седша в Москве в осаде и ждуще помощи от короля своего. И таково убо сих окаянных сыроядцов и кровопивцов жестосердие и крепкое сидение, яко плоти человеческия ядоша и кровь пьюще и с жребия друг друг убиваше и ядуще, а покорное не сотвориша и не здашася. И молящися князи и воеводы вси Господу Богу и Пречистой Его Богоматери и постящися со всем своим воинством во всех градах и селах Росийския земли, старья и юныя и со младенцы, три дни и три ношы, дабы Господь Бог явил пастыря расхищенному стаду и словесным отцам греческаго закона и словеснаго языка государя и очищение царствующаго града Москвы. Милостивый бо и человеколюбивый Бог наш молитв ради Пречистыя Матере Своея Владычицы нашея Царицы и Богородицы и Приснодевы Марии и Иванны Предтечи и обоюнадесяти апостол и всех святых небесных сил, и молитв ради святых отец новоявленных чудотворцов, иже просиявших в Руской земли, святых трех преосвященных митрополитов Петра и Алексея и Ионы, и преподобных отец наших, иже во обителях святых и в лаврах, и поста ради младенец оных, в три лета едва возмогоша сих окаянных восхитить. Туто ж Божию помощию множество их побиенно бысть; оттуду ж их окаянный король возвратися прочь посрамлен во свою Полшу вспясть. А по одолении сих окаянных и неверных поляков в Московском государстве воздвиже Господь Бог благовернаго и благочестиваго, Богом почтеннаго, и Богом вознесеннаго, и Богом украшеннаго, и Богом венчаннаго, и Богом совершеннаго, и святым елеом помазаннаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца Руской земли”. Что эти строки есть позднейшая вставка в Плач, доказывается как различием слога, так и внутренним несоответствием этого места всему строю Плача. Плач посвящен разорению Москвы и кончается горьким сожалением о ее гибели и молитвою о сохранении того,

переделано и заключение, в котором вместо молитвы о спасении “остатка” государства читаем молитву о спасении “останка рода христианского”, о благополучии нового государя, о сохранении и вразумлении синклита царского и бояр, наконец, о прекращении браней и голода.

Нет необходимости доказывать, что изложение событий Смутного периода в Плаче далеко не верно. Многочисленные неточности, в которые впадает автор Плача, достаточно объясняются его зависимостью от источников, бывших у него в руках. На один источник – прощальную грамоту патриархов Иова и Гермогена – мы уже указывали выше. Этот документ повлиял лишь на повествование Плача о первом самозванце. Гораздо шире, на всех частях фактического рассказа Плача, отразились те грамоты 1611 и 1612 гг., какие рассылались по городам из ополчений Прокопия Ляпунова и князя Д.М. Пожарского⁶¹. Сличение Плача с этими грамотами позволяет нам понять самый процесс составления Плача и объясняет, откуда взялись у автора некоторые его ошибки. Автор Плача вполне усвоил себе ту точку зрения на события, какую давали эти грамоты 1611–1612 гг. Составляя свое произведение, он прямо пересказывал в нем то, что находил в грамотах, и даже вносил в свой Плач отдельные фразы из грамот целиком. Но простой язык грамот не удовлетворял его, и он считал необходимым украшать свое произведение цветистыми оборотами книжной речи⁶². Вместе с тем, отбрасывая из грамот

что еще уцелело в государстве. Вставка же торжествует по поводу освобождения Москвы и избрания государя. Составитель ее не сумел примирить ее радостный тон с печальным тоном всего Плача. Тотчас после приведенной вставки следуют такие слова первоначального Плача: “И кто сия слышав от крестьян, не наполнится плача и рыдания? Кто ли не ужаснется, толикую скорбь и язву слышаще? О присно по духу братие! Кто ли не накажется толикими бедами, не о имени своих скорбяще, но о разорении святых церквей и о позыблении столпа благочестия истинныя христианския веры рыдающе?” Эти восклицания в первоначальном Плаче стоят вполне на месте тотчас после рассказа о разрушении Москвы, но звучат очень странно после вставки о торжестве Руси над врагами и избрании Михаила. Судя по тому, что составитель вставки не знает обстоятельств возникновения в Нижнем земского ополчения, смешивает ополчение Трубецкого с ополчением Пожарского и потому думает, что Москву ополчение осаждало три года, наконец, в своем заключении к Плачу молит Бога укротить страну и прогнать “ратных”, – можно думать, что вставка в Плач сделана в первое время царствования Михаила. Тогда еще страна не была укрощена, и не явилось еще таких литературных произведений, которые позволили бы ознакомиться с событиями Смуты человеку, лично их не знающему. Таков был автор вставки, писавший, очевидно, по неточным слухам о положении дел в Москве и государстве.

⁶¹ СГГД. Ч. 2. № 251, № 262, № 281; ААЭ. Т. 2. № 185, № 188. Т. 5. № 203.

⁶² Приведем несколько сходных мест Плача и той грамоты из ополчения По-

все то, что казалось ему лишним в Плаче, он дополнял Плач такими данными, которых не находим в грамотах. Так, например, явилась у него приведенная нами речь Гермогена: она составлена, вероятно, на основании слухов о патриархе, потому что ни в одной из грамот мы не найдем ничего подобного этой речи.

Отходя, таким образом, в частности от своего главного источника, автор Плача остался ему верен в своих общих представлениях о ходе событий Смутного времени. Он изображает развитие Смуты с появления Тушинского вора преимущественно по

жарского, которая более всего повлияла на изложение Плача (ААЭ. Т. 2. № 203). В грамоте о первом самозванце говорится: “И своим злым умыслом и по вражью действу избежал в Польшу и тамо безчисленных и богомерских ересей исполнился, и вместо крестьянския веры греческаго закона люторскую и проклятую веру возлюбил, и безстыдно нарек себя царем Дмитрием”. В Плаче читаем: “Избежав в Польшу и тамо безчисленных богомерских ересей скривал сердце своего наполнил, и тмообразную свою душу паки предал в руке сатанины, и вместо крестьянския веры греческаго закона люторскую треоаканную веру возлюбил, и безстыдне нарек себя царем Дмитрием приснопамятнаго царя Ивана сыном” (Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 429–429 об.; Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 256–256 об.). В грамоте читаем о ворах и поляках: “К их же (то есть воров. – С.П.) злочестивому совету пристал литовский король, преступив крестное целование, на чем было утвержение с царем Борисом, и послал с тем воров полских и литовских людей: и с теми воры сложась, полские и литовские люди многие грады разорили, и святяга великия лавры разрушили, и нетленные тела святых обругали, и безчисленно православных христиан мечному потреблению предали. И мнози воздвигошася врази, и тмочисленное излияся лукавство, и мнози от грабителей и ненасытных кровоядцов царми себя называше: Петрушка, и Август, и Лаврушка, и Федка, и иные многие, и от них многия крови разлишася и безчисленно благородных людей мечем скончаша; милосердый же Бог тех лжеимянитых врагов, Петрушку с товарищи, злой смерти предал”. В Плаче это место грамоты подверглось некоторой переделке: “...к его ж (Тушинского вора. – С.П.) злочестивому совету пристал король литовский и посла бесояросное воинство свое, и многия грады вси разорил, и святяга и великия лавры разрушил, и нетленные и пречестнейшая по успению телеса святых от благочестне устроенных рак изверг и конечному обруганию предал, и безчисленно православнаго народа мечному посечению предаша, и крови источницы пролияшася. И не единым сим несытным кровопролитием великодержавная Россия в погибель впаде, но и мнози воздвигошася врази и тмочисленное излияся лукавство. Мнози от грабителей и ненасытных кровоядцев царями именоваша себе и многия имена на ся возложиша: ин наречеса Петр, ин же Иван, ин же Август, ин Лаврентей, ин Гурий. От них тако же многия крови излияшася, безчисленно благородных мечем скончашася, их же всех превысокая Божия десница победы, и мимотекущая их преблудная слава яко дым разлишася и яко прах разсыпаша” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 259–259 об.; Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 432 об.–433 об.; Рукопись графа Уварова. № 896. Л. 223–224). Приведенных примеров достаточно, чтобы установить факт заимствования Плача из грамоты. Последовательное сличение этих памятников открывает в них много одинаковых выражений и фраз.

грамотам Пожарского⁶³. Эти грамоты друга друга дополняют своими показаниями, но одна из них отличается сравнительно подробностью и обстоятельностью⁶⁴. Она была разослана в города ото всего ополчения Пожарского вскоре после прихода его в Ярославль (в апреле 1612 г.) и заключает в себе краткий обзор событий со времени прекращения династии Калиты до обстоятельств распада Ляпуновского ополчения. Эта грамота более других послужила источником для автора Плача: из нее он усвоил себе и отдельные фразы, и фактические ошибки, и даже последовательность изложения. Следуя за этою грамотой, он думает, что Сигизмунд был в совете и в союзе с Тушинским вором и что польские войска явились на Русь в помощь вору. Как в грамоте, в Плаче за рассказом о воре следует перечисление мелких самозванцев⁶⁵. И грамота, и Плач одинаково дают понять, что поляки завладели Москвой посредством скрытого соглашения с Тушинским вором, который по их наущению подступил к Москве и страхом своего нападения заставил москвичей принять польский гарнизон и свергнуть Шуйского. Одними словами оба памятника описывают поведение поляков в Москве и их совещание с русскими изменниками о разорении Москвы. Но о поведении русских изменников Салтыкова и Андропова и о самом разрушении Москвы в апрельской грамоте Пожарского говорится меньше, чем в других грамотах его и Ляпунова. Автор Плача в этом случае следует более подробному источнику. Сохраняя ту последовательность изложения, какую он заимствовал из апрельской грамоты, он дополняет ее рассказ данными других грамот. Так его убеждение, что Салтыков и Андронов пришли под Москву вместе с польским войском и прельстили москвичей принять королевича, очевидно, основано на грамоте Пожарского, разосланной в города в июне 1612 г.⁶⁶ К данным этой последней грамоты близок в общих чертах и рассказ Плача о московском разорении. Но грамоты Пожарского собственно о московском разорении только повторяют слова грамот Ляпунова с немногими отступлениями и сокращениями⁶⁷. Вместе с тем рассказ Плача о сожжении Моск-

⁶³ СГГД. Ч. 2. № 281; ААЭ. Т. 2. № 203.

⁶⁴ ААЭ. Т. 2. № 203.

⁶⁵ В Плаче, впрочем, находим такие имена самозванных царевичей (Иван, Гурий), каких нет в грамоте (Рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев. № 2529. Л. 433; Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1504. Л. 259 об.; ААЭ. Т. 2. № 203. С. 354. См. также: *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени... Ч. 2. Приложение VII. С. 56–57).

⁶⁶ СГГД. Ч. 2. № 281.

⁶⁷ Ср. грамоты, помещенные в СГГД (Ч. 2. № 251 и № 262) и в ААЭ (Т. 2. № 185 и № 188, V), с грамотами, помещенными в СГГД (Ч. 2. № 281) и в ААЭ (Т. 2. № 203).

вы, будучи близок к грамотам Пожарского, еще ближе подходит к грамотам Ляпунова⁶⁸. Поэтому в данном случае основательнее будет предположение, что автор Плача знал и те и другие грамоты и пользовался ими всеми.

Утверждая зависимость Плача от названных нами грамот, мы этим не утверждаем, что автор Плача не имел других источников. В его изложении можно указать такие подробности, происхождение которых не объясняется указанными грамотами. Таковы некоторые частности рассказа о первом самозванце, отзывы о Гермогене и несколько мелких фактических черт, которыми автор дополнял кое-где показания грамот⁶⁹. Все эти черты могли быть заимствованы из каких-нибудь письменных источников, но могли быть занесены в Плач и на основании простых слухов. При общей краткости Плача, такие независимые от грамот места его в общей сложности составляют несколько фраз; притом по содержанию своему они не дают историку ничего нового. Только отношение автора к Гермогену может иметь значение в ряду прочих характеристик патриарха, сделанных его современниками, людьми первой половины XVII в. Таким образом Плач как произведение, составленное на основании известных нам документов и не заключающее в себе новых фактических данных, имеет весьма малую историческую ценность.

---

⁶⁸ Излагая содержание Плача, мы передали его рассказ о сожжении Москвы со всеми подробностями. При сравнении их с грамотами можно заметить, что Плач воспроизводит и такие факты, которых нет в грамотах Пожарского, но которые находятся в грамотах Ляпунова (обращение церковей в конюшни: СГГД. Ч. 2. № 251; ААЭ. Т. 2. № 188, V).

⁶⁹ Таковы сообщения автора об уничтожении раки блаженного Василия в Москве, о поругании трупов и о страданиях уцелевших от московского погрома москвичей: «И раку блаженнаго и целбоноснаго телеси великаго Василия о Христе юродиваго разсекоша на многи части и одр с места, иже бысть под ракою святаго, здвигнуша. А на том месте, идеже лежит блаженное тело святаго Василия, конем места устроиша и с женообразными лица безстудне и безстрашне того святаго блаженнаго Василия в церкви блудное скаредие творяще. Неповинных побиенных православных христиан, ниже погребения сподобишася, но в реку ввергоша всех побиенных телеса... Избегшим же от рук их, по распутием мнози мразом и гладом и различными скорбьми скончевашася» (Приводим текст по рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504. Л. 264–264 об., с исправлениями по рукописи графа Уварова. № 896. Л. 235–235 об.). Все эти сведения находим в так называемой Рукописи Филарета (Рукопись Филарета. С. 47–48; Сборник Муханова. 2-е изд. С. 309–310). Нет оснований предполагать, что они сюда были перенесены из Плача: Рукопись Филарета повествует об этих фактах в совершенно иной форме, чем Плач. В свою очередь, и Плач не мог заимствоваться из Рукописи Филарета, так как был составлен ранее ее. Остается предположить поэтому, что у обоих произведений был один и тот же неизвестный нам источник.

Знакомство с источниками Плача дает нам основание для некоторых соображений о его авторе и о времени написания самого произведения. Автор Плача, без сомнения, не был москвичом: ни одна черта его повествования не дает нам права заключать, что он был свидетелем московского разорения. Если б он сам видел пожар, грабежи и убийства в Москве, в его рассказе это отразилось бы большею точностью и содержательностью изложения. Сравнивая же немногие строки Плача о разрушении Москвы с показаниями о нем Нового летописца и Рукописи Филарета, в которых видны впечатления очевидцев⁷⁰, мы можем только удивляться бесцветности и неопределенности рассказа Плача. Простые фразы грамот, легшие в основу этого рассказа, подверглись в Плаче риторической переработке и в новой форме потеряли свою прежнюю выразительность. К такому приему переделки чужих показаний не прибег бы очевидец, богатый собственными воспоминаниями. Не видев московских событий лично, сочинитель Плача, однако, знал о них по грамотам. В его руках были, как мы старались показать, правительственные грамоты разных лет, и по их сообщениям он рассказывал все события Смуты и особенно сожжение Москвы тем людям, “иже не видеша сиеваго великия Росия разорения”, то есть не москвичам. На основании этих данных можно построить догадку, что автор Плача составил свое произведение в каком-нибудь городе или уезде для поучения местных жителей. Если он считал возможным, не видя событий своими глазами, рассказывать о них другим, то это показывает нам, что он был более других знаком с этими событиями по слухам и по грамотам. В таком положении всего легче могло быть лицо из местной администрации или духовенства, получавшее и хранившее грамоты, рассылаемые правительством.

Что касается до времени составления Плача, то о нем в самом произведении нет данных. Слова, читаемые в одном из списков после заглавия: “сотвори же сие пленение и разорение царствующему граду Москве в лето 7119 (1611) г.”⁷¹, – относятся только к факту сожжения Москвы и датой произведения служить не могут. Зная, что автор Плача пользовался грамотой, разосланною из ополчения Пожарского в апреле 1612 г.⁷², и, быть может, даже

---

⁷⁰ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 156–168; Летопись о многих мятежах. С. 210–213; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 131–134; Рукопись Филарета. С. 47–48; Сборник Муханова. 2-е изд. С. 309–310.

⁷¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1504. Л. 253.

⁷² ААЭ. Т. 2. № 203.

грамотой, разосланной в июне того же года⁷³, мы отнесем составление Плача не к 1611, а к 1612 г., и притом к его середине или осенним месяцам. В конце 1612 г. весть об освобождении Москвы от поляков уже разнеслась по государству; но автор Плача, прося у Бога пощады “остатку государства”, еще не знает об освобождении его столицы.

Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию, известна нам по одному списку⁷⁴. Она представляет собою многословное повествование лишь об одном факте – знамении, которое было видено на небе автором Повести. В предисловии к рассказу об этом знамении автор высказывает свой взгляд на значение бедствий, пережитых Русью в Смутное время. Он верит в неизбежность скорого небесного возмездия за грехи “овогда голодом, овогда огненными запалениями, овогда же безбожных нахоженьми и межиусобною бранию и прочими таковыми”. Так как русские люди грешили “от главы и до ногу, сиречь от великих и до нижайших”, то “таковый грех не может очиститься ничим же, точию огнем и мечем и прочими таковыми, якоже содеяся во дни наша”. Но в своем изложении автор не развивает этой мысли: он прямо переходит к описанию своего видения, и хотя часто отвлекается от него, но не для того, чтобы убедить читателя в греховности русских людей, и не для того, чтобы показать им всю картину заслуженных ими бедствий. Говоря, что его рассказ относится к 7116 (1608) г., к царствованию царя Василия, автор при царском имени приводит полную форму царского титула с официальным родословием Шуйских, которое восходит, по его мнению, до Феодосия Великого с сыновьями Гонорием и Аркадием. Возвращаясь к своей теме, автор опять указывает, что его повествование относится к третьему лету царствования Шуйского и ко времени патриарха Гермогена, и затем опять отвлекается в сторону для того, чтобы объяснить, при каких исторических обстоятельствах произошло виденное им знамение. В третье лето царствования Шуйского, по его словам, была “велия брань” на Руси “от польских и литовских людей и от казаков донских”.

---

⁷³ СГГД, ч. 2. № 281.

⁷⁴ Рукопись имп. Публичной библиотеки, F.IV.222 (из собрания графа Ф.А. Толстого. Отд. I, № 241), в лист, скорописью XVII в., на 125 л. На л. 1–118 находится краткий летописец, на л. 119–124 разбираемая Повесть, имеющая такое заглавие: “Счинена Повесть сия о некоей брани, належащей на благочестивую Росию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем роде нашем, о нем же преди слова беседа изъявит”. За Повестью, на л. 124–125 об., помещено послесловие к ней под особым заглавием “Молитва” [См. *Примечание* 9].

Казачи одного из своей среды назвали царевичем Димитрием II, собрав войско “из поляков и литвы и угрян и черкасов запорожских и прочих язык”, пришли под Москву. Они стали таборами в Тушине, “понеже то место вельми крепостно”, и оттуда рассыпались по всему государству, оскверняя церкви, сожигая города и села, убивая и уводя в плен жителей. Видя в этих бедствиях исполнение библейских предсказаний, автор обращается к святому князю Владимиру и спрашивает: как Владимир и другие святые князья его “отрасли” не умолили Бога пощадить русских людей? Но на это сам же автор отвечает своим соображением: “аще они и молят, но не противятся судбам Божиим; понеже убо согрешиша (русские люди. – С.П.) от главы и до ногу: аще не огнем и мечем, инем ничим же могут очиститися таковыя грехи”. После этого автор сообщает, что в то тревожное время он был послан из Москвы в города вместе с “толмачем немецкаго языка” Григорием Кропольским “из пресветлыя его (царя Василия. – С.П.) палаты, рекомыя Посолскаго приказу, его царьския тайныя думы от дьяка зовомого именованием Василия, по реклом же нарицаешь Телепнев”⁷⁵. Толмачу Кропольскому вместе с автором велено было ехать, “с царьскими епистолиями на собрание чина воинскаго в супротивление тех окоянных предиреченных врагов”, в Переяславль Залесский, в Ростов, в Ярославль Поволжский, на Кострому и в Галич. Так как Москва была тогда в осаде и дороги во власти изменников, то автор со своим спутником пробирался “околними дорогами: Владимирскою на Киржацкий ям, и где возможно от них (врагов. – С.П.) пройти, на Благовещенской монастырь, рекомый на Киржаче, на Александрову слободу, на Переяславль Залесский”⁷⁶. И вот на пути “от Александровы слободы

---

⁷⁵ Рукопись имп. Публичной библиотеки. F.IV.222. Л. 122 [РИБ. Т. 13. Стб. 249–260. Листы рукописи помечены на полях печатного текста]. О Григории Кропольском сведений мы не имеем. Что касается до думного дьяка Василия Григорьевича Телепнева, то при Шуйском он сидел в Посольском приказе в 1606–1610 гг. и считался приверженцем Шуйского (ДРВ. М., 1891. Ч. 20. С. 365; АИ. Т. 2. № 310; РИБ. СПб., 1881. Т. 9. Стб. 438). По свержении Шуйского он остался, однако, у дел, был в числе лиц, заключавших с Жолкевским договор об избрании Владислава и читал полякам те статьи, которыми бояре желали обусловить власть королевича (СГГД. Ч. 2. № 199 и № 200; Записки гетмана Жолкевского... С. 74). Позднее, несмотря на то, что был в подозрении у поляков (АИ. Т. 2. № 310), он оставался в составе боярской думы и действовал вместе с нею (АИ. Т. 2. № 321 и № 322).

⁷⁶ Пред описанием своего пути автор снова делает неловкое отступление: сказав о том, что дороги от Москвы во власти врагов, он вдруг переходит к царю Василию и хвалит его кроткое долготерпение, какое он обнаруживал, сидя в осаде и видя измену многих подданных (л. 122–122 об.).

к Переяславлю”, “о полудни в пост верховных апостол Петра и Павла”⁷⁷, автор был свидетелем небесного явления, на которое указал ему Кропольский. Оно состояло в том, что на небесных облаках глазам путников представились лев и змей, окруженные зверями и змеями. И лев, и змей как бы желали растерзать друг друга, но оба исчезли с небес, и облака приняли свой обычный вид. Прихотливые и переменчивые очертания облаков, в воображении путешественников принявшие формы страшных существ, вызвали со стороны толмача любопытные толкования. Он объяснил автору, что это не простое явление, а знамение: лев изображает царя Шуйского, змей – Тушинского вора, а звери и змеи вокруг них – их приверженцев. Как лев и змей желали поглотить один другого, но оба скоро исчезли, так Шуйский и вор, не одолев друг друга, должны скоро погибнуть⁷⁸. Объяснению товарища автор

---

⁷⁷ Этими словами определяется время описываемого видения. Оно было в Петров пост: с 23-го мая до 29-го июня 1608 г. (*Горбачевский Н.* Археографический календарь. Вильно, 1859. Табл. 6). Но вряд ли оно могло быть ранее середины июня, так как, по словам автора, он был послан уже тогда, когда вор поставил свои таборы в Тушине: это произошло в начале июня 1608 г. Историки, основываясь на показаниях Буссова, говорят, что вор подошел к Москве 1-го июня (*Карамзин.* ИГР. Т. 12. С. 49. Примеч. 193; *Соловьев.* История. Т. 8. С. 189).

⁷⁸ Приводим целиком рассказ Повести о знамении: «Той предреченный толмач немецкий Григорий Кропольский рече ми на пути о полудни в пост верховных апостол Петра и Павла: “Зриши ли, что на облацех небесных прямо нас?” Аз же, по поречению его, возрех велие, чудное и ужасное знамение, и рече ему: “Зрю, господине мой”. Он же рече ми: “Чесо зриши? рцы ми”. Аз же глагола ему: “Страшно, господине, знамение вельми зрю: льва, зверя зело превелика и пречудна, одесную страну стояща, а ошуюю страну прямо его недалече змия прелюта и прегорда стоящи неподвижно, а хошет яко един единого возхитити и разтерзати. А окрест льва великого множество зверей различных образы; змия же прелютого окрест множество змий малых. И по колику времени нача видение то миноватися: змий окружишася выспрь ногами и нача по малу исчезати; лев же припаде на чрево и нача по малу убывати; и потом ни един невидим бысть, и прочие звери и змии тако ж невидими быша, и облака паки устроишася во своем естестве”. Предреченный же Григорий рече ми: “Разумеши ли сего видения знамение?” Аз же рече: “Ни, господине мой, отнюдь недоумеюся, но токмо ужасаюся”. Он же нача глаголати ми и разсуждати: “Разумей, – рече, – сие есть знамение: Лев превеликий – то есть наш благочестивый христианские веры поборник, царь и великий князь Василий. Окрест же его зверие – его подручники, православнии народи сынове Росийстии, поборая с ним по правоверии. Змий же прелютый и прегордый – Тушинской царь, коварственный лживый царевич Димитрий. А окрест его множество змий – то споборатели с ним окоянии они богоотметнии языцы. Оба изгибше, лев и змий, и прочие окрест зверие и змии такожде – то есть покажет вскоре обоим царем будет изменение и прекращение, а ни един кождо не одолеет» (л. 122 об.–123 об.).

поверил и вспомнил его, когда умерли и вор в Калуге, и Шуйский в плену⁷⁹. Удивленный исполнением знамения, он рассказал о небесном явлении какому-то настоятелю монастыря: “етеру некие честныя обители содержащему паству”. Тот же понудил его “писанию предати, начертати на харатийце” свой рассказ. Не желая послушаться, автор исполнил это, и таким-то образом создано его произведение.

Оканчивается оно молитвенным обращением к Богу, “дабы отвратил от нас гнев своего праведнаго прещения, негли умило-сердится всещедрая и человеколюбная утроба Его. Возможна вся суть Ему, всещедрому содетелю, аще изволит; яко по доволнем наказании нашего согрешения, и паки может всеильный Господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестия во тме злочестивых разорителей возжещи зело и попалити нечестивых и зловерных, якоже терние, и паки просветити свет благочестие”. Но за эту краткую молитвой автор под особым заглавием поместил вторую, более пространную. В ней он снова просит Бога отвратить от русских людей праведное Его прещение и подать им помощь на врагов. “Способствуй верному слуге Своему, православному царю нашему, и христоролюбивому его воинству храбрость и помощь и одоление подаждь на видимыя и невидимыя враги наша”, – так молится автор за всех, а затем начинает просить милости и для себя. При этом он говорит: “Именованя же своего, Владыко, не возмогу и стыжуся объявити за премножество грубости моя и превеликих и безчисленных злосмрадных и злогнусных пренебезаконий моих”.

На основании этих двух молитв можем до некоторой степени определить время написания Повести. Из рассказа автора ясно, что он писал уже после смерти Тушинского царика и после смерти В.И. Шуйского. Самозванец был убит 11-го декабря 1610 г.⁸⁰, а Шуйский умер в плену 12-го сентября 1612 г.⁸¹. Стало быть, ранее конца 1612 г. автор не мог записать виденного им знамения. В заключительной своей молитве он молит Бога о

---

⁷⁹ “Не в долге времени вся сия збышася, еже рече он: и Тушинского лживого и коварственнаго царя во граде, нарицаемом Колузе, внезапной напрасной смерти предаша зовомый князь Петр Урусов, главу ему отсекаша, а сам по убийнии его убог в орду Нагайскую, понеже бо он сродствия тоя Нагайския орды. А приснопамятнаго самодержца московского благочестиваго царя Василия свои ему подручники с царства свергнуша и насилем в чернцы постригоша и к полскому и к литовскому к Жигимонту королю отдаша и со единокровными его братьями, со князем Дмитрием и со князем Иваном, тамо же и скончашася нужною смертию” (л. 123 об.).

⁸⁰ АИ. Т. 2. № 307.

⁸¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 12. С. 340–341.

“православном царе”; это свидетельствует нам, что он писал уже по избрании Михаила Федоровича, значит, даже позже 1612 г. Но к какому времени царствования царя Михаила относить его Повесть, мы не могли бы сказать, если бы некоторые места его молитв не служили нам в этом путеводную нить. Автор очень определенно просит у Бога, “по довольнем наказании” русских людей, отвратить от них “гнев Своего праведнаго прещения”, снова возжечь искру благочестия и попалить ею “нечестивых и зловерных”. Эти слова обнаруживают, что автор писал еще в Смутную пору и еще видел опасность для Руси от ее “разорителей”. Против них-то он и желает успеха православному государю. По этим частностям его молитв мы с полным основанием можем относить его Повесть к самому первому времени Михайлова царствования. Слабость нового московского правительства в начале его деятельности, брожение казачества и грабежи польских шаек внутри государства, наконец, враждебные отношения к Польше и Швеции не могли внушать современникам уверенность в спокойной будущности. Для них в первые годы новой династии Смута еще не кончилась, и они могли молиться о ее окончании именно так, как молился автор Повести⁸².

Автор скрыл свое “именование”, но не скрыл своего общественного положения. Из его слов ясно, что он служил в Посольском приказе, а по его слогу весьма вероятно, что он был подьячим или дьяком, привыкшим к языку официальных бумаг. Он начинает свою Повесть витиеватою фразой, без сомнения заимствованною из какой-нибудь торжественной официальной грамоты⁸³, и не затрудняется во всей полноте и точности привести царский титул в его торжественной форме. Но, несмотря на некоторую привычку автора писать книжным языком и даже на его начитанность в сфере библейских текстов, которые автор нередко

---

⁸² Есть в тексте Повести один признак, по которому можно предполагать, что Повесть писана до 1619–1620 г. О Шуйских автор говорит, что они у короля “скончашася нужною смертию”. Он не знает, таким образом, что князь Иван Шуйский остался жив. Этого не могло бы быть, если б автор писал после возвращения князя Ивана в Москву, которое состоялось в конце 1619 или начале 1620 г. (*Соловьев*. История. Т. 9. С. 135, 143, 188). Иван Шуйский остался при царе Михаиле в прежнем своем чине боярина (ДРВ. Ч. 20. С. 66 и 98), и автор Повести, служивый московский человек, не мог не знать о его возвращении и службе.

⁸³ “Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнем, в превелицей и в превысочайшей величней святей славе величества Своего, сидящаго на престоле херувимстем (здесь можно предполагать пропуск. – *С.П.*) в недрах отчих и на земнородных нас презирая милостивным си оком” (л. 119). Ср., например, начало (“богословие”) грамот в ААЭ. Т. 2. № 7 и № 4.

приводит, его Повесть не обладает ни внутренней стройностью, ни внешнею правильностью изложения. Историческая ценность ее показаний ничтожна: историк не может заимствовать из нее ни одного факта, если не считать любопытными и полезными кратких указаний на те пути сообщения, к которым прибегали при невозможности пользоваться прямою дорогою из Москвы на север. Все, что рассказывает автор о событиях Смуты, лучше известно по другим источникам; самое же знамение, которому посвящена Повесть, представляется простою игрою праздного воображения, а не результатом того нравственного кризиса, следы которого мы видели, например, в Повести протопопа Терентия.

В заключение обратимся к двум сказаниям о чудесных видениях 1611 г. Неисправность списка, в котором нам пришлось ознакомиться с этими сказаниями⁸⁴, лишает нас возможности предложить читателю их обстоятельный разбор. Допуская частые описки и искажения текста, переписчик, сверх того, не сумел привести в порядок листы оригинала, и потому части двух различных сказаний оказались перемешанными. Если при внимательном чтении и возможно различить и соединить отрывки каждого произведения, все-таки нельзя быть уверенным, что восстановленный текст будет исправен и полон.

Первое из этих сказаний повествует о видении, бывшем “человеку благочестиву именем Григорию” в Нижнем Новгороде 26-го мая 1611 (7119) г. О видении Григория рассказывает и Новый летописец⁸⁵. По его словам, в первом подмосковном ополчении, после смерти Прокопия Ляпунова, неизвестно откуда явился свиток с рассказом о нижегородском чуде. Передавая кратко содержание чуда, состоявшего в том, что Господь, явившийся Григорию во сне, повелевая русскому народу покаяться и поститься три дня, автор Нового летописца замечает, что действительно пост был во всем государстве: “от того же писания и пост зачаша; в Нижнем же того отнюдь не бяше”, прибавляет он, “и мужа Григория такова не знаху, и посту в Нижнем не бысть; нижегородцы же о том дивяхуся, откуда то взяся”. Это обстоятельство автор

---

⁸⁴ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Эрмитажн. № 358, в лист, скорописью XVIII в., 70 нумерованных и нумерованных листов. Эта рукопись представляет собою сборник грамот XVII в., выписанных в сибирских архивах. В приложении к одной из грамот 7120 (1611–1612) г. (ААЭ. Т. 2. № 199) и находится, на л. 9 об. – 12, оба разбираемые сказания [РИБ. Т. 13. Стб. 235–242].

⁸⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 172–173; Летопись о многих мятежах. С. 231–233; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 143. В последнем при рассказе о видении находим ссылку: “зри Пролог октября в 20 день”; но в печатном Прологе (по изданию 1817 г., лист 136) о видении Григория нет ни слова.

Нового летописца считает совсем непонятною “тайной”: “неведомо, от Бога ли, или от человека”, говорит он о происхождении поста и появлении свитка с указанием о чуде. Этого недоумения Нового летописца мы не можем разрешить помощью прочих источников. Из отписки сольвычегодцев пермичам, которая была писана в 7120 (1611–1612) г. и при которой сохранилось в первоначальном виде сказание Григория, узнаем, что в Соли Вычегодской известие о нижегородском видении было получено из Устюга, в Устюге – из Вологды, а в Вологде – “из Ярославля и из иных городов”⁸⁶. О Нижнем Новгороде здесь нет никакого упоминания: Сказание о чуде идет на северо-восток Руси не прямо из Нижнего, а из Ярославля. И в самом Сказании не находим никаких данных для того, чтобы решить, в Нижнем ли именно, или же в ином месте Григорий написал рассказ о своем видении. В конце Сказания он говорит только: “аз я многогрешный Григорей виде видение се в Нижнем Новеграде”⁸⁷, но не объясняет, где он составил свое Сказание и кому объявил его. Таким образом нам не представляется возможности ни опровергнуть показания Нового летописца, ни истолковать его удовлетворительно.

Что Сказание о видении в Нижнем составлено самим Григорием, ясно из только что приведенных его слов и из того, что рассказ ведется Григорием в первом лице. Однако в начале Сказания кем-то прибавлено вступление, заимствованное из Повести протопопа Терентия и приглашающее благочестивых людей, “да с радостию приидут слушати слова Божия; к тому ж явися видение в Нижнем Новеграде человеку благочестиву именем Григорью”. Видение Григория, по его собственному рассказу, состояло в следующем: отговев на первой неделе Петрова поста, в ночь на воскресенье 26-го мая⁸⁸ спал он в храме, – и вдруг “взяся покров храма того и воздвижеса на все четыре страны”. В сиянии небесного света увидел Григорий “Господа сходяща во образ человечесей” и с Ним человека в белых ризах. И казалось Григорию, что человек в белых ризах стал с правой стороны, а Господь воссел на персях Григория и, благословив его, велел ему проповедать “во граде сем, чтоб приняли пост и молитву с покаянием”.

---

⁸⁶ ААЭ. Т. 2. № 199.

⁸⁷ Так мы решаемся прочесть явно испорченные слова рукописи: “аз я, многогрешный Григорей, виде видение седниж нам Нове граде” (рукопись имп. Публичной библиотеки, Эрмитажн. № 358. Л. 10) [РИБ. Т. 13. Стб. 240; другой список Сказания см.: РИБ. Т. 13. 2-е изд. Стб. 951–956].

⁸⁸ В 1611 г. на 26-е мая приходилось, действительно, воскресенье 2-й недели по Пятидесятнице (*Горбачевский Н.* Археографический календарь. Табл. 3).

Затем спутник Господа сказал Ему: “Господи, зри: в Российском государстве вселенский собор собирают от всея земли власти, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и все православные христиане и молят Тебе, человеколюбцу Богу: простиши ли их?” Господь отвечал, что простит, если покаются и будут поститься “три дня и три ночи”. Тогда предстоящий Господу спросил Его, когда и где именно должны поститься русские люди, и получил ответ, что они должны держать пост во всем государстве три дня: понедельник, вторник и среду; что, кроме того, должны построить храм Господу и Богоматери в Московском государстве и освятить его всем вселенским собором: тогда только они будут спасены. На это спутник Господа заметил, что Московское государство “от врагов иноплеменников нечисто стало”, и что приличнее будет поставить храм в Новгороде. Но Господь отвечал: “Доколе собирается вселенский собор, Московское государство очищу”. Когда же предстоящий Господу спросил, где именно в Москве следует строить храм, то Господь сказал: “На пожаре близь Василья Блаженнаго того (храма. – С.П.) место”. Затем Господь повелел принести “Матери Моея образ Пречистыя Владимирския в Московское государство из Володимера”, поставить его в новом храме и в нем же на престоле положить на три дня “свещу невозженную и бумагу неписану”. “И в четвертый день, говорил Господь: приидут ко образу Моему и Матери Моея Богородицы, – и свеща возжена будет от огня небеснаго, и колокола сами возвонят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством по сердцу Моему. Аще ли поставят царя по своей воли, навеки не будет царь”. Выслушав это, предстоящий Господу спросил Его, что будет, если русские люди не послушают Божьей воли и не поверят видению? Господь грозил за это погибелью всему Русскому государству. Тогда спутник Господа велел Григорию проповедывать без боязни свое видение. При этом ему было открыто, что Нижний Новгород постигнет “буря веляя из реки Волги”, если Григорий скроет свое видение или же если нижегородцы “во граде сем удержат Мое (то есть Господне. – С.П.) явление и написав не пошлют в Московское государство и в иные грады”. Господом было даже указано время этой бури – “в день недельный”, “как солнце на покат поидет”. После этого видение исчезло⁸⁹.

Мы видим, что Григорий не ослушался того, что ему было приказано: он записал свое видение и, как можно думать, записал

---

⁸⁹ Передавая содержание чуда, напоминаем, что наше изложение сопоставляет разъединенные отрывки Сказания. Быть может, более удачная их группировка изменит порядок в передаче некоторых частей видения.

немедля, так как уже осенью 1611 г. оно обошло многие города⁹⁰. Русские люди с верою относились к рассказу Григория и налагали на себя пост: “постились, по своему изволению, от недели и до субботы, а постились три дни; в понедельник, во вторник и в среду ничего не ели, не пили, в четверг и пятницу сухо ели”⁹¹; “и скотом не даяху ясти”⁹². Потребность нравственно очиститься и покаянием получить избавление от бедствий сильна была в русском обществе во время московского разорения. Как показатель этой потребности, видение Григория имеет бесспорный исторический интерес и заслуженно пользуется вниманием историков, знающих его по краткому пересказу Нового летописца⁹³. Понятно, насколько первоначальное Сказание о видении важнее его пересказа в летописи.

Второе из разбираемых сказаний представляет собою довольно краткую запись, неизвестно кем составленную, о том видении, которое было во Владимире в ночь с 24-го на 25-е августа 1611 г.⁹⁴ “Некто же именем Борис, зовомый Мясник, сего подружие именем Мелания прииде к начальствующему граду и поведат” ему о бывшем чуде. Ночью явилась Мелании жена “в светлых ризах, поверх главы образ на руках держит велик и чуден велми”. Она приказала Мелании на утро проповедовать всем в городе, “чтоб постились и молились со слезами”, обещая, что “Господь Бог услышит моление их и отвратит праведный гнев Свой и победит врагов, борющихся и волнующих нас, и даст земли тишину и благодетельное житие”. На это Мелания отвечала: “Аз есть млада:

---

⁹⁰ Видение было 26-го мая 1611 г., а уже в начале октября через Ярославль и Вологду Сказание о нем дошло до Устюга (ААЭ. Т. 2. № 199). Если сообразить, сколько времени понадобилось, чтобы передать известие о чуде между названными городами, то смело можно предполагать, что Сказание составлено было еще летом 1611 г. В этом убеждает и небольшая подробность самого Сказания: спутник Божий замечает, что новый храм следует ставить не в Москве, которая стала нечистою от иноплеменников, а в Новгороде; стало быть, автор Сказания считает Новгород еще чистым. Это и позволяет нам думать, что Сказание составлялось еще в то время, когда весть о взятии Новгорода шведами (16-го июля 1611 г.) не успела разнестись по всему Московскому государству.

⁹¹ ААЭ. Т. II. № 199 [*Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI–XVII столетиях. СПб., 1869. С. 197, о посте в Пустозерске].

⁹² Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 172.

⁹³ *Соловьев*. История. Т. 8. С. 404–405; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича // ЖМНП. 1887. Август. С. 289; *Костомаров*. Н.И. Смутное время. Ч. 3. // Вестник Европы. 1867. Сентябрь. С. 2).

⁹⁴ Видение было ночью “во 119 году августа в 24 день против недельнаго дни”. В 1611 г. воскресенье приходилось на 25-го августа (*Горбачевский Н.* Археографический календарь. Табл. 3) [РИБ. Т. 13. Стб. 240–242].

аще и повем, – не поимут веры”. Тогда чудная жена сказала ей, что неверующие будут наказаны жаром и гадами, и показала Мелании этих гадюк: “много жужелец и червей множество” и “змия превелика”. Однако Мелания не решилась никому говорить о своем видении, и тогда оно повторилось: чудная жена снова велела ей проповедовать пост и покаяние. Узнав о видении, владимирцы постились три дня, пели молебны и “ближние и в дальние и во все грады писали” о происшедшем у них.

Насколько можем судить, владимирское видение, разглашаясь по городам вместе с нижегородским, менее действовало на умы русских людей сравнительно с этим последним. Автор Нового летописца, отметив любопытные предсказания нижегородца Григория, ни слова не говорит о чуде с Меланией. Причина этого в самом владимирском Сказании: оно довольно бедно содержанием.

Итак, знакомство с наиболее ранними произведениями о Смуте показывает нам, что исключительные события русской жизни начала XVII в. немедленно же вызвали ряд литературных трудов самого различного характера. Рядом с бесхитростными повествованиями о различных фактах и видениях (каковы Повесть о перенесении мощей царевича Димитрия, Плач о падении Москвы и только что разобранные рассказы о видениях и знамениях) создавались такие произведения, которые имели публицистический характер, определенную политическую или нравственную цель, вроде Повести 1606 года, желавшей укрепления власти Шуйских, Новой повести, требовавшей свержения польской власти, и Повести протопопа Терентия, призывавшей народ к нравственному очищению. Из всех произведений одни носили черты официального или официозного происхождения (Повесть патриарха Иова о царе Феодоре и Повесть 1606 года), другие были результатом свободного творчества, а Новая Повесть была даже направлена против польско-боярского правительства, владевшего Москвой. Сообразно этим целям и происхождению, далеко не все сказания предназначались только для того, чтобы передать потомству достопамятные факты. Сказатели часто имели в виду современное им общество гораздо более, чем потомство. Автор Повести 1606 года хотя и говорит, что пишет “по нас будущим человеком на память”, однако более заботится о том, чтобы привести в повиновение Шуйскому “грубителей Божиих”, ревнующих погибшему самозванцу. Протопоп Терентий несет свой рассказ о видении старца к царю и патриарху, а его Повесть имеет следствием всенародный пост. Подражатель Терентия, переделав его Повесть сообразно условиям новгородской жизни в 1611 г., обличает в ней грехи новгородцев, современников взятия шведами Новгорода.

Новая повесть вовсе не думает о потомстве; она даже не описывает фактов, а только рассуждает по поводу общего положения дел и показывает необходимость восстания. Плач о падении Москвы прямо обращается к современникам и призывает их плакать и молиться об остатке государства.

При таком характере большинства повествований, современных Смуте, нельзя ожидать от них ни стремления к подробному и всестороннему изображению событий, ни объективности показаний. Одни сказатели просто не заботились о полном восстановлении фактов Смуты для потомства и повествовали о них мимоходом, насколько находили нужным для своей темы; так поступили автор Плача и автор Повести о небесном знамении 1608 г. Другие же изображали факты под известным углом зрения, отдавая дань своим партийным пристрастиям; примерами таких сказателей могут служить Иов, друг царя Бориса, и автор Повести 1606 года, его жестокий враг. Поэтому все разобранные нами сказания, сами по себе являясь весьма любопытными для изучения литературными фактами, или вовсе не дают фактического материала для историка, или дают такие сведения, которые нуждаются в строгой критической проверке. Более объективные и содержательные описания Смуты явились в нашей письменности позднее, в тех сказаниях, которые были составлены или приняли окончательную литературную форму в царствование Михаила Федоровича. Первою по времени попыткой последовательного, хотя и очень краткого обзора событий Смутного времени были разобранные нами статьи Хронографа 2-й редакции, в которых находим уже спокойный рассказ, имеющий своею целью простое описание памятных событий. За этим первым повествованием последовало несколько других, более обширных и не менее любопытных. Но, как увидим ниже, и писателям времени Михаила не всегда удавалось достигать бесстрастного отношения к событиям и лицам Смутной эпохи.

〈Важнейшие произведения о Смуте времени царя Михаила Федоровича〉

III

В одно приблизительно время с появлением Хронографа 2-й редакции, дьяк Иван Тимофеев принялся за составление своего исторического труда, которому дал название “Временника по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета”. Не получив распространения в XVII в., Временник Тимофеева в настоящее время известен всего в одном и то значительно неисправном списке, принадлежащем библиотеке Флорищевой пустыни¹. На основании знакомства с этим списком П.М. Строев отзывался о Временнике как о “писании высокопарном и многословном, но местами любопытном”. “Словоизвития и пустословие” Тимофеева не помешали Строеву заметить в его изложении “обстоятельства неизвестные”, показания, не находимые в других источниках². Тем не менее со времени археографической экспедиции Строева и до наших дней труд Тимофеева остался вне круга ученых изысканий, хотя и упоминался иногда в общих обзорах древнерусской письменности³.

Строев считал Ивана Тимофеева дьяком новгородского митрополита. Он основывал такое заключение на тексте Временника. Автор его, не называя себя по имени, пространно сообщает, что начал писать свое произведение по принуждению митропо-

---

¹ Рукопись Флорищевой пустыни № 108/682, в 4-ю долю, скорописью XVII в., 313 пронумерованных листов. На последнем листе запись: “Куплена сия книга у Евтифея Сидорова Попова, дана IX ал. Порукую по нем Иван Василиев сын Безносос. 1699 августа в 1 день”. Показанный нами № рукописи находится на ее корешке; П.М. Строев (*Строев. Словарь. С. 271*) знал эту рукопись под № 41 [РИБ. Т. 13. Стб. 261–472].

² *Строев П.М. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения // ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. 2. § 64. С. 175; Строев. Словарь. С. 269–271.*

³ См., например: *Филарет (Гумилевский), еп. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857. Т. 1. § 204; Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 86–87.*

лита новгородского Исидора, которому не смел противоречить⁴. На поле рукописи против этого рассказа стоят следующие слова, приписанные иным почерком, но несомненно в XVII в.: “Новгородский митрополит Исидор понуждает бывающая предложить писанию дьяка Ивана Тимофеева”⁵. Из этой-то приписки, открывающей нам имя автора Временника, и из его рассказа о приказании, полученном от митрополита Исидора, Строев делает свой вывод, что Тимофеев был митрополичьим дьяком. Однако простое послушание митрополиту еще не дает права заключать о служебной зависимости от него Тимофеева. Из официальных документов XVII в. и из самого Временника мы можем извлечь несколько таких биографических данных об Иване Тимофееве, которые свидетельствуют, что он был дьяком государевым. В 1598 г. он сидел в каком-то из московских приказов: в качестве именно приказного дьяка он подписался на избирательной грамоте царя Бориса⁶. Насколько можно судить по темным намекам самого Тимофеева, в начале царствования Василия Шуйского он был в Москве, а когда Москва освободилась от шаек Болотникова, то есть в конце 1606 или в начале 1607 г., он был отправлен на царскую службу в Новгород⁷. В 1608 г. мы действительно

---

⁴ Строев. Словарь. С. 270–271. Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 276 об. – 279 [РИБ. Т. 13. Стб. 446–448. Листы рукописи помечены на полях печатного текста, посему ниже и не указываются страницы печатного издания Временника].

⁵ Строев. Словарь. С. 270, примеч; Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 277 об.

⁶ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 45 и 53. Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России... Т. 1. Приложения. С. 60 и 74.

⁷ Рассказывая о том, что Шуйский “самодвижно воздвигся кроме воли всеа земля и сам царь поставися”, Тимофеев его “скоропомазанием” объясняет скорый мятеж против царя Василия рабов его, осадивших Москву (под этими рабами он разумеет Болотникова и Лжепетра, ибо о Тушинском воре говорит в другом месте). Восставшие осадили Москву: “от них же воцаряющему во граде, яко пернатей в клетце, объяту сушу и затворене всеродно, *ту ж и мне мухоподобному во тмах человеческого умножения, соображающуся в соименных чине, заповеданиими царских тогда велений етера храняшу. Егда ж стужающих на град в мале уляже брань*, тогда самохотне о мне изволися цареви, и паче сего Богови своими тварми чудне промысл творящу всяко ко оному и прочим: кроме воля мояезыскания *послати мя умилися в трикратное титло цареви место*, еже царских в писании о имени возвышении чтомых (третье место в царском титуле после Владимира и Москвы занимал, как известно, Новгород. – С.П.), первоименным, иже мене предварившим, сначальствовати мним (то есть меньшим. – С.П.) купно в градских движениях повелевая он” (рукопись Флорищевой пустыни. Л. 209–209 об.). Из этих витиеватых строк с трудом можем понять, что именно делал автор в Москве (“заповеданиими царских тогда велений етера храняшу”). Остальное ясно: Тимофеев был послан в Новгород “сначальствовати в градских движениях” старшим чинам (князю А.П. Куракину и М.И. Татищеву), когда прекратилась осада Москвы Болотниковым.

видим его государевым дьяком в Новгороде⁸. Отбыв эту службу не позже начала 1610 г.⁹, Тимофеев желал возвратиться в Москву, но не мог по недостатку средств и остался в Новгороде до взятия его шведами¹⁰. Там он пробыл и во все время шведского господства¹¹, и легко может быть, что по своей бедности временно находился у новгородского митрополита при каком-нибудь деле. После освобождения Новгорода он снова действует на государственной службе: в 1618 г. он был послан дьяком в Астрахань, где находился до 1620 г. и был затем отпущен к Москве¹². С 1622 по 1626 г.

---

⁸ ДАИ. Т. 1. № 155. Из этой грамоты видим, что в марте 1608 г. Новгородом управляли боярин князь А.П. Куракин, окольничий М.И. Татищев и дьяки Ефим Телепнев и Иван Тимофеев.

⁹ Царская грамота в Новгород 1-го мая 1610 г. (ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. 4. Материалы. С. 20–23) показывает, что в Новгороде были уже иные воеводы и дьяки: боярин И.Н. Большой Одоевский, Р.А. Вельяминов, дьяки Чюлок Бартень и Корнил Иевлев.

¹⁰ Он говорит о себе: “Мое ж отсюду (то есть из Новгорода. – С.П.) к преславному граду (то есть к Москве. – С.П.) вспять возвращение, отнюду ж прежнему семо исхождение бысть, медлением зде надолзе закосне скудостью ми возможных к подъятию действ. Дожда бо и до иже великому граду (то есть Новгороду. – С.П.) порабощением в плен приятися Еллины, к ним же убо нашего общерабства работством тамо, яко в сети, увязе ми нога, и вне града изъютрьюду преди с прочими гонзнути не свободися, предписанныя ради вины” (рукопись Флорищевой пустыни. Л. 210 об. – 211).

¹¹ Об этом он свидетельствует не один раз. На л. 202 об. он говорит, что во время свержения и плена Шуйского “о всех сих быхом зде (то есть в Новгороде. – С.П.) от плена, яко во мраце, внутрь стен неведени затворени; разве что кроме истины ж в мале прияхом несогласное от слуха, но яко по аеру чрез забрала и та в слухи наша едва кое нуждею прелетит слово”. На л. 265–265 об., говоря о походе Скопина из Новгорода к Москве, Тимофеев не описывает подробностей похода: “о них же, иже там бывших, мы зде (то есть в Новгороде. – С.П.) затворении ясне подробну к сказанию не довлени”, – говорит он. На л. 277–279 он свидетельствует, что начал писать свой труд после беседы с митрополитом Исидором, бывшей в Новгороде в последние дни шведского плена (*Строев*. Словарь. С. 270). Наконец, на л. 303–304, заключая свое повествование о смутах, Тимофеев говорит: “В Новеграде Велицем в тожде междоусобие земное всеградно Еллины заплени быхом. Со убогшими же оттуду во иже всего царствия в матере градов угонзнути не возмогохом, Богу хотимое нами не соблаговолящу. Потом же, мало препуская время, в прочих градах пребывания наше на уреченных службах, *царским* по Бозе повелением, бысть”. Последнее из приведенных мест дает повод думать, что после освобождения Новгорода от шведов Иван Тимофеев не мог возвратиться в Москву так же, как и ранее, до новгородского плена. Однако неясность его изложения позволяет эту фразу о невозможности убежать в Москву относить и к тому времени, когда он по бедности не мог вернуться со службы и избежать плена. После 1617 г. из Новгорода незачем было “убегать.”

¹² Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 349, 420 и 459; Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 544, 663 и 720.

видим его дьяком в Ярославле¹³. Оттуда в 1626 г. он был переведен в Нижний Новгород и из Нижнего отпущен в Москву только в 1628 г.¹⁴ В Боярской книге 7137 (1628–1629) г. он еще упоминается в дьяках¹⁵; позднее же о нем не встречается известий, и в Боярскую книгу 7144 (1635–1636) г. он уже не занесен. Можно поэтому предполагать, что он умер вскоре после 1629 г.

Список Временника Тимофеева местами настолько неисправен, что затрудняет чтение памятника. Необыкновенно вычурный язык автора, очевидно, плохо был понимаем переписчиком, который иногда обращал в бессмысленный набор слов запутанные фразы Временника. Частые, но не всегда удачные поправки и приписки, внесенные кем-то в список (судя по почерку, еще в XVII в. и быть может, даже самим автором), мало помогают читателю, и самое внимательное изучение рукописи не может привести к полному пониманию всех ее мест. Поэтому, приступая к обозрению Временника, мы принуждены будем оставить без исследования некоторые его частности, не рискуя входить в оценку таких показаний, точный смысл которых не может быть восстановлен.

Цель труда Ивана Тимофеева, предпринятого им по мысли митрополита Исидора, заключается в том, чтоб изобразить события его времени, “малу часть некую от них споведати, елика имут писателеви взыти на память, яже видена и яже слышана быша zde” (то есть в Новгороде)¹⁶. Автор еще помнил времена Грозного; с них он начал свое повествование и довел его приблизительно до 1619 г. По характеру изложения Временник представляет собою ряд отдельных очерков и характеристик деятелей и событий Смуты; это можно видеть уже из оглавления рукописи¹⁷. Всем этим

---

¹³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 739; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 868, 924, 1033, 1139 и 1245.

¹⁴ В Нижнем Новгороде он был уже в июне 1626 г., “за два месяца... до Семея дни”: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 223. Стб. 990; СПб., 1884. Т. 9. С. 445. Книги разрядные... Т. 1. Стб. 1218; СПб., 1875. Т. 2. Стб. 62; Нижегородский летописец / Работа А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 54.

¹⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 410 [См. *Примечание 10*].

¹⁶ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 278; Строев. Словарь. С. 270–271.

¹⁷ Приводим здесь перечень глав Временника, находящийся на л. 9–11 рукописи: “I. Царство великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. В той же главе: 1) о опришнине, 2) о новгородском пленении, 3) о царице и великой княгине Анастасие Романовне и о чадах, 4) о царевиче и великом князе Иванне Ивановиче, 5) о брате царя Ивана Васильевича всеа Русии князе Владимире Андреевиче Стариком. – II. Царство благочестивое, иже от поста просиявшее, великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии. В той же главе: 1) о заклании государя царевича и великого князя

очеркам и характеристикам предшествует любопытное предисловие, изъясняющее взгляды автора на происхождение и течение Смуты. В самом же тексте Временника находим ряд замечаний автора о тех приемах изложения, какие он считал для себя обязательными. Поэтому, прежде чем ознакомиться с историческим содержанием Временника, необходимо характеризовать ту точку зрения, с которой автор смотрел на события и на свой труд.

Предисловие свое Иван Тимофеев начинает рассказом о том, что все твари, послушные безгрешному Адаму, стали ему непослушны и страшны, когда он согрешил. Нечто подобное видит Тимофеев и в истории Руси: пока государи московские крепко держались “повелений, данных Богом”, и свято сохраняли благочестивую старину, до тех пор московские люди “тако безоответни быша к ним, яко рыбы безгласни”. Но поскольку “предержатели” московские “начаша древняя благоуставления законная и отцы преданая превращати и добрая обычая на новоспротивная изменяти, – по толику и в повинующихся рабех естественный страх к покорению владык оскудеваше исчезая”. Перемена древних благоуставлений сказалась прежде всего в том, что “обдержители” стали “ушеса своя сладце преклоняти к ложным шепотных глаголом”, “лжевный же недуг и горкий плевел терния посреди всего царствия израстая умножашесь”, “языки бо своими убиваху люди, яко мечи”. Это было началом зла. Московские люди стали робки и “на каждой час изменуеми и словопревратни удобь и всяко неутвержени ни в чем, в делех же и словесех нестоятельны, по

Димитрия Ивановича в 99-м году, и о приходе крымского царя под Москву, ... 2) о пострижении царицы Марии, матери царевича Димитрия Ивановича, по смерти его, и с Углича ссылка ея, 3) о Богдане Бельском, 4) о принесении мощей святого царевича Димитрия Ивановича с Углича к Москве. – III. *О обирании Бориса Федоровича на царство в Новом Девичье монастыре и о воцарении его... и о Серпуховском ево походе...* В той же главе: 1) о крестном целовании царю Борису Федоровичю, 2) о утверждении имени писмены тогожде, 3) о нем же Борисе. – IV. *Богопустное на Московское государство Ростригино беззаконное царство.* Притча о цареве сыне Римском, иже пострижеся и паки иноческий образ попра: розстригшися, восхоте совокупитися браку. – V. *Царство царя и великого князя Василья Ивановича Шуйского:* 1) о цареве сыне Василье Ивановиче и о табарех, 2) о князе Михаиле Васильевиче Шуйском Скопине, 3) о князе Михаиле ж, 4) о печи и о походе со кресты, 5) о воровском бежании с Хутины и о приходе их, 6) о княж Михайлове к Москве из Новагорода походе, 7) о патриархе Ермогене, 8) Летописец вкратце тех же предипомянутых царств и о Великом Новеграде, иже бысть в дни коегождо царства их, 9) о крестном целовании королевичу Владиславу, 10) о вдовстве Московскаго государства две притчи”. – Это оглавление вполне соответствует порядку изложения во Временнике. Восьмая статья последней главы, озаглавленная “Летописец вкратце” и т.д., представляет собою попытку сократить все предшествующее изложение и является как бы самостоятельным произведением.

всему вертяхуся, яко коло, и друг другом защищающесе в находящих”. Иностранные “посолницы и купцы”, приходившие на Русь, узнали о такой нравственной слабости, и враги Руси воспользовались ею, создав русским людям “о лжецарех погибельное предкновение”. Таким образом, нравственное падение русских людей вызвало смуты и нашествие иноземцев. “Се же все бысть державных малем поползновением, яко же Адамлим ко греху умяхчением, рабским же нашим многим прегрешением, единаче ж обоих к Богу о добродетелех неисправлением”, – так резюмирует автор свой взгляд на причины Смуты и заканчивает предисловие обличением новых пророков русского общества, созданных Смутой. По его словам, честолюбие явилось у всех: начали “малая великих одолевати, юные ж старых и безчестныя честных, рабы своих им владык”. Рядом с этим он отмечает развитие эгоизма, приносящего в жертву личному благополучию и личной наживе целость и спокойствие родины¹⁸.

Так с самого начала автор становится на точку зрения моралиста, в нарушении старых начал русской жизни видевшего источник всех бедствий. И все его повествование полно обличениями: это – не спокойный летописатель, а человек, стремящийся показать читателю, кто был повинен в бедствиях Смуты, кто вызывал и поддерживал междоусобия и кто пал жертвою этих междоусобий. В зависимости от такого характера повествования создалась и самая форма изложения. Автор не стремится к фактической полноте показаний и не стесняется хронологической последовательностью: в ряде отдельных очерков дает он характеристики деятелей, останавливается на отдельных событиях, которые почему-либо считает важными и не только описывает и рассказывает, но и обсуждает факты.

Строго судя нравственные качества и поступки тех, о которых пишет, Тимофеев также строго относится и к своим обязанностям писателя: “поносно бо есть писателю, – говорит он, – не ясно введуще, сущия вещи описывать”. На этом основании он иногда прямо отказывается от описания некоторых событий. Говоря, например, о временах Грозного, он замечает, что описывает “не вся по ряду”, но “елико ми на память слышанием въздыша, толика и написашася”. От подробного описания похода князя М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву он совсем уклоняется, потому что в то время сидел в Новгороде и не знал о подвигах Скопина: “по тонку

---

¹⁸ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 1–7. Нельзя не отметить замечательного совпадения взгляда Тимофеева на происхождение Смуты со взглядом рассмотренного выше “Плача о пленении о конечном разорении Московскаго государства”.

же вся сведят с ним же бывшая” (люди), – замечает он¹⁹. Обнаруживая таким образом стремление передавать лишь достоверно ему известные факты, Тимофеев в то же время желает казаться и вполне беспристрастным писателем. После характеристики Бориса, очень неблагоприятной и резкой, он перечисляет и добродетели Годунова и приводит весьма любопытное оправдание такой двойственности изображения: “Елика убо злотворная его подробну написати подшахомся, – говорит он, – сице и добротворивая о нем исповедати не обленимся, дондеже от прехода летняго продолжения не спокрышася забвением. Елика ми на память въздоша, толико напишу их, да не и наше списание, еже нань злобное, възмнится по неких враждуемо. Егда злотворная одинако изречена бы, добрая же от инех сказуема, нами же умолкнута, – яве неправдование обнажилося бы списателево; а иже обоя вправду известуема без прилога, всяка уста заградятся”²⁰.

При таком желании Тимофеева быть точным и объективным писателем, мы вправе ждать от его Временника полной искренности показаний и вправе все неточности его изложения объяснять невольными заблуждениями автора, а не его тенденциозностью. Судя и по содержанию Временника, Тимофеев не вынес из Смуты никаких партийных привязанностей и лично-враждебных воспоминаний. Почти повальное осуждение, с каким он относится к русским общественным деятелям Смутной эпохи, обусловлено у него не партийными взглядами, а общею точкой зрения моралиста, быть может, слишком доверявшего злоязычным сплетням своего времени.

При отрицательном отношении к современности, Тимофеев не страдал, однако, самомнением. На свой труд смотрел он, как на дело, превышающее его силы и знания. Когда митрополит Исидор в уединенной беседе благословлял его на составление Временника, Тимофеев отказывался от этого дела, представляя митрополиту “недовольство смысла своего” и свое “ненаучение”. Убежденный тем доводом, что при его отказе могут быть забыты памятные события, которых он был свидетелем, Тимофеев стал писать; но вместе с тем он не считал себя ни умелым, ни безошибочным писателем и молился: “яко да достовернии, идеже аще явьльшеся обрящутся, яко в нас да исправят иже сия”. Читателей своих он предваряет, что не имеет привычки к литературным занятиям, как “поселяне” не имеют привычки к оружию, и просит помнить о его сочинении, “яко по нужди вчинися сие”²¹.

¹⁹ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 311, 20 об., 25–26 об. и 265 об.

²⁰ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 116 об.–117.

²¹ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 277–279 и 270–271. *Строев. Словарь.* С. 270–271.

Быть может, недостатком литературной опытности следует объяснять излишнюю и не всегда удачную вычурность слога во Временнике, доходящую местами до того, что приходится просто отгадывать мысли автора в массе темных иносказаний. Не возвышаясь до такой изящной замысловатости выражений, какой умел иногда достигать автор Хронографа 2-й редакции, Иван Тимофеев, можно сказать, испортил свое любопытнейшее произведение тяжелою риторическою речью и, конечно, сам был виною того, что трудно понимаемый Временник не достиг заметного распространения среди его современников.

Зная личность автора Временника, его литературные приемы и общее отношение к событиям Смуты, перейдем к частностям его повествования. Первая глава Временника²² посвящена времени царя Ивана Васисильевича Грозного. Она не вошла бы в наше изложение, если б автор сам не связывал Смутной эпохи со временем Ивана IV. Ему кажется, что Грозный много способствовал разрушению порядка в своем государстве и этим подготовил последующие смуты. Указывая на блестящее происхождение Ивана “от самого Августа цесаря”, Тимофеев сперва слагает ему общую риторическую похвалу, но затем говорит, что он “к ярости удобь подвижен бе” и держал “пламенный гнев” на своих людей. Он “возненавидел грады земля своя” и потому разделил их на две части, “яко двоеверны сотвори”. Одних он “усвоил” себе, другие же отринул и запретил “именем его мнозем градом нарицатися”. Этим разделением Грозный “всю землю державы своя, яко секироу наполю некако разсече” и “смяте люди вся”. Мало того, “на время” он поставил над Русью царя Симеона и самого себя раболепно смирял пред ним, а затем снова взял у него власть. “Тако божиими людми играя”, замечает о Грозном Тимофеев и вместе с тем дает понять, в чем видит он причину такого поведения Иоанна. Казня и прогоняя “в чюжеверныя земли” своих вельмож, царь “во онех место” приближал к себе иностранцев: они-то внушили ему ненависть к его подданным²³. Автор удивляется, как Иоанн, который “в мудрости никим побежен бысть”, не мог догадаться, что не следует “яти веры врагом своим”, и сам вложил свою главу

---

²² Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 12–39.

²³ “От окрестных стран приезжающая к нему возлюби и болшими дарованми тех богатыя. От них же инех и в тайномыслие си приятова, других художествы врачевные хитрости к нему примилшихся, изветом здравия ему своея мудрости растворение приносяще. О них же истинне рещи: души его вред, телесное паче нездравие, вкупе ж с сим и ненавидение ему на люди его нанесоша” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 15–15 об.). В данном случае мы можем, кажется, с некоторым вероятием указать источник Тимофеева: это – заметки Псковского летописца о враче Елисее Бомелии (ПСРЛ. Т. 4. С. 318, 342; *Карамзин*. ИГР. Т. 9. Примеч. 268).

“в уста аспида”, сам отдался в руки иноземцев. “Увы”, восклицает Тимофеев, “вся внутренняя его в руку варвар быша, и яже о нем восхоте, да сотвориша; лишше не глаголю: сам себе наветник быв”. Следствием такого поведения Грозного и было разделение земли, раскол в умах и дальнейшие смуты в государстве²⁴.

Описывая затем дружину опричников, которые по своей черной одежде, “яко ночь темна, видением зряхуся” и “взором бо единым, неже смерти прещением страшаху люди”, автор переходит к погрому Новгорода в 1570 г. Рассказ о погроме ведет он от лица Новгорода (это обыкновенная его манера излагать новгородские события); но при этом он не сообщает никаких фактических подробностей. Любопытен лишь тот его взгляд, что Грозный – “рабубитель и мирогубитель”, разделивший прибитки новгородцев “по жребию равно с рабы”, – через год после разорения Новгорода уже получил Божье отмщение в виде татарского набега на Москву²⁵. Затем Бог поразил Иоанна и личным горем: “болети неисцельно ему сотвори”. Однако не от этой болезни умер Грозный: по словам Тимофеева, “жизнь же яростиваго царя, глаголют нецьи, преж времени ближнии сего, зельства его ради сокращения, угасиша”. Этими ближними были Борис Годунов и “царев возлюбленник того времени” Богдан Бельский²⁶. Смерть

---

²⁴ “И сим земли всей велик раскол сотвори и усомневатися всем в мыслех своих о бываемом. Бога самого премилостиваго ярость на себе разже сим разделением, мно, нынешнея вся земля розгласие яко преобразуя оттуду дозде. Сам тогда на ню руку не благословля наложи, даж оно и доньше не утверженным от грех колеблемо, и несть ю до единого ныне от человек утвердити могущаго” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 16–16 об.).

²⁵ Иоанн Грозный с его помощниками, “яко саморазжено углие огнено во град (Новгород. – С.П.) к запалению совнешше, в неведении сами яко погнету сим царску граду всему (Москве. – С.П.) сотвориша. И яко наутрия некако, на лето по сих 9-е круга обшество, яко корень и главу со утробою, еже гнездо всего царствия, присное пребывалище водворения самого царска, с своесущими в нем благими всеми, Измаиле семя Агары ж порожение, богопустно от восток нашедше, все огнем запалше, испепелиша” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 19–19 об.). Ту же самую мысль, и гораздо яснее, выражает Авраамий Палицын в первоначальной редакции первых глав своего Сказания, говоря, что “царь Иван Васильевич пострада за разгром Великаго Новаграда и инех, иже по единому лете не бысть помощи ему от плена святых икон и книг и колоколов... Москве тогда седмицею злейши Новагорода разтление бысть, и за Волхов-реку, насажен до верха, и Москва наполнися сеченых во всех улицах от конца до конца” (Рукопись Московской духовной академии, № 175. Л. 366 об.).

²⁶ О существовании подобного слуха в 1584 г. читаем в Новом летописце (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 6; Летопись о многих мятежах. С. 7; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 24) [Adelung F. Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren berichte bekannt sind. SPb.; Leipzig, 1846. Bd. 2. S. 224].

Иоанна вызвала всеобщую радость. Ликовали мнимые друзья его иноземцы, знавшие, “что меч бо его десница с воздухом долу не туне свожашеся на противныя”. Родовались в глубине души и бояре, которые содрогались, вспоминая ярость Грозного, и даже не могли сразу поверить, что он действительно умер. Торжествуя свое избавление от Иоанна, они думали было творить свою волю, не обращая внимания на царя Феодора; но вскоре все погибли от Бориса Годунова²⁷.

После такой беглой характеристики Иоанна и его деятельности Тимофеев переходит к повествованию о некоторых личностях времени Грозного. Кратко и очень похвально отзываясь о царице Анастасии, он говорит затем о детях царя Ивана: о царевиче Иване Ивановиче сообщает, что он умер “от рукобиения отча” и многими был оплакан за его способности; о царевиче Феодоре отзывается с полным уважением за его благочестие и, однако, замечает о его “недовольнии к царству отеческу”²⁸. Наконец, рассказом об участии князя Владимира Андреевича Старицкого и семьи его автор заканчивает первую главу²⁹.

Глава вторая³⁰ по заглавию посвящена событиям времени Феодора и начинается похвалою благочестивому царю, в котором “купно мнишество с царствием соплетено без раздвоения едино другаго украшаше”. Умиротворяющее влияние кроткого царя-подвижника, по мнению Тимофеева, отозвалось на врагах Руси. Забывая о войнах Феодорова царствования, он говорит, что при Федоре Русская земля “мирне и невоеванна пребысть, кроме

---

²⁷ “Вмале ж silentiary (очевидно, латинское *silentiarii*. – С.П.) вси от срабнаго Бориса одолени погибоша”, – говорит Тимофеев (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 23).

²⁸ Любопытен рассказ автора о смерти сына Грозного Димитрия во время путешествия царя в 1553 г.: “Царю, отцу детища, водоносили ко отечеству воспать с Белоозера от лавры святого отца Кирила спутьшествующую ... случися внезапно отроку от рук доилица на воду ниспасти, сном той погрузившися” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 30 об.–31). Ни летопись (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 203), ни “История” князя Курбского (Сказания князя Курбского / Изд. Н.Г. Устрялова. 3-е изд. СПб., 1842. С. 41) не говорят, что царевич утонул (См.: Сказания Массы и Геркмана... С. 13).

²⁹ Тимофеев говорит, что князь Владимир, оклеветанный “рабами”, был умерщвлен “напоением смертным купно з женою и сыном: вси принужени быша испити смертныя горести чашу” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 36 об. Ср.: Карамзин. ИГР. Т. 9. Примеч. 277; Соловьев. История. Т. 6. Примеч. 90). О княгине Марии Владимировне с дочерью Тимофеев говорит, что при царе Феодоре они были возвращены в Россию, обласканы и содержались в довольстве (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 38–39. Ср.: Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича. С. 82. Примеч. 2). [О “королеве” Марии Владимировне в 1611 г. см.: СГГД. Ч. 2. С. 585.]

³⁰ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 40–93 об.

внутренних мирских соплетений”. Жертвою этих соплетений со стороны Бориса Годунова пал и сам Феодор вместе с братом Дмитрием³¹. И не было никого, кто восстал бы против честолюбца Годунова, “не бе тогда и доньне крепкаго во Израили, от главы даж и до ног, от величайших даж и до простых, яко и благороднийшии вси тогда онемеша и равно ему (то есть Борису. – С.П.) попустиша и безгласни бо быша яко рыбы”. Этого молчания Борис сумел достичь разными средствами: “величайших” людей он устрашил, мелких подкупил своею щедростью, а средних одарил чинами не по достоинству. При общем молчании ему легко было решиться на преступления для достижения заветной цели – престола.

Начал свои злодеяния Годунов с убийства брата государева Дмитрия. Сперва он прогнал его вместе с роднею в Углич, а затем, уловив удобную минуту, умертвил царевича при помощи Клешнина³² и своих “послушателей”. О самом убийстве Дмитрий автор рассказывает очень кратко³³, но зато долго останавливается на событиях, связанных с его смертью. Бегло упоминая о расправе угличан с убийцами царевича, Тимофеев рассказывает, что за нее Борис “утаився от царя”, страшно наказал и жителей Углича, и Нагих. Первых он морил в темницах и приказывал

---

³¹ Об убийстве Феодора Борисом Тимофеев говорит не один раз. В начале 2-й главы о злодеянии Бориса он выражается темно: “некако виновну ему смерти сушу бывша, по всему вешем обличающим его, яко ж и о уншем брате сего царя он же явлен убийца бысть” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 44). Но в главе 3-й он уже прямо утверждает, что Феодор отравлен Годуновым: “Прежде времени ему положенех Богом предел крестопреступный в клятве раб сему уготова вечным сном почити: возложи бо на того царску главу свою рабоскверную убивства руку, принесе господску животу смертен яд и уби и не кровопролитне” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 94 об.)

³² О Клешнине находим только следующие слова: “Обрет (Борис. – С.П.) и суца стаинника себе потаена зело злых злейша Луппа некоего, брата си свойством и делом, иже толкуется волк, от дел звание приим” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 48–48 об.). Что Лупп (Андрей) Клешнин был Борису “брат свойством”, другие источники, насколько мы знаем, не сообщают (См.: *Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 97; Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. 2-е изд. СПб., 1871. Приложение № 28; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 16; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... Ч. 2. Приложения. С. 49). А между тем это известие, если оно верно, не лишено значения и помогает понять, откуда произошел упорный слух о соучастии Клешнина в злодеянии Бориса [На давнюю близость Клешниных и Годуновых указывает “данная” 7084 г., напечатанная графом С.Д. Шереметевым (Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Семена Годуновых // Чтения ОИДР. 1897. Ч. 1. С. 7)].

³³ Собственно о смерти царевича у Тимофеева одна фраза: “ножем послушатели на зло заклан бысть предо очима своя ему матере” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 48 об.).

душить на дороге в ссылку, вторых предал “злейшим мукам” и рассеял по краям земли; мать же царевича он постриг. Наоборот, родню преступников, убитых угличанами, Борис разыскал и ода-рил. Когда же для следствия о смерти брата царь послал в Углич сарского митрополита и “вельможу, благороднаго вельми” (имя этого “вельможи”, В. Шуйского, автор обнаруживает в дальней-шем изложении, при рассказе о перенесении мощей царевича), то следователи убоялись Бориса “паче повеления царска” и по его наущению донесли царю о Димитрии, “яко самому ему играя за-клатися”. Ложно Борис объяснял и причину самоубийства царе-вича: “болезнь ему тяжку прирек; яко неким, тако и сему, глаголя, страдати, иже иступати умом и телом оцепеневати”. После такого оборота дела царевич был погребен в Угличе. Приписывая проис-кам Бориса то обстоятельство, что тело Димитрия не было погреб-лено в Москве, Тимофеев вступает в пространное рассуждение по этому поводу. По его соображениям, Борис основательно боялся принесения мощей Димитрия в столицу. Они могли бы обличить его преступление, и народ не попустил бы преступника захватить престол. Ясным доказательством этого в глазах Тимофеева слу-жат чудеса, явившиеся следствием обретения мощей царевича в 1606 г. Святой своим чудотворением доказал народу преступле-ния Годунова и первого самозванца и отнял всякую возможность успеха у самозванцев, явившихся позже.

Показав читателю первые преступные шаги Годунова и пе-реходя к описанию его воцарения, Тимофеев делает весьма лю-бопытную оговорку³⁴. Он замечает, что “о царюющих убо нами вправду первосуших царех” следует писать осторожно, не вда-ваясь в осуждение их слабостей, ибо оценку своих дел они и без людского осуждения получают от Бога. “О таковых творити тща-но и страхоприступно списателе обыкоша, говорит он, и нас на-учаша”. Но о людях “богопустных”, “иже от несущих, ниже благо-словно и чрез подобство наскакающих на царство, сицевых яве от благих по всему отделися суд”. К этим незаконным монархам, по мнению автора, можно относиться и с осуждением. Такой взгляд, служащий для нас залогом откровенности автора, высказан им, как вступление в дальнейшее его повествование о Годунове.

Автор приступает затем к описанию событий, случившихся одновременно (“в одних неделях и днях”) со смертью царевича: московского пожара и нашествия татар на Москву. Пожар, по мне-нию Тимофеева, “умыслительным бысть повелением тогожде”, то есть Бориса: “онем повелителем пущения запалители кушно

---

³⁴ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 57–58.

езде пламень возжигаху”. Но для чего понадобилось Годунову жечь Москву, Тимофеев совершенно не объясняет. В шестивии же Казы-Гирея он видит кару небесную, ниспосланную за грехи русских людей, несмотря на благочестие царя Феодора: “единого добродетель не может спокрыти всех человек прегрешение”. Рассказывая довольно подробно о татарском набеге³⁵, Тимофеев с особенным вниманием останавливается на поведении Бориса в это время. Борис руководил защитой Москвы против врагов, и когда татары ушли, его ласкатели донесли царю, что Москва освободилась благодаря мудрому “промышлению” Бориса. Сам же Годунов возвратился из лагеря в Москву и лукаво медлил в ней три дня, не преследуя хана и осыпая наградами льстецов и войско. И только тогда, когда бегство хана стало несомненным и он достиг уже Ливен, Борис устремился “во след гнати ему яко по ветре”, не рискуя потерпеть поражение, не надеясь даже догнать татар. От Серпухова Борис, однако, повернул назад, уверясь, что враги ушли безвозвратно³⁶. В Москве, между тем, ожидали его новые похвалы подкупленных льстецов, да и сам правитель без стыда величался своими вымышленными победами и в память их устроил даже монастырь (Донской). Рассылая по городам грамоты с описанием небывалых своих подвигов, осыпая незаслуженными наградами своих соратников, Годунов старался этим достичь

---

³⁵ В этом рассказе любопытны некоторые частности: Тимофеев, например, обстоятельно выясняет значение для Московского государства Оки, которая служила “непролазною стеною” для татар, приходивших от полудня (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 62 об. – 63). Он передает известную легенду о том, как татары под Москвой были испуганы рассказами русских пленных и поэтому отступили от Москвы (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 21; Летопись о многих мятежах. С. 28; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 36–37). Но эта легенда у него обладает оригинальными чертами: героем ее является один “благочестивый воин”, захваченный в плен татарами под самой Москвой; “грехопростительной лжою” о приходе в Москву новгородских и псковских войск он напугал татар, а затем, когда они отступили, этот “пленный узник возвратився во своя утечением с пути, вся потонку царю нашему вопрошаем возврати” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 63–65). Не лишено значения и пространное описание укрепленного лагеря русских (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 65–68). Этот лагерь, “по простой речи глаголемый обоз, древним же званием – гуляй”, по рассказу Тимофеева, был изобретением “князя, наричот, некоего Михаила, порекло Воротынский Иванович”. Но можно думать, что “гуляй-города” были в употреблении еще в начале XVI в. до князя М.И. Воротынского, воеводы Грозного (*Карамзин*. ИГР. Т. 7. Примеч. 302; Т. 9. Примеч. 391; Т. 10. Примеч. 270).

³⁶ Сравнение рассказа Тимофеева с другими источниками обнаруживает его полную односторонность и неточность. Ср.: *Карамзин*. ИГР. Т. 10. С. 86–91 и примеч. 267, 269 и 270; *Соловьев*. История. Т. 7. С. 316–318; *Щербатов*. История. Т. 6, ч. 2. № 28. С. 252–256.

славы и любви в народе. Скрытая цель его стараний была, однако, отгадана московскими людьми. Они сознавали, что награды, полученные ими, не по заслугам велики, и объясняли это тем, что Борис желает щедростью подготовить свое избрание в цари. Однако все молчали: “онемеша бо языки их и уста затвориша(ся) ото мзды; вся же чювства наша паче страхом ослабеша”.

От этих обличений Бориса Тимофеев возвращается к обсуждению дела о смерти царевича Димитрия. Подробно рассказывает он о заточении и страданиях матери убитого царевича, о ссылке и казнях угличан и по поводу этого восклицает: “Где суть, иже некогда глаголющеи, яко неповинна суща Бориса закланию царского детища?” По мнению автора, лучшим возражением против защитников Бориса (очевидно, существовавших, как показывает самое обращение к ним автора) служат страдания тех людей, которые отместили за смерть царевича, и награды родственникам убийц. Как правосудный правитель, Годунов должен был бы наказать не только убийц Димитрия, но и племя их (таковы правовые представления автора – человека XVI–XVII в.); а между тем, Борис разыскал это племя и его “руки наполни мздою, именми и дарми многими”. Он обнаружил этим “жаление свое об убийцах” и, наказывая угличан, как бы мстил им за злодеев. Такое вопиющее нарушение правды осталось, однако, безнаказанным, потому что русские люди по своему “несогласию” и “неумужеству” не только пустили злодею первое преступление, но своим молчанием еще усилили его дерзость. Он свободнее стал распоряжаться в отношении тех людей, которые казались опасными его честолюбию и зависти: он умертвил “агарянского царевича” и двух сыновей “латинских кралей”³⁷, пришедших в Московское государство; он, “из пред царя восхищяя”, развеял по концам земли знатнейших русских людей.

Примером отношения Бориса к русской знати служит для Тимофеева участь Богдана Бельского, к описанию которой он переходит. По его словам, Бельский был любимцем Грозного. Предсудительная близость его к царю ставила его даже выше Годунова. Бельский сохранил свое высокое положение и при Феодоре, хотя

---

³⁷ Нет сомнения, что под названием “латинских кралей” Тимофеев понимает Иоанна датского и Густава шведского. Но *Густав* умер уже в 1607 г. (*Regum Rossicarum Script. exteri*, I. P. 10, 158; *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 327) Под именем “агарянского царевича” всего вероятнее предполагать крымского Мурата, жившего в Астрахани: его смерть, по слухам, была насильственной (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 13–15; Летопись о многих мятежах. С. 17–19; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 30–31; *Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 254).

и не жил в Москве: “вдале града царска во своих пределех удаляем бываше от молв мира за наставшую о нем в царствии тогда бывшую крамолу” (намек на известные обстоятельства 1584 г.). Переезжая “от веси в весь”, жил он в покое, “снабдеваем Борисом”. Когда же воцарился этот последний, Бельский был послан им в Борисов-град; но оклеветанный кем-то, он там легко попал в опалу благодаря злomu и подозрительному характеру Бориса. Лишив его боярского сана и громадных имуществ, Годунов “казнь... позорную ему дав, градских закон уставленную, яковою по градом казняху злодея, разбойники и мытаря; и ина безчестнейшая поругания ему и срамоту волею повелевшего наложиша, и в места далная поточен бысть”³⁸. Подобная же участь постигла и других знатных вельмож, страшных Борису и оклеветанных пред ним. Однако все эти страдальцы впоследствии “лучшу первыя в земных жизнь Ростригою уллучиша”.

Если таким образом Борису не удалось навек погубить гонимых им, то не удалось ему затмить славу и первой своей жертвы – царевича Димитрия. Весьма пространно и риторически рассказывает Тимофеев о торжественном перенесении мощей царевича в Москву и этим оканчивает вторую главу Временника³⁹. Не трудно заметить, что содержание ее не вполне соответствует ее заглавию. Царем Феодором, царствованию которого посвящена вторая глава, Тимофеев занимается очень мало. Он ограничивается его благосклонною характеристикой и все свое внимание обращает на Годунова, раскрывая путем разбора отдельных фактов его за-

---

³⁸ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 85 об.

³⁹ В описании перенесения мощей любопытны только некоторые частности. Тимофеев описывает одежды, в которых был погребен царевич, таким образом: “И се не мало на убийцу во указание: не в погребальных убо, яко же по закону, в белых ризах ныне страдалец в раце зрим, но во иже прилучшихся в нем во святострадании, оговою обгаженех тогда кровию... Но ниже в пренесении первосвятители и царю вложи святыи в мысль ко еже бы пременитесь тем... Число же в раце риз его сиче бе: едина, иже по первой на срацицу в животе его обычай полагагися, опоясуема; та же две единаго существа беловиднаго тканя, иже к телеси приближни суть: срацица и гаши, иже дальнейшая объемля части тела до плесну; по сих препоясания; елика к сим же сандаleyца со обувными платы, багряновиден тех зрак бе. Митра же честные его главы моему недостойну забвися виду: суть ли ту с прочими, или ни?” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 91–92 об.). Из этого описания ясно, что автор был очевидцем перенесения мощей царевича. Странно поэтому читать его показание, что “Гермоген всеа Россия великий патриарх всесоборне иконам воследуя во сретении новомученика” (л. 88 об.). Об отсутствии Гермогена узнаем из официальных источников, которые несколько расходятся с разбираемым Временником и в описании одежды царевича (СГГД. Ч. 2. № 147; ААЭ. Т. 2. № 48). Впрочем, Тимофеев сознается, что кое-что “моему... забвися к виду”.

мысел овладеть престолом. В третьей же главе он характеризует Бориса как монарха и как человека. Таким образом, и вторая, и третья главы имеют тесную связь между собою и содержанием своим заходят одна в другую.

Третья глава⁴⁰ начинается описанием воцарения Бориса. После смерти царя Феодора он удалился в Новодевичий монастырь, потому что боялся, по мнению автора, как бы не раскрылись в это время все его преступления против угасшей династии. Кроме того, со стороны ему было удобнее наблюдать за тем, что делалось в Москве. По словам Тимофеева, он легче мог узнать, кто был его другом и кто врагом, кого он должен был со временем наградить, а кого преследовать. Однако, с удалением Бориса в Москве продолжали действовать его родственники и “спомогатели”, “яко везде быти в людех того всех слух и око”. И вот “наутрие”, “в сырней седмицы вторник”, сторонники Бориса подвинули Москву на его избрание⁴¹. “Молебну человеку угодия хартию писанми тщанно соплетше”, иначе говоря, составив определение об избрании Бориса, рачители Годунова явились во двор “самого архиерея”, то есть патриарха Иова, и принудили его с крестным ходом идти в монастырь к их избраннику просить его на царство. За крестным ходом явилась в монастырь и масса народа, “люди вся от старец до юношей”. Борис вышел “во сретение всеградской святыни” и присутствовать на молебне, после которого все пришедшие стали просить его на царство⁴². Несмотря на то, что Годунов “с клятвой” отказывался от престола, его продолжали молить. Тогда он, продолжая отказываться, притворно дал понять народу, что дальнейшие просьбы заставят его наложить на себя руки, — и затем убежал в келью царицы Ирины⁴³. Тем не менее его не оставили

---

⁴⁰ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 94–155 об.

⁴¹ Тимофеев представляет избрание Бориса делом одного дня и описывает только то, что происходило в Новодевичьем монастыре во вторник сырной недели, то есть 21-го февраля (ААЭ. Т. 2. № 7. С. 29). При этом его выражение “наутрие” нельзя понимать в том точном смысле, что избрание Бориса произошло на другой же день после его отъезда из Москвы.

⁴² Говоря, что московская знать усердно увещала Бориса, Тимофеев так описывает крики средних и простых людей: “Средним же и до мала всем нелепо с воплем многим кричати не в чин, яко до иже разседатися от вопля того утроба их, и лица рдетися ото рденья, и ушеса своя от шума того слышащих затыкати. Таково человеком угодия леств бяше в них” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 97 об. – 98). Однако Тимофеев ни слова не говорит о тех агентах Годунова, которые, по словам Повести 1606 года, насилем понуждали народ плакать и вопить.

⁴³ “Он же (говорит автор о Борисе. – С.П.) зря всех таковое о себе прошения прилежание, еще спокрывся нехотением и выспръ, яко орел, превзятся мерою паче и прелукавне явленными показанми оболстеваше люди. Иже в руках держа пота своего утирания тканя плат, сего плата, в приложение своим он клятвам,

в покое. Народ обратился к царице-иноке и просил ее, да “вдаст повелительне брата молящих прошению”. В это время какой-то мальчик очутился на монастырской стене у окон царицыной кельи и так громко просил царицу дать Бориса на царство, что крик его покрывал голоса народа, стоявшего дальше от кельи⁴⁴. Этот случай, неприличный в глазах Тимофеева, убеждает его в том, что для избрания Бориса его рачители не стеснялись прибегать к самым бесчинным и наглым поступкам. И они достигли цели: из покоев Ирины просители вышли с радостью и велели служить молебны за нового государя. Борис же, дав свое согласие, “много не отлагая, от лавры паки вниде во град”.

Деятельности нового государя автор не изображает систематически. Во второй половине третьей главы находим лишь общую характеристику Годунова и в связи с нею изображение некоторых

предстоящим вдале народу, иже не слышашим от прочих вопля словес его, ставше ему в крылу церковнем, прямо входу западных врат на месте высоте, еже мощи видену ему быти всеми, – оного плата окрест шия своя облагаше. Ближним, им же мощи глас словес человеческих слышети, сим глаголаше, дальним же прилагателне о себе показуя разумевати, яко бы удавиться понуждаемого ради хотяше, аще не престанут молящеи. Таково последнее тогда своего нехотения притворение людскому множеству показа и плошайших убо сим в веру многу улови, прочих же никако же, яко и сего его лстиваго ловления сетей разумени ся вышшим быти. Но что успе разумение? Аще и уразумеша, во хотящее богопоущенье быти превратити не возмогоша” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 98 об.–99 об.). Если не ошибаемся, эта частность в поведении Годунова не указана ни одним из известных источников.

⁴⁴ “К сим же (рассказывает автор при описании народных просьб к Ирине. – С.Л.) отрок некий нашен не веде кими, хотимем ли самем коварне некако, или блазнителми его. Яко проповедника изветом пред лицом мнихопребывательных затворив (затворами Тимофеев называет келью. – С.Л.) царицы посадиша и на забралех, поставленех в защищение града храмом оной мнищицы смирения ради, и выспрь сего на та вознесше при самых оконцах державныя. Изветом народа яко во уши той младый вопити повелен: просимых же молению согласен отрока вопль бысть. Вся народныя их гласы превосходя, к затворшейся, иже в темных храмах волею, единогласно вопия, да дастся ею поставитися царски брат ея во главу всем людем. И паки то ж непременно крича и не престаю. И елико сей вопияше, сим паче хотимаго обличаше, яко уже студ бе мнозем и слышати такового нелепаго и бесчисленаго вопля. И аще не бы любезен был и кроме воли желателя таков близ неприступных храмов бесчинен и мног вопль уноша, то не бы к месту тому и приступити смел, ниже бы зрящая стерпели тому на мнозе, яко и в средних таковым бывати не стерпевают, ни попушают же...” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 100–101 об.). Рассказ Тимофеева немного напоминает собою анекдотические сообщения Петрея и Буссова о мальчиках и юношах, посланных народом умолять Бориса (*Петрей* (Rerum Rossikarum Script. exteri. I. P. 154): “schickten etliche tausent junge Knaben aus”; *Буссов* (Ibid. P. 7): “da machte die ganze Gemeinde einen Haufen junger Knaben und Jünglinge aus”; но в сказаниях современников о Димитрии Самозванце (Т. 1. С. 16): “два отрока подошли к монастырю”).

отдельных фактов. Факты эти приводятся для того, чтобы показать честолюбие Бориса и его заботы о сохранении приобретенного величия. Тимофеев насмешливо описывает поход Годунова к Серпухову против татар, предпринятый будто бы лишь тогда, когда Борис твердо уверился, что крымцы не пойдут на Русь. Для Бориса поход был средством повеличаться и пред своими людьми, и пред татарским посольством; но доверчивые москвичи видели в этом особенную заботу Годунова о царстве и еще более привязались к нему⁴⁵. С полным осуждением говорит затем Тимофеев об учреждении ежегодного крестного хода в Новодевичий монастырь в память избрания Бориса. По его мнению, это было не празднованием Богу, а человекоугодничеством со стороны патриарха Иова, потакавшего “словоослепленю” Годунова⁴⁶. Такое же человекоугодничество видит Тимофеев и в том обычае, по которому многие строили церкви в честь государева ангела для того только, чтобы этим получить милость Бориса⁴⁷. Принимая охотно всякую лесть, Борис и сам “возносился гордостью” и старался прославить свое имя. “Всечасно надымаяся, тоже и от ласкатель ему своих бояр поджизаем хвалою льстивою”. Борис задумывал построить в Москве новый храм вместо древнего Успенского собора и устраивал богатейшую плащаницу. Но Бог не принял его гордых даров, и Борисовы начинания не были доведены до конца⁴⁸.

---

⁴⁵ “Сим исхождением ко еже возлюбити его всех паче утверди, иже не разумющих козненаго”, – говорит автор о Борисе по поводу похода (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 107).

⁴⁶ Замечая, что этот крестный ход не совершался по смерти Годунова, автор говорит: “не убо ли от сих и первосвятителя с прочими обнажися лестное послужение в животе ему”, то есть Борису (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 111. См. также: ААЭ. Т. 2. № 7. С. 37–38).

⁴⁷ “Во имя бо купно державных ангелов храмы здаху мнози с довольствы, яко вечны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тем сотворяюще. Славимыя же несытне о сих ублажахуса честию опасно, сами сия о себе ведуши и зрящи. И по исходе славлюбных отсюду храмы они опустеваемы и небрегоми, иконы же презираемы, яко поругани и насмеховаемы умалением веры, ими же прежде почитаемы, сими и оставляемы” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 111–111 об.). И Авраамий Палицын в первоначальной редакции своего Сказания говорит о легкомысленном созидании церквей и о пренебрежении к ним самих же строителей, желавших иметь свой храм для того, например, чтобы не ходить в церковь неприятного им соседа (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 335 об.–336 об, 365 об.) [РИБ. Т. 13. Стб. 488–490, 520–521].

⁴⁸ Плащаницу Тимофеев называет описательно “Христа Бога гробом, божественныя Его плоти вместилищем”. По его словам, это драгоценное сооружение Бориса имело печальную участь: “нелепотне Ростригою лжецарем на доможительныя потребы безообразни сокрушени разсыпашеся, неже хитротворение красоты жалость от разбиения удержа” [ААЭ. Т. 2. С. 150: по свержении Годуновых “московстиия народи... воображение ангелово, иже устроено было на гроб Спасов,

Также неудачны были и старания Бориса укрепить себя и свой род на престоле, хотя он и прилагал к этому все усилия.

Тимофеев возмущается тем, что Борис при вступлении на престол требовал от народа присяги не по старой форме. Прежние государи “в жительных храминах таковое о своем утверждении сотворяти повелеваху”. Борис же, наученный своими ласкателями, придал присяге особенный характер и для того, чтобы лучше укрепить свою власть, велел народу присягать в церквах⁴⁹. В Москве при целовании креста должно было присутствовать духовенство и боярство с патриархом во главе. В Успенском соборе присяга шла много дней с утра до вечера, и в эти дни нельзя было, как следует, совершать литургии: “народов соймы, в церкви снемшихся вкупе, кричаху клятву”. Нарушение церковного благочиния не было единственным злом: для большей крепости присяги Борис в подкрестную запись включил страшную и неуместную угрозу: “богоотступно слово приведе, – говорит Тимофеев, – яко не быти на нас всех Сотворшаго ны милости и святых Его”⁵⁰. Этим самым Борис, по мнению автора, “анафеме всех подложи”. Но такими угрозами он не укрепил своего господства; это показали последующие события. Так же бесплодны, как грозная присяга, были и другие меры Бориса, направленные “к укреплению его имени”. Напрасно он предписал петь в церкви многолетие не себе одному, но и всей своей семье: “з женою ему купно и с чады повсюду певатися сотвори”. Напрасно приказывал он писать царское имя “полным именованием” при всяком случае и жестоко наказывал за неисполнение этого. Напрасно, выстроив знаменитую колокольню, он написал на ней свое имя “в позлащенных дцках

раздобиша и позорующе носили по царствующему граду Москве”]. Точно так же и материалы, заготовленные Борисом для построения храма, “яко непотребны вменишася: Шуйским Васильем царем на ина здания, даже на простыя храмы вся распродашася” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 122 об. и 123 об.). Не говоря о том, какой именно храм хотел строить Борис, Тимофеев только замечает, что он должен был заменить Успенский собор. В первоначальной редакции Сказания Палицына читаем: “Царь убо Борис мысля храм нов воздвигнути во имя Воскресения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и, по образцу соделанному сметив, готовяше много множество к созиданию праведнаго, а неправеднаго собрания. И хотя Устиниану уподобо(ти)ся, по Маврикиеву часть получи” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 366 об.–367) [РИБ. Т. 13. Стб. 522].

⁴⁹ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 39: “... у Пречистыя Богородицы чудотворного Ея образа и у целбоносных гробов великих чудотворцев Петра и Ионы животворящей крест целовали”.

⁵⁰ В покрестной записи Борисовой действительно было подобное выражение: “А не учну аз Государю... служити и прямити или какое что лихо сделано мимо се крестное целование, и не буди на мне Божия милость и Пречистыя Богородицы... и всех святых” (ААЭ. Т. 2. № 10. С. 61; ср.: № 44, III) [ААЭ. Т. 2. С. 159].

златописьмяными словесы”. Напрасно, наконец, он спрятал торжественную грамоту о своем избрании в раку мощей святителя Петра, которая до него никогда не открывалась⁵¹. Все это не создало ему прочной власти и славы, – и самозванец “пришед, среди царствия срамне того и всеродно низложи”.

Все приведенные нами факты служат для Тимофеева доказательством чрезмерного честолюбия Годунова. Изображение его преступлений и интриг, направленных к достижению власти и славы, составляет главную задачу автора во второй и третьей главах его *Временника*. Однако, беспощадно относясь к самому Борису, Тимофеев не его одного считает ответственным за зло, им сделанное. Окруженный льстецами и порочными советниками, Борис часто поддавал их влиянию и действовал по их советам⁵². Но ослепленный жаждою власти, подозрительный и жестокий, он платил злом даже своим друзьям и руководителям. Так пострадали от него два брата “самописчих” (то есть дьяков), которых Тимофеев не называет по имени, но под которыми нам некого разуместь, кроме братьев Щелкаловых⁵³. Один из них, по словам

---

⁵¹ Вот как говорит об этом поступке Бориса Тимофеев: “К прочим еще о себе утверждением и сие приложити умысли: ко еже избрания его укреплению скрижалъ велию на хартии с печатленми вси людие о нем иже от первосвятитель и синглит весь, даже бо и до нарочитых, да напишут с подписанми своих им десниц. К сему же еще не устращися дерзнуть, иже заклепанный оттвердити гроб и вложити ту во златый ковчег ко освятованномъ мощем русскаго первосвятителя во святых дивнаго чудотворца Петра раку”... “Святителей на се принудил, ласкатели же наумняем, и по растлении отгвождении киота сего лаки оней того затвори” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 138–139. Ср. Избирательную грамоту в ААЭ. Т. 2. № 7. С. 46 и ДРВ. М., 1788. Ч. 7. С. 109–110).

⁵² Самая мысль искать царства внушена Борису, по словам автора, от “ласкатель ему своих бояр”: они “и к царствия желанию сего подвигаша” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 121 об.–122).

⁵³ Вот как описывает Тимофеев этих “самописчих”: “Некоего своему злу злокознена всячески наставника и учителя си име (Борис. – С.П.)... древня мужа иже в царских ступающих тайнах премудрых царей наших предварших приближена бывша и многолетна, глубочайшими седиными цветущи и состаревшия. Без него же никакая же державных тайна и о земле правлениию законоуоставленная положения не совершашеся, понеже в делных зело злохитр бе. От соименных ему и в преимущах чином всего синклита ин сицев до дне смерти его и по нем доныне не обреташася. Такова убо се той желатель царствию учителя тезозлобна по праву стяжа. Бе же сему мний соутробный не се с ним оному споробник. Они же своему чину первоначалницы суть в самописчих” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 135 об.–136 об.). Под это определение легко подходит думный дьяк Андрей Щелкалов с братом Василием, влиятельные в конце XVI в., близкие к Годунову и пострадавшие при нем (Сказания Массы и Геркмана... С. 5; *Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 344; Т. 11. Примеч. 159; Сказание и Повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о растриге Гришке Отрепьеве, и о похищении его / Изд. О. Бодянский // *Чтения ОИДР*. 1847. Кн. 9. С. 1).

автора, более всех содействовал возвышению Годунова, был его верным “наставником и учителем” на первых шагах жизненного пути, – и по воцарении Бориса был послан в ссылку вместе с братом. Так же Борис поступал и с прочими своими приятелями.

Объяснить, как зародилась в душе Бориса “гордость” и стремление к власти, Тимофеев не берется. Он только замечает, что учреждение на Руси патриаршества было первым успехом Бориса, поднявшим его самомнение: “устроение се бысть начало гордыни его”, говорит он⁵⁴. Гораздо более интересует Тимофеева то обстоятельство, что Борис, при полном отсутствии образования⁵⁵ и при всех своих пороках, обладал тем не менее прекрасными свойствами правителя и человека. Скрыть это от читателя автор не считает возможным, потому что иначе открылось бы пристрастие писателя, а Тимофеев желал быть беспристрастным. Он пытался объяснить двойственность характера Бориса тем, что Борис только прикидывался добродетельным, с целью обольстить народ. Но рядом с этим встречаем во *Временнике* и такую мысль, что “и от самодержавнаго вправду Феодора многу благу ему (Борису. – С.П.) навикнути: от младых бо ногот придержася пят его”⁵⁶.

Желание показать читателю и хорошие стороны Годунова наравне с дурными заставляет Тимофеева дать общую характеристику Бориса. В первое время его деятельности Борис еще не осквернил себя преступлениями и являлся образцовым правителем, благочестивым, добрым и правосудным, защитником слабых и врагом всякого зла⁵⁷. Властолюбие привело Бориса ко многим

---

⁵⁴ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 146.

⁵⁵ Тимофеев представляет Бориса даже неграмотным: “Он же презре словес силу, глаголемых Богом, ли не разуме: отнюд бо бе сим неискусен сы от рожения бо до конца... И чудо! Яко первый таков царь не книжечий нам бысть” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 102 об.). “Слепый вож толико стаду быв, грамотичнаго учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навичен бе. И чудо! Первый бо той в России деспод безкнижен бысть” (л. 125 об.). [Ср. подписи Бориса Годунова, изображенные в статье графа С.Д. Шереметева (Грамоты с подписями Бориса, Димитрия и Семена Годуновых. С. 6–7)].

⁵⁶ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 118 об.

⁵⁷ Приводим эту похвальную характеристику Бориса с теми неисправностями, какие находим в списке: “В начале убо жития си он всяко добровиновен бе. Первое его и добро творив и начальнойшее к Богу, неже к людям, се еже о благочестии всяцем ревнитель усерден по древних о церквах с чинми тоя бысть попеченми прилежен. Требующим даватель неоскуден; к миру в молбах о всяцей вещи преклонитель кроткостен; во ответех всем сладок; на обидящих молящимся, беспомощным и вдовицам отмститель скер; о земли правлений прилежанием премног; правосудства любление им безмездно; неправде всяцей изиматель нелестен; о зданию градостроительных вещей, яже к царствия наполнению тому прилучныя красоты, уряжением излишен. Доможительное всем во дни его пребывание в тихости необходимо, даже и до начатия еже по нем самобезначальства

преступлениям, изменило и весь нрав его. Он “всяко всем жесток и тяжек обрется”, после того как достиг царского венца. Но и тогда он был настолько благоразумным правителем, что другие монархи не чуждались его и считали его равным себе⁵⁸. Однако во внутреннем управлении Борис, по мнению Тимофеева, не избег роковых ошибок. Возвышая не по заслугам незнатных людей⁵⁹, он делал этим двоякий вред. Прежде всего, он раздражил против себя знать, ненависть которой ему и пришлось почувствовать впоследствии⁶⁰. А кроме того, люди, возвышенные им, не имея навыка к государственным делам, явились весьма плохой и подкупной администрацией, восстановившей народ против Бориса. Все это повело к тому, что Борис, разгневав Бога своими делами, не мог укрепить своего царства и на земле.

Таков взгляд Тимофеева на личность и деятельность Бориса. Общую оценкой Годунова заканчивается третья глава Временни-

---

в земли. Насилующим маломощных возбранение з гнева прещением уемно, раз-
ве обид ких слух его не прият; обидимых от рук сильных изиматель крепок;
купно о всяя земли утвержение попечением показуяся преизлиха, дондеже не
превзят любовластием. В безмере богомерскому винопитию продаяние отнюд-
ное искоренение с наказанием; зелных мздопримству всему вконец умерщве-
ние непощаденно баше, мерско бо ему за нрав; на всяко зло, сопротивное добру,
искоренитель неумолим со властию, яко же инем воздоброе мздовоздатель неле-
стен... В часе же смерти его никто же весть, что в нем одоле и кая страна мерила
претягну дел его, благая ли злая” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 117–119).
Подобную похвалу деятельности Бориса можем найти только в Повести патри-
арха Иова и отчасти у Авраамия Палицына и в Хронографе 2-й редакции.
Он думаем, однако, чтобы Тимофеев мог заимствовать у кого-либо из них свою
оценку Бориса: Хронограф и Сказание Палицына составлены одновременно с
его Временником, а Повесть патриарха Иова, если Тимофеев ее и знал, не под-
чинила его односторонним взглядам патриарха, которого автор считал угодни-
ком Бориса, как мы видели выше.

⁵⁸ “Таков бо той бысть рабоцарь, яко и прочая величайшая и прегордыя по
вселенней цари, иже нечестивых держав обладателя, рабородства того не от-
вращахуся, ни гнушахуся; державнаго ради соименства и благоразумия его, о
земных слышаще справаго (быть может, справах. – С.П.), братства и друголюб-
ства не отметахуся, яко же и благородных прежде его бывших, ли и вьяще. И что
дивно: аще быша по сем нам инии цари разуму, но к сего стен суть онех разумы”
(Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 103–103 об. Ср.: Сказание Палицына. С. 19)
[РИБ. Т. 13. Стб. 984–985].

⁵⁹ “Худородныя на благородных возводя он степени кроме меры и времени,
тайнословия ради тех ко оному...” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 140 об.
Ср.: Изборник. С. 189) [РИБ. Т. 13. Стб. 1283–1284].

⁶⁰ “Сими той на ся в сердцах величайших, о еже на высокая менших вчини-
них, велеразсужену (велеразжжену? – С.П.) и неугасну стрелу гнева к ненависти
вонзил, еже и сотворися по днех, со стекшимся от него им в прочих купно по
временах досадах (досадам? – С.П.)” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 140–
141. Ср.: Изборник. С. 189: “на ся от всех Руския земли чиновачальников него-
дование наведе”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1283].

ка, и в главе четвертой⁶¹ автор переходит к повествованию о самозванце. Насколько внимательно относился Тимофеев к Годунову, настолько бегло говорит он о Лжедмитрии. Как и все прочие писатели XVII в., он убежден, что роль царевича Дмитрия принял на себя Гришка Отрепьев, бежавший в Литву и там сбросивший иноческое платье. Но обстоятельной биографии Расстриги Тимофеев не сообщает. Мимоходом лишь говорит он, что Гришка в Литве обручился с еретицей Мариной и, с помощью поляков достигнув престола, хотел искоренить на Руси православие. Об этом последнем узнали уже после свержения самозванца: “по смерти его от тайных его уведено бысть”. По словам Тимофеева, русские люди, недовольные правлением Бориса и считавшие Гришку за настоящего царевича, передались ему еще в то время, когда он был в Польше: “еще ему вне сущу предел Русския земли”. Борис же, слыша о самозванце, “с высоты престола царствия низвержся” не потому, чтобы боялся силы Лжедмитрия, но вследствие укоров собственной совести⁶². Встреченный всеми как истинный государь, самозванец легко достиг Москвы.

С полным сочувствием относится Тимофеев к семье Бориса и с сожалением передает о смерти его жены и сына и о несчастьях дочери. Переведенная из дворца в дом одного из угодников самозванца, “приближна нововельможи”⁶³, Ксения была пострижена в монашество и затем терпела много горя и унижений⁶⁴. Одновре-

⁶¹ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 156 об.–191 об.

⁶² Тимофеев высказывает мысль, что самозванец был послан Богом именно для наказания Бориса: “не толико сей на ны, елико оного властолюбца поразити страхом пущен бысть, суду на неправеднаго пришедшу праведну” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 157).

⁶³ Имени этого вельможи во Временнике нет. В Повести Катырева-Ростовского читаем, что самозванец “Ксению повеле от смерти соблюсти и в дому князя Василья Мосальсково повеле ей пребывати” (Изборник. С. 292). Карамзин знал это известие по компилятивному Морозовскому летописцу (*Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 348) [РИБ. Т. 13. Стб. 578, 651].

⁶⁴ “Тогда сию не брегому (говорит автор о Ксении-монахини. – С.Л.) и мелчайшии чади многи обгляда око, и отуду на лета к болшему безчестию продолжися живот ея даж и до четвергаго по отцы царюющаго... И от места на место, и от лавры в лавру она превожделение подья. И до толика безславия жизнь ея протяжся, яко и до еже егда всему царску граду обьяту от противных и во облежании бывшу, в нем той с прочими затворени, – всякаго безчестия скудость и нужду претерпети, даже и до сего, яко и иноплемнных язык самых врагов отца ея ту уничижене руки осязаша. Прочее же помолчю: елико в царствиях превзятых высоты достиже, множае в нижайших безчестия всякаго... И да никто же, иже от зде глагол, сопротивно некое тоя чистоте вознепшует, еже бы по изволению ея: не буди то, разве насилия многа...” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 162 об.–163 об.). Хотя эти показания не идут далее намеков, но они представляются нам довольно любопытными.

менно со свержением Феодора Борисовича свергнут был и патриарх Иов; поставленный же на его место Игнатий был верным слугою самозванца. Поэтому, когда Афанасий Власьев привез в Москву невесту Лжедмитрия⁶⁵ и поднят был вопрос о ее крещении, церковный собор, утраченный участием Иова и прельщенный самозванцем, потворствовал желаниям Лжедмитрия. Лжедмитрий венчался с Мариною, не крестив ее в православие.

Деятельность самозванца во время его правления Русью Тимофеев рисует самыми общими чертами и относится к ней с резким осуждением. Лжедмитрий “ничим тогда мне самого антихриста” казался русским людям. Он оскорблял народ в его верованиях и обычаях; он разрушал порядок в государстве, раздавая чины “ради студных дел”; он истощал для удовольствия поляков несметные сокровища древней царской казны. Хотя его окружала сильная стража и он наводил на всех страх, убивая и заточая обличающих его людей, – тем не менее против него удачно был составлен заговор и самозванец скоро погиб со всеми близкими к нему поляками⁶⁶.

По словам Тимофеева, русские люди надеялись, что со смертью Лжедмитрия наступят спокойные дни; но Бог, погубив самозванца, “сохранил” для наказания Руси лютейшие беды. Убиением Лжедмитрия, бывшего орудием поляков, москвичи возбудили вражду Польши: “всю землю их сами на ся сим восколебахом”, – говорит автор о своих современниках. В сильных чертах изображая картину разорения, постигшего Русь после первого самозванца, Тимофеев высказывает убеждение, что тяжелые испытания посланы Богом на русских людей ради их тяжелых прегрешений. Рассуждение о том, “от ких разлился грех земля наша”, составляет у Тимофеева как бы вступление в пятую главу, содержащую в себе рассказ о всей позднейшей смуте. По мнению автора, невоз-

---

⁶⁵ Об Афанасии Власьеве находим у Тимофеева такой отзыв: он говорит, что Марина Мнишек “в царский град приводится некоим от синклит стаинником его Власовым Офонасом, всяко человекоугодне ему от сердца и душа послужившу чести ради гнилыя... Приведый же сию тайно глагольник его Афонас от пославшаго его сан некий паче достояния своего и имени сугубыя чести преложение не в летогу прият. Всех сокровищных царских доброт властохранителя надо всеми того постави, вся царская ему вручи хранилица... И предходатая его сотвори себе напоследок, иже втораго чина боярска ступающа с прочими пред лицом лежцаря” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 164 об.–165 об.). При Лжедмитрии Афанасий Власьев был в окольных чинах и именовался “Potscarbı nadworny i sekretarz wielki” (СГГД. Ч. 2. № 93. С. 210).

⁶⁶ Судьба Расстриги напоминает Тимофееву “Притчу о цареve сыне римском, иже пострижесе и пакы иноческий образ попра: разстригшися, восхоте совокупитися браку”. Эта притча внесена в конец четвертой главы Временника (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 188–191); она повествует о страшной гибели царевича, презревшего иноческие обеты, и не заключает в себе никаких исторических черт.

можно и перечислить всех пороков русского общества. Главнейшими считает он клятвопреступление и издоимство, честолюбие и оскудение любви к ближним, роскошь и нравственное растление вообще. Православная Русь ничем не отличается от еретических стран: “едином точию лучши сих явихомся, еже ко иконам покланяемую в себе имяхом почеть и еже не соизволяем с ними преданья нам посты разорити”. Справедливым поэтому наказанием Руси были такие люди, как Борис и Лжедмитрий; заслуженным было и то страшное разорение, какое наступило после них.

Этому разорению посвящена пятая, самая обширная глава Временника⁶⁷. По сравнению с предыдущими главами она представляется гораздо менее обработанной и интересной. Тимофеев сам сознается, что, сидя в Новгороде, он мог только по слухам узнавать о событиях, происходивших в Московском государстве при царе Василии Шуйском и во время московского разорения. О многом, как, например, об освобождении Москвы, он вовсе не рассказывает. Всего внимательнее относится он к новгородским делам; но и о них говорит не всегда обстоятельно и ясно. При таком характере изложения мы можем извлечь из заключительной главы Временника сравнительно немногие любопытные мелочи и частности.

Начинается пятая глава рассказом о воцарении князя Василия Шуйского, к которому Тимофеев относится очень дурно. По его мнению, Шуйский самозванно сел на престол помимо согласия народа и патриарха. Виновником его воцарения был Михаил Татищев. Он первый провозгласил князя Василия царем, но этим ничего не достиг лично для себя⁶⁸. Царь Василий послал его на

---

⁶⁷ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 192–312.

⁶⁸ Вот как описано во Временнике воцарение Шуйского: “Без Божия, мню, его избрания же и благоволения седша, ниже по общаго всеа Руси градов людцакого совета себе составляша; но самоизвольне и едином неким присоединившимся ему сложением в мысль, напраснем в делех и словесех, волкохищнем лжесилентияром, иже от перваго рабоименнаго в Росии царя Бориса богопротивное ему некае тайнослужения угождение не свойственне ниже достойне в синклитства чин нововводнаго, худородна же по всему Михалка Татищева. Преже бо некогда оному первоглаголанному Василью, о нем же зде слово, даже и до рукобиенья всеродна той посаждая, миролюбообладателю первоцарю своему Борису чести ради сана получения си тому угожда, оного же Василья всеродна безчестя. Сея он предваршия ради своая вины ему льстивне гонзнути хотя, и обаче не получи: оному препоманутому Василью на великую Росию всю без воля всеа земля люди по случаю некоему спешне, елико возможе того скорость, от ту сущих токмо иже в царствия и граде людий, без прекословья всякого от него нарешися первее во своем ему дворе, потом же и поставитися царю. Ниже первопрестолнейшему наречению его возвести, да не противословие кое в людех будет, но яко просталюдина тогда святителя вмени, токмо последи ему о нем изъяви.

службу в Новгород, и недовольный Татищев стал мыслить зло на своего же избранника: “мошен мняшесь того и низвергнути”. Однако раньше, чем он успел что-либо предпринять, он был утоплен новгородцами. Но немногим позже свержен был и сам Василий; таким образом, оба они кончили неудачно. “Такова бо высокоумных и самомудрых гордоустцов кончина”, – замечает Тимофеев.

О правлении Шуйского автор говорит очень резко: он обвиняет его в безнравственности, жестокостях, расточительности и даже чародействе⁶⁹. Его именно считает он виновником дальнейших междоусобий⁷⁰. Но вместе с тем автора тревожит мысль: не

Колико можаше той безстыдством сия тому сотворити, никому же ему смеюшу возбранити, ли прекословити в такове превелии делеси” (Рукопись Флорищевой пустыни, л. 192 – 193 об.). О роли М.И. Татищева в перевороте 1606 г. говорят нам и другие источники (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Т. 1. С. 300–301; Т. 2. С. 163, 168, 236; также *Historica Russiae Monumenta*. V. 2. P. 118; Сказания Массы и Геркмана... С. 232); но о влиянии Татищева на воцарение Шуйского нам известий не встречалось.

⁶⁹ “Нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пьянствах и кровопролитиих неповинных кровей, к сим же и во враждах богомерских, ими же мня ся во царствии утвердити. Сего ради паче царство его малолетно пребысть. Аще и перводержавнейшим сроден бе, но ничтоже успе тому тех сродство ко еже царствию утвержению, неблагочестивне живушу, оставя Бога, к бредом прибегая. Но и жилиша сим собою в царских кровех в присное пребывание тайно устрои ради непрестаемаго с ними ношью и днии обаянии чародеянии творения, яже чуже таковая христианом, неже царю. Яко же и преже сего: егда он в синглитстве быв, – изряден в прочих сверстницех сточных ему, первосоветник и предъуказатель в соборе всего синглита о земных вещех управляемых всех. Егда ж страстем плотским безумно приплетется, тогда и умом срастлися” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 193 об.–194 об.). “Предивных царских преизрядных и предрагих вещей, от мног лет собранных, сих всех доброт он расточитель и искоренитель бе, со ими же ся возлюбил. Сего ради не мощи его нареши поистинне царя, зане мучителски правяща власть, неже царски. Суди ему Боже по делом его!” (л. 195 об.). “До сего убо он, растлитель умом, мнимый царь по себе предварших царей исполнены до верха царския сокровищныя хранилища истицы, яко уже ему сими его скотскому житию не доветится. Но яко нечестив, и освященным сосудом в соборех и по святым лаврским местом всех градов своего владычества, иже преже бывших царей с роды вданная по душах их в вечную память, – сия он к потребе своего студожительства в сребреницах разлияти не устыдеса, извет творящу, яко будто воином раздаяния летняго их урока ради; истовый их весь урок, на то отлученый предваршими царми, вся сребреницы преже блуднически изжившу” (л. 196–196 об.). Ср.: Изборник. С. 198 [РИБ. Т. 13. СТб. 1305–1306]; ПСРЛ. Т. 5. С. 57. Автор Хронографа 2-й редакции несочувственно относится к такой оценке В. Шуйского, какую высказывает Тимофеев; напротив, псковский сказатель близко к ней подходит. Этот последний, так же как и Тимофеев упрекает Шуйского в его несвоевременной женитьбе.

⁷⁰ “Его же скоропомазанием (говорит Тимофеев о Шуйском. – С.Л.) вси людие о нем предкношася, и сего ради... воздвиж на ся ненависть. Оттуду бо по первых в Руси все зло начало прият и нача много в земли рожатися зло” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 208 об.–209).

совершили ли русские люди тяжелого греха, самовольно сведя Шуйского с царства? Не оскорбили ли они святости сана, сняв его хотя бы и с грешного человека? Автор сознает, что свержение Шуйского не прекратило междоусобий и разорения, а подчинило Русь иноземцам-еретикам и ввергло ее в сильнейшие бедствия. Упоминание об этих бедствиях увлекает автора к личным воспоминаниям. Он передает свои собственные впечатления от Смуты (мы их коснемся ниже) и рассказывает кое-что о себе самом (этим мы уже воспользовались в биографических заметках о Тимофееве). Возвращаясь к своему рассказу, автор дает затем ряд отдельных очерков и характеристик, плохо связанных между собою и не представляющих цельной картины Смуты. В них он чаще всего повествует о новгородских делах; начинаются же эти очерки статьей о воровских таборах.

Виновником появления второго самозванца и Тушинских таборов Тимофеев считает короля Сигизмунда. Видя нестроения в Руси при Василии Шуйском, король задумал воспользоваться ими и послал на Москву свои войска, “соединив свое злоумие о нас с несвященным и лжепапою, оскверняющим Рим”. В польских войсках оказался и новый самозванец, который выдавал себя за первого Лжедмитрия. Скудоумие заставляло некоторых относиться с доверием к ложному царю. Другие же шли к самозванцу в Тушино, вовсе не веря в него, ради получения “санов” и “безтруднаго богатства”, – так низко, по мнению автора, пали многие русские люди. Следствием такого раздвоения русских людей между царем Василием и вором было страшное междоусобие. Изменники непременно желали захватить Москву и так стеснили ее и в то же время так разоряли все государство, что даже иностранцы жалели о судьбе Руси. Ожесточение русских изменников доходило до того, что сами поляки удивлялись ему и наказывали наиболее свирепых из них⁷¹. Царь Василий был заперт изменниками в Москве и не мог ничего предпринять против них, потому

---

⁷¹ “Роженный рожшаго и сопротивне воспать (то есть: и обратно. – С.П.), неже самообратная и далечне и чужднии по роду никакоже себе пощадевающе, но яко иноверни убивахуся без милосердия от крайня лютости, ниже веру, ниже сродство си во ум приемлющим, и яко самим противным, иже на се пришедшим, зельность оных к сродным им зряще дивитися”. Так говорит автор о русских изменниках и замечает: “кровь родительну незаконосно убивающим чуждии отмщевашу и неотложно к будущему побивателей отсылающе: жестоты сих и суровства к родителям их страннии зрети не терпяшу” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 229 об.–230, 232). В этих показаниях Тимофеев сходится с Авраамием Палицыным (Сказание Палицына. С. 37–38) [РИБ. Т. 13. Стб. 1001–1003]. И вообще его рассказ о смуте при Шуйском напоминает известную шестую главу Сказания Палицына.

что “не толико бе люди со царем остало во граде, елико лжецарю приложиша”. Тушино мог уничтожить только М.В. Скопин-Шуйский; но и после падения тушинских таборов изменники и поляки продолжали разорять землю. Они столько принесли вреда Руси, что его нельзя исчислить одному писателю: “книга особ каждому месту может быти”, – говорит Тимофеев.

Обращаясь затем к описанию деятельности князя Скопина-Шуйского, автор подробно рассказывает известный по Новому летописцу эпизод бегства из Новгорода Скопина и Татищева⁷². В повествовании Тимофеева находим новые черты, не лишённые интереса. Он объясняет нам, прежде всего, причины тайного отъезда Скопина, которые не вполне объяснены в Новом летописце. Главная роль во всем этом деле принадлежала “мздоимному” Михаилу Татищеву: испуганный псковским мятежем, происшедшим в первые дни сентября 1608 г.⁷³, и боясь принять ту же участь, как воеводы во Пскове⁷⁴, Татищев уговорил “преизящнаго рачителя к мируи” Скопина выйти из Новгорода. В этом ему помог и товарищ его дьяк⁷⁵. Под их влиянием через неделю после псковского бунта, именно 8-го сентября, Скопин бежал из города тайно, перелезши стену, “через оплот мелюция хитрости”. С ним ушел и Татищев, и еще несколько “воинов”, захватив городскую казну. Выбравшись из города, беглецы прислали сказать новгородцам, что пошли в Иван-город нанимать немецкое войско. Истинную же причину бегства Татищев открыл одному из своих приятелей только по возвращении своем в Новгород. Солгав перед новгородцами, беглецы, однако, и на самом деле пошли к Иван-городу.

---

⁷² Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 106–108; Летопись о многих мятежах. С. 144–145; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 97–99.

⁷³ ПСРЛ. Т. 4. С. 325; Т. 5. С. 67.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 67: “и похваташа воевод, всадиша в темницу”. По словам Тимофеева, Татищев и его друзья “народа множеством людей еже убити, ли связанем в Плесков им к наставшему тогда мучителю лжецарю отвестися – сего бояхуся” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 239).

⁷⁵ “Соизволяет же и способствует того совету и от втораго чина самописчий некто, иже сосожден злохитрому оному (то есть Татищеву. – С.П.) во злых нравех и собеседлив, паче же по лукавству свойствен. Бяху бо тогда ему светли дни живота его, тайнаго ради послужения законопреступнаго и еже за сродных времеи приближения, честию малем не точен злохитрому за тайное ко царю языковредие” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 238–238 об.). Тимофеев не называет этого самописца по имени. Но из Нового летописца узнаем, что “князь Михайло же советовал с Михаилом Татищевым, да з дьяком с Ефимом Телепневым” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 107; Летопись о многих мятежах. С. 144; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 98).

Там их не приняли бы, ибо город этот восстал уже против царя Василия. Но Скопин не дошел до Иван-города: со своими спутниками стал он блуждать “по непроходным стремнинам и пропастям”, не зная, что предпринять, и многие спутники покинули его здесь. Они унесли от него казну, возвратились в Новгород и рассказывали там о приключениях Скопина, тогда как сам Скопин решился искать пристанища в Орешке. Но воевода, бывший в Орешке⁷⁶, поносил его, смеялся над беглецами и грозил, “веригами обложив тех, предпослати” к царю. И только Татищев успел укротить его, благодаря своему с ним родству (“за соплемянное”, как выражается Тимофеев). Между тем, новгородцы смутились, узнав, что Скопин не на время только, но и вовсе покинул их. После долгих волнений, под влиянием знатных и богатых горожан и митрополита, новгородцы решили просить Скопина о возвращении и отправили к нему посольство с грамотою. Тогда Скопин и Татищев вернулись в Новгород “водопутными носилы” и были торжественно встречены всем городом. Они, однако, не покалялись пред народом и не открыли ему настоящей причины своего бегства. Таков рассказ Тимофеева, подтверждающий и дополняющий показание Нового летописца. Тимофеев, как и автор Нового летописца, не винит ни в чем самого Скопина. Он представляет его жертвою лукавого Татищева и весьма удовлетворительно объясняет, какие причины заставляли “мздоимнаго” Татищева стараться о скорейшем отъезде из Новгорода⁷⁷.

Перед Скопиным же Тимофеев благоговееет. По его словам, князь Михаил “аще и юн сый телом, по многолетну стяжа ума крепость”. Только его талантом и счастьем Москва могла освободиться от поляков и русских изменников. И сами поляки, побежденные им, не могли не признать его редких достоинств и желали, чтобы у них явился королем такой же человек, как Скопин⁷⁸. Что же касается до русских людей, то они прямо смотрели на князя Михаила, как на помазанника Божия. Народная любовь

---

⁷⁶ “В Орешке же в те поры воевода Михайло Салтыков” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 107; Летопись о многих мятежах. С. 144; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 98).

⁷⁷ Показание Тимофеева вполне оправдывают догадки В.С. Иконникова о роли Татищева в бегстве Скопина (*Иконников В.С. Князь М.В. Скопин-Шуйский // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1870. Кн. 1. С. 121*).

⁷⁸ Тимофееву об этом сообщили русские люди, слышавшие это от поляков: “Нам тезоверии сказаща, ото онех (то есть поляков. — С.П.) се слово приемше, иже с ними в сооружестве на ны бывшеи, яко сопротивнии некогда негде глаголаше им: аще возможно бы, яко да им всеми таковой юноша кралствует достоин, реша” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 253 об.—254).

к Скопину вызвала со стороны его родных чувство зависти, и он был “смертным узвен ядом”. “Скажут нецыи, – прибавляет автор, – носяй венец стрый его виновен бе”. Главного подвига Скопина – похода к Москве и ее освобождения – Тимофеев, однако, не описывает на том основании, что, оставаясь в Новгороде, он не был очевидцем этого. Он рассказывает только, что Скопин выступил из Новгорода 25-го мая 1609 г., в день Вознесения⁷⁹, и что новгородцы торжественно проводили его: “до вне града и вдале с хлебопровожденми почтоша”⁸⁰.

От Скопина автор переходит к другому герою Смуты, патриарху Гермогену, и дает краткую и витиеватую характеристику его деятельности. Когда Москва окончательно попала во власть поляков и изменников, Гермоген крепко вооружился против них своим пастырским словом⁸¹. Но синклит царский, несмотря на увещания патриарха, предался врагам, и главные изменники, Салтыков и Андронов, сумели склонить и бояр, и самого Гермогена на избрание в цари Владислава. Таким образом, по представлению Тимофеева, патриотическая деятельность патриарха была бесплодна и не спасла Руси от господства поляков⁸².

---

⁷⁹ “117-го круга лету... мая каланд двадесят пых... четвертка день Спасенаго Вознесения”, – так определяет автор день выступления Скопина в поход (в 1609 г. день Вознесения приходился действительно на 25-е мая. См.: *Горбачевский Н.* Археографический календарь. Табл. 26). В.С. Иконников на основании грамот принимает иную дату – 10-го мая (*Иконников В.С.* Князь М.В. Скопин-Шуйский. С. 128).

⁸⁰ Пред рассказом о походе Скопина во Временнике вставлены две статьи. В одной Тимофеев скорбит о том, что в Смуту “от нечестивых” упразднили “великотаинственная вся святодействия кафолическия церкви”: крестные ходы, водосвящения, омовение ног, омовение мошей, пешное действо и др. В другой рассказывается, что воры, пришедшие в начале Рождественского поста 1608 г. под Новгород и стоявшие на Хутины, неожиданно бежали оттуда 11-го января 1609 г. Это бегство Тимофеев приписывает чудотворению преп. Варлаама Хутынского. Ясно, что этот рассказ Тимофеева, любопытный только хронологическими показаниями, должен относиться к шайкам Кернозицкого, о которых обстоятельно повествует Новый летописец (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 108–109; Летопись о многих мятежах. С. 146–147; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 99–100).

⁸¹ “Он на сих (говорит автор о патриархе. – С.П.) крепче храбростова. Языком едином токмо со усты, яко мечем, противныя немилостивие посекая и падати тех без ответы пред ногама си сотворяя; богоотступных же, яко идолов бездушных возгнушався, отвращаяся” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 267–267 об.).

⁸² Текст статьи о Гермогене во Временнике несколько испорчен переписчиком и не совсем понятен. В конце статьи читаем, что изменники “преже ласканми, потом же прещеними к воли своей неволюю привлекоша (кого привлекли: весь ли синклит, или в частности Гермогена, понять трудно. – С.П.) во еже к тех повинутию на иже Росийския вся скипетры изветом Жигимонта, латыном краля сына, сыну его Владиславу вдатися” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 268–268 об.).

Статьей о Гермогене прекращается сколько-нибудь связное изложение событий во Временнике. Далее у Тимофеева следует “Летописец вкратце”, содержащий в себе сокращенное обозрение всего того, о чем рассказывал автор выше. Обширное вступление к этому Летописцу придает ему характер самостоятельного произведения, как бы попытки вновь переделать подробный Временник. В Летописце, однако, не находим ничего нового сравнительно с Временником. Любопытно только вступление, дающее несколько показаний о самом авторе; ими мы уже воспользовались. Окончив изложение своего Летописца временем царя Шуйского, Тимофеев приписал к нему две отдельные статьи “О крестном целовании Владиславу” и “О вдовстве Московского государства”. В первой из них автор весьма невразумительно рассказывает о том, что грамота, по которой должно было целовать крест королевичу, сперва была составлена каким-то дьяком; но затем два властолюбца-изменника переделали эту грамоту по-своему “во угождение по всему варваром” (то есть, полякам. – *С.П.*)⁸³. Последняя же статья заключает в себе две “притчи” о разорении Московского государства, в которых автор сравнивает безначальную Русь с домом, где умер хозяин и бесчинствуют рабы. За притчами, мало интересными, следуют заключительные строки всего произведения.

Автор задумывается снова над вопросом: почему так страдает в смутах Русская земля. Ему кажется, что недостаток единения в русских людях помогал врагам разорять землю и мешал русским успешно бороться со злом. По мнению Тимофеева, русское общество издавна не имело “мужественной крепости”, чтобы “многочисленного собрания лик составить к возбранению на неугодно некая Богови и человеком, иже что нововводно и чрез законы бываето”. Если и составлялся такой “собрания лик”, то в нем, – как то было при Борисе и Расстриге, при господстве поляков и шведов, – являлись трусы и доносчики, губившие дело. Плодом этого была всеобщая подозрительность; в русских людях “вогнездил ся недуг” взаимного недоверия. “Мы друг друзе любовным союзом растяхомся, – говорит Тимофеев, – к себе кождо нас хрепты обещахомся: овии к востоку зрят, овии же к западу. Но сия наша разность многу на ны врагом нашим подаде крепость”. Если враги разорили Русь, то не они одни в этом виноваты: “не чюждии

---

⁸³ Неизвестно, какую грамоту понимает здесь Тимофеев: договор ли, заключенный с Жолкевским (СГГД. Ч. 2. № 199), или крестоцеловальную запись (СГГД. Ч. 2. № 203; ААЭ. Т. 2. № 164). О дьяке, писавшем грамоту, он говорит только: “ему же имя благодати” (то есть Иоанн? – *С.П.*). О двух властолюбцах он также не сообщает ничего определенного. И вообще весь эпизод представляется нам совершенно непонятным; в других источниках ни на что подобное нет и намёка [См. *Примечание 11*].

земли нашей разорители, но мы есмы сами той потребители”, заключает автор⁸⁴.

Бросая затем общий взгляд на историю Смуты, составляющую главный предмет Временника, Тимофеев касается и окончания Смутного времени, о котором ничего не говорил в своем изложении. Кратко упоминает он об освобождении Москвы “малеми останцы людей” и переходит к “триличному царствию” Михаила Федоровича, слагая похвалу как самому молодому царю, так и его родителям, патриарху Филарету и иноке Марфе. Наконец, он заключает свое изложение просьбою к читателям исправить недостатки его труда.

Таково содержание Временника Ивана Тимофеева. Стараясь передать его в той последовательности, какой держался сам автор, мы имели в виду показать читателю, между прочим, и то, насколько отсутствует система в изложении Тимофеева. Если хронологический беспорядок в группировке фактов допускался иногда автором с целью доказать разновременными примерами ту или другую мысль, то с другой стороны, на отсутствие последовательности влияло и то, что Тимофеев написал свое произведение не сразу, а в разное время. Доказательства этого рассеяны по всему Временнику. Сам автор говорит, что начал писать еще в Новгороде, находясь в шведском плену. Мысль изложить на бумаге пережитые впечатления явилась у него тотчас после взятия Новгорода шведами. Видя разорение своего города, Тимофеев, по его собственным словам, ходил, “яко изступив умом, изгубление таковое граду мысля”. Тогда уже в нем явилось желание записать не только бедствия Новгорода, но и всей земли⁸⁵. Однако скромность долго мешала ему выступить в роли писателя, пока не понудил его к этому митрополит Исидор. Беседа автора с митрополитом, нам уже известная, происходила, насколько мы можем судить, в конце новгородского плена, и если Тимофеев принялся за свой Временник после нее, то мы имеем полное право отнести начало его Временника к 1616 г. или же к началу 1617 г.⁸⁶

---

⁸⁴ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 299 об.–303 об.

⁸⁵ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 211–218.

⁸⁶ Автор так определяет время этой беседы: “Внегда убо х концу грядяше время лет, иже от нечестивых нам надолзе во множестве бед ими деемая вражда, и аще ожидахом градови сему вси чаямыя свободы, еже... царя Михаила посланными его на месте некоем совещаннем с нечистыми о соглашении мирне” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 277–277 об.; *Строев*. Словарь. С. 270). Из Москвы для переговоров со шведами послы князь Д.И. Мезецкий и А. Зюзин были отпущены в 7124 (1616) г. “после Светлага Воскресенья на шестой неделе”, то есть в начале мая (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 227; *Горбачевский Н.* Археографический календарь. Табл. 10). Отсюда ясно, что Тимофеев мог начать свое произведение уже летом 1616 г.

Во всяком случае, Тимофеев начал писать до освобождения Новгорода, которое произошло в марте 1617 г. Он рассказывает, что при шведском господстве, боясь и врагов, и своих людей, он писал тайно, сколько мог и как мог; исправить же написанное он надеялся впоследствии⁸⁷. Мы можем даже сказать, с большою вероятностью, что большую часть Временника успел он написать именно в Новгороде. Во всех пяти главах Временника, до “Летописца вкратце”, находятся такие черты, которые свидетельствуют, что автор писал до 1617 года и до окончания войн Москвы с поляками и шведами в первые годы царствования Михаила Федоровича⁸⁸. Напротив, читая “Летописец вкратце” и следующие за ним статьи, ясно видим, что они были составлены уже после

---

⁸⁷ “Моего же скудоумнаго сего составления писательство (говорит о своем труде Тимофеев. – С.П.) совокуплением не купно бе; но друг друзе разстояюща по всему, яко плотовидна несоставне вкупе многообразная удеса харайейных членов, или яко новоскроена некая рила, купно же не сошвена, ли распадшася от ветхости: иже за страх тогда не сподобишася исправлению и в сличное сочетание по чину совокупления, пленожительнаго ради во граде обдержания, иже не свободне нашего во страсе пребывания и харайейных от изнурения в затворе скудости, неже телесных потреб. Но яко же в безсловесных вол затворен и утаився всех, от затвора ишед, пажить малу обрет, во глде срывает, не избирая, траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираяся обоямо всюде во ужасе, да не узрится ниже увесто будет стяжавшим и. Тако ми и о тайнописании, в туждих сущу, невольное разумей: зело бо в скровнхранения уедением частаго от места в место преношенья противных страхом в смерти чаяния то сокривах. И самех темномест безгласнех, иже та в себе таящих, яко чювствена от них провещания бояся, да не проглаголют ли, мнях си, ниже кому поведают о сих, иже на имя. И не точю тех, иже град враждебно, яко змиеве своими зубы, держащих, но сих множество и своеверных, враждующих ми, страшахся, иже приседят о нас тайно в ловителех ко еллином. Ловят бо и убивают, яко лев во ограде, сице они во дни и в ноци християном душа с телесы неповинныя. Ныне же, егда отгуду свободи ны Господь Бог и Царь наш, Его же от века рабы вси есмо убо Божию благодатию, в прочее, аще живи будем и обрящемся возможны, начнем о исправлении предварших своих писаний скривати стезя премудрых и ударяти во двери могущих, по премудрому словеси” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 218 об.–220). Из этого не вполне ясного отрывка видно однако, что Тимофеев начал свой Временник в Новгороде при шведском господстве, то есть до 1617 г.

⁸⁸ Так, автор не раз дает понять, что в то время, когда он писал, Смута еще не кончилась; он даже молит Бога о ее окончании и спасении Руси (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 16 об., 191 об.). О Литве и Польше говорит он, что с ними “и доньне” идет война (л. 173–174, 188). О Новгороде он в одном месте прямо говорит, как о плененном шведами: “Аз, глаголавыи се (так выражается он от лица Новгорода. – С.П.), обладан еллины и не могу сих из себе истребити, дондеже Введый иже в мя благоволих о мне тех вне изрынет” (л. 231 об.). Все эти черты указывают на раннее происхождение тех статей, в которых находятся. Но рядом с ранними статьями замечаем и позднейшие вставки – плод дальнейшей обработки Временника. Такова, например, вставка автобиографического характера, приведенная нами в предыдущем примечании.

освобождения Новгорода, но до возвращения в Москву Филарета Никитича. В начале Летописца автор замечает, что Новгород “шестолетно же бысть без мала одержим всяко погано туждих (то есть чуждых. – С.П.) рукама”⁸⁹. Раньше конца новгородского плена Тимофеев, конечно, не мог знать его продолжительности. В последней же статье (“О вдовстве Московскаго государства”) Тимофеев о родителях царя Михаила говорит, что отец его находится в плену, а мать его соправительствует сыну⁹⁰. Значит, о возвращении Филарета он еще не знал. По этим признакам мы могли бы уверенно полагать, что Временник был закончен Тимофеевым самое позднее – в начале 1619 г., если бы заключительные строки произведения не говорили о мире с поляками, о возвращении Филарета и о поставлении его в патриархи⁹¹. Это обстоятельство заставляет думать, что Тимофеев и позже дополнял свой труд. Когда он прекратил эти дополнения, определить нельзя. Одна только мелочь в списке Временника дает повод думать, что Временник был закончен и переписан немного спустя 1619 г., к которому относятся его последние известия. В главе пятой автор между прочим повествует о том сочувствии, с каким относились европейские государства к несчастиям Руси. Надеясь, как мы думаем, на известное посредничество Дж. Мерика и Эразма Ганделиуса, Тимофеев замечает, что иностранцы хлопочут об умиротворении Московского государства для того, чтоб и себе приобрести друзей и помощников в будущем на тот случай, если с ними произойдет такая же беда: “на ся тожде чающе наитие”, как выражается автор⁹². На поле рукописи против этих слов находится любопытная приписка, сделанная лицом, исправлявшим всю рукопись (быть

---

⁸⁹ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 275 об.

⁹⁰ Автор замечает, говоря о царе Михаиле: “Его во свет сей родителие сего мира еще путь живота си проходят мал: жена – во образе мнишескаго устроения; особь и различне кождо; ов в земли чюждых правды ради стесняем, страдательно леты многими в нуждах с прочими подвижесе о всем мире нашем; ова же во царствии яко второспестольствует своему ея сынови, о всех купно сповелевая с ним” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 298 об.). Инокину Марфу Тимофеев сравнивает с императрицей Феодорой: “яко же Феодору с сыном древле получивша греки, сиде таковы и мы другия”, – говорит он (л. 298).

⁹¹ Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 307–312. Наречение Филарета в патриархи происходило 22-го июня 1619 г. (СГГД. Ч. 3. № 45).

⁹² Приводим целиком это место Временника. Замечая, что печальная участь Трои всегда возбуждала сожаление народов, Тимофеев продолжает: “И днесь окрестная величества сего (то есть Московского государства. – С.П.) опустеваема и не в конце падша слышати не терпят. И колеблющая того ветры, иже ненавидящая по всему мира, мирне укротевают, друголюбное показующе, на ся тожде чающе наитие по временах. Аще не лестне будут мирствуют, ни радующеся злом нашим, Бог весть” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 231).

может это был сам автор): “Днесь и на них то же по сему пророчеству сбытся”. Слова эти, очевидно, относятся к Тридцатилетней войне, о которой знали наши писатели XVII в.⁹³ Из того обстоятельства, что приведенный текст самого Временника только предполагает возможность междоусобий на Западе и не включает в себе переделок, хотя эта возможность скоро осуществилась, мы можем заключить, что Тимофеев закончил обработку Временника раньше, чем узнал о войне в Германии⁹⁴.

Итак, из всего сказанного нами о времени составления Временника ясно, что мы имеем дело с произведением весьма ранним. Тимофеев был очевидцем Смуты, принялся писать свои воспоминания о ней тогда, когда Смута, по его представлению, еще не кончилась; написанное он затем дополнял и все-таки закончил свой труд весьма рано, около 1619 г. Если даже и предполагать, что он возвращался к нему и позднее, то смело можно думать, что его позднейшие поправки не были существенны и значительны: они ничем не отразились на изложении Временника. Напротив, Временник во всех своих частях вполне сохранил черты раннего происхождения и признаки чисто внешнего, механического соединения разновременных статей.

В своем общем обзоре литературных памятников мы не можем более останавливаться на труде Ивана Тимофеева. Предметом отдельной монографии должно быть исследование состава Временника, его отдельных показаний и тех источников, какими пользовался его автор. В нашем же изложении мы старались дать лишь общую характеристику труда Тимофеева, отметить наиболее любопытные сообщения автора, указать время и обстоятельства, при которых он писал свой Временник. Отмечая иногда совпадение показаний Тимофеева с данными других современных ему или позднейших трудов, мы не входили в решение вопроса об источниках сведений нашего автора. Тем не менее, хотя зависимость автора от официальных грамот подмечается в некоторых местах Временника⁹⁵, мы решаемся утверждать, что Тимофеев

---

⁹³ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 238; Летопись о многих мятежах. С. 320–321.

⁹⁴ Эта приписка о тридцатилетней войне помогает определить и время самого списка Временника. Приписка сделана во время войны (“днесь” – говорится в ней о войне); стало быть, рукопись несомненно относится к первой половине XVII века.

⁹⁵ Так, например, рассказывая о намерениях против православия первого самозванца, Тимофеев намекает на источник своих сведений (вероятно, грамоту Шуйского, в которой были помещены допросные речи Бучинских: ААЭ. Т. 2. № 48) такими словами: “по смерти его (то есть самозванца. – С.П.) от тайных его уведено бысть” (Рукопись Флорищевой пустыни. Л. 159). Трудно допустить,

должен считаться писателем самостоятельным. Если он и заимствовал откуда-нибудь отдельные свои фактические показания, то всегда перерабатывал их в самостоятельный рассказ. Большая же часть его сообщений прямо обличает в нем очевидца событий или современника их, передающего факты или по личным впечатлениям, или по свежим слухам. Строго выдержанная точка зрения на эпоху, своеобразный язык, одинаковый с начала до конца рассказа, исключают всякую мысль о том, что Тимофеев мог заимствовать что-либо от своих литературных предшественников. Сравнение Временника с более ранними произведениями о Смуте, известными нам, также показывает полную независимость от них Тимофеева. Таким образом, во Временнике мы имеем, без всякого сомнения, оригинальное произведение очевидца Смуты.

Произведение это в наших глазах имеет большое значение. Если Тимофеев уступает Авраамии Палицыну в богатстве фактических показаний, ясности и точности языка, даже в степени богословского образования⁹⁶, то оба писателя могут быть поставлены рядом в другом отношении. Оба они являются в своих произведениях публицистами, обсуждающими явления своего времени с одной точки зрения – моральной. И Тимофеев не менее Авраамия Палицына заслуживает внимания своими взглядами, своим отношением к действительности и тем подбором данных для характеристики русского общества в Смутную эпоху, какой мы находим в его Временнике. Этот подбор фактов, на которые направлены обличения Тимофеева, иногда поразительно сближается с обличительными мотивами Палицына, что только может усилить наш интерес к трудам обоих писателей.

При таком взгляде на личность и произведение Ивана Тимофеева мы не можем согласиться с тем строгим приговором, какой произнес над его Временником П.М. Строев, и не можем не жалеть, что этот Временник так долго оставался в полном забвении.

Одновременно с Тимофеевым работал над своим Сказанием Авраамий Палицын. В то время как Временник безызвестного

чтобы Тимофеев сам мог узнать что-либо от приближенных самозванца. Далее в рассказе Тимофеева, как в разобранном нами выше Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства, король Сигизмунд представляется союзником тушинцев (л. 222 об.–225). Ошибка Тимофеева, всего вероятнее, произошла от такого же излишнего доверия к грамотам земских ополчений 1611–1612 гг., каким отличался автор Плача.

⁹⁶ Впрочем, у Тимофеева нередко встречаем выписки из Священного Писания и богословских книг. Он, быть может, знаком был и с латинским и греческим языками; по крайней мере, он любил вставить в свою речь – и с надлежащим смыслом – слова вроде: *силентияр* (*silentarius*), *доместик* (*domesticus*), *скимен* (*ὁ σκυμνος*) и др. Не беремся решать, откуда он их заимствовал.

дьяка оставался, насколько мы можем судить, без всякого распространения среди его современников и вовсе не был замечен историками, – Сказание знаменитого старца-келаря приобрело широкую известность в московском обществе XVII в., переписывалось очень часто целиком, вносилось по частям в компилятивные хронографы⁹⁷, было издано уже в прошлом столетии⁹⁸, а в нашем веке вызвало целый ряд замечаний и оценок со стороны исследователей Смуты⁹⁹. И практическая деятельность Палицына, и его литературное творчество не раз служили предметом научной полемики и создали целую литературу о старце Авраамии.

Первый занялся исследованием исторических показаний Палицына Д.П. Голохвастов в своих “Замечаниях об осаде Троицкой лавры”, напечатанных в 1842 г. Он пришел к тому убеждению, что Палицын не дорожил исторической точностью, ибо не преследовал целей объективного летописания. По своим задачам Сказание троицкого старца “есть духовно-историческая эпопея, которой главная видимая цель – прославление чудесного избавления лавры, и вообще России, предстательством святых Сергия и Никона”¹⁰⁰. Голохвастов находил у Палицына и невидимые, скрытые цели: прославляя лавру, старец желал “внести в историю свой собственный панегирик”; изображая злодейства поляков, он пользовался этим как поводом к религиозно-нравственным поучениям; наконец, он стремился угодить новой династии и, в частности, патриарху Филарету. Все эти практические задачи помешали надлежащей полноте и точности фактических показаний Палицына. Поэтому-то Голохвастов и признал его Сказание источником не вполне надежным. Вскоре после напечатания замечаний

---

⁹⁷ Списков Сказания Палицына нет возможности пересчитать: в одном, например, Погодинском Дрвлекранилище имп. Публичной библиотеки их девять (№ 1502–1510). Некоторые списки указаны и оценены П.М. Строевым (*Строев. Словарь*. С. 11–12), Д.П. Голохвастовым (Замечания об осаде Троицкой лавры, 1608–1610, и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий // *Москвитянин*. 1842. № 7. С. 125–126) и А.В. Горским (Возражения против замечаний об осаде Троицкой лавры // *Москвитянин*. 1842. Ч. 6. № 12. С. 421), и С.И. Кедровым (Авраамий Палицын как писатель // *Русский архив*. 1886. № 8. С. 444–446). О том, насколько пользовались компиляторы Сказанием Палицына, есть обстоятельные указания в трудах А.Н. Попова (*Попов. Обзор*. Вып. 2. Глава 3-я и *Изборник*. С. 213–281).

⁹⁸ В первый раз Сказание было издано в 1784 г., во второй – в 1822 г., оба раза в Синодальной типографии [Третий раз Сказание напечатано в двух видах в РИБ. Т. 13. Стб. 473–524 и 957–1272, и отдельно: СПб., 1909].

⁹⁹ Наиболее ранние из них собраны Д.П. Голохвастовым (Замечания об осаде Троицкой лавры... С. 135–136). Позднейшие указаны С.И. Кедровым (Авраамий Палицын. М., 1880. Предисловие).

¹⁰⁰ *Голохвастов Д.П.* Замечания об осаде Троицкой лавры... С. 136 и сл.

Голохвастова против данной им оценки Сказания высказался А.В. Горский в том смысле, что “намерение Авраамия было – передать чистую истину, а не украшать повествование вымыслами эпическими”¹⁰¹. И в труде Горского, как в труде Голохвастова, в подкрепление высказанных взглядов произведен ряд историко-критических разысканий. Таким образом, вопрос о характере литературной деятельности Палицына стал еще в 40-х годах предметом специальных исследований, которые связали с литературною деятельностью Палицына его деятельность историческую. Рядом с вопросом историко-литературным в полемике Голохвастова и Горского разрабатывался вопрос биографический.

Позднее в нашей историографии спор о личности и трудах Авраамия Палицына снова был поднят в статьях И.Е. Забелина и Н.И. Костомарова¹⁰². Первый из этих исследователей принял вполне точку зрения Голохвастова и готов был видеть в рассказах Авраамия легендарную эпическую поэму, составленную с одною целью прославления Троицкого монастыря и самого Авраамия¹⁰³. Но Н.И. Костомаров не разделял твердой веры Горского в искренность и объективность показаний старца-келаря. “Мы далеки от того, – говорил он, – чтоб доверять безусловно Авраамию. В его рассказах есть легенды... старец немного и прихвастывает”. Тем не менее Костомаров признавал за Сказанием Палицына и большую историко-литературную важность: он видел в нем прекрасный памятник “чувства и воображения современников”; он считал необходимым пользоваться данными Палицына хотя бы потому, что старец является в иных случаях единственным источником наших сведений. “Поверить – нечем, и отвергать вовсе – также нет основания”, – говорил Костомаров и сознавался, что, передавая иногда рассказы старца, считал необходимым сделать при них оговорку: “если только доверять Сказанию, которое передается самим тем, кто здесь играет столь блестящую роль”¹⁰⁴. Таким образом, если в 40-х годах спор шел о необходимости или возможности полного доверия к Сказанию Палицына, то тридцать лет спустя спорили только о степени доверия к нему: г. Забелин склонен был вовсе отвергать годность Сказания, как исторического

---

¹⁰¹ Горский А.В. Возражения против замечаний об осаде Троицкой лавры. С. 426.

¹⁰² Забелин И.Е. Минин и Пожарский. М., 1883 (и в Русском архиве за 1872 г.); Костомаров Н.И. Личности Смутного времени // Вестник Европы. 1871. Июнь; Он же. Кто виноват в Смутном времени? И.Е. Забелину // Вестник Европы. 1872. Сентябрь.

¹⁰³ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. С. 74–75.

¹⁰⁴ Костомаров Н.И. Личности Смутного времени... С. 34.

источника, Костомаров же не соглашался только с резкостью такого осуждения. И другие исследователи, придавая цену той или другой стороне Сказания, в то же время высказывали убеждение, что Палицыну “во многом нельзя верить”¹⁰⁵.

Однако в последнее время в защиту Палицына написаны были два трактата С.И. Кедровым: в первом из них изложены данные о жизни и деятельности знаменитого старца; во втором рассмотрены его литературные труды¹⁰⁶. Г[осподин] Кедров стремится сбросить всякую тень с доброго имени Палицына как общественно-го деятеля и безусловно считает его достойным представителем Троицкого монастыря. По мнению г. Кедрова, монастырь в эпоху московского разорения вел свою особую политику, имевшую целью примирить стремления разных партий и направить их силы на освобождение Москвы и восстановление порядка. Эта высокая патриотическая цель была достигнута трудами и талантами знаменитого келаря¹⁰⁷. Такая характеристика деятельности Палицына заставляет уже предугадывать благосклонное отношение г. Кедрова и к Сказанию его героя. И действительно, он считает Сказание искренним и правдивым произведением. Но при этом он не отрицает у его автора некоторых субъективных целей, именно, желания оправдать свои поступки и показать свои заслуги. Почему это было нужно Палицыну, г. Кедров категорически не объясняет: “остаётся предположить, – говорит он, – что свидетельства Палицына о самом себе вызваны были отрицанием его заслуг”. Признание субъективного элемента в Труде Палицына ведет г. Кедрова к такому определению Сказания: “На Сказание Палицына, – говорит он, – надо смотреть, как на оправдательный документ личного поведения автора, как на автобиографию, а не как на историю измышленных деяний, написанную по тщеславию”¹⁰⁸.

Разбор высказанных относительно Палицына взглядов и пересмотр тех исторических вопросов, которые связаны с его общественною литературною деятельностью, вывели бы нас далеко из пределов нашего исследования. Поэтому мы считаем себя вправе ограничиться изложением лишь некоторых наших замечаний, ка-

---

¹⁰⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. Введение. С. 58; *Он же.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1887. Август. С. 259–260; *Соловьев.* История. Т. 8. С. 216–219.

¹⁰⁶ *Кедров С.И.* Авраамий Палицын; *Он же.* Авраамий Палицын как писатель.

¹⁰⁷ Такой взгляд на деятельность Авраамия развивается и в том, и в другом труде г. Кедрова. Кратко и полно формулирован он в статье “Авраамий Палицын как писатель” (С. 507–508).

¹⁰⁸ Там же. С. 508.

сающихся собственно литературных трудов Палицына. Внешняя история его Сказания не может считаться вполне разработанной ни в одном из названных нами трудов об Авраамии Палицыне.

Еще Д.П. Голохвастов полагал, что Сказание Палицына состоит как бы из нескольких отдельных сочинений и ясно разделяется на три отдела: краткое повествование о времени царя Феодора, Годунова, Расстриги и В. Шуйского (главы 1–6), собственно сказание об осаде монастыря (главы 7–57) и рассказ о дальнейших событиях до 1618 г. (главы 58–86)¹⁰⁹. А.В. Горский, в дополнение к разысканиям Голохвастова, заметил, что в книге Авраамия более, чем три самостоятельные части. Первые шесть глав составляют вступительную часть книги; главы 7–57-я заключают в себе историю осады; главы 58–61-я – “описание последних событий, относящихся к истории осады”; главы 62–70-я посвящены последним месяцам правления Шуйского и эпохе междоусобицы до разорения Москвы; главы 71–79-я повествуют о разорении и освобождении Москвы; главы 80–82-я представляют собою историю избрания на царство царя Михаила и, наконец, главы 83–86-я содержат рассказ о нашествии на Москву Владислава. Все это было, по мнению Горского, особые летописные труды Палицына. “Книга сия (говорит Горский о Сказании старца-келаря. – С.П.), как видно из особых заглавий в главе 7-й, 57-й, 71-й и 83-й, составила из отдельных сочинений, писанных Авраамием в разные времена”¹¹⁰. Согласно с Горским, и П.М. Строев считает книгу Палицына историческим сборником, “ядром” которого была история осады монастыря. Указывая составные части этого сборника, Строев расходится с Горским только в том, что соединяет в одно “отрывочное” повествование 58–79 главы печатного издания, тогда как они основательно разделяются Горским на три отдельных рассказа¹¹¹. Позднейший исследователь Сказания Палицына С.И. Кедров, признавая, что Сказание писалось “постепенно”, в то же время находил в нем всего три части, указанные Голохвастовым¹¹².

Знакомство с произведением Палицына, несомненно, убеждает, что Горский и Строев были ближе к истине, чем г. Кедров. В книге Палицына замечаем несколько таких частей, которые сохранили на себе следы самостоятельных повествований. Таково

---

¹⁰⁹ Голохвастов Д.П. Замечания об осаде Троицкой лавры. С. 126.

¹¹⁰ Горский А.В. Возражения против замечаний об осаде Троицкой Лавры. С. 421–422.

¹¹¹ Строев. Словарь. С. 9–11.

¹¹² Он руководится при этом внешними указаниями некоторых списков. Ср.: Кедров С.И. Авраамий Палицын как писатель. С. 445 и 447.

прежде всего сказание о Троицкой осаде (главы 7–57-я печатного издания). Пред ним находится особое предисловие; оно имеет и заключение, состоящее в “слове благодарственном”¹¹³. Содержание его вполне цельно. Оно хотя и редко, но встречается в списках отдельно от прочих частей книги Палицына¹¹⁴. Затем, первые главы Сказания, служившие в общем расположении книги как бы вступлением в историю осады Лавры, в сущности являются вполне самостоятельным произведением и существуют в двух редакциях: первоначальной – распространенной и окончательной – краткой. Первоначальная редакция в единственном ее списке сохранилась в виде отдельного произведения без прочих частей книги старца Авраамия¹¹⁵. Оба эти повествования, занимающие первые 57 глав книги Палицына, всеми бесспорно признаются за отдельные литературные труды; разногласие существует только о последних 29-ти главах печатного издания. Г[осподин] Кедров, как и Голохвастов, считает их одним сочинением; Строев делит их на три части (отрывки о событиях 1610–1612 гг., рассказ об избрании Михаила, рассказ о нашествии Владислава); Горский же, как мы видели выше, находит в них пять отдельных повествований. Нет сомнения, что деление Горского справедливее других.

Прежде всего, совершенно ясно выделяются в последних главах книги Палицына три отдельных “сказания”. Одно из них есть “Сказание вкратце о разорении царствующаго града Москвы” (главы 71–79-я печатного издания). Оно имеет отдельное предисловие¹¹⁶ и кончается так, что не предполагает непосредственного продолжения. Предисловие, в главе 71-й, ясно говорит нам, что Палицын в этом Сказании намерен был описать не одно разорение, но и освобождение Москвы. Сравнивая падение Москвы с разорением древних царств, он прибавляет: “Но сия убо... не возмогут возстати, царствующий град Москва не тако: аще за без-

---

¹¹³ Сказание Палицына. С. 58–62, 206–212 [РИБ. Т. 13. Стб. 1020–1024, 1158–1164].

¹¹⁴ Такой список знали Строев, Горский и г. Кедров (*Строев. Словарь. С. 11; Горский А.В. Возражения против замечаний... С. 421; Кедров С.И. Авраамий Палицын как писатель. С. 445, § 3*).

¹¹⁵ Рукопись Московской духовной академии, № 175 (Описание рукописи см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из хранилища Свято-Троицкия Сергиевы Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. // *Чтения ОИДР. 1884. Кн. 3. С. 182*) [В этом труде арх. Леонида есть указание на принадлежность Палицыну Жития Василия Блаженного. I. С. 61, 157]. Первоначальная редакция 1–6 глав Сказания Палицына была известна Горскому (*Возражения против замечаний... С. 421*) и Кедрову (*Авраамий Палицын как писатель. С. 445*).

¹¹⁶ Сказание Палицына. Глава 71-я до слов на С. 245: “Но о сем убо впреди изъявлено будет” [РИБ. Т. 13. Глава 65. Стб. 1193–1195].

закона наша и тмочисленные грехи мало наказа нас Господь, за милость же свою много возлюби и помилова. Егда убо... возопи-хом ко Господу, и услыша нас и от бед наших избави нас". Эти слова обнаруживают главную мысль автора, проводимую в Сказании о разорении Москвы: он хотел показать, что если грехи вызывают бедствия, то раскаяние ведет к спасению. Развитие этой мысли стройно заканчивается в главе 79-й рассказом об освобождении московских святынь, и вполне естественно, что автор, дописывая последние строки этой главы, поставил на конце слово "аминь". Этим он обозначил конец не только главы, но целого поучительного повествования. Такою же цельностью содержания и изложения обладает рассказ Палицына "О избрании благоверного и благородного великаго государя... Михаила Федоровича" (главы 80–82-я печатного издания). В начале рассказа давая понять, что освобождение от врагов не спасло безгосударного народа от безначалия и беспорядков, автор показывает всем последующим изложением, что благодать Божия осенила благое дело избрания государя, как только к нему обратились от своеволия и самоуправства. Сказание об избрании царя Михаила заканчивается послесловием, которое желает государю славного и безмятежного царствования, а народу мирной и счастливой жизни. По своему смыслу послесловие относится не к одной той главе, к которой приписано, а ко всему рассказу о избрании Михаила. Цельность этого рассказа повела даже к тому, что главы 80–82-я переписывались отдельно от прочих частей книги Палицына как совершенно самостоятельное произведение¹¹⁷. Наконец, книга Палицына заканчивается совершенно самостоятельным "Сказанием о приходе под царствующий град Москву из Польши королевича Владислава" (главы 83–86-я печатного издания)¹¹⁸. Сказание писано, без сомнения, позднее других частей книги. В этом убедимся, если сравним заключение 82-й главы со вступлением 83-й. В конце рассказа об избрании Михаила Федоровича Палицын желает государству мира и не предполагает, что посещенный благодатию Божьею народ мог снова уклониться с правого пути и вызвать на себя Господню кару. В начале же 83-й главы Палицын описывает новое нравственное падение русского общества и

---

¹¹⁷ *Миловидов И.В.* Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Кострома. 1887. С. 1–17, № 1. В этой книге целиком перепечатаны по рукописи главы 80–82-я Сказания Палицына, сочтенные за отдельное произведение неизвестного автора.

¹¹⁸ Глава 86-я является просто позднейшею припискою к Сказанию о нашествии Владислава и в некоторых списках отсутствует (*Кедров С.И.* Авраамий Палицын как писатель. С. 445. § 5) [РИБ. Т. 13. Глава. 77. Стб. 1269].

новое наказание, посланное на него от Бога, – приход поляков на Москву. Прерывая затем рассказ о войне и о заключении мира с поляками Повестью о новоявленном чуде преподобного Сергия (глава 84), Палицын продолжает свое повествование в главе 85.

Так с полной очевидностью обнаруживается, что в 71–86-й главах книги Палицына мы имеем дело с тремя произведениями, независимыми друг от друга, самостоятельно задуманными и выполненными, как можно думать, не в одно время. Два таких же отдельных сказания, как мы видели выше, заключаются в главах 1–57. И только тринадцать промежуточных между ними глав (58–70) не имеют характера отдельных литературных произведений и играют служебную роль, соединяя собою цепь отдельных сказаний в одну историческую хронику. Анализ содержания этих промежуточных глав приводит к выводу, что четыре из них (58–61) составляют дополнение к Сказанию о Троицкой осаде и касаются дел монастыря и чудотворений преподобного Сергия¹¹⁹. Остальные же девять глав (62–70) повествуют о делах общерусских: в них весьма кратко описывается освобождение Москвы от Тушина, смерть Скопина-Шуйского, свержение царя Василия, избрание Владислава и притеснения поляков, смерть Тушинского вора и начало народного движения против Сигизмунда. Когда написаны первые четыре главы, судить не беремся. Что же касается до остальных девяти, то, по нашему мнению, они были составлены после Сказания Палицына о разорении Москвы, вероятно, тогда, когда Палицын собирал свои отдельные произведения в одну книгу¹²⁰. Этим объясняется их краткость, отрывочный

---

¹¹⁹ В том списке Сказания Палицына, где находится история Троицкой осады, оказываются и эти четыре главы (58–61); они приписаны, очевидно, как позднейшие дополнения к заключительному благодарственному слову (*Кедоров С.И.* Авраамий Палицын как писатель. С. 445. § 3; *Горский А.В.* Возражения против замечаний... С. 421) [РИБ. Т. 13. Главы 53–56. Стб. 1164–1180].

¹²⁰ В данном случае мы высказываем не более, как догадку. Основание для нее мы находим следующее: в своем Сказании о московском разорении (глава 71) [РИБ. Т. 13. Глава 65. Стб. 1193–1204] Палицын говорит, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Прокопий Ляпунов и другие воеводы подвиглись на освобождение Москвы после ее разорения вследствие призыва Троицких властей. А в главе 70-й [РИБ. Т. 13. Глава 64. Стб. 1192–1193] находим показание, что Ляпунов с Рязанью и другие города поднялись сами на поляков, видя их “насилства”. Первое из этих показаний грешит против истины и плохо согласуется со вторым. Это и дало повод некоторым исследователям обвинить Палицына в полном противоречии самому себе (*Голохвастов Д.П.* Ответ на рецензию и критику “Замечаний об осаде Троицкой Лавры” // Москвитянин. 1844. Ч. 4. № 7. С. 105–106, и отдельно: М., 1844. С. 138–139; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. С. 248–252). Но это противоречие или, вернее, несоответствие двух показаний Палицына, стоящих рядом, объясняется весьма легко, если предположить, что

характер, строгая фактичность: они должны были заполнить тот пробел, который существовал в исторических показаниях прочих частей книги Палицына. Первая ее часть остановилась на изображении смуты при Шуйском, вторая была посвящена описанию осады монастыря, далее следовали повествования о разорении и освобождении Москвы, о воцарении Михаила; падение же Шуйского и избрание Владислава оставалось не описанным. Палицын и описал эти события в ряде кратких заметок.

Из сказанного ясно, как мы представляем себе состав и происхождение книги Палицына. Это – сборник, составленный из нескольких цельных сказаний, соединенных иногда отдельными статьями. Части этого сборника создавались автором, несомненно, в разное время и имели неодинаковый характер. Конец авторских работ указан самим Палицыным: в послесловии к своей книге он говорит, что “последоважеся и исправися книга сия, глаголемая История вкратце, ... в лето 7128 (1620)-е”¹²¹. Когда же он начал свой труд, определить трудно. Если бы можно было твердо установить, что Авраамий начал свои исторические труды с первых глав его книги, со сказания о временах царя Бориса, то мы стали бы утверждать, что он начал писать в первые годы царствования царя Михаила Федоровича. Во 2-й главе своего Сказания старец Авраамий говорит, что в смуту народ, между прочим, питался и старым хлебом, который был спрятан владельцами еще во время голода при царе Борисе: “гумна же пренаполнены одоной и копен и взородов и до ч е т ы р е х ъ н а д е с я т лет, отнележе смятение бысть во всей Руской земли”¹²². Это место показывает,

---

глава 71-я (о разорении Москвы) была написана не одновременно с 70-й, а раньше ее. Составляя Сказание о погибели и освобождении Москвы от поляков, Палицын не имел нужды объяснять, как произошло движение против поляков в городах. Он только хотел – справедливо или нет – засвидетельствовать, что городские дружины подошли к Москве вследствие грамот его монастыря. Когда же он собрал все свои отдельные повествования в одно целое и дополнил их краткими рассказами о событиях 1610–1611 гг., он, естественно, не мог умолчать о движении городов против поляков после смерти Тушинского вора. Но краткий рассказ об этом (в 70 главе) он не согласил, как должно, с прежними заметками о городских ополчениях (в 71 главе). Отсюда и произошла шероховатость изложения, подавшая повод к обвинению в противоречии.

¹²¹ Послесловие Палицына напечатано в “Замечаниях” Голохвастова (*Голохвастов Д.П. Замечания об осаде Троицкой Лавры... С. 126–127*) и в “Библиологическом словаре” П.М. Строева (*Строев. Словарь. С. 10–11*) [РИБ. Т. 13. Стб. 1270–1272].

¹²² Так читается это место в печатном издании Сказания (Сказание Палицына. С. 13). В первоначальной редакции: “...до четырехнадесять лет *от смятения* во всей Русской земле” (Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 330) [РИБ. Т. 13. Стб. 481].

что Палицын составил начало своей книги не ранее, как через 14 лет после голода 1601–1603 гг., то есть в 1615–1617 гг.¹²³ Но вместе с тем старец не мог написать первых глав своего труда и позже этого времени. Он считает Смуту еще существующею: говоря о первом самозванце, он замечает, что “и додне сь вся Россия не может от выя своя разрешити того ярма”, в какое введена была злом самозванщины¹²⁴. Филарета Никитича называет он митрополитом, а не патриархом¹²⁵. Значит, он писал первые главы до окончания войн в Польшею и до возвращения Филарета из плена. Так определяется время составления первой части Сказания Палицына; но мы не можем поручиться, что история Троицкой осады или Сказание о разорении Москвы не были написаны автором раньше, чем первые главы. В этих частях книги Палицына нельзя уловить определенных хронологических указаний на время их написания. И только Сказание о нашествии Владислава самым содержанием своим показывает, что составлено не ранее 1618 г.

Признавая книгу Палицына собранием отдельных и разновременных произведений, мы не думаем, что она не допускает одной общей характеристики. Именно потому, что в ней несколько частей различного характера, ее нельзя считать ни автобиографическим трудом, ни духовно-историческою эпопеей. Если Сказание о разорении и освобождении Москвы и рассказ об избрании царя Михаила полны свидетельствами о заслугах самого Авраамия, если история осады эпическим складом излагает чудеса святых Сергия и Никона и подвиги их служителей, то в первых главах Сказания не встречаем ничего подобного. В них Палицын выступает обличителем русского общества и стремится показать, какие грехи низвели Русь до полного падения. Тот же суровый обличитель-моралист является иногда и в последних главах книги. Словом, в различных частях Сказания Палицына читатель видит большое разнообразие творческих мотивов и только тогда составит надлежащее представление о произведениях Авраамия, когда даст себе труд анализировать отдельно каждую из составных частей Сказания. Все же попытки объяснить Сказание старца как нечто цельное останутся бесплодными, потому что при исправле-

---

¹²³ Этим опровергается мнение А.В. Горского, что начало Сказания Палицына написано было во время самой Смуты, до избрания царя Михаила (*Горский А.В. Возражения против замечаний...* С. 422 и 429).

¹²⁴ Сказание Палицына. С. 22; Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 337–337 об. [РИБ. Т. 13. Стб. 988, 491].

¹²⁵ Сказание Палицына. С. 8–9, 50–51; Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 327 об., 358 [РИБ. Т. 13. Стб. 976, 1013–1014, 478, 513].

нии своей книги в 1620 г. Палицын не успел изгладить особенности своих отдельных произведений.

Мы, впрочем, можем думать, что он старался сделать это. До нас дошла в отдельном списке первая часть его Сказания (главы 1–6) далеко не в том виде, какой имеет она в печатном издании и в прочих списках¹²⁶. Горский и С.И. Кедров уже обращали внимание на этот список, и г. Кедров в своем труде “Авраамий Палицын как писатель”¹²⁷ напечатал из него некоторые отрывки, которых нет в печатном издании. Признавая, что в отдельном списке мы имеем дело с первоначальной редакцией, г. Кедров старается объяснить те причины, какие побудили Авраамия переделать и сократить ее. Он думает, что эти причины были чисто внешние: “многого, что случилось в Смутное время, нельзя было открыто и высказать”. Действительно, некоторые сокращения Палицына, приведенные г. Кедровым, наводят на такую мысль. Но, с одной стороны, Палицын не боялся оставить в окончательной редакции 6-й главы известие о том, что Филарет Никитич был в Тушине наречен патриархом; не боялся он также назвать “безумным” со стороны народа крестное целование “благочестивому” Шуйскому¹²⁸. С другой стороны – многочисленные сокращения и поправки Палицына часто вызывались только литературными соображениями, как ясно показывает сличение текстов первоначального и окончательного. На этом основании мы и не можем допустить, чтобы Палицын изменял свое произведение из одной боязни навлечь на себя внешнюю беду. Нет сомнения, что им руководила и простая цель – придать своему произведению лучшую форму.

---

¹²⁶ Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 324–368 [РИБ. Т. 13. Стб. 473–524].

¹²⁷ Кедров С.И. Авраамий Палицын как писатель. С. 445, 448–455. И Горский, и г. Кедров считают отдельный список более ранним в сравнении с текстом печатным. Г[осподин] Кедров выражается даже так, что, судя по письму, это – “древнейший экземпляр и несомненно списанный с черновой рукописи”. Не видно, на чем основывает г. Кедров свои заключения. Мы не будем утверждать, что это – древнейший список, но представим основания, почему считаем его копию с авторской рукописи. На л. 334, в конце 3-й главы, находим в отдельном списке такое место: “и одоле зла о бритии брад ба благочестию”. В печатном издании на этом месте (История Палицына. С. 20) читаем просто: “и одоле злота благочестию”. А немногим ниже в обоих текстах говорится о бывшем при Борисе обычае брить бороды. Ясно, что на полях оригинала, с которого списан отдельный список, была авторская заметка о том, о чем следовало написать ниже: “о бритии брад”. Переписчик же по недоразумению присоединил эти слова к той строке, против которой они были написаны на поле [РИБ. Т. 13. Стб. 487, 986].

¹²⁸ Сказание Палицына. С. 50, 56–57 [РИБ. Т. 13. Стб. 1014, 1019; ср. С. 513, 522].

В заключение не можем не остановиться на одной любопытной частности. Все исследователи считают Палицына вполне самостоятельным писателем. И мы вообще не можем указать у него литературных заимствований. Тем более удивляет нас полное тожество немногих фраз Авраамия, которыми он описал в окончательной редакции 1-й главы избрание Бориса, с изложением избрания в Повести 1606 года¹²⁹. Можно было бы думать, что на этот раз Палицын, вопреки своему обычаю, просто заимствовал из Повести. Но в первоначальной редакции 1-й главы текст Палицына менее точно воспроизводит слова Повести 1606 года и включает в себе обширное прибавление, напечатанное г. Кедровым¹³⁰. Стало быть, будучи сначала очень близок к тексту Повести, Палицын не только не удалился от него впоследствии, но исправил свое изложение точными словами Повести 1606 года. Это обстоятельство усложняет дело: понятнее было бы, если бы, переделывая свой рассказ и исправляя заимствованное место, Палицын внес в него еще больше отличий от оригинала. Очевидно, он придавал известную цену своему заимствованию и имел перед глазами Повесть 1606 года и тогда, когда писал, и тогда, когда исправлял свой труд. Если вспомнить, что Повесть 1606 года была составлена троицким же монахом, каким был сам Палицын, то невольно является мысль, не сам ли Палицын, возвышение которого совершилось при Шуйском, составил и Повесть 1606 года. При этой догадке понятно будет, почему Палицын, ниоткуда ничего не заимствовавший, свободно позаимствовал из этой Повести.

---

¹²⁹ Ср.: Сказание Палицына. С. 7 (от слов: “или хотя или не хотя...” до слов: “скипетр Российской державы”) с Иным сказанием (Иное сказание о самозванцах. С. 7 и 9) [РИБ. Т. 13. Стб. 974 и 475–477, 12–13 и 16].

¹³⁰ В первоначальной редакции об избрании Бориса рассказано так: “Он же или хотя или не хотя, но вскоре на се не подадеса и отрицаяся много, и достойных на се избирати по(ве)левая, сам же отшел в великую лавру Матери Слова Божия воспоминаемаго чудеси Смоленския иконы девичья монастыря и ту сестре си царице Ирине, уже иноке Александре, служаше. От народнаго ж множества по вся дни принужаем бываше к воспрятию царствия и молим от многих слез, но никако ж преклоняшеса. Та ж что просто тую (так в списке.— С.П.) вси церковницы повелением патриаршим со всем освященным собором приемлют убо икону Матери всех Бога, юже и на (Е)я пречистую руку воображен младенец, держай всю тварь словом веления, написан сый Лукою апостолом. Той убо и инии прочии святые иконы и мощи пешеносцы износими бываше от места. И к нему ж царие со страхом многим прибегающе...” (Далее следует вставка, напечатанная г. Кедровым (Авраамий Палицын как писатель. С. 449). Рукопись Московской духовной академии. № 175. Л. 325–325 об.) [РИБ. Т. 13. Стб. 476–477].

IV

И Авраамий Палицын, и Иван Тимофеев желали своими трудами сохранить для потомства память о событиях их замечательной эпохи. Но несмотря на это, легко заметить, что в их повествованиях нет фактической полноты и точности. Имея в виду читателей-современников, таких же очевидцев Смуты, какими были они сами, оба писателя часто опускали подробности событий и обо многом говорили только намеками, считая лишним распространяться о том, что было еще всем памятно и известно. С другой стороны, внося субъективный элемент в свое повествование, не только описывая, но и обсуждая пережитую эпоху, оба писателя нередко выходили из роли историков и вступали на почву публицистических рассуждений. Авраамий Палицын задавался мыслью показать читателям, “киих ради грех попусти Господь Бог наш праведное свое наказание” на Русскую землю. Иван Тимофеев точно также размышлял о том, “от ких разлился грех земля наша”. Желание провести и доказать свой личный взгляд на Смуту, подчиняя изложение известной идее, влекло за собою отсутствие строгой хронологической последовательности, пробелы в фактических показаниях, обилие отвлеченных рассуждений и нравоучений. Собирая в 1620 г. свою “Историю”, Палицын сам нашел нужным сократить в ней подобные отступления, придавшие началу его повествования характер обличительной проповеди.

Но не все писатели о Смуте принимали на себя задачу обличать и поучать московское общество. Автор разобранного нами Хронографа второй редакции, писавший в 1616–1617 г. (стало быть, одновременно с Палицыным и Тимофеевым) сделал свое изложение строго-фактическим, и только в его общих характеристиках лиц можно найти следы его собственных воззрений и симпатий. Вместе с тем, чем дальше шло время, тем меньше оставалось очевидцев Смуты, и замирали устные воспоминания о ней. У последующих поколений являлась потребность в таких литературных трудах, которые знакомили бы прямо с фактами Смуты. Простой рассказ о событиях получал значение сам по себе; напротив, для русского общества середины XVII в. менее понятны были те обличения, какие имели живой смысл для людей Смутной поры. Этим, по нашему мнению, объясняется характер последующих самостоятельных произведений о Смуте. В них на

первом плане стоит изображение фактов; личность автора отражается лишь в литературных приемах и в различных оттенках отношения к тому или другому событию или деятелю Смуты. Если же в произведение вносится какая-нибудь руководящая идея, то она или исходит из отвлеченного мировоззрения писателя, или объясняется обстоятельствами общественной жизни уже не Смутной эпохи, а того времени, когда было написано произведение.

Подобными признаками отмечены труды виднейших писателей о Смуте времени царя Михаила: князей Ивана Андреевича Хворостинина, Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, Семена Ивановича Шаховского, автора Нового летописца и некоторых других. Их произведения явились немного позднее трудов Палицына и Тимофеева; повествование же князя Хворостинина, быть может, написано было и одновременно с ними. Обратимся к изучению этих ценных памятников.

Труд князя Ивана Андреевича Хворостинина носит название: “Словеса дней и царей и святителей Московских, еже есть в России”. Он был известен П.М. Строеву¹ и И.П. Сахарову². До нас он сохранился в единственном списке, с несколькими пропусками и без конца³. Но и в таком виде он представляет значи-

---

¹ *Строев П.М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правопедения // ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. II. С. 175. § 167; *Строев.* Словарь. С. 288–290. Хворостинину Строев приписывал и “Написание вкратце о царех Московских” (публ. см.: Русские достопамятности. М., 1815. Т. 1. С. 172–175; Изборник. С. 313–314). Ниже увидим, что это неосновательно. Кроме того, Строев указывает еще один труд Хворостинина – полемический трактат против протестантов (*Строев.* Словарь. С. 289). Этого труда мы в списках не видали и упоминания о нем не нашли в полнейшем труде о полемической литературе этого рода (*Цветаев Д.* Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887) [См. *Примечание 12*].

² *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. Предисловие.

³ Сборник имп. Публичной библиотеки, Q.IV.172, в 4 долю, XVII в., 24 л., разными почерками, без переплета (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1863 г. СПб., 1864. С. 53–54). На первых 16 листах рукописи сделана по листам надпись: “Сентября в 20 день дому великаго господина святейшаго Кир Адриана архиепископа Московскаго и всеа России и всех северных стран патриарха”. Начало сборника (л. 1–15 об.) занято трудом Хворостинина, полное заглавие которого таково: “Словеса дней и царей и святителей Московских, еже есть в России, списано вкратце; предложение историческо; написано бе ко исправлению и ко прочтанию благочестие любящих; составлено Иваном дуксом. Сие князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина” [РИБ. Т. 13. Стб. 523–558. Листы рукописи помечены на полях печатных страниц, почему далее последние и не указываются]. За трудом Хворостинина в сборнике на л. 16–16 об., следует глава 168-я Хронографа 2-й редакции “О владении Москвы литовскими людьми” и т.д. (Изборник. С. 201–202) [РИБ. Т. 13. Стб. 1315–1318]. Далее, на л. 17–23, находятся две подложные грамоты султана Турецкого и кесаря Римского (Изборник. С. 453–454, № 4 и № 5). По листам сборника уцелели следы его перво-

тельный интерес как своим содержанием, так и личностью автора, далеко не заурядною в московском обществе. Характеристика князя И.А. Хворостинина поможет нам лучше понять его произведение⁴.

В первый раз является перед нами Хворостинин при дворе Лжедмитрия в должности кравчего⁵. В то время он был еще очень молод, но, как замечали современники, отличался уже дурными чертами характера⁶. Почетное положение при самозванце получил он благодаря своей позорнейшей близости ко Лжедмитрию, развратившей его в юные годы⁷. Оставаясь кравчим до конца дней самозванца⁸, Хворостинин при Шуйском был послан на покаяние в Иосифов (Волоколамский) монастырь за свою близость к

начальной пагинации (цифры 124–146), которые дают повод думать, что сборник был прежде частью другой рукописи. Если не ошибаемся, сборник Q.IV.172 принадлежал П.М. Строеву, а впоследствии И.П. Сахарову.

⁴ Биографические данные о Хворостинине находятся в трудах Строева (*Строев*. Словарь. С. 288–290), С.М. Соловьева (*Соловьев*. История. Т. 9. С. 412–414), митрополита Макария (*История русской церкви*. М., 1882. Т. 11. С. 59–61), А. Смирнова (*Святейший патриарх Филарет Никитич // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения*. 1874. Февраль. С. 235–238) и др. В рукописях имп. Публичной библиотеки видели мы обстоятельное исследование о Хворостинине Н. Коншина, не заключающее в себе, однако, новых материалов в сравнении с давно опубликованными (см.: *Отчет имп. Публичной библиотеки за 1876 г.* СПб., 1877. С. 171). Некоторые данные о личности Хворостинина, как и первое указание на его произведение, сообщены нам Л.Н. Майковым.

⁵ ДРВ. М., 1791. Ч. 20. С. 78; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 706. Хворостинины вели свой род от Ярославских князей; родоначальником их ветви был князь Михаил Хворостина (*Родословные книги // Временник ОИДР*. М., 1851. Кн. 10. Материалы. С. 62–63, 152–153, 236–237; *Бычков Ф.А.* Родословные князей Ярославля // *Титов А.А.* Ярославль. М., 1883. С. 158–159). Отец князя Ивана, Андрей Иванович, умерший окольниким в 1604 г. (ДРВ. Ч. 20. С. 65 и 73), носил прозвище Старко, почему и сын его Иван Андреевич назывался иногда Хворостининым-Старковым (*Временник ОИДР*. Кн. 10. С. 153; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 133).

⁶ Масса называет Хворостинина надменным и все себе позволявшим мальчишкой (*Сказания Массы и Геркмана... С. 208*).

⁷ О позорных свойствах отношений самозванца и Хворостинина Масса выражается весьма определенно (*Сказания Массы и Геркмана... С. 208; Rerum Rossicarum Skript. exteri*. V. 2. P. 100). Что под именем Хворостинина (*Guorostinin*) у Массы следует разуметь именно князя Ивана Андреевича, ясно из следующих соображений: во-первых, именно его при Шуйском послали в монастырь за близость к Расстриге; во-вторых, другие Хворостинины, которых Лжедмитрий держал в почете, были гораздо старше “надменного мальчишки”: дядя его, Федор Иванович, стал боярином с 1589 г., а двоюродный брат, Иван Дмитриевич, был сказан в окольнике еще до воцарения самозванца (ДРВ. Ч. 20. С. 63 и 73; СГГД. Ч. 2. № 93. С. 209); прочие же Хворостинины (Юрий Дмитриевич, Григорий Федорович) не пользовались особым почетом при Лжедмитрии.

⁸ Кравчим он был на свадьбе Лжедмитрия (ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 121–122). Он же, кажется, участвовал при встрече невесты самозванца (*Сказания современников о Дмитрии Самозванце*. Ч. 2. С. 142).

свергнутому царю и за еретичество⁹. До каких пор он оставался в монастыре, сказать трудно. Если верить его словам, он уже в 1610 или в начале 1611 г. возвращен был в Москву и присутствовал при столкновении Гермогена с боярским правительством. Пред ним самим патриарх оправдывался от обвинений в том, будто бы он возбуждал народ к восстанию на поляков¹⁰. Но Хворостинин не оставался в Москве во время ее осады русскими ополчениями. По его рассказу видно, что он вошел в Кремль вместе с осаждавшими; достигнув Чудова монастыря и “мало числом братии обрешши”, спрашивал он монахов, где похоронен Гермоген, и, найдя его могилу, поклонился ей¹¹. Если бы он был в Кремле во время кончины патриарха, он, конечно, знал бы сам место его погребения.

Но побывав в освобожденной Москве в 1612 г., он не остался там до царского избрания. Московское правительство послало его на службу: уже в начале 1613 г. был он воеводою в Мценске и 12-го марта писал земскому собору в Москву о появлении на юге польских войск¹². В ответе на это от государя и собора приказано было ему с белевскими воеводами князем Андреем Хованским и князем Семеном Гагариным промыслять над неприятелем. Хворостинин должен был идти на сход к Хованскому. Сошлись они недалеко от Козельска. Хованский приглашал Хворостинина соединиться с ним, но Хворостинин заупрямился, постоял в шести верстах от белевского отряда, а затем безо всякого дела ушел обратно во Мценск “и тем своим походом и рознью... государеву делу поруху учинил”. Так доносили белевские воеводы. Но сам Хворостинин еще раньше писал в Москву о Хованском, “что он в приход литовских людей из Белева побежал”. Московское правительство, видя между воеводами “рознь великую”, справедливо заключало, что “государеву делу в их розни прибыли не будет”, и решило отставить и Хованского, и Хворостинина. Но оно не зна-

---

⁹ СГГД. Ч. 3. № 90. Причины ссылки объясняются в этой грамоте так: “Как ты был при Ростриге у него близко, и ты впал в ересь, и в вере пошатался, и православную веру хулил, и постов и христианского обычая не хранил”. Можно думать, на основании слов самого Хворостинина, что виновником его заточения был патриарх Гермоген: “Аще и больши всех подъят от него гонение и грабление, – говорит Хворостинин об отношении к нему Гермогена, – в тиранстве живуще под властью его, но ничто же лукавно на нь помыслих... Гневом его бых ни во что же”, – прибавляет он (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 10 об.) [См. *Примечание 13*].

¹⁰ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 12–12 об. Приводя оправдания патриарха, автор прямо утверждает, что Гермоген говорил лично с ним: “Ту прилучившуся и мне; паче же всех ко мне рече (то есть патриарх. – С.П.) и пред всеми мя объя со слезами”.

¹¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 14–15.

¹² Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1051 и 92.

ло, кем их заменить, и тому же Хворостинину посылало новый приказ – промыслять над шайками Заруцкого¹³. В следующем 1614 г. летом Хворостинин был уже в числе “больших воевод” Украинного разряда и стоял со сторожевым полком в Новосили. С этой службы он был отпущен 30-го октября 1614 г., и затем в течение трех лет о нем вовсе нет известий¹⁴. Только в 1618 г. в апреле был он послан воеводою на Рязань в Переяславль Рязанский и оставался там до марта 1619 г.¹⁵. Нашествие Владислава с Сагайдачным застало его в Переяславле. Он удачно “отсиделся от черкас” и за это получил награду по возвращении своем в Москву: 13-го марта 1619 г. государь пожаловал его “у стола” серебряным кубком и шубой в 160 рублей. В то время он считался стольником¹⁶, и его прошлое как будто бы было ему забыто.

Но немного лет спустя его вспомнили. Поведение Хворостинина в Москве обратило на князя внимание правительства и вызвало осуждение со стороны частных лиц. Князь Семен Иванович Шаховской, известный писатель XVII в., происходивший из того же рода Ярославских князей, как и Хворостинин, был лично с ним знаком и оставил любопытные о нем отзывы в своих произ-

---

¹³ Дворцовые разряды. Приложения. № 5, 37, 46 и 51; № 31, 47 и 49. Боярство, управлявшее делами в Москве, не знало, кого послать на смену сорившимся воеводам, по той причине, что “стольники и дворяне большие, и из городов выборные все... с государем” были в его походе из Ярославля к Москве (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1144, 1156). Указ, которым было “велено стольником и стряпчим и жилцом быть... с нами (государем. – С.П.) в походе к Москве”, состоялся, вероятно, в начале апреля или в конце марта 1613 года (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1145). Вслед за придворными чинами “и городовые... дворяне многие поехали к... государю”; ехали к государю из Москвы и представители тяглых людей (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1131, 1085–1086). Таким образом, можно думать, что весь земский собор сосредоточился около государя, и в Москве осталась только боярская комиссия, ведавшая текущие дела в Москве и имевшая одну исполнительную власть. Этим объясняется, почему московские бояре в апреле 1613 г. стали писать к государю не от лица собора, как писали раньше, а от лица одного “Ф. Мстиславскаго с товарищи”; понятным становится и то, почему из Москвы бояре одни “не смеют” назначать в города воевод; ясно также, с каким “собором” объяснялся государь в Троицком монастыре в конце апреля (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1103, 1106, 1138–1139, 1162). Мы позволили себе это отступление ввиду того, что в специальных трудах по истории земских соборов нет указаний на отъезд собора 1613 г. из Москвы.

¹⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 133, 159–160; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 29–30. В этом году Хворостинин служил под командой своего литературного собрата князя Ивана Михайловича Катyreва-Ростовского, бывшего в Туле первым воеводою большого полка.

¹⁵ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 482, 532, 620–621, 652; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 346, 420–421 [РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 979].

¹⁶ *Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1 // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. С. 158–160.

ведениях, писанных около 1622 г.¹⁷ В это время Шаховского постигла царская опала; даже посторонние люди приходили к нему с сочувствием и помощью, а его далекий родич Хворостинин не только не помог ему, но и не посетил его. А между тем Хворостинин, по словам Шаховского, считал себя нравственно совершенным человеком и желал поучать других. С горечью замечает о нем Шаховской, что “такова бо человека и нрава его воистинну далече бежим, понеже фарисейскою гордостию надмен...”¹⁸. Но затем сам же Шаховской написал Хворостинину письмо, убеждая его на деле показать свою любовь и милосердие к страждущим¹⁹. Позднее, когда Шаховской был в гостях у Хворостинина, между ними возник любопытный спор, описанный Шаховским. Дело шло о шестом вселенском соборе; Хворостинин говорил, что он не был вселенским, и очень дерзко обошелся с Шаховским: “Укоряя мя еси, – писал ему Шаховской, – вчерашняго дня в дому своем, величаяся в рабах своих и превозношася многим велеречием и гордяся, реку, фарисейски, мняся превыше всех человек учением божественных догмат превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековал еси и отнюдь чюжа учению священнаго и отцепреданнаго писания, и за малое мое некое речение препирахся еси гневно и люте свирепства”. Выговаривая Хворостинину за его грубость, Шаховской ставил ему на вид, что “несть полезно благоверну мужу тщеславием побежденну быти или зверски ярится на друга”. От высокоумия, тщеславия и гордости Хворостинина, по словам Шаховского, не он один страдал: “измлада обыкох еси в такове велехвальне обычае быти”, – говорил он Хворостинину, подтверждая этими словами более ранние показания Массы о поведении “надменного и все себе позволявшего мальчишки”. Шаховской успел даже заметить стороннее влияние на своего сородича: он говорит, что главным потаковником заблуждений и страстей Хворостинина был только что перешедший в православие Заблоцкий, очевидно, поляк²⁰.

---

¹⁷ Отзывы Шаховского мы берем из наиболее полных рукописных сборников его произведений. В этих сборниках, принадлежащих библиотеке Московской духовной академии, труды Шаховского расположены в хронологическом порядке их составления и, как увидим ниже, первые из них относятся к началу 20-х годов XVII в.

¹⁸ Московской духовной академии рукопись № 213, л. 7–9 об.; рукопись № 214, л. 7 об.–11.

¹⁹ Московской духовной академии рукопись, № 213, л. 14–15, 19; рукопись № 214, л. 18 об.–20.

²⁰ Московской духовной академии рукопись, № 213, л. 60 об.–69 об.; рукопись № 214, л. 79 об.–91 об.; *Строев*. Словарь. С. 290. Сведений об этом Заблоцком нам не встретилось.

Иноземное и иноверное влияние на Хворостинина замечало и московское правительство. Обыски, два раза произведенные в доме Хворостинина, обнаружили у него латинские книги и образа. О нем узнали, что он “учал приставать к польским и к латинским попам и к полякам и в вере с ними соединился”. На первый раз его простили. Но Хворостинин не одумался и отстал не только от православия, но и вообще от евангельского учения. Он стал отрицать воскресение мертвых, необходимость поста и молитвы; людей своих не пускал в церковь, сам на Страстной неделе в 1622 г. “пил без просыпу”, ел мясо, не был в церкви на Пасхе и не поехал с поздравлением во дворец. С другой стороны, Хворостинин в это же самое время обнаруживал и “к измене шатость”. Он думал “отъехать в Литву” и для этой цели, как догадывались, хлопотал в Разрядном приказе, чтобы его отпустили на литовскую границу на посольский съезд (с князем В.П. Ахамашуковым-Черкасским), вместо того, чтобы быть на “береговой службе” против ногайцев (с князем И.М. Катыревым-Ростовским). Хворостинину в Москве казалось скучно: “все люд глупой, жити... не с кем”. Свою тоску и презрение к московским людям изливал он “на письме”: в книжках его слога были “многия укоризненные слова писаны на виршь” против московских порядков. Все это послужило поводом ко вторичной ссылке Хворостинина под начал в Кириллов монастырь²¹.

Он был послан туда в 7131 г. (вероятно, в конце 1622 или в начале 1623 г.) и должен был там жить в особой келье под надзором “добраго” и “житьем крепкаго” старца. Ему было запрещено выходить из монастыря, и никто не мог его посещать. Патриарх требовал, “чтоб у него без келейнаго правила не было ни одного дни и церковнаго б пения николи не отбывал”. Вероятно, князь Хворостинин скоро обнаружил признаки искреннего раскаяния, потому что в конце 1623 г. власти Кириллова монастыря, не спросясь у патриарха, допустили своего узника к исповеди и причастию. За это последовал им выговор от патриар-

---

²¹ СГГД. Ч. 3. № 90. Дата этой грамоты неверна, как замечал еще Строев (*Строев. Словарь*. С. 289): вместо 1632 г. следует читать 1623. Когда в первый раз уличен был Хворостинин в ереси при Михаиле Федоровиче, определить нельзя. Те же проступки, за которые он был послан в Кириллов монастырь, совершены им в 1622 г. В этом убеждаемся как из самой грамоты 1623 г., так и из сравнения ее показаний с разрядными книгами. Съезд с поляками, о котором говорится в грамоте, был в середине лета 1622 г.; одновременно с назначением послов произведено было назначение воевод и на береговую службу (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 518–519). Думный дьяк Т. Луговской, к которому обращался Хворостинин, в 1622 г. сидел в Разряде (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 507–508).

ха; но вместе с тем и сам Филарет признал возможным снять с Хворостинина наложенное наказание. В ноябре 1623 г. послал он в монастырь “учительный свиток”, в котором заключалось опровержение главного заблуждения Хворостинина – о воскресении мертвых. Этот свиток монастырские власти сперва должны были прочесть Хворостинину на соборе, а затем истребовать от него торжественное отречение от прежних ересей. Учительный свиток он должен был подписать своею рукою. Все это было исполнено: князь был “в вере истязан и дал на себя в том обещанье и клятву”, что будет строго блюсти православие²². Вслед за этим 11-го января 1624 г. человек князя Хворостинина Иван Михайлов привез в Кириллов монастырь царскую грамоту об освобождении Хворостинина из монастыря. Власти должны были отпустить его к Москве на своих подводах и со своими служками, “для береженья и проезду”. Однако князь был отправлен с приставами, которые заранее должны были известить правительство о приближении его к Москве²³. Одновременно с последнею грамотой монастырским властям послана была, вероятно, грамота и самому Хворостинину. В ней государь и патриарх объявили князю полное прощение, велели ему “видети свои государския очи и быти во дворянех по прежнему”²⁴. Но недолго пользовался Хворостинин милостью государей: через год, 28-го февраля 1625 г., он скончался и был погребен в Троице-Сергеевом монастыре²⁵. Из Кормовой книги Кириллова монастыря узнаем, что князь Иван в конце своей жизни принял монашество с именем Иосифа²⁶. Не знаем, осталось ли у него потомство; его переяславскою вотчи-

---

²² ААЭ. Т. 3. № 147; СГГД. Ч. 3. № 90. “Учительный свиток”, носящий заглавие: “О востании мертвых поучение от Божественных писаний Ивану Хворостинину”, дошел до нас в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1563, л. 115–122 об., XVII в., в 4 долю. (Бычков. Описание. С. 105). Поучение это представляет собою собрание текстов Священного Писания и выдержек из житий, свидетельствующих о воскресении мертвых. В конце его находятся слова: “Хворостинин сво(они)ею рукою”; написаны тем же почерком, как и все поучение.

²³ ААЭ. Т. 3. № 149.

²⁴ СГГД. Ч. 3. № 90.

²⁵ День смерти И.А. Хворостинина показан в “Списке надгробий Троицкого Сергиева монастыря” (Чтения ОИДР. 1846. Кн. 2. С. 36; Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1879. Т. 2. С. 85). Здесь читаем: “Князь Иван Андреевич Хворостинин, преставися 7133 (1625) г. февраля в 28 день” [По нем корм в Кирилловом монастыре 9-го февраля (Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии, Кирилл. № 68–1307. Л. 13 об.).

²⁶ ЗОРСА. СПб., 1851 Т. 1. Отд. 3. С. 70. В этой книге записаны вклады И.А. Хворостинина, “во иноцех Иосифа”, в Кириллов монастырь: “и всего дачи его на 190 р.”. Корм по нем был 9 февраля, а не в день кончины.

ной, селом Даратниковым и деревнею Бурцовой, владела в 1627 г., его вдова, имени которой в памятниках не сохранилось²⁷.

Такова была жизнь князя Хворостинина. Редкая личность его века может быть характеризована с такою определенностью, как он. Современники замечательно сошлись в его нравственной оценке, считая его самоуверенным, надменным и дерзким. Шаховской, как мы видели, говорил ему это в глаза. Заявлялось это и в правительственных грамотах, обращенных к нему: “в разуме себе в версту не поставил никого”, – писали ему из Москвы при его освобождении из монастыря²⁸. Мы имеем возможность и сами убедиться в истинности подобных отзывов. Вопреки литературным обычаям своей эпохи Хворостинин в своем труде далек был от авторской скромности и самоунижения. Передавая свою беседу с Гермогеном, он не затруднился его устами сказать себе высокую похвалу²⁹. В сознании своего превосходства над другими русскими людьми Хворостинин не умел уступать им и уживаться с ними. С Хованским он ссорится на службе, с Шаховским – дома. Он ищет другой среды и, познакомясь с польскою цивилизацией при самозванце, стремится к ней и впоследствии читает польские книги, знает с выездом поляком, молится католическим иконам. Раз осмелившись выйти из круга установившихся в Москве понятий, он потом далеко заходит в своем отрицании и начинает скептически относиться даже к частностям общехристианской догмы. Но смелая работа его ума не дает ему твердой нравственной устойчивости. Если его юношеские грехи могут быть извиняемы молодостью, то позднейшее поведение прямо свидетельствует о распущенности его нравов. Слабость к вину составляла главный порок Хворостинина. Патриарх, увещевая его отстать от ереси, прямо говорил ему, что его губило именно “безмерное пьянство”³⁰. Читая

---

²⁷ РИБ. СПб., 1881. Т. 9. С. 499–500. Нет сомнения, что здесь речь идет о людях и вотчинах князя Ивана Андреевича, а не князя Ивана Дмитриевича Хворостинина, умершего в 1612 г. (Историческое Описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. С. 86, примеч.). Среди людей Хворостинина упоминается, очевидно, тот самый Иван Михайлов, который незадолго перед тем привез в Кириллов монастырь царскую грамоту об освобождении своего господина (ААЭ. Т. 3. № 149. С. 216).

²⁸ СГД. Ч. 3. № 90. С. 332.

²⁹ Правда, во введении Хворостинин прибегает к обычному извинению пред читателями в том, что не удержал “своей немощи” и стал повествовать подвиги “великодушных муж”. Но в самом повествовании не заметно сознания этой немощи: автор без стеснения передает, например, такую похвалу Гермогена, обращенную к нему: “Ты *боле всех* потрудишься во учении; ты веси, ты знаеши...” (рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 12 об.).

³⁰ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1563. Л. 122. Патриарх пишет: “Обычай бо есть ему (диаволу. – С.П.) прежде человека воврещи в ростленно житие, еже безмерное пьянство; от него же ражаецца различный

произведение Хворостинина о Смуте, мы убеждаемся и в том, что постоянство взглядов не было его добродетелью. В этом произведении нет и следа тех симпатий и воззрений Хворостинина, которые навлекали на него гонения. Напротив, он является перед нами вполне православным и вполне московским человеком.

Знакомство с личностью автора поможет нам дать должную оценку его труда. “Словеса” Хворостинина весьма любопытны, но не столько фактическими показаниями, – их в произведении немного, – сколько взглядами автора и его личными целями. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что Хворостинин больше всего имел в виду оправдать свое собственное поведение в Смуту, избавиться от обвинений, над ним тяготевших, и заявить о своем правоверии и патриотизме. Но сделать это прямо и открыто он почему-то не желал и постарался придать своему труду характер объективного повествования о достопримечательных личностях его времени. Однако полагаться на эту кажущуюся объективность “Словес” Хворостинина историку невозможно, и при оценке его показаний всегда необходимо обращать внимание на житейские отношения автора. Трудно, например, допустить, чтобы Хворостинин в своих отзывах о Лжедмитрии или Шуйском оставался совершенно свободным от личных своих с ними счетов.

Между тем, все произведение Хворостинина состоит из общих характеристик тех деятелей Смуты, которые были ему известны лично. После вступления, в котором развивается мысль о том, что Русская земля “благочестием всех преодолела”³¹, автор приступает к изображению личности Бориса Годунова. Прежде всего указывает он на заботы Бориса о народе, страдавшем от голода 1601–1603 гг.³². Годунов был тогда очень милосерд: по мнению Хворостинина,

---

блуд, о нем же срам есть не токмо писати, но и глаголати; и оттуду безстрашие и отчаяние; из них же паки ересь и неверие, яже вся збылася на тебе убозем (то есть Хворостинине. – С.П.)”.

³¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 1–3 об. В начале вступления излагается кратко история грехопадения и искупления человечества. Говоря о начале христианства, автор рассказывает о пришествии на Русь апостола Андрея Первозванного словами первоначальной летописи (их Хворостинин мог заимствовать и из какого-нибудь позднейшего извода. Ср.: ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 4; СПб., 1862. Т. 9. С. 3–4). Далее повествуется о просвещении Руси христианством и выясняется главная мысль вступления: “якоже прежде нечестием всех превзыде Руская земля, тако и ныне благочестием всех преодолела”. В конце вступления (л. 3) замечен перерыв смысла, быть может, вследствие пропуска. Автор круто обрывает свое рассуждение и выясняет цели своего труда: по его словам, он желает описать “пастырей наших детели”, подвиги “великодушных муж, и бескровных мучеников, и победоносцев”.

³² Любопытно у Хворостинина описание этого голода: “Страна Руская и преславный град Москва свидетель словесем нашим есть (так начинает князь

стинина, “никто же от преждебывших царей тако сотвори, яко же владыка наш (то есть Борис. – С.П.) над убогими милость яви”. Мало того, что он истощал свои богатства на подаяние голодным, – он с честью хоронил и погибших от голода. “Кто изглаголет человеколюбный его нрав в то время и к нищим благодать?” – восклицает автор и переходит к описанию других добродетелей Бориса: его благочестия и правительственных способностей. Но рядом с ними Хворостинин описывает и дурные качества Бориса, следуя в этом отношении примеру других писателей своего времени³³. Он расходится с ними существенно только в одном: в его общей характеристике Годунова нет обвинения Бориса в убиении Димитрия. Правда, в дальнейшем изложении, упоминая о поругании праха царя Бориса при самозванце, Хворостинин мельком замечает, что это поругание было возмездием злодею, “иже уби сына господина своего, нелепотно глаголя на нь, его же ублажи Христос Бог”. Но в другом месте гибель Годунова он объясняет гневом Божиим не за убийство праведника, а за “высокоумие” Бо-

---

свой рассказ. – С.П.). Внегда нудим бе (то есть град Москва. – С.П.) и растлеваемо богатство, красота и слава оскудеваше, и родоначалие владыческое прииде от земли нашея, – изриновени быша от любве человеколюбия, оскудеша грады, оскудеша люди, не оскуде мерзость и возрасте плод греха, възде дело беззакония и возненавиде друг друга, и умножися в нас подения, и убиена бысть земля наша гладом. И мнози вкусиша от глада лайка, и плотей человеческих, и мертвых телес существа своего, птиц же, и зверей, и рыб, и елико слово подробну сказати не может: коры деревянныя, кореня водное, былие непотребное, и елика таковая и множайша сих, елико ни качеству предати возможно” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 3 об. Ср.: *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 168; *Бычков*. Описание. С. 468).

³³ Вот слова Хвороститина о Борисе: “Аще бо и лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив. Церкви многи возгради и красоту градскую велелипием исполни. Лихоимцы укроти, самолюбных погубив, областем странным страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигант, облечася, и приим славу и честь от царей. И озлоби люди своя, и постави сына на отца и отца на сына. И сотвори вражду в домех их, и ненавидение и лесть в рабех сотвори, и возведе работных на свободных, и уничижи господа на начальствующих (так в списке. – С.П.), и соблазни мир, и введе ненависть, и постави рабов на господ своих. И власти сильных отъят и погуби благородных много, иже нелепо есть днесь простерти слово, да не постигнет нас время повести деюще. С волхвы убо совокупився и бытие дней своих разумети и щитание свое положи в чародеяние, и возвысися зело, и почитание сотвори себе яко Богу, и приношаше ему и восписовашеся, паче Творца тварь почтеся”. Об образовании Бориса Хворостинин говорит почти то же, что Тимофеев: “Аще и не научен сый писаниям и вещем книжным, но природное свойство целоносно имея” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 4–4 об.). В этой характеристике мало найдем новых черт в сравнении с отзывами о Борисе Палицына, Тимофеева и автора Хронографа 1617 г. Быть может, Хворостинин знал некоторые из этих отзывов. Но в таком случае не лишено значения и то, что он с ними согласился.

риса. Смирная гордость Бориса, Господь “укроти высокоумие его и уби землю его кровми и умали дни времени его”. Скоропостижная кончина Бориса не позволила даже причастить умирающего и обряд пострижения совершили уже над мертвым, как сообщает наш автор³⁴.

Отзыв Хворостинина о наследнике Бориса крайне лестен: “Благородный светлейший юноша, образом же и саном и словесем и отеческим наказанием и книжным почитанием искусен быв”, – такими словами описан царь Феодор Борисович у Хворостинина³⁵. Его несчастная судьба вызывает живейшее сожаление автора. По его словам, зловещие знамения уже заранее указывали на то, что Годуновы обречены были на гибель³⁶. И действительно, неповинный Федор как бы понес наказание за грехи отца: он был свергнут с престола, и его смерть казалась необходимою для самозванца, “да не будет крамола в людех”. О том, как убили Феодора, автор сообщает со слов одного из участников злодейства³⁷.

Хворостинин не щадит в своих отзывах того ложного царя Дмитрия, который приблизил его к себе и осыпал милостями. “И сяде, – говорит он, – пес смрадный на престол, а не царь, но законопреступник и хульник иноческого жития”³⁸. О похождениях

---

³⁴ Хворостинин говорит о Борисе: “Не сподобися... тела и крови... Христа Бога нашего во оставление грехов. Но мертва суца постническим образом почетша и черноризца славы иноческого жития безразсудне показати по смерти изволиша” (Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.IV.172, л. 4 об.). Официальные грамоты действительно извещали о пострижении Бориса (СГГД. Ч. 2. № 83; ААЭ. Т. 2. № 31, 32). И Новый летописец сообщает о том же: “едва успе поновитися и постричься” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 64; Летопись о мятежах. С. 86; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 66. См. также: Сказания Массы и Геркмана... С. 136).

³⁵ Изборник. С. 191–192, 313–314 [РИБ. Т. 13. Стб. 1288–1290, 621, 709].

³⁶ “Во времена же его, – пишет Хворостинин о Феодоре, – и пред смертию отца его быша знамения многа комитного указания: овогда копейным образом; овогда две луны, и едина едину побораше; овогда на царственном дворе его в нощи коегождо часа от храма боголепного Преображения Спасова и от двора его исхождаше свет, взимаешся на высоту. И тако разумехом, яко присещение Божие отъяся от них, и власть милости Божия отъиде от дому их” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172, л. 5). О знамениях того времени есть и другие указания (*Бычков*. Описание. С. 468; *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 191; Сказания современников о Димитрии самозванце. Ч. 1. С. 38; Сказания Массы и Геркмана... С. 85).

³⁷ Когда посланные от самозванца думали, как погубить Федора и мать его, тогда, по словам Хворостинина, “един злосоветник зол прииде, якоже сам сказа мне сие, и совеща посланным совет зол: да полют тамо воины, имуща ужа, и подавят их, да не будет крамола в людех” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 5 об.; ср. Новый летописец в Никоновской летописи: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 69–70).

³⁸ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 6 об.

Расстриги автор не рассказывает³⁹, но не один раз повторяет, что все русские люди уверовали в самозванца и с радостью приняли его: “святительский чин и ерейский собор с сущими жители благолепно почтоша беззаконнаго со святыми иконами, псалмы и песньми духовными ублажиша его все роды града того (Москвы. – С.П.) и вся страна преклонися к похвалению того”. Указывая на то, что заблуждение относительно личности самозванца было всеобщим, Хворостинин тем самым косвенно оправдывал свое личное служение Лжедмитрию. Кажется, с такою же целью личного оправдания приводит он и следующий рассказ, не вполне вразумительный: Лжедмитрий построил себе “храмины в свое юношеское бытие”⁴⁰, и стал неумеренно хвастаться своим сооружением. При этом самовосхвалении присутствовал “юноша некий, иже ему (то есть самозванцу. – С.П.) любим бе и печашеся присно о его спасении” (по частностям дальнейшего изложения можно думать, что это был сам Хворостинин). Юноша бесстрашно выступил с обличением против самозванца и сравнил его с Михаилом, царем греческим, который “конскую хранительницу устрой” и за это был пристыжен “магистром неким”. “Тако же и ты хвалишися, о царю, блуднические храмы златом довольно украсив; в память вечнаго устройства сие мниши, а не Содетелю имея хвалу”, – говорил юноша Лжедмитрию и указывал ему на то, что Бог всегда смирял нечистивую гордыню. Самозванец не исправился, но и не наказал смелого юношу⁴¹, несмотря на то, что

---

³⁹ Он говорит только: “И воста законопреступник и уклони окрестных сердца ходити во след свой, прелсти несмысленных, благочестивых же страхом укроти. И тако многим бедством неукротимый зверь инок Григорий царским именем облече себе и беззаконною заповедью мучительскою всех людей поколеба, и смятошася от ополчения его все; даже и до царствующего града достиже”. О личности самозванца автор замечает: “мерзость запустения в сердце имея и острою смысла, учением книжным себе давно искусив” (Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.IV.172, л. 5, 6 об.).

⁴⁰ Вероятно, дворец, описанный Массою (Сказания Массы и Геркмана... С. 165–166 и примеч. 257 и 258).

⁴¹ Приведа из библейской истории примеры того, как Господь смирял гордых, юноша закончил свою речь самозванцу словами: «сие убо ведая, бойся непотребия творити. И егда слышав он (продолжает Хворостинин о самозванце. – С.П.), яко стрелю сердце свое словесы оными пронзе, некако сокровенно *рече ми*: “И ты ли злая помыслил еси на мя? Остави свое правление моему любочестию”. Он же рече: “Никако же, о царю, еже к тебе благосердия отрекохся, не точию zde в изобилии живуще у тебе, но и при смерти никакожде же отторгнулся бы от тебе. Аз, владыко мой, от прирожденья своего имех нрав, еже царя чтити и еже к нему благодаразумия имети. Не небрегох твоего спасения, понеже и мнози на твою державу подвигшася, з Богом рещи свою бодрость о твоём спасении делесы показом, тем же и любочестия от твоея десницы прияти надеяся. Зело опасно мыслих о твоём спасении и ничто же лукаво и тебе и на тя помыслих,

царствовал, “мыслию же и тщанием много возвысився и самодержавие выше человеческих обычаев устроая и крови проливая”.

Для характеристики самозванца в произведении Хворостинина не находим ничего более. Мало говорит наш автор и о патриархе Игнатии, которого называет “врагом Богу и человеком”⁴². О других же лицах, близких к самозванцу, не найдем и простого упоминания. Хворостинин гораздо обстоятельнее говорит о времени Шуйского, которое он провел в ссылке, чем о времени самозванца, когда он играл роль при дворе.

Шуйского Хворостинин не любит. О его царствовании говорит он, что “во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе, и всяко любочестие пресякну”. Шуйский неправедно завладел престолом, самовольно дал на себя клятву народу “и преступи клятву свою”. Поэтому и подданные нарушили данную ему присягу и восстали против него. “Юношеским обуяся житием”, царь Василий не имел силы укротить мятежи, много скорбел, прибегал к чародейству и верил клеветникам, пока недовольный им народ не лишил его царства⁴³. Но в то время, когда власть принадлежа-

---

но здраву совесть помышления своего имех к тебе, и прави пути словес своих мноу, и паче всего своего спасения хошу зрети твое здравие. Но не воздам тебе чести, царю человеку сушу, паче славы Божия; от милости же твоей, самодержда, никое зло отторгнути мя может от тебе, развее повержения христианского закона. Око всевидящее Божие зрением богоначалиа весть, како к вашему величеству безлестием имех смысл”. И тако прекратив слово. Ничто же страхованием претив *ми*, руку на уста положи, охаяя ея от мене в нечеловечных коварствах» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 7 об.). В этом диалоге юноши с самозванцем (если только его текст точно сохранился в списке) Хворостинин употребляет местоимение первого лица – *ми*, *мене*, говоря о юноше-обличителе. Это дает полное основание думать, что обличителем был он сам. Повествуя подробно о ссоре своей со Лжедмитрием и представляя свою близость к нему более благовидною, чем она была на деле, автор, конечно, писал в видах личного оправдания.

⁴² По словам автора, Игнатий “ничто же сам божественное творити на выче, – железом святительским и пастырским сановники украшает” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 8). В этом можно видеть намек на поставление Филарета Никитича в митрополиты Ростовские. Официально признавалось в XVII в., что Филарет был послан в Ростов Гермогеном (ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 76. С. 196), но еще до поставления Гермогена в патриархи Филарет, в сане митрополита, открывал мощи царевича Димитрия (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110; Рукопись Филарета // Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 267, и отдельно: СПб., 1837. С. 5) а Хронограф 1617 года прямо свидетельствует, что на Ростовскую кафедру он был поставлен при самозванце (Изборник. С. 194) [РИБ. Т. 13. Стб. 1294. См. также: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. Глава 4. § 1].

⁴³ Приводим некоторые места о царе Василии: “По падении же сего (то есть самозванца. – *С.П.*), иже смерти ходатай, дукс Василей ульсти люди бла-

ла недостойному ея Шуйскому, патриарший престол “добре украсил” собою патриарх Гермоген. Гермоген – главный герой повести Хворостинина: автор расточает ему самые лестные похвалы, называет его даже “праведником, мучеником и страдальцем Христовым”⁴⁴. Вопреки категорическому показанию Хронографа 1617 г.⁴⁵, Хворостинин утверждает, что Гермоген являлся постоянным доброжелателем и союзником Шуйского: “много пользовался его от своего искусства и невозможности, многи убо беды приим от всех человек его ради”⁴⁶. Свидетелем этих бед был сам автор: он

гословенным сана смирением и свое хотение в них покладая, да его сотворят царя; якоже и бысть. Поттицает бо и подседает друг своих и лукавыми беседами и тщетными прибытки, и хотению своему ласканием превозводя, обеты им всячески творити благоготовляшеся; яко же и сродницы его, тако же и он от бытия начала своего под всеми деспоты своими взыскати начальство их желая, и многообразное помышляя господем своим мысль выну; искони бе властолюбцы, а не боголюбцы. И тако прият Василий хоругви царьския многими своими труды, злыя и лестныя своя изменныя поты отрещи”... “В церковь соборную Божия Матери вшед, безстрастием дерзновения исполнився, и не положи Бога пред собою по писанному, но взем... святыи покланяемый крест, рече самодержец, новоизбранный царь, людем благодарения творяше, лукаво крест лобза, клятву сим на ся возда... О беда! о скорбь! единого ради малаго времени жития сего светом лютится царь и клятву возводит на главу свою, никто же от человек того от него требуя, но самовольно клятве издався. О властолюбец сый, а не боголюбец!” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 8 об.–9). Когда земля восстала на Шуйского, “царь же Василий в тузе и скорби быв, утвержашеся и противляшеся на них... и никако же истинно Богу притече. Юношеским обуяся житием и подвиги, аще и стар бе, но обьюроде от многого сетования: овогда Бога помощника себе творя, овогда же с чародеи бытие свое позная, и гаданием суетным и безвестным вдаше себе, якоже внаучен бысть гаданию” (л. 9 об.). “Сей убо присноглаголемый владыка и царь наш неверствием от многого сетования объят бысть, и в буйство преложися, и праведное существо изменив, ложная шептания во уши своя от неискусных приемля, на свое достояние подвижеся, и свои люди оскорби, злосердием творя. Никако же о сих не преста, внимаючи духовом лестьчим и учением бесовским входящих к нему, веруя их блядословию, и во истину вменяше и оскорбляя православных... И в пятое лето державы его исполнились лютостною ревностью люди на нь, на братию его, от бояр же и до простых людей подвижеся, подстрекая и подтицая малоумных и страха Божия не имущих... не бояшеся крестныя клятвы, завистию и гневом отлучаше от престола его” (л. 10).

⁴⁴ Между прочим, Хворостинин дает такой отзыв о патриархе: “Бе бо ученик и книжному любомудрию искусен; каноны и жития святых написа и церкви отца; добрый кормчий, добре управляя Христов корабль” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 13). О творениях Гермогена см.: *Строев. Словарь*. С. 62.

⁴⁵ Изборник. С. 201 [РИБ. Т. 13. Стб. 1310–1312].

⁴⁶ В чем заключались эти беды, Хворостинин не объясняет удовлетворительно; он только говорит, что люди до того ополчились на патриарха, “яко же некогда влачити его неискусно и поверзати праведника” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 10 об.).

говорит, что лично видел “пастыря, поражена своими козлищи”, но не мог помочь Гермогену⁴⁷.

Когда же Шуйский был свержен и некоторые бояре (“инии от славных наших”, как выражается автор) начали говорить об избрании Владислава, Гермоген стал против них. Он толковал народу, что избрание иноверца не принесет пользы Руси, и при этом “слезами же святитель лице, ризи же и браду мочаше”. Но не помогли никакие убеждения: москвичи “по многих прекословиях сложишась в совокупление едино со странными” и избрали Владислава. Царя же Василия решено было постричь в монахи “по нужде: да не приложатся к нему единомысленники его, да не сотворят крамолы в людех и да не лъстятся к тому народы”. Гермоген не признавал такой нужды. “Несть достоин иночеству”, – говорил он о Василии: “совлеку его от риз и от иночества”. Он, напротив, грозил постричь тех лиц, которые решились говорить за Василия монашеские обеты, “отрицатися вин мирскаго жития за чужее спасение”⁴⁸. Видя такое настроение Гермогена, москвичи отдали Василия полякам, а затем допустили врагов занять Москву; поляки же стали притеснять русских людей и обманывать их.

В таком положении были дела, когда на патриарха взвели клевету, будто он вооружает русских людей на поляков. Гермоген оправдывался перед народом и утверждал, что он ни к чему, кроме молитвы, не призывал свою паству. Но вместе с тем он твердо отказывался признать Владислава царем, пока Владислав не примет православия. Узнав об этом, приверженцы Сигизмунда стали

---

⁴⁷ “Видех убо и аз неистовствующих на его величество, и распалахся мыслию своею и душею болех его ради. Виде бо пастыря поражена своими козлищи, и вместо волков избодая и уязвляя своего владыку. Аще и болши всех подъят от него гонение и грабление, в тиранстве живуще под властию его, но ничто же лукавню на нь помыслих; но боле всех о нем имея скорбь и тшахся ко спасению его и не можаше, зане гневом его бых ни во что же. Но истинное свое и благочестное исправление ему отдах, якоже и ко врагом его многим (не) прилепитися любимым и славным его, призываху же мя, обогащение многотысящное обещаваше ми, нещуща мира (быть может: ми не. – С.П.) разумети креста Христова клятву, юности моя ради, и тем упразднити душу мою хотя. В житии сем ничто же стяжа(х), развею Христа Иисуса в мертвенем теле своем приобрести, да от многих содеянных мя зол свободит и вся яже на мя лютыя совети разорит, яко да оправдаюся в словесех и похожду я” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 10 об.–11) [См. *Примечание 13*]. У нас нет данных истолковать сделанные здесь автобиографические намеки, но мы можем воспользоваться одним из них: желание Хворостинина “оправдаться в словесех” едва ли не объясняет настоящей причины появления его труда.

⁴⁸ Ср. Новый летописец (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 140; Летопись о мятежах... С. 188; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 120).

теснить Гермогена и прогонять от него народ⁴⁹. Патриарх не терял мужества и стоял на своем, противясь желаниям короля; тогда его заточили в Чудов монастырь и “опечалиша его кормлею и питием”⁵⁰. При таких условиях деятельность святителя не могла принести всех своих плодов. Русские люди стали в полную зависимость от поляков, владевших Москвою. “Не имехом надежды ни единые и мнози чести от иновернаго приемши царя”, – гово-

---

⁴⁹ Хворостинин был очевидцем беседы Гермогена с народом: «Ту прилучившуся и мне, паче же всех ко мне рече (Гермоген. – *С.П.*) и пред всеми мя обья со слезами: “Ты более всех потрудишя во учении, ты веси, ты знаеши (так говорил патриарх. – *С.П.*) ...Рекоша бо на мя враждотворцы наши, яко аз оставлю вои и вооружаю ополчение страннаго сего и не единовернаго воинства, иже преступив клятву, обладая нами чрез словеса своя. И аз никак такова глаголя вам когда, вы бо есте словесем моим свидетели. И едино имех вам речение: облещытеся во оружие Божие, в пост и в молитвы... и поможет нам Господь Бог... А его же нарекше царем, аще не будет единоголасен веры нашей, несть нам царь сый; но верен – да будет нам владыко и царь”. И тако слышавше, елицы беша воини и елицы властодержцы, възъяришася на архиереа и грядущих ко благословению его отревати повеле, не послушающих совета их кознем многочисным и расточению предавати указа» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 12 об.). Речь Гермогена в передаче Хворостинина весьма напоминает те рассказы о патриархе и его речах, которые рассмотрены были нами выше (во II главе). Хворостинин не сообщает, когда именно слышал он речь патриарха. Так как, по словам автора, после этой речи Гермогена стали притеснять, то является основание думать, что Хворостинин рассказывает о событиях конца ноября или начала декабря 1610 г. (СГГД. Ч. 2. № 224 и 228).

⁵⁰ Повествуя о Гермогене, Хворостинин впадает в хронологические неточности. После рассказа о притеснениях, постигших патриарха, он говорит об отправлении великого посольства к королю и представляет дело так, как будто бы митрополит Филарет был отправлен одним Гермогеном с целью противодействовать изменникам и королевским слугам и требовать обращения Владислава в православие. Нет надобности доказывать, насколько неточно такое изображение событий: известно, что посольство не было делом одного Гермогена и уехало из Москвы ранее, чем патриарх мог узнать о двуличном поведении короля. Заговорив о посольстве, Хворостинин кратко описывает осаду и падение Смоленска, торжество поляков над Русью и несчастный исход посольства. Все эти частности введены в его повествование для более полного освещения деятельности Гермогена и сами по себе представляют мало любопытного. Приведем только одно место о судьбе посольства к Сигизмунду. «Посланных же преждевспомянутый король Жигимонт и его единомысленнии советници ни во что же вменив, едино рече им: “Не блазнитесь ничим! Вся руки наша обдержати имать и владыка наш владети имать. Се превышний град ваш Москва со владу(щи)ми вашими ко владыце нашему взирают и восписуют, славы и чести приемлют; вы же иная мудрствуете!” И тако сухих со преосвященным митрополитом (то есть Филаретом. – *С.П.*) и со земским послом (то есть Голицыным. – *С.П.*) при сем священнический и иноческий чин и воинский сан возврати (то есть Сигизмунд. – *С.П.*) вспять, и посланных немного главнейших взя, во свою страну отведе и заточи во своих градех» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 13 об.).

рит Хворостинин. И нельзя было москвичам бороться со врагами: “боляре страха ради, инии же корысти ради, сложишася с ними и воинстии полки наша из града изыти повелеша”. После этого они сожгли Москву: “во врага место со иноплеменники свои быша, и пожигая и погубляя нас”. В этих тяжелых обстоятельствах умер патриарх Гермоген “по многом страдании и тесноте”.

Хворостинин не останавливается на истории освобождения Руси от поляков. Продолжая свою речь о Гермогене, он прямо переходит от рассказа о смерти патриарха к тем личным впечатлениям, какие он пережил по освобождении Москвы. Когда русские люди после взятия Кремля вошли в соборную церковь Богоматери (с ними был и сам автор, как можно судить по его изложению), то не нашли уже там патриарха. Им казалось, что они слышат плач самой церкви по доблестном пастыре⁵¹, и они “таковая аки от церкви изречение прием, страдальца и исповедника похвалиша”. Из собора автор отправился в Чудов монастырь и молился там у гроба Гермогена⁵². Однако при всем благоговении Хворостинина к покойному святителю, его немало смущали, как он сам сознается, неблагоприятные толки о деятельности Гермогена в Смуту. Некоторые утверждали, что Гермоген поднимал народ на борьбу с врагами, и что потому именно пролилось много крови на Руси⁵³. Хворостинин был убежден, что “не достоин духовну человеку сущу дерзати на кровопролитие поучением”. Кроме того, как выше мы

---

⁵¹ Автор выражается так: «По многих искушениях град свой обретше, в соборную церковь Божия Матери со благохвалением внидоша... пастыря не обретши, аки глаголение во уши *наши* слышати: “Се красота моя отьяся и завеса моя раздрася еретическим хулением”» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 14). Не выписываем самого плача: он не представляет ничего любопытного.

⁵² Рассказ автора о посещении Чудова монастыря очень жив: «Монастыря достигше, хвалу Божию архангелу Михаилу воздахом, чудесем его удивившася и великаго святителя Алексея чудотворца прославиша ту. О мучнике и страдальце Христове патриархе Гермогене, мало числом братии обретши, вопросихом сицевыми глаголы: “Где положисте от еретик пострадавшего Христа ради нашего учителя? Рцыте нам”... И тако достигше, хваление благодушно страданию принесше, глаголаше бо: “Учителю святыи! Не прогневайся на нас, не слушающих словес твоих и клятву самовольне возложше, но прости наша вины и очисти наша беззакония, ...помози убо и моему недостоинству!” Поклонюся гробу его, и многаго ради ко мне любления плакахся у гроба его зело, яко сподобися венценосец Христов быти во дни наша последняя» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 14 об.–15).

⁵³ “Вспомнях и уранихся мыслию, – говорит автор, – яко же слышахом: етери глаголюще, яко соблазн и смущение патриарх той сотворил есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами. Изсечени быша от них, и крови пролияшася велицы от его учительства. И от Резани и Северы воставил воя, и писанием подошря» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 15).

видели, патриарх при нем самом отвергал подобное обвинение, как клевету. Не зная, как решить свое сомнение, автор, будучи воеводой на Рязани, обратился за разъяснением к архиепископу Феодориту⁵⁴. В каком смысле ответил ему Феодорит, не знаем: единственный список повествования Хворостинина обрывается на полуслове при описании беседы автора с архиереем⁵⁵.

Таково содержание “Словес” князя Хворостинина. Личность автора играет в них не последнюю роль. Хворостинин выступает в них, как обличитель самозванца, не боявшийся говорить ему правду в глаза. Хворостинина хвалит патриарх Гермоген как человека, изучившего книжную мудрость; в дружбе с Хворостининым находится и другой московский иерарх – Феодорит; Хворостинин участвует в освобождении Москвы от поляков, стало быть, является врагом, а не другом еретиков-иноземцев. Все эти показания не случайно, конечно, сделаны автором, а подобраны им с явной целью – восстановить свою репутацию, подорванную тяжелыми обвинениями уже при Шуйском. К той же цели направлено и вступление в “Словеса”: доказывая в них, что благочестием Русская земля превзошла все другие страны, автор тем самым свидетельствовал, что не сочувствует никакому иноземному еретичеству. Так обнаруживается субъективная подкладка повествования Хворостинина. Зная ее, мы с осторожностью должны относиться к показаниям автора: они не всегда прямодушны и простодушны.

Когда же Хворостинин писал свое произведение? На основании текста “Словес” на этот вопрос нельзя ответить точно. Хворостинин упоминает в тексте о своей службе на Рязани⁵⁶. Стало быть, “Словеса” его писаны после этой службы. Как показано выше, рязанским воеводой Хворостинин был в 1618 и начале 1619 г., умер же он в 1625 г. В последние шесть лет своей жизни

---

⁵⁴ Феодорит был архимандритом и архиепископом в Рязани в 1604–1617 гг. (*Строев*. Списки. Стб. 415 и 419).

⁵⁵ Приводим окончание списка: «Во градех Резанских стратилатствующу ми довольно, – пишет Хворостинин, – тамо архиерея имея сообщника любви моея Феодорита, суща добре украшающа престол Божия Матере честнаго и славнаго Ея Успения по преданному его уставу. Вопрошающу ми его о списании патриаршеском: “Како нальсти народы и ополчение ваше к своей погибели подъят?” Он же сей, духовныя ради любве, в нутреннюю храмину поиде, и епистолию самыя патриаршеския руки вдасть ми, имуще образ писания сицев: “О Христе возлюбленный брате наш и сослужителю нашего сми...”» (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 15–15 об.). Рукопись прерывается в начале страницы; список, очевидно, не был дописан.

⁵⁶ “Во градех Резанских стратилатствующу ми довольно”, – говорит он (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 15).

он пережил очень много: впал в еретичество, жил под началом в монастыре, раскаялся и даже принял схиму. Понятно, что он не мог писать свои “Словеса” и в них по доброй воле заявлять о своем правоверии и патриотизме в то время, когда его мучили сомнения в вере и разочарование в московском народе. По такому соображению, нельзя относить произведение Хворостинина к 1621–1622 гг., когда автор не скрывал своих еретических взглядов. Он писал или вскоре по возвращении с рязанской службы, когда его в Москве встретили с приветом и наградой (1619 г.), или же в самом конце своей жизни, когда он принес покаяние в своей ереси (1624 г.)⁵⁷.

По нашему предположению, “Словеса” написаны были раньше дела о ереси Хворостинина. Уличенный в еретичестве книжниками его “слога”, взятыми “на письме”, Хворостинин не мог надеяться, что оправдает свое прошлое в глазах государя и патриарха путем литературного самовосхваления. Какое значение могли иметь разбираемые нами “Словеса”, когда великие государи знали, что у Хворостинина при обыске взяты “иные многия укоризненные слова, писаны на вирше” против православных москвичей?⁵⁸ Напротив, в 1619 г. у Хворостинина могла явиться мысль о необходимости самооправдания. В этом году возвратился из Польши Филарет Никитич и стал патриархом. О “владельческом” и “опальчивом” его характере в Москве, конечно, знали, и Хворостинин мог опасаться гонений от него за свое прошлое⁵⁹. Явиться в глазах Филарета православным человеком и патриотом было для него весьма важно. Нет ничего невозможного в том, что Хворостинин избрал для этого литературный путь⁶⁰.

Обращаемся теперь к произведению о Смуте князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. Оно до последнего времени было известно под именем Хронографа Сергея Ку-

---

⁵⁷ Не думаем, чтобы Хворостинин мог писать в монастыре в 1623 г.: патриарх запрещал ему иметь книги, кроме церковных, “без которых быти не lze”, и предписывал наблюдать за его перепиской (ААЭ. Т. 2. № 147).

⁵⁸ СГГД. Ч. 3. № 90. С. 332.

⁵⁹ Вспомним отзывы о Филарете его современников: Изборник. С. 316; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 245.

⁶⁰ Хворостинин в своих “Словесах” упоминает о Филарете как о ростовском митрополите, но не называет его ни разу патриархом (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.172. Л. 13–13 об.). Это дает повод думать, что Хворостинин писал в первой половине 1619 г. до поставления Филарета на патриаршество. Сказание его, как мы видели, дошло до нас с пропусками и неоконченным, в единственном списке, принадлежавшем “дому” патриарха Адриана. Это наводит на мысль, не была ли неоконченная рукопись Хворостинина конфискована вместе с его еретическими писаниями и не хранилась ли она в патриаршем архиве, где и был сделан список для патриарха Адриана?

басова. А.Н. Попов, исследовавший состав этого Хронографа⁶¹, заметил, что “материал свой Кубасов расположил оригинальным образом, строго отделив общеисторическую часть от русских статей”. Эта общеисторическая часть, по авторитетному свидетельству А.Н. Попова, является простою переделкой первой редакции Хронографа. За нею следуют русские статьи о событиях до царствования Грозного. Они составлены по тому же Хронографу и по летописям и не представляют исторического интереса. Зато “несомненное историческое значение” имеет, по отзыву Попова, третья часть Хронографа, – те “статьи” об Иоанне Грозном и о Смуте, которыми заканчивается труд Кубасова. Эта последняя заключительная часть, составленная в 7134 (1626) г., как значится в ее заглавии, помещена в Хронографе под отдельным названием “Повести”, и стихотворное послесловие, за ней следующее, относится только к ней, а не ко всему Хронографу⁶².

Для нас нет необходимости вдаваться в исследование всего Хронографа, уже рассмотренного А.Н. Поповым, и мы остановимся лишь на его заключительной Повести о Смуте. Несмотря на то, что эта Повесть ничем не связана с прочими частями того компилятивного сборника, в котором встречается, – А.Н. Попов приписывал и Повесть, и самый Хронограф одному автору – “тобольскому сыну боярскому Сергею Кубасову”. В этом он следо-

---

⁶¹ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 231–236. А.Н. Попов думал, что “списки сочинения Кубасова составляют в настоящее время большую редкость”. Кроме погибшего (как полагает А.Н. Попов) демидовского экземпляра, описанного в “Русских достопамятностях” (М., 1815. Ч. 1. С. 170–175), А.Н. Попов знал всего два списка: один из них принадлежал самому исследователю, другой – Д.В. Пискареву; в настоящее время оба эти списка находятся в Московском Публичном и Румянцевском музеях [первого мы там не нашли]. Мы можем указать и другие списки: 1) Библиотеки имп. Академии наук, № 153, в лист, XVII в., скорописью, 164 л.; эта рукопись была известна под названием Едомского летописца П.М. Строеву и Я.И. Бередникову (Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Т. 1. С. 9–10; *Строев*. Словарь. С. 290); 2) Библиотеки Археографической комиссии, № 143, в лист, XVII в., скорописью, 578 л. (*Барсуков Н.П.* Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С. 84–86); 3) Библиотеки имп. Общества любителей древней письменности, F.VI, в лист, XVII в., скорописью; 4) Библиотеки графа А.С. Уварова, из собрания И.Н. Царского, № 412, в 4 долю, XVII в., 237 л. (Рукописи славянские и российские, принадлежащие И.Н. Царскому / Разобраны и описаны П.М. Строевым. М., 1848. С. 501). Уже беглое сличение списков показывает большие различия текстов. Важнейшие из этих различий в заключительной части Хронографа будут указаны ниже.

⁶² В полном своем виде эта Повесть напечатана: Изборник. С. 283–315; Русские Достопамятности. Ч. 1. С. 171–175 (отрывками); *Распачин*. Сказание. С. 25–52 [РИБ. Т. 13. Стб. 559–624, 625–712 (Повесть издана в двух редакциях)].

вал ранее установившемуся мнению⁶³. Но почтенный исследователь не обратил внимания на одно обстоятельство: уже в 1834 г. в печати было высказано сомнение в том, чтобы Кубасов мог составить эту Повесть и следующее за нею “Написание вкратце о царех московских”. П.М. Строев называл Кубасова “мнимым автором” и приписывал последнюю часть его труда сперва князю Ивану Хворостинину, затем князю С.И. Шаховскому⁶⁴. Хотя Строев ничем не доказывал своих догадок, однако основания их ясны. В тех виршах, которыми заключается в Хронографе Повесть о Смуте, имеются кое-какие данные об авторе этой Повести. На них-то и остановил свое внимание знаменитый археограф; эти данные позволили ему отвергнуть принадлежность Повести Кубасову, но они же ввели его и в заблуждение относительно настоящего ее автора. Для того, чтобы освоиться с этими данными, необходимо ознакомиться с некоторыми частностями и мелочами текста разбираемого памятника.

Прежде всего необходимо заметить, что Повесть о Смуте, приписанная к Кубасовскому хронографу, есть совершенно самостоятельное и цельное литературное произведение. Об этом не может быть и спора; особое заглавие и послесловие, оригинальный слог Повести убеждают нас в этом вполне. Не лишен значения и тот факт, что Повесть сохранилась до нас и в отдельном списке, без прочих частей Хронографа и без приписки о “трудах и тщании” Кубасова⁶⁵. Сличая между собою текст различных списков Повести, легко замечаем, что они разделяются на два извода. Один из них может быть назван первоначальным, другой – позднейшим и видоизмененным. Отличия их, наиболее заметные, таковы: первоначальный извод носит название “Повести”, позднейший – “Хроники”⁶⁶; в первоначальном изводе нет деления на главы, в поздней-

---

⁶³ Это мнение, впервые высказанное в “Русских достопамятностях” (Ч. 1. С. 170–172), основывалось на следующем: в некоторых списках Хронографа в самом конце находятся слова: “Труды же и тщание многогрешнаго раба тобольскаго сына боярскаго Сергия Кубасова”.

⁶⁴ *Строев П.М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения // ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. II. § 150. С. 173. § 167. С. 175; *Он же.* Рукописи И.Н. Царского. С. 501; *Строев.* Словарь. С. 289. Я.И. Беренников разделял мнение Строева о принадлежности последних статей Кубасовского хронографа Хворостинину или же Шаховскому; это видно из его отметок на одном списке Хронографа (Рукопись имп. Академии наук. № 153. Л. 164; Протоколы заседаний Археографической комиссии. Т. 1. С. 9–10).

⁶⁵ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.IV.154, в 4 долю, XVII в., 30 л., скорописью. Отрывок этого весьма хорошего списка напечатан был графом Растопчинным (*Растопчин.* Сказания. С. 25–52).

⁶⁶ Первое заглавие: “Повесть книги сея от прежних лет” и т.д. целиком приведено А.Н. Поповым (*Попов.* Обзор. Вып. 2. С. 235; *Изборник.* С. 283; см. также:

шем введено деление, иногда весьма дробное⁶⁷; в первоначальном изводе находится похвала князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, в позднейшем – она пропущена⁶⁸. В связи с этим последним различием находится и различное чтение виршей, заключающих Повесть. В первоначальных виршах читаем: “Есть же книги сей слагатай сын предиреченнаго князя Михаила роду Ростовскаго сходатай”. В позднейшей же переделке вирши читаются так: “Есть же книги сея слагатай рода Ярославскаго исходатай”⁶⁹.

Знакомство с первоначальным текстом Повести позволяет открыть настоящего ее автора: это князь Иван Михайлович Катырев-

---

Отчет имп. Публичной библиотеки за 1862 г. СПб., 1863. С. 52–53) [РИБ. Т. 13. Стб. 559–560]. Это заглавие имеют два списка: список, принадлежавший А.Н. Попову, по которому Повесть издана в его Изборнике, и список имп. Публичной библиотеки, Q.IV.154. Что заглавие “Повесть книги сея” было первоначальным, указывают вирши в конце Повести, в которых произведение названо также *книгою*: “изложена бысть сия летописная книга” (Изборник. С. 310). Другое заглавие: “Кроника, сиречь Летописец, от великаго князя Василия Ивановича начало прия(х)” и т.д. целиком читается у П.М. Строева (Рукописи И.Н. Царского. С. 501) и у Н.П. Барсукова (Рукописи Археографической комиссии. С. 85) [РИБ. Т. 13. Стб. 625–626]. Это заглавие находится во всех прочих списках, кроме двух указанных выше, и уже не заключает в себе слов первоначального заглавия: “Написана бысть сия книга в лето 7134 июля в 28 день”. В наших глазах уничтожение этой даты – признак позднейшей переделки.

⁶⁷ Для примера укажем, что первые строки Повести, до воцарения Федора Иоанновича, занимающие всего одну страницу Изборника (С. 283–284), разбиты на пять глав [РИБ. Т. 13. Стб. 625–630]. Для того, чтобы придать той или другой главе литературную цельность, позднейший исправитель Повести вводил два-три лишних слова или хронологическую дату. Но эти вводные слова не всегда правильно слиты с изложением Повести, а хронологические показания обнаруживают иногда невежество исправителя. Так, в начале Повести, при известии о кончине отца Иоанна Грозного, великого князя Василия Ивановича, вставлен вместо 7042 (1533-го) 6970 (1462) г., в который умер великий князь Василий Васильевич Темный (Рукопись Археографической комиссии, № 143, л. 536) [РИБ. Т. 13. Стб. 627]. Не разделенными на главы являются именно те два списка (А.Н. Попова и имп. Публичной библиотеки), в которых сохранилось и первоначальное заглавие.

⁶⁸ В списках А.Н. Попова и имп. Публичной библиотеки находится эта похвала (Изборник. С. 291; *Расстончин*. Сказания. С. 41–42, от слов: “...сих же помилова. А болшие бояре и воеводы...” до слов: “А другие же бояре и воеводы измненницы и крестопреступницы, и кровоначальники царствующаго града Московы боярин князь Василей Васильевич...” [РИБ. Т. 13. Стб. 576]. В других списках все это место опущено и чтение таково: “... и сих помилова. И паки другия начальницы и воеводы князь Василей Васильевич Голицын...” (рукопись имп. Академии наук, № 153, л. 134; рукопись Археографической комиссии, № 143, л. 547) [РИБ. Т. 13. Стб. 649].

⁶⁹ Первое чтение виршей приведено в Изборнике Попова (Изборник. С. 314–315), второе – в “Русских достопамятностях” (Ч. 1. С. 171). [См.: *Васенко П.Г.* О редакциях Повести князя И.М. Катырева-Ростовского // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1900. Т. 11, вып. 1, 2].

Ростовский, единственный сын прославленного в Повести князя Михаила Петровича и последний представитель рода Катыревых⁷⁰. П.М. Строев не имел возможности указать на него потому, что знал только измененный текст Повести, в котором автором назывался исходатай не ростовского, а ярославского княжеского рода⁷¹. Из многочисленных князей Ярославских были известны Строеву как писатели И.А. Хворостинин и С.И. Шаховской; хотя Строев видел их действительные произведения о Смуте, но никому, кроме них, не рискнул приписать и Повесть Катырева. Так произошла одна его ошибка. Но он допустил и другую погрешность, считая Кубасова только “переписчиком” того экземпляра Хронографа, который был описан К.Ф. Калайдовичем в “Русских достопамятностях”. Свое мнение он основывал, конечно, на том, что далеко не все списки Хронографа имеют приписку Кубасова⁷². Но эта приписка находится в экземплярах и первоначального, и позднейшего изводов⁷³, притом же содержание ее не дает права ограничивать роль Кубасова одним трудом переписчика. Ближе к истине будет предположение, что Сергей Иевлев Кубасов был автором компилятивного Хронографа, в который он включил и Повесть Катырева без всяких изменений. Переделки же, как в Повесть, так и в другие части Хронографа Кубасова, внесены были позднее и неизвестно кем⁷⁴.

---

⁷⁰ Печатное указание на действительного автора Повести сделано В.О. Ключевским (Русская мысль. 1881. Ноябрь. С. 100; *Он же*. Боярская дума Древней Руси. 2-е изд. М., 1883. С. 360). Одновременно с этим Л.Н. Майков в Санкт-Петербурге сообщил нам вместе с таким же указанием и некоторые данные о жизни Ивана Михайловича Катырева.

⁷¹ Любопытно, что для себя Строев сделал выписки из “Едомскаго летописца” (рукопись имп. Академии наук, № 153), принадлежащего к позднему изводу Повести Катырева (*Строев*. Словарь. С. 290, примеч.).

⁷² Строев. Словарь. С. 183. Отметки о Кубасове нет, например, в рукописи имп. Публичной библиотеке, Q.IV.154, в рукописи Общества любителей древней письменности, F.VI, в рукописи Д.В. Пискарева (Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д.В. Пискарева / Составлен А.Е. Викторовым. М., 1871. С. 42–43).

⁷³ Сличы Изборник. С. 315 (извод первоначальный) и Русские достопамятности. Ч. 1. С. 171–172 (извод позднейший). В последнем заключительная приписка Кубасова прямо отнесена ко всему Хронографу: “Слава свершителю Богу, иже способивый в совершение привести книгу сию Гранограф сииречь Летописец”.

⁷⁴ Тот факт, что упоминание о Кубасове имеется и в списках первоначального извода, ясно показывает, что Кубасов составлял или списывал именно этот извод и не был повинен в переделке Повести Катырева. Переделка была совершена, судя по виршам, “исходатаем” ярославского рода, а Кубасов был из Тотмы и служил в Сибири “сыном боярским” и “подьячим”. Сыном боярским подписался он под Хронографом; подьячим ездил он в 1654–1657 гг. вместе с Ф.И. Байковым в Китай (ДРВ. М., 1788. Ч. 3. С. 185–186). Из выражений самого Кубасова нельзя непременно заключать, что он только переписал Хронограф;

Так разрешается довольно запутанный вопрос об авторе разбираемой Повести. Князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский был весьма родовитым человеком: его прямые предки бывали в боярах⁷⁵, и род Катыревых считался весьма честным среди многих ростовских княжеских фамилий. “И велик и мал в Ростовских князьях, не ровны Ростовские”, – говорилось официально в XVII в. Но Катыревы считались между ними одними из самых “великих”. В одном местническом деле 1618 г. было засвидетельствовано самими Ростовскими князьями, что “у них по роду Буйносовы большие, а князь Иван Катырев причитает их себе близко”. Стало быть, и сам Катырев признавал себя “большим” в своем роду, выше Буйносовых, или, по крайней мере, не ниже их. Стольник же В.А. Третьяков, который местничался с Буйносовыми, говорил князю Ивану Катыреву: “Мне де с тобою, князь Иван Михайлович, не сошлось, готов быть хотя со внуком твоим; а бью де челом государю на Буйносовых по многим случаям, а отец де твой, князь Михайло Петрович, Буйносовых в потерке николи не вступался, ты сам себя позоришь, что за Буйносовых вступаешься”. Такое высокое представление существовало в XVII в. о родовой чести Катыревых. И действительно, князь Иван Михайлович Катырев, будучи большим дворянином московским, всегда писался в своем чине неизменно первым, выше всех прочих дворян и в том числе “больших” Буйносовых⁷⁶. Случалось, что ему давали первое место и Трубецкие⁷⁷. К высокому роду Романовых

его слова дают одинаковое право думать, что он был и собирателем-компилатором всего труда. Кубасов о себе не говорит, что “писал” или “списал”, но как сказано в предыдущем примечании, благодарит Бога за “совершение” Хронографа. Люди XVII в., очевидно, считали Кубасова автором, потому что, переписывая его труд, считали нужным удерживать при нем имя Кубасова.

⁷⁵ Род Катыревых пошел от князя Ивана Андреевича Хохолкова Катыря; у Катыря были дети Петр и Андрей; у Петра был сын Михаил (отец нашего автора, на котором и прекратился род). Из Катыревых были боярами Иван Андреевич, Андрей Иванович и Михаил Петрович, – отец, двоюродный дядя и прадед автора (Родословная книга // Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. Материалы. С. 37–39, 141, 228–230; ДРВ. Ч. 10. С. 25, 32, 41, 48, 69, 77; Родословие Ростовских князей / Сост. Ф.А. Бычков // Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 577, 580, 585, 590, 595).

⁷⁶ Дело Василия Третьякова с князем Юрьем Буйносовым см.: Дворцовые разряды. Т. 1. С. 325–327, 514–517. По родословцу Катыревы с Буйносовыми довольно близки: родоначальник Катыревых Иван Катырь был старшим двоюродным братом Ивана Александровича Буйноса, родоначальника Буйносовых [См. *Примечание 14*].

⁷⁷ Синбирский сборник. М., 1845. С. 150. В 1602 г. князь Т.Р. Трубецкой “сказал перед государем: мочно быть племяннику моему со князем Иваном Катыревым”. И позже, в перечнях больших дворян, Катырев писался выше Трубецких, всегда первым.

Катырев стоял весьма близко: в первом браке своем он был женат на дочери Федора Никитича Романова – Татьяне Федоровне, рано умершей⁷⁸. Вторая же его жена Ирина Григорьевна по смерти мужа сохраняла высокое положение при дворе, именовалась “боярыней” и “большой вдовой”, наравне с боярскими вдовами, и была первой “мамою” при царевиче Алексее Алексеевиче⁷⁹. Хотя сам князь Иван в боярах не был, как увидим ниже, тем не менее ясно, что он и по роду, и по личному положению принадлежал к первостепенной московской знати⁸⁰. Это обстоятельство дает особенную цену его Повести о Смуте. Она является голосом из среды того класса, который играл в Смуте выдающуюся роль,

---

⁷⁸ В “Описании царских пресветлых родителей, в которыя лета и месяцы и числа бысть преселение их от здешняго благороднаго жития” и т.д. (*Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 132) читаем: “Лета 7119 (1611) июля в 21 день преставися раба Божия благоверная княгиня Татиана Федоровна, болярина Феодора Никитича Романова дщерь, а княгиня князя Иоанна Михайловича Катырева” [По ней в 7125 г. дано было ее матерью вкладу 100 рублей в Кириллов монастырь, чтобы поминать усопшую 21 июля. (Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии. Кирилл. № 68–1307. Л. 24)].

⁷⁹ “Книга дядькам и мамам и боярыням верховным” // *Временник ОИДР.* М., 1851. Т. 9. Смесь. С. 46; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1869. С. 498; РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 258. К какому роду принадлежала княгиня Ирина, не удалось определить ни нам, ни Ф.А. Бычкову (*Титов А.А.* Ростовский уезд. С. 595).

⁸⁰ Если верить преданиям, Катыревы были не только знатным, но и богатым родом. В своих трудах по истории Ростовского уезда А.А. Титов указывает на принадлежность Катыревым в XVI в. многих сел и деревень вокруг Ростова (Ростовская старина / Издание А.А. Титова. Ростов, 1883. Вып. 1. С. 65, 133; *Титов А.А.* Ростовский уезд. С. 302–303, 322, 387, 429–430, 452–453, 527, 536). Но источник сведений г. Титова в этом случае ненадежен: насколько мы можем судить, данные о ростовских князьях заимствованы им из Хлебниковского летописца; самый Летописец уже не существует и сохранились только выписки из него у крестьянина А.Я. Артынова (*Титов А.А.* Ростовский уезд. Предисловие. С. V–VII). По одним этим выпискам можно уже догадываться, что Хлебниковский летописец иногда отличался крайнею невежественностью показаний. Так, например, сопоставив страницы 302, 387, 430, 452 и 453 книги “Ростовский уезд”, читатель увидит, что по свидетельству Хлебниковского летописца князь Петр Иванович Катырев был женат на пяти женах, живших в разные века: две из них были внучками героев Мамаева побоища и жили, стало быть, в XV в.; другие же были дочерьми воевод Василия III и Иоанна IV и жили, стало быть, в XVI в. Если мы остановились здесь на этих данных, то только потому, что видим в них отголоски старых преданий, не всегда верных, но всегда любопытных. В данном случае предание о вотчинах Катыревых близ Ростова подтверждает тот установленный факт, что московские служебные князья, “перестав быть удельными, оставались еще простыми земельными владельцами в своих бывших уделах” (*Ключевский В.О.* Боярская дума... С. 243–246). Указание, вполне точное, на поместья князя Ивана Михайловича Катырева в Зубцовском уезде находим в АЗР. Т. 4. № 183. С. 322. § 17 (слич: С. 402. § 750) [См. *Примечание 15*].

руководил делами и мог хорошо знать их. Родство же Катыревых с Романовыми дает возможность объяснить себе и то, к какому именно боярскому кругу принадлежал автор. Если в Повести 1606 года мы имели дело со взглядами партии Шуйских, то в Повести Катырева можем искать взглядов той стороны боярства, которая шла за Романовыми.

Показания Катырева дороги еще и тем, что он был современником Смуты. Начал он свою службу еще при жизни отца⁸¹; вместе с ним подписался он на избирательной грамоте царя Бориса в 1598 г. и при дворе Бориса в чине стольника участвовал не раз в придворных церемониях⁸². Оставался он при дворе и во время Лжедмитрия и был на его свадьбе в 1606 г. Через два года, в 1608 г., участвовал он в свадебном поезде царя Шуйского, который женился на его родственнице М.П. Буйнсовой⁸³. Но родство с царем Василием не сблизило Катырева с Шуйскими. В том же 1608 г., в то время, когда второй самозванец приближался к Москве, и против него были высланы войска под начальством князя М.В. Скопина-Шуйского и И.Н. Романова, в этих войсках “нача быти шатость, хотяху царю Василию изменити”. Измена вовремя стала известна Шуйскому. Он отозвал все войско к Москве, “переимал изменников”, и одних сослал, других казнил. Летопись, передавая имена изменивших, на первом месте называет князя Ивана Катырева вместе с князьями Ю. Трубецким и Иваном Троекуровым. Все трое были сосланы с Москвы, и Катырев дальше всех – в Сибирь⁸⁴. Карамзин обвиняет этих князей в желании “снискать милость бродяги”, против которого они были посланы; он даже рискует утверждать, что они “не имели души благородной” Скопина и Романова, “чистых сердцем пред людьми и Богом”⁸⁵. Между тем, сопоставление некоторых данных дает повод думать, что движение в войске не было мелким замыслом отдельных лиц, искавших карьеры, а исходило из влиятельного круга

---

⁸¹ Князь М.П. Катырев умер “в моровое поветрие” 1606 г. в Новгороде, где был первым воеводой (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 79; ААЭ. Т. 2. № 42. С. 98; ДРВ. Ч. 20. С. 77).

⁸² ААЭ. Т. 2. № 7. С. 42, 43, 48, 49; Синбирский сборник. С. 150, 152–153.

⁸³ ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 122, 123.

⁸⁴ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 96, 97; Летопись о мятежах. С. 130, 131; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 91 (в последнем любопытные варианты). Все три списка говорят о том, что изменники были “пытаны”, повинились “на мучении”. Этому не поверил князь Щербатов (*Щербатов. История. Т. 7. Ч. 2. С. 202–203*), но поверил Соловьев (*Соловьев. История. Т. 8. С. 189*).

⁸⁵ Карамзин. ИГР. Т. 12. С. 48–49.

Романовых⁸⁶. Оно имело, очевидно, большую силу, если Шуйский нашел нужным все войско возвратить в Москву. При таком характере измены поведение Ивана Михайловича Катырева представляется в ином свете: в данном случае он не безнравственный “перелет”, какие бывали при Шуйском, а более или менее видный представитель известной стороны боярства, действовавшей вместе с родными и близкими ему людьми. Вряд ли поэтому “милости бродяги” были ему дороги.

Князь Иван был послан в Сибирь не на житье, а на воеводство. Назначение это состоялось в 1608 г., но в Тобольск он прибыл уже в 1609. В должности тобольского воеводы ему суждено было остаться приблизительно до освобождения Москвы от поляков⁸⁷. Таким образом, он не был очевидцем Смуты во второй ее половине, и если он описал в своей Повести последние смутные годы так же обстоятельно, как первые, то, конечно, пользовался при этом чужими показаниями и письменными источниками. Дошедшие до нас остатки той деловой переписки, какую он вел, будучи в Тобольске, свидетельствуют нам, что Катырев своевременно узнавал о главнейших политических событиях на Руси путем официальных извещений. В 1612 г. бояре “из полков”, стоявших под Москвой, вызвали Катырева из Сибири и назначили на его место князя И.П. Буйносова. В июле 1612 г. Катырев еще исправлял должность тобольского воеводы, а затем в 1613 г. мы видим его уже в Москве. Быть может, он успел туда приехать раньше избрания в цари его шурина Михаила Федо-

---

⁸⁶ Во главе войска стоял один из Романовых, Иван Никитич; во главе же восставших видим князя Ивана Михайловича Катырева, зятя Федора Никитича Романова, и князя Ивана Федоровича Троекурова, его шурина: в названном уже нами “Описании царских пресветлых родителей” значится: “Лета 7094... представися... княгиня Анна боярина Никитина дщерь Романовича Юрьева, а князя Иоанна княгиня Федоровича Троекурова” (*Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. С. 130. – Этот Троекуров был сказан в бояре в 1620 г., а умер в 1622 г. (ДРВ. Ч. 20. С. 91, 92)). Кроме того, и среди низших участников измены встречаем лиц, которые, насколько можно судить, близко стояли к Романовым. Таков казненный Яков Желябовский (или Желябужский): вспомним, что в 1614 г. царь Михаил “от себя” послал к отцу своему Ф. Желябужского; вспомним, что и первая невеста царя Михаила, Хлопова, была сродни тем же Желябужским (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 211; СГГД. Ч. 3. № 24–26, 63).

⁸⁷ О сибирской службе Катырева сохранилось довольно известий; дошло до нас и несколько грамот 1609–1612 гг. с его именем (ДРВ. Ч. 3. С. 122–123, 129; ААЭ. Т. 2. № 146; АИ. Т. 2. № 261. С. 314; АЮБ. Т. 2. № 192. Т. 3. № 295. С. 74–77; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 89, 90. Стб. 204–213; рукопись имп. Публичной библиотеки, Эрмитаж. № 358, л. 6–7 об.). Эти данные опровергают то известие о присутствии Катырева в Москве в 1610 г., которое находится в одном из списков Нового летописца (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 116).

ровича: подпись Катырева находится на избирательной грамоте 1613 г.⁸⁸

При новом государе началась весьма почетная служба Катырева – придворная и военная. Он часто в чине стольника упоминается в разрядных книгах. Так в 1614 г. летом был он назначен первым воеводою большого полка на Тулу против татар. В 1615 г., когда татары грозили самой Москве, ему поручена была защита Замоскворечья, и он опять был первым воеводою большого полка⁸⁹. В то же время поручались ему и придворные службы: в 1615 г. ходил он с государем к Троице; в 1616 и 1617 гг. “смотрел в большой стол” на дворцовых обедах послу Дж. Мерику⁹⁰. В 1618 и 1619 гг. снова видим Катырева в военных должностях: с мая и до зимы 1618 г. ведал он оборону Замоскворечья от поляков, а “на весну” 1619 г. его послали в Тулу против крымцев. И в Москве, и в Туле был он опять первым воеводой⁹¹. Затем в течение двух лет о деятельности Катырева в разрядных книгах нет известий. А в 1622 г. Катырев, бывший до тех пор стольником, именуется уже дворянином московским и в перечнях дворян всегда пишется первым⁹². В июле 1622 г. он был назначен, по обычаю, первым воеводой в Серпухов, но поход не состоялся, и князь Иван на этой службе не был. Зато вторую половину 1622 г. часто видим его при государе за царским столом⁹³. Точно так же и в 1624 и начале 1625 г., живя в Москве, он бывал частым гостем у царя и патриарха Филарета на их праздничных обедах⁹⁴. Участвовал он и в

⁸⁸ ДРВ. Ч. 3. С. 129; РИБ. Т. 2. № 100. Стб. 284; СГГД. Ч. 1. № 203. С. 638.

⁸⁹ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 29–30; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 133, 159, 177, 178. В Украинный разряд на службу выбирали людей бояре и не назначали туда тех, которые “молоды и польских служб не знают” (Дворцовые разряды. Т. 2. С. 624). Стало быть, Катырев считался уже лицом опытным и не “молодым”, если назначался в первые воеводы [1614 г., августа, его грамота в Вестнике археологии и истории. (Т. 15. С. 341–342)].

⁹⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 178, 220, 282.

⁹¹ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 333, 336, 341, 353, 358, 388, 389; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 505, 566; Записки князя Шаховского // Московский вестник. 1830. Ч. 5. № 17–20; *Забелин И.Е.* Дополнения к дворцовым разрядам // Чтения ОИДР. 1882. Кн. 1. С. 137–139.

⁹² Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 526–527. Впрочем, и позднее (в 1624 г.) Катырева писали иногда стольником (Там же. Стб. 624 и прим.). Переход его в дворяне для него не был бесчестьем: стольников в дворяне “жаловали” (РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 255. См. также: РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 412, 473, 491; ДРВ. Ч. 20. С. 142–143; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 905; *Ключевский В.О.* Боярская дума... С. 386).

⁹³ Книги разрядные. Т. 1. Стб. 800–861; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 518–519, 526–530 [См. *Примечание 16*].

⁹⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 604–629, 646–655, 671, 673.

первой свадьбе царя Михаила в 1624 г.⁹⁵ В 1625 г. 13-го марта указано было Катыреву быть против татар на Туле в большом полку. Эта служба не была счастлива для Катырева; действиями его и подчиненных ему воевод в Москве остались недовольны, и государь выговаривал ему: “Татары от вас были в ближних местех, а вы над ними никакого промысла не учинили”. Однако в октябре князь Иван был отпущен к Москве милостивою грамотою царя⁹⁶, и дальнейшее его положение не пострадало от случайной неудачи. В следующие 1626–1629 гг. он живет в Москве, ходит за государем в походы на богомолья, присутствует на второй свадьбе Михаила Федоровича и на других придворных церемониях, часто обедает за царским и патриаршим столом, – словом, он остается ближним, “комнатным” человеком и неизменно пишется первым московским дворянином⁹⁷.

До сих пор, как нетрудно заметить, Катырев являлся исполнителем случайных, экстренных поручений. В 1630 г., после тридцатилетней службы, он достиг достаточной опытности в делах, достиг и почтенного возраста⁹⁸. Вполне понятным является поэтому перелом в его служебной деятельности: вместо почтенных, но кратковременных дел, 14-го марта 1630 г. он был назначен на постоянную должность начальника Владимирского судного приказа и занимал ее приблизительно до 1-го сентября 1632 г.⁹⁹ В то же время участвовал он и в приемах послов турецкого, шведского и датского, и по-прежнему оставался ближним человеком во

---

⁹⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 634–643, 1218; ДРВ. Ч. 3. С. 138.

⁹⁶ От этой службы Катырева дошло до нас много любопытных документов. См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1051–1106, 1167; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 666–668, 714–718, 720, 753–757.

⁹⁷ Можно удивляться массе мелких упоминаний о князе Иване в приказных книгах этих лет. Чтобы не быть голословными, отметим известные нам: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 761–762, 776, 784, 790, 799, 801, 822–823, 827, 829–830, 832, 855, 880, 882, 903, 906, 908, 914, 927, 930, 932–933, 954, 957, 970, 982, 995, 998, 1001, 1005, 1009, 1013, 1018–1025; Т. 2. С. 5, 24, 41, 52, 54, 57, 65, 68, 85; РИБ. Т. 9. С. 396, 399, 402, 405, 410, 453, 463, 470, 472, 475, 486, 491, 501, 506, 509, 511; ДРВ. Ч. 13. С. 160; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. 2-е изд. М., 1842. Т. 13. С. 184 (ср.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 824; РИБ. Т. 9. С. 521).

⁹⁸ В начале 1630 г. он жалуется государю на свое нездоровье и просит у него лекарств (АИ. Т. 3. № 161).

⁹⁹ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 126, 164, 237, 289. (В этом издании, на с. 179, ошибочно помещено известие о назначении в 1631 г. во Владимирский приказ И.П. Шереметева. Текст, внесенный сюда, относится к 1642 г. и правильно повторен на с. 696. Ошибка эта указана А.П. Барсуковым в его труде “Род Шереметевых” (СПб., 1888. Кн. 3. С. 119)). Книги разрядные. Т. 2. Стб. 368; ДРВ. Ч. 20. С. 392 (здесь ошибочно показано, что Катырев сидел во Владимирском приказе в 1631–1633 г. вместо 1630–1632).

дворце¹⁰⁰. В сентябре или октябре 1632 г. князю Ивану дано было новое почетное назначение: он был послан первым воеводой в Новгород и оставался там около трех лет до конца 1635 или начала 1636 г.¹⁰¹ Что делал он в 1636 г., мы не знаем; но в 1637–1639 гг. имя его встречается изредка при описании посольских приемов и придворных обедов в Москве¹⁰². В конце же 1640 г. князь Иван скончался¹⁰³ в прежнем своем чине московского дворянина. Нет возможности объяснить, почему не достиг он боярского сана: последние его службы в приказе и на воеводстве были службами боярскими¹⁰⁴; опалы над ним не бывало при царе Михаиле¹⁰⁵, а давняя его ссылка при Шуйском не могла стать ему упреком в глазах Романовых; мы видели ее причины.

Такова была жизнь Катырева. Известия о ней хотя и многочисленны, но односторонни: они дают прекрасные сведения о службе князя Ивана, но не дают никакого понятия о его личных способностях, образовании и взглядах. А между тем Повесть Катырева, выделяясь из ряда современных ей исторических повествований своими литературными достоинствами, заставляет видеть в ее авторе талантливого и образованного человека. С литературной стороны его труд стоит выше чуть ли не всех прочих произведений о Смуте. После утомительных иносказаний Тимофеева и нраво-

---

¹⁰⁰ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 140 (и примеч.), 144, 147–149 (и примеч.), 840; 210, 222–225 (и примеч.), 243, 843; 251, 277, 855.

¹⁰¹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 295 (и примеч.), 342 (и примеч.), 395, 478; Книги разрядные. Т. 2. Стб. 680, 810. О времени, когда Катырев был отозван из Новгорода, нет точных указаний. В Дворцовых разрядах (Т. 2. Стб. 469) об отозвании князя Ивана говорится под 7143 (1635) г., в Книгах разрядных (т. 2. Стб. 817–918) – под 7144 (1636) г. Во всяком случае, летом 7144 (1637) г. в Новгороде был уже другой воевода, князь П.А. Репнин (ААЭ. Т. 3. № 263; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 517). Сохранились грамоты с именем Катырева в бытность его новгородским воеводой (РИБ. Т. 2. № 158. Стб. 542; Т. 8. № 10. Стб. 256–260).

¹⁰² Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 872; РИБ. Т. 10. С. 80–82, 95, 99, 110, 179.

¹⁰³ В “Алфавитном указателе фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах” (М., 1853. С. 177) о Катыреве замечено: “7149 г. ноября умер”. На основании тех же боярских книг В.О. Ключевский смерть князя Ивана относит не к концу 1640, а к 1641 г. (Боярская дума... С. 360). Во всяком случае, в начале 1641 г. Катырева уже не было в живых: 15-го марта жена его упоминается в числе “вдов больших” (РИБ. Т. 10. С. 256–258). Князь Иван был погребен, кажется, в Новоспасском монастыре (*Снегирев И.* Новоспасский монастырь. С. 65).

¹⁰⁴ В Записной книге Московского стола 7147 г. и в Боярской книге 7148 г. Катырев писан дворянином (см. предыдущее примечание). Во Владимирском приказе до Катырева сидел боярин В.П. Морозов, после Катырева – бояре И.В. Морозов, И.А. Голицын, И.П. Шереметев; в Новгороде до Катырева был воеводою боярин князь Ю.Я. Сулешев, после Катырева – боярин князь П.А. Репнин (ДРВ. Ч. 20. С. 292–293; Книги разрядные. Т. 2. Стб. 368, 680, 918).

¹⁰⁵ [См. Примечание 16]

учительной прозы Палицына, после избитых риторических украшений, одинаковых почти у всех писателей, – слог Катырева может увлечь своим оригинальным и красивым эпическим складом. Обилие тропов делает язык его Повести изобразительным, но не вычурным и не запутанным; речи, вложенные в уста действующих лиц, оживляют изложение; в рассказ иногда удачно вводится картина природы, набросанная немногими, но яркими штрихами¹⁰⁶. Ум писателя сказывается в той сдержанности, с какою он обыкновенно относится и к друзьям, и к врагам своим; чувство меры не позволяет автору кстати и не кстати пестрить свое изложение библейскими выписками: они являются у него всегда у места и не нарушают общего характера речи. Эти выписки свидетельствуют о том, что князь Иван был человеком книжным, а вирши, которыми он заканчивает свой труд, намекают на то, что Катырев не ограничивал своего чтения одними богословскими книгами.

Историческим содержанием Повесть Катырева довольно богата. Начинаясь кратким рассказом о царе Иване Грозном, она заканчивается известием об избрании на царство Михаила Федоровича. Пред читателем проходят последовательно все главнейшие моменты Смуты, очерченные довольно кратко, но весьма стройно. В этом, по нашему мнению, и заключается главное значение Повести. Как мы видели раньше, уже Хронограф 2-й редакции заключал в себе общий обзор событий Смуты, но весьма краткий и лишенный внутренней цельности. Сказание Палицына точно так же не обладало внутренним единством: не обо всем Палицын писал с одинаковым вниманием и с одной точки зрения. И Временник Тимофеева не представил полной картины Смуты: в нем пройдены молчанием годы московского разорения и история освобождения Москвы. Повесть же князя Катырева впервые дает цельное описание всей эпохи. С одинаковым вниманием автор останавливается на времени Бориса и похождениях самозванца, на междоусобиях при Шуйском и на обстоятельствах борьбы с поляками. Рассказ его неподробен: Катырев не вдаётся в описа-

---

¹⁰⁶ Общедоступность текста Катырева избавляет нас от обязанности указывать места и приводить здесь выписки в оправдание нашей характеристики. Не можем, однако, не обратить внимания читателя на любопытное описание весны, которое может служить образцом поэтической речи Катырева (Изборник. С. 297) [РИБ. Т. 13. Стб. 588–589, 666–667]. Изложение нашего автора, местами целиком перенесенное в Рукопись Филарета, уже давно заслужило название “поэмы” (*Руссов Ст.* Примечания на книгу, г. Бергом изданную. СПб., 1833. С. 7; ЖМНП. 1878. Сентябрь. С. 76). Ст. Руссов, отказываясь признать в изложении Катырева летопись, однако замечал, что “вся сия поэма написана очень скромно”, то есть сдержанно, объективно. [См.: *Майков Л.Н.* О начале русских вирш // ЖМНП. 1891. Июнь. С. 447; см. также: *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории (1883–1912) // Сочинения. СПб., 1912. С. 416–419].

ние мелочей, а в общем очерке спешит от факта к факту, ограничиваясь иногда только упоминанием о том или другом событии, о том или другом лице. При таких условиях нельзя ждать от повествования Катырева большого числа новых и ценных фактических показаний. Главный интерес подобного произведения должен заключаться в субъективной его стороне, в том освещении, какое придано описанным событиям и деятелям.

Но, изучая произведение Катырева, нельзя не заметить, что он замечательно объективен в сравнении с другими современными ему писателями о Смуте. Своей задачей он ставит простое изображение фактов и очень редко высказывает свои взгляды на события и лица; о себе же самом не говорит ни слова. У него нельзя заметить и какой-нибудь общей мысли, которая руководила бы всем изложением; не всегда наблюдается даже стремление к простому прагматизму. Автор довольствуется фактическим описанием одного события за другим, не претендуя на истолкование их общего смысла и связи. Такой прием автора обращает его труд в беспристрастную хронику событий, которая дорога историку тем, что составлена современником описанной эпохи.

Называя произведение Катырева объективным, мы не забываем, однако, тех немногих мест первой половины Повести, в которых автор изменяет своему обычному бесстрастию. Места эти очень любопытны; они касаются общих характеристик Бориса Годунова, Лжедмитрия и царя Василия. Несмотря на то, что Борис “не помиловал” славного рода Романовых¹⁰⁷, и, помраченный властолюбием, посягнул на жизнь царевича Димитрия¹⁰⁸, Катырев все-таки дает прекрасный отзыв о Борисе, как о человеке

---

¹⁰⁷ Изборник. С. 287, 312 [РИБ. Т. 13. Стб. 567 и 636, 619 и 706]. Катырев свидетельствует, между прочим, что Борис имел Романовых “в завещательном союзе дружбы”. Этот намек получает совершенно ясный смысл при сопоставлении его с другими свидетельствами о скрепленной клятвами близости Годунова и Романовых (Сказание Палицына. С. 8: Борис “клятву же к великому боярину Никите Романовичю Юрьеву преступи” [РИБ. Т. 13. Стб. 478, 975]; ДАИ. Т. 2. № 76. С. 194–195: Борис к Романовым “исперва любовно присоединяся и клятву страшну тем сотвори, яко братию и царствию помощателя имети”).

¹⁰⁸ Как и все предыдущие писатели, Катырев не сообщает подробностей об убийстве царевича, но в его смерти решительно обвиняет Бориса (Изборник. С. 285, 293) [РИБ. Т. 13. Стб. 564 и 631, 580 и 634]. Убийцами Димитрия называет он тех же Н. Качалова и М. Битяговского, которые были названы ранее в Ином сказании; и вообще весь его рассказ о смерти царевича по содержанию близок к Повести 1606 года (ср.: Изборник. С. 285 и Иное сказание. С. 4–5): и там и здесь одни имена и одинакие частности, за исключением только сообщения о яде, которого не находим у Катырева [РИБ. Т. 13. Стб. 7–8, 564 и 631]. Кроме того, Катырев верит, что Борис велел зажечь Москву в 1591 г. (Изборник. С. 285) [РИБ. Т. 13. Стб. 565 и 633]. Этого в Повести 1606 года не находим: слух о поджоге раньше Катырева был записан Тимофеевым, как мы видели выше.

и правителе. Несмотря на то, что преступления Бориса вызывают у князя Ивана жестокие “укоры” Годунову, он рядом с этими укорами высказывает мысль, что Борис царствовал с Божьим покровительством и помощью¹⁰⁹. Так, колеблясь между двумя различными оценками Годунова, наш автор то хвалит, то осуждает его. Он как будто не может выработать твердого и спокойного отношения к Борису, не может выйти из своих очевидных противоречий. Определеннее, но не спокойнее отношение Катырева к первому самозванцу. Для того, чтобы объяснить происхождение ложного царя, Катырев довольно обстоятельно рассказывает о его похождениях на Руси и в Польше¹¹⁰. Затем, обличая его злодейства и приписывая ему намерение разорить православную веру, автор слагает “проклятому Разстриге” ряд “уколов и поносов”¹¹¹. Эти укоры, являясь резким лирическим отступлением от общего строя повествования, сближают Повесть нашего автора с обличительными произведениями современных ему писателей. Далее, о Василии Шуйском находим у Катырева безусловно неодобрительный отзыв в его кратком “Написании о царех московских”¹¹².

---

¹⁰⁹ Изборник. С. 285–287, 313 [РИБ. Т. 13. Стб. 563–567 и 630–637, 620–621 и 708]. Замечательно кратко и сдержанно говорит Катырев об избрании Бориса в цари: совершилось оно Божьей волей и “единомышленными”, “единогласными” просьбами народа: народ же просил Бориса “ови от препростаго ума своего, ови же научени бывше от самого (Бориса. – С.П.), ови же боязни ради”. Хотя Борис “царский престол себе подручи, ему же недостоин был” (с. 293), однако “подаде ему Бог время тихо и безмятежно от всех окрестных государств... и возвыси руку его Бог, яко и прежних великих государей и наипаче” (с. 287) [РИБ. Т. 13. Стб. 580 и 654, 567 и 636].

¹¹⁰ Изборник. С. 287–294; *Расстончин*. Сказания. С. 29–50 [РИБ. Т. 13. Стб. 568–582 и 638–656]. Мы уже сказали при разборе Повести 1606 года, что из русских сказаний наиболее обстоятельные данные о Гришке Отрепьеве дают Новый летописец (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8 С. 54 и т.д.; Летопись о мятежах. С. 72 и далее; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С.58 и далее), Повесть 1606 года (Иное сказание... С. 10) и “Сказание, еже содеяся...” (Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве, и о походе его // Чтения ОИДР. 1847. Кн. 9. С. 3 и далее) Сравнение Повести Катырева с названными повествованиями показывает, что у нашего автора есть некоторые оригинальные частности: так, например, по его рассказу, Отрепьев постригся не в Москве и не в Суздале, а “во единой от убогих пустынь в Галической стране, Борки зовомой” (в Железнодорожном монастыре; см.: *Строев*. Списки. Стб. 871); в Суздале же Гришка не был вовсе, между тем как и Повесть 1606 года и Новый летописец утверждают, что Отрепьев жил в Спасо-Евфимьеве суздальском монастыре. В общем, однако, рассказ Катырева менее обстоятелен и подробен, чем названные нами русские произведения.

¹¹¹ Изборник. С. 293; *Расстончин*. Сказания. С. 46–49 [РИБ. Т. 13. Стб. 579 и 652].

¹¹² Изборник. С. 314 [РИБ. Т. 13. Стб. 622 и 710].

В самом же тексте Повести автор, хотя и не шадит Шуйского, представляя его избрание незаконным, однако воздерживается от его прямого осуждения и удачно сохраняет по отношению к нему тон беспристрастия¹¹³. Наконец, рядом со всеми этими субъективными отзывами, нельзя не отметить у Катырева и той лестной похвалы его отцу, о которой мы уже имели случай говорить¹¹⁴.

Так иногда нарушается общий тон объективного повествования нашего автора. Все отмеченные нами субъективные отступления сделаны Катыревым по отношению к тем лицам, деятельность которых он сам видел в то время, когда еще не был в ссылке от В. Шуйского. О тех же лицах и событиях второй половины Смуты, о которых ему приходилось говорить не по личным впечатлениям, князь Иван отзывался с полной сдержанностью. Единственным основанием в глазах автора для того, чтобы осудить кого-нибудь (как, например, М. Салтыкова и Ф. Андронova), служит измена родине; единственным основанием для похвал служит патриотическая деятельность того или другого лица¹¹⁵. Но и в подобных похвалах автор весьма умерен: мы не встречаем у него шумных панегириков ни М.В. Скопину-Шуйскому, ни Гермогену, ни предводителям земских ополчений, ни даже патриарху Филарету, хотя последний был тестем автора и главным человеком в Москве в то время, когда Катырев писал свое произведение¹¹⁶.

---

¹¹³ Изборник. С. 294 [РИБ. Т. 13. Стб. 582, 656–657]. Отношение Катырева к Шуйскому разобрано г. Кондратьевым в его труде о Рукописи Филарета: он находит это отношение несочувственным (ЖМНП. 1878. Сентябрь. С. 39 и далее).

¹¹⁴ Изборник. С. 291; *Расстончин*. Сказания. С. 41–42 [РИБ. Т. 13. Стб. 576]. В этой похвале есть одна очень любопытная частности. По словам Катырева, отец его остался верен Годунову, потому что “известно ведаше про сего богомерзкого еретика Растригу Гришку, что лжа есть и начаток лжи и кровопролития, а не царевич”. У читателя невольно является вопрос, откуда мог знать это М.П. Катырев, когда по случаю победы самозванца “радостны бысть вси людие, мяху его суца царевича Дмитрия быти?” И если знал, то почему не обличил он Расстриги? Трудно решить, чем следует считать это место Повести Катырева: простым ли литературным промахом, или сознательным намеком на то, что отец автора знал интригу, породившую самозванца, но не сочувствовал ей.

¹¹⁵ Сдержанность и осторожность в отзывах иногда приводила Катырева к противоречию с самим собою. Так, например, говоря о назначении князя В.В. Голицына в великое посольство и памятуя его плен за правое дело, автор характеризует его, как “мужа великаго разсуждения, изящнаго в посольственных уставах и искусна”. Но раньше, при похвале своему отцу, автор, отмечая, что В.В. Голицын с другими боярами предался самозванцу, за это назвал того же Голицына “изменником, крестопреступником и кровоначальником” (Изборник. С. 304 и 291) [РИБ. Т. 13. Стб. 602 и 576].

¹¹⁶ Изборник. С. 299, 303, 307–309, 310, 312, 313 [РИБ. Т. 13. Стб. 592–622, 672–710].

При такой манере изложения нет возможности восстановить с желаемой полнотой взгляды автора на Смуту и ее деятелей. Родство Катырева с Романовыми давало бы особенное значение этим взглядам; но, вероятно, это же самое родство и было причиной того, что Катырев не высказался в своем произведении. Заняв московский престол, семья Романовых перестала быть боярской семьей; высокое положение и новая обстановка жизни помогали ей забыть прошлое и обязывали отзываться о нем спокойно и сдержанно. Всякое слово Романовых после Смуты приобретало официальное значение, и Катырев, бывший ближним человеком во дворце, не мог не знать, что по его родству с государями Михаилом и Филаретом и его словам может быть придан официальный характер. В этом обстоятельстве, как нам кажется, и следует искать разгадки его объективности. С этой точки зрения те отступления от обычной сдержанности, какие мы видели в его повествовании, могут казаться весьма существенными и даже смелыми.

Вот те общие замечания, которые мы можем представить о Повести Катырева. При строго фактическом характере ее показаний дальнейший анализ ее содержания повел бы нас к критической проверке каждого отдельного показания автора. Не составляя вообще задачи нашего труда, такая проверка в данном случае ничего не прибавила бы к общей характеристике труда князя Ивана. Если бы нам и удалось отметить некоторые его ошибки и неточности, мы не сумели бы доказательно объяснить их происхождение. Источники, которыми пользовался Катырев, нам известны. Он не говорит, откуда он берет сведения о тех фактах, очевидцем которых сам не был, и мы можем лишь догадываться, что он основывался в своем повествовании не только на своих воспоминаниях и устных рассказах очевидцев, но и на письменных документах. Так, следы пользования летописями находим на первых страницах Повести Катырева. Без сомнения, из какого-нибудь летописного свода взял он свои показания о “великом князе” Данииле Московском и заимствовал дату 4-го декабря 7042 г., под которою поместил смерть Василия III¹¹⁷. Из каких-нибудь разрядных записей почерпал он, вероятно, сведения о том, какие воеводы начальствовали в городах и над войсками в тот или другой год Смуты. И некоторые фактические показания брал он, можно думать, отсюда же. Так, например, рассказывая о походе Отрепьева на Русь,

---

¹¹⁷ И название Даниила Александровича “великим” князем, и число 4-го декабря находим в Книге Степенной (Книга Степенная царского родословия... М., 1775. Ч. 1. С. 377; Ч. 2. С. 217). В прочих летописях о смерти Василия III говорится чаще под 3-м декабря (ПСРЛ. Т. 3. С. 149, 199; Т. 4. С. 298; Т. 6. С. 274–275; Т. 8. С. 285).

первым городом, принявшим самозванца, считает он “Монастыревской зовомый”. С такою формой имени город Моравск или Муромск упоминается именно в разрядных книгах, как первый пункт, к которому направился на Руси Лжедмитрий¹¹⁸. Но далее подобных шатких догадок об источниках Катырева идти нельзя. Как писатель, совершенно самостоятельный в литературном отношении, он ни у кого не заимствовал прямо, а перерабатывал каждое свое показание, откуда бы он его ни взял, сообразно своим вкусам и задачам. Поэтому, если мы и замечаем иногда внутреннюю близость того или другого места Повести Катырева к какому-нибудь иному, более раннему памятнику, то все-таки не можем в этих случаях настаивать на заимствовании со стороны Катырева: сходство произведений могло явиться и без заимствования¹¹⁹.

Произведение Катырева получило большое распространение в московском обществе XVII в. Об этом свидетельствует не только достаточное число его списков, указанных нами выше, но и тот факт, что Повесть князя Ивана отрывками вносилась в компилятивные произведения о Смуте¹²⁰ и даже приписывалась к разрядным книгам XVII в. в виде предисловия¹²¹. Не раз подвергалась она и переделкам. Одну из этих переделок мы уже указали, называя ее позднейшим изводом Повести. В ней, как мы видели, изменено заглавие, внесено деление на главы и уничтожены те места, по которым можно было восстановить имя автора. Гораздо существеннее перемены в той переработке Повести Катырева, которая известна под именем Рукописи Филарета.

---

¹¹⁸ Изборник. С. 289 [РИБ. Т. 13. С. 567, 571, 637, 642]; *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 248; Хронограф Столяра в Изборнике (Изборник. С. 323); Книга, глаголемая Большой чертеж. М., 1846. С. 86; Иное сказание... С. 15. Поляки называли этот городок Morawisko, Morawiesk (СГГД. Ч. 2. № 80. С. 169; РИБ. Т. 1. Стб. 85).

¹¹⁹ Мы уже отметили общие черты в повествовании Катырева и Повести 1606 года об убиении Димитрия. Такая же близость заметна между рассказом Катырева о сожжении Москвы в 1611 г. (Изборник. С. 307) [РИБ. Т. 13. Стб. 607, 692] и повествованием об этом же разобранного нами во II главе Плача и тех грамат, которые послужили источниками для Плача. При полном различии литературной формы, все эти рассказы сходны в существенных чертах своего содержания.

¹²⁰ При описании одного из списков “Плача о разорении Московскаго государства” (рукопись графа Уварова № 896), во второй главе нашего труда, мы указали уже одну из компиляций, основанных на труде Катырева. С другими встретимся не один раз в дальнейшем изложении.

¹²¹ В некоторых списках Дворцовых разрядов (Дворцовые разряды. Т. 1. С. XXVI–XXVIII и Стб. 1–7) помещен, со вставками и изменениями, рассказ Катырева о Нижегородском ополчении и освобождении Москвы (Изборник. С. 310–312) [РИБ. Т. 13. Стб. 613 и сл., 699 и сл.].

Рукопись Филарета сохранилась всего в одном списке XVII в., далеко не полном и представляющем собой черновой текст повествования о Смуте со многими поправками и приписками. Начала повествования недостает; рассказ начинается с воцарения Шуйского и заканчивается избранием на царство Михаила Федоровича. Первоначального заглавия произведения не сохранилось; нынешнее же ее заглавие – Рукопись Филарета – дано произведению Карамзиным¹²². Единственным основанием для того, чтобы приписывать эту рукопись Филарету, служит неизвестно кем составленное в XVIII уже веке следующее заглавие ее: “Повесть о бывших в России после кончины царя Бориса Годунова до избрания государя царя Михаила Федоровича замешательствах и бедствиях, сочиненная (витиевато) при патриархе Филарете Никитиче, и в некоторых местах его рукою (уповательно) исправленная”. В 1837 г. Рукопись Филарета была издана П.А. Мухановым весьма тщательно, с подробным описанием подлинного списка и с указанием всех поправок, в нем находящихся. Позднее, в 1866 г., П.А. Муханов включил напечатанный ранее текст Рукописи во второе издание своего Сборника¹²³.

Долгое время все сведения о составе и происхождении Рукописи Филарета исчерпывались замечаниями, сделанными о ней издателем. По его свидетельству, основной текст Рукописи писан был на листках шестью различными почерками. В исправлении же основного текста принимали участие четыре лица, и почерк одного из этих лиц, по мнению Муханова, сходен с рукою Филарета. Не утверждая этого категорически, Муханов в то же время не отрицал участия Филарета в составлении Рукописи. Боясь высказаться решительно, он оставлял открытым вопрос о происхождении Рукописи. Лишь в виде простого предположения высказывал он мысль, что “Филаретовская рукопись составлена из некоторых современных хроник, которые были ведены разными

---

¹²² *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 570; Т. 12. Примеч. 23, 27, 28. Карамзину была известна только неисправная копия со списка Рукописи, как это удостоверяет П.А. Муханов в своем Предисловии к Рукописи Филарета. Все наши сведения о подлинном списке Рукописи заимствованы из того же Предисловия; списка же мы не видели.

¹²³ Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. М. 1837; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. № 195. С. 263–330 и примеч., XXXI–XLI. Отдельное издание Рукописи удобнее для пользования; в Сборнике текст отдельного издания воспроизведен страница в страницу, но несколько дополнены примечания. В дальнейших ссылках на Рукопись, при означении страниц отдельного издания, мы будем указывать в скобках и соответствующие страницы Сборника.

лицами, иногда и в разных местах, и впоследствии составлены и склеены в один столбец”. Это именно дело составления из разных хроник одной, по представлению Муханова, могло совершиться при участии патриарха¹²⁴.

Более обстоятельное исследование Рукописи Филарета произведено было А.А. Кондратьевым в 1878 г.¹²⁵ Сравнив текст Рукописи с другими произведениями о Смуте, г. Кондратьев пришел к следующим выводам: “Рукопись эта, – говорит он, – есть официальная летопись, составленная в патриаршество Филарета Никитича. В основе Летописи лег Хронограф особого состава тобольского боярского сына Сергея Кубасова (или, как мы видели выше, Повесть Катырева-Ростовского. – С.П.). Кроме Хронографа Кубасова, составители Рукописи пользовались и другими источниками, как, например, древнейшим изводом Нового летописца и некоторыми официальными известиями”. Несмотря на официальный характер Рукописи, г. Кондратьев отвергает, однако, всякое участие в ней патриарха Филарета¹²⁶. Со взглядами Муханова г. Кондратьев, таким образом, расходится совершенно.

Прекрасное исследование г. Кондратьева избавляет нас от обязанности вдаваться в сличение текстов Рукописи Филарета и Повести Катырева. Многочисленными примерами и соображениями доказывает г. Кондратьев, что Рукопись есть простая переделка труда Катырева, иногда довольно неумелая и неловкая¹²⁷. Нет нам необходимости уяснять и общий характер этой переделки: г. Кондратьев с полною очевидностью показывает, что исправления и дополнения, сделанные в рассказе Катырева, носят на себе характер официальной сдержанности и торжественности¹²⁸. Несочувственное отношение Катырева к Василию Шуйскому закрыто в Рукописи Филарета рядом официальных похвал, и царь Василий изображен законным монархом, мужественно борющимся с изменниками. Простой рассказ Катырева об открытии мощей царевича Димитрия заменен таким подробным и витиеватым описанием, какого не встречаем ни в одном литературном памятнике XVII в. Выразительный слог Катырева украшен риторическими оборотами, в которых часто исчезает живой смысл пока-

---

¹²⁴ Рукопись Филарета. Предисловие. С. III–IV, VII (и дополнения в Сборнике, XXXII–XXXIV).

¹²⁵ Кондратьев А.А. О так называемой Рукописи патриарха Филарета // ЖМНП. 1878. Сентябрь.

¹²⁶ Там же. С. 82–83.

¹²⁷ Там же. С. 30–37.

¹²⁸ Там же. С. 37–70. И Соловьев считал Рукопись Филарета “официальной летописью Смутного времени” (Соловьев. История. Т. 9. С. 417).

заний князя Ивана¹²⁹. Такой характер исправлений и дополнений показывает нам, что составители Рукописи Филарета находили повествование Катырева слишком простым по слогу и недостаточно сдержанным, например, в отношении к Шуйскому. В своем месте мы говорили, как был объективен и осторожен сам Катырев в сравнении с другими современными ему писателями. Кто же мог быть еще осторожнее его, как не лица официальные? Это соображение представляет еще лишний довод к доказательствам г. Кондратьева, что Рукопись Филарета есть памятник официального происхождения. Почтенный исследователь удивляется тому, как официальные историки могли избрать главным источником для своего труда произведение Катырева, в котором они находили негодные им взгляды. Обстоятельство это он объясняет литературными достоинствами Повести Катырева¹³⁰. Но высокое общественное положение князя Ивана играло здесь, вероятно, гораздо бóльшую роль: его труд был, конечно, известен и государю, и патриарху уже потому, что Катырев был им родной человек¹³¹. Кроме того, Повесть Катырева, как мы уже заметили, была первым по времени трудом, в котором дан был стройный и цельный очерк Смуты. Такой труд было легче дополнить и переделать, чем, например, Сказание Палицына, страдающее неравномерностью частей и поучительными тенденциями, или слишком краткий Хронограф 1617 года. В этих обстоятельствах нужно искать причины, почему подвергалась переделке именно Повесть Катырева, а не другое повествование.

Высокое положение Катырева дает основание думать, что если исправление его Повести было предпринято официально, то оно было поручено лицу высокопоставленному: иначе Катырев мог бы счесть себя униженным (мы увидим далее, что исправление производилось при его жизни). Внешние условия составления Рукописи Филарета, описанные П.А. Мухановым, ведут к тому же заключению: редактор рукописи имел у себя несколько переписчиков; или сам он, или другие лица по его поручению де-

---

¹²⁹ В исследовании г. Кондратьева приведено несколько сопоставлений текста Катырева и Рукописи Филарета, различных только по слогу. Укажем, например, на различие известий о венчании на царство В. Шуйского (*Кондратьев А.А.* О так называемой рукописи патриарха Филарета. С. 43).

¹³⁰ Там же. С. 75.

¹³¹ В заглавии Повести Катырева отмечено, что “написана бысть сия книга в лето 7134 (1626) июля в 28 день”. Вряд ли Катырев работал в этот день: это был праздник иконы Пресвятой Богородицы Смоленския; князь Иван был с государем в Новодевичьем монастыре и обедал там за царским столом (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 829; РИБ. Т. 9. С. 399). Не пометил ли он в своей Повести день поднесения ее государю?

дали замечания на полях, указывая одно исправить, другое дополнить; их указания, судя по почеркам, исполнялись не ими самими, а другими лицами. Словом, знакомство с текстом Рукописи показывает, что над нею работал целый штат людей (П.А. Муханов считает в Рукописи 10 почерков: это указывает на труд десяти человек). Нет сомнения, что по свойству самого дела этот штат имел одного руководителя, и понятно, что руководитель этот не мог быть мелким подначальным человеком. Мы имеем сведения, что при составлении своего Хронографа архиепископ астраханский Пахомий сам делал выписки на столбец и не сразу нашел писца, который бы мог переписать его труд; а Пахомия нельзя, конечно, считать лицом ничтожным в московском обществе¹³². По аналогии с этим любопытным случаем можно думать, что поставленный в несравненно лучшие условия труда главный составитель Рукописи Филарета или сам принадлежал к высшему слою общества, или трудился по поручению важного лица. Рассуждая так, не находим ничего странного в предположении, что к составлению Рукописи был причастен так или иначе сам Филарет. Возражения против этого, представленные г. Кондратьевым, не могут, по нашему мнению, иметь большой силы¹³³, а предание

---

¹³² *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 236–238.

¹³³ *Кондратьев А.А.* О так называемой рукописи патриарха Филарета. С. 76–80. В данном случае доказательства г. Кондратьева кажутся нам слабыми: во-первых, г. Кондратьев говорит, что Филарет не мог участвовать в составлении такой летописи, которая “в значительно большей своей части представляет чужой труд”, заключающий к тому же взгляды, несочувственные “правительству Смутного времени”. Но литературные понятия XVI–XVII вв. не соответствуют нашим: переделка чужих работ тогда считалась вполне дозволенной. Укажем для примера на переделку царевичем Иваном, сыном Грозного, жития Антония Сийского, написанного Ионой (*Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 300–302). Для патриарха же Филарета весьма естественно было заняться исправлением труда своего зятя, если этот труд ему не вполне нравился по исполнению и взглядам. Во-вторых, г. Кондратьев говорит, что при участии Филарета не появились бы в Рукописи строки об отравлении М.В. Скопина и нападки при этом на В. Шуйского. В Рукописи Филарета мы, действительно, видим эти не подходящие к официальному повествованию места, но все они зачеркнуты. Если Филарет принимал участие в составлении Рукописи, то, конечно, не сам писал ее, а был только ее редактором. При таком условии вполне могло быть, что кто-нибудь из его помощников бестактно внес в повествование несоответствующие известия, а Филарет, оставаясь верным раз взятому тону, вычеркнул их. Наконец, в-третьих, г. Кондратьев сличает с Рукописью грамоты, писанные Филаретом со слов В. Шуйского и Гермогена в 1606–1607 гг., когда он был митрополитом в Ростове (ААЭ. Т. 2. № 57–59, 73, 74); сличение показывает противоречия между грамотами и Рукописью, и г. Кондратьев считает это доказательством, что Филарет не был причастен к сочинению Рукописи. Но между этими грамотами и Рукописью более 20 лет прошло не без следа для Филарета. Положение его изменилось, многое

о принадлежности Рукописи Филарету, существовавшее еще в XVIII в., было же на чем-нибудь основано. Родственная близость Катырева к патриарху дает и некоторую фактическую основу для этого предания, помимо еще не установленного твердо сходства почерка Филарета с почерком одного из поправщиков Рукописи¹³⁴. Для Филарета не могла быть унижительною переработка Повести близкого ему человека.

Расходясь с г. Кондратьевым во взглядах на участие патриарха в составлении разбираемого памятника, мы не считаем прочно обоснованными и некоторые его выводы об источниках Рукописи Филарета. Г[осподин] Кондратьев многого не сказал об источниках Рукописи. Прилежно сравнив тексты Повести Катырева и Рукописи до известий о смерти Скопина, он почти не обратил внимания на те обширные вставки в текст Катырева, которыми испещрена вторая половина Рукописи. А между тем, эти последние дополнения заключают в себе ряд любопытнейших известий, дающих большую историческую ценность Рукописи Филарета. Только указанием всех этих вставок и попыткой характеризовать их происхождение можно исчерпать вопрос о том, какими источниками, кроме Повести Катырева, руководились составители Рукописи.

Обращаясь к рассмотрению всех вообще дополнений, внесенных в Рукопись, замечаем, что они делятся на два разряда: одни из них представляют собою риторические упражнения, составленные для того, чтобы украсить простой и краткий рассказ Катырева; другие же строго фактичны, отличаются более простым языком и имеют характер простых летописных заметок. Дополни-

---

он мог узнать лучше, чем знал в Ростове; неужели же он мог остаться неизменно верен всему тому, что когда-то говорил со слов правительства Шуйского? Неужели он должен был все это помнить и обратиться непременно к грамотам Шуйского для того, чтобы восстановить факты прошлого?

¹³⁴ Текст Рукописи не дает положительных указаний на его составителей. Но если искать в нем каких-нибудь намеков на участие Филарета, то нельзя не отметить следующих мест: во-первых, при рассказе об обретении мощей царевича Димитрия, на полях сделаны указания такого рода, что позволяют видеть в их авторе очевидца обретения; Филарет же, как известно, был при отыскании мощей царевича. Во-вторых, при известии о возвращении Филарета из Тушинского плена в Москву в 1610 г. точно отмечен день возвращения: “прииде на Москву марта в 14 день”; кто, кроме Филарета и его близких, мог записать или запомнить это число? В-третьих, при описании происхождения царя Михаила от “великого боярина” Федора Никитича, много пострадавшего в Смуту, — на поле сделано замечание: “о сем покороче написать...” Замечание это можно приписывать авторской скромности Филарета. См.: Рукопись Филарета. С. 6 (268), 27 (289) и 67–68 (329–330).

ния первого рода не всегда интересны для историка¹³⁵; сравнение их с другими повествованиями о Смуте не дает права видеть в них заимствование, не указывает их источника. Весьма легко может быть, что все они составлялись самими редакторами Рукописи; по крайней мере, можно в ней указать такие места: первоначальный текст Катырева зачеркнут; на поле сделано указание “пополнить и исправить”, а рядом с этим вписано витиеватое дополнение, очевидно, явившееся вследствие этого указания¹³⁶. Зато вставки летописного характера неоспоримо указывают на то, что у составителей Рукописи были богатые источники фактических сведений о Смуте¹³⁷. Показаний столько же подробных, как те, какие находим в этих вставках, мы не встречаем ни в одном литературном памятнике. Сравнивая эти вставки с повествованием Нового летописца, наиболее подробного из известных нам повествований о смуте, не только не замечаем литературных из него заимствований со стороны составителей Рукописи, но, напротив, можем отметить в этих произведениях различное отношение к одному и тому же факту и даже противоречия в описании одних и тех же событий¹³⁸.

---

¹³⁵ Вот их перечень с указанием страниц Рукописи, на которых они находятся: Рукопись Филарета. С. 16–18 (278–280) – речь Гермогена к Шуйскому; с. 30 (292) – плач о падении Новгорода; с. 31–33 (293–295) – риторическое повествование о свержении Шуйского и плач царицы, его жены; с. 60–62 (322–324) – изображение битвы с Хоткевичем (здесь, впрочем, на с. 62 (324), есть и любопытные фактические данные). К этим же риторическим вставкам можно отнести и рассказ о перенесении мощей Димитрия царевича, а также и строки об избрании на царство Шуйского, на с. 2–9 (264–271): в них фраза преобладает над содержанием.

¹³⁶ Рукопись Филарета. С. 2 (264), 6 (268).

¹³⁷ Вот их перечень: Рукопись Филарета. С. 14 (276) – известие о свадьбе Шуйского; с. 25–26 (287–288) – известие об отравлении Скопина; с. 27–28 (289–290) – известие о начале войны с Польшею и о Клушинском поражении; с. 33–36 (295–298) – рассказ об избрании Владислава и о великом посольстве; с. 38–39 (300–301) – о М. Салтыкове; с. 40–41 (302–303) – рассказ о плене царя Василия и о польских притеснениях; с. 43–44 (305–307) – о Ф. Андронове и Гермогене; с. 47–48 (309–310) – те данные о разорении Москвы, которые писаны особым почерком на 44 листе подлинного списка; с. 51 (313) – мелкие дополнения к рассказу Катырева о смерти Ляпунова; с. 55 (317) – о битве 15-го сентября 1611 г.; с. 57–59 (319–321) – спутанные известия о походе Сигизмунда, взятии Китай-города и подмосковном ополчении 1612 г. (до листа 57); с. 64–65 (320–327) – об осквернении Москвы поляками; с. 66–67 (328–329) – о походе Сигизмунда на Русь и об иконе св. Николы Можайского. Кроме этих крупных вставок, в Рукописи рассеяна масса мелких дополнений и поправок, перечить которые нет возможности. Для характеристики их укажем надстрочные примечания на с. 12 (274), 13 (275) и др.

¹³⁸ Так, например, сравнивая описание свержения Шуйского в Рукописи Филарета, с. 31–33 (293–295), и в Новом летописце (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 138–139; Летопись о мятежах. С. 186–187; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 119–120) видим

Понятно, при таких условиях для того, чтобы говорить о зависимости Рукописи от Нового летописца, нужно представить бóльшие доказательства, чем те, которые даны г. Кондратьевым¹³⁹. Случайные сходства не литературной формы, а самого содержания того или другого известия в этих памятниках могут дать повод только к той догадке, что оба произведения пользовались одинаковыми источниками. Против этой догадки мы спорить не будем. И Новый летописец, как увидим ниже, и Рукопись Филарета – произведения, одинаково вышедшие из официальных кругов московского общества. Нет ничего невероятного в том, что их составители пользовались одинаковым историческим материалом, сохранившимся от Смуты. Какого сорта был этот материал, решить нетрудно. Если

совершенно различное изображение роли бояр в этом деле: в Рукописи – они все за царя Шуйского, в Новом летописце – “бояре же немногие постоянно за него”. Далее, о времени появления в Москве Ф. Андронова Рукописи и Новый летописец говорят совершенно различное: первая утверждает, что он пришел с Гонсевским, второй – что он уже был при Жолкевском (Рукопись Филарета. С. 43 (405); Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 147; Летопись о мятежах. С. 197; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 125). Размещение воевод Ляпуновского ополчения под Москву в 1611 году передается в этих памятниках разноречиво (Рукопись Филарета. С. 51 (313); Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 159; Летопись о мятежах. С. 213–214; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 134–135). Смерть патриарха Гермогена в Рукописи отнесена к январю 1612 г., в Новом летописце – к февралю (Рукопись Филарета. С. 57 (319); Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 177; Летопись о мятежах. С. 238; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 146).

¹³⁹ *Кондратьев А.А.* О так называемой рукописи Филарета. С. 73–75. Г[осподин] Кондратьев указывает всего два сходных показания Нового летописца и разбираемой Рукописи: 1) о посылке грамот в города для избрания царя после убиения Расстриги и 2) об ужасной смерти изменников Салтыкова и других (Рукопись Филарета. С. 1–2 (263–264) и с. 27–28 (289–290); Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 75 и 142; Летопись о мятежах. С. 102 и 191; Новый летописец. С. 74 и 121–122). Сличая эти показания в том и другом памятнике со стороны их литературной формы, видим, что она неодинакова; сличая фактические частности показаний, видим, что и они различны. В одном памятнике о посылке грамот в города пред избранием Шуйского думают одни бояре, в другом – весь народ. Далее, имена изменников показаны неодинаково: в Новом летописце их больше; кроме того, в нем Витовтов назван Евдокимом, в Рукописи же Ефимом. Понятно, каким слабым доказательством литературного заимствования должно считаться такое отдаленное сходство немногих мест. Оно теряет и последнюю силу, если сопоставить целиком рассказы об избрании Шуйского в том или другом произведении: Новый летописец прямо осуждает способ избрания Шуйского, Рукопись же представляет его совершенно правильным. Наконец, заметим, что г. Кондратьев делает ошибку и в том, что считает первоначальным изводом Нового летописца тот его список, который издан князем Оболенским (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича); как увидим в своем месте, это – извод позднейший.

мы не находим в летописных произведениях о Смуте тех образцов, которыми пользовались составители Рукописи Филарета, если по многим признакам решаем, что эта Рукопись была официальным произведением, то для нас ясно, что источниками для нее могли быть только официальные документы. Эти соображения подтверждает с своей стороны и г. Кондратьев, указывая на сходство некоторых официальных грамот с изложением Рукописи¹⁴⁰. Но, к сожалению, по скудости дошедших до нас официальных документов, это сходство не всегда можно показать наглядным сличением.

Нам остается сказать несколько слов о времени составления Рукописи Филарета. Г. Кондратьев относит Рукопись к 1630–1633 гг. на следующих основаниях: во-первых, в ней самой находится указание, что она составлена в патриаршество Филарета Никитича, стало быть, не позже 1633 г.; а во-вторых, по мнению почтенного исследователя, составители Рукописи пользовались Новым летописцем, законченным около 1630 г., и, стало быть, не могли писать раньше этого года¹⁴¹. Не соглашаясь с тем, чтобы Рукопись Филарета сколько-нибудь зависела от Нового летописца, мы не можем в данном случае принять 1630 г. за хронологическую грань. Для нас такой гранью является 1626 г., когда была составлена Повесть Катырева, легшая в основание Рукописи, и мы поэтому считаем период времени, в который могла составляться Рукопись Филарета, несколько большим, чем считает г. Кондратьев, – именно, с 1626 по 1633 г.

Обратимся теперь к произведениям о Смуте князя Семена Ивановича Шаховского-Хари. Он составил Житие царицы Димитрия и сказание о первом самозванце под названием Повести о некоем мнисе, како послася от Бога на царя Бориса. Оба произведения стоят в тесной связи одно с другим, оба одинаково сильно зависят от Повести Катырева-Ростовского в своих фактических показаниях и оба составлены в духе обычного витийства князя Шаховского.

Благодаря своим литературным трудам, князь Семен Шаховской получил достаточно известность в истории нашей письменности. О нем сохранилось много биографических сведений¹⁴²;

---

¹⁴⁰ Кондратьев А.А. О так называемой рукописи патриарха Филарета. С. 70–73.

¹⁴¹ Там же. С. 81–82; Рукопись Филарета. С. 5 (267).

¹⁴² Его автобиография, написанная, вероятно, около 1649–1650 гг. (судя по тому, что ее известия кончаются началом 7158 г.), напечатана под заглавием: “Домашние записки князя С. Шаховского” в “Московском Вестнике” за 1830 г. (Ч. 5. № 17–20. Науки. С. 61–70) с нового списка, принадлежавшего П.П. Бекетову, а ныне хранящегося в библиотеке имп. Общества истории и древностей (Отд. I. № 227: это, как кажется, список единственный). Биографические замечания о князе С.И. Шаховском собраны, кроме того, в Древней российской вивлиофике (ДРВ. М., 1789. Ч. 9. С. 279–281). Отдельные данные о Шаховском будут указаны ниже.

установилось и определенное представление о характере его литературной деятельности¹⁴³. Обилие отзывов о Шаховском как писателе дает нам возможность не останавливаться долго на его литературной характеристике. Но отсутствие хотя бы краткой его биографии вынуждает нас привести в порядок те данные о его жизни, какими мы располагаем. Знакомясь с ними, мы убеждаемся, что Шаховской многое обошел молчанием в своем собственном жизнеописании.

Князь Семен Иванович Шаховской¹⁴⁴, сперва стольник или стряпчий, затем дворянин московский¹⁴⁵, начал свою службу еще во время Смуты. В 1606 г., во время восстания Северских городов против Шуйского, он был послан на службу под Елец. Но здесь его постигла царская опала. Привезенный “за приставом” в Москву, князь Семен не узнал там причины царского гнева и был сослан “в Новгород в мор”. Однако, прежде чем он доехал до места ссылки, ему дано было приказание “жить до указа в деревне”. Указ последовал только через два года: осадив Тулу в 1608 г., царь Василий пожаловал Шаховского, “велел взять к Москве”¹⁴⁶.

---

¹⁴³ Ряд справедливых замечаний о характере и значении трудов Шаховского находим в труде г. Смирнова “Святейший патриарх Филарет Никитич” (Чтения Общества любителей духовного просвещения. 1874. Февраль. С. 244–245; Март. С. 455–456; Апрель. С. 620–622). См. также: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1882. Т. 11. С. 227–231; *Соловьев.* История. Т. 9. С. 417. Литературные труды Шаховского наиболее полно исчислены митрополитом Макарием и П.М. Строевым (*Строев.* Словарь. С. 291–298). Мы пользовались сборником его произведений, составленным трудами самого автора и сохранившимся в двух совершенно сходных списках (рукописи Московской духовной академии, № 213 и № 214. Строев знал эти списки под № 191 и № 192).

¹⁴⁴ Его родословие см.: *Титов А.А.* Ярославль. М., 1883. С. 137. № 502; Родословные книги // *Временник ОИДР.* М., 1851. Кн. 10. С. 59, 150, 234. О прозвище его (Харя) см.: ДРВ. Ч. 3. С. 149, 150; *Дворцовые разряды.* Т. 1. Стб. 341, 389; Т. 2. С. 17, 568. С.И. Шаховской был человеком состоятельным; его вотчины, как видно из его автобиографии и переписки, были под Москвой и в Галиче (Домашние записки князя С. Шаховского. С. 69; Переписка дьяка Третьяка Васильева // *Временник ОИДР.* М., 1851. Кн. 9. С. 5); кроме того, он имел крупный поместный и денежный оклад (ДРВ. Ч. 9. С. 280, 281) [См. *Примечание 17*].

¹⁴⁵ Под 7114 (1606) г. сам Шаховской говорит о себе в своей автобиографии: “Посланиас, стольниковистряпчих, пятнадцать человек” (Домашние записки князя С. Шаховского. С. 62). Позднее же, при царях Михаиле и Алексее, он писан был “во дворянех” (ДРВ. Ч. 9. С. 279–281; *Дворцовые разряды.* Т. 2. Стб. 718; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 486).

¹⁴⁶ Домашние записки князя С. Шаховского. С. 62–63. Этот эпизод из жизни Шаховского весьма любопытен. Князь Семен, рассказывая о своей опале, замечает, что Шуйский ему “не сказал... никакия вины”. Подобной жалобы не находим в записках Шаховского, когда он говорит о других своих ссылках и опалах. И мы можем поверить ему, что в данном случае он пострадал без личной вины: Шуйский сослал князя Семена, всего вероятнее, потому, что он был родным племянником известного Григория Петровича Шаховского, восставшего

Годы 1608–1609 князь Семен провел в Москве на службе Шуйскому и не раз бился с тушинцами; но в самом начале 1610 г., “в великой мясоед”, он изменил царю Василию и отъехал из Москвы в Тушино. В Тушине ему пришлось быть недолго: уже в феврале того же года отправился он к Сигизмунду, получил от него поместья, а затем в 1611 г., неизвестно как, очутился в Новгороде около того времени, когда Новгород взяли шведы: “и я, князь Семен, на том новгородском взятъе был”, – говорит он о себе¹⁴⁷. Однако он не остался ни в плену у шведов, ни в польском лагере, а пришел под Москву в русское ополчение. Подмосковные воеводы еще до освобождения Москвы отправили князя Семена “походным воеводою” в Торопец, откуда он вернулся в Москву уже во время избрания Михаила Федоровича¹⁴⁸.

Из этих кратких замечаний видно, как много впечатлений должен был вынести Шаховской из Смутной эпохи. Но эти личные впечатления и воспоминания совершенно не отразились на его произведениях о Смутном времени. Ему, конечно, не совсем было удобно писать со всею откровенностью о том, что он видел и слышал во время смут: пришлось бы вспоминать свою тушинскую службу и награды, полученные от короля. После прекращения Смуты, когда общественное мнение бесповоротно осуждало всякую измену, откровенность в этом отношении могла бы повредить князю Семену, и только в интимной своей автобиографии решился он записать несколько воспоминаний, весьма кратких и сдержанных, о том, что делал он в смутные годы. Знало или не знало московское правительство времени царя Михаила, как держал себя Шаховской раньше, решить трудно; но князь Семен с первых же дней царствования Михаила Федоровича начал служить новому государю. В 1613–1615 гг. он участвовал в военных действиях против поляков и два раза был ранен. Трудности походной жизни заставили его бить челом о том, что он “заволочен со службы да на службу”; но это челобитъе навлекло на него кратковременную опалу и ссылку на Унжу и не избавило от новой службы. В 1616 г. он был послан воеводою в Ядрин, где и пробыл до августа 1618 г. Осенью этого года он участвовал в защите Москвы от Владислава, а “на весну” 1619 г. был отправлен в Пронск полковым воеводою

в 1606 г. против Шуйского (*Титов А.А.* Ярославль. С. 137). Если эта догадка верна, мы имеем право предполагать, что Шуйский очень скоро забыл свое клятвенное обещание “без вины ни на кого опалы своей не класти” и не преследовать братья, жен и детей виновных лиц (ААЭ. Т. 2. № 44; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 77).

¹⁴⁷ Домашние записки князя С. Шаховского. С. 63–64; АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 183. С. 322. § XIII и с. 321. Дата 2-го марта здесь нового стиля.

¹⁴⁸ Домашние записки князя С. Шаховского. С. 64.

против татар. С лета 1619 до лета 1620 г. оставался он свободным от служебных посылок, а на вторую половину 1620 г. был отправлен вторым воеводою в Вязьму, но скоро оттуда возвратился¹⁴⁹.

С 1620 г. начались для князя Семена большие неприятности. Произошли они от разных причин, и сам Шаховской был виноват в них лишь отчасти. В конце 1619, кажется, года, после смерти своей жены, он женился в четвертый раз, и это навлекло на него преследование патриарха¹⁵⁰. В то же приблизительно время случилось событие, в котором князь Семен не был виноват, но за которое постигла его опала уже от самого государя. В 1620 г. в Москве несколько Шаховских были уличены в “великих винах” политического характера и приговорены к смерти, но помилованы и сосланы “в понизовые города по тюрьмам”¹⁵¹. Хотя князя

---

¹⁴⁹ Там же. С. 65–67; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 102, 181–182, 247, 349, 336, 341, 359, 389–390, 407, 421, 456; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 47–48, 196, 545, 507, 566, 568, 621–624, 640, 653, 717–718; ДРВ. Ч. 9. С. 279–280. Здесь ошибочно показано, что князь Семен был на службе в Можайске в 7122 (1614 г.) вместо 7142 (1633–1634 г.). Сам князь Семен неправильно говорит, что был послан в Ядрии “во 125 году”: другие источники согласно показывают 7124 год. В Вязьме он был очень короткое время: в 7129 (1620–1621) г. там уже были другие воеводы (Книги разрядные. Т. 1. Стб. 762).

¹⁵⁰ О своих женах Шаховской говорит в автобиографии, в послании к патриарху Филарету и в молитвах своего сочинения. В первом произведении читаем под 122 (1614) г.: “Того году у меня, князь Семена, жены первыя не стало”; под 127 (1619) г. – “тое весны у меня другия жены не стало после Светлова Воскресения вскоре”; под 128 (1619) г. – “того же лета на Филипово заговенье (то есть в ноябре. – С.Л.) женился я, князь Семен, на нынешней своей княгине” (Домашние записки князя С. Шаховского. С. 65–67). Таким образом, можно думать, что князь Семен женат был в молодости три, а не четыре раза. Но в послании к патриарху он говорит следующее: “Умершу ми трем женам в маловременней године и ни со единою довольно пожих, толко очима своима видех я. Со единою пожих тригодинное число, со второю полтора года, с третью девятнадцать недель... И удаляясь от различнаго многаго блудодеяния, сочтался есмь браком с девицею сушеною и жил с нею два годы, и детки, государь великий, даровал ми бог с нею” (рукописи Московской духовной академии, № 213. Л. 20 об.–21; № 214. Л. 28 об.–29). В молитвах своих Шаховской молится за упокой трех своих жен и просит долгоденствия для четвертой: “Помяни, Господи, рабы своя законоданныя ми жены: Матрону и Настасью и Татьяну...” “Помилуй, Господи Царю, и сохрани женую мою, аще и незаконно поять ю, и чада моя, еже ми еси даровал” (рукописи Московской духовной академии, № 213. Л. 314 об.–315; № 214. Л. 422–423; *Строев*. Словарь. С. 291). Таким образом, можно с полным основанием думать, что князь Семен не упомянул в своих записках одной из своих умерших жен и под “нынешней своей княгиней” разумел не третью, а четвертую супругу. Всего вероятнее, не упомянул он ту, с которой жил не годы, а недели. Мы ошибемся, во всяком случае, немного, если временем его четвертого брака будем считать 7128 г. (то есть конец 1619 г.).

¹⁵¹ РИБ. Т. 9. С. 550 и 529. “Великия вины” Шаховских были сказаны им в таких словах: “Во 128 (1620) году извещал на вас государю... Ондрей Голубов-

Семена в то время не было и в Москве, когда его родня впала в “беззаконие”, однако и его привлекли к делу, обвинив, как кажется, в недонесении и укрывательстве¹⁵². Источники не позволяют точно определить, когда именно и какое наказание понес за свои вины князь Семен. В своих записках он отметил только, что в 7130 (1622) г. он был сослан в Тобольск “в опалу в чужом деле и того же году пожалован, взят к Москве”. В своих посланиях он мимоходом замечает, что благополучно жил с четвертою женой “два года”, прежде чем его с нею разлучили. Так как последняя его женитьба, по всем соображениям, была в конце 1619 г., то разлучение с женой, по всей вероятности, произошло одновременно с ссылкой его в 1622 г.¹⁵³ Но ссылкой и разлучением беды Шаховского не ограничились. Прося ходатайства у митрополита Киприана, князь Семен говорит, что четыре года он терпит без вины, “гоним и прогоним и всячески озлоблен и расхищен”, в нищете и убожестве¹⁵⁴. Это дает повод думать, что имущество его было конфисковано. А из других его произведений видно, что он одно время был заключен и в тюрьму¹⁵⁵. Более определенных по-

---

ской, что вы в вечеру у Илейки Бочкина были и затайным воровским обычаем вы, князь Офонасей, и князь Ондрей, и князь Иван, и Илейка Бочкин называл тебя, князь Матвея, царем, а ты, князь Матвей, князя с братьею называл бояры, и сами вы в том воровстве винулись”. Князя Андрей, Афанасий, Матвей Федоровичи Шаховские по роду были довольно близки к князю Семену и имели с ним общего прадеда князя Андрея Александровича Шаховского.

¹⁵² Нет сомнения, что князь Семен был привлечен к этому именно делу. В послании к митрополиту Киприану, прося о милости к себе, он приводит такие оправдания: “Им, государям, всяко ведома суть о сих, что моя худости и на Москве не было в те дни, в них же случися братьям нашим в таковое беззаконие впасти, и не разумех о том”. Намек на “братий” здесь очень ясен. Из другого же места этого послания видно, что князя Семена обвинили в том, что он не донес о проступке родных: “Свидетельствуют о мне самом дела мои, – говорит он, – яко ниже по умышлению, ниже по лукавству некоему сиевое дело приключиси ми, о них же по неведению умолчах и за то расхищен и различными озлоблении озлоблен” (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 50, 52; № 214. Л. 65, 67 об.).

¹⁵³ Домашние записки князя С. Шаховского. С. 67; Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 21; № 214. Л. 29.

¹⁵⁴ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 51, 52 об.; № 214. Л. 66–66 об., 68.

¹⁵⁵ В первом послании Шаховского самое заглавие показывает, что автор сидел в тюрьме: “Егда ми случися строгому быти, в царстей опале сущу неповинну”. И в тексте этого послания говорится: “Ты бо, господине мой и друже, не тако просто в темницу приидох посетити убогаго мя, но и потребна принесох”. Это первое послание писано к Семену Гавриловичу: по указателю к Книгам разрядным можно видеть, что из заметных людей того времени имя Семена Гавриловича носил один Коробьин, дворянин московский. В предисловии к сборнику своих произведений Шаховской также свидетельствует, что был “в заключении и во изгнании” и писал оттуда своим друзьям (Рукописи Московской духов-

казаний о бедах князя Семена не находим ни у него самого, ни в официальных документах. Можем только догадываться, что в 1625 г. положение Шаховского уже улучшилось: в мае этого года он пишет, по поручению патриарха, официальное послание персидскому шаху, в котором убеждает шаха принять православие, а в июле 1625 г. князь Семен служит во дворце¹⁵⁶. Но опала с него не была снята: на службу его не посылали до 1628 г., а затем отправили воеводой в Енисейск, где он и пробыл до начала 1631 г. Потом в качестве опального человека он жил в Тобольске еще около года и возвратился в Москву только в августе 1632 г.¹⁵⁷

Со смертью патриарха Филарета в 1633 г. Шаховские, действительно виновные, были помилованы и возвращены в Москву; им был дан совет “впредь свои великие вины покрывать службою”. И неповинный князь Семен вместе с прочею роднею снова начал служить по смерти Филарета, как служил до своей опалы. В 1633–1637 гг. он ходил в походы против поляков и участвовал в дипломатических сношениях с Польшей¹⁵⁸. В 1638 г., с апреля по ноябрь, был он против крымцев воеводою на Крапивне и местничался с князем С. Гагиным, причем был обвинен и в феврале 1639 г. за Гагина сидел в тюрьме¹⁵⁹. Вслед за тем его отправили воеводою на Терек, где он оставался до 1642 г.¹⁶⁰ В самом кон-

---

ной академии, № 213. Л. 2, 3 об.; № 214. Л. 2, 3 об.). Не знаем, откуда почерпнул митрополит Евгений свое известие о том, что князь Семен был заключен в Чудове монастыре (*Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь русских святских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина. М., 1845. Т. 2. С. 248).

¹⁵⁶ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 24 об.–43; № 214. Л. 32–55; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 699; *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 11. С. 65–66 и 228–229.

¹⁵⁷ Московский вестник. 1830. V. С. 67; Дворцовые разряды. Т. II. С. 17, 186; Книги разрядные. Т. II. С. 208, 299, 365; ДРВ. Ч. 3. С. 149 (и 147), 150. Т. IX. С. 280.

¹⁵⁸ РИБ. Т. 9. С. 529, 551; Домашние записки князя С. Шаховского. С. 67–68 (ср.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 349, 355, 373, 380, 413, 438, 445). В 1637 г., 20-го февраля, он был даже отправлен посланником в Польшу (Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 530, 873; ДАИ. Т. 4. № 138. С. 430; Памятники дипломатических сношений. СПб., 1867. Т. 3. С. 89, 121, 122; АЗР. Т. 5. № 14 и 15; Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1. С. 345–346; Изборник. С. 377–378). [Посольство князя С. Шаховского в Польшу обстоятельно изложено Н.Н. Бантыш-Каменским в его “Переписке между Россией и Польшей по 1700-й год” (Чтения ОИДР. 1862. Т. 4. С. 92–93)].

¹⁵⁹ Домашние записки князя С. Шаховского. С. 68; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 568, 590–591, 599–600; РИБ. Т. 10. С. 110, 113–114; 127; ДРВ. Ч. 9. С. 280–281. В 1637–1639 гг. видим иногда князя Семена за государевым столом (РИБ. Т. 10. С. 100, 180).

¹⁶⁰ О Терской службе князя Семена показания источников разноречивы: сам Шаховской говорит, что на Терек его послали в 147 (1639) г. (Домашние

це 1643 г. его посылали в Тверь, встречать королевича Вольдемара на его дороге в Москву¹⁶¹. Так обычным московским порядком шла жизнь Шаховского до тех пор, пока весной 1644 г. не разразилась над ним, неизвестно за что, новая опала. Он был послан на далекое воеводство в Усть-Колу и служил там до апреля 1646 г.; оттуда был переведен в Устюг и там оставлен до начала 1647 г. Там ждал он государевой милости и прощения: “ожидал, ... что велят мне быть к Москве, – так писал он дьяку Васильеву, – а вместо такового чаяния подвинули меня подале, указал мне государь быть у Соли у Вычегодской”. Князя Семена хотели, кажется, вместо Москвы отправить на Лену, где тогда только что был построен “город Якутской”. Но эта посылка не состоялась: в феврале 1648 г. от государева гонца узнал Шаховской, что государь велел его “от ленские службы отставить, а до своего государева указу велел еще побыть у Соли”. И только в конце 1648 г. его отпустили из Сольвычегодска в его вотчину в Галич, а затем позвали и в Москву. Но опала миновала не надолго: уже на маслянице 1649 г. князь Семен снова поехал в ссылку в Томск¹⁶². Хотя сведений о его жизни после 1649 г. совсем

записки князя С. Шаховского. С. 69); в Древней российской вивлиофике (ДРВ. Ч. 9. С. 381) пребывание его на Тереке показано в 149–150 (1641–1642) гг.; а из Дворцовых разрядов (Т. 2. Стб. 633, 639) видно, что назначение его на Терскую службу состоялось 5-го мая 7148 (1640) г. И о конце этой службы известия несогласны: по одним показаниям, князь Семен остался на Тереке и в 7150 (1642) г., по другим же – в этом 7150 г. воеводою Терским был М.П. Волинский (ДРВ. Ч. 9. С. 281; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 662, 688).

¹⁶¹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 718; *Соловьев*. История. Т. 9. С. 291–292. Сам князь Семен ошибочно написал, что эта его служба была в 1642 г.: “во 151 году... на Рождество Христово” (Домашние записки князя С. Шаховского. С. 69).

¹⁶² В своих записках Шаховской не объясняет причины опалы (Домашние записки князя С. Шаховского. С. 69). В переписке же с тобольским дьяком Т. Васильевым, которая относится к 1647–1648 гг. (Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 9. № 1–4), князь Семен объясняет свои беды не преступлением или проступком, а вообще своими грехами: “А напасти, государь мой (пишет он в первом своем письме. – С.П.), за грехи постизают мя, а иного не вем в себе ничесо же”. Ту же мысль развивает он очень пространно и в третьем письме. Обстоятельства этой ссылки Шаховского изложили мы по его запискам и переписке с Васильевым. Кроме того, см.: ДРВ. Ч. 3. С. 176 (здесь показано, что Шаховской был в 1647 г. в Томске; это опровергается его перепиской), с. 161; Т. 9. С. 281. При переезде из Колы морем к Архангельску, Шаховской и его спутники едва не погибли от бури. Спасение свое они приписывали чудотворению преподобного Сергия Радонежского; князь Семен составил святому “кондаки и иконы по подобию неседалных” и принес их к троицкому келарю Симону Азарьину, когда возвратился из ссылки. Симон же описал все это в своей Книге новоявленных чудес преподобного Сергия (рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 93–95). [Издана в Памятниках древней письменности (СПб., 1888. Т. LXX). См. с. 73–74].

нет, однако является возможность утверждать, что он в Сибири не умер, но возвратился в Москву и еще в 1653 г. переписывался с троицким келарем Симоном Азарьиным¹⁶³. В это время ему шел, по крайней мере, седьмой десяток лет (около пятидесяти лет он уже находился на службе); вероятно, князь Семен и скончался в 50-х гг. XVII в.

Трудно догадаться, почему так много потерпел в конце своей жизни такой благочестивый человек, как князь Семен. Его знакомый дьяк Т. Васильев называет его человеком “предивным, шествующим путем правды, и немало разумеющим божественнаго писания, и приемшим по дару Божию много здраваго учения”. Патриарх Филарет, преследовавший Шаховского, именно ему поручил составление своего послания к шаху; очевидно он считал князя Семена способным к такому важному труду, в котором должны были сочетаться и правые богословские знания, и литературные способности. Из сочинений князя Семена видно, что многие лица считали его авторитетом в делах веры и обращались к нему за разрешением своих сомнений. Изучая его произведения, мы действительно убеждаемся в большой начитанности Шаховского в книгах священных и церковных. Как писатель он является пред нами писателем-богословом. Его излюбленные темы – похвальные слова святым, церковные службы, молитвы; в просительных своих посланиях и в частных письмах он легко обращается к религиозным размышлениям и наставлениям; если же берется за исторический сюжет, то непременно обрабатывает его в форме богословского трактата, религиозно-нравственно-

---

¹⁶³ Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 108 [С. 86–87]: “161 (1653) году... писал ко мне, келарю Симону, с Москвы князь Семен князь Иванов сын Шаховской...”. В этом письме князь Семен сообщает келарю, что пожар в его вотчине был остановлен иконою преподобного Сергия. Так как он упоминает здесь об иконах “своего творения”, то нет сомнения, что это был именно писатель Шаховской. Но другие известия о Семене Ивановиче Шаховском, дошедшие от второй половины XVII в., не могут относиться непременно к С.И. Шаховскому-Харе. В роде Шаховских был другой Семен Иванович, поколением младше князя Семена Хари, приходившийся ему, если не ошибаемся, троюродным племянником (*Титов А.А.* Ярославль. С. 136). Он начал свою службу стряпчим около 1640 г. и был потом стольником; упоминания о его службе в Москве встречаем в 1640 и 1647 гг., как раз тогда, когда старшего князя Семена в Москве не было (РИБ. Т. 10. С. 215, 366, 372, 377). Зная о существовании второго С.И. Шаховского и не имея точных указаний на жизнь князя Семена Хари после 1649 г. (на котором он прекратил свои записки), мы не можем решить, к кому из них отнести следующие, например, данные: в 1652 г. С.И. Шаховской упоминается в одном из богомольных походов государыни; в Боярских книгах 7166 (1657–1658) и 7176 (1667–1668) гг. С.И. Шаховской показан дворянином московским. Сомневаемся, чтобы князь Семен мог дожить и дослужить до 1670, приблизительно, года.

го поучения. Таково его Слово о пожаре московском 1626 года¹⁶⁴. В нем находим лишь несколько слов о самом событии, и то довольно общих и риторичных; но пожар дает автору повод сказать москвичам обширную обличительную проповедь на ту тему, что несчастье было Божьим наказанием за грехи московских людей. Таким же точно характером благочестивого поучения отличаются и произведения Шаховского о Смуте. В них изображение фактов не играет главной роли: события Смуты интересуют автора постольку, поскольку на них оправдываются его религиозно-нравственные взгляды. Излагая эти взгляды и в них полагая главное значение своего труда, Шаховской счел более удобным для себя при описании фактов воспользоваться готовым рассказом о Смуте, находящимся в Повести Катырева.

Оба произведения Шаховского, касающиеся Смутного времени, так тесно связаны между собою, что их правильнее считать одною повестью, разделенною на две части только заглавиями¹⁶⁵. В первом из этих произведений описаны преступления Бориса Годунова, во втором – то возмездие, какое он получил от Бога за эти преступления. Основная мысль, одинаково заметная и в том, и в другом повествовании, такова: ни один грех не остается без наказания, как не остается без награды терпение и страдание. Борис, много согрешивший властолюбия ради, мог бы загладить свою вину перед Богом, если бы начал “по воле Божии... власть свою строить”; но он не сделал этого и погиб от самозванца, в свою очередь, скоро ниспровергнутого за свои беззакония. Невинно же пострадавший Димитрий сподобился дара чудес и был прославлен как святой¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 113 об. – 140; № 214. Л. 149–185 (самое же описание пожара находится в рукописи № 213 на л. 115–116 об., в рукописи № 214 на л. 151–153).

¹⁶⁵ Оба произведения находятся в сборнике сочинений Шаховского непосредственно одно за другим. Первое носит заглавие “Повесть, известно сказуема, на память великомученика благовернаго царевича Димитрия, о убиении его и о преславном обретении телеси, и о язве людстей. Списано Семионом Шаховским” (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 267–285 об.; № 214, л. 362–386). Часть этого заглавия (“о преславном обретении телеси”) относится к содержанию уже второго произведения, в котором повествуется об открытии мощей царевича. Второе произведение озаглавлено: “Повесть о некоем мнисе, како послася от Бога на царя Бориса во отмщение крове праведнаго царевича Димитрия” (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 286–301; № 214. Л. 387–404 об. Существует и отдельный список. См.: Чтения ОИДР. 1879. Кн. 2. Протоколы заседаний. С. 4) [РИБ. Т. 13. Стб. 837–876]. Листы рукописи № 213 помечены на полях печатных страниц, почему далее последние не указываются.

¹⁶⁶ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 281 об.–284 об., 293–296; № 214. Л. 381 об.–385, 395 об.–399.

Свой рассказ о страданиях Дмитрия Шаховской начинает пространным описанием того, как угождают Богу Его святые или отшельничеством, или подвигами труда и послушания в общежитии, или, наконец, мученичеством. Мученического венца достиг и царевич Дмитрий. Приступая к изображению его судьбы, автор боится, что не сумеет этого сделать по своему невежеству и “юродству ума”. Решается он писать лишь в надежде на Божью помощь и с тем соображением, что жития святых можно описывать “не витийскими словесы и риторским разумом”, а простою речью. “Жития святых и мучения и доблести их ясно не скажутся, – говорит он, – яко же и не книжным мочно простым глаголемая внимати”. В судьбе царевича Дмитрия прежде всего занимает автора его “многобрачное рожество”, то есть то, что царевич родился “от шестыя жены” Грозного. “Не осудится бо всяк родивыйся от многобрачия родительским согрешением”, – пишет он и указывает затем, что даже в книге родства Иисуса Христа можно найти примеры неправильных браков. За этим обширным вступлением начинается у Шаховского и самое Житие царевича.

Помянув о смерти Грозного, автор характеризует степень власти Бориса словами Катырева: “И самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити”¹⁶⁷. После кратких самостоятельных замечаний о честолюбии Бориса и ссылке в Углич царевича¹⁶⁸, Шаховской в рассказе о смерти царевича, о бессилии царя Федора узнать правду в этом деле, о московском пожаре 1591 г., о кончине царя Федора, – прямо следует словам Катырева, изредка дополняя их риторическими вставками¹⁶⁹. Изменив затем со стороны слога и сократив известие Катырева об избрании Бориса в цари, Шаховской приступает к обстоятельному развитию основной идеи своего произведения, уже указанной нами. Вспоминая судьбу Саула, говорит он, что Борис, став царем, не избежал этим

---

¹⁶⁷ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 278 об.; № 214. Л. 377; Изборник. С. 285 [РИБ. Т. 13. Стб. 563 и 631].

¹⁶⁸ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 278 об.–279; № 214. Л. 377 об.; по словам Шаховского, Борис “посылает юнейшаго брата царева Дмитрия царевича и с материю его на Углич лестию, якобы власть даруя ему”. Обыкновенно в сказаниях читаем, что Дмитрия на Углич отправил царь Федор; к показанию Шаховского близки только Хронограф 2-й редакции (Изборник. С. 186–187) и “Сказание и Повесть, еже содеяся” [РИБ. Т. 13. Стб. 1278 и 715].

¹⁶⁹ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 279–281; № 214. Л. 378–380 об.; Изборник. С. 285 (от слов: “послал тайбников своих”), 286 (до слов: “аки овца не имеюще пастыря” [РИБ. Т. 13. Стб. 564–565 и 631–633]). Из дополнений Шаховского исторический характер имеет только одна заметка, что царь Федор не мог узнать о смерти брата, “понеже удержан бысть властью убийцы оного”, то есть Бориса.

суда и кары Божьей. Спасти его могло бы благочестивое правление и добрые дела. Но Борис “слепотою объят бысть и братоневидением”; он стал гордиться, стал подозревать и преследовать своих подданных. Словами Катырева излагает Шаховской опалу на Романовых¹⁷⁰ и затем замечает, что именно с тех пор, как обнаружались грехи Бориса-царя, Господь послал ему казнь, поразив его народ голодом и мором. Немногим позже голода явился Борису новый мститель от Бога – самозванец, которого Шаховской сравнивает с Фокою, убийцею императора Маврикия. Но рассказ об этом мстителе автор обещает дать уже в другой повести. Борис “суд прият подобен своему нечестно, – пишет Шаховской, – и многожелаемого своего владычества лишается образом сим, яко же zde явственню Повесть предложити вам хошу”.

Таким образом, Повесть о некоем мнисе, по признанию самого автора, является непосредственным продолжением Повести о смерти царевича. Начинается она рассказом о похождениях самозванца на Руси и в Польше, причем этот рассказ, с чисто внешними стилистическими изменениями, прямо взят из Повести Катырева¹⁷¹. Затем, опуская все подробности борьбы самозванца с войсками царя Бориса, Шаховской берет у Катырева лишь немногие строки о том, как распространился на Руси слух о самозванце и как Борис приготовился к борьбе со своим врагом¹⁷². Душевное состояние Бориса при этом он рисует обстоятельнее, чем Катырев: хотя Бориса и мучила совесть, тем не менее, он “мужески” ополчался на самозванца, напрасно думая избежать Божьего мщения. Оно скоро постигло его: сам Борис умер внезапною смертью, а семья его стала жертвою Расстриги. При описании смерти Бориса, гибели его семейства и торжества самозванца Шаховской возвращается к тексту Катырева и передает его в сильно сокращенном виде с изменениями и вставками, мало интересными в историческом отношении. Словами Катырева характеризует он и царствование Расстриги¹⁷³, причем, сообщая о женитьбе само-

---

¹⁷⁰ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 284 об.; № 214. Л. 385. Изборник. С. 287: “Не срами же ся и славна роду” и т. д. [РИБ. Т. 13. Стб. 567 и 636].

¹⁷¹ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 286–289; № 214. Л. 387–390 об. Изборник. С. 287–288 (до слов: “и отпускает доягати царства отеческаго”) [РИБ. Т. 13. Стб. 568–571 и 638–642].

¹⁷² Изборник. С. 287 [РИБ. Т. 13. Стб. 567–568 и 637–638]. Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 289–290; № 214. Л. 390 об.–391 об.

¹⁷³ При описании царствования самозванца заимствования Шаховского идут приблизительно в таком порядке: рассказав о свержении и заточении Годуновых (Изборник. С. 292), он в двух самостоятельных фразах говорит о воцарении Лжедмитрия; затем сообщает словами Катырева о замыслах самозванца против православия (Изборник. С. 293 в конце), о свержении Иова, о поставлении в

званца, дает самостоятельный отзыв о поведении Гермогена при Лжедимитрии¹⁷⁴. Очень близок к тексту Катырева и рассказ о свержении самозванца и поругании его тела, об избении поляков в Москве и о тех физических явлениях, которые совпали с переворотом 17-го мая¹⁷⁵.

От описания гибели самозванца Шаховской переходит к отвлеченным размышлениями окончательно выясняет главную мысль своего повествования. Он показывает читателю, что и Борис, и самозванец пали вследствие своих грехов; ему остается для полного раскрытия темы показать, что награда не замедлила явиться тому праведному страдальцу, судьба которого была связана с судьбою описанных автором злодеев. И Шаховской обращается к рассказу об открытии мощей царевича. Кратко говорит он, заимствуя фразы у Катырева, об избрании на царство царя Василия и о возведении в патриархи Гермогена; затем дает самую общую характеристику последующей Смуты “даже и до благочестиво царствующа великого князя Михаила Федоровича”¹⁷⁶. Эта характери-

---

патриархи Игнатия, о судьбе царевны Ксении (Изборник. С. 292), о призвании в Москву Мнишка и других поляков, о женитьбе самозванца с позволения Игнатия (Изборник. С. 293–294) [РИБ. Т. 13. Стб. 577–578, 580–581, 578–579, 581].

¹⁷⁴ После сообщения, со слов Катырева, что Игнатий благословил самозванца на женитьбу “безо всякаго прекословия” (Изборник. С. 294) [РИБ. Т. 13. Стб. 581], Шаховской пишет: “Митрополиту же казанскому Ермогену, единому по благочестию поборнику, ревностию всяко Божиею много запрещающе ему (то есть Расстриге. – С.П.) о сквернобрачии сем, глаголюще: яко не достоит ти есть, царю, совокупитися со иноверною отроковицею, не омыв ю духовною банею паки бытия, сиречь святым крещением. Он же, окаянный, никако сего восхоте послушати, яко аспид глухий затыкая уши своя, и многу ненависть и рвение воздвизает на блаженного сего отца. Аще не бы Бог прекратил дние его, без сумнения. Убил бых того окаянный” (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 291 об.–292; № 214. Л. 394. Ср. отзыв Катырева о Гермогене в Изборнике (С. 295)) [РИБ. Т. 13. Стб. 583, 659].

¹⁷⁵ Изборник. С. 294, от слов: “Во десятый же день...” до слов: “волнение в царствующем граде даже и до третьяго дня”. [РИБ. Т. 13. Стб. 581–582 и 656–657]; рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 292–293; № 214. Л. 394 об.–395 об.

¹⁷⁶ Этот обзор Смуты не дает исторически ценных сведений благодаря своей чрезвычайной краткости. Читая его, невольно думаешь, что он писан под впечатлением шестой главы Сказания Палицына. На это же как будто намекают и следующие слова Шаховского: “Не аз, иже невежда по всему, но и мудр некто не бы могл писанием представити нужду тогдашняго времени; и несть мощно подробну глаголати ныне, паче же и слову удоложитися. Хотяй навькнути о сиковых да прочита: в летописных историях мало что изьявлено суть любомудрецы” (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 297–297 об.; № 214. Л. 400–400 об.). В то время, когда писал Шаховской (в царствование Михаила Федоровича), еще не появились исторические труды С. Азарьина и Ивана Наседки; Сказание Палицына было единственною “историею”, где обстоятельно были описаны ужасы Смутной поры и бедствия русских людей.

стика служит для него как бы введением в рассказ об обретении мощей Димитрия. “Внегда убо царю Василью скипетры царския удержавшу и мятежу велию бывшу, той же... Ермоген воспоминает царю, да послется от него на взыскание телеси праведнаго царевича”, – так начинается Шаховской свой рассказ¹⁷⁷. Из лиц, посланных в Углич за мощами, называет он одного Филарета Никитича и повторяет о нем почти буквально отзыв Катырева¹⁷⁸. Самое же обретение и перенесение мощей описывает он такими общими фразами, в которых нельзя уловить сколько-нибудь ценных показаний. Очевидно, с подробностями этого дела он был мало ознакомлен и не знал такого обстоятельного источника, из которого мог бы черпать свои сведения в данном случае так же удобно, как в других случаях из Повести Катырева¹⁷⁹. Повествование свое князь Семен оканчивает молитвою к святому царевичу Димитрию и просит помощи от всех бед “благоверному царю Михаилу”.

Двукратное упоминание о царе Михаиле свидетельствует, что Шаховской писал не позже 1645 г., а его зависимость от Повести Катырева говорит нам, что он не мог писать раньше 1626 г. Точнее указать время составления его Повестей мы не можем, да в этом не представляется и нужды ввиду ничтожного исторического значения произведений князя Семена. Для того, чтобы окончить речь о них, заметим, что Шаховской переделывал Повесть Катырева иногда очень небрежно, как бы спеша, и поэтому допускал в своем изложении некоторые несообразности и неловкости. Отметим, например, следующее место. Рассказывая о смерти Бориса, Шаховской затем так сокращает повествование Катырева: “Слышана же бысть смерть царева в оем и всем людем, и сотвориша совет, да отоимут скипетр от дому его (то есть Бориса. – *С.П.*)... и предадут царство в руке грядущаго (то

---

¹⁷⁷ Приведенная фраза Шаховского включает в себе две неточности: с одной стороны, перенесение мощей царевича состоялось до появления открытой смуты при Шуйском; а с другой – Ермоген не участвовал в деле перенесения мощей. Эти ошибки нашего автора показывают, что он не руководился ни официальными грамотами Шуйского, ни Повестью о перенесении мощей Димитрия, составленную в 1607 г. (показания этих памятников рассмотрены нами в первой главе нашего труда). Источники Шаховского в данном случае определить трудно; но нельзя не заметить, что в Хронографе 2-й редакции находятя подобные же фактические неточности (Изборник. С. 195–196) [РИБ. Т. 13. Стб. 1298–1299].

¹⁷⁸ Изборник. С. 312–313 [РИБ. Т. 13. Стб. 619 и 706]; Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 297 об.–298; № 214. Л. 401.

¹⁷⁹ Шаховской, насколько можно судить, не знал даже месяца и дня принесения мощей царевича в Москву. Он оставил пробел для того, чтобы вписать число и месяц, и почему-то не вписал (Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 298 об.; № 214. Л. 402).

есть самозванца – С.П.). И тако утверждают совет и предаются в руже злокозненного мниха оного”. Читатель думает, что речь идет о Москве и всем государстве, но сейчас же встречается фраза: “Слышана же бысть сия в царствующем граде, яко предашася все многособранное воинство в руже оного и воздвигоша оружие, и придоша на царский двор, и пограбиша вся царская сокровища”¹⁸⁰. При сопоставлении этих мест с Повестью Катырева становится ясным, что Шаховской в первой фразе очень неудачно сократил рассказ Катырева об измене Федору Борисовичу в полках, а вторую фразу об измене в Москве частью списал у Катырева, частью же составил сам. Далее, сокращая изложение Катырева, Шаховской постоянно выбрасывал из повествования собственные имена¹⁸¹ и отдельные известия и не всегда заботился о восстановлении нарушенной пропусками грамматической правильности речи. В этом отношении любопытна такая частности: Шаховской говорит о трупе Лжедмитрия, что его положили на площади “нага суща, ничим покровенна, и ле жа х у труп его три дни”. Неправильное употребление формы “лежаху” объясняется текстом Катырева: “Положиша его... на площади, нага суща, в знак ничем прикровенна; под ногами же положиша боярина П. Басманова... и тако ле жа х у труп и я их”¹⁸². Такие литературные оплошности Шаховского ясно показывают (если только в этом может быть сомнение), что именно он делал заимствования у Катырева, а не наоборот.

От произведений князя Шаховского, представляющих собою типичный образец риторического искусства его эпохи, перейдем к безыскусственной по форме “Книге, глаголемой Новый летописец”. В XVII в. она была распространена во множестве списков¹⁸³; богатством своих показаний она рано обратила на себя внимание историков и была издана два раза в прошлом сто-

---

¹⁸⁰ Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 290–290 об.; № 214. Л. 392–392 об.; Изборник. С. 290–291, 292 [РИБ. Т. 13. Стб. 574–575, 577 и 648, 650].

¹⁸¹ Так, при описании жизни самозванца в Литве, Шаховской выпустил все личные и географические имена, находящиеся у Катырева, кроме имени Мнишка.

¹⁸² Рукописи Московской духовной академии. № 213. Л. 292 об.; № 214. Л. 395; Изборник. С. 294 [РИБ. Т. 13. Стб. 281, 656–657].

¹⁸³ Трудно перечислить все списки этого памятника: они находятся во всех наших древлехранилищах. Мы лично не могли принять на себя громадный труд их сличения и ограничили свои занятия одними напечатанными текстами, в той уверенности, что одно из печатных изданий счастливо воспроизвело первоначальный текст памятника (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8).

летии и один раз в настоящем¹⁸⁴. В наше время известия Нового летописца пользуются большим вниманием со стороны историков Смуты, но и до сих пор ничего не сделано для того, чтобы осветить происхождение этого ценного памятника.

Изучение текста Нового летописца не дает никаких прямых указаний на его автора. Автор очень немного говорит о себе самом. В первый раз, описывая чудесное видение 1611 г. и не доверяя ему, он замечает: “Обаче аз написах се, а не мимо идох”. В другом месте при рассказе о том, что поляки, осажденные в Кремле, питались человеческим мясом и делали запасы этого мяса, автор прибавляет: “То сами видехом очима своима”¹⁸⁵. На основании этих фраз нельзя делать никаких заключений о личности писателя; можно только считать его современником Смуты. Мы не остановились бы на вопросе о личности составителя Нового летописца, если бы не встретили в “Истории Российской” Татищева намек на то, что автором этого произведения Татищев считал Иосифа, келейника патриарха Иова, или же самого Иова¹⁸⁶. Нельзя, ко-

---

¹⁸⁴ Летопись о многих мятежах и т.д. (1-е изд. СПб., 1771; 2-е изд. М., 1788); Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича / издан по списку кн. Оболенскаго // Временник ОИДР. М. 1853. Кн. 17 [ПСРЛ. Т. 14]. Из этих печатных текстов первоначальным мы считаем тот, который помещен в Никоновой летописи. Он сохранил свое первоначальное заглавие: “Книга, глаголемая Новой Летописец; степень царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руси, в ней же сперва степени немногие главы царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси; в начале убо книги о взятии царства Сибирского; нача писати с 92 (1584)-го году и *доныне*” (то есть до 1630 г., которым оканчивается список. См.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 1 и 256; ПСРЛ. Т. 9. С. VIII) [ПСРЛ. Т. 14. С. 33]. В этом тексте находим много указаний на то, что он составлялся действительно при патриархе Филарете (эти указания будут приведены ниже) и именно около 1630 г. Другой печатный текст (в Летописи о мятежах) сохранил вообще неприкосновенно первоначальную редакцию памятника, но утратил несколько первых статей его и имеет позднейшие приписки (Летопись о мятежах. С. 343–366). А тот текст Нового летописца, который начинается кратким обзором всей русской истории и который был принят князем Оболенским за “первобытный” текст (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича), есть не что иное, как позднейшая литературная переработка, стершая указания первоначальной редакции на автора и время составления. Мы будем руководиться при разборе памятника его первоначальным текстом и в своем месте дадим ряд сопоставлений, которые оправдают изложенные здесь замечания.

¹⁸⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 173–197; Летопись о мятежах. С. 233, 265. В Новом летописце оба эти указания выпущены (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 143, 157–158), что свидетельствует о позднейшем происхождении текста.

¹⁸⁶ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Т. 1. Предызвещение. С. XII. Татищев не говорит прямо о Новом летописце. Приписывая митрополиту Макарию описание первых 26 лет “жизни” Ивана

нечно, думать с Татищевым, что летопись, доходящую до 1630 г., составил Иов, умерший в 1607 г. Но келейник патриарха мог на много лет пережить его и, как современник Смуты, мог быть автором Нового летописца. В нашем распоряжении нет известий об этом келейнике Иосифе, мы не можем поэтому проверить показания о нем Татищева; но мы интересуемся этим показанием потому, что оно дает нам известную точку зрения на памятник, дает повод считать Новый летописец произведением, составленным при патриаршем дворе. К такому же взгляду на происхождение Нового летописца приводят и некоторые другие соображения.

В источниках сохранились указания на то, что московские патриархи XVII в., и особенно – Гермоген, были прикосновенны к делу составления, переписки и хранения летописей. Эти указания, как их ни мало, вполне заслуживают внимания. Ту летопись, которая теперь известна под названием Воскресенской, люди XVII в. считали патриаршею: они называли ее “летописцем святейшаго патриарха Гермогена”¹⁸⁷. Список этой летописи

Грозного, он затем говорит: “Иосиф, келейник Иова патриарха, или сам Иов некоторые дела онаго ж государя последних 24 года, но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михаила довольно пространно (описал)”. Несмотря на всю неточность выражений Татищева, думаем, что он здесь понимает именно Никонову летопись с ее продолжением Новым летописцем. Макарьевская летопись, по представлению Татищева, обнимала 26 лет “жизни” Грозного и, стало быть, должна была кончаться 1556 г., а летопись Иова (Иосифа) обнимала последние 24 года жизни Грозного и, стало быть, должна была начинаться 1560 г. Из московских сводов до конца 50-х годов XVI в. доведены Воскресенская и Никонова летописи и Степенная книга. Но только одна Никонова летопись имеет краткие приписки о конце царствования Грозного (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 313–316) и добавления о Грозном, царе Феодоре и Смуте – в Житии царя Феодора и в Новом летописце (Там же. Ч. 7, 8). Это дает уже повод догадываться, что приведенные слова Татищева должны относиться к Никонову своду. Еще большее основание для такой догадки заключается в том обстоятельстве, что в V томе своей Истории Татищев пересказывал именно последние части Никонова свода со всеми отрывочными известиями о времени Грозного и с Житием Феодора патриарха Иова (*Татищев В.Н.* История Российская. М., 1848. Т. 5. С. 490–530; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 313–359). При таких условиях ясно, что Татищев считал Иова и Иосифа авторами последних частей Никоновой летописи (и Нового летописца), а не другого какого-нибудь произведения.

¹⁸⁷ Мы утверждаем это по следующим соображениям: в одной из родословных книг, писанных, как думают, в начале XVII в., включено родословие литовских великих князей. Пред ним находится статья: “Предисловие родом великих князей литовских” и при ней замечание: “Списано с Летописца святейшаго патриарха Гермогена Московскаго” (Родословные книги // *Временник ОИДР*. Кн. 10. С. 74 и Предисловие. С. I; *Барсуков Н.П.* Рукописи Археографической комиссии. С. 23). Сравнивая это “предисловие родом” с московскими сводами, убеждаемся в том, что выписка о литовских князьях сделана из Воскресенской летописи и ее добавочных статей (Ср.: *Родословные книги*. С. 74–75; ПСРЛ. Т. 7.

был позднее, в 1658 г., в руках патриарха Никона, который и пожертвовал его в только что основанный Воскресенский монастырь¹⁸⁸. Таким образом, история одного из подробнейших летописных сводов московских связана с именами двух московских патриархов, и это дает повод думать, что после исторических трудов митрополита Макария (Степенная книга) и патриарха Иова (Житие царя Феодора) последующие московские иерархи не пренебрегали летописным делом. На ту же мысль наводит и весьма вероятное, как мы видели, предание о происхождении Филаретовой Рукописи. Наконец, имеем мы и прямое свидетельство самого Гермогена о том, что он записывал “в летописцах” замечательные события его времени¹⁸⁹. Ряд подобных указаний невольно возбуждает вопрос: если при патриаршем дворе существовали летописные своды, если Гермоген, как он сам говорит, делал записи о событиях, то где искать патриаршую летопись за позднейшие (XVI—XVII) века и где искать те записи Гермогена, которые относятся к Смутному времени? Помимо Нового летописца, из всех известных нам общих повествований о Смуте безусловно ни одно не может считаться произведением патриаршим, кроме Рукописи Филарета. Но изучая все те дополнения, какие привнесены в этом последнем памятнике к Повести Катырева, не находим никаких следов литературного творчества Гермогена. Остается, стало быть, предположить, что записи Гермогена или не дошли до нас вовсе, или же находятся именно в Новом летописце, который чрезвычайно богат сведениями, пользовался, очевидно, официальными источниками и был в руках патриарха Никона как дополнение к Никоновой летописи¹⁹⁰.

Было бы довольно легко оправдать это последнее предположение, если бы нам удалось отыскать в тексте Нового летописца

253–254 и 165. См. также: Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793–1794. Ч. 1. С. 48–49; Ч. 2. С. 239–240).

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 7. Предисловие. С. VI.

¹⁸⁹ “И то чудо в летописцах записали мы”, – таковы слова патриарха (ААЭ. Т. 2. № 169. С. 290–291).

¹⁹⁰ Описание списка Никоновой летописи, отданного Никоном в Воскресенский монастырь см.: ПСРЛ. Т. 9. Предисловие. С. VIII–IX. Мы не имеем твердых данных, чтобы установить официальное происхождение этого свода, но не можем не указать на следующее: в Никоновой летописи находится официальное повествование Иова о Житии царя Феодора; Никонова летопись очень близка по составу к Воскресенской; Никонову летописью в XVII в. интересовались официально: в 1637 г. один из ее списков, принадлежавший Троице-Сергиеву монастырю, был доставлен “по государеву указу” в приказ Большого Дворца (Там же. С. VII–VIII). Совокупность этих признаков, вместе с общим официальным тоном этой летописи, дает некоторое право считать памятник официальным.

изложение того факта, который хотел занести патриарх Гермоген в свой летописец. В грамоте своей к русским изменникам, отъехавшим от царя Василия, Гермоген свидетельствует, что сам Бог немедленно наказал людей, восставших на законного государя Шуйского. “Преславно, Божиим праведным судом, – говорит патриарх, – те враждотворцы сами от Бога в мгновении ока месть возсприяша и разоришася, ни от кого, но сами от себя.... И то чудо в летописцах записали мы” – прибавляет Гермоген¹⁹¹. Естественно было бы ожидать, что в Новом летописце (если он действительно был составлен при Гермогене) мы встретим рассказ об этом чуде, на которое патриарх только намекает в своей грамоте. Обращаясь к тексту памятника, мы находим в нем повествование о тех событиях, по поводу которых составлены грамоты Гермогена: Новый летописец перечисляет несколько отъездов из Москвы в Тушино¹⁹². Но при этом он не упоминает о скорой гибели изменников и не говорит ни о каком чуде¹⁹³. Таким образом, мы лишены возможности подтвердить свою догадку текстом разбираемого памятника. Вневне оказывается того, что записывал Гермоген в своей летописи.

Однако на этом основании еще нельзя заключать, что Гермогеновская летопись исчезла для нас совершенно бесследно. Мы можем только утверждать, что она не дошла до нас в том виде, какой имела при Гермогене. Но легко может быть, что материал, собранный Гермогеном для истории Смуты, не пропал, а был сведен и переработан позднее, уже по смерти Гермогена. Не представляет ли собою Новый летописец именно такого свода данных, официально собранных при патриаршем дворе для истории Смуты? В такую форму облекается в конце концов вопрос о происхождении Нового летописца, и для разрешения этого вопроса негде искать указаний, кроме текста самого памятника.

Наблюдения над этим текстом прежде всего приводят к мысли, что Новый летописец не есть летопись в строгом смысле это-

---

¹⁹¹ ААЭ. Т. 2. № 169. С. 290 и примеч. 19.

¹⁹² Ср.: ААЭ. Т. 2. № 169, Новый летописец (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 101–102, 111–112, 122–123, Летопись о мятежах. С. 136–137, 150–151, 165; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 95, 101–102, 107).

¹⁹³ Правда, в Новом летописце есть рассказ о необычайной чудесной кончине изменников, просивших “с лестию” патриаршего благословения. Но об этом повествуется уже после рассказа о свержении Шуйского; изменники, проклятые Гермогеном и погибшие страшною смертью, были уже не тушинцы, а слуги Сигизмунда и поляков. Поэтому нет возможности отождествить это чудо Нового летописца с чудом Гермогеновой грамоты (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 141–142; Летопись о многих мятежах. С. 190–191; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 121–122).

го слова. Его повествование представляется читателю не рядом разновременных записей, сделанных по годам, а довольно цельным рассказом, составленным, так сказать, за один прием. Много данных говорят нам, что этот рассказ во всех его частях был писан не в Смуту, а после нее, – в то приблизительно время, к которому относятся последние известия Нового летописца (1630 г.). Укажем эти данные. Они находятся уже в начале Летописца, в статье о ссылке Романовых от Бориса Годунова¹⁹⁴. Здесь Федор Никитич Романов назван “государем”, а все Романовы – “царским последним сродствием”. Понятно, что такого отношения к семье Романовых в Смуту у летописца, современного событию, быть не могло. Статья эта написана, очевидно, тогда, когда Филарет Никитич уже стал “государем”: после 1619 г. и никак не раньше 1613 г. После 1619 г. составлен и рассказ о ростовском плене Филарета в 1608 г.: в нем Филарет назван “великим государем”¹⁹⁵. И далее, в нескольких статьях, посвященных судьбе Филарета в Смуту, автор Летописца не раз дает понять, что писал в патриаршество Филарета, после 1619 г. Так, говоря об отправлении великого посольства под Смоленск в 1610 г., он замечает о митрополите Филарете: “Многую беду и скорбь в девять лет за православную христианскую веру претерпе”¹⁹⁶. То же повторяет он, говоря о пленении Филарета и послов: “И был он, государь, в таких великих бедах девять лет”¹⁹⁷. И в рассказе о взятии Смоленска находим подобное же свидетельство, касающееся участи воеводы Шеина с его семьей: “быша в полону девять лет” (1611–1619 гг.)¹⁹⁸. Все эти признаки ясно говорят, что об-

---

¹⁹⁴ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 42–45; Летопись о многих мятежах. С. 56–61; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 49–51.

¹⁹⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 103; Летопись о многих мятежах. С. 139; иначе: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 96; здесь находим литературную переработку первоначального рассказа.

¹⁹⁶ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 143; Летопись о многих мятежах. С. 192 (здесь вариант: “десять лет”); Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 122 (“до девяти лет”).

¹⁹⁷ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 160; Летопись о многих мятежах. С. 215; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 134 (“велию скорбь онии послы претерпеша в девять лет”). Подобный же намек на позднее время составления Летописца встречаем и в статье о посылке в Литву к пленному Филарету игумена Ефрема: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 210; Летопись о многих мятежах. С. 283; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 165.

¹⁹⁸ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 163; Летопись о многих мятежах. С. 219; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 136.

работка Нового летописца завершилась не ранее 1619 г. Другие же данные более определенно свидетельствуют, что Новый летописец составлен около 1630 г.: в это время были занесены в него не только последние его известия, но и показания о событиях довольно ранних. Так, помещая в начале своего повествования о времени царя Михаила рассказ о Казанской иконе Божией Матери, автор Нового летописца приводит в этом рассказе факт 7133 г. – признак, что статья эта составлена не ранее 1625 г.¹⁹⁹ Говоря о состоянии Новгорода под шведским владычеством в 1613–1617 гг., автор свидетельствует, что хутынский архимандрит Киприан, едва не убитый шведами, был впоследствии Новгородским митрополитом. Назначение митрополита Киприана в Новгороде состоялось в 1626 г., и, стало быть, ранее этого года не могли появиться заметки о Киприане в Новом летописце²⁰⁰. Наконец, в рассказе о комете 7127 (1618) г. автор Летописца прямо указывает, что писал этот рассказ в 7138 (1630) г.²⁰¹ Таким образом, ряд указаний заставляет нас считать Новый летописец произведением, составленным и законченным много лет спустя после Смуты, в 1630 г.

Нам можно возразить против такого вывода. Все приведенные нами хронологические показания могли быть внесены в первоначальный текст Летописца его позднейшим поправщиком во время Филарета, самый же Летописец мог по частям составляться и раньше, даже в самую Смуту. Однако знакомство с содержанием памятника устраняет такое соображение. Новый летописец отличается внутренней цельностью повествования. С одной стороны, он весь проникнут единством взгляда на события, и это единство указывает на труд одного автора. С другой стороны, в Летописце

---

¹⁹⁹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 210; Летопись о многих мятежах. С. 282; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 165.

²⁰⁰ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 223; Летопись о многих мятежах. С. 299–300; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 173–174; *Строев*. Списки. С. 36; ПСРЛ. Т. 3. С. 188.

²⁰¹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 238; Летопись о многих мятежах. С. 320–321. Комета явилась в 1618 г.: “в то же пору пришел под Москву” королевич Владислав. По мнению автора, небесное знамение пророчило войну в Германии, и междоусобия среди немцев действительно произошли: “Бывшим у них меж себя войнам великим по 138 (1630) год, а впредь об них Богу сведущу, покаместа у них Бог велит быти войнам”, – говорит автор. Ясно, что он писал эту статью в 1630 г. и тогда же закончил свой труд, потому что последние известия Никонова списка оканчиваются именно 1630 г. В списке Нового летописца князя Оболенского (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 183) это место о войнах в Германии пропущено, что прямо указывает на позднейшее происхождение списка.

нет и следа личных симпатий и антипатий его составителя; автор очень спокойно относится ко всем лицам и деятелям Смуты и нигде не изменяет раз принятому тону. В этом мы видим ясный признак позднего происхождения Летописца: если бы его автор работал в самую эпоху Смуты, он не мог бы с таким успехом скрыть свои личные чувства под свежим впечатлением событий. Постараемся оправдать свои предположения текстом памятника.

Автор на все смотрит с религиозной точки зрения. Все беды, постигающие Русь, приписывает он Божьему гневу и козням дьявола. И в начале, и в конце своего Летописца многие статьи он начинает однообразными фразами, в роде таких: “Богу же попускающему, а врагу действующу, видя Бог наши неправды и лукавство, наипаче ж любви не имехом, всякие козни наведе на нас грех ради наших: аки волны морския, едина погибает, а другая воставает...” или “Враг же искони век не хотя видети добра роду христианскому, а хотя видети души в пагубе, вложи мысль на Москве многим людем...”²⁰² Этими и подобными фразами исчерпывается стремление автора к прагматизму. Благочестивые размышления наш автор охотно вводит и по поводу различных мелочей своего повествования: так, о лукавом поступке князя В. Голицына, который при переходе на сторону Лжедмитрия велел себя связать, чтобы казаться не изменником, а пленным, автор замечает: “Хотя у людей утаити, а у Бога не утаити ничто же”. Говоря о преданности и повиновении русских людей самозванцу, автор упрекает их в том, что они “не восхотеша от Бога приняти венца страстотерпческаго”. По поводу зависти Шуйских к М.В. Скопину автор высказывает такие мысли: “Видяще, кому Бог дает храбрость и разум, и тех не любяху; силою ж никому у Бога не взять: всяк бо званный от Бога честь восприемлет; власть дает Бог: кому хочет, тому и дает”²⁰³. Благочестивое настроение автора вызывает в нем сожаление, что датский “королевич Еган”, приехавший при царе Борисе на Русь, “умре не крещен”²⁰⁴. Преобладание религиозного чувства

---

²⁰² Ср. начала статей: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 6, 15, 20, 29, 40, 53, 54, 80, 89, 111, 116, 122 и т.д.; в Новом летописце князя Оболенского (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 24, 31–32, 36, 41, 52, 57, 78, 87, 101, 105, 107) эти вступительные фразы часто выбрасываются.

²⁰³ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 66, 72, 132–133; Летопись о многих мятежах. С. 88, 97, 178; в Новом летописце князя Оболенского (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 66, 72, 114) все эти места выпущены.

²⁰⁴ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 50; Летопись о многих мятежах. С. 67; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 56.

в авторе сказывается во всем его рассказе об избрании королевича Владислава и отправлении к нему посольства: автор все свое внимание сосредоточивает на вопросе о вероисповедании Владислава и даже отмечает, что Гермоген избирал таких священников и дьяконов в посольство, “которые б умели говорить с латыни о православной христианской вере”²⁰⁵. При таком настроении писателя естественно то внимание, с каким он относится к делам церкви и духовенства: он нередко описывает открытие мощей или освящение новой раки того или другого святого; он упоминает об установлении новых праздников, о приходе греческих иерархов на Русь, о бедствии монастырей русских, о крещении иноверцев и т.п.²⁰⁶ Приведенных примеров достаточно для того, чтобы уяснить себе господствующую точку зрения автора. И кто даст себе труд сравнить те статьи Нового летописца, какие были составлены, несомненно, в патриаршество Филарета, с остальными частями памятника, – тот убедится, что автором и тех, и других было одно лицо. Статьи позднейшего происхождения ничем не выделяются от прочего повествования: на них лежит печать того же строго религиозного мировоззрения. Это – первое основание для того, чтобы считать Новый летописец таким произведением, которое было написано после Смуты и одним лицом.

Другое основание заключается в отношении автора к описанным в Летописце событиям и лицам. Автор не бесстрастен: к одним деятелям Смуты он относится с резким осуждением, к другим же – с похвалою. Но и в том, и в другом случае он не стоит на точке зрения личной или партийной. Все те лица, которых он осуждает, – “отметники” и “изменники”; те же, которых он хвалит, – защитники православия и русской народности. Таким образом, автор является не представителем политической партии, а выразителем всей православно-русской народности²⁰⁷. При этом самый тон повествования автора остается спокойным и не переходит ни в страстное обличение, ни в страстную похвалу. Уже то обстоятельство, что автор сумел возвыситься до такого отноше-

---

²⁰⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 143; Летопись о многих мятежах. С. 192; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 122.

²⁰⁶ См., например: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 12, 27–28, 31, 32–33, 49, 79, 128–130, 167–168, 190, 209–210, 245.

²⁰⁷ Единственным уклонением от обычной широты воззрения автора является необъяснимая вражда его к Прокопию Ляпунову. Он называет Ляпунова “льстивым человеком”, упрекает его в том, что он “не по своей мере вознесся и гордость взя” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 123–124, 133–134, 165–167; Летопись о многих мятежах. С. 166, 178–179, 222–225; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 108, 118, 138).

ния к событиям Смуты, может навести на мысль, что он писал по окончании Смутной эпохи, когда тяжелые годы, пережитые русским обществом, стали простым воспоминанием и не будили острых чувств в русских людях. Если же мы обратимся к частностям повествования автора и разберем его отношение к некоторым лицам, действовавшим в Смуту, то для нас не останется никакого сомнения в том, что автор не стоял близко ни к кому из деятелей Смутной поры (кроме патриарха Филарета), не зависел ни от кого из них, даже мало был знаком с некоторыми событиями Смуты. Это – уже ясный признак позднего происхождения Летописца.

Посмотрим, например, как относится автор к Борису Годунову. Он совершенно объективно излагает борьбу Годунова с боярами при царе Феодоре, обвиняет Бориса в том, что он погубил в этой борьбе много народа и “оболгал” перед царем митрополита Дионисия; рассказывает затем подробно, как Борис изыскивал средства умертвить царевича Димитрия, как он велел ослепить Симеона Бекбулатовича. Далее, отмечая, что Бориса избрали в цари, “видяще его при царе Федоре Ивановиче праведное и крепкое правление к земле”, автор свидетельствует, что Борис в первое время царствования оправдывал свою репутацию, “объявляясь всем добр”. Но вслед за тем находим в Летописце ряд новых обличений Годунова: автор говорит о доносах, опалах и казнях, бывших при Борисе, и дает понять, что в успехах самозванца сам Борис “слышав на себя гнев Божий”²⁰⁸. При таком отношении к Борису автора Нового летописца нельзя и думать, чтобы Летописец составлялся кем-нибудь из приверженцев Годунова. Не мог, конечно, написать такое произведение и патриарх Иов, на которого, как мы видели, намекал Татищев. Не мог, наконец, написать его и патриарший келейник Иосиф: если бы составителем Летописца был этот Иосиф, отношение Летописца к Иову было бы и внимательнее, и теплее, чем мы видим на самом деле. Об Иове говорится весьма мало и довольно холодно. С некоторым сочувствием рассказывает автор только о поведении Иова в те минуты, когда его свергли с престола. Но такое отношение вызвано в данном случае не близостью к пострадавшему патриарху, а тем обстоятельством, что он пострадал от еретика-самозванца²⁰⁹. Та-

---

²⁰⁸ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 7–10, 15–20, 23, 30, 36–39, 40–45, 62; Летопись о многих мятежах. С. 8–13, 19–26, 30–31, 39–40, 48–52, 54–61, 83; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 25–27, 33–35, 38, 42, 46–48, 49–53, 64.

²⁰⁹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 11–12, 36, 55–56, 67–69; Летопись о многих мятежах. С. 14–16, 48–49, 74–75, 90–93; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 29, 46–47, 58–59, 68–69.

ким образом, можно высказать уверенность, что Новый летописец составлялся не при Годунове и не при Иове. Уверенность эта усиливается и тем, что автор, говоря о времени Бориса, впадает в такие противоречия и неточности, каких мог бы избежать современник событий²¹⁰.

К подобному же выводу приводит и разбор отношения автора к лицам времени царя Шуйского. Сам Василий Шуйский рисуется в Новом летописце как Богом венчанный государь, много терпевший от мятежников и изменников. Это привлекает к нему сочувствие благочестивого автора; но, сочувствуя монарху, он иногда не щадит в Шуйском человека. Так, он не скрывает, что Шуйский солгал царю Феодору о смерти царевича Димитрия и что он вступил на престол не вполне законно; не оправдывает автор и неприязни царя Василия к М.В. Скопину²¹¹. Объективно отношение Нового летописца и к патриарху Гермогену до тех пор, пока автор не подходит к концу царствования Шуйского. О деятельности Гермогена при Шуйском говорит он очень мало, отзывается о патриархе сдержанно и вообще при описании царствования Шуйского настолько же далек от Гермогена, насколько был далек от Иова при описании царствования Бориса²¹². Словом, нет в Летописце ни одной черты, которая давала бы право заключать о близости автора к царю Василию и к его патриарху, и это обстоятельство свидетельствует о том, что Новый летописец не был официальным произведением времени Шуйского. Рядом с этим не найдем мы в Летописце никаких следов приязни автора к ка-

---

²¹⁰ Так, повествуя о посылке царевича Димитрия в Углич, автор заявляет, что с ним поехали и убийцы его Д. Волохов и Н. Качалов. А ниже он говорит, что эти лица посланы в Углич перед самым убийством царевича (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 5 и 17; Летопись о многих мятежах. С. 6 и 22; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 21 и 33). Это грубое противоречие отмечено, между прочим, в статье Е.А. Белова "О смерти царевича Димитрия" (ЖМНП. 1873. Август. С. 286–287). Далее автор свидетельствует, что Шуйские не хотели избрания Бориса в цари, ибо знали, "что быти от него людем и к себе гонению: они же от него потом многия беды и скорби и тесноты прияша" (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 36; Летопись о многих мятежах. С. 48. В Новом летописце (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 46) этого нет). А между тем, известно, что Шуйские при Борисе уцелели от "многих бед".

²¹¹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 19, 75–77, 124, 131–132; Летопись о многих мятежах. С. 26, 102–104, 166–167, 176–178; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 35, 74–76, 108–109, 113–114.

²¹² Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 76–77, 95, 111, 139–140; Летопись о многих мятежах. С. 103, 128, 150, 187–188; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 75, 90, 101 (здесь вставлена витиеватая речь Гермогена), 119–120.

кой-нибудь партии времени Шуйского. Мы не говорим здесь о тех статьях Летописца, которые посвящены Романовым и позднее происхождение которых, как мы показали выше, несомненно. Их нельзя принимать в расчет; остальные же статьи памятника ясно показывают, что автор Нового летописца не вынес из царствования Шуйского личных впечатлений; он даже неясно представлял себе некоторые видные события этого времени и делал фактические ошибки²¹³.

Иного рода признаки появляются в изложении событий, последовавших по свержении царя Василия. Борьба Москвы с иноверными врагами выдвинула на первый план патриарха Гермогена и людей, шедших за ним и ему помогавших. На них-то и обращено главное внимание автора. Отношение его к Гермогену заметно изменяется. Вместо кратких отзывов о патриархе мы видим ряд пространных глав, посвященных восхвалению деятельности Гермогена. Автор не раз называет Гермогена “праведным” и приписывает ему даже дар пророчества: патриарх предрекает “злую смерть” некоторым изменникам, предвещает князю Ф.И. Мстиславскому скорое прекращение его рода²¹⁴. Рядом с Гермогеном, как его лучший и достойнейший сподвижник, поставлен в Новом летописце и митрополит Филарет Никитич. С Гермогеном он был связан обетом умереть за православие, – и действительно, будучи в великом посольстве, Филарет “подвизашеся, чтоб пострадать за православную христианскую веру, и товарищей своих укрепляше”. В глаза врагам говорил он, что “рад страдать” за православие, и не сдавался на их увещания, как сдавались другие. Его твердость повела к тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословения и “начаша ево почитать и честь

---

²¹³ Автор говорит, что Гермоген венчал Шуйского на царство и встречал (уже патриархом) мощи царевича Димитрия в Москве (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 76, 78; Летопись о мятежах. С. 103, 106; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 75, 76). Но в официальном чине венчания царя Василия первое место занимает митрополит Новгородский Исидор (ААЭ. Т. 2. № 47), а отсутствие патриарха на встрече мощей царевича Димитрия удостоверяется грамотою самого Шуйского (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110–111). По одному показанию, Гермоген был поставлен в патриархи только через месяц после перенесения мощей царевича – 3-го июля 1606 г. (*Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 10. С. 130). Любопытна и другая неточность в рассказе Нового летописца: автор его говорит, что Шуйский тогда только подумал о перенесении тела царевича в Москву, когда узнал, что “многие города изменили”. В этом заблуждении автор Летописца сошелся с автором Хронографа 2-й редакции (Изборник. С. 194–196) [РИБ. Т. 13. Стб. 1296–1299].

²¹⁴ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 141–142, 152–153, 177; Летопись о многих мятежах. С. 190–191, 204–206, 238; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 121–122, 128–129, 146.

ему воздаваху велию” в то время, когда он был пленным в Польше²¹⁵. Автор Летописца мог усвоить себе одинаковое отношение к заслугам Гермогена и Филарета с общей своей точки зрения, православно-национальной. Этого, конечно, нельзя отрицать; но нельзя также отрицать и некоторой близости автора к Филарету, о котором он сообщает положительно больше, чем о Гермогене. Переходя к описанию царствования Михаила, автор не теряет из виду пленного Филарета: мы читаем в Летописце обстоятельные сообщения о том, как Михаил Федорович сносился со своим отцом чрез доверенных людей. Из этих сообщений особенно любопытно одно – о свидании Филарета с Ф. Желябужским²¹⁶. Русских людей не было при разговоре Филарета с гонцом его сына. Кроме самих собеседников и людей близких к государевой семье, никто не мог сообщить автору сведений об этой беседе. А между тем, как безыскусственно и правдиво она изложена в Новом летописце! При описании патриаршества Филарета, в конце произведения, находим подобные же черты близости автора к патриарху. Характеризуя правление Филарета, автор замечает, что Филарет привел в православие многих иноверцев, которые “под началом все быша у него, государя, на патриарше дворе”²¹⁷. Это частное замечание свидетельствует о знакомстве автора с внешними порядками патриаршего управления, бывшими при Филарете. Таким образом, только во второй половине Нового летописца обычное бесстрашие автора исчезает и заменяется панегирическими отзывами о двух московских патриархах. Кроме Гермогена и Филарета, автор со всею теплотой чувства повествует о Минине, Д.М. Пожарском и вообще о деятелях нижегородского движения; но по отношению к ним нельзя уловить в Новом летописце таких частных, которые дали бы нам право говорить о том, что Летописец составлялся в лагере второго ополчения. Таких частных не найдем мы, строго говоря, и в отношении автора к Гермогену: автор благоговеет перед ним, но не близок к нему. Ближе, чем к

---

²¹⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 143, 148, 153–154, 160–161; Летопись о многих мятежах. С. 191–192, 199, 206–207, 215–216; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 122, 125, 129–130, 134.

²¹⁶ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 210–211; Летопись о многих мятежах. С. 283–284; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 165–166 (здесь беседа Филарета с Желябужским изложена более литературным языком – знак позднейшей переделки). О посылке Желябужского мы уже упоминали в одном из примечаний к этой главе.

²¹⁷ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 245; Летопись о многих мятежах. С. 329; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 186 (здесь эта живая подробность выпущена при переработке первоначального текста).

кому бы то ни было, стоит он к Филарету, и это дает нам еще один лишний повод утверждать, что разбираемый Летописец есть литературное произведение времени патриарха Филарета.

Итак, с разных точек зрения, изучая общие взгляды автора рядом с частностями его повествования, приходим мы к одному и тому же заключению: Новый летописец, доходящий в своих показаниях до 1630 г., был весь составлен около этого же года (допускаем, что составление такого крупного памятника продолжалось не один год: он мог быть начат в 20-х годах XVII в. и только закончен в 1630 г.). На основании такого заключения можем мы установить и дальнейшую характеристику разбираемого произведения.

Если автор его работал над историею Смуты много времени спустя после ее окончания, если он писал о некоторых событиях через тридцать, даже через сорок лет после того, как они совершились, то очевидно, что он писал не по одним своим воспоминаниям. Никакая память не могла бы удержать с такою отчетливостью той массы фактов, какую передает нам Новый летописец. Нет сомнения, что у автора Летописца были источники, и притом очень хорошие и очень разнообразные, такие, которые позволяли ему с замечательною обстоятельностью, с мелочною точностью описывать положение дел одновременно в различных частях Русской земли²¹⁸. Какого рода исторические документы были под руками автора, мы можем догадываться с большою вероятностью. Можно даже категорически утверждать, что автор знал, напри-

---

²¹⁸ За все описанные в Летописце годы автор дает одинаково хорошие сведения о разных местностях, друг от друга отдаленных. Сопоставим, например, некоторые рассказы автора о событиях в различных городах: Новгороде, Владимире, Смоленске, Нижнем. Подробно рассказывая о пребывании Скопина в Новгороде, сообщая мелочные частности его бегства из Новгорода и затем похода к Москве, автор с такою же обстоятельностью рисует убиение воеводы во Владимире, последовавшее в то же, приблизительно, время. Приводя много подробностей о том, как Казань целовала крест Вору, автор через несколько страниц обнаруживает весьма близкое знакомство с теми обстоятельствами, какие помогли Сигизмунду овладеть Смоленском. И в описании первых минут нижегородского движения автор выступает с таким же знанием местных обстоятельств: он даже помнит, что “первое приидоша коломничи” на помощь Нижнему (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 106–109, 118–121, 114, 150, 162–163, 174–178; Летопись о многих мятежах. С. 143–147, 158–162; 153–154, 201–202, 218–219, 234–240; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 97–100, 105–107; 103, 127, 136, 144 и далее; заметим, что в этом последнем изводе Летописца свежесть известий значительно уже пострадала от литературной переработки). Нет ни малейшего сомнения, что автор не мог сам видеть всех сопоставленных нами событий: не мог он быть в одно время в Новгороде и Владимире, в Нижнем и под Смоленском.

мер, много официальных грамот и центрального правительства, и местных властей. Часто находим у него упоминания о грамотах времени Шуйского: он говорит по поводу разных дел, что “с Коломны писал ко царю Василью воевода”, или что “писал из Торжку воевода К. Чоглоков ко князь Михаилу Васильевичу (Скопину. – С.П.)”, или что князь Дмитрий Михайлович Пожарский “с тою грамотою посла ко царю Василью наскоро”. Очень обстоятельно излагает наш автор и дипломатическую переписку со шведами и с Новгородом властей нижегородского ополчения. Упоминает он и о грамотах времени царя Михаила²¹⁹. Рядом с официальной перепиской, без сомнения, были известны автору и разрядные записи. Начиная со времени царя Феодора Ивановича, почти на каждой странице он дает ряд известий о служебных назначениях, о придворных торжествах и церемониях, о царских походах и т.п. Нет нужды приводить примеры подобных показаний: настолько они многочисленны и определены по своему, так сказать, разрядному характеру. Если даже и верно то известие, что официальные разряды не были писаны за 7113–7121 (1605–1613) гг.²²⁰, то разряды частные, без сомнения, существовали и за это время (пример – разрядная книга, носящая название Хронографа Столяра). Кроме того, в московских приказах не исчезал, конечно, и в Смуту тот материал, на основании которого составлялись обыкновенно разряды. Нет поэтому ничего невероятного в том предположении, что автор Нового летописца мог заимствовать свои данные из подобного материала, официального или частного. Помимо официальных документов, автор знал и литературу своего времени. В этом убеждает нас прежде всего его знакомство с летописью: он, например, знает обстоятельства смерти Андрея Боголюбского и сравнивает предателя Романовых Второго Бартенева с убийцею Андрея, Якимом Кучковичем²²¹. Пользуясь древними памятниками с целями литературного украшения своего рассказа, составитель Летописца из современных ему произведений заимствовал иногда и факты. Так, он знал разобранную нами выше Повесть нижегородца Григория о чудесном видении 1611 г. и дал довольно подробный отчет о ее содержании²²². Как ни малочисленны и как

---

²¹⁹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 105–106, 119, 133, 181, 184, 230, 233.

²²⁰ Русский исторический сборник / Под ред. М.П. Погодина. М., 1836. Т. 2. С. XVI–XVII.

²²¹ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 42.

²²² Повесть о видении Григория рассмотрена нами во II главе. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 172–173; Летопись о многих мятежах. С. 231–233; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 143.

ни проблематичны эти указания на источники Нового летописца, тем не менее, их совершенно достаточно для того, чтоб утверждать, что автор Нового летописца имел у себя некоторые пособия, а не записывал одни только личные впечатления.

Это обстоятельство не лишено значения для общей характеристики разбираемого памятника. Если мы признаем, что Новый летописец есть произведение, основанное на источниках, то должны, конечно, признать некоторую зависимость автора от его источников и со стороны фактической точности показаний, и со стороны литературной. Только эту зависимость можем мы объяснить, во-первых, некоторые противоречия автора, а во-вторых, двойственность его литературных приемов. Наконец, характер источников Летописца, преимущественно официальный, позволяет догадываться с большею или меньшею вероятностью, что разбираемое произведение создано в среде официальной.

Что касается до противоречий в повествовании Нового летописца, то мы не задаемся целью указать их все. Для характеристики их мы позволим себе остановиться на таком резком примере: рассказывая об установлении праздника иконе Казанской Божией Матери при царе Михаиле, автор дает перечисление чудес от иконы, бывших в Смуту. В числе их он помещает и взятие у поляков Новодевичьего монастыря: “Ею помощью под Москвою взяли Новой девичей монастырь у литовских людей”. Автор, очевидно, упустил из виду, что об иконе и о взятии монастыря он уже повествовал раньше, и повествовал в совершенно ином тоне²²³. Раньше он заявил, что под Москву был принесен “список с Казанския иконы”; позже заявляет, что был принесен подлинный образ, который затем был отправлен в Ярославль, а в Казань возвращен список, сделанный в Ярославле. Сверх того, в первом рассказе нет ничего о чудесной помощи иконы при взятии Новодевичьего монастыря, и самое взятие описывается с полным несочувствием к казачеству, взявшему монастырь. Получается, таким образом, полное противоречие и в тоне, и в содержании двух повествований: одно и то же событие возбуждает в авторе раньше чувство некоторого неодобрения, позже – чувство благоговения. Очевидно, что эта разница отношения к одному и тому же факту существовала в различных источниках, которыми в данном случае воспользовался автор. Такое же подчинение разнообразным источникам сказывается и в отношении нашего автора к бывшему при самозванце патриарху Игнатию. Как и все прочие писате-

---

²²³ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 209–210 и 167–168; Летопись о многих мятяжах. С. 281–282 и 225–226; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 164–165 и 139–140.

ли, он считает его еретиком и говорит, что он “пришел к Москве при царе Федоре; царь же Борис не позна в нем, окаяннем, ерести, посла его на Рязань”. Но раньше и сам автор как будто впал в одинаковую ошибку с Борисом и свидетельствовал, что когда греческое духовенство приходило на Русь “в утверждение веры” при царе Феодоре Иоанновиче, то многие греки на Руси “видяху православную христианскую, истинную, непорочную веру и осташась на Москве, туто жь остася кипрский архиепискуп Игнатей”²²⁴. Читатель вправе думать, что Игнатий, пришедший вместе с прочими для “утверждения веры”, остался именно потому, что убедился в правоте Москвы. Очевидно, что это объективное известие об Игнатии, которое заменяется потом обвинением его в ереси, попало в Новый летописец из какого-нибудь источника времени царя Феодора, и автор Летописца не привел своего первого показания в соответствие с дальнейшим рассказом.

Рядом с внутренними противоречиями в Летописце бросается в глаза и отсутствие внешней литературной обработки повествования. Автор вообще не заботился о своем слоге. Между статьями, составленными по правилам тогдашнего витийства, помещал он простые летописные отметки о разных фактах, иногда вовсе не замечательных исторически. Так, почти рядом с обширными статьями о доносах при Борисе и о ссылке Романовых, автор поместил такое, например, известие: “Тое же зимы в Великий пост (1599 г.) ходил царь Борис с сыном своим с царевичем Федором на Волок на Ламской в Осифов монастырь молитися”²²⁵. Официально-спокойный и безыскусственный тон этой и многих подобных ей заметок о царе Борисе совершенно расходится с литературно-обработанным слогом статей о жестокостях Бориса. Такая двойственность внешнего литературного приема свидетельствует нам о том, что автор Летописца зависел от своих источников не только в выборе и освещении фактов, но и в литературном отношении. Там, где его источники говорили простым языком, и он выражался просто. И напротив, он стремился облечь свое повествование в торжественные фразы и придать ему литературную цельность и законченность в том случае, если сообщаемый факт казался ав-

---

²²⁴ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 31–32 и 71; Летопись о многих мятежах. С. 42 и 95; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 43 и 70–71. Выше мы имели случай указать и еще одно грубое противоречие Летописца – о времени отправления в Углич Битяговских и Качалова.

²²⁵ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 39 и 40–45; Летопись о многих мятежах. С. 52 и 54–61. В Новом летописце князя Оболенского это известие выпущено.

тору особенно важным. Просматривая Новый летописец, мы легко можем отметить в нем несколько таких статей, которые резко выделяются из прочего повествования своею литературною отделанностью и законченностью. Часто эти статьи имеют все признаки отдельных сказаний: при них находим особые предисловия и заключения, в них автор нарушает общую последовательность изложения, возвращается ко времени, ранее описанному, и забегаёт вперед за целые годы²²⁶. Сопоставление этих сказаний с массой простых и кратких фактических известий, среди которых они находятся, дает нам право разделить статьи Нового летописца на два ясно очерченных типа повествований: на повествования литературно обработанные и на записи летописного характера. Между теми и другими очень часто нет никакой литературной связи. Поэтому Новый летописец может быть назван сводом разнохарактерного литературно-исторического материала.

Давая такое определение разбираемому памятнику, мы тем самым лишаем себя возможности точно определить его историческую ценность. Если Новый летописец не имеет однородного состава, то трудно допустить, чтобы все его показания были одинаково точны, верны и ценны. В Летописце рядом с драгоценною

---

²²⁶ Попробуем перечислить статьи Нового летописца, более или менее близкие к типу отдельных сказаний (при названии статей указываем страницы Никонова списка): 1) “О смерти царевича Малат-Кирея” (13–15); 2) “О убиении царевича Димитрия” (15–20); 3) “О приходе царя Крымского под Москву и о пророчестве царя Федора” (20–22); 4) “О преставлении царя Федора” (33–35); 5) “О доводех холопов на бояр” и “О Федоре Никитиче з братьею” (40–45); 6) “О королевиче Ягане” (49–50); 7) “О посылке и о побое в Тарках” (51–53); 8) “О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве” (54–59); 9) “О воре Стародубском” (89–91); 10) “О граде Ростове и о крепкостоятельстве митрополита Филарета” (103–105); 11) “О осаде Троицкого монастыря” (128–130; здесь помещены такие чудеса преподобного Сергия, о которых Авраамий Палицын или не говорит, или говорит иначе (ср.: Сказание Палицына. С. 88–89, 93–94, 102–104, 157–158, 185–190)); 12) “О взятии Пафнутьева монастыря” (136–137); 13) “О разорении Московского государства” (156–158); 14) “О взятии Смоленском” (162–163; это сказание едва ли не составлено по показаниям Юрия Потемкина: см. с. 163); 15) “О приговоре всей земли и убиении Прокопия Ляпунова” (с. 165–167; и здесь играет роль тот же Потемкин: см. с. 167); 16) “О посту” (172–173); 17) “О нижегородском движении” (174–177); 18) “О умышлении Заруцкого” (185–186); 19) “О пребывании нижегородского ополчения в Троице-Сергиевом монастыре” (189–191); 20) “Об избрании царя Михаила” (201–203); 21) “О походе под Москву иконы Пречистыя Богородицы Казанския” (209–210); 22) “О воровстве и о побое на казаков и на черкас” (214–216); 23) “О принесении срачицы Господни” (248–250). Предлагая этот перечень, мы не думаем, что он полон и безошибочен. Дальнейшие исследования текста Нового летописца, быть может, укажут точнее на его источники и в связи с этим вернее определят характер его составных частей.

записью современника может стоять позднейшее литературное воспроизведение какого-нибудь события (следы таких позднейших литературных упражнений автора были указаны нами выше). Кто же может поручиться, что поздняя редакция рассказа не искажила подробностей какого-нибудь факта, не внесла в него черт легендарных?

Если те показания Нового летописца, которые мы назвали записями летописного характера, дышат часто наивною правдивостью, отличаются полною достоверностью и нередко удивительною точностью показаний²²⁷, то рассказы, облеченные в литературную форму, не всегда заслуживают такого отзыва. Убедиться в этом нетрудно. Стоит, например, сравнить уже упомянутую нами статью Нового летописца “О посту”, в которой рассказано нижегородское видение, с ее оригиналом – подлинным повествованием о видении нижегородца Григория, – и мы увидим, что автор Летописца и неполно, и неточно передал содержание оригинала²²⁸. В прочих случаях подобное сравнение Летописца с его источниками невозможно, однако найдутся основания для того, чтобы заподозрить и некоторые другие литературно обработанные рассказы его текста. Мы уже видели, что иногда сам автор допускал разногласия и сам себе противоречил при повторениях своих известий. Простыми заметками о взятии Новодевичьего монастыря он заставляет нас убедиться в неполноте своего же сказания о Казанской иконе. Заметкою о том, что Битяговские и Качалов отправлены были в Углич одновременно с Нагими, он

---

²²⁷ Нет возможности исчислить все те известия Летописца, в которых видны правдивые впечатления не только современника, но и очевидца событий. Они встречаются почти на каждой странице памятника. Для характеристики их приведем немногие примеры: описывая бурю, бывшую в Москве в 1595 г., автор замечает, что “в Кремле городе у Бориса Годунова с ворот верх сломило”. В заметке об одной из последних битв с тушинцами под Москвой автор говорит, что враги “древяной город зажгоша” в Москве, и что выгорело стены “сажень с сорок”. В рассказе о притеснениях Гермогену в Москве автор мимоходом замечает о поляках: “в то бо время бысть у них костел на старом царя Борисове дворе в полате”. В повествовании о приходе второго ополчения под Москву находим указание даже на то, где именно Пожарский устроил свой первый ночлег под Москвою: “Сташа на Яузе за пять верст... и нача тутю на Яузе ночевати, а не пошел (то есть к самой Москве. – С.П.) для того, что пришли поздно” (в списке князя Оболенского это известие уже испорчено). Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 28–29, 125–126, 155–156, 190–191; Летопись о многих мятежах. С. 38, 168–169, 209, 256–257; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 41, 109–110, 131, 153–154.

²²⁸ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 172–173; Летопись о многих мятежах. С. 231–233; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 143. Подлинное Сказание Григория рассмотрено нами в конце II главы.

сам подрывает весь свой рассказ о том, как Борис долго не мог отыскать злодеев, готовых убить царевича, как он, наконец, отыскал Битяговского и послал его в Углич уже тогда, когда царевич давно жил там. Таким образом, неосмотрительность самого автора помогает нам убедиться в неправоте некоторых его показаний. Подробная критическая оценка известий Нового летописца найдет, без сомнения, и другие пути для того, чтобы выделить в нем достоверные факты от легенд. Одну такую попытку критического изучения статей разбираемого памятника представил уже Е.А. Белов, заподозривший достоверность того сказания о смерти царевича Димитрия, которое мы находим в Новом летописце²²⁹. К замечаниям г. Белова, сводящим на степень простой легенды рассказ Летописца о смерти царевича, мы относимся с полным сочувствием. В дополнение к ним можем сказать, что этот рассказ представляется нам позднейшим произведением, принадлежащим перу самого автора Летописца, который, как мы видели, писал около 1630 г.²³⁰ Нельзя допустить чтобы он был очевидцем события: слишком много лет прошло между фактом и его описанием. Очевидно, что у автора должны были быть какие-нибудь источники. Во всех рассмотренных нами ранних произведениях о

---

²²⁹ *Белов Е.А.* О смерти царевича Димитрия. С. 281–294; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 15–20; Летопись о многих мятежах. С. 19–26; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 31–35.

²³⁰ В том, что рассказ о смерти царевича не есть запись очевидца или современника события, убеждает нас следующее его место: автор говорит, что Бог хранил царевича от яда, “хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему миру”. Это – ясный признак, что сказание составлено после канонизации Димитрия в 1606 г. Мнение же наше о том, что это сказание принадлежит самому составителю Нового летописца, а не просто им списано с какого-нибудь другого памятника, мы основываем на следующем: во-первых, вступление в рассказ о смерти царевича совершенно соответствует обычному тону тех благочестивых вступлений, которыми автор, как мы уже говорили, начинает многие главы своего Летописца; и вообще язык этого рассказа ничем не отличается от языка всего Летописца. Во-вторых, в Сказании мы можем отметить следы любопытного поверья: автор думает, что кровь убитого царевича не допустила бегства преступников, и они невольно возвратились на место преступления, с которого сначала убежали. “Кровь же праведнаго вопиаше к Богу, не попусти их, они же окаянии возвратишась назад”, – говорится в Сказании. Такое поверье принадлежит именно автору Летописца: он высказывает его и в другом месте, когда повествует о покушении казака Степана на жизнь Пожарского. Убийца ранил не князя, а стоявшего подле казака и не убежал: “Злодея Стеньку не попускаше кровь, тут же стоящу ему” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 18 и 186). В-третьих, наконец, в рассказе о смерти царевича выражается симпатия к Григорию Васильевичу Годунову. И несколькими страницами ниже, в другой главе Летописца, видим опять благосклонное отношение к тому же лицу и уверенность, что Григорий Годунов был близок к царю Феодору (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 16 и 21).

Смуте мы находили лишь краткие заметки о убийении Дмитрия. Можно думать, что подробных описаний угличского происшествия и не существовало до перенесения в Москву мощей царевича, потому что самое раннее Житие царевича, как мы уже видели, было составлено только в 1607 г., причем заимствовало свое краткое фактическое содержание из Повести 1606 года²³¹. При таких условиях необходимо допустить, что, если автор Нового летописца пользовался чужими показаниями при описании смерти царевича, то эти показания он почерпнул или в недошедших до нас литературных произведениях, составленных не ранее времени Шуйского (1606–1607 гг.), или в тех устных преданиях, какие существовали во время составления Летописца. Если же настаивать на раннем происхождении источников нашего автора, то всего естественнее предположить, что он воспользовался фактическими данными известного следственного дела о смерти Дмитрия и перемешал их с позднейшими легендами²³². Почти к такому выводу приходит и А.Е. Белов, считая рассказ Летописца воспроизведением народных толков и догадок, соображений самого сказателя и искаженных отрывков действительных фактов.

Как бы то ни было, к тем частям Нового летописца, которые носят на себе следы литературной работы самого автора, нельзя относиться с безусловным доверием. В этом убеждают нас приведенные примеры неточностей, противоречий и разногласий в тексте Летописца. Вот почему нет возможности дать одну общую

---

²³¹ См. первую главу нашего труда, где рассмотрена нами первая редакция Жития царевича Дмитрия, внесенная в Минеи Тулупова.

²³² Полною легендарностью отличается рассказ Летописца об участии и поведении Григория Годунова во всем этом деле об убийении царевича: Григорий Годунов знает умысел, сокрушается и молчит, тогда как по своей близости к государю, о которой свидетельствует сам Летописец, он мог бы предупредить злодейство. Маловероятно и молчание Загряжского с Чепчуговым. Несомненны также легендарные свойства предания о том, что убийцы успели убежать за двенадцать верст, но вернулись сами собою для того, чтобы понести наказание. Тем же эпическим числом двенадцать исчислены и все убитые “советники” злодейства. Словом, легендарно-поэтический отпечаток лежит на всем Сказании. В нем можно даже различить следы легенд более ранних от следов легенд более поздних. Предание о яде, не действовавшем на царевича, было создано еще в Повести 1606 года; слух о злодейской близости Клешинина к Борису ходил еще в 1608 г. (Иное сказание... С. 4; *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России... Ч. 2. Приложения. С. 49). Напротив, сказочное повествование о том, как В. Шуйский плакал над телом царевича, молчал во время следствия, ни с кем “не можаше проглаголати”, а потом сделал ложное донесение царю, – это повествование могло появиться только по свержении Шуйского, когда его темное участие в этом деле могло излагаться открыто и свободно. Повесть 1606 года молчит об этом участии, и в первый раз обличение двуличного поведения Шуйского находим только во Временнике Тимофеева.

характеристику достоверности этого памятника. В то время, когда одни его части служат прекрасным источником для историка, в других его показаниях ясно выступают на вид искусственность и легендарность повествования, сами себя обличающие, благодаря тому, что автор не был в силах слить разнохарактерные части своего свода в цельное литературное произведение.

Сведем теперь результаты наших наблюдений над текстом Нового летописца. К изучению этого текста мы приступили с вопросом: не есть ли Новый летописец официальный свод данных, собранных для истории Смуты при патриаршем дворе? Прежде всего мы заметили, что Новый летописец нельзя считать летописью, слагавшеюся постепенно, трудом нескольких лиц. По всем признакам он был обработан с начала до конца в патриаршество Филарета, около 1630 г., и притом одним лицом. Автором его был человек, проникнутый религиозным чувством и обсуждавший события исключительно с религиозно-национальной точки зрения, без личных симпатий и антипатий. В нем не заметно близости ни к какому деятелю Смутной эпохи, кроме патриарха Филарета, о котором автор знает даже такие подробности, как его частная беседа с Желябужским. В повествовании своем автор Летописца руководился разнообразными источниками, между прочим, и официальными документами. Зависимость его от источников была так велика, что вводила его в противоречия с самим собою и не позволила ему выработать цельный, однообразный литературный прием. Там, где он передавал свои источники не в собственной обработке, он сохранил нам драгоценные записи, современные событиям. Там же, где он подвергал источники литературной переработке, он не всегда умел воздержаться от неточностей, не всегда умел различать легенду от факта.

Нужно сознаться, что эти данные не решают категорически вопроса о происхождении памятника. Обилие в нем данных официального характера дает полное основание предполагать, что Новый летописец вышел из официальных кругов московского общества. Трудно себе представить, чтобы какое-нибудь частное лицо могло собрать такой богатый материал, касающийся притом всех частей Русской земли, каким располагал автор Летописца. Чтобы описать Смуту так подробно, как описал он, нужно было пользоваться центральными правительственными архивами, — в этом едва ли может быть сомнение. Каково же было общественное положение автора: был ли он сам лицом официальным? был ли он патриаршим летописцем? На эти вопросы нельзя дать точного ответа. Текст памятника говорит нам, что автором его не мог быть ни Иов, ни его келейник Иосиф, ни патриарх Гермоген. Но

тот же самый текст указывает на близость автора к Филарету; религиозное мирозозерцание автора обличает в нем лицо духовное. Подобные обстоятельства несколько не противоречат тому предположению, что Летописец мог быть составлен при дворе Филарета, – и это очень важно. Если приведенные нами выше указания на летописную деятельность московских патриархов заслуживают доверия и если искать в письменности XVII в. патриаршую летопись о событиях XVI–XVII вв., то прежде всего придется указать на Новый летописец, потому что никакой другой исторический памятник, нам известный, не может претендовать на подобное значение. Новый же летописец легко мог быть написан каким-нибудь священником или монахом из патриаршего штата. Он и сохранился до нас в первоначальном виде именно в патриаршем списке летописи.

Новым летописцем завершается ряд наиболее заметных литературных произведений о Смуте, составленных при Михаиле Феодоровиче современниками и очевидцами Смутной эпохи. От обозрения этого Летописца мы могли бы перейти к перечню более мелких и позднейших произведений о Смуте, если бы не считали себя обязанными дать несколько замечаний о том любопытном памятнике письменности XVII в., который до сих пор зачислялся в ряды литературных произведений лишь по недоразумению. Разумеется так называемый Столяров хронограф, принадлежавший Карамзину и от него получивший свое название²³³. Из обстоятельного описания этого хронографа, данного А.Н. Поповым, узнаем, что по составу своему он представляет сборник различных исторических повествований, ничем не связанных между собою²³⁴. Многие части этого сборника общеизвестны и мало любопытны. Но среди них находится повествование о событиях 1604–1644 годов, к которому Карамзин и Попов отнесли с большим вниманием. Карамзин нередко пользовался его данными при обработке 12-го тома своей Истории, а Попов, признавая это повествование частью “какого-то неизвестного летописного сочинения”, оригинального и самобытного, издал его целиком²³⁵. Это же самое сочинение, как можно думать, было известно и П.И. Мель-

---

²³³ Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 46.

²³⁴ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 252–256. В основу сборника положена первая редакция Хронографа, дополненная известиями Хронографа 1617 года, Нового летописца и других произведений XVII в. Сборник подписан рукою владельца “Спасского игумена Корнилия, что в Арзамасе”. Корнилий был игуменом Спасского Арзамасского монастыря в 1646–1661 гг. (Строев. Списки. Стб. 616). К этим годам и должно относить составление сборника, хотя он и дополнялся позднейшими заметками до 1668 г.

²³⁵ Изборник. С. 321–379.

никову под именем Лобковского хронографа²³⁶. Все названные исследователи считали разбираемое повествование памятником литературного творчества и называли его “хронографом”. Истинный же характер произведения определен был А.И. Маркевичем, который видел в нем довольно полную разрядную книгу частного происхождения²³⁷.

Знакомясь с содержанием памятника, мы убеждаемся в полной справедливости такого определения. Повествование о Смуте Столярова хронографа есть действительно разрядная книга. Это видно, во-первых, уже из того, что некоторые ее показания слово в слово были приводимы Карамзиным прямо из разрядных книг, раньше, чем ему сделался известен хронограф Столяра²³⁸. А во-вторых, повествование о Смуте Столярова хронографа всем строем своим свидетельствует, что целью его автора было не изложить историю Смуты, а собрать возможно большее число деловых, иногда очень мелких заметок о разного рода назначениях, местнических случаях и замечательных событиях в сфере служебной. Поэтому автор обходит в своем изложении многие выдающиеся события Смуты. Так, у него почти вовсе нет сведений о похождениях Отрепьева; очень кратко говорится и о самом царствовании самозванца; но при этом весьма подробны записи о назначении воевод против Лжедмитрия при царях Борисе и Федоре Борисовиче, не забыта также и та частности, что самозванец “в 114 году... велел все города верстати поместными оклады и денежными оклады”²³⁹. О перенесении мощей царевича Дмитрия в Москву не говорится вовсе; но с большим старанием отмечается, что во время похода царя Василия на Тулу, “Разряд был весь с царем Васильем”, и что Иван Кровков, обещавший затопить Тулу, обратился с своим предложением именно в этот Разряд: “в государеве Разряде дьяком подал челобитную”. Точно так же о су-

---

²³⁶ Мельников П.И. Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. 1850. Ч. 6. № 21. Отд. 3. С. 1–12. Мельников, излагая данные о Смуте, найденные им в хронографе А.И. Лобкова, заметил, что этот хронограф “целыми страницами схож” с хронографом Столяра (Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 100, 116, 117, 132, 133, 134 и др.). Действительно, сличая данные Мельникова с текстом Столярова хронографа в Изборнике, убеждаемся в полном тождестве текстов. К сожалению, в статье Мельникова нет обстоятельного описания Лобковской рукописи.

²³⁷ Маркевич А.И. О местничестве. Киев. 1879. Ч. 1. С. 755–756. [См. Примечание 18].

²³⁸ См. выписки из разрядных книг: Карамзин. ИГР. Т. 11. Примеч. 285 (Изборник. С. 326–327), примеч. 304 (Изборник. С. 327), примеч. 311 (Изборник. С. 327).

²³⁹ Изборник. С. 323–329.

ществовании Разрядной избы и других приказов в подмосковных земских ополчениях говорится не один раз, а о начале нижегородского ополчения находим рассказ далеко не полный и притом односторонний. И здесь автор все свое внимание обращает на внешнюю организацию дела, на то, как устроены были служилые люди, пришедшие служить нижегородцам, и какое денежное жалованье они получали от Пожарского и Минина²⁴⁰. Таким образом, автор является в своем повествовании не историком, желающим последовательно изобразить крупнейшие события прошлого, а служилым человеком, ведущим разрядную летопись, в которую он заносил с одинаковым вниманием и служебные мелочи, и великие исторические события. Если же обратим внимание на полное отсутствие в повествовании всякой риторики, даже всякой попытки к построению стройного литературного изложения (рассказ ведется погодно и не всегда последовательно), то убедимся в том, что имеем дело не с литературным сказанием, а с разрядною книгой.

Определить точно происхождение этой разрядной книги нам кажется невозможным. Официальные разряды в Смуту не велись²⁴¹, поэтому повествование Столярова хронографа должно считать произведением частного лица. Об этом же говорят нам и находящиеся в произведении многочисленные вставки летописного характера, не имеющие вида официальных разрядных записей (они-то и были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронограф). Можно думать, что та часть повествования Столярова хронографа, которая посвящена событиям Смуты, была составлена современником и очевидцем. Только очевидец мог дать такое живое описание, какое находим в рассказе о народном сборище на Красной площади, когда читались в Москве грамоты самозванца²⁴². Только современник мог знать такие частности о пострижении царя Василия, какие сохранились в разбираемом произведении²⁴³. Однако, как ни вероятны подобные догадки, вопрос о происхождении памятника ими не разрешается: на основании их можно только утверждать, что мы имеем дело с произведением ранним, которое составлялось или в самую Сму-

---

²⁴⁰ Изборник. С. 335, 337, 351–352, 353.

²⁴¹ Русский исторический сборник / Под ред. М.П. Погодина. Т. 2. С. XVI–XVII: “со 113 году как пришел к Москве вор розстрига Гришка Отрепьев ... по 121 год, по царство великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русии розряды не писываны”; См. также: *Милоков П.Н.* Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // Чтения ОИДР. 1887. Кн. 2. С. 4–5 [См.: *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907].

²⁴² Изборник. С. 328.

²⁴³ Изборник. С. 346–347.

ту, или не позднее времени царя Михаила Феодоровича, и было доведено путем постепенных приписок до 1644 г., на котором и прерывается повествование²⁴⁴.

Характер памятника выводит его из круга тех литературных произведений, которым посвящен наш труд. Для надлежащей оценки показаний Столярова хронографа мы должны были бы войти в сличение и исследование различных редакций разрядных книг за Смутное время, которые еще далеко не приведены в известность и не имеют близкого отношения к памятникам, нами изучаемым. Что же касается до тех мест Столярова хронографа, которые приближаются к летописным показаниям, то они представляются нам весьма ценным историческим материалом. Чтобы удостовериться в этом, достаточно вспомнить находящееся в памятнике обстоятельное описание походов и битв в борьбе Годуновых с самозванцем и В. Шуйского с мятежниками; далее, подробные рассказы о свержении Шуйского и о пострижении его; ценные показания о грамотах Гермогена в Смуту; рассказы о сожжении Москвы, о смерти Ляпунова и о третьем самозванце; наконец, некоторые подробности о нижегородском ополчении²⁴⁵. Все эти показания Столярова хронографа по своей обстоятельности и правдивости мало чем уступают Новому летописцу и дают разбираемой разрядной книге весьма почетное место в ряду русских неофициальных памятников Смутной эпохи.

---

²⁴⁴ П.И. Мельников замечает, что, “судя по тем подробностям, с какими летописатель говорит о нижегородских и арзамасских происшествиях, надобно полагать, что хронограф писан в здешних местах” (*Мельников П.И.* Несколько сведений о Смутном времени... С. 1). Если сопоставить с этим замечанием то обстоятельство, что экземпляр Карамзина принадлежал арзамасскому игумену, а экземпляр Лобкова приобретен им в Нижнем, то догадка Мельникова получает полную вероятность.

²⁴⁵ Изборник. С. 346–347, 349, 350–352, 353, 354–355.

〈Произведения о Смуте второстепенные и позднейшие〉

V

Произведения, рассмотренные в предыдущих главах нашего труда, представляют собою наиболее ценный исторический и литературный материал сравнительно с прочими сказаниями о Смуте, завещанными нам XVII в. По времени составления все они более или менее близки к Смутной эпохе. Одни из них тем и драгоценны, что были составлены в самую Смуту; другие отличаются или богатством содержания, или оригинальными взглядами на эпоху, значение которых заключается в том, что они были высказаны современниками Смуты; третьи, наконец, возбуждают интерес личностью автора. В массе других сказаний о Смуте, известных нам, мы уже не найдем таких ценных памятников, которые могли бы по своему значению стать рядом с разобранными нами выше. В дальнейшем изложении мы встретимся или с произведениями довольно ранними, но имеющими лишь второстепенный интерес, или же с памятниками позднейшими, не восходящими ранее половины XVII в. Одни из них, сохраняя литературную самостоятельность, изображают или отдельный факт, или отдельное лицо Смутной эпохи; если же рассказывают о Смуте вообще, то вводят в повествование легендарный элемент. Другие же пользуются текстами более ранними и механически соединяют отрывки разнохарактерных произведений в компилятивные рассказы. Иногда, впрочем, повествование какого-нибудь раннего писателя подвергается литературной переработке и дополняется вставками позднейшего книжника.

Длинный ряд этих второстепенных и позднейших произведений мы пройдем краткими характеристиками. Обилие текстов, подлежащих нашему рассмотрению, и отсутствие точных указаний на время появления многих из них заставляют нас заменить хронологический порядок в размещении памятников некоторой их систематизацией. Прежде всего мы рассмотрим памятники литературно самостоятельные; не рискуя впасть в большую неточность, можно сказать, что все они имеют характер биографиче-

ский, посвящены изображению жизни и деятельности отдельных лиц Смутного времени. Затем обратимся к обзору компилятивных произведений, основанных на известных уже нам трудах о Смуте. И, наконец, представим краткие замечания о местных сказаниях, касающихся Смуты.

I. Перечень памятников биографического характера мы начнем таким произведением, которое по своему заглавию посвящено не лицу, а факту. Это – пространное Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича¹. Состоит оно из двух неравных по объему частей: в первой, меньшей, рассказывается о постепенном утверждении благочестия на Руси, о деятельности первых русских патриархов и о судьбе Филарета до возведения его на патриаршество². Во второй, большей, части описывается возведение Филарета в патриархи и приводится целиком “грамота благословенная” освященного собора об избрании Филарета и чин наречения и поставления его на патриаршеский престол³. Все произведение носит характер официального панегирика патриарху Филарету, и первая часть его, в которой изложена история патриаршества в России, служит только введением в этот панегирик. Вот почему мы причислили разбираемый памятник к разряду тех произведений, которые посвящены лицам Смутного времени.

К истории Смуты некоторое отношение может иметь только вступительная часть Сказания. В ней находим прежде всего восторженный отзыв о царе Феодоре, благосклонную характеристику патриарха Иова и полное осуждение Бориса. Автор, давая характеристику Годунова, упоминает только о двух его деяниях: убийстве царевича Димитрия и гонении на Романовых⁴. Обходя время самозванца (“яже о воцарении того инем оставляю, – говорит автор, – понеже Летописная книга пространно сия написа”), сказатель обращается к В. Шуйскому, которому сочувствует за то, что он “устраивает” Филарета ростовским митрополитом⁵, и за то,

---

¹ ДАИ. Т. 2, № 76. Повествование это напечатано по рукописи Московской Синодальной библиотеки, писаной в лист скорописью конца XVII в., со многими украшениями, на 117 л. Не приводим полного заглавия памятника: оно очень обширно.

² ДАИ. Т. 2. №. 76. С. 185–200.

³ Там же. С. 200–221.

⁴ Там же. С. 194–195. Любопытно показание автора о том, что Борис к Романовым “исперва любовно присоединяся и клятву страшну тем сотвори, яко братию и царствию помогателя имети”. Об этом показании мы уже упоминали при разборе Повести Катырева.

⁵ Там же. С. 196. Мы уже видели, что Филарет стал ростовским митрополитом при самозванце, а не при Шуйском (ср.: Изборник. С. 194 [РИБ. Т. 13. Стб. 1294] и ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110).

что он будто бы сам понял необходимость удалиться от царства во избежание кровопролития⁶. В обзоре дальнейших событий внимание автора вполне занято судьбою Филарета. Автор витиевато повествует о его посольстве к Сигизмунду и о девятилетних страданиях в польском плену. Краткие замечания об общем ходе Смуты вводятся в рассказ для того только, чтобы лучше осветить патристическую деятельность Филарета картиною общей шатости и разорения Руси. При таком служебном значении общеисторических показаний понятным становится отсутствие всякой в них последовательности. Автор упоминает, например, о страданиях и смерти Гермогена раньше, чем о сожжении Москвы; деятельность Жолкевского и Гонсевского в Москве он представляет одновременно. Рассказ автора о Смуте не дает ничего исторически ценного, и для биографии Филарета нет в нем ни одной такой подробности, которой бы не было в Новом летописце. Таким образом, исторического значения разбираемое произведение не имеет.

Происхождение Сказания нам неизвестно. Общий характер его повествования указывает, что мы имеем дело с произведением официальным, которое всего скорее могло быть написано при патриаршем дворе. Некоторый намек на время его составления заключается в ссылке автора на “Летописную книгу”, содержащую в себе “пространный” рассказ о воцарении самозванца. Если под этою “книгою” разуметь Новый летописец (а это всего вероятнее), то нужно отнести составление Сказания ко времени после 1630 г. Есть даже повод думать, что Сказание было написано после смерти царя Михаила: о царе Михаиле в Сказании нигде не говорится как о человеке еще живущем; напротив, в его характеристике находятся такие выражения: “Бе же Михаил добр, образом красен и очима светел... и нравом зело преудобен, милостив же и кроток и тих”⁷. Такая форма отношения к личности государя могла явиться скорее по смерти его, чем при его жизни.

Рядом с произведением о Филарете можно поставить произведение о М.В. Скопине-Шуйском, известное под названием: *О рождении князя Михаила Васильевича*⁸. Оно уже под-

---

⁶ ДАИ. Т. 2. № 76. С. 196: Царь Василий “уразуме себе повинна быти таковому... и сего ради оставляет царствие и во иноческая облачится, лутче судив стяжати небесное богатство... нежели имети привременное царство...”. Нет нужды опровергать такое представление о Шуйском.

⁷ Там же. С. 199.

⁸ Издано: Изборник. С. 379–388 (отрывок – в Памятниках старинной русской литературы / Под ред. Н.И. Костомарова (Т. 2. С. 410–411)) [См.: *Васенко П.Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском / Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903–1904 году. СПб., 1904. С. 10–30 (ПДП. Вып. 56); см. также: РИБ. Т. 13. Стб. 1323–1348].*

верглось некоторой оценке со стороны исследователей. А.Н. Попов считает его “в высшей степени интересным” памятником: по словам Попова, “несмотря на бедность сообщаемых в нем фактов, оно интересно по своей литературной форме, по совмещению книжных приемов с народной думою о смерти Скопина-Шуйскаго”. В.С. Иконников также указывал на двойственность литературных приемов в этом произведении, а Л.Н. Майков исследовал ту часть произведения, которую он признал отрывком из народной былины, – именно, рассказ об отравлении князя Михаила⁹. Но ни один исследователь не определил точно времени и обстоятельств происхождения всего памятника; и самый текст его не включает в себе ни хронологической даты, ни указаний на автора.

Изучение памятника позволяет нам сделать несколько любопытных замечаний о его составе. Первые страницы произведения, повествующие весьма кратко о рождении, детстве и подвигах Скопина до Калязинской битвы с тушинцами, представляют собою, насколько мы можем судить, самостоятельный рассказ благочестивого книжника, обильный ссылками на Священное Писание¹⁰. Пространное описание Калязинской битвы, следующее за ним, дословно взято из Сказания Авраамия Палицына¹¹. Рассказ об отравлении и смерти Скопина сохранил нам, как это указано Л.Н. Майковым, отрывок старинной былины с соблюдением даже ее стихотворного склада¹². Повествование о погребении Скопина, составляющее центр всего Сказания, носит на себе черты книж-

---

⁹ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 257; Иконников В.С. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Т. I. С. 159–160; Майков Л.Н. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин // ЖМНП. 1880. Ноябрь. С. 209–211.

¹⁰ Изборник. С. 379–381. Эта часть повествования очень бедна содержанием, и В.С. Иконников в своей монографии о Скопине мог взять из нее весьма немногие данные.

¹¹ Ср.: Изборник. С. 382 и Сказание Палицына. С. 190–193 (до слов: “под Колязин монастырь со многою корыстию”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1144–1146]. Автор Сказания о Скопине не сумел даже сделать толкового перехода от слов Палицына к дальнейшему повествованию. Обращаясь прямо к истории отравления Скопина и пропуская все подробности его приезда в Москву, автор помешает только следующую лишнюю ясного смысла фразу: “Егда той воин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйский послушав царя и приехал в царствующий град Москву из слободы Александровы (ранее о слободе не говорилось. – С.П.) и напрасно грех ради наших, и родишася боярину князю И.М. Воротынскому сын княжевичь Алексей, и не дошед дву месяц по четыредесят рожению бысть князь Михайло крестным кумом...” (Изборник. С. 382–383).

¹² Там же. С. 383; Памятники старинной русской литературы. Т. 2. С. 410–411; Майков Л.Н. О старинных рукописных сборниках... С. 209–211. Ср.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 3-е изд. М., 1878. С. 191–193.

ного эпического творчества¹³ и было, вероятно, написано современником события, как можно догадываться по некоторым частностям: автор знает имена действующих лиц и сообщает много мелких подробностей события¹⁴. Наконец, краткая заметка о Клушинской битве и взятии Новгорода, заключающая собою Сказание, резко отличается от прочих частей произведения простотою языка и представляется нам летописною заметкою, взятою в Сказание со стороны¹⁵.

Таким образом, становится ясно, что разбираемый памятник не есть цельное произведение. Его смело можно назвать сборником самых разнообразных отрывков, и если некоторые его части могут считаться рассказами очевидца, то внесенный в него отрывок Сказания Палицына ясно свидетельствует, что в полном своем составе произведение возникло не ранее 1620 г. Исторически данными разбираемый памятник очень беден, как уже заметил А.Н. Попов; с литературной же стороны мы назвали бы его компиляцией, если бы могли доказать, что автор сборника не сам составил его главную часть – повествование о погребении князя Скопина.

К биографиям причисляем мы и *Историю о первом Иове, патриархе Московском*, хотя автор и придал ей характер жития “иже во святых отца нашего святейшаго Иова, патриарха Московскаго и всея России чудотворца”¹⁶. Литературная

---

¹³ Изборник. С. 383–387. Эпический склад произведения ярче всего обнаруживается в обычае автора влагать длинные речи в уста действующих лиц. В условных, поэтических формах представляет автор многие частности, например, горе царя Шуйского, который “егда от погребения возвратися и пришед в полату свою, и на злат стол свой царский ниц пад и плачяся, захлипяся горко, смоча слезами стол, слезы на пол со стола каплюще” (Там же. С. 387). Те же формы поэтического представления находим и немногим ниже: “И те же княгини, мати его (Скопина. – С.П.) и жена, пришедше в дом свой и падше на стол свой ниц, плахася горце и захлепающе, стению и слезами своими стол уливая” и т.д.

¹⁴ Он знает, как звали жену и мать Скопина (ср.: Изборник. С. 383 и 387 и *Иконников В.С.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. С. 105–106 и 160); вполне удовлетворительно объясняет, почему тело Скопина не отвезли в Суздаль (Изборник. С. 385); сообщает даже такие подробности о дне погребения князя: “Второму часу наставшу, и паки стекается всенародное множество со всего Московскаго царства, понеже во вчерашний день не всем в слухи видоша и неведомо, где погребен будет” (Изборник. С. 385–386).

¹⁵ Изборник. С. 387–388.

¹⁶ Лучший из известных нам списков в рукописи Саввина-Сторожевского монастыря, № 5, в 4 долю, полууставом, 67 л., л. 40–67 об. (Строев знал рукопись под старым № 196 (*Строев.* Словарь. С. 333), митрополит Макарий – под № 84 (*Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 10. С. 55). Копия с этого списка руки Строева в Румянцевском музее, по описанию Востокова № 39). Другие списки: 1) рукопись Румянцевского музея, по описанию Востокова № 156, в 4 долю, полууставом, 7214 (1706) г., без конца, и 2) рукопись В.М. Ундольского № 1110

форма этого жития отстывает, по признанию В.О. Ключевского, “от старого стиля житий”¹⁷, а содержание памятника, лишенное агиографического колорита, почти все исчерпывается характеристикой Иова как человека и деятеля. Автор начинает свое повествование очень коротким перечнем внешних данных для биографии патриарха, сообщая, когда и какие церковные должности проходил Иов¹⁸. За этим в Истории следует очень любопытная оценка добродетелей патриарха, и автор с особенным вниманием останавливается на ней на том основании, что, по его словам: “инде бо о нем (Иове. – С.П.) нигде не писано”. Иов владел редким знанием Священного Писания и богослужебных книг, служил всегда наизусть и с замечательным чувством; вел воздержную жизнь и строго постился; отличался полным смирением и кротостью; “во дни же убо его не обретется человек подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни похождением, ни вопросом, ни ответом”. Патриарший сан не изменил натуры Иова, и он остался тем же кротким человеком: “ленивых никако же никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всех милуя и преизлишно питая”¹⁹. Смирением патриарха думает автор объяснить и все особенности его политической деятельности. Когда Борис Годунов воцарился “многим кознодейством”, его темные дела стали известны народу и соблазняли его. Многие люди упрекали Иова в том, что он “молчит” перед Борисом; но Иов только плакал и не мог стать “обличником” Бориса²⁰.

(см. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. С. 22; этого списка мы не видели).

¹⁷ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 465.

¹⁸ Рукопись Саввина монастыря, л. 40–43 об. [РИБ. Т. 13. Стб. 923–950. Листы этой рукописи помечены на полях печатных страниц, почему далее последние и не указываются].

¹⁹ Рукопись Саввина монастыря, л. 43 об.–47.

²⁰ Приводим целиком это любопытное место Истории: «По смерти же царя Феодора Иоанновича хотя или не хотя воцарился правитель Борис Феодорович многим кознодейством. Патриарху же Иову та вся новотворимая царем Борисом виде, а иная дела явна бываемая, вся уразумеваемая представляхуса. Мнози бо людие стужаху ему, глаголюще: “Что, отче святыи, новотворимое сие видети, а молчиши?” И совесть сердца его яко стрелами устрелено бываше и не могый что сотворити, еже семена лукавствия сеема видя и, винограда Христова делатель сый, изнеможе, токмо к Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше. Быстрь (может быть: бысть. – С.П.) убо и строптив сей царь Борис и не хотя видети обличника себе: тем же непорочен един путь ходити оставив и во два пути хождаше» (Там же, л. 47–47 об.). Очевидно, что здесь под словами “та вся новотворимая царем Борисом” нельзя разуметь культурных новшеств Бориса (о которых автор выше не говорил ни слова), а следует понимать событие политическое – узурпацию Борисом престола путем преступлений. Вот

Не стал он прямо против Годунова и тогда, когда развились доносы, и погибало много невинных людей: патриарх только молился и просил народ, “дабы престали от всякаго зла дела, паче же от доводов и от ябедничества; и бе ему непрестанныя слезы и плач непостижный”²¹. Мужественно ополчился Иов только против самозванца, которого автор Истории называет еретиком и волхвом. Патриарх “с горкими слезами глаголаше народом”, что он знал Отрепьева давно, — “как в Чудове монастыре был и как в келии у него жил” этот еретик. Ничто, однако, не помогло Иову: клеветы самозванца свергли его с престола, чернь разграбила его двор, и патриарх едва “умолил, дабы разстрига его отпустил на обещание свое в город Старицу во Успенской монастырь”²². В Старице Иов был встречен известным архимандритом Дионисием, который, “не ведый, что сотворити великому пастырю”, спрашивал Иова, “что укажет еже о себе творити”. Прежнее смирение не покинуло патриарха и в ссылке; в молитвах окончил он свою жизнь в Старицком монастыре, окруженный заботами Дионисия²³.

почему мы не можем согласиться с тем толкованием, какое дал приведенному месту памятника С.М. Соловьев в заключительных строках первой главы 8-го тома “Истории России” (*Соловьев. История. Т. 8. С. 57; Ср.: Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Т. 10. С. 89*). Мы лично думаем, что весь приведенный нами рассказ составляет позднейшее произвольное распространение слов самого Иова в его духовном завещании: “В многи скорби и в печали впадох о преставлении... царя... Феодора Ивановича... и всяко вещем сопротивное нападе на мя озлобление, и клеветы, укоризны, рыдания ж и слезы, сия убо мене смиреннаго достыгоша” (СГГД. Ч. 2. № 82. С. 181).

²¹ Рукопись Саввина монастыря, л. 49–49 об. Пред этим заявлением автор в обширной вставке рассказывает об убийстве царевича Димитрия, о московском пожаре 1591 г. и о развитии доносов при Борисе. Он сам указывает источник своего рассказа: “о сих всех злых бедах писано пространно во Истории в монастыре Сергия чудотворца” (ср.: Сказание Палицына. С. 3–6, 8–9 [РИБ. Т. 13. Стб. 970–976] и рукопись Саввина монастыря, л. 48–49). Автор нестрого держался своего источника: он, например, обвиняет Бориса в поджоге Москвы, чего не делает Палицын; но в общем его рассказ близок к тексту Палицына.

²² Рассказ автора о похождениях самозванца не представляет ничего любопытного и повторяет по большей части данные Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 54–56). Зато любопытны некоторые подробности свержения Иова с престола (рукопись Саввина монастыря, л. 52–54 об.). Этими подробностями уже воспользовался митрополит Макарий в своей Истории русской церкви (Т. 10. С. 92–93), и потому мы не приводим здесь выписок. Сличая повествование Истории Иова с “прощальною грамотою” Иова 1607 г. (ААЭ. Т. 2. № 67. С. 153–154), невольно приходим к догадке, что известия о насилиях над патриархом и о разграблении его двора взяты автором Истории из патриаршей грамоты и литературно переработаны.

²³ Данные разбираемого памятника об отношении Дионисия к Иову приведены и оценены митрополитом Макарием (История русской церкви. Т. 10. С. 95–96).

Так кончает автор главную часть своего труда – жизнеописание патриарха. Вслед за рассказом о погребении Иова начинается отрывочное повествование о чудесах его, между которыми особенно достойны внимания явление патриарха архимандриту Дионисию и исцеление жителя Старицы Иоанна Иоанновича Тулупова. Иов явился Дионисию с такою речью: “Поставили вы над гробом моим палатку не по моему приказу: мне де палатка строить не тем переводом”²⁴. Чудо исцеления, совершившееся над Тулуповым, произошло во время разорения Старицы тушинцами в 1609 г.; нет ничего невозможного в том, что этот Иван Тулупов – одно лицо с известным монахом Германом Тулуповым, написавшим *Минеи-Четьи* и происходившим также из Старицы²⁵. За чудесами в *Истории Иова* следует рассказ о перенесении тела патриарха в Москву в 1652 г., и, наконец, *История* заключается повествованием о тех чудесах, какие произошли от гроба святытеля при перенесении его мощей²⁶.

Таково содержание разбираемого памятника. Время его появления точно определить нельзя; но нет сомнения, что все части *Истории* составлены были не раньше 1652 г., когда состоялось перенесение мощей патриарха²⁷. Быть может, именно это перенесение и послужило поводом к составлению жизнеописания Иова²⁸. Таким образом, мы имеем дело с сочинением довольно поздним. Автор его иногда сам обнаруживает свои источники, ссылаясь на *Сказание Палицына*, упоминая *Житие преподобного Дионисия*. Это обстоятельство, свидетельствуя о начитанности автора, в то же время говорит нам, что в его произведении мы не найдем непосредственных впечатлений очевидца и современника Смуты. При таких условиях нельзя придавать большого исторического значения показаниям *Истории*, хотя некоторые из них и не встречаются ни в каких других памятниках²⁹.

---

²⁴ Рукопись Саввина монастыря, л. 57–57 об.

²⁵ Там же. л. 57 об.–60 об.; *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...* С. 297–298. Можно думать, что исцеленный Тулупов был жив, когда составлялась *История Иова*, и был близок к автору ее: автор иногда зовет его дружески одним отчеством “Иоаннович” [См. *Примечание 19*].

²⁶ Рукопись Саввина монастыря, л. 61 об.–67 об.

²⁷ В биографии Иова автор делает ясное указание на *Житие преподобного Дионисия* в таких словах: “о архимандрите Дионисии инде писано” (Рукопись Саввина монастыря, л. 56). *Житие архимандрита Дионисия* составлено было, как увидим ниже, в 1648–1654 гг. Стало быть, и биография Иова появилась не ранее.

²⁸ *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...* С. 465.

²⁹ Все сколько-нибудь ценные данные памятника касаются личной жизни Иова и, как мы сказали выше, уже извлечены митрополитом Макарием.

Едва ли мы впадем в грубую ошибку, если предположим, что автора Истории следует искать среди братии Троице-Сергиева монастыря. Он знает об архимандрите Дионисии такие частности, как видение ему патриарха Иова. Он знает те литературные произведения, которые создавались в Лавре. Очень обстоятельно рассказывает он об “Иоанновиче” Тулупове, а монах Тулупов по поручению Дионисия составил свои Минеи-Четьи для Троицкого монастыря и жил в ту же эпоху, когда писалась История о патриархе Иове. Как ни мелочны все эти черты, они, однако, производят на читателя известное впечатление: несколько раз в Истории мелькают имена, связанные с жизнью Троицкого монастыря, тогда как о других видных лицах современного автору общества нет таких отзывов, которые способны бы были привлечь наше внимание.

От произведений, носящих характер биографий, переходим к житиям. Между ними для нас главное значение имеют Ж и т и я ц а р е в и ч а Д и м и т р и я. Самое раннее из них составлено было, как мы видели, в 1607 г. и представляло из себя дословный отрывок Повести 1606 года, присоединенный к обстоятельному повествованию о перенесении мощей царевича в Москву³⁰. Второе Житие Димитрия составил князь С.И. Шаховской, причем дал ему характер поучительного трактата, а фактическую его сторону заимствовал из Повести Катырева³¹. К половине XVII в. появилась и третья редакция этого Жития, в литературном отношении мало зависящая от двух первых. Она была внесена в Минеи священника Иоанна Милютина (1646–1654 гг.)³² и получила чрезвычайно широкое распространение в списках³³. В отличие от прочих редак-

---

³⁰ См. в первой главе нашего труда “Житие царевича Димитрия, внесенное в Минеи Г. Тулупова”.

³¹ См. в четвертой главе нашего труда разбор Повестей князя Шаховского.

³² Рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 805 (по указателю архимандрита Саввы: *Савва (Тихомиров), архим.* Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858), XVII в., в 4 долю, скорописью, 1489 л., л. 1026–1046. Нач.: “Сей благоверный царевич...” О Минеях Милютина см.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 297–298.

³³ Укажем списки, нам известные: 1) имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1558, в лист, XVII века, 252 л., л. 206 об.–213 об.; 2) имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1612, в 4 долю, XVII в., 215 л., л. 189–204; 3) имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.22 (из собрания графа Толстого, отд. II, № 140), XVII и XVIII вв., в 4-ку, 971 л., л. 100–115; 4) имп. Публичной библиотеки, Q.I.762, XVIII в., в 4 долю, 206 л., л. 38–52; 5) Библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1459 (Строев знал этот список под “№ 431 из Кирилловских”: *Строев.* Словарь. С. 328), XVII в., в 4-ку, 365 л., л. 114–135; 6) Библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, Софийск. № 1493, XVII в., в 4-ку,

ций мы будем звать ее Милютинскою редакцией жития, хотя и не решаемся приписать ее составление самому Милютину³⁴. В полном своем виде это Житие состоит из трех статей: первая рассказывает об убиении царевича, вторая – о явлении его старцу Тихону и о важнейших событиях в Москве до свержения самозванца, третья же описывает перенесение мощей святого.

Что касается до первой, главной части Жития³⁵, то она составлена, как можно догадываться, по двум источникам, хотя с литературной стороны написана самостоятельно. В большей степени автор зависел от того Сказания о смерти царевича, которое мы видели в Новом летописце, а в меньшей степени – от Повести 1606 года (или, вернее, от основанного на ней Жития 1607 года).

---

629 л., л. 535–558; 7) Московского Публичного музея, № 260, XVII в., в 8-ку, 96 л., л. 1–36; 8) Московского Публичного музея, № 925, XVII в., в 4-ку, 215 л., л. 115 об.–149; 9) Московского Публичного музея, Ундольск. № 303, конца XVII в., в 4-ку, 20 л.; 10) Московского Публичного музея, Ундольск. № 609, XVII в., в 4-ку, 447 л., л. 168–183; 11) Московского Публичного музея, Ундольск. № 623, XVII в., в 4-ку, 87 л., л. 9–31 об.; 12) Московского Публичного музея, Ундольск. № 660., XVIII в., в 4-ку, 227 л., л. 210–227; 13) Московского Публичного музея, Ундольск. № 1306, XVII в., в 4-ку, 183 л., л. 106–117; 14) Московского Публичного музея, Беляев. № 1515, XVII–XVIII в., в лист, л. 84–92. Не все из указанных списков одинаково полны и исправны: лучшими нам представляются те, которые помещены в нашем перечне под цифрами 1, 5 и 6 [В РИБ (Т. 13. Стб. 899–922) Житие издано по списку имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1558. Листы рукописи помечены на полях печатных страниц, почему далее последние и не указываются]. О других списках см.: Барсуков. Источники. Стб. 154. § 3. Любопытную попытку дополнить это Житие данными Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 19–20) находим в рукописи имп. Публичной библиотеки, Q.I.877, в 4-ку, XVII–XVIII в., 71 л., л. 44–44 об. (в этой рукописи смешаны отрывки Милютинского жития царевича с тою его редакциею, которая вошла в Минеи-Четьи святого Димитрия Ростовского).

³⁴ В.О. Ключевский удостоверяет, что И. Милютин “старался сокращать и даже иногда переделывать памятники” (*Ключевский В.О. Древнерусские жития святых...* С. 298). Можно было бы поэтому предположить, что сам Милютин составил Житие царевича: это Житие, как увидим ниже, есть переработка немногих источников; оно является впервые в сборнике житий Милютина и не попало еще в Минеи Тулупова (написавшего майскую Минею в 1630 г.). Но подобному предположению мешает то обстоятельство, что список Жития в подлиннике Минеи Милютина не так исправен, как в некоторых других списках, и ничем не напоминает авторского экземпляра. Во всяком случае, в Милютинском житии мы имеем дело с памятником довольно поздним. Автор его косвенно дает понять, что писал уже после патриаршества Филарета; он говорит, что за мощами царевича Димитрия “послан бысть Филарет митрополит,... иже последи.... и сам патриарх *бысть* во всей велицей России” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1558. Л. 212 об.).

³⁵ В списках она носит заглавие: “Месяца мая в 15 день. Убиение благовернаго царевича князя Димитрия Ивановича Углицкаго и всеа Русии новаго чудотворца”.

Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить показания Жития с названными памятниками. Начинается оно именно теми известиями, какие Житие 1607 года заимствовало из Повести 1606 года. Кратко сказав о смерти Грозного, воцарении Феодора и об удалении Димитрия в Углич по Житию 1607 года, автор описывает затем властолюбие Годунова уже по тому образцу, какой нашел в Новом летописце. Не заимствуя из Летописца фраз целиком, он считает позволительным брать оттуда отдельные обороты речи³⁶. За многочисленными отступлениями и весь строй его изложения соответствует той последовательности, какую находим в Летописце. Стремление к краткости заставляет автора опустить известия Летописца о том, как Борис тщетно искал убийц, пока Клешнин не нашел ему Битяговского³⁷. Автор прямо переходит к описанию смерти царевича. Сообщения своих источников о попытках отравить Димитрия он передает так, как будто бы эти попытки делали Битяговский и его сообщники, не решавшиеся действовать открыто. При этом автор уже не видит прямого чуда в том, что царевич уцелел от отравы; он замечает только, что ради “рождьшия и ближних его (царевича. – С.П.) приятелей и доброхотов облюдения, паче же Божияго ради хранения не возможе (убийцы. – С.П.) тем своим коварством таковой смерти предати его”. Открытое покушение на царевича автор Жития описывает очень кратко, ближе подходя к Повести 1606 года, чем к Новому летописцу³⁸. Дальней-

---

³⁶ Замысел Годунова истребить царский корень автор Жития приписывает наущению дьявола, как и автор Нового летописца, и притом в очень сходных выражениях: “искони бо ненавиждя добра роду человеческому древний змий сатана... вложи убо во ум тому Борису... и влагает ему в сердце злую и нечеловеческую мысль...” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1558. Л. 206 об.–207; Рукопись Московской Синодальной библиотеки. № 805. Л. 1027–1027 об. Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 15).

³⁷ Этот пропуск ведет автора к некоторой оплошности. Впоследствии, упоминая о поведении Клешнина на следствии в Угличе, автор заявляет, что Клешнин “вкупе бо с ним (Борисом. – С.П.) бысть и убийца” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1558. Л. 209; Рукопись Московской Синодальной библиотеки. № 805. Л. 1035). Для читателя Жития это замечание лишено смысла, так как в Житии раньше нет ни слова о соучастии Клешнина в преступлении. Для нас же эти слова есть ясный признак зависимости Жития от Нового летописца: злодейство Клешнина подробно описано в одном только Новом летописце. От показаний этого последнего автор Жития отступает только в том, что зовет Волохову на Марьею, как Новый летописец, а Василисою, как Следственное дело.

³⁸ “Час приспевше, повелеша (убийцы. – С.П.) той преждереченней Василисе, да повелит кормилице его, сиречь маме, свести из дому ис хором его: ведуще бо окаяннии, яко обычай ему есть ходить на играние детское. И сотвориша та окаянная такоже, якоже речеса... Они же, злии кровоядцы, готови на пролитие неповинныя тоя крови и наскочиша нань, аки волцы немилостивии, и сотвори-

шие обстоятельства – погибель убийц и пристрастное следствие Клешнина и Шуйского – изложены в Житии очень близко к Новому летописцу. Но в этом месте своего повествования автор Жития делает легендарную вставку, которая ясно свидетельствует о его историческом невежестве. Он говорит, что сам царь Феодор, находившийся по случаю праздника Пятидесятницы в Троице-Сергиевом монастыре, пожелал ехать в Углич на погребение брата. Узнав это, Борис будто бы велел зажечь Москву и убедил Феодора, что его присутствие в столице необходимо. Тогда царь Феодор возвратился в Москву, а в Углич послал Шуйского, к которому Борис присоединил Клешнина “и много от священнического чина”. В 1591 г. праздник Пятидесятницы был 23-го мая, московский пожар – 22-го мая, а следственная комиссия приехала в Углич 19-го мая³⁹. Сопоставление этих дат убеждает в несправедливости всего рассказа автора. Первое же отступление его от текста тех источников, на которых он построил свое повествование, оказывается неудачным и ведет к заключению, что автор мало знал обстоятельства смерти царевича.

Собственно Житие царевича оканчивается известием о его погребении. В первой из добавочных статей Жития – о явлении царевича старцу Тихону⁴⁰ – автор продолжает держаться прежних источников, но вместе с тем обнаруживает знакомство и с Повестью 1607 года о перенесении мощей царевича в Москву. После весьма близкого к Новому летописцу рассказа о том, как были наказаны Борисом угличане и все Нагие за расправу с убийцами Дмитрия, автор сообщает о смерти царя Феодора почти буквально словами Повести 1607 года⁴¹. Свидетельствуя затем, что при Борисе от царевича Дмитрия “начаша знамения и чудеса бывати”, автор совершенно самостоятельно описывает одно из таких знамений. В “первоенадесять лето по убиении своем”, то есть в

ша то прелютное дело среде двора его. Един от них ем его за выю и пререза ему гортань. Мати же его благочестивая царица Мария во внутренних своих храмах седящи, ничто же того сведущи, токмо внезапно услыша и узре то сотворенное злое дело, борзостно стече долу...” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1558. Л. 207–207 об.; Рукопись Московской Синодальной библиотеки. № 805. Л. 1029–1029 об.). Далее рассказ близок к Новому летописцу.

³⁹ Горбачевский Н. Археографический календарь. Табл. 14; Сказание Палицына. С. 4; СГГД. Ч. 2. № 60. С. 103.

⁴⁰ Полное заглавие статьи таково: “О явлении благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича Углицкаго и Московскаго старцу Тихону и отмщенику крови его”.

⁴¹ “Во осмое же лето по убиении благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича случиса Божними судбами, или же сам вестъ” и т.д. (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1558. Л. 210; рукопись Московской Синодальной библиотеки. № 805. Л. 1037). Ср. начало Повести 1607 года в рукописи Санкт-Петербургской духовной академии № 1357, л. 474 [РИБ. Т. 13. Стб. 884].

1601–1602 гг., царевич явился “некому от калугер тамо живущих во граде Угличе, имянем Тихону”. Он предсказал Тихону появление и погибель многих самозванцев, что скоро и сбылось. Для того чтобы выяснить справедливость предсказания, автор Жития дает краткую историю первого самозванца. В ней он не выходит из круга фактов, известных из Повести 1606 года и Нового летописца; вступительные же фразы заимствует он опять из Повести о перенесении мощей⁴².

Некоторое влияние этой Повести можно заметить и в последней, довольно краткой статье Жития – о перенесении мощей царевича⁴³. Но здесь встречаем и существенные отступления: по рассказу Повести 1607 года, перенесение мощей происходило до поставления Гермогена в патриархи; автор же Милютинского Жития делает Гермогена одним из главных участников этого церковного торжества. Здесь он впадает в ошибку, но нет основания считать ошибками некоторые иные мелочи его изложения, не находящиеся в Повести 1607 года и в других известных нам текстах⁴⁴. Правда, оригинальные сообщения автора, как в этой части Жития, так и в предыдущих, слишком мелки для того чтобы придать его повествованию исторический интерес; но они выделяют его Житие из ряда многочисленных компиляций так же как и самостоятельные литературные приемы, свидетельствующие о привычке автора к литературному труду⁴⁵.

---

⁴² “Бысть же сие грех ради наших и всяких неправд, яже к Богу. Сих ради нас наказуя, да быхом творили заповеди Его и отвратилися от всех злб своих, и попусти на нас за наше беззаконие аки новаго Иулиана” (Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1558, л. 210 об.; рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 805, л. 1039). В Повести 1607 года соответствующее место читается так: “Многих ради грех наших и неправд, еже ко Господу и ко своей братии, сих ради Богу нас наказующу, да быхом познали заповеди Его и отвратилися бы от всех зол своих, пустившу на нас, грех ради наших, за наше беззаконие богомерзкаго безбожнаго досадителя...” (Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии № 1357. Л. 474 об.) [РИБ. Т. 13. Стб. 885].

⁴³ Заглавие этой добавочной статьи таково: “О принесении мощей благовернаго царевича князя Димитрия от града Углича в царствующий град Москву”. Близость этой статьи к Повести 1607 года особенно заметна в подборе подробностей самого обретения мощей.

⁴⁴ Так, например, заслуживает внимания известие, что мощи царевича остались нетленны, “токмо мала часть взята от руку перста его” (рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1558, л. 212 об.; рукопись Московской Синодальной библиотеки, № 805, л. 1045). Этого известия мы не нашли в других известных нам повествованиях о перенесении мощей.

⁴⁵ Милютинское житие оказывало влияние на последующие литературные труды, касающиеся изображенных в нем событий. Во-первых, в значительной мере повлияло оно на ту редакцию Жития царевича, которую читаем в Минеях святого Димитрия Ростовского под 3 июня (Нач.: “По представлении благовер-

Большую оригинальностью отличается очень любопытная Повесть о убиении царевича Димитрия, изданная с единственного пока известного списка А.Ф. Бычковым⁴⁶. Содержание ее общеизвестно, и нам нет нужды пересказывать его. Издатель Повести полагает, что “она составлена современником, бывшим близким ко двору царевича или имевшим знакомство с лицами, к нему принадлежавшими”. Основанием для такой догадки служит чрезвычайная подробность и видимое правдоподобие показаний памятника: “в целой Повести не встречается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ее достоверность”, – замечает г. Бычков.

Действительно, такое именно впечатление производит первое знакомство с текстом Повести. Исследование ее затрудняется отсутствием всяких указаний на автора, время и обстоятельства ее составления. Изучение единственного списка Повести не приводит ни к какому результату: список этот составляет лишь малую часть пестрого по составу сборника, сплетенного П.М. Строевым из многих рукописей, и Строев не оставил ни одной заметки о том, откуда досталась ему Повесть. Можно только удивляться тому, что такой любопытный исторический памятник сохранился до нас всего в одном и притом, несомненно, позднем экземпля-

---

наго царя и великаго князя Иоанна Васильевича...”. См.: *Барсуков*. Источники. Стб. 154–155. § 6). Кроме печатных изданий эта последняя редакция часто встречается в копиях XVIII в.; с двух лицевых списков она издана Обществом любителей древней письменности (Житие святого Димитрия царевича / ПДП. СПб., 1879. Вып. 36). Сам Димитрий Ростовский так объясняет происхождение составленного им Жития: “аз, ...собрав с некоего хронографа и с Угличской книжици, написах историю о святом Димитрии царевичи” (*Капитанов В.В.* Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. 2. Отд. II. С. 1). Под “Угличской книжицей” трудно разуместь что-нибудь иное, кроме Милютинской редакции Жития: настолько близки к этой редакции многие частности повествования святого Димитрия Ростовского. Что же касается до Хронографа, о котором упоминает святой Димитрий, то он, очевидно, был очень полон: в нем Димитрий Ростовский нашел и Сказание Нового летописца о смерти царевича, и части Хронографа 2-й редакции, и отдельное “Сказание о царстве государя и великаго князя Феодора Ивановича” (о нем будет речь ниже). Сравнение жития, составленного Димитрием Ростовским, с этими памятниками открывает не только фактическую, но, если можно так сказать, и стилистическую зависимость от них труда святого Димитрия. Во-вторых, Милютинское житие было, очевидно, известно знаменитому Котошихину, который в своей книге (О России в царствование Алексея Михайловича. Современ. соч. Григорья Котошихина. 3-е изд. СПб., 1884. С. 2–3) рассказал о злодействах Годунова и гибели царевича Димитрия все те недостоверные подробности, какие впервые появились в редакции Милютинской. Наконец, влияние этой Милютинской редакции Жития увидим и на некоторых иных памятниках, о которых еще будем говорить.

⁴⁶ *Бычков А.Ф.* Повесть о убиении царевича князя Димитрия // Чтения ОИДР. 1864. Кн. 4. Смесь. С. 1–4. Список находится в имп. Публичной библиотеке, Погдинск. № 1563, л. 97–99, в 4-ку, XVIII в. (См.: *Бычков*. Описание. С. 95 и 103–104).

ре. Это – признак, не свидетельствующий в пользу древнего происхождения Повести. Чем объяснить, что разбираемая Повесть, если она была записью современника убийства царевича, не распространилась в XVII в. и не была внесена ни в одно из многочисленных компилятивных повествований о Смуте? Неужели люди XVII в., вообще интересуясь Смутой и охотно переписывая малосодержательные жития царевича, не доверяли наиболее обстоятельному рассказу о смерти Димитрия?

Некоторая загадочность происхождения Повести заставляет с большой осторожностью отнестись к ее показаниям. Из этих показаний прежде всего обнаруживается, что и краткое вступление в Повесть, и самая Повесть были написаны уже после 1605 г.: во вступлении автор говорит о гибели Бориса Годунова: “Не во веки нацарствовав, яко прах во мгновении ока исчезе”; в конце же Повести автор замечает о Марфе Нагой, что она после смерти сына “в заточении была 14 лет”. Оба эти замечания могли явиться не раньше царствования Шуйского (при самозванце сами Нагие официально не считали царевича мертвым, и вряд ли кто-нибудь мог составить такую Повесть, как разбираемая нами). Такие данные о времени написания Повести ведут к тому любопытному соображению, что изучаемый памятник был составлен не раньше известной нам Повести 1606 года. Косвенно подобное соображение подтверждается еще и содержанием этой последней Повести. Ее автор – официальный публицист, имевший в своих руках много документов, – должен был придавать важное значение всякой подробности о смерти царевича⁴⁷. Если бы разбираемое произведение возникло ранее его труда и в официальном кругу Нагих (к которому относит его А.Ф. Бычков), то автор Повести 1606 г. легко мог бы его знать при своем хорошем знакомстве с официальными документами. Но он не воспользовался показаниями изучаемой Повести, конечно, потому что не знал их.

Таким образом, нет основания считать разбираемую нами Повесть древнейшим литературным изображением смерти царевича: Повесть 1606 года написана или одновременно с нею, или раньше ее. Нет основания и для того чтобы в нашей Повести видеть произведение, вышедшее непременно из среды Нагих. Этого не позволяет текст Повести: в нем не видим никаких прямых следов близости автора к Нагим. В нем, напротив, читаем, что царица Мария над телом царевича Димитрия “плачася, убиваяся, говорила всему народу, чтобы те окаяннии злодеи душегубцы царскому

---

⁴⁷ Вспомним, что главной целью автора Повести 1606 года было – доказать самозванство убитого Лжедимитрия. Одним из действительнейших средств для этого служили доказательства смерти настоящего царевича (см. первую главу этого труда).

кореню живы не были”. Можно думать, что лицо, близкое к Нагим, никогда не позволило бы себе изобразить в таких чертах поведение Марии Нагой и возложило бы вину угличских убийств не на царицу, а на других лиц. С другой стороны, одна любопытная приписка к компилятивному Житию царевича, как и самый состав этого Жития, показывает нам, что в семьях, родственных Нагим, переписывали в XVII–XVIII вв. не разбираемую Повесть, а Милютинское житие Дмитрия и Сказание о его убиении Нового летописца⁴⁸. Наконец, мало оснований видеть в авторе и угличанина-современника события. Нельзя допустить, чтобы человек, знакомый с топографией Углича, стоящего на правом берегу Волги, употребил такой оборот речи, говоря о следственной комиссии по делу царевича: “приехав, досматривали тело государя царевича князя Дмитрия Ивановича, а осматривали, и отъехали прочь за Волгу”.

Изложенные замечания представляются нам достаточными для того чтобы не признавать в изучаемой Повести памятника, современного событию и написанного компетентным лицом. Откуда же явился в Повести ряд мелких подробностей о последнем дне царевича? Невозможно дать категорический ответ на этот вопрос, зато возможно построить простую догадку. Если бы в Повести не было упоминания о старцах Кириллова монастыря, от которых царевич “образы принял”, и если бы не было подробностей об обеде царевича, мы решились бы утверждать, что Повесть основана на показаниях, записанных в известном Следственном деле, и представляет собою попытку кратко изложить данные дела о смерти царевича, – только не в оправдание, а в обвинение Бориса⁴⁹.

---

⁴⁸ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.I.877, в 4 долю, 71 л., л. 44–45, заключает в себе отрывки Жития, составленного по Милютинской редакции и Новому летописцу. В конце приписка: “Списано сие страдание благоверного царевича... Дмитрия... в... граде Москве, князь Петра Эльмурзича Черкасского у жены его вдовы княгини Анны Васильевны, сродницы его, благоверного царевича Дмитрия, по матери его царицы Марии Иоанновны (ошибочно вместо Феодоровны. – С.П.), во инокинях иноки Марфы. Понежь мати благоверного царевича Дмитрия Мария Иоанновна и княгиня Анна Васильевна одного роду быше, прозванием Нагих”. Эта приписка сделана не ранее 1692 г. (см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 г. СПб., 1884. С. 45–47).

⁴⁹ Восстанавливая внешнюю обстановку смерти царевича, автор ни в чем не противоречит данным Следственного дела, только дает им то освещение, какое дал на следствии Михайло Нагой (СГГД. Ч. 2. № 60). Мы вовсе не находим в Повести таких показаний о смерти и следствии, которых нельзя было бы вывести из Следственного дела. Автор дополняет свой рассказ другого рода показаниями – такими, которых по существу своему не должен был заключать в себе следственный документ: так он, например, сообщает день погребения царевича – 22-го мая, день и год его рождения – 9-го октября 7091 (1582) г. (следует читать 19-го октября: *Карамзин*. ИГР. Т. 9. Примеч. 741) и т.п.

Присутствие же в Повести таких известий, каких нет в официальном деле, заставляет подозревать у автора и другие источники, – быть может, простое предание с примесью благочестивой легенды. Отпечаток именно такой легенды агиографического стиля носят на себе все подробности о благочестии и воздержании царевича, который “кушал... по единожды днем, а обычай у него, государя царевича, был таков: по вся дни причащался хлебу Богородичну”. В других документах и повестях о царевиче не видим таких чисто житийных черт; напротив, и в грамоте Василия Шуйского⁵⁰, и во всех сказаниях о перенесении мощей Димитрия находим противоречащее по своему духу показание о том, что мальчик в последние часы “тешился” орехами⁵¹.

Сознаемся, что мы не идем далее шатких догадок о составе и происхождении Повести, но думаем, что более точные заключения возможны станут лишь тогда, когда явятся новые данные по внешней истории этого памятника, заключающего собой ряд произведений о царевиче Димитрии. Не входя в разбор ничтожных по значению и весьма кратких литературных вариаций, построенных на известных уже нам редакциях Житий царевича⁵²,

---

⁵⁰ ААЭ. Т. 2. № 48. С. 111.

⁵¹ Память царевича окружалась легендами: кроме легендарных черт в разбираемой Повести, мы видели легенду о явлении царевича старцу Тихону в Милютинском Житии. Еще одно предание – о чуде, бывшем во время перенесения мощей царевича в Москву, – заключается в рукописи Московской Синодальной библиотеки № 858 (по указателю архим. Саввы), в 4-ку, 1704 г., 230 л., л. 212 об.–213 об. (из рукописей святого Димитрия Ростовского, с его пометами). Чудо заключалось в том, что могила, которую ископали для тела царевича в Архангельском соборе, “сама о себе засыпашеся”, а гробы, не раз изготовляемые для мощей, не могли прийтись впору. В этих явлениях царь Василий и патриарх Гермоген (легенда изображает Гермогена уже патриархом во время перенесения мощей) увидели чудесное знамение и решили поэтому не скрывать мощей царевича под землю. Текст легенды по указанному списку и некоторые соображения о ее происхождении приведены нами в журнале Библиограф за 1888 г. (*Платонов С.Ф.* Легенда о чуде св. Димитрия Царевича Угличского // Библиограф. 1888. № 1. С. 18–19). Испорченный пересказ этой легенды можно найти в Ярославских епархиальных ведомостях за 1867 г. (№ 15. С. 117–118). Святой Димитрий Ростовский, собравший в своей редакции Жития царевича полный свод его чудес, отверг эту легенду.

⁵² Укажем известные нам заметки о смерти царевича: 1) во многих списках к Милютинскому Житию приписано его сокращение с пометой: “а се по Проложному” (Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1558. Л. 213; Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии. Софийск. № 1493. Л. 556; Рукопись Санкт-Петербургской духовной академии. Софийск. № 1459. Л. 133 об.; 2) в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1616, XVIII в., л. 76, находится краткая запись о смерти царевича; 3) в рукописи имп. Публичной библиотеки, F.IV.215 (Из собрания графа Толстого, Отд. I, № 157), XVII в., л. 293, читаем небольшой рассказ житийного стиля; 4) в рукописи имп.

переходим к другим житиям, касающимся Смуты. Они пользуются некоторою известностью в нашей литературе.

Прежде всего остановимся на Житии ростовского затворника Иринарха, написанном его учеником Александром⁵³. Житие дошло до нас в нескольких списках, к сожалению, довольно поздних⁵⁴. Оно было издано архимандритом Амфилохием в полном виде, но с исправлениями слога⁵⁵; некоторые же его отрывки, касающиеся Смутного времени, были напечатаны В.М. Ундольским и заимствованы у него графом М.В. Толстым⁵⁶. Житие Иринарха – памятник очень любопытный и по литературным приемам, и по содержанию. Простою своего рассказа он приближается к безыскусственному биографическому очерку и содержит в себе много ценных исторических черт. Мы не раз замечали, что современники Смуты, писавшие о ней, были скупы на автобиографические подробности и очень редко спускались до простой передачи своих личных воспоминаний и впечатлений. Они писали не мемуары, а исторические или публицистические произведения. Автор Жития Иринарха составляет в этом отноше-

---

Публичной библиотеки, О.IV.17, XVII в., л. 283, записано очень краткое Житие вроде проложного; 5) в рукописи библиотеки Троице-Сергиевской Лавры, № 325 (858), 747 л., XVII в., находится краткая запись о убиении царевича и принесении мощей; 6) в рукописи имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.48 (из собрания графа Толстого, Отд. II, № 401), XVII в., л. 1–19, находим попытку изменить со стороны слога редакцию Жития, составленную Димитрием Ростовским. Все эти повествования не представляют ни исторического, ни литературного интереса [См. *Примечание 20*].

⁵³ “Месяца генваря в 13 день. Житие и подвизи отца нашего воздержателя, столпа крепка, страдальца и наставника и учителя и затворника Борисоглебского монастыря на Устье, старца праведна мужа Иринарха. Списано бысть тоя же обители учеником его старцом Александром, иже бысть с ним тридесат лет при животе его. Прочитати благослови, отче.” Таково заглавие Жития в одном из старейших списков, принадлежащем имп. Публичной библиотеке (Погодинск. № 724). Борисоглебский на Устье монастырь находится в 15 верстах от Ростова.

⁵⁴ Мы пользовались двумя списками: 1) имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 724 (из собрания Строева, № 141, в 4 долю, XVII в., 63 л.; листов 49–52, к сожалению, недостает) и 2) имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 725 (из собрания Строева, № 121, в 4 долю, XVIII в., 38 л.). Остальные известные указаны у Барсукова (*Барсуков. Источники. С. 224–225*). Большинство списков – XVIII в.). [РИБ. Т. 13. Стб. 1349–1416].

⁵⁵ Жизнь преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье реке. М., 1863. Содержание Жития пересказано И.Е. Забелиным в статье “Безвестный герой Смутного времени” (Минин и Пожарский. М., 1883. С. 271–284). Общая историческая оценка памятника дана В.О. Ключевским (*Древнерусские жития святых... С. 323*).

⁵⁶ *Ундольский В.М.* Библиографические разыскания // Москвитянин. 1846. Кн. 11–12. С. 187–193; *Толстой М.В.* Древние святые Ростова Великого // Чтения ОИДР. 1847. Кн. 2. С. 63–67.

нии приятное исключение⁵⁷. Он был близок к Иринарху и в простых выражениях передает нам все то, что удержала его память о любимом учителе. При этом он и сам не скрывается от взглядов читателя: по написанному им Житию можно восстановить его личность и некоторые факты его монастырской жизни.

Автора в мире звали Алексеем. Он пришел в Борисоглебский монастырь около 1586 г., когда Иринарх только что обрек себя на затворничество. Видя подвижничество Иринарха, он увлекся, “позавиде житию его”, и просил затворника принять его к себе. Иринарх согласился, Алексей был пострижен в монахи под именем Александра и “бысть у него (Иринарха. – С.П.) первый ученик”. Старец Александр не расставался с своим наставником в течение 30 лет, до самой кончины Иринарха в 1616 г. В 1608 г. вместе с учителем ездил он в Москву к царю Василию и был свидетелем беседы Шуйского с затворником, предсказавшим царю пленение Московского государства от Литвы. Во время первого прихода шаек Сапеги под монастырь после Калязинской битвы в 1610 г., Иринарх с учениками Александром и Корнилием остался в монастыре в своей келье. Там нашел их какой-то польский пан и донес Сапеге: “аз нашел в монастыре у Бориса и Глеба трех старцов скованных” (стало быть, и ученики Иринарха подвизались, как он сам, в веригах). Сапега виделся с Иринархом и его учениками, удивлялся подвижнику и, не тронув его, ушел в Переяславль. После того, как Скопин-Шуйский, получивший от Иринарха вместе с благословением его крест, вступил в Москву, Александр был послан от учителя ко князю Михаилу и привез от него крест обратно. В том же 1610 г.⁵⁸ он не только был свидетелем притеснений, какие перенес Иринарх от нового игумена Симеона, но и сам потерпел: он был разлучен на время со своим наставником. После взятия Москвы в конце 1612 или начале 1613 г. (когда “король литовской побежал во свою землю из Вязьмы”), Александр снова ездил в Москву от имени Иринарха, на этот раз ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, по делам своего монастыря. В 1616 г. Александр погребал своего учителя и, вероятно, вскоре после кончины Иринарха и по его завету составил Житие своего любимого наставника⁵⁹.

---

⁵⁷ Только известные Симон Азарьин и Иван Наседка иногда могут сравниться с ним в простоте литературных приемов. Об этих лицах будем еще говорить.

⁵⁸ Рукопись Имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 724. Л. 35 об.: “во 112 году”; рукопись № 725, л. 21: “во сто осмом на десять году”. См.: *Строев*. Списки. Стб. 341 [РИБ. Т. 13. Стб. 1385].

⁵⁹ Автобиографические показания Александра приведены нами по рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 724, л. 16 об–17, 26–28, 31–32,

Сведения об авторе Жития позволяют нам с уверенностью сказать, что он был очевидцем всех тех событий Смутного времени, о которых упоминал в своем труде. Все подробности его рассказа, допускающие проверку, свидетельствуют о правдивости его показаний⁶⁰. Простота литературной формы придает еще бóльшую цену этим показаниям в глазах историка. Пред читателем проходит в Житии ряд картин, в которых действуют известные исторические лица Смутной эпохи: Василий Шуйский с почетом принимает затворника в Москве; М.В. Скопин, князь Пожарский и Минин дорожат благословением Иринарха и заходят к нему на своем пути в Москву; Ян Сапега беседует со старцем и говорит о нем: “Я такова батька нигде здесь, ни во иных землях крепка и безбоязна от нашего меча не наехал”⁶¹; князь Б.М. Лыков во время похода 1614 г. на казаков присылает к Иринарху “по благословение” и сам заходит к нему. Историческую деятельность всех этих лиц старец

---

34 об.–35, 36–38, 44–44 об., 54 об. В этом списке недостает тех листов, на которых должно было помещаться сведение, что сам Иринарх завещал написать свое житие; в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 725, л. 31, смысл этого завещания совершенно искажен, а в печатном издании архимандрита Амфилохия (Жизнь преподобного Иринарха... С. 26) о нем нет ни слова. Мы в данном случае опираемся на слова В.О. Ключевского, видевшего более исправные списки (Древнерусские жития святых... С. 382) [РИБ. Т. 13. Стб. 1402].

⁶⁰ Сопоставляя известия Жития о событиях Смуты с другими источниками, не находим в Житии никаких неточностей. Так, поход Скопина под Москву автор Жития излагает подробнее, чем какой-либо другой факт Смуты, и его рассказ совершенно согласен с показаниями Авраамия Палицына (Сказание Палицына. С. 196–199, 202–204) [РИБ. Т. 13. Стб. 1149–1152, 1155–1157] и Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 122–123, 129–130). Тот, кто знаком только с отрывками, напечатанными Ундольским, и с текстом архим. Амфилохия, может видеть ошибку в словах Жития о смерти Яна Сапеги: “Сапега побегал в Переславль, в Калугу, и самого его убили” (*Ундольский*. Библиографические разыскания. С. 190; Жизнь преподобного Иринарха... С.19). Сапега умер от болезни под Москвой в 1611 г. (РИБ. Т. 1. Стб. 254). Но необходимо заметить, что в рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 724, л. 34 об., это место читается так: “И Сапега побегал под Иосифов монастырь, а ис Тушина побегал прелестник (то есть самозванец. – С.П.) в Колугу, и тамо его убили” [РИБ. Т. 13. Стб. 1383]. Так же точен, хотя и краток, рассказ Жития о походе нижегородского ополчения к Москве. Наконец, и повествование о походе Лыкова на казаков, если сравнить его с другими известиями (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 214–216; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 3 и далее; СГД. Ч. 3. № 22), не обнаруживает крупных неточностей: можно только заметить, что слова автора, будто государь дал Лыкову “рати семь городов” [РИБ. Т. 13. Стб. 1395], не соответствуют показаниям разрядных книг, насчитывающих более десятка городских отрядов у Лыкова (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 724. Л. 45–45 об.; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 3–4).

⁶¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 724. Л. 33 [РИБ. Т. 13. Стб. 1383].

Александр описывает кратко, а то и совсем не описывает; частные же отношения их к Иринарху изображает очень живо. Рядом с этим просто и живо рисует он и жизнь своего монастыря с ее бедами и печалью, и даже с темными ее сторонами. Такой характер повествования, безыскусственного и правдивого, придает Житию Иринарха большой интерес. Для общей истории Смуты оно дает, конечно, немного фактов, но в нем историк может найти редкий по откровенности образец частных записок Смутного времени, в которых удачно переплелись бытовые черты с чертами, имеющими и былевое значение. Остается только пожалеть, что Житие Иринарха до сих пор не издано удовлетворительно: в изложении архим. Амфилохия исчезла прелесть первоначальной формы Жития, а в отрывках Ундольского, далеко не исчерпывающих исторического содержания памятника, заметны пропуски и искажения.

Не будем останавливаться на Ж и т и Ф е о д о с и я, архиепископа Астраханского⁶². Внешняя история этого памятника восстановлена В.О. Ключевским, а все то, чем Житие может быть интересно историку Смуты, уже пересказано Н.И. Костомаровым⁶³. Последний склонен относиться доверчиво ко всем подробностям рассказа Жития о том, что Феодосий упорно не желал признавать Расстригу истинным Димитрием и обличал его самозванство в беседе с ним самим. Справедливее, однако, будет думать, что разговор Феодосия с Лжедимитрием дошел к нам уже в легендарной форме. Повествование Жития о пребывании астраханского архиепископа в Москве мало похоже на правду и заключает в себе, между прочим, грубый анахронизм. Из него узнаем, что смелое обличение самозванца не навлекло на Феодосия никакого гонения; мало того, Феодосий при жизни Лжедимитрия оставался в Москве и на свободе: “и живяше сей... Феодосий... на Москве, – рассказывает Житие, – у святейшаго Ермогена патриарха на дворе и тамо питаяся”. Когда же самозванец был убит, Гермоген отправил Феодосия за мощами царевича Димитрия⁶⁴. Не нужно доказывать, сколько ошибок заключается в этих сообщениях Жития. Автор его, очевидно, не имел твердых сведений о событиях Смутной эпохи, и это обстоятельство заставляет считать Житие Феодосия памятником поздним: современник Смуты не мог не знать, что при самозванце был патриархом Игнатий, а Гермоген занял патриарший престол уже после посылки в Углич за мощами царевича.

---

⁶² Мы пользовались списком имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.28 (из собрания графа Толстого, Отд. II, № 287). Другие списки, вообще довольно редкие, указаны у Барсукова (*Барсуков. Источники*. Стб. 602).

⁶³ *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 333; Костомаров Н.И. Смутное время // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 14.*

⁶⁴ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.XVII.28. Л. 360 об.–361.

Переходим к общеизвестному Житию преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря⁶⁵. Над ним в 1648–1654 гг. трудились два замечательных человека XVII столетия: написал Житие Троицкий келарь Симон Азарьин, а ключарь Московского Успенского собора Иван Наседка дополнил его своими воспоминаниями о деятельности Дионисия. Мы не можем ничего прибавить к тому, что уже известно о жизни и деятельности составителей Жития⁶⁶ и о внешней истории разбираемого произведения⁶⁷. Поэтому обратимся прямо к содержанию памятника, насколько оно касается Смутной эпохи.

Симон Азарьин при изображении подвигов архимандрита Дионисия не раз обращается к лицам и событиям Смуты. В первый раз упоминание о Смуте является у него в рассказе о близости архимандрита к патриарху Гермогену. Дионисий страдал вместе с Гермогеном от противников законного царя Василия. Чтобы объяснить читателю, как могло это случиться, Симон дает общий очерк междоусобий, бывших в Москве при Шуйском, когда “у многих отец на Москве, а сын в Тушине”. Этот очерк не заключает в себе ценных фактических подробностей, но любопытен по тем намекам, какие сделаны в нем на заговор против Шуйского князя Гагарина, Сумбулова и Грязного⁶⁸. Далее в Житии находим

---

⁶⁵ Издано под названием: “Канон преподобному отцу нашему Дионисию архимандриту Сергиевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением Жития его”. М.: Синодальная типография, 1824 (были и другие издания) [последнее в 1855 году]. Списки Жития указаны у Барсукова (*Барсуков*. Источники. Стб. 169). Уцелел автограф С. Азарьина в рукописи Московской Синодальной библиотеки № 416 (см.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 353).

⁶⁶ Биографические данные о С. Азарьине приведены Ключевским (*Древнерусские жития святых... С. 350*), иеромонахом Арсением (*Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. 4. Материалы. С. 83–84, 97*) и А.В. Горским (*Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы Лавры. М., 1879. Т. 1. С. 128–129*). Некоторые подробности о себе сообщает и сам С. Азарьин в своих трудах (см. рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 142 об.–43 и др.). Из “Описи келейной казны патриарха Филарета” (РИБ. Т. 3. № 6) узнаем, что Симон был патриаршим казначеем с августа 1630 г. по апрель 1631 г. О священнике Иоанне Наседке много сведений собрано у митрополита Макария (*История русской церкви. Т. 10 и 11*) и у г. Цветаева (*Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887*).

⁶⁷ История составления Жития Дионисия очень обстоятельно изложена В.О. Ключевским (*Древнерусские жития святых. С. 351–353*).

⁶⁸ Канон преподобному отцу нашему Дионисию... С. 10–11; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 111–112; Летопись о многих мятежах. С. 150–151; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича... С. 101–102; Изборник. С. 198–199 [РИБ. Т. 13. Стб. 1305–1306].

не лишенный интереса, но не поддающийся проверке рассказ о том, как в 1610 г. Дионисий узнал о своем назначении в Троицкий монастырь на дороге из Ярославля к Москве. Чтобы избежать на пути притеснений и грабежа, архимандрит и его спутники выдавали себя за братию Троицкого монастыря и говорили о Дионисии, что это – “Сергиева монастыря старец из сел едет”. Делали они так потому, что троицкая братия “Сергиевым именем” безопасно ездила по всем путям, занятым разбойничьими шайками⁶⁹. К характеристике деятельности Дионисия и всей троицкой братии в Смуту относится и то краткое предисловие, которым Симон Азарьин снабдил статьи о Дионисии, писанные Иваном Наседкою и внесенные в Симоново Житие⁷⁰. Далее, интересно сообщение Азарьина о чуде, каким сопровождалось выступление нижегородского ополчения из-под Троицы к Москве: после молитвы и благословения, данного войску преподобным Дионисием, ветер, дувший до тех пор в лицо воинам, “потянул в тыл”. Об этом чуде Палицын, бывший очевидцем выступления войска, не говорит ничего; Симон же свидетельствует, что “сия писания прияхом от самого князя Димитрия (Пожарского. – С.П.)”⁷¹. Если мы упомянем еще об одной мелочи повествования Симона – о представлении патриарху Феофану троицких иноков-героев монастырской осады⁷², – то исчерпаем весь материал, данный для истории Смуты в Симоновом Житии. Нельзя не заметить, что материал этот незначителен по объему и интересен более со стороны бытовой. Собственно исторические сообщения Азарьина совпадают с показаниями других источников, уступая им в подробности.

Большое значение для истории Смуты имеют дополнительные к Житию статьи Ивана Наседки. В первой из них⁷³ Наседка дает прекрасную характеристику троицкого старца Дорофея, самоотверженно ходившего за больными и ранеными жертвами Смуты. Во второй статье⁷⁴ мастерским пером обрисованы ужасы московского разорения с 1610 г. и раскрыта во всей ее полноте патриотическая и благотворительная деятельность Троицкого

---

⁶⁹ Канон преподобному отцу нашему Дионисию... С. 11–13.

⁷⁰ Там же. С. 40–42.

⁷¹ Там же. 54–56; Сказание Палицына. С. 267–268 [РИБ. Т. 13. Стб. 1214–1215]. В Новом летописце (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 189–190) это чудо рассказано столь же подробно, но приписано чудотворению преподобного Сергия. Это и понятно: Новый летописец писан был еще при жизни Дионисия, скончавшегося в 1633 году.

⁷² Канон преподобному отцу нашему Дионисию... С. 80–81.

⁷³ Там же. С. 34–38.

⁷⁴ Там же. С. 43–54.

монастыря, руководимого высокою доблестью Дионисия. Проверить сообщения Наседки нечем: у нас нет других настолько же подробных известий о тех фактах, которых касается повествование Наседки⁷⁵. Усумниться в этом повествовании нет повода. Простая, искренняя речь попа Ивана, точность показаний, постоянные ссылки на то или другое лицо, знающее излагаемые подробности, и вместе с тем откровенное недоверие к своим знаниям и памяти⁷⁶, – все это служит для нас речательством авторской добросовестности Наседки и дает его рассказу большую историческую ценность. Только шестая глава Авраамия Палицына может поспорить с этим рассказом как в богатстве содержания, так и в энергии, даже красоте языка, свободного от условных риторических пут.

Благодаря тому, что Симон Азарьин жил в Троицком монастыре среди людей, не только видевших Смутную эпоху, но и влиявших во время московского разорения на общественное мнение страны, его рассказы о Смуте получают большое значение, хотя они и были записаны уже в половине XVII в. Еще более можно это сказать о Наседке, который сам помнил Смутное время, “после разорения московскаго вскоре прибрел к дому Пресвятыя Троицы” и участвовал в тех трудах троицкой братии, которые так удачно описал⁷⁷.

Житием Дионисия не ограничились агиографические труды Симона Азарьина. Еще раньше, чем он принялся за это Житие, он стал работать над описанием новоявленных чудес преподобного чудотворца Сергия. Но собранные им рассказы о чудесах не все были включены в печатное Житие преподобного Сергия 1646 г.⁷⁸: лица, ведавшие печатное дело, “вменяху в случай, а не в чудеса” многое из того, что им представил Азарьин. Возмущенный этим, Симон еще с большим старанием продолжал собирать и записывать известия о чудотворениях святого и только

---

⁷⁵ Содержание последних частей Сказания Палицына (с 71 главы) не совпадает с показаниями Наседки; Новый летописец не дает общих характеристик положения Руси, а следит за отдельными внешними фактами; в прочих же сказаниях, как и в грамотах Смутного времени, нет ничего подходящего к показаниям Наседки ни по содержанию, ни по обстоятельности изложения.

⁷⁶ Канон преподобному отцу нашему Дионисию... С. 50: “и о таковых грамотах тебе, господину, допросити Алексея Тихонова, который больше ведает”. В этом случае поп Иван не надеется на точность собственных показаний; напротив, если он верит в свою память, он говорит: “и мне то в памяти есть гораздо” (С. 46).

⁷⁷ Там же. С. 35, 41–42.

⁷⁸ По выходу книги видно, что Житие печаталось с 31-го августа 7154 (1646) по 27-е ноября 7355 (1646) г.

в 1654 г. закончил свою Книгу о чудесах преподобного Сергия⁷⁹. Из 76 описанных Симоном чудес некоторые имеют отношение к истории Смутного времени. Так, чудо 2-е, описывающее чудесное умножение муки в монастырской хлебне во время московского разорения, дает несколько сведений о благотворительности Троицкого монастыря в Смутные годы⁸⁰. Чудо 8-е повествует о ссылке при Борисе Ивана Никитича Романова, который молитвами преподобного Сергия получил облегчение от уз и впоследствии рассказал об этом архимандриту Дионисию и прочей братии⁸¹. Чудо 10-е сообщает нам любопытные подробности о том, как пришедший с царем Михаилом в Троицкий монастырь какой-то рында остался недоволен монастырским угощением и стал бранить братию. Между прочим, он называл келаря (очевидно, Авраамия Палицына) “королем”, намекая на его измену и на службу королю Сигизмунду⁸². Чудо 13-е содержит в себе легенду о смерти известного Лисовского, обнаруживая вместе с тем и ее источник – царскую грамоту в монастырь о погибели этого опас-

---

⁷⁹ Единственный список, принадлежавший автору, находится в рукописи Московской духовной академии, № 203, в 4-ку, XVII в., 384 л., л. 1–163. “Книга о чудесах преподобного Сергия” в полном виде напечатана имп. Обществом любителей древней письменности в “Памятниках древней письменности и искусства” (СПб., 1888). Предисловие к ней с замечаниями г. Смирнова было помещено во Временнике ОИДР (М., 1851. Кн. 10. Смесь. С. 1–13) и в Историческом описании Свято-Троицкия Сергиевы Лавры (М., 1879. Т. 2. С. 60–74). Известия о происхождении Книги заключаются в ней самой.

⁸⁰ Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 20–23. Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 28 об.–32. Это чудо записано Симоном со слов Ивана Наседки (“Поведа нам соборный ключарь Иван, зовомый Наседкин”, – говорит Азарьин). И сам ключарь Иван в своей статье о Смуте намекает на это чудо (Канон преподобному отцу нашему Дионисию... С. 53). Повествование о деятельности монастыря, находящееся в описании 2-го чуда, основано Симоном, очевидно, на статье о Смуте того же Наседки: Симон поминает ее, называя Повестью. Наконец, в следующем, 3-м чуде, является перед нами тот же ключарь Иван с любопытными размышлениями о Смуте. Грустные мысли приходили ему в голову во время московского разорения; он даже отчаялся в спасении Руси и православия. Но неведомый голос устыдил его и успокоил, возвестив, что “будет православие на Руси по-прежнему”.

⁸¹ Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 28–29. Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 39–40.

⁸² Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 39–40. Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 52 об.–53 об. Этот случай произошел вскоре после Смуты: Симон, пришедший в Троицкий монастырь в 1624 году (Летопись наместников, келарей, казначеев. С. 83), сам не помнит случая с рындой и говорит: “обретох же аз о сем в писании прежних неких”. При таком условии ясно, что брань рынды относилась именно к Палицыну. Так думает и г. Кедров (Авраамий Палицын. М., 1880. С. 63–64).

ного врага Москвы⁸³. Наконец, чудо 9-е представляет собою целое Сказание о начале нижегородского ополчения⁸⁴.

Это Сказание начинается пространным введением, в котором нет ничего ценного: словами, очень близкими к выражениям Жития Дионисия, описываются во введении бедствия Руси в 1610–1611 гг. и деятельность Дионисия, неустанно посылавшего по городам свои “грамоты поучительные”. Под влиянием этих грамот составилось первое подмосковное ополчение, но оно “непотребно бысть” и потому распалось. Неудача не ослабила патриотического рвения Дионисия и его помощника Авраамия Палицына; они продолжали посылать свои воззвания по всей земле и имели новый успех: “начаша мнози во умиление приходитьи, паче же в Нижнем Новегороде за се крепко вземшимся”. Рассказ о том, как взялись нижегородцы за дело, и составляет главное содержание чуда. Благочестивому мужу нижегородскому Козьме Минину три раза являлся преподобный Сергей, “повелевая ему казну собирать и воинских людей наделяти и иди на очищение Московского государства”. Не сразу поверил Минин велению святого и за то был наказан, “болезнуя чревом”. Поверив же, он не знал, как приняться за дело. Но в то время его выбрали в земские старосты, и он познал в этом “начало Божия промысла”. “В земской избе, и идеже аще обреташеся” начал он говорить народу о необходимости идти на освобождение Москвы. Не все сразу откликнулись на его призыв. Святой Сергей предсказал Минину, что “юнный прежде имутся за дело”. Так и случилось: юноши первые стали побуждать своих отцов к подвигу и достигли цели. Нижегородцы “приговор всего града за руками устроиша, иже во всем Козьмы слушати”, – и Минин собою подал пример самоотвержения, “положив пред всеми на строение ратных людей” почти все свое имущество. За ним добровольно последовали и другие; скупых же и “ленивых” Минин заставлял жертвовать и “с нужею”, потому что он “уже волю взял над ними по их приговору”. Собрав казну, Минин позвал в Нижний смоленских дворян, блуждавших без крова “в Арзамасских местех”, а затем нижегородцы избрали своим вождем Пожарского и пошли в поход. Самого похода Симон не описывает. Он только упоминает о чудесной перемене ветра в ту минуту, когда ополчение двинулось от Троицы к Москве (мы

---

⁸³ Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 43–46. Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 57–61. Грамота о смерти Лисовского именно с этого списка напечатана была А.В. Горским (Историческое описание Свято-Троицкия Лавры. Т. 1. С. 116–117).

⁸⁴ Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 30–39. Рукопись Московской духовной академии. № 203. Л. 40 об.–52.

уже видели, что это чудо было им описано в Житии преподобного Дионисия); а затем в кратком очерке Симон рисует несогласия воевод и воинства под Москвою, примирительную роль троицких властей и чудесное явление преподобного Сергия Арсению Галасунскому накануне взятия Москвы⁸⁵. Этим и кончается Сказание.

Ново и ценно в нем только свидетельство о начале народного движения в Нижнем. Оно значительно дополняет тот скудный запас данных, какой заключается в памятниках более ранних⁸⁶. Сопоставление рассказа Симона с этими более ранними источниками не может его опровергнуть и свести на степень недостовой легенды. Истинный характер повествования Симона уясняется не критикою его частностей, для которой мало данных, а обстоятельствами его происхождения. Симон свидетельствует, что о явлении преподобного Сергия сам Минин сообщил архимандриту Дионисию еще в 1612 г., когда ополчение стояло у Троицы на пути к Москве. Дионисий держал втайне рассказ Минина, пока не освободилась Москва, впоследствии же передал его в личной беседе Симону Азарьину, как передавал, должно быть, и другим лицам. Симон слышал этот рассказ не только от своего учителя, но и от иных “достоверных” людей⁸⁷. Очевидно, что благочестивое предание стало довольно известным в той среде, где вращался Азарьин. Но можно думать, что до Симона оно никем не было записано: Симон, по своему обычаю, указал бы нам, что пользовался письменными документами, если бы он имел в руках какую-нибудь запись о чуде. Но он не только не делает этого, но прямо намекает на устный характер своих источников. Таким образом, мы можем утверждать, что в повествовании Симона Азарьина имеем дело с преданием, почти полвека жившим в устной передаче. Понятно, что при таком условии нельзя требовать от повествования строгой фактической точности: в нем неизбеж-

---

⁸⁵ В этой последней части рассказа Азарьин не выходит из круга фактов, изложенных Палицыным (Сказание Палицына. С. 266–283) [РИБ. Т. 13. Стб. 1213–1227], но выдвигает на первый план Дионисия вопреки самолюбивым показаниям Палицына: архимандрит под Москвою действует не менее келаря для примирения враждующих вождей и войска.

⁸⁶ Ср.: Новый летописец (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 168, 175–176) и Столяров хронограф (Изборник. С. 352–354). Повествование Симона в некоторых частностях расходится с известиями этих памятников.

⁸⁷ Симон Азарьин пишет: “Козма же поведав архимариту Дионисию, како ему явися Сергий... Слышав же сия, архимарит... до времени сего ни кому не поведав, дондеже исполнися благодать Божия”. О себе Симон замечает, что о явлении Сергия “от самого архимарита Дионисия от уст его слышах, паки же и от прочих достоверных уверився” (Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 33 и 36. Рукопись Московской духовной академии, № 203, л. 44 об. и 48 об.–49).

ны пробелы и ошибки, в нем могут быть легендарные наслоения. Но вместе с тем предание не теряет исторической цены: мы знаем лиц, передававших его, и можем сказать, что оно дошло до нас всего из третьих уст⁸⁸.

И.Е. Забелин⁸⁹ считает разбираемое Сказание Симона источником той легенды о Минине, которую нашел П.И. Мельников в так называемом Ельнинском хронографе⁹⁰. Легендарный рассказ Ельнинского хронографа есть не что иное, как обширная вставка в текст одной из глав Нового летописца⁹¹. Эта вставка повествует прежде всего о приходе в Нижний троицкой грамоты и о совете, который составили по поводу ее нижегородцы: “Феодосий, архимандрит Печерскаго монастыря, Савва, спасский протопоп с братиею, да иные попы, да Биркин, да Юдин, и дворяне, и дети боярские, и головы и старосты, от них же и Кузьма Минин”⁹². На этом совете Минин кратко объявил о своем видении: он сказал только: “Святой Сергей явился мне и повеле возбудити спящих, прочтите

---

⁸⁸ В труде И.Е. Забелина (Минин и Пожарский. М., 1883. С. 20–27) [третье издание: М., 1896] находим остроумную попытку воссоздать историю легенды о явлении Минину преподобного Сергия. Но почтенный историк склонен слишком скептически относиться к рассказу С. Азарьина, что, конечно, обусловливается излишним доверием к легенде его литературного противника Н.И. Костомарова.

⁸⁹ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. С. 315–316, примеч. 10.

⁹⁰ Мельников П.И. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. Т. 29. Отд. II. С. 31 [Перепечатано в “Сборнике” Нижегородской архивной комиссии. 1912. Т. 11. С. 441 и сл.]. Хронограф назван Ельнинским по имени старинного владельца, крестьянина Ельнина. Состав его Мельниковым не описан, потому что Мельников интересовался не столько хронографом, сколько приложенною к нему отдельною рукописью (XVIII в., в лист, 21 л.). В ней, как говорит Мельников, “заключаются выписки из VIII тома Никоновой летописи (то есть Нового летописца. – С.П.) о разорении Московского государства и восшествии на престол Михаила... Есть и прибавления, заимствованные из хронографов”. Из этих прибавлений одно содержит в себе легенду о начале нижегородского ополчения и напечатано Мельниковым сполна (частью на с. 31, частью же на с. 23).

⁹¹ Глава 283-я: “О присылке из Нижняго Новогорода ко князю Дмитрею Михайловичю” и т.д. (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 174; Летопись о многих мятежах. С. 234). В Новом летописице князя Оболенского (Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 144) эта глава уже подверглась переработке, но здесь риторическое усердие не дошло до создания новых легенд. Напротив, в Ельнинской рукописи текст 283-й главы не переработан литературно, а передан очень небрежно и просто разорван легендарно вставкой между словами: “како бы помочь Московскому государству...” и “Козма Минин, рекомый Сухорук, возопи...”.

⁹² Уничтожив слова Нового летописца о Минине: “Един же от них нижегородец имеаше торговлю мясную” (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 174), легенда вовсе не объясняет, кто был Минин: голова или староста, выборный ли человек, или простой нижегородец.

же грамоту властей Живоначальных Троицы Сергиева монастыря в соборе, а что Бог велит”. Биркин “сумнишесь”, но в чем, – легенда не объясняет точно. Минин погрозил Биркину: “Исповедаю ты православным”, – и опять не объясняется, в чем можно было обличить Биркина перед народом. Наконец, читатель не узнает и того, чем кончился совет нижегородцев. Автор легенды забывает о нем и переходит к описанию следующего дня, когда читали троицкую грамоту в соборе и протопоп Савва говорил речь. Эта речь очень риторична, как риторичны и возгласы народа, слушавшего Савву. Народ кричал: “Увы нам, увy нам! погибает царствующий град Москва, погибает и государство Московское!”⁹³. Но сейчас же стали служить молебен, – “да подаст Господь Бог п о б е д у христианам”, – прежде, чем христиане собрались на бой против врагов.

Такими неловкостями и недомолвками чисто легендарными наполнено повествование Ельнинского хронографа. Зная его содержание, нельзя и думать, что оно стоит в какой-нибудь литературной зависимости от Сказания Азарьина. Общего между ними нет ничего; только один факт явления Минину преподобного Сергия упоминается и там и здесь, но и то с совершенно различными чертами. Независимо повествование Ельнинского хронографа и от всех других известных нам рассказов о нижегородском ополчении. Но литературная самостоятельность этого повествования не может, конечно, свидетельствовать о его достоверности. Тот факт, что оно явилось как дополнение к Новому летописцу, показывает, что возникло оно после 1630 г. Если же обратить внимание на слог повествования, отличающийся большею правильностью синтаксиса сравнительно с памятниками XVII в. (особенно первой его половины), то придется отнести разбираемое произведение в той форме, как оно дошло до нас, – или к XVIII в., к которому принадлежит его список, или же к концу XVII в. Таким образом, никак нельзя считать повествование Ельнинского хронографа памятником ранним, современным тем событиям, какие в нем описаны. С другой стороны, общий колорит повествования, как замечали уже исследователи⁹⁴, легендарен. Действительно, указанная нами сбивчивость изложения, витиеватые речи действующих лиц, не совсем понятные их диалоги, – все это свидетельствует нам, что автор произведения не имел ясного

---

⁹³ Этот народный плач обличает в его авторе человека XVIII столетия, когда уже позабыли, что “Москва” и “Московское государство” в XVII в. были синонимами.

⁹⁴ *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. С. 20 и далее; *Кедров С.И.* Авраамий Палицын. С. 100. Один Костомаров с некоторым, впрочем, колебанием принимает известия разбираемого повествования за ранние и правдоподобные (*Костомаров Н.И.* Личности Смутного времени // Вестник Европы. 1871. Июнь. С. 512. 1872. Сентябрь. С. 20).

представления о том, о чем писал, и вносил в изображение факта свою творческую фантазию. Можно было бы при таких условиях считать Ельнинский хронограф позднюю выдумку какого-нибудь грамотея, недовольного кратким и непритязательным рассказом Нового летописца. Но от подобного приговора удерживает одна черта разбираемой легенды: автор ее называет такого деятеля нижегородского движения, которого не знают другие повести и сказания о Смуте, но который действительно был в Нижнем в 1612 г.: таков протопоп Савва⁹⁵. Очевидно, что если сам автор и не был современником описанных им событий, то имел о них какие-то данные. Объяснить сочетание точных данных с легендарными чертами всего рассказа возможно только тем предположением, что дошедшая до нас легенда Ельнинского хронографа представляет собою позднее изложение и развитие какого-то раннего, нам неизвестного предания о подвиге Минина. С этой только точки зрения она и может иметь некоторое историческое значение.

От легенды, посвященной более всего прославлению Минина, мы можем перейти к легенде, посвященной личности и похождениям первого самозванца. Ею и закончим мы длинный ряд сказаний о лицах Смутного времени.

Полный текст легендарного Сказания о Лжедимитрии давно уже известен в русской историографии и был напечатан еще в 1847 г. под названием: Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве и о походе его⁹⁶. Со-

---

⁹⁵ Автор, кроме Минина, называет архимандрита Феодосия, Савву, Биркина и Юдина. Архимандрит Феодосий и Биркин встречаются в Новом летописце. Савва – лицо известное по актам, но не по сказаниям (СГГД. Ч. 1. № 203. С. 643; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1085–1086). Юдин же нам неизвестен. [О Савве см. нашу статью в книге “Статьи по русской истории”. С. 258 и сл.].

⁹⁶ Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его / Изд. О. Бодянский // Чтения ОИДР. 1847. Кн. 9, и отдельно: М. 1847. Карамзин, зная это Сказание по рукописи, текст которой был сходен с напечатанным позднее (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 247; Т. 11. Примеч. 194, 196, 199, 202, 207, 216, 405 и др.), называл его баснословным. Костомаров, разбирая данные Сказания о похождениях Отрепьева в Литве, дал о памятнике такой отзыв: “это Сказание от начала до конца оказывается невероятным... все это составлялось человеком, жившим вдалеке от описываемого театра событий” (*Костомаров Н.И.* Кто был первый Лжедимитрий? С. 27–29). Мы не видели хорошего списка этого памятника. Известные нам или неполны, или небрежны (рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев, № 390, в 4-ку, XVIII в., 79 л., л. 1–43; рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев (из собрания Ундольского), № 790, XVIII в., в 4-ку, 28 л.; рукопись Московского Публичного и Румянцевского музеев (из собрания Беляева), № 1510, XVII в., в 4-ку, западно-русской скорописью, 211 л., л. 147–211; последний список очень любопытен, но не полон).

крашенная же редакция этого Сказания, отбросившая многие его легендарные черты, остается до сих пор в рукописях и не пользуется известностью⁹⁷. Прежде чем определить, какую редакцию считать более древнею, – пространную или краткую, – остановимся на составе первой из них. О происхождении памятника мы не имеем никаких данных и все свои заключения должны строить на основании простых наблюдений над текстом Сказания. В начале пространной редакции Сказания мы видим ряд расположенных по годам довольно отрывочных известий, повествующих о начале царствования Феодора Иоанновича, о возвышении, злодействах и воцарении Бориса Годунова. Известия эти, при всем их нерасположении к Годунову, кажутся правдоподобными; с литературной

---

⁹⁷ 1) Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.33 (из собрания графа Толстого, Отд. II, № 70), в 4-ку, 7157 (1649) г., 157 л., л. 116–157. На последнем листе приписка: “Сия тетради Ивашка Андреева сына по реклу Сычева Соли Камской посацкого че(ло)века; а писал их свое(й) рукою лета 7157 году марта в 15 день” (см.: *Строев. Словарь*. С. 431–432); 2) рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.114, в 4-ку, XVII в., 319 л., л. 293–311. В этих двух списках [РИБ. Т. 13. Стб. 713–754] выпущены все подробности о походе Отрепьева (по печатному изданию с. 2, от слов “поставлен бысть царем в лето 7106 году, месяца сентября в 1 день”, до с. 12: “слышавше латинского языка папа Римский...”). Взамен выпущенного поставлено буквально следующее: «И в пятое лето царства Борисова, во 111 году изыде из Росийского государства в Литовскую землю чернец именем Гриша Отрепьев. И шед в Литовскую землю и сверже с себя иноческий образ и облечся в мирския одежды и бысть белец. И дьявольским навождением и еретическим умышлением и бесовскими козными нача себя называть царевичем Димитрием Ивановичем Московским. И своими вражими прелестными словесы и лукавыми умыслы и лживыми глаголы в Литве нача говорити: “Не уби мене Борис Годунов холоп, а убиен де бысть во мое место иной юноша, приличен моему зраку; аз же Божию милостию избегах и соблюдохся от крепкия его от изменныя руки, сохранихся и до сего дни и часа”. (И многожды сии лукавая словеса) изнесе, и приша его в Литве Вишневецкие князи, князь Адам да князь Костянтин, и приведоша его в Польшу к королю Жигимонту Августусу, Свицкия земли родом, Яганов (сын). И поведаша ему, яко царевич Росийского государства к ним прииде. Он же поганый король и не смыслен в разуме, и приемлет его с честью великою и радуется своим безумием о приходе его, треклятого. И посылает весть во всю Польскую землю, и повелевает всем своим паном и гетманом и воеводам быти на раду, и посылает к папе латынскому в Рим извет доверен, что прииде к нему из Росийского государства царевич Дмитрей Ивановичь. А сей убо не царевич Дмитрей, но злый еретик и отступник веры христианския и поругатель иноческому обещанию, Гришка Отрепьев, родом галечанин, и мати его и братия в Галечи живут. И слышав се латынского закона папа Римский...» (Далее как в печатном. Мы привели текст по рукописи Q.XVII.33, л. 120–121 об., с исправлениями по менее полному тексту – рукописи Q.XVII.114, л. 295–296). Кроме этого главного различия в текстах пространной и краткой редакций Сказания есть и другие: в краткой редакции иногда перемешан порядок, в каком следуют известия, иногда выпускаются отдельные показания, иногда изменен слог [См. *Примечание 21*].

стороны они вполне оригинальны и заключают в себе новые черты даже сравнительно с такими памятниками, как Новый летописец и ранняя Повесть 1606 года. В доказательство укажем на точные хронологические показания о смерти некоторых Шуйских: их нет ни в каких иных литературных памятниках. Язык первых известий Сказания не отличается от языка прочих русских сказаний и повестей⁹⁸. Совершенно иной характер имеет дальнейший рассказ – о появлении самозванца и его приключениях в Польше⁹⁹. После замечаний о нем Карамзина и Костомарова нет нужды доказывать, что это – самая неумеренная легенда, показания которой не имеют исторической цены. Она любопытна только с точки зрения литературной, и прежде всего – по своему языку. В нем попадаются сплошь и рядом нерусские речения: “карточка”, “каморы”, “миля”, “рыцарствовать” и т.д. Если сопоставить эти речения, очевидно, взятые из польского языка, с некоторыми бытовыми чертами легенды, то становится ясно, что легенда возникла под сильным польским влиянием. Автор ее описывает некоторые западнорусские обычаи¹⁰⁰, одежду польских монахов¹⁰¹. Автор знает о религиозной розни в Литве: его герои ведут прения о вере¹⁰². Автор сам бывал близок к литовским людям и говорил с ними¹⁰³; он знал даже таких литовских панов, которые не принимали участия в походе Лжедмитрия на Русь и не играли в Литве выдающейся роли¹⁰⁴. Словом, автор знаком с польско-литовским бытом больше, чем какой-нибудь иной писатель о Смуте. Но отсюда нельзя еще заключать, что он сам был из Литвы. Он, очевидно, противопоставляет литовцев и поляков себе и русским людям, когда говорит: “поведаша их же Литва, что приидоша тринадцать тысяч запорожан к самозванцу”¹⁰⁵. И язык автора, несмотря на частые полонизмы, не может быть назван западнорусским, если сравнить его хотя бы с памятниками западнорусской полемической литературы XVI–XVII вв. Это – испорченная московская речь.

---

⁹⁸ Сказание и повесть, еже содеяся... С. 12.

⁹⁹ Там же. С. 3–13.

¹⁰⁰ Например, обычай витания (Там же. С. 8–9).

¹⁰¹ Там же. С. 7–8.

¹⁰² Там же. С. 6. По словам автора, литовцы даже полагали, что Гришка пришел в Литву “о духовных беседовати”.

¹⁰³ Там же. С. 13: “слышахом от них, литовских людей”.

¹⁰⁴ Николай и Ян Воловичи (Там же. С. 5–6). О них мы не нашли известий. В конце XVI в. в Литве замечен Евстафий Волович (*Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. 3-е изд. СПб., 1868. С. 250–251; РИБ. Т. 4. Стб. 950, 1324, 1441). Какой-то пан Волович упоминается и в Смутное время, но позже первого самозванца (АИ. Т. 2. № 146. С. 172; № 174. С. 200).

¹⁰⁵ Сказание и повесть, еже содеяся... С. 14.

Вслед за легендой о начале самозванства Отрепьева в Сказании следует более правдоподобная история его похода на Москву, воцарения и гибели¹⁰⁶. В этой истории можно подметить следы источников, какими пользовался автор. Так, его рассказ о прелестных грамотах самозванца обнаруживает знакомство с подлинною грамотой Лжедмитрия, внесенною в Повесть 1606 года¹⁰⁷. Повлияли на Сказание и грамоты В. Шуйского: по ним автор рассказывает о посольстве от папы к самозванцу; из так называемых речей Бучинских берет он данные о жестокостях Расстриги и безобразиях поляков в Москве; из сообщений Шуйского о переписке самозванца он заимствует черты для истории женитьбы Лжедмитрия (но от себя прибавляет имя Афанасия Власьева и рассказ о Гермогене и коломенском епископе Иосифе); наконец, на речах Бучинских основывает он свои показания о замысле Лжедмитрия перебить бояр¹⁰⁸. Далее, сличая разбираемое произведение с Новым летописцем, Сказанием Авраамия Палицына и Повестью 1606 года, находим у нашего автора несколько мест, очень сходных с рассказами названных памятников¹⁰⁹. Однако эти сходные места самостоятельны по языку и оригинальны по некоторым деталям изложения. При этом условии нельзя, конечно, утверждать, что автор изучаемого Сказания прямо заимствовал из других литературных произведений. Но можно догадываться, что он был с ними знаком, и для такой догадки найдутся основания.

Некоторые места рассказа о царствовании Лжедмитрия производят с первого взгляда такое впечатление, как будто они написаны современником и даже очевидцем событий. Так, изображая въезд Марины Мнишек в Москву, автор сообщает такие подробности: «И ехал Сендомирской с панною с Маринкою площадью гораздо тихо, а в те поры... игра была многая... до тех мест, как вошли в Кремль город; а на Флоровских воротех по тому ж была

---

¹⁰⁶ Там же. С. 13–26.

¹⁰⁷ Там же. С. 13; Иное сказание... С. 15–16.

¹⁰⁸ Сказание и повесть, еже содеяся... С. 18–19; 19; 19–20; 22–23; ААЭ. Т. 2. №. 48. С. 114, 108–109, 114–115, 108.

¹⁰⁹ Так, к данным Нового летописца приближаются рассказы автора о первых военных действиях самозванца на Руси и о въезде самозванца в Москву (Сказание и повесть, еже содеяся... С. 13–14, 17; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 60–61, 70–71). К показаниям Авраамия Палицына автор близок в рассказе о дьяке Тимофее Осипове (Сказание и повесть, еже содеяся... С. 25; Сказание Палицына. С. 29) [РИБ. Т. 13. Стб. 994]. Наконец, с Повестью 1606 года разбираемое Сказание сходится в повествовании об опале Шуйских при самозванце (Сказание и повесть, еже содеяся... С. 17–18; Иное сказание... С. 30–31) [РИБ. Т. 13. Стб. 51–53]. Сказание как будто усвоило себе и общую точку зрения Повести 1606 года на Шуйских, весьма благосклонную.

игра в музыки”. При описании свадьбы самозванца автор говорит, что для музыки поставлены были “с трубы (следует читать: срубы. – С.П.) от соборных церкви и до Архангела, против самых церковных дверей и образа Пречистыя Богородицы, что в киоте над дверьми”¹¹⁰. Вместе с такими подробностями в Сказании находится несколько точных хронологических дат: автор любит указывать числа и дни событий. Однако не следует доверяться этой мелочности и точности показаний. Рядом с показанием очевидца, на вид правдивым, найдем и легендарную ложь: автор, например, утверждает, что в мае 1606 г. в Москве литовские люди “хождаху по рядом и по улицам со оружием и с самопалы, и стреляху в христиан, и грабляху, и бияху, и жены и дщери сильно у мужей отнимаху”¹¹¹. До такой степени не обострялись, как известно, отношения русских и поляков до смерти самозванца. И точные хронологические указания автора оказываются иногда совершенно неверными¹¹². Все это свидетельствует нам, что если в разбираемом Сказании местами видны впечатления очевидца, то эти впечатления не принадлежат самому автору Сказания, а стали ему известны случайно, из каких-нибудь других сказаний. В такой догадке утвердимся окончательно, если обратим внимание на следующую подробность: автор Сказания два раза определяет время приезда в Москву Юрия Мнишка, и определяет совершенно различно. Сначала он прямо называет число: “маяя во 2 день в Московское государство пришед из Литвы и с Польши Сендомирской воевода... и дочь свою, панну Маринку, с собою привез”¹¹³. Немного ниже он повторяет известие о приезде Мнишка с дочерью и говорит, между прочим, о Мнишке: “Прииде под царствующий град Москву на Светлой недели в четверг”, то есть 24-го апреля¹¹⁴. Ясно, что сам автор точно не знал дня приезда Мнишка и не понял показаний тех источников, которыми пользовался. Известно, что Мнишек опередил свою дочь на пути в Москву и приехал туда действительно 24-го апреля; торжественный же въезд Марины в столицу был

---

¹¹⁰ Сказание и повесть, еже содеяся... С. 21–22.

¹¹¹ Там же. С. 23.

¹¹² Неверно показано число битвы под Новгородом-Северским 10-е декабря (вместо 21-го) 1604 г. (Там же. С. 14; Изборник. С. 326; СГГД. Ч. 2. № 80. С. 171). Неточно означен день смерти царя Федора Борисовича: в 1605 г. 19-го июня было не в четверг, а в среду (Сказание и повесть, еже содеяся... С. 16; Горбачевский Н. Археографический календарь. Табл. 10); весьма сомнительно и самое число 19-го июня: Буссов пишет 10-го июня, и справедливее, потому что смерть Борисова сына не могла быть накануне приезда Лжедмитрия в Москву (Сказания современников о Димитрии самозванце. Ч. 1. С. 46).

¹¹³ Сказание и повесть, еже содеяся... С. 20.

¹¹⁴ Там же. С. 21; Горбачевский Н. Археографический календарь. Табл. 30.

2-го мая¹¹⁵. Если бы автор Сказания сам видел изображенные им события или если бы он о них слышал от очевидцев, то он не спутал бы таких фактов, которые видела вся Москва. Но автор имел в руках вполне точные даты и не мог с ними справиться – ясный знак, что он был далек от описанной эпохи и восстанавливал ее уже по источникам, не всегда даже умея их понимать. Если же автор писал по источникам, то нет ничего невероятного в том, что он знал такие крупные памятники, как Повесть 1606 года, Сказание Авраамия Палицына и Новый летописец. Те же немногие известия нашего автора, которых нельзя отыскать в названных памятниках, могли явиться у него из устных преданий или из каких-нибудь произведений о Смуте, до нас не дошедших (следы таких произведений увидим ниже). По крайней мере, нет оснований думать, что все новое и ценное в последней части Сказания непременно составляет плод личных наблюдений автора. Чтобы закончить речь об этой последней части Сказания, нужно заметить, что язык ее так же отмечен полонизмами, как и язык рассказа о жизни самозванца в Литве. Нередко встречаются здесь выражения, заимствованные, очевидно, с польского: “клеяноты”, “магирка”, “каплан” (Kapelan). Но и здесь общий склад речи не дает права считать ее не московскою.

Итак, начало разбираемого Сказания представляет собою набор отдельных известий; вторая его часть является легендарным преданием, сложившимся под литературным влиянием польским; повествование же о воцарении и гибели самозванца не так легендарно, как рассказ о первых его похождениях, и представляется до известной степени простою переработкою грамот и иных источников. Резкое различие литературных приемов в различных частях Сказания дает нам право не считать его произведением литературно цельным: автор довольно механически соединял простые заметки летописного типа с легендою, художественно стройною, и с переработанными показаниями официальных грамот.

В каком же отношении находится краткая редакция Сказания к пространной? Главное их различие заключается в том, что в кратком Сказании выпущена почти вся легендарная повесть о первоначальных похождениях самозванца и сделаны некоторые сокращения в рассказе о царствовании Лжедмитрия. Но в ней остался конец легендарной повести, с известием о баснословном Лашевском сейме¹¹⁶, остались и характерные не московские выра-

---

¹¹⁵ На эти числа, 24-го апреля и 2-го мая (или, по новому стилю, 4-го и 12-го мая), есть несколько указаний: Сказания современников о Димитрии самозванце. Ч. 1. С. 54, 302; Ч. 2. С. 141, 147; Сказания Массы и Геркмана... С. 181, 183.

¹¹⁶ Имп. Публичной библиотеки рукопись. Q.XVII.33. Л. 121 об. и далее; Рукопись Q.XVII.114. Л. 296 и далее; Сказание и повесть, еже содеяся... С. 12–13.

жения пространной редакции. Мало того, некоторые показания той вставки, которою заменена в кратком Сказании выпущенная легенда, – прямо согласованы с окончанием этой легенды. Для того, чтобы пояснить происхождение Лашевского сейма, составитель вставки нашел нужным сказать о Сигизмунде, что он “повелевает всем своим паном и гетманом и воеводам быти на раду”. Для того чтобы сделать понятнее вмешательство папы в дело самозванца, он обстоятельнее, чем в пространной редакции, поясняет, будто король послал “к папе латынскому в Рим извет достоверен, что прииде к нему из Росийского государства царевич Дмитрий Иванович”. Но эту пояснительную фразу составитель вставки взял из пространной же редакции¹¹⁷. Таким образом, краткая редакция, вместе с языком пространного Сказания, заключает в себе и часть его легендарного содержания. Это не позволяет думать, чтобы краткая редакция была составлена раньше полной и послужила для нее как бы канвой, на которой возникла впоследствии легенда. Гораздо вероятнее, что рассказ пространный написан был раньше; обилие в нем бытовых черт западнорусской жизни, малопонятных для московских людей, могло вызвать желание упростить его, – и вот, главнейшее сокращение произведено было именно в легенде о польских приключениях Отрепьева.

Если наше соображение верно, мы можем воспользоваться им, чтобы определить хотя до некоторой степени время составления Сказания. На одном из списков краткой редакции есть заметка о том, что он писан в 1649 г.¹¹⁸ Стало быть, краткое Сказание появилось не позднее этого года. Если оно есть переработка пространного, то и последнее следует отнести к первой половине XVII в.¹¹⁹ Кто был автором разбираемого произведения, опреде-

---

¹¹⁷ Ср.: Там же. С. 12 и выписку из краткой редакци Сказания, приведенную выше.

¹¹⁸ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.XVII.33. Л. 157. Приписка приведена нами выше.

¹¹⁹ Один из списков пространного Сказания западно-русского письма г. Викторов относил даже к началу XVII в. (Викторов А.Е. Рукописи И.Д. Беляева. М., 1881. С. 4. № 1510). Мы имели случай видеть этот список; в нем рядом с частями разбираемого Сказания списаны тем же почерком отрывки Сказания Палицына (ср., например: л. 145, глава “О Борисе царе Годунове” и Сказание Палицына. С. 20: “Оскверни же царь Борис неправедным прибытком” и т.д.). Стало быть, список не мог явиться раньше 1620 г. Более надежным свидетельством раннего происхождения пространной редакции является следующий факт: в одном из хронографов, составление которого А.Н. Попов относит к первым годам царствования царя Алексея (Попов. Обзор. Вып. 2. С. 264), мы находим известия именно пространного Сказания, выпущенные в кратком (Ср.: Изборник. С. 416; Сказание и повесть, еже содеяся... С. 19, 22: о посольстве Афанасия Власьева и о свадьбе самозванца). [Ср. *Примечание 21*].

лить нельзя. Из того, что было сказано о самом произведении, можно только вывести догадку, что автор его был московский человек, знакомый с польскою речью и западнорусским бытом.

II. Обращаемся к произведениям о Смуте компилятивного характера. Среди них можно заметить два различных типа повествований. Одни компиляторы, явно пользуясь известиями более ранних текстов, стремятся на основании их создать свой самостоятельный рассказ о Смуте и достигают этого иногда с большим литературным искусством. Другие же просто соединяют части различных произведений и ограничивают свой личный труд только тем, что вносят в рассказ две-три соединительные фразы в тех местах, где необходимо поддержать чисто внешнюю, грамматическую связь между заимствованными текстами. В первом случае читатель имеет дело с очень стройным литературным произведением, во втором он видит пред собою хрестоматию, составленную из плохо согласованных отрывков.

Познакомимся сперва с компилятивными произведениями о Смуте, имеющими литературную цельность. Одним из наиболее ранних подобных произведений было повествование, внесенное в *Погодинский хронограф* № 1465¹²⁰. Оно представляет собой весьма краткий очерк Смуты, лишенный ценных исторических черт. Автор не скрывает того, что пользуется письменными памятниками, и, приводя известие о пострижении Годунова с именем Боголепа, замечает, что так “нецыи же написаша”. Сам же автор плохо знал события и делал крупные промахи. Так, он думал, что мать царевича Димитрия после его смерти оставалась в Угличе и что самозванец ее “взял с Углича к себе к Москве”. Подмосковного Ляпуновского ополчения он вовсе не знал и писал, что Д.Т. Трубецкой, Пожарский и Минин вместе собрали войнство и пришли под Москву¹²¹. Краткость изложения автора не позволяет указать его источники везде с одинаковой точностью. По тем же местам *Хронографа*, где автор выражается пространнее, можно заключить, что ему были известны “Сказание, еже содеяся” и грамоты, вошедшие в *Повесть* 1606 года. Из *Сказания* заимствовал он целые фразы в свой рассказ о царствовании Лже-

---

¹²⁰ Издано: целиком – *Изборник*. С. 413–429; частью – *Расстончин*. *Сказания*. С. 5–20. Описание списка (рукопись имп. Публичной библиотеки, *Погодинск*. № 1465) в *Обзоре хронографов русской редакции* (*Попов*. *Обзор*. Вып. 2. С. 264–270). А.Н. Попов относит составление этого хронографа к началу царствования Алексея Михайловича. Есть и другой список того же повествования о Смуте – в рукописи имп. Публичной библиотеки, *Погодинск*. № 1616, XVIII в., в 4 долю, 385 л., л. 98–113 (*Бычков*. *Описание*. С. 470. § 6).

¹²¹ *Изборник*. С. 415, 421.

димитрия и не отбросил даже польских выражений, находящихся в Сказании¹²². А по грамотам В. Шуйского описал он открытие мощей царевича Димитрия и всенародное покаяние иноки Марфы, матери царевича¹²³. Иногда известия своих источников автор сопровождает благочестивыми замечаниями и текстами Священного Писания, а к Повести о дьяке Тимофее Осипове, взятой из “Сказания, еже содеяся”, он присочинил целую речь Тимофея самозванцу и прибавил новую фактическую черту, что “зауши его (то есть самозванца. – С.П.) Тимофей каменем в лице”. Эта редакция рассказа о подвиге дьяка составляет самую любопытную часть разбираемого памятника. В дальнейших же его статьях, относящихся уже ко времени Михаила Феодоровича, нельзя не отметить отрывков какого-то нам неизвестного муромского летописца, повествующего приказным слогом о приходе Лисовского под Муром в 1616 г.¹²⁴

Гораздо большею содержательностью и значением отличается Повесть о разорении Московскаго государства и всеа Российския земли, изданная А.Н. Поповым в 1881 г.¹²⁵ В прекрасном предисловии издателя находится точная характеристика памятника и ряд замечаний о времени его появления и о личности автора. Повесть о разорении Московского государства – очень любопытное произведение. Она написана в 1654 г., в то время, когда царь Алексей Михайлович решился объявить войну Польше за Малороссию и сам отправился в поход, “подвижесе со всем своим христоролюбивым воинством”¹²⁶. Цель Повести – оправдать предпринятую войну, показать ее политическую необходимость и объяснить, что для войны выбрано надлежащее время. Повесть – это “проповедь беспощадной кровавой политики возмездия”, – говорит А.Н. Попов. В войне с Польшей автор видит прекрасный случай отплатить полякам за все зло, какое они нанесли Москве полвека перед тем: “день отмщения настoit, – восклицает он, – и время воздаяния належит нече-

¹²² Ср.: Там же. С. 416–417; Сказание и повесть, еже содеяся... С. 19, 22, 25.

¹²³ Ср.: Изборник. С. 418–419; Иное сказание... С. 47–50 (ААЭ. Т. 2. № 48. С. 110–112) [РИБ. Т. 13. Стб. 81–88].

¹²⁴ Изборник. С. 422–423. В рукописи имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1616, л. 109 об., этого нет. Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 219; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 183.

¹²⁵ Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли: Библиографические материалы, собранные А. Поповым // Чтения ОИДР. 1881. Кн. 2. Отд. IX. С. 1–51. Повесть издана по двум спискам (из рукописей Московской духовной академии № 203 и 201); третий список был известен Карамзину (*Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 248 и др.).

¹²⁶ Повесть о разорении... С. 48.

стивым!”¹²⁷ Для того чтобы показать, какие беды нанесли поляки Руси в прошлом, автор и вспоминает весь ход Смуты: торжество Расстриги, поддержанного Польшей, грабежи поляков при Шуйском и польское господство после Шуйского. В современной ему Польше автор усматривает такую же смуту, как была когда-то в Московском государстве: на престоле сидит Расстрига¹²⁸, казачество восстало, и у Польши нет сил с ним справиться. При таких условиях слабость Польши очевидна, и Руси нельзя пропускать такой благоприятной минуты для отмщения за свои обиды.

Итак, Повесть по своим целям есть публицистическое произведение, в котором история Смуты играет только служебную роль. Исторической своей стороной разбираемый памятник, по словам Попова, “представляет ни более, ни менее, как легкий поверхностный очерк, пересказ событий, гораздо обстоятельнее изложенных в других летописных трудах”. К тому же этот пересказ событий весь построен на источниках, нам уже известных, и потому историческая его ценность была бы совершенно ничтожной, если бы не были любопытны некоторые взгляды и отзывы умного и образованного автора Повести.

Он сам говорит нам в заглавии своего произведения, что оно “выписано от летописных книг и от иных повестей”. И в тексте Повести он не раз откровенно указывает на свои источники. Так, характеризуя царя Феодора Иоанновича, он прямо ссылается на его Житие, составленное Иовом¹²⁹. Говоря об ослеплении Симеона Бекбулатовича, он указывает, как на источник, на “Летопись русскую”, под которою разумеет, как кажется, Никонову летопись¹³⁰. Заимствуя почти дословно одну фразу Нового летописца, он не скрывает, что приводит чужие слова¹³¹. Иногда, по поводу того или другого своего заявления, автор спешит прикрыть свое лич-

---

¹²⁷ Там же. С. 48.

¹²⁸ Автор, сравнивая короля польского Яна Казимира с Отрепьевым, так выражается о нем: “То ли христианского закона чин сохраняют: оставя инокский образ и духовный чин от себя отвергнув, и на королевство коруноватися и братню жену за себя взяв и дети прижити” (Там же. С. 44). О Яне Казимире см.: *Bobrzyński. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1881. T. 2. P. 215: “r. 1643 wstąpił do Jezuitów, r. 1645 kardynałem, r. 1648 królem polskim obrany, panował do roku 1668”.*

¹²⁹ Повесть о разорении... С. 12: “писано в Житии его”.

¹³⁰ Там же. С. 13, примеч. 3. Известие это, очевидно, взято из Нового летописца (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 30). Называя его “Летописью русскою”, автор этим обнаруживает, что пользовался Новым летописцем уже в летописном своде, – вероятно всего, в Никоновском.

¹³¹ Повесть о разорении... С. 20: “непшуют о нем (Отрепьеве. – С.Л.) – такое учение дадеса ему не от Бога”. – Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 55: “грамота ж ему дася не от Бога”.

ное мнение авторитетом летописей¹³². Наконец, и в послесловии к Повести автор еще раз заявляет, что не вымышлял своих известий, а брал их из прежних повестей¹³³. Таким образом, не может быть сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело с произведением несамостоятельным. Сличение текста Повести с другими памятниками позволяет определить довольно точно и тот тесный круг “прежних повестей” о Смуте, с которым был знаком автор Повести. Кроме Нового летописца и Жития царя Феодора, он пользовался только Сказанием Авраамия Палицына.

Более всего следовал он Новому летописцу. Из него заимствовал он свой рассказ о смерти царевича Димитрия и о наказании Нагих и угличан за расправу с убийцами (но число наказанных угличан – 200 – взято у Авраамия Палицына)¹³⁴. По Новому летописцу изложено гонение Бориса на митрополита Дионисия, нелюбовь его к датскому королевичу, преследование Шуйских¹³⁵; далее, история первого самозванца и посылка в Литву Смирного-Отрепьева; усиление разбойничества при Борисе и смерть от разбойников И.Ф. Басманова, строгие меры Бориса против казаков¹³⁶. По Новому же летописцу излагается далее царствование и женитьба самозванца и все дальнейшие события Смуты, за теми немногими исключениями, когда автор берет данные у Палицына¹³⁷. Из Сказания Палицына взяты, между прочим, следующие подробности: описание московского пожара 1591 г., известие о невесте “из Хвалис” для Борисова сына, известие о голоде 1601–1603 гг., рассказ о венчании Бориса на царство, рассказ о замысле самозванца избить бояр и некоторые другие частности¹³⁸. Из Жития же царя Феодора взята, как мы уже видели, характеристика благочестивого государя.

Но среди громадного большинства данных, очевидно, взятых из “прежних повестей”, в Повести есть и оригинальные ме-

---

¹³² Повесть о разорении... С. 22: “якоже летописныя книги объявляют”; С. 50: “по свидетельству летописных книг”.

¹³³ Там же. С. 51: “Не от своего же помышления о сих беседовав, но прежним повестем последовав...”

¹³⁴ Там же. С. 13–14; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 17–20; Сказание Палицына. С. 3–4 [РИБ. Т. 13. Стб. 971].

¹³⁵ Повесть о разорении... С. 16, 17, 19; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 9–10, 49–50, 36.

¹³⁶ Повесть о разорении... С. 20, 21, 24, 25; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 55–56, 60, 53, 59.

¹³⁷ Повесть о разорении... С. 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 72 и 74; 77 и 80–81; 90; 100 и 116–117; 132 и 140; 144–145; 148; 149; 171–172.

¹³⁸ Повесть о разорении... С. 15, 16, 22, 23, 26–27; Сказание Палицына. С. 4–5, 18, 11–13, 7–8, 30–31 [РИБ. Т. 13. Стб. 971–996].

ста. Любопытны те из них, где автор высказывает собственные взгляды и наблюдения. Так, например, он говорит о Борисе, что “поставление его на царство мнозем яко рожен в сердцы бысть”. О Борисовом дворе в Москве сообщает он любопытное поверье XVII в., что “ни двор его, Борисов, идеже живяше, можаше царские сановники вмещати в себе на много лет”. Семя смут видит он в преступной деятельности Бориса: “оттуду корень бедам и напастем начало изыде”. Погибель Ляпунова и неудачу его ополчения он приписывает тому обстоятельству, что в полках были “все уездные люди, а честных дворян и детей боярских мало бяше в воинстве том”; “уездные люди” и убили Ляпунова¹³⁹. Этими примерами, конечно, не исчерпываются любопытные для историка Смуты частности разбираемого труда. Благодаря обилию таких частных сведений, Повесть о разорении Московского государства может иметь, помимо своего большого историко-литературного интереса, еще и некоторое значение как исторический документ.

А.Н. Попов думает, что автором Повести был Симон Азарьин: в рукописях Симона находится черновой список Повести¹⁴⁰. Нельзя отвергать возможности и правдоподобности такого заключения. Но нельзя считать его и непреложным. В Повести на личность автора нет прямых указаний; в ней не раз упоминается о Троицком монастыре и о тех событиях, в которых троицкие власти и братья принимали деятельное участие. Но нигде не видно особенного внимания автора к троицким чудотворцам и братии. Такое спокойное, чтобы не сказать равнодушное, отношение к монастырю совершенно не в духе Азарьина, глубочайшего почитателя своей обители.

От произведений половины XVII в. переходим к произведениям, составленным в последние его годы. В конце царствования царя Алексея Михайловича известный боярин А.С. Матвеев приступил в Посольском приказе к составлению нескольких официальных повествований исторического и дипломатического характера¹⁴¹. Между прочим, под его руководством в 1672–1673 гг. написана была роскошная по своей внешности Книга об избрании на престол царя Михаила Феодоровича¹⁴². Главное содержание Книги составляет рассказ об избрании на

---

¹³⁹ Повесть о разорении... С. 16, 19, 20, 37.

¹⁴⁰ Там же. С. 1–3, 8. [См. *Примечание 22*].

¹⁴¹ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776. С. 34–35; ДАИ. Т. 4. № 43; *Строев*. Словарь. С. 209; *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь русских светских писателей... Т. 2. С. 49–52.

¹⁴² Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича / Издана Комиссиею печатания государственных грамот и договоров. М., 1856.

царство царя Михаила, а затем о наречении и поставлении на патриаршество его отца Филарета. Рассказ основан на официальных документах¹⁴³ и ведется официальным языком. Вместо же вступления к нему приписано краткое повествование о Смуте вообще. Оно имеет компилятивный характер и составлено с большим литературным уменем из отрывков Хронографа 2-й редакции, Повести 1606 года, Нового летописца, Сказания Палицына и Милютинского жития царевича Димитрия¹⁴⁴. Хотя автор повествования не следовал буквально своим источникам, а переделывал их изложение в официально-риторический рассказ, тем не менее он не внес от себя ни одного нового показания, ни одной любопытной для историка мысли. Поэтому значение разбираемой Книги как исторического источника вполне ничтожно. Документы, сохранившие нам историю составления этого памятника, называя лиц, трудившихся над перепиской, рисунками и переплетом Книги, не называют того лица, которое написало ее текст. Нельзя думать, чтобы это был личный труд Матвеева: он и сам не считает себя одного автором, так как говорит, что “сделал книги с товарищи своими, и с приказными людьми, и с переводчики”. Одновременно с Книгою об избрании царя Михаила и тем же порядком в Посольском приказе составлена была и другая книга – о титулах московских государей и государей разных земель¹⁴⁵. В начале ее находится краткий очерк всей русской истории, показывающий, “откуда произыде корень великих государей... российских”. В этом очерке есть и описание Смуты, прямо заимствованное с некоторыми пропусками и изменениями из Книги об избрании царя Михаила¹⁴⁶.

Оба эти официальные труда не дают нам ничего исторически ценного. Нельзя сказать этого о любопытном частном произведе-

---

¹⁴³ Источниками его были: официальное описание избрания Михаила Феодоровича, составленное при царе Михаиле (см.: Книга об избрании... Предисловие. С. XXXIV–XXXV; СГГД. Ч. 3. № 1 и № 16) и Чин поставления в патриархи Филарета Никитича (ДАИ. Т. 2. № 76).

¹⁴⁴ Считаю по страницам печатной Книги, заимствования идут в таком порядке: с. 2-я (“Сей же царь...”) составлена по Хронографу 2-й редакции и Милютинскому житию”; с. 3 (“Глаголют убо и преставление...”) – по Повести 1606 года, затем по Новому летописцу (от слов: “И по лукавом их злословии...”); с. 4, 5, 6 – по Новому летописцу; с. 6 (“Царь же Борис, разумев, яко фиал...”) – по Хронографу 2-й редакции; с. 7–10 заключают в себе очень краткие заметки, очевидно, по Новому летописцу и Сказанию Палицына; с. 10–13 – по Сказанию Палицына и официальным актам. Далее повествование идет исключительно по официальным документам.

¹⁴⁵ ДРВ. М., 1791. Ч. 16. С. 86–251; *Строев*. Словарь. С. 209. Строев неверно принимает год составления книги – 1678: она была составлена раньше (ДАИ. Т. 6. № 43, § XV).

¹⁴⁶ ДРВ. Ч. 16. С. 94–102.

нии, которое было составлено в те же приблизительно годы и в литературе получило название Латухинской Степенной книги. Единственный известный нам список этого труда сохранился в рукописях Н.М. Карамзина¹⁴⁷ и был получен историографом “от Болохнинского купца Латухина”¹⁴⁸. Карамзин очень внимательно изучил показания памятника и многие его отрывки напечатал в примечаниях к своей Истории¹⁴⁹. Но он не указал ни времени, ни автора произведения, не определил и его состава. Список же Латухинской книги дает несколько определенных указаний и в этом отношении.

В начале его находятся длинные “Вирши”, служащие предисловием к Степенной книге¹⁵⁰. Слагая начальные буквы каждого стиха, получаем такую фразу, тоже стихотворную:

“Тихон(ъ) монах(ъ) о Бозе начах(ъ), книги сия нетрудно писах(ъ), доволноу же мзду за се взях(ъ), в(ъ) Лавроу Желтоводскую отдах(ъ) в(ъ) лето седм(ъ) тысящ(ъ) сто осмдесят(ъ) седмое, в(ъ) месяце ноемврии”. Тихон монах, которого по виршам следует считать составителем Степенной книги, есть, очевидно, тот самый архимандрит макарьевский Тихон, который управлял Жел-

---

¹⁴⁷ Ныне в имп. Публичной библиотеке (рукопись F.IV.597, в лист, полууставом XVIII в.). [См.: *Васенко П.Г.* Заметки к Латухинской Степенной книге // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1902. Т. 72. № 2, и отдельно: СПб., 1902. Здесь даны указания и на другие списки].

¹⁴⁸ *Карамзин*. ИГР. Т. 1. Примеч. 532.

¹⁴⁹ Длинный перечень ссылок Карамзина на Латухинскую книгу и выписок из нее см. у Строева (*Строев П.М.* Ключ к Истории государства Российского. СПб., 1842–1843), под словом: Латухин.

¹⁵⁰ Нач.:

“Творец и создатель Бог всему
и всей твари, служащей Ему.
Христос истинный всех спаситель,
отец явися и зиждитель,
Неизреченным же советом
многим сый озари нас светом...”

Много распространяясь о просвещении древней Руси истинным светом Христовой веры, вирши затем объясняют содержание следующего за ними труда таким образом:

“Сей летописец возвещает,
многий нам разум просвещает:
Древле бывшая вся времена,
единоверных нам племена,
Степени царския и роды,
яже державства их и годы,
Тех же времен благоденствие,
страшно же бысть и злоденствие...” и т.д.

товодским монастырем в 1675–1677 гг., в 1680 г. был сделан келарем Саввина-Сторожевского монастыря и получил известность в древнерусской письменности как автор “Сказания о нотном гласобежании”¹⁵¹. Оставив управление монастырем в 1677 г., он, вероятно, продолжал жить у Макарья и посвятил своей обители труд, законченный им в исходе 1678 г.¹⁵²

Книга Тихона в полном своем составе требует особого изучения как одна из многих еще малоизвестных попыток переработать Степенную книгу Макария. Мы не можем, конечно, принять на себя подобного труда, не выходя далеко за пределы темы. Большой объем статей Латухинской книги, посвященных Смуте, лишает нас возможности представить и их подробный анализ, не распространив его в обширную статью. Вот почему мы считаем себя вправе привести о разбираемом памятнике только такие замечания, которые установят компилятивный характер произведения, а стало быть, и второстепенное его значение в ряду летописных источников для истории Смуты.

Самое поверхностное сравнение разбираемой Книги с Новым летописцем показывает уже, что последний лег в основание той части труда Тихона, которая повествует о Смутном времени. Кое-где изменен порядок глав; часто сокращено изложение, переработан слог; иногда показания Нового летописца заменены или дополнены рассказами других писателей; кое-где внесены известия для нас новые – такой характер имеют все переделки и отступления Тихона в отношении к тексту его главного источника. Несмотря на то что он стремился вообще сокращать повествование Нового летописца и совсем ничего не рассказал, например, о перенесении мощей царевича Димитрия, о котором другие писатели говорят с особым вниманием¹⁵³, – несмотря на то, он часто следовал Новому летописцу даже в изложении весьма мелких событий давно прошедшего времени¹⁵⁴. Кроме главного своего источника,

---

¹⁵¹ *Строев*. Списки. Стб. 613; *Титов А.А.* Троицкий Желтоводский монастырь у Старого Макарья. М., 1887. С. 27; *Смирнов С.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1879. С. 98 и примеч. 172; *Ундольский В.М.* Замечания для истории церковного пения в России // Чтения ОИДР. 1846. № 3. С. 14–16).

¹⁵² Нужно заметить, что до нас дошел не авторский экземпляр Книги Тихона, а уже дополненный известиями до 1725 г. (последнее известие – о смерти Петра Великого).

¹⁵³ Вместо главы о перенесении мощей написано лишь ее заглавие и под ним слова: “Полное его слово в Пролозе месяца мая в 15 день” (л. 473 об.).

¹⁵⁴ Как на пример укажем на подробное описание одного из богомольных походов царя Феодора, взятое прямо из Нового летописца (Слич.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 24–25; Латухинская книга, л. 428).

автор охотно черпал известия из Сказания Палицына. Из него заимствовал он, между прочим, описание голода 1601 г., причем дополнил рассказ Авраамия рассказом Хронографа 2-й редакции¹⁵⁵. По Сказанию Палицына повествовал он о разбойничестве при Борисе; а окончание третьей главы Палицына послужило ему основанием для особой статьи: “О самохотении царя Бориса укрепить свою державу”¹⁵⁶. От Палицына же взял он известие об оскудении казны в Троицком монастыре и о явлении преподобного Сергия Арсению Галасунскому¹⁵⁷. Не один раз видны заимствования и из Хронографа 2-й редакции: из него, например, взята заметка о постройке стен Белого города в Москве; его же словами начинает Тихон повествование о царствовании царя Михаила¹⁵⁸. Знакомы Тихону и известия Повести 1606 года: например, о лести и угрозах Годунова народу пред избранием его в цари, о несостоявшейся казни Шуйского при Лжедмитрии, о потешном аде, который устроен был самозванцем¹⁵⁹. Можно, наконец, заметить влияние и “Сказания, еже содеяся”, – в рассказе Тихона о польских послах к самозванцу и о приезде в Москву Марины Мнишек¹⁶⁰.

Так обширен был круг повестей о Смуте, известных Тихону. Но не все подробности Латухинской книги можно найти в названных нами выше памятниках: у Тихона были и такие источники, определить которых теперь нельзя и о характере которых можно только догадываться. Так, подробный рассказ о землетрясении в Астрахани, бывшем в 7116 (1608) г. “апреллиа в 7 день, в 11 час дне”, – дает повод думать, что у автора Латухинской книги было под рукою местное сказание об этом событии¹⁶¹. Откуда-то, оче-

---

¹⁵⁵ Латухинская книга. Л. 442 об.–443; Сказание Палицына. С. 10–13; Изборник. С. 190 [РИБ. Т. 13. Стб. 977–980, 1285]. Уже и Карамзин замечал, что Латухинская книга “повторяет” Сказание Палицына (*Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 410).

¹⁵⁶ Латухинская книга. Л. 446 об.–447, 448–448 об.; Сказание Авраамия Палицына. С. 14–16, 18–21 [РИБ. Т. 13. Стб. 980–987].

¹⁵⁷ Латухинская книга. Л. 536, 537; Сказание Палицына. С. 224–225, 281–282 [РИБ. Т. 13. Стб. 1174–1177, 1225–1227].

¹⁵⁸ Латухинская книга. Л. 415 об, 541 об.–542; Изборник. С. 187, 203 [РИБ. Т. 13. Стб. 1280, 1318].

¹⁵⁹ Латухинская книга. Л. 434–434 об., 464 об., 466–466 об.; Иное сказание... С. 7, 30, 32 [РИБ. Т. 13. Стб. 12, 52, 55]. У Карамзина приведены также некоторые места, заимствованные из Повести 1606 года и дополнения к ней в Ином сказании (*Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 574. Т. 12. Примеч. 79, 84, 86 и др. Ср.: Иное сказание... С. 34, 58–59, 57–58, 60–61) [РИБ. Т. 13. Стб. 59, 100–106, 108–110].

¹⁶⁰ Латухинская книга. Л. 467–468; Сказание и повесть, еже содеяся... С. 20–21; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 73.

¹⁶¹ Латухинская книга. Л. 481 об.–482.

видно, из письменных документов, почерпал он и точные хронологические даты различных событий, каких нет в его источниках, нам известных. Но всего любопытнее целый ряд известий о Годуновых, оригинальных и притом заметно благосклонных и к Борису, и ко всему его роду¹⁶². Тихон не был сам сторонником Бориса и собирал о нем одинаково и хорошие, и дурные отзывы, не обходя в этом случае и враждебной Годунову Повести 1606 года. Кроме того, с необыкновенною подробностью и очень правдоподобно описывая смерть Ивана Ивановича Годунова, он допустил при этом явный анахронизм, отнеся событие ко времени первого, а не второго самозванца¹⁶³. Нет поэтому никакого основания приписывать самому Тихону составление показаний о Годуновых. Вернее, что он имел дело с какими-то документами о Годуновых или же с повестью о них, до нас не дошедшею, и не всегда мог справиться с этим материалом, неудачно размещая его хронологически и сопоставляя приятные показания друзей Бориса с показаниями его врагов. Наконец, среди разнообразных источников Латухинской книги нельзя не заметить и легендарных преданий: рассказ Тихона о том, что патриарх Игнатий просил благословения у патриарха Иова¹⁶⁴, без сомнения, баснословен.

Итак, Латухинская книга есть памятник поздний и компилятивный. Нужно заметить, что автор ее не высказывает никаких личных взглядов на события Смутной эпохи, не имеет личных симпатий и антипатий по отношению к деятелям Смуты; он только собирает факты и при этом обнаруживает большую начитанность в той литературе о Смуте, какая успела образоваться к его времени. При таких условиях значение для нас его труда определяется суммою таких его показаний, источника которых мы не можем определить. Выделить и оценить эти показания – задача отдельного исследования; исполнение ее недостижимо в нашем общем обзоре.

К числу памятников, в которых сочетались литературные заимствования с самостоятельным творчеством, следует отнести и некоторые явно легендарные произведения. Первое из них сохранилось в Хронографе князя М.А. Оболенского¹⁶⁵.

---

¹⁶² Они собраны Карамзиным (*Карамзин*. ИГР. Т. 9. Примеч. 611, 618, 754. Т. 10. Примеч. 10, 30, 60, 147, 353, 365. Т. 12. Примеч. 475).

¹⁶³ Латухинская книга. Л. 463 об.; *Карамзин*. ИГР. Т. 12. Примеч. 475 (здесь и критические замечания по поводу этого эпизода).

¹⁶⁴ Латухинская книга. Л. 465–465 об.; *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 378; Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 71.

¹⁶⁵ Ныне – рукопись Московского главного архива Министерства иностранных дел, № 101–128 (в лист, скорописью XVII в.).

Эта рукопись, подробно описанная И.Е. Забелиным¹⁶⁶, заключает в себе первую редакцию Хронографа, дополненную, между прочим, предисловием и статьями Хронографа 1617 года. Рассказ о Смуте Хронографа Оболенского ничем по существу не отличается от разобранных нами выше статей второй редакции Хронографа, но изложен в сокращенном виде¹⁶⁷. Значение для историка Смуты списка князя Оболенского состоит не в его основном тексте, а в тех к нему прибавлениях, которые сделаны на отдельных лоскутках бумаги и вклеены между большими листами рукописи. На них находим портреты царя Федора Ивановича, царя Михаила Федоровича и польского короля Сигизмунда. Далее, на одном листке читаем грамоты самозванца¹⁶⁸, а на трех других – легендарные рассказы о разных эпизодах Смутной эпохи¹⁶⁹.

Первый рассказ – о гибели самозванца и Марины Мнишек – любопытен по своей конструкции: автор для начала взял фразу Хронографа 2-й редакции, видоизменил ее¹⁷⁰ и к ней приделал невежественную легенду о позорном погребении Лжедмитрия и казни Марины в Астрахани на рынке. Точно так же поступил автор и с рассказом о Скопине: буквально списал первое предложение из того же Хронографа¹⁷¹, а затем рассказал о посольстве Скопина к самому шведскому королю. Король “преклоняется на милость”, дает Скопину 40 тысяч войска и, после совета с “бурмистром” Пунтусовым, требует от Скопина городов “в заклад в грошах и в кормах и во всяких проторях подъемных”. Скопин ус-

---

¹⁶⁶ Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава // АИЮС. Кн 1, Отд. VI. С. 31–38.

¹⁶⁷ Хронограф Оболенского. Л. 533, 534, 537, 540, 543; Изборник. С. 186–204 [РИБ. Т. 13. Стб. 1273–1322]. См. первую главу нашего труда.

¹⁶⁸ Хронограф Оболенского, л. 536; ААЭ. Т. 2. № 26 и № 34; Иное сказание... С. 15–16, 24–27 [РИБ. Т. 13. Стб. 27–28, 42–47].

¹⁶⁹ Хронограф Оболенского. Л. 535 – о гибели самозванца и о судьбе Марины Мнишек (Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава. С. 33–34); л. 538 – о Скопине-Шуйском (не издано); л. 542 – об освобождении Москвы от поляков и об избрании царя Михаила (начало в Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России (Т. I. С. 34–36), конец у Забелина (Забелин И.Е. Минин и Пожарский. С. 310–312) [Также см.: Сборник Нижегородской архивной комиссии, Т. 11. С. 447–450].

¹⁷⁰ Изборник. С. 193: “И внезапно бо убо возшумеша многочисленнаго народа волны и вси велможи, князи и бояре, и державнии земли, разъярившеся на мерзость его” и т. д. [РИБ. Т. 13. Стб. 1292]. Ср.: Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава. С. 33: “Разъярившеся православнии и возшумеша яко волны” и т. д.

¹⁷¹ Хронограф Оболенского. Л. 538: “в лето 117 царь Василий Иоаннович послал воеводу своего от сродства своего князя Михаила Скопина” и т. д.; Ср.: Изборник. С. 197; Иное сказание... С. 66 (до слов: “скоро исполни; шед...”) [РИБ. Т. 13. Стб. 1303–1304].

тупает “Великий Новгород, да Корелской город, да Копорье, да Орешек, да Юрь и Ливонской, да Ивань-город”, и с шведским войском разбивает своих врагов “под Торжком”¹⁷². Победа героя возвращает автора к тексту Хронографа 2-й редакции: его словами характеризует он победителя¹⁷³, а затем кратко описывает отравление Скопина чертами, близкими к знакомому уже нам Сказанию о рождении князя Михаила¹⁷⁴. Рассказ заканчивается легендой о разорении шведами Новгорода за то, что новгородцы “сильны учинилися” и не заплатили Пунтусову его “гроши и подъемы и кормы и всякия изьяны”. Подробности этой легенды баснословны и нелепы: автор, например, пишет, что Пунтусов “наехал” в Новгород в 7087 (1579) г., а выехал в 7125 (1617) г.

Более независимо от Хронографа 2-й редакции повествование о нижегородском ополчении, взятии Москвы и избрании царя Михаила, хотя и в нем мы видим фразу о Минине, целиком взятую из Хронографа¹⁷⁵. Зато автор знал Сказание Палицына, ибо упоминает как о деятельности Авраамия, так и о его книге¹⁷⁶. Легендарно разбираемое повествование не менее двух первых. Козьма Минин действовал не как земский староста, а как частный человек; он успел собрать полторы тысячи “единомысленников” и 1700 рублей “третьей деньги” и только тогда объявил о своем деле земским старостам. До прихода Минина под Москву Трубецкой “взял Белгород и Китай”, а затем они вместе снова “взяша град Китай”. Когда нижегородское ополчение шло к Москве, Прокопий Ляпунов был еще жив и стал с Трубецким против нижегородцев. Напротив, князя Пожарского как будто и вовсе не было при освобождении Москвы; он является только на земском совете об избрании государя и притом в роли главного руководи-

---

¹⁷² Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 119–120.

¹⁷³ “И бысть воевода храбр и мужествен, скоро аки молния супостатныя полки обтече и врагом противник непобедим являшеся и тако всех от царствующаго града, яко буря зелная с громом страшным и молниєю, всех разгна, аще не бы темный гроб такова храбраго Ектора или Ахиллеса покры” (Хронограф Оболенского. Л. 538); Слич: Изборник. С. 198 и Иное сказание... С. 66 [РИБ. Т. 13. Стб. 1304].

¹⁷⁴ Изборник. С. 383. Новы у автора только слова, что “Скопин приемлет себе духовного отца и причащается святых таин” (л. 538) [РИБ. Т. 13. Стб. 1334].

¹⁷⁵ “Аще и неискусен стремлением, но смел дерзновением” (Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава. С. 35; Изборник. С. 202; Иное сказание... С. 71) [РИБ. Т. 13. Стб. 1317].

¹⁷⁶ Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава. С. 35: “И сведал келарь Троицкой Авраамий Палицын” и т.д.; немного ниже (с. 36) читаем ссылку на книгу Палицына в словах: “что Авраамия Палицына в Троицком седении” (Ср.: Сказание Палицына. С. 281–283) [РИБ. Т. 13. Стб. 1225–1227].

теля. На его вопрос: “Есть ли у нас царское приращение?” никто сразу не может ответить. Только на следующий день, и то не духовные и не придворные люди, а простой галичский дворянин и “славного Дону атаман” объяснили собору, что Михаил Федорович Романов имеет право на престол как племянник царицы Анастасии и сын того самого человека, которому царь Федор поручил свой скипетр. Таковы легендарные несообразности, придающие памятнику характер поэтической думы, изложенной в прозе.

Итак, приписки к Хронографу Оболенского – легенда, далеко ушедшая от истории. Возникла она, однако, на определенном историческом материале, пользовалась его литературной формой, сама приняла вид исторического повествования с хронологическими датами и числовыми показаниями. Когда же она создавалась и кто был ее автором? Приписки к различным частям Хронографа Оболенского, писанные одинаковым почерком с разобранными нами повествованиями, заключают в себе указания на годы 1680, 1681 и 1686, – время, когда составлялись дополнения к основному, более раннему тексту рукописи¹⁷⁷. В повествовании о Скопине автор его говорит, что шведы “доднесь” владеют теми городами, которые были ими взяты при Шуйском¹⁷⁸. Оба признака заставляют относить возникновение легенды к XVII в., и даже не к последним его годам. Далее, почерк приписок – белорусско-го типа, а самые приписки заключают в себе иногда польские и латинские фразы и обнаруживают в авторе человека, знакомого с латино-польской схоластикой. Но еще вопрос, сам ли автор мелких дополнений к рукописи Оболенского составил легендарные повести о Смуте. Думаем, что нет. Как можно убедиться из напечатанных отрывков, язык этих повестей – великорусский, а не белорусский. Литературные их источники – Хронограф 1617 года и Сказание Палицына – тоже великорусские. Очевидно, что если бы эти повести были составлены самим белоруссом, дополнявшим Хронограф, то они носили бы на себе более заметные следы его языка и образования. Кроме того, можно указать и прямой признак, что автор с чего-то переписывал свой рассказ об освобождении Москвы: он выпустил из своего оригинала то место, где рассказывалось о явлении преподобного Сергия архиепископу Арсению, и так как нарушил этим последовательность изложения, то считал нужным отметить свой пропуск словами: “зде

---

¹⁷⁷ Хронограф Оболенского. Л. 263, 368 об., 522 об. (по современной пагинации, которую пользовались мы; у И.Е. Забелина другие цифры – по старинной нумерации листов: *Забелин И.Е.* Важный хронограф особого состава. С. 37).

¹⁷⁸ Хронограф Оболенского. Л. 538 об.

повествуется о Арсении Голасунском и о явлении преподобного Сергия, что Авраамия Палицына в Троицком седении”¹⁷⁹. Таким образом, нельзя утверждать, что легенды Хронографа Оболенского создались непременно в Белоруссии¹⁸⁰.

Другое легендарное произведение о Смуте, не уступающее в произвольном творчестве Хронографу Оболенского, заключается в рукописном Сказании о царстве государя и великого князя Феодора Иоанновича¹⁸¹. Сказание повествует о царствованиях Феодора, Бориса и самозванца. Состав его определяется очень легко: в первой половине оно представляет пересказ Милютинского жития царевича Димитрия, дополненный легендарными вставками, а во второй половине – пересказ “Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов”¹⁸². Из Жития автор заимствовал всю первую его часть, то есть историю убийства царевича и затем начало статьи о явлении царевича старцу Тихону до рассказа Жития о самозванце. Рассказ же о самозванце до его убийства взял он из “Повести, како восхити” и пр. Наконец, смерть Лжедимитрия описал он самостоятельно в кратком легендарном рассказе. К своим источникам автор относился очень свободно: то следовал им дословно, то переделывал их со стороны слога, то дополнял их легендами, раз-

---

¹⁷⁹ Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава. С. 36.

¹⁸⁰ Чтобы закончить речь о тех преданиях, которыми окружена была память Минина и прославлялся подвиг нижегородцев, – упомянем о легенде, недавно обнаруженной А.С. Гациским (Нижегородский летописец / Работа А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 45–46). Литературная история этой легенды так мутна, а содержание ее так сказочно, что мы не решаемся видеть в ней сколько-нибудь пригодный для историка документ.

¹⁸¹ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1617, XVIII в., в 4 долю, 74 л., л. 1–30 (*Бычков*. Описание. С. 408–410); рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.IV.234, XVIII в., в 4-ку, 58 л. (список неполный, но более исправный; см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 237). В первом из этих списков произведение озаглавлено: “Сказание о царстве государя и великаго князя Феодора Ивановича всея России, и о убении брата его государя царевича Дмитрия Ивановича Углицкого, и о царстве злопрелесника и святоубица Бориса Годунова, и о прелести злом проклятаго еретика и боготступника Гришки Отрепьева”. С подобным же названием есть список (также XVIII в.), нам неизвестный, в рукописях И.Н. Царского, ныне графа Уварова (Рукописи славянские и российские, принадлежащие И.Н. Царскому / Разобраны и описаны П.М. Строевым. М., 1848. С. 564. № 459). [РИБ. Т. 13. Стб. 755–836. Здесь памятник напечатан по рукописи графа Уварова].

¹⁸² Эта Повесть, как сказано в первой главе, составляет сокращение Повести 1606 года. Что автор разбираемого Сказания заимствовал не из самой Повести 1606 года, а из ее переделки, доказывается тем, что он точно воспроизвел те места последней о самозванце, где она расходится с Повестью 1606 года.

вивая простое показание в целую баснословную повесть¹⁸³. Таких баснословных повестей в Сказании довольно много. Укажем виднейшие из них, опуская вымышленные риторические речи, которые автор постоянно влагает в уста героев. Дополнением к Милютинскому житию является рассказ об отправлении в Углич царевича Димитрия¹⁸⁴; далее, рассказ о волхвовании Бориса¹⁸⁵ и повествование об убиении царевича Димитрия¹⁸⁶. Автор Сказания

---

¹⁸³ Можно привести очень наглядный пример того, как факт перерождался в легенду под пером бесцеремонного сказателя. В “Повести, како восхити”, есть такое место о самозванце, заимствованное прямо из Повести 1606 года: “А за щитом он, богомерский, не взял ни единых веси, не точию что мала некоего града. А знающа его не бе никого же в тех странах” (Иное сказание... С. 28). Автор Сказания переделал эту фразу так: “А шел он окоянной в то время за щитом, нельзя некоторыми делами его вскоре узнать; вси бо покоряхуся ему без драки, чающе его природным (его) государя своего. А знающих людей в тех (градех) никого нет, кто б его, проклятого, в белцах знал или в черничестве” (имп. Публичной библиотеки рукопись, Погодинск. № 1617. Л. 20 об.–21; рукопись Q.IV.234. Л. 36 об.–37) [РИБ. Т. 13. Стб. 159 и 805].

¹⁸⁴ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1617. Л. 1–2. *Бычков.* Описание. С. 408–409; *Карамзин.* ИГР. Т. 10. Примеч. 9 (Карамзин знал разбираемое Сказание по Морозовскому летописцу, куда вошли многие отрывки Сказания; см.: Т. 10. Примеч. 13, 155, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 368, 376, 385. Т. 11. Примеч. 201, 305 (первая ссылка), 348, 351, 403).

¹⁸⁵ Рукопись имп. Публичной библиотеки, Погодинск. № 1617. Л. 2–3; *Карамзин.* ИГР. Т. 10. Примеч. 221.

¹⁸⁶ Начало рассказа сходно с Милютинским житием и убийцы названы те же; но самое преступление рассказано оригинально: “Они, окоянные, (убийцы. – С.П.) по ево, Борисову, учению искаше времени на свою погибель и присовокупиша к своей прелести кормилицу царевича Дмитрия Ивановича именем Дарию, по прозвощу Митякову, и прелстиша ея лукавыми своими словами лес(т)но, чтоб она царевича Дмитрия Ивановича вывела ис царских хором на двор гулять. Она ж, окоянная жена, по их лстивым словам не в которы(й) день, взяв ево, неповиннаго младенца, за руку, и повела его за руку на двор гулять. И рече ему: поидем, государь, и погуляем на дворе! и даст на потешение орехов. А мати его царица Марья Феодоровна того она не ведала и была в задних хоромах. Царевич же, по словеси кормилицы своей, поиде с нею на двор гулять. Они же, окоянные и злые кровопийцы и святоуби(й)цы, в то время схоронишася на дворе под лесницу, на которой поиде царевич гулять, и они изостри неподобные свои руки на убивство неповиннаго младенца, государя царевича Дмитрия Ивановича, аки зверие. И как царевич пошел по леснице и будет посреде лесницы, и дьяк Мишка Битяговски(й) скоро вскочил, аки ехидной злой (то есть змий. – С.П.) и ухватил его, незлобиваго младенца, сквозь лесницу за ножки, сын же его Данилка за чес(т)ную его главу, аки злодеи и душегубцы. Племянник же его Никита Качалов, выняв нож, и заколол его, аки агнца непорочна и незлобиваго сущаго младенца. И напившеся окоянные крови его, царевича Дмитрия Ивановича, и пресече царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окоянные побежали кои куда и не увидели пути себе и дороги. И в той час ослепи их неповинная кровь непорочнаго агнца, не потерпела беззаконию их. И некая богоизбранная жена возвестила царице Марье Феодоровне о таком не-

сообщает, будто бы убийцы царевича сознались, что действовали по приказу Годунова, и будто бы земля не принимала их трупов¹⁸⁷. Царь Федор, по словам автора, узнал от В. Шуйского истину о смерти брата, но по своему беззлобию не наказал Бориса, провидя Божью казнь на него¹⁸⁸. Наконец, в дополнение к кратким показаниям Милютинского жития о кончине царя Феодора в Сказании находим пространную легенду об отравлении его Борисом¹⁸⁹ и несколько замечаний об избрании Бориса, основанных на “Повести, како восхити” и пр.¹⁹⁰ Изменив и распространив показание Жития о старце Тихоне¹⁹¹, автор Сказания основывает свое дальнейшее изложение почти исключительно на “Повести, како восхити” и гораздо менее измышляет сам. К тексту Повести прибавляет он, между прочим, известие о всенародном поругании тела Бориса¹⁹², о возвращении самозванцем сосланных при Борисе лиц, о замыс-

---

лелем деле. Она ж государыня царица скоро ис хором побежала и увидела свое милое чадо на земли лежаща мертва...” (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. № 1617. Л. 5 об.–6; Там же. Q.IV.234. Л. 3–3 об. Далее рассказ идет близко к Милютинскому житию) [РИБ. Т. 13. 766–768]. По сравнению с другими повествованиями об убиении царевича Сказание рисует совершенно новую картину убийства, и если б эта картина находилась в другом, менее легендарном памятнике, она получила бы значительный исторический интерес. В баснословном же памятнике и она кажется баснословием.

¹⁸⁷ “Наша винность и наше дело (говорили убийцы. – С.П.): неповинная нас кровь обличила. Послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова, его прелестными словами прелстилися на такое дело” [РИБ. Т. 13. 770–771]. Автор Сказания пользуется суеверным рассказом Повести 1606 года о бесовских играх над трупом самозванца и переносит его черты на убийц царевича (ИПБ. Погодинское собрание. № 1617. Л. 6 об.–7; Рукопись имп. Публичной библиотеки. Погодинск. Q.IV.234. Л. 6 об.–7 об.). Заимствует он, кажется, кое-какие подробности и из Нового летописца (Рукопись по Никонову списку. Ч. VIII. С. 18); но не решаемся утверждать этого категорически.

¹⁸⁸ Имп. Публичной библиотеки рукопись. Погодинск. № 1617, л. 12; рукопись Q.IV.234, л. 19–19 об.

¹⁸⁹ Имп. Публичной библиотеки рукопись. Погодинск. № 1617. Л. 12 об. – 14; рукопись Q.IV.234. Л. 21 об.–23 об.; *Бычков*. Описание. С. 409–410; *Карамзин*. ИГР. Т. 10. Примеч. 366. В данном случае автор распространил известие Повести 1606 года (Иное Сказание... С. 29–30) [РИБ. Т. 13. Стб. 51, 787–789].

¹⁹⁰ Имп. Публичной библиотеки рукопись. Погодинск. № 1617. Л. 14–15 об.; рукопись Q.IV.234. Л. 24–25, 27 (листы этой последней рукописи спутаны). Автор говорит, что по смерти мужа царица Ирина Федоровна держала скипетр “полтора года”. Борис же ее именем приказывал избрать себя на престол, хотя сестра и не благословляла его на царство. “И целый год он царем не сидел на царском престоле, понеже сестра его не благословила и не дала царского посоха”. Вот до какой степени доходит историческое невежество автора Сказания.

¹⁹¹ Имп. Публичной библиотеки рукопись, Погодинск. № 1617. Л. 16; рукопись Q.IV.234. Л. 26, 28; *Бычков*. Описание. С. 410.

¹⁹² Имп. Публичной библиотеки рукопись. Погодинск. № 1617. Л. 22 об.–23 об.; рукопись Q.IV.234. Л. 41–42; *Карамзин*. ИГР. Т. 11. Примеч. 351.

ле самозванца избить бояр¹⁹³ и, наконец, заключает свой труд баснословнейшим рассказом о гибели Лжедмитрия¹⁹⁴.

Исторического значения Сказание, конечно, иметь не может¹⁹⁵; значение же историко-литературное, без сомнения, имеет. Исследователь не будет пользоваться показаниями этой сплошной легенды, не сверив их с ее источниками. Но он с интересом отнесется к литературным приемам баснословного повествования: в Сказании до мелочей можно проследить отношение легенды к ее фактическому материалу и можно таким образом воссоздать процесс того творчества, каким история превращается в сказку.

Обращаясь к произведениям, механически соединявшим отрывки разных повестей и сказаний о Смуте, мы ограничимся только перечнем их и указанием их источников. Перечень наш не может быть полным уже потому, что нет возможности собрать все списки хронографов и поздних летописцев, в которых находятся компилятивные рассказы о Смуте. Нет возможности, кроме того, установить в списках нам известных какие-нибудь точные типы компиляций: каждая рукопись имеет свои отличия, и даже повествование о Смуте Хронографов 3-й редакции распадается на большее число разрядов, чем те три, какие старался установить А.Н. Попов. С этих хронографов и начнем наш перечень.

---

¹⁹³ Имп. Публичной библиотеки рукопись, Погодинск. № 1617, л. 23 об.–24, 26 об.–27 об.; рукопись Q.IV.234, л. 42 об.–43 об., 49–51. В рассказе о возвращении ссыльных автор воспользовался, кажется, Хронографом 1617 года (Изборник. С. 193–194): только из этого Хронографа мог он взять известие, что Филарет был назначен в Ростов при самозванце [РИБ. Т. 13. Стб. 812–813, 1294]. О избивении же бояр говорил он, очевидно, на основании не раз нами упоминавшихся речей Бучинских.

¹⁹⁴ Объем этого рассказа не позволяет привести его целиком (Имп. Публичной библиотеки рукопись, Погодинск. № 1617. Л. 29–30; рукопись Q.IV.234. Л. 54–54 об.) [РИБ. Т. 13. Стб. 825–829]. Содержание его вкратце таково: когда “всем омерзело” поведение Расстриги, москвичи призвали в Москву В.И. Шуйского и других бояр и “градских людей”: все они были разосланы в заточение и ссылку самозванцем. Когда все съехались, то москвичи всем городом “придоша обличать его (самозванца. – С.П.) на царский двор”. Услыша шум, Лжедмитрий тотчас приготовился к обороне и послал по городу собирать своих приверженцев. Но вместе с тем он “узнал свою погибель и нача непрестанно посылать из царских полат и спрашивать: кой час и котораго часу четверть? И безпрестанно сидит за своею еретическою книгою, и дожидаетца своего смертнаго часу, и повелел запереть вси двери полатные накрепко”. Однако москвичи с В. Шуйским во главе “вырубиша двери”, нашли самозванца и “камением ево, проклятого еретика, побивша”. Ясно, с какою прихотливою сказкою мы имеем дело.

¹⁹⁵ Помимо легендарности повествования, Сказание не заслуживает доверия и внимания исследователя как памятник поздний. Оно основано на Милютинском житии, которое само возникло довольно поздно. Все его известные списки относятся к XVIII в., и язык памятника уже не похож на язык ранних повестей о Смуте. С большим вероятием поэтому можно относить Сказание к концу XVII в.

1) Хронографы 3-й редакции. “То, что мы называем третьей редакцией – говорит А.Н. Попов, – характеризуется переделкою, по новым источникам, самой важной исторической части Хронографа, – в русских статьях от царствования Феодора Ивановича до воцарения Михаила Феодоровича”¹⁹⁶. Русские статьи в третьей редакции составлялись по трем источникам: Хронографу 1617 года, Сказанию Палицына и Иному Сказанию. Отрывки этих произведений, взятые почти всегда дословно, присоединялись один к другому и составляли одно повествование, цель которого заключалась в возможно подробном описании событий. А.Н. Попов до последних мелочей проследил характер и порядок заимствования Хронографов из этих источников, и к его труду мы с своей стороны не можем прибавить ничего¹⁹⁷. Но нельзя не заметить, что сам же Попов дал основание заподозрить справедливость своего деления 3-й редакции на три только разряда. Он с особенным вниманием остановился на так называемом Мухановском хронографе и заметил, что он заключает в себе “важные варианты” сравнительно с третьим разрядом 3-й редакции¹⁹⁸. Действительно, Хронограф Муханова отличается от всех разрядов, указанных Поповым, хотя и составлен по тем же трем источникам, как и прочие разряды¹⁹⁹. Мы могли бы поэтому назвать его четвертым разрядом 3-й редакции Хронографа.

2) Хронограф императорской Публичной Библиотеки F.IV.165, возникший не ранее половины XVII в.²⁰⁰, представляет собою попытку изложить историю Смуты по Хронографу 1617 года, Повести Катырева-Ростовского и грамоте

---

¹⁹⁶ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 147.

¹⁹⁷ Там же. С. 150–173, 173–198, 198–214; Изборник. С. 213–246, 257–281. Очень редкие дополнения к источникам, сделанные в первом разряде 3-й редакции, все указаны Поповым (Обзор. Вып. 2. С. 152; Изборник. С. 215, 216–218, 239). Отрывки Хронографа 3-й редакции издали, кроме Попова: граф Раstopчин (*Раstopчин. Сказания.* С. 79–132. Ср.: Попов. Обзор. Вып. 2. С. 198–199. № 4 и № 5) и И.Д. Беляев (Иное сказание... С. 81–146; по рукописи из собрания Ундольского. № 725).

¹⁹⁸ Мухановский хронограф – в рукописях Археографической Комиссии, № 142 (XVIII в., в лист, 895 л.). Отзыв о нем Попова: ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. IV. С. 158–159.

¹⁹⁹ В Мухановском хронографе глава о царствовании Феодора Ивановича начинается первыми словами Повести 1606 года, тогда как третий разряд пропускает эти слова. После статьи третьего разряда “о чудеси, бывшем во царство Василия царя”, вставлены 66, 67, 68 и 71-я главы [по 2-му изданию] Сказания Палицына. После статьи “о Гермогене патриархе” вставлены 69 и 70-я главы Палицына (см.: Попов. Обзор. Вып. 2. С. 207, 212, 213). Таковы, между прочим, отступления Мухановского хронографа от третьего разряда 3-й редакции, с которым думает его сблизить А.Н. Попов.

²⁰⁰ Попов. Обзор. Вып. 2. С. 258; Изборник. С. 404–412.

Шуйского о первом самозванце. Его глава “о Ростриге” есть собрание отрывков из всех этих источников. Глава “царство Ростриги” начинается по Хронографу, продолжается изложением грамоты Шуйского и кончается опять отрывками Хронографа²⁰¹. Глава “царство царя Васлия” после вступительной фразы из Хронографа излагает ту же грамоту Шуйского; дальнейшее же повествование заимствовано уже исключительно из Хронографа 1617 года.

3) Погодинский сборник № 1578 заключает в себе краткую летопись, статьи которой о Смуте сокращенно излагают “Сказание, еже содеяся”, дополняя его отдельными фразами Сказания Палицына²⁰².

4) Погодинский сборник № 1616 кроме разобранного уже нами рассказа о событиях Смуты, одинакового с Погодинским хронографом № 1465, содержит в себе еще одно повествование о Смуте под не совсем точным названием “О убиении благоверного царевича великаго князя Димитрия”²⁰³. Начало повествования – по Сказанию Палицына; затем следуют отрывки какого-то оригинального произведения, известные Карамзину, – о голоде при Борисе Годунове²⁰⁴. Прочее же повествование составлено по краткой редакции “Сказания, еже содеяся”. Отступление от нее только одно – в оригинальном известии о ссылке Годуновых при самозванце²⁰⁵.

5) Отрывок Соловецкого хронографа о ссылке Романовых²⁰⁶ состоит в первой половине из пересказа слов Авраамия Палицына, а во второй – повторяет известия Нового летописца, видоизменяя их форму²⁰⁷. Оригинальны неизвестно откуда взятое показание о смерти Льва Романова и панегирик Филарету²⁰⁸.

---

²⁰¹ Изборник. С. 406–410, 192–194; ААЭ. Т. 2. № 48; Иное сказание... С. 42 и след. [РИБ. Т. 13. Стб. 73].

²⁰² Рукопись имп. Публичной библиотеки, XVII в., в 4-ку, 174 л., л. 95–119. Отрывки приведены А.Ф. Бычковым (*Бычков. Описание. С. 155–157*). (Фразы Палицына на с. 156: “тако ж Рострига и по граду всегда со многим воинством...”, “И преж спряжения браку...” ср.: Сказание Палицына. С. 26, 28) [РИБ. Т. 13. Стб. 991–992, 993].

²⁰³ Рукопись имп. Публичной библиотеки, XVIII в., в 4-ку, 385 л., л. 76–97. Отрывки приведены А.Ф. Бычковым (*Бычков. Описание. С. 468–470. § 4*).

²⁰⁴ Л. 77 об.–78 об. (*Бычков. Описание. С. 468; Карамзин. ИГР. Т. 11. Примеч. 164, 168. Карамзин брал эти показания из незнакомой нам “Повести о злом еретике Гришке Отрепьеве”*. Интерес отрывков о голоде в том, что они писаны очевидцем: “то бо мы сами видехом своима очима” (у Карамзина: “та бо емь аз видех своима очима”)).

²⁰⁵ Л. 86 (*Бычков. Описание. С. 460*).

²⁰⁶ Изборник. С. 437–438 и Предисловие (подобная же статья в рукописи графа Ф.А. Толстого, Отд. I, № 67).

²⁰⁷ Сказание Палицына. С. 8 [РИБ. Т. 13. Стб. 975]; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 44.

²⁰⁸ Еще один летописный отрывок о том же времени Бориса Годунова был издан И.Д. Беляевым (Архив историко-юридических сведений, относящихся до

6) Сборник императорской Публичной библиотеки Q.XVII.159 заключает в себе не имеющий заглавия и замечательный по отсутствию системы рассказ о смерти и погребении царя Феодора, о появлении самозванца и затем о следствии по поводу смерти царя Димитрия. Все изложение буквально следует Житию царя Феодора и Новому летописцу. Некоторому сокращению подверглись только подробности погребения царя Феодора²⁰⁹.

7) История, како грех ради наших попусти Господь Бог праведное свое наказание от конец до конец всея России, и т.д.²¹⁰ Это – описание всей Смутной эпохи, составленное на основании Хронографа 2-й редакции, Палицына и Иного Сказания. Есть основание думать, что автор пользовался показаниями своих источников уже в передаче 3-й редакции Хронографа, потому что приводит одно из тех редких известий, которое составитель 3-й редакции присоединил к своим источникам²¹¹. За рассказом о Смуте в Истории следуют погодные известия о времени последующем, до царствования царя Алексея.

8) Морозовский летописец²¹², благодаря частым ссылкам на него Карамзина, получил значительную известность и обратил на себя внимание и других историков Смуты²¹³. На самом же деле значение этого памятника для истории Смутной эпохи ничтожно: он представляет собою компиляцию, бесхитростно соединившую отрывки Повести Катырева, “Сказания, еже содеяся”, “Сказания о царстве государя и великого князя Феодора Ивано-

---

России. М., 1850. Т. 1. Отд. VI. С. 30–31). Беляев ошибочно думал, что издавал неизвестный текст: приведенные им известия почти дословно заключаются в Сказании Палицына (С. 8 и 20) [РИБ. Т. 13. Стб. 975, 986].

²⁰⁹ Рукопись XVIII в., в 4 долю, 71 л., л. 58–69 об. Заимствования идут в таком порядке страниц Никоновой летописи: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 347, 350, 352–355, 355–357; Ч. 8. С. 54–57, 17–20.

²¹⁰ Рукопись графа Уварова (из собрания И.Н. Царского, № 415), в 4 долю, XVII в. (около 1661 г.), 124 л., л. 76–101. Нач.: “Благочестивому и храброму во царех...”

²¹¹ Л. 76 об. (Изборник. С. 215 – об отравлении Григория Васильевича Годунова).

²¹² Список, кажется, единственный находится в имп. Публичной библиотеке, F.IV.228, в лист, 140 л.; рукопись принадлежала купцам Морозовым, а затем графу Ф.А. Толстому (Отд. I, № 447), от которого и имел его Карамзин (*Карамзин*. ИГР. Т. 9. Примеч. 328). Карамзин относил рукопись к XVII в.; Строев же и Калайдович относили к XVIII (Второе прибавление к Описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке... графа Ф.А. Толстого. СПб., 1825. С. 17–18). Первая половина рукописи занята кратким летописцем, вторая (л. 74 об. – 140) – описанием Смуты.

²¹³ На Морозовский летописец делали указания С.М. Соловьев (*Соловьев*. История. Т. 7. Примеч. 79, 82, 127) и Бутурлин (*Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII ст. Ч. 1. С. 8, 78, 277).

вича” и Сказания Палицына. В первой части рассказа о Смуте при описании царствования Феодора, Бориса и Лжедмитрия автор пользовался всеми этими источниками, причем поступал так: переписывая известие одного памятника дословно, на полях страницы присоединял к нему известие другого писателя также в дословной передаче. В этом собрании отрывков наибольшее место занимают баснословные сказания, свидетельства же Катырева и Палицына только дополняют их рассказ²¹⁴. При описании же царствования Шуйского и дальнейшей Смуты (до освобождения Москвы) составитель прямо списал Повесть Катырева без всяких дополнений. Карамзин, не знавший ни Повести Катырева, ни “Сказания о царстве” и пр., имел полное основание смотреть на Морозовский летописец с большим интересом; в настоящее же время такого основания нет.

9) Летописец императорской Публичной библиотеки F.XVII.17²¹⁵ представляет собою подобную Морозовскому летописцу попытку соединить повествование различных источников, сопоставляя иногда их показания рядом в виде отдельных рассказов об одном и том же факте. В основание Летописца положены статьи Хронографа 1617 года и дополнены известиями Нового летописца и Авраамия Палицына. Между прочим, составитель Летописца сохранил нам в кратком пересказе неизвестное Сказание о небесном знамении 1613 г.²¹⁶; других же дополнений к источникам он, насколько можем судить, не сделал.

10) Рукопись Императорской Академии наук

---

²¹⁴ Дополнений, не заключающихся в названных нами источниках летописца, почти нет. Мы успели заметить только, что в Летописце очень распространено простое известие Палицына о том, что Марфа Нагая “прельстилась” и назвала самозванца сыном (Сказание Палицына. С. 24 [РИБ. Т. 13. Стб. 989]; Морозовский летописец. Л. 109 об.). Кроме того, составитель Летописца внес ту самую обличительную речь Гермогена по поводу женитьбы самозванца, которую привавил Шаховской к данным Катырева и которую мы привели целиком при разборе Повестей Шаховского в IV главе (Морозовский летописец. Л. 116). Наконец, любопытна следующая приписка составителя Летописца: “Старья люди говорят, яко на Красной площади (в Москве. – С.П.) были десять церквей и наречены были Пятницы. И от простых поселянских жен, приходяще к Москве из сел, молящеся им, и от того обыкоша говорити: осмая, и девятая, и десятая пятница”.

²¹⁵ Рукопись из собрания графа Толстого (Отд. I, № 198), XVII в., в лист, 483 л.; Летописец на л. 267–483. Им пользовался Соловьев (*Соловьев. История*. Т. 8. Примеч. 60).

²¹⁶ Л. 471: «Обретохом же негде в особных писаниих предивное сие знамение 121 (1613) году, июля в “ ” день, на исходе 17 часу дни...» Знамение состояло в том, что на солнце напали два зверя “зраком яко змий велик” и “яко медведь великий”. Они рвали солнце на куски и уже едва не истребили его совсем, но, наконец, исчезли, и солнце засияло по-прежнему. Ясна аналогия солнца с погибавшей и только что ожившей Москвой, но прямого толкования знамения в Летописце нет.

№ 46²¹⁷ является очень интересным памятником, в котором видно стремление собрать данные для истории всего XVII в. Начинается повествование описанием московского разорения, освобождения Москвы и царствования Михаила. Оно взято целиком из позднейшего извода Нового летописца²¹⁸. Затем, после кратких замечаний о времени царей Алексея и Феодора, помещены Записки Сильвестра Медведева. К показаниям Нового летописца нет решительно никаких дополнений²¹⁹.

Этими замечаниями мы и можем закончить нашу речь о компилятивных произведениях²²⁰. Переходим к последнему виду памятников, касающихся истории Смуты, — к сказаниям местным.

---

²¹⁷ Рукопись XVIII в. (не позже 1761 г.), в лист, 10 + 186 л. (см.: Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии прилежащим и в Академической библиотеке находящимся ... / Сост. Соколов. СПб., 1818. С. 16).

²¹⁸ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. С. 144–190 (с главы 161-й и до конца).

²¹⁹ Любопытно, что и та рукопись, с которой издал князь Оболенский свой Новый летописец, имела такой же приблизительно состав, как и рукопись Академии наук, с тем только различием, что в ней заключался весь текст Нового летописца (Там же. Предисловие. С. III).

²²⁰ Круг известных нам сколько-нибудь любопытных произведений будет исчерпан, если мы укажем на две рукописи, исследовать которые с желаемой точностью нам не пришлось. Обе они принадлежат имп. Публичной библиотеке. Первая (Погодинск. № 1624) описана А.Ф. Бычковым (*Бычков. Описание*. С. 411–415. § 13) и повествует о Смуте на основании Жития царя Феодора и Сказания Палицына. В другой же (Q.IV.139, или, по каталогу Ф.А. Толстого, Отд. II, № 101) находится краткий “Летописец великия земли Российския”, доведенный до 1700 г.: его повествование о Смуте довольно кратко и составлено по хронографам и Сказанию Палицына, на которое делаются прямые указания (л. 316). Из этого Летописца взят рассказ протопопа Терентия о видении 1606 г., напечатанный в Летописи занятий Археографической комиссии (О видении некоего мужа // ЛЗАК. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. II. С. 52–56) [Когда книга была уже напечатана, автору удалось ознакомиться с составом рукописи Имп. Академии наук № 62 (XVIII в., в лист, 57 л.). Она озаглавлена так: “Петра Крекшина повествование о царе Борисе Годунове” и заключает в себе компилятивный рассказ о времени от воцарения Бориса до свержения Лжедмитрия, составленный из отрывков Повести 1606 года (преимущественно), Сказания Палицына и Хронографа второй редакции (См.: *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. Предисловие к Запискам П.Н. Крекшина. С. 3)]. Кончая нашу речь о второстепенных трудах по истории Смуты, не можем не упомянуть о труде переводном. В конце XVII в. на русский язык переведена была польская Хроника бискупа Павла Пясецкого (с конца XVI в. по 1637 г.), и перевод ее сохранился в рукописи имп. Публичной библиотеки F.IV.163 (из собрания графа Ф.А. Толстого, Отд. I, № 17). С этого списка отрывки Хроники изданы Имп. Обществом любителей древней письменности под редакцией архим. Леониды (Смутное время и московско-польская война от появления первого Самозванца из Польши в 1604 году до Деулинского перемирия 1618 г.: Из славянского перевода хроники Перемышльского бискупа Павла Пясецкого. СПб., 1887 (ПДП. Вып. 68)).

III. О местных сказаниях, повествующих о Смуте, мы можем предложить лишь самые краткие заметки. Нам не удалось ознакомиться со всеми их списками, известными по описаниям библиотек и древлехранилищ. Поэтому подбор текстов, бывших в нашем распоряжении, довольно случаен, и нельзя ручаться, что нам удалось исчерпать весь археографический материал этого рода. С другой стороны, изучение многих из местных сказаний затрудняется самым свойством их содержания: для надлежащего уразумения его необходимо знакомство с местной топографией и историей, которое не всегда в средствах исследователя. Вот почему мы сознательно придавали лишь второстепенное значение в нашем труде тем известиям о Смуте, которые или повествуют о событиях, имевших только местный интерес, или носят на себе отпечаток местного творчества.

Обилие известий о Смуте находим мы в Новгородских летописях. Наряду с простыми летописными заметками о фактах Смутного времени²²¹, находятся здесь и отдельные сказания. Таково в “Летописце новгородском церквам Божиим” сказание О взятии великаго Новагорода от немец, отмеченное печатью правдивости и, очевидно, раннее²²². К нему приписана статья О взятии Новгородском и о послех, дословно заимствованная из Нового летописца²²³. В том же “Летописце церквам Божиим” помещено и Сказание

---

²²¹ Такие заметки внесены в “Краткий летописец новгородских владык” (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 187; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 149–150) и в “Летописец новгородский церквам Божиим” (ПСРЛ. Т. 3. С. 264; Новгородские летописи. С. 350–351). Не можем считать особенно пригодным историческим источником Дворищенского летописца, делающего ссылки на исторические труды прошлого века (Новгородские летописи. С. 449–456 и особенно 455, 470–475, и особенно 474).

²²² ПСРЛ. Т. 3. С. 264–266; Новгородские летописи. С. 352–355.

²²³ ПСРЛ. Т. 3. С. 266–267; Новгородские летописи. С. 355–357; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 168–170. Нет никакого основания думать, чтобы эта статья была перенесена в Новый летописец из Новгородского свода. Начало ее (“В то же время...”) совершенно понятно в первом памятнике и непонятно во втором, где уже были рассказаны события более поздние, чем приход шведов на Хутынь: вот почему составитель Новгородского свода и счел нужным вставить от себя слово *как* (“В то же время, как...”). В Новом летописце статья о взятии Новгорода и слогом, и степенью подробности гармонирует совершенно с рядом других известий о новгородских делах. Собиратель же Новгородского свода о штурме Новгорода имел более подробные известия в местном сказании, а к Новому летописцу обратился за сведениями о капитуляции новгородцев и о посольстве их в Швецию: этих сведений он, очевидно, не нашел на месте. Перенос из Нового летописца статью целиком, он оставил в ней все выражения своего источника – и о жителях Новгорода писал “новгородцы” (так называл их посторонний Новгороду автор Нового летописца. – С.П.), а раньше он выражался о них иначе: “люде Великаго Новаграда”, “люде христианстии”.

об осаде Тихвинского монастыря в 1613 году, существующее в отдельных списках в более пространном виде. Сличая текст краткого Сказания, занесенного в летопись²²⁴, с текстом пространного, существовавшего отдельно²²⁵, легко замечаем, что они близки между собою. Краткое Сказание написано, по всем признакам, очевидцем Тихвинской осады, очень просто, хотя и литературным языком. Пространное же Сказание переделало рассказ краткого в риторическую напыщенную Повесть, не внесло собственно в историю осады ничего фактически нового, зато стерло многие ценные подробности событий и к изложению осады прибавило вступление, заимствованное из Хронографа 1617 года и Нового летописца²²⁶.

И в Псковских летописях находится много известий о Смутном времени. К так называемой Первой Псковской летописи приписан длинный ряд заметок по годам, то кратких, то переходящих в очень подробные рассказы о местных делах²²⁷. В некоторых же списках этой летописи взамен рассказа по годам находим отдельные сказания о Смуте. Первое из них — О прежнем пришествии немецком и о нынешнем

²²⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 267–273; Новгородские летописи. С. 357–373.

²²⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 283–305 и 206; Новгородские летописи. С. 405–448 и XX–XXI (здесь текст полнее). Списки в имп. Публичной библиотеке: Погодинск. № 1601, XVII в., в 4-ку, 147 л., л. 88–120 и рукопись Погодинск. № 1619, XVII в., в 12 долю, 176 л., л. 96–176 (*Бычков*. Описание. С. 238–239, 397; Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 9. С. 137–138). Это Сказание составлено в 1658 г. Иродионом Сергеевым, иконником, вероятно, Тихвинского монастыря (Новгородские летописи. С. XXI. Впрочем, существует мнение, что в 1658 г. Сказание было только переписано с более ранней рукописи: Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего в новгородской епархии в г. Тихвине. СПб., 1859. С. 16–31, примеч. 19).

²²⁶ Ср.; Изборник. С. 197 и 203 [РИБ. Т. 13. Стб. 1302–1303 и 1318–1319], с первой статьей Сказания (“Всякое слово побеждается...”) и с главой его “О приятии царствующего града Москвы” (ПСРЛ. Т. 3. С. 283–284, 285; Новгородские летописи. С. 405–407, 408: главы 25 и 27). Ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 168–169 и главу Сказания “О взятии Великаго Новаграда” (ПСРЛ. Т. 3. С. 284–285; Новгородские летописи. С. 407–408: глава 26). Все дополнения пространного Сказания к краткому носят характер риторический или агиографический. Только в главах 28 и 29 (ПСРЛ. Т. 3. С. 285–286; Новгородские летописи. С. 408–411) находим фактические добавления из источника, нам неизвестного (ср.: Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 205, 208).

²²⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 321–332. Псковская летопись. М., 1837. С. 213–235. Можно думать, что первоначально этот извод Первой Псковской летописи кончался известием о сожжении Москвы в 1611 г. и словами “Царства царя Василья полчетверта лета” (ПСРЛ. Т. 4. С. 322). Это видно из того, что последующие известия снова возвращаются к царю Василию и говорят о нем уже подробнее. В другом изводе Первой Псковской летописи (о нем см.: ПСРЛ. Т. 4. С. 171, 307, 342–345; Т. 5. С. 49–74) погодные заметки заменены рядом отдельных сказаний, о которых речь ниже.

на Новгородскую землю – включает в себе ряд очень беглых заметок касательно Смутного времени и интересный рассказ о военных действиях под Псковом в 1615 г.²²⁸. Другое – О нашествии Литвы на Печерский монастырь во Псковской области – представляет собою, вероятно, извлечение из полной Повести о Псково-Печерском монастыре, с составом которой нам не удалось ознакомиться²²⁹. Далее, в Первой Псковской летописи следуют два известных сказания, достаточно характеризованных С.М. Соловьевым²³⁰. Сказание О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России²³¹, обнаруживает в своем авторе псковича низших классов общества, писавшего о московских событиях “по стоустой молве народной”, как выражается Соловьев. Он внес в свое повествование много басен, примером которых может служить его рассказ о свержении Шуйского. Явная противобоярская тенденция и довольно позднее происхождение Сказания, писанного далеко не в самую Смуту²³², вместе с его баснословностью не позволяют придавать большую цену его показаниям. Сказание о смятении, междоусобии и отступлении псковичь от Московскаго государства²³³ более предыдущего занимается местными делами и в своих сообщениях часто сближается с текстом другого извода Первой Псковской летописи. Нельзя, однако, проследить прямой литературной связи между обоими памятниками. Как уже выяснил С.М. Соловьев, они отличаются друг от друга основною точкой зрения. В то время как автор погодных заметок отличался беспристрастием, автор “Сказания о смятении” и пр. был настроен против “смердов самовластия”, не раз наступавшего во Пскове, и держал сторону “нарочитых мужей” псковских. И с литературной стороны он был самостоятелен: хотя его Сказание знает факт 144 (1636) г.²³⁴ и, стало быть,

---

²²⁸ ПСРЛ. Т. 5. С. 51–54.

²²⁹ Повесть о Псково-Печерском монастыре издана под названием: “Повесть о начале и основании Печерского монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранительнице онго монастыря” (2-е изд. Псков., 1849). Но в ней нет статей, касающихся Смуты. О рукописных текстах, составе и происхождении Повести см.: *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых...* С. 249–250 и 315–316; *Строев. Словарь*. С. 378–380; Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 9. С. 139.

²³⁰ *Соловьев. История*. Т. 9. С. 428–431 и 431–436.

²³¹ ПСРЛ. Т. 5. С. 55–66.

²³² Последнее известие Сказания, изложенное с общей тенденциозной точки зрения, касается смерти Марии Долгорукой, жены царя Михаила. Она умерла в 1625 г. (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 658; Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 248); стало быть, ранее этого года не могло быть написано Сказание.

²³³ ПСРЛ. Т. 5. С. 66–73.

²³⁴ Там же. С. 73.

поздно приняло окончательную редакцию, однако в нем можно найти много впечатлений очевидца, записанных совершенно независимо от погодных заметок, названных нами.

В так называемой Повести о явлении чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы, иже нарицается Курская²³⁵, находим стремление составить историю города Курска с его основания. Несколько глав этой истории посвящено и общерусским событиям в Смуту. Из них только две главы (“О взятии сего образа из града Курска во град Путивль” и “О нашествии на сию страну гетманов” и т.д.)²³⁶ дают несколько новых, хотя и скудных черт для истории первого самозванца и для московско-польской войны 1618 г. Остальные же подробности о Смуте заимствованы у Авраамия Палицына²³⁷, на которого ссылается сам автор, и из Хронографа 1617 года²³⁸.

Если мы помянем еще Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую²³⁹, отрывки из Угличского летописца²⁴⁰, Сказание о разорении Пафнутьева монастыря²⁴¹ и Летописцы Двинский и Нижегородский²⁴², то исчерпаем все тексты местных сказаний о Смуте, какие были в наших руках. Еще раз решаемся повторить, что не смотрим на наш перечень как на полный свод того местного материала о Смуте, которым в настоящую минуту может располагать наша историография.

---

²³⁵ Москвитянин. 1843. Ч. 5. № 9. С. 138–139. Списка, принадлежавшего Погодину, мы не знаем и пользовались списком имп. Публичной библиотеки Q.IV.10 (из собрания графа Ф.А. Толстого, Отд. V, № 13, нового письма, в 4-ку, 112 л.). Другой список в библиотеке графа Уварова (из собрания Царского, № 548, в 4-ку, 1744 г., 133 л.).

²³⁶ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.10. Л. 51–52, 68 об.–80.

²³⁷ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.10. Л. 60 об.: “в книзе списано о сем троицкаго келаря Авраамия Палицына”.

²³⁸ Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.10. Л. 33: “А ржи четверть купили...” Изборник. С. 190. [РИБ. Т. 13. Стб. 1285].

²³⁹ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 187. Стб. 793–814.

²⁴⁰ Ярославские епархиальные ведомости. 1867. Часть неофициальная. № 9–21. С. 70–168. Рукопись имп. Публичной библиотеки, Q.XVII.54, конца XVIII в., в 4-ку, 48 л., л. 1–32. Оба текста не дают точного понятия о настоящем составе и времени происхождения Летописца.

²⁴¹ ДРВ. М., 1789. Ч. 11. С. 419–422. Составитель ошибочно отнес событие к 1606 году (вместо 1610) и невежественно соединил два отрывка Нового летописца о Тушинском воре и Лжепетре (Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 136–137 и 87–88).

²⁴² Двинский летописец // ДРВ. М., 1791. Ч. 18. С. 1–71 (статьи о Смуте на с. 16–22). Нижегородский летописец, напечатанный первоначально в том же томе ДРВ (с. 72–94), издан отдельно А.С. Гациским (Нижегородский летописец / Работа А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. Известия о Смуте на с. 36–50).

〈Заключение〉

Ряд литературных памятников, характеризованных выше, свидетельствует о высокой степени внимания к событиям Смуты со стороны московского общества XVII в. Изображению и объяснению этих событий было посвящено в XVII в. до тридцати, если не более, произведений, отмеченных полною литературною самостоятельностью; число же компилятивных описаний Смуты не поддается точному определению благодаря бесконечным, иногда очень мелким вариациям в выборе и размещении заимствованного материала. Сама по себе одна численность литературных произведений о Смуте способна привлечь внимание исследователя древней письменности; а разнообразие внешних приемов и задач, богатство историко-литературного содержания и творческих мотивов придают сказаниям и повестям о Смуте значение довольно крупного литературного факта в истории XVII в.

В цели настоящего исследования не входило, однако, полное изучение памятников с их литературной стороны. Сказания о Смуте служили и служат до сих пор гораздо более источником исторических сведений, чем предметом историко-литературных наблюдений. Это обстоятельство налагало на исследователя обязанность определить прежде всего степень исторической достоверности сказаний. Литературная характеристика произведений вводилась в исследование лишь настолько, насколько она помогала уяснить общий характер и ценность фактических показаний того или другого памятника. Поэтому и заключительные замечания о разобранном материале не дадут его полной оценки с точки зрения истории литературы. В них может заключаться только вывод о значении разбираемых памятников для истории Смутного времени.

Историку древнерусские сказания о Смуте могут служить или своею фактическою стороною, или теми взглядами на события, какие в них высказаны. Нет, конечно, возможности ни оценить правдивость каждого отдельного известия сказаний, ни предусмотреть, какую стороною этого известия станет дорожить будущий исследователь Смуты. Зато возможно установить общее представление об исторической пригодности всего разбираемого материала на основании уже произведенного анализа его отдель-

ных частей. Чтобы яснее выразить это представление, должно припомнить некоторые частные замечания, сделанные выше по поводу отдельных памятников.

Разбор наиболее ранних произведений, написанных в Смуту, показывает что ее современники мало думали о передаче в потомство замечательных событий своего времени. Публицистические задачи в одних произведениях, обличение грехов и благочестивая мораль в других – далеко отводили писателей от спокойного и систематического изображения их эпохи. Взять один или несколько фактов современной жизни, объяснить и обсудить их с точки зрения своей партии или с точки зрения личного отвлеченного мировоззрения – вот обычный прием писателя Смутного времени. Автор Повести 1606 года и автор подметного письма 1610–1611 г. кажутся политическими деятелями, а не историками. Протопоп Терентий с своим новгородским подражателем и составитель “Плача о разорении Московского государства” выступают с проповедью покаяния, с обличением общественных грехов. Одинок стоит среди ранних писателей благочестивый автор Повести о перенесении мощей царевича Димитрия: он заботится о простом описании фактов, но и он рисует их агиографически, а не исторически. При таком характере ранних произведений о Смуте историк может пользоваться их скудными фактическими показаниями не иначе, как исправляя угол зрения автора путем сравнения его труда с более объективными историческими свидетельствами.

И по окончании Смуты не сразу наступило время для ее истории. Если в 1616–1617 г. автор второй редакции Хронографа и сумел иногда возвышаться до объективно-прагматического изложения фактов Смуты, зато он был очень краток в своих характеристиках и отзывах. Другие же труды о Смуте, написанные вскоре после ее окончания, – Временник Тимофеева и Сказание Палицына – отличаются теми же чертами, как и современные Смуте памятники. Ни у Тимофеева, ни у Палицына нет стремления собирать подробности происшедших на их глазах бедствий; оба писателя ищут объяснения этих бедствий, изображают причины Смуты и ставят события в прагматическую связь, не описывая их шаг за шагом. Тимофеев более выдержал такой способ изложения; в книге же Палицына, представляющей сборник разновременных статей, литературные приемы изменяются не один раз. Старец Авраамий из обличителя-моралиста превращается в скромного историка своей обители и слагает панегирик ее святым; затем, возвращаясь на прежнюю точку зрения и обсуждая факты общественной жизни, он пишет апологию своей собственной деятельности. Оба писателя сообщают много фактов, еще больше личных

мнений; оба они дают значительный материал для историка. Но в этом материале, точно так же, как в более ранних трудах, исследователь должен прежде всего принимать во внимание личность автора с его индивидуальными и партийными интересами; он должен помнить, что имеет дело не с летописцем, а с общественным деятелем и мыслителем, далеким от задач спокойного историка.

Так, из произведений ранних ни одно не может быть названо трудом историческим или летописным. Ни в одном современная наука не может найти бесхитростного изображения фактов на память грядущим поколениям. Если же и находится в каком-нибудь памятнике подобное изображение, то оно далеко не всегда построено на личных наблюдениях автора: официальные источники частных сказаний можно иногда показать с достоверностью. Ясно, что подобного рода литературные произведения пригодны более для характеристики литературных мнений и движения общественной мысли в Смуту, чем для истории внешних фактов Смутного времени.

Попытками дать объективное изложение событий Смутной эпохи следует считать произведения, появившиеся несколько позже трудов Тимофеева и Палицына. У Хворостинина, Катырева-Ростовского, авторов Нового летописца, Рукописи Филарета и других более мелких произведений стремление описать факт играет преобладающую роль. Личные взгляды и цели этих писателей мало заметны. Новый летописец местами превращается даже в собрание мелких заметок, не только лишенных всякой внутренней связи и литературной формы, но и противоречащих друг другу. Однако объективность изложения в этих памятниках не всегда может быть ручательством точности и искренности их показаний. Если нет в них публицистических выходов, если исчезла уже страстность моральных поучений, то превзошли другие элементы творчества и явились новые точки зрения.

Писатели не ограничивали своих задач отрывочным хронологическим описанием событий, а стремились придать своим трудам форму цельного повествования со всеми условностями литературных приемов своего времени. В Рукописи Филарета можно видеть любопытные образцы того, как простая запись о событии безжалостно переделывалась в напыщенное риторическое повествование. Простой склад раннего Сказания об осаде Тихвинского монастыря не удовлетворил литературным требованиям своего времени, и Сказание было переработано в более витиеватый, но менее фактический рассказ. В развитии исторического творчества XVII в. повторялось, словом, то же явление, какое В.О. Ключевский подметил в литературе древних житий.

Условная правильность внешней литературной формы была писателям дороже исторической точности, и поэтому фактами поступались очень легко, если этого требовала риторическая красота изложения. Мы можем только удивляться тому, с какой сдержанностью относились к изображению Смуты Хворостинин, Катырев-Ростовский, Шаховской и редакторы Рукописи Филарета. Как мало живых личных впечатлений занесли они в свои труды и как зато послушно следовали литературным требованиям своего времени! Искусственность формы позволяла писателю с большим удобством скрывать факт за фразой, – и необходимо обстоятельное знакомство с личностью и биографией самого автора, чтобы понять, как мало передал он нам из того, что он видел и мог обстоятельно знать. Преобладание литературных требований над собственно историческими задачами объясняет странную на первый взгляд привычку писателей-очевидцев Смуты опираться в своих трудах не на личную память, а на источники. Лучшими примерами в этом отношении могут служить повести Шаховского, который сам жил в Смуту, но предпочел рассказать о ней чужими словами, не прибавив от себя никаких фактических дополнений. Понятно, что подобное преобладание литературной стороны в трудах исторических значительно уменьшает ценность многих сказаний в глазах исследователя. В качестве исторического источника большее значение имеют именно те произведения о Смуте, которые отступали от общего литературного шаблона. Таков отчасти Новый летописец, такова вторая половина Рукописи Филарета, которую не успели подвергнуть стилистической переработке; таковы, наконец, Житие Иринарха и труды Симона Азарьина и Ивана Наседки.

Рядом с литературным элементом вошел в литературу о Смуте и элемент агиографический. Некоторые лица и факты Смуты с первого же упоминания о них в сказаниях стали предметом именно агиографическим. О царевиче Димитрии писали в форме житийной, потому что царевич причислен был к лику святых. Повести о перенесении его мощей слагались в том же житийном стиле. Жизнеописание патриарха Иова составлено было также в виде жития. Даже предание о подвиге Минина записано было Азарьиным в ряду многих чудес преподобного Сергия. Приемы древнерусской агиографии сказались, конечно, на всех подобных произведениях и заменили в них равнодушное бесстрашие летописца теплым чувством благочестивого апологета. Хотя в некоторых житиях (преподобного Иринарха и преподобного Дионисия) религиозная похвала не облеклась в формы искусственного риторического панегирика и не исключила из произведения простых

и ценных исторических свидетельств, тем не менее этим историческим свидетельствам отводилось лишь второстепенное место в общем ходе рассказа.

Наконец, в произведениях о Смуте более поздних замечаем и такое в высшей степени любопытное явление: Смута становится предметом поэтического творчества, на действительных фактах нарастают легенды, и мало-помалу сюжет исторический превращается в эпический. Еще Ф.И. Буслаев в своем этюде “О русской поэзии XVII века” заметил, что лишенная своей мифической основы русская поэзия приняла в XVII в. историческое направление. Справедливость этого общего наблюдения подтверждается и частным литературным фактом – письменностью, посвященной Смуте. Известный Джемсов сборник записанных в 1618–1819 гг. русских песен о лицах Смутной эпохи показывает, как чутко народное творчество искало для себя мотивов в современности и как скоро успевало оно облекать действительность в поэтические образы. “Сказание о рождении князя М.В. Скопина” может служить наглядным примером того, что поэзия книжная рано начала заимствовать у народной не только общий прием отношения к фактам Смуты, но и поэтические детали. Составитель названного Сказания целиком записал народную былинку о смерти Скопина и продолжал свое повествование не менее поэтическим, но более книжным рассказом о погребении героя. И независимо от влияния народного творчества писатели о Смуте очень рано стали вводить в свои труды эпические приемы. Повесть Катыврева, составленная исключительно в книжном стиле, уже давно и недаром была названа поэмой. Внешний строй изложения с обилием эпитетов, с повторением излюбленных фраз и с склонностью к рифме; далее, картины природы, к которым автор так же внимателен, как и к былевым подробностям; длинные речи действующих лиц; чисто эпическая объективность отношения и к друзьям, и к врагам – все эти особенности Повести дают право назвать ее автора скорее поэтом, чем историком. Однако поэтические приемы описания Смуты еще не вели ее современников к созданию легенд. Легенда выростала позже, в то время, когда реальные воспоминания о Смуте стали слабее и не могли уже сдерживать произвольного порыва творческой фантазии. Развиваясь в сфере литературной, легенды о Смуте принимали и литературные формы, выдавались за исторические повествования. В текстах сказаний нередко можно наблюдать различные фазисы в образовании той или другой легендарной подробности. Иногда легендарный элемент вкрадывался в произведения в виде отдельных недостоверных показаний, которые затем получали дальнейшее литератур-

ное развитие. Так, злейший враг Бориса Годунова, автор Повести 1606 года не приписал ему вины в московском пожаре 1591 г.; но уже Тимофеев занес в свой Временник показание, что московский пожар произошел “повелением” Бориса, а немногим позже Катырев кратко объяснил и мотив преступного “повеления”. Во всех этих произведениях нет еще легенды, есть только недостоверный слух. Позже этот слух постепенно развивается в легенду очень обстоятельную. В Милютинском житии царевича Димитрия находится уже подробный и вполне сказочный рассказ о пожаре 1591 г. В позднем же “Сказании о царстве государя и великого князя Феодора Ивановича” вымысел жития окончательно принимает поэтические формы нелепой исторически басни. Точно такой же процесс постепенного наращивания подробностей замечен в рассказах о смерти царевича Димитрия. Отправляясь от официальных показаний, Повесть 1606 года дала очень краткий и скудный фактическим содержанием рассказ о убиении царевича. У других ранних писателей заметна та же краткость и скудость показаний. Только в Новом летописце 1630 г. встречаем более подробное повествование об угличском убийстве, но его частности иногда дышат явною легендой. В половине XVII в. Милютинское житие перерабатывает рассказ Нового летописца и дополняет его новыми недостоверными чертами. А в “Сказании о царстве” и пр. замечен новый прилив легендарных черт, легших на ту же литературную основу, данную Новым летописцем. Одна только “Повесть о убиении царевича Димитрия” стоит в стороне от этого ряда зависимых друг от друга описаний смерти царевича. Остальные рассказы объясняются один из другого, представляя собою различные звенья одного предания, постепенно разраставшегося под пером нескольких книжников. Кроме этого исключительно книжного пути в развитии легенд можно наблюдать и другой путь. Легенда получала окончательный свой вид, так сказать, вне литературы и входила в литературные памятники уже готовою, в качестве дополнения к сухому историческому тексту. В Хронографах Оболенского и Ельнинском, в помянутом “Сказании о царстве” обширные и цельные легендарные повествования привязаны к тексту Хронографа второй редакции, Нового летописца и Милютинского жития и облечены в формы книжной речи. Но ни в одном более раннем литературном памятнике нельзя найти зародышей этих легендарных повествований. Очевидно, что в данном случае легенда возникла и сформировалась в сфере устного творчества, в письменный же памятник попала случайно. Как бы то ни было и где бы ни создавалась легенда, – раз ее заносили в письменный памятник, она становилась историей в

глазах читателя XVII–XVIII вв., пользовалась доверием и охотно воспроизводилась в компилятивных трудах о Смуте.

Итак, в большинстве сказаний о Смуте исследователь имеет пред собою не бесхитростные записи о фактах, не простодушные впечатления очевидцев, а рассказы, отразившие на себе или условные литературные вкусы века, или агиографическую точку зрения, или поэтическое творчество, личное и народное. Понятно, как эта чуждая истории сторона сказаний действовала на общий характер повествования о Смуте в ущерб его простоте и достоверности. В сознании каждого писателя слагалась под разнообразными влияниями известная точка зрения на события, определить которую исследователю безусловно необходимо раньше, чем он воспользуется тем или другим историческим показанием автора. Увеличивая историко-литературный интерес сказаний о Смуте, посторонние элементы творчества, входившие в них, уменьшают значительно историческую ценность их фактических сообщений.

Если фактическая полнота и точность сказаний о Смуте страдала от разнообразных посторонних влияний, то от подобных же причин теряли свою непосредственность и даже искренность взгляды писателей на Смуту в ее целом и частностях. В тех сказаниях, в которых можно наблюдать не только сухой перечень фактов, но и субъективное отношение к ним писателя, – это отношение высказывается не всегда свободно и полно. Общий взгляд на происхождение и развитие Смуты очень рано сложился в московском обществе XVII в. и был усвоен одинаково писателями разных поколений, от автора Повести 1606 года до позднейших компиляторов. Русскому обществу Смута во всех ее проявлениях казалась делом высшего Промысла, руководившего поступками людей во исполнение своих предначертаний. “Не людцкое то дело делало, то сила и рука всемогущаго Бога”, – говорили еще в 1608 г. русские дипломаты польским о воцарении самозванца. “Сия вся содеяшася Божиим промыслом ... а не человеческою хитростью”, – писал позднее по поводу освобождения Москвы автор “Повести о разорении Московского государства”. На этом чисто религиозном воззрении и строились все объяснения Смуты в сказаниях о ней. Смуту считали Господним наказанием за грехи русских людей, а в счастливом ее исходе видели Божью милость, бывшую наградой за раскаяние и обращение к Богу и правде. По вековому представлению древнерусских людей, скорая небесная кара постигала всякий грех – и для того, чтобы объяснить, за что эта кара была послана на Русь в Смуту, необходимо было только указать, какие грехи могли ее вызвать. Именно таким образом и

ставили свою тему Иван Тимофеев и Авраамий Палицын, наиболее обстоятельно излагавшие причины Смуты сравнительно с прочими писателями. Они объясняли читателю, “от ких разлился грех земля наша”, “киих ради грех попусти Господь... свое наказание”. Другой формулы вопроса о происхождении Смуты нельзя найти у писателей XVII в.; в пределах же этой формулы заметно существенное разногласие. В то время, когда одни сказатели думают объяснить происхождение Смуты Божьим возмездием за преступления одного Бориса Годунова, другие не щадят и всего современного им общества, объясняя небесную кару общим падением нравов. Первый взгляд был высказан еще автором Повести 1606 года, полагавшим, что Смута окончилась свержением Лжедмитрия. Изобразив злодеяния Бориса, он появление самозванца признает мстью от Бога одному Борису; свергнув преступника, самозванец, однако, и сам погиб, открыв московским людям возможность счастливой жизни под державою благочестивого царя Шуйского. Несмотря на то что такой взгляд подрывался последующим ходом Смуты, он получил дальнейшее литературное развитие в Повестях князя С. Шаховского. Другой взгляд, обличавший греховность всего русского общества и в ней видевший причину Смуты, возник не позже первого взгляда и пользовался сравнительно с ним большим распространением. Самым ранним литературным его выразителем был протопоп Терентий. С большей полнотою мысли Терентия развиты были в Плаче о пленении Московского государства. Самое же полное выражение этого взгляда дал в своем Временнике Иван Тимофеев. И в Новом летописце заметна та же точка зрения, но уже свободная от публицистической едкости более ранних обличений. Во всех этих произведениях грехи Бориса не выставляются писателями как единственная причина Божьего гнева, а теряются в картине общего нравственного растрепания московских людей. Близок к этому последнему взгляду и Авраамий Палицын, но старец Авраамий местами как будто разделяет и взгляд Повести 1606 года.

Обличая пороки своих современников, писатели о Смуте в некоторых случаях говорили с большим одушевлением и резко откровенностью. Речь протопопа Терентия, Тимофеева и Палицына иногда поражает тою смелостью, с какою она касается внешних авторитетов современного этим писателям общества. Однако отсутствие сдержанности в некоторых случаях и у немногих авторов не дает еще права заключать, что этой сдержанности не было и вообще в произведениях о Смуте. Можно подыскать ряд очень определенных указаний на то, что писатели затруднялись прямо высказывать свои мысли и чувства; можно даже указать иногда и

причины их умолчаний и недомолвок. Стоит только вспомнить, в каком ложном свете представил Хворостинин свою близость к самозванцу; как сдержанно отнесся Катырев к сославшему его Шуйскому; как уклончиво говорил в записках Шаховской о своих приключениях в Смуту и как Авраамий Палицын сумел обойти неудобные стороны щекотливого для него вопроса о великом посольстве к Сигизмунду. Во всех этих случаях умолчаний и неискренности ясны практические причины: писатели, замешанные в таких перипетиях Смуты, которые не могли впоследствии встретить общего сочувствия и одобрения, были вынуждены скрывать свои личные поступки, отзываться спокойно о том, к чему в свое время, конечно, не могли спокойно относиться. Но и помимо случайных побуждений, вытекавших из личной обстановки писателей, заметны и другие основания их литературной сдержанности. Изучение сказаний о Смуте, составленных после ее окончания, обнаруживает во всех произведениях одинаковые приемы отношения к Смутной эпохе, объяснения которых следует искать вне литературы, в общем настроении общественного сознания в XVII в. На Смуту смотрят как на борьбу православия с иноверием и русской народности с ее вековыми врагами. Этот общий взгляд и предрешает отношение сказателей к частным фактам Смуты и к деятелям Смутного времени. Излюбленными героями в письменности о Смуте являются именно те люди, которые руководили Русью в борьбе за веру и народность, и наоборот, – те люди, которые осуждаются сказателями, осуждаются как вероотступники и изменники. Даже поведение Бориса Годунова и Василия Шуйского иногда рассматривается как нарушение заветов древнего правоверия. У Палицына Борис “ереси же арменстей и латинстей последствующим добр потаковник бысть”; у Тимофеева и Хворостинина Шуйский представляется прямо еретиком: “нечестив всяко”, “оставя Бога, к бесом прибегая”, “праведное существо изменив”, “внимающи... учением бесовским”. Нельзя, конечно, отвергать, что наши предки обнаружили большую чуткость в определении общего смысла исторической драмы, едва не погубившей Россию. Но, оставаясь всегда на точке зрения религиозно-национальной, писатели о Смуте ею определяли как выбор материала для своих описаний, так и личное свое отношение к материалу. Этим и объясняется некоторая неполнота и условность их повествований. На взгляд писателей XVII в., сословные отношения Смутной эпохи не заслуживали того внимания, с каким относятся к ним позднейшие исследователи, – и вследствие этого лишь у немногих сказателей находим мы летучие намеки на сословные меры Бориса, на борьбу общественных элементов в ополчении Ляпунова и т.п.

Национальные заслуги героев Смутной эпохи вызывают со стороны сказателей восторженные дифирамбы этим героям. Но среди похвал трудно найти какие-нибудь твердые данные для ясной характеристики того или другого лица: ясно видно, что сказателя интересует не столько сама личность, сколько известные стороны ее деятельности. Такая односторонность изображения делает его неточным, сообщает лицам неверный колорит, историю превращает в панегирик. Искусственность общих похвал героям особенно дает себя чувствовать там, где некоторые писатели, изменяя обычной точке зрения, впадают в несдержанную откровенность. Так, Палицын, упоминая о беспорядках в ополчении Пожарского и Минина, дает понять, что современникам освобождения Москвы были видны и недостатки деятелей, поднятых потом на недостижимый пьедестал. Хворостинин, передавая свои сомнения в пользу деятельности Гермогена, показывает нам, что в свое время патриарх не вызывал, как позже, всеобщего и безусловного поклонения. Историк дорожит подобными откровенными отзывами писателей-современников, потому что они, рядом с условными похвалами, полнее отражают и взгляды общества, и мощные фигуры самих народных деятелей. Но письменность XVII в. не создала всей ценности искреннего летописания. Для того чтобы выдержать цельность общего взгляда, жертвовали всем, что шло ей вразрез, и этим, конечно, уменьшали историческую ценность произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *К с. 196.* Третий список Иного сказания (в таком же соединении с Сказанием Авраамия Палицына) поступил в Воронежский губернский музей (См.: Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Т. 1. С. 90). Список этот (рукопись № 4, в 4 долю, XVII в., скоропись) любопытен тем, что дает несколько лучших чтений; но, к сожалению, в рукописи недостает листов.

2. *К с. 214.* См. об этом у С.М. Середонина (Сочинение Джильса Флетчера “Of the Russe Common Wealth”, как исторический источник. СПб., 1891. С. 99–101).

3. *К с. 240.* Пан Севастиан Кобельский – историческое лицо. О нем см. мои Очерки по истории Смуты (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899), глава IV, § III и примеч. 108.

4. *К с. 246.* После напечатания первой главы этой книги в Журнале Министерства народного просвещения (1887 г., октябрь) проф. Матвей Иванович Соколов сообщил автору из своего собрания список послания протопопы Терентия (нового письма, в 4-ку, 6 л.). В этом списке содержатся обе части послания Терентия под одним заглавием, как одно цельное произведение (что для автора послужило подтверждением высказанного им взгляда на памятник). Список послания есть и в Санкт-Петербургской духовной академии (*Родосский А.С.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1894. С. 374). Не лишено интереса, «что в 1836 году Святейший Синод возбрал издание Археографическою Коммиссиею текста “видения духовну мужу” протоиерея Терения и известия о чуде в Архангельском соборе, приводимого в этой книге на с. 74–75» (Протоколы заседаний Археографической Коммиссии. СПб., 1885. Вып. 1. С. 27–28).

5. *К с. 265.* См. статью П.Г. Васенко (Новые данные для характеристики патриарха Гермогена // ЖМНП. 1901. Июль. Отд. 2. С. 138–145), в которой приведен текст XVII в., посвященный опровержению взгляда автора Хронографа на личность патриарха Гермогена. См. также: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 1310–1315.

6. *К с. 272.* О Повести см. также определенный отзыв в рецензиях “Русской мысли” (1888. Март. С. 161). Также см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 10. С. 165.

7. *К с. 275.* Вопрос об авторе Повести имеет свою “литературу”. Рецензент “Русской мысли” (П.Н. Милоков ?), не соглашаясь со мною, говорил, что Повесть составлена не в Москве, а в Троице-Сергиевом монастыре, по тому признаку, что в Повести дважды встречаются слова: “иже у нас в Троице” (Русская мысль. 1888. Март. С. 161). На то же указывал и г. Скворцов в своей книге “Дионисий Зобниновский” (Тверь, 1890. С. 70–71). Я с своей стороны в “Очерках по истории Смуты” (Примеч. 200) позволил себе высказать догадку, что автором Повести был дьяк Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь: на нем сходятся все признаки, по каким строились до сих пор заключения об авторе Повести.

8. *К с. 287.* После выхода в свет этого исследования мне удалось познакомиться с рукописью Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии О.1/4.50. (в 4-ку, XVIII ст., 40 л.), содержащей в себе список Плача.

Этот список оказался настолько удовлетворительным, что положен был в основу при издании текста Плача в XIII томе Русской исторической библиотеки. В предисловии к этому тому (с. XII–XIII) дано и подробное описание состава киевской рукописи. Ввиду того, что чтение изданного в РИБ (т. 13) текста разнится вообще от текста других рукописей, по которым мною первоначально был изучен Плач, я в этой книге не делаю при цитатах из Плача ссылок на РИБ. Надлежит, между прочим, обратить внимание на то, что в рукописи О.1/4.50 содержится (на л. 12 об.–14 об.) небольшая компилятивная статья, в которой в текст Сказания Авраамия Палицына (РИБ. Т. 13. Стб. 1227; по старому изданию 1822 г. (Сказание Палицына) – с. 283) вставлено известие, неизвестно откуда заимствованное. Приводя его здесь, печатаю курсивом слова Авраамия Палицына, чтобы яснее выделить самое добавление к Палицыну: “...*Литва же и немцы, сидели в Кремле, изручения ждуще, крепляхуся, гладом стесняеми, ядяху бо всяко нечисто и кожи от дверей отъимающе варяху и ядяху. И многи убо от глада умираху. Мнози же российстии людие приходяше нощию к стене града Кремля, листовкие (sic) же люди на вервицах навязываху узлы злата и серебра и жемчугов и свещиваху за град. Российстие же людие емлюще сия и в то место вяхуше толико же хлеба и дающе им. Егда же сие уведано бысть, и поимани мнози и наказани. По сем же начали им вместо серебра и злата навязываху (sic) за хлеба место камения и кирпичи, и сие им злохитрство преста. Видяще же себе литва и поляки конечную погибель и пред очима смерть, превознесенную свою व्यю преклоняют...*”.

9. К с. 299. В XV книге исторического сборника “Старина и новизна” (СПб., 1911) текст “Повести о некоей брани” напечатан вновь по рукописи архива Выдубицкого монастыря. От текста, изданного в XIII томе РИБ, он отличается тем, что после “молитвы” в нем есть еще риторическое обращение автора к читателям. Любопытно в нем только глухое указание на автора Повести: “Аще восхощеши имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю: *пятерица* полководцев и под ними *четыреста* пещец и *двесте* конник, оруженосцов *триста*, крепких же воин *сто со едином* силным и паки *триста* и *пятьнадесят* оружников. И всего в сем имени девять писъмен: еулмакеи. Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей!” Посредством соответствующей перестановки согласных из “еулмакеи” получается “еустратей”. Приложенная тут же к концу текста замысловатая криптограмма дает, сверх того, отчество: “Стефанов”. К сожалению, по документам конца XVI и первой половины XVII в., когда жил автор “Повести”, не удалось обнаружить сколько-нибудь приметного деятеля, приказного или церковного, носившего имя Евстратия Стефанова. Поиски затрудняются, быть может, тем, что автор открыл читателям свое “прямое”, церковное, имя и отчество, а в жизни действовал под иным, житейским, прозвищем. На такую мысль наводит как форма отчества “Стефанов”, вместо обычного “Степанов”, так и самое имя “Евстратий”, чрезвычайно малоупотребительное в московском мирском быту.

10. К с. 313. Сведения о дьяке Иване Тимофееве дополняются некоторыми данными, приведенными Н.П. Лихачевым (Разрядные дьяки XVI века. М., 1888. С. 197–199). Ср.: Памятники дипломатических сношений. Т. 2. С. 811–814, 837, 877–878; Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 8. С. 17, 21, 23, 32, 33. В 7113 (1605) г. И. Тимофеев был в Брянске в походе против самозванца, а в 7115 (1606–1607) г. в походе Шуйского против “воров” под Калугой и Тулою и числился всегда “у наряду”, то есть при пушках (Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 69, 133 и 193; 86 и 143; 88 и 145. Башмаковская разрядная книга. Л. 754 и 760 об.; Акты Московского государства. Т. 1. С. 78). Есть несколько упоминаний о служебной деятельности Ивана Тимофеева в Новгороде (Рукопись имп. Публичной библиотеки. Q.IV.122. Л. 217; Рукопись Казанской духовной акаде-

мии. Соловецкий сборник. № 18. Л. 201–201 об.; ДАИ. Т. 2. С. 47). В собрании актов П.М. Строева находится челобитная Ивана Тимофеева, поданная в 1611 г. Делагарди и боярам, о записи за ним в приказе бежавшего и возвратившегося к нему человека его Ермачка Исакова (*Курдюмов М.Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии // ЛЗАК за 1906 год. СПб., 1908. Вып. 19. С. 171–172). Не беремся установить, есть ли это автограф Ивана Тимофеева. В числе бумаг, приобретенных С.В. Арсеньевым в Швеции и переводимых А.В. Полторацким на русский язык для Новгородского общества любителей истории, есть переписка московских властей со шведскими о разрешении выехать из занятого шведами Новгорода в Москву некоторым лицам, в том числе и Тимофееву *с дочерью*; но неизвестно, состоялось ли такое разрешение до освобождения Новгорода по миру 1617 г. Чрезвычайно любопытно и ценно найденное С.А. Белокуровым известие о том, какую по себе оставил память Иван Тимофеев среди знавших его москвичей. Дьяк Тимофей Кудрявцев, искавший по поручению начальства в 1658 г. летописные книги “в приказах” и “в домех” по всей Москве, дознался, между прочим, и о Тимофееве и доносил: “Гость Матвей Васильев сказывал мне про дьяка Ивана Тимофеева: был де он книгоходец и временных (сперва было написано: летописных. – С.Л.) книг писец, а жаловал де его за то боярин князь Иван Михайлович Воротынской, и потому Ивановых книг или списка с тех книг (зачеркнуто: у внука ево. – С.Л.) у столника у князя Ивана Алексеевича Воротынского чаять. Да купчина Гарасим Диаков про летописныя книги того ж диака Ивана Тимофеева сказывал мне: чаять де те Ивановы летописныя книги остались после боярина князя Алексея Михайловича Львова в дому ево...” Однако поиски Кудрявцева не увенчались успехом, и книг Ивана Тимофеева он не получил, хотя князь И.А. Воротынский и обещал ему: “что де дома сыщу, и то пришлю” (*Белокуров С.А.* О Записном приказе // Из духовной жизни московского общества XVII века. М., 1903. С. 62–63). У Ивана Тимофеева были однофамильцы; считаем таковыми рязанского помещика Ивана Яковлева сына Тимофеева (*Сторожев В.Н.* Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898. С. 231) и подьячего Ивашку Тимофеева. Последнего мешают отождествить с нашим дьяком то обстоятельство, что наш дьяк был, по всей видимости, в Нижнем Новгороде в то самое время (апрель 1615–1627 г.), когда подьячий Ивашка Тимофеев работал в Москве (*Ардашев Н.Н.* Росписи Поместного приказа // Записки Московского Археологического института. М., 1910. Т. 7. С. 3 и автограф II, 11).

Об Иване Тимофееве и его “Временнике” см.: *Васенко П.Г.* Дьяк Иван Тимофеев, автор Временника // ЖМНП. 1908. Март. Отд. 2. С. 88–121; *Яковлев А.И.* Безумное молчание // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.

11. К с. 340. Статья “О крестном целовании королевичю Владиславу” была истолкована мною неудовлетворительно. По-видимому, слова “королевичю Владиславу” в рукописи написаны по ошибке. У Тимофеева речь идет о “крестоключенном утверждении” с “еллины”, то есть со шведами. “Начертание” присяги для шведов составил “некто, ему имя благодати”, то есть Иван (сам Тимофеев), а другие злостно переделали его “написание в хартиях” [РИБ. Т. 13. Вып. 452–454]. Эпизод все-таки остается темным.

12. К с. 358. Вопрос об участии князя И.А. Хворостинина в полемике “на еретики” распутан проф. В.И. Саввою, нашедшим трактат, действительно принадлежащий Хворостинину. То же сочинение “на иконоборцы”, которое Строев приписывал “дуку Ивану” Хворостинину, составлено, по-видимому, “дуком Иваном” Катывревым-Ростовским. См.: Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков // ЛЗАК за 1905 год. СПб., 1907. Вып. 18. Также мой “Статьи по русской истории” (2-е изд. СПб., 1912. С. 151 и 407).

13. *К с. 360 и 372.* Здесь мною была допущена ошибка в понимании текста Хворостинина на л. 10 об.–11 рукописи (РИБ. Т. 13. Стб. 546). Хворостинин здесь понимает, очевидно, не Гермогена, а царя Василия Шуйского, от которого “подъял гонение и грабление”, жил “в тиранстве под властью его” и “гневом его был ни во чтоже”. Отзыв же о Гермогене кончается словами: “кроткаго Учителя кроткий ученик, кротостию наказуя люди Божия по преданному уставу” (РИБ. Т. 13. Стб. 545).

14. *К с. 381.* О роде князей Катыревых-Ростовских см.: *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве. Одесса, 1888. С. 305–306; Сборник Муханова. С. 162–163; Русский исторический сборник / Под. ред. М.П. Погодина. М., 1841. Т. 2. С. 268–269.

15. *К с. 382.* Об Угличской вотчине князя Катырева см. у М.А. Липинского в Угличских писцовых книгах. (С. 121–123) и в Угличских актах (Временник Демидовского лицея. Ярославль, 1889. Т. 50. С. 138, 158–159). Село Красное на Корожене под Угличем поминается и в “Повести о чудесах святого благоверного князя Романа Угличского” (Ярославль, 1874. С. 16). См. также мои “Статьи по русской истории” (2-е изд. С. 417).

16. *К с. 385 и 386.* В “Дополнениях к Дворцовым разрядам” И.Е. Забелина (Чтения ОИДР. 1882. Кн. 3. С. 336) под 7131 (1623) г. помещено любопытное известие: “Марта в 19 день по государеву указу, по памяти за приписью думного диака Ивана Грамотина, государева жалованья Колужского уезда села Покровского попу Миките Кузмину 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, по 2 рубли с полтиною; а пожаловал государь его за извет, что он извещал на князя Ивана Катырева”. Не в зависимости ли от этого извета князь Иван исчез с московского горизонта на весь 1623 г. и до марта 1624 г. не стал замечен по документам ни во дворе, ни на службах? За вознагражденным “изветом” естественна “государева опала”. Но в чем был обвинен князь Иван, остается неизвестным. Быть может, в этом обвинении по “извету” и кроется причина, по которой князь Иван, принадлежа к боярскому роду, сам не достиг боярского сана.

17. *К с. 402.* Предлагаем некоторые дополнения к данным, изложенным в тексте, о жизни князя С.И. Шаховского. В.О. Ключевский дает любопытное указание, что князь С. Шаховской трудился еще “при патриархе Иове в деле литературного прославления памяти святых” (*Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 319). Пред Енисейской службою, в 135 и 136 (1627–1628) гг., он “писал” Ржеву Пустую вместе с подъячим Григорьем Гавриловым (Описание МАМЮ. М., 1888. Т. 5. С. 368). Опала 1644 г. разразилась над Шаховским в январе и причина ее, неизвестная мне в 1888 г., объяснена документами, найденными А.П. Голубцовым (Прения о вере, вызванные делом королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 179–184, 345–346; Памятники прений о вере // Чтения ОИДР. 1892. Кн. 2. С. 156–165). В деле королевича князь С.И. Шаховской дошел до смертной вины, и 4-го января 1644 г. пред Польским приказом “тому князь Семену еретичество его и великое воровство чёл и смертнуо казнь ему сказывал думной диак Михайло Волошенинов. А молвил: Сенька Шеховской! Как был на Москве датцкой королевич Волдемар и ты, забыв Бога и святую православную христианскую веру и потом государеву крестное целованье, пристал к королевичу, и с своими советники во всем ему добра хотел и безпрестанно мыслил и делал еретическое и богомерзкое дело, и говорил многожды, и в письме своем написал, что мочно королевичу ходити во святую церковь не крещену и еретика лютерской виры приобщити с православными христианы, и тем хотел православную христианскую веру греческаго закона, которая стоит непорочна, обругать, и того искал, чтоб королевичу быть в Московском государстве некрещену. И за твои великие вины, что ты такие ере-

тические и богомерзкие дела делал, преступя государево крестное целование, бояре приговорили было тебя сжечь; и государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси по своему государскому милосердому обычаю сжечь тебя не велел, а велел сослать к Соли Вычегодской...” Однако мы видим замечание князя Семена не у Соли Вычегодской, а в Усть-Коле. В 1645 г., 9 марта, послана ему, как кольскому воеводе, царская грамота (рукопись Казанской духовной академии, Соловецкий сборник, № 18, л. 417; № 378). Неизвестно, наш ли князь Семен, или же его тезоименный родственник в 1650 г. купил вотчину в Ржевском уезде (Акты, относящиеся до юридического быта. Т. 2. С. 430): в это время наш писатель как будто бы пребывал в новой ссылке в Томске.

18. *К с. 437.* См. замечания о Столярове хронографе в отзыве В.О. Ключевского на настоящее мое исследование (в Отчете о 31-м присуждении награды графа Уварова). Покойный историк заметил: “легко может быть, что, вопреки мнению автора (то есть моему. – С.П.), мы имеем здесь пред собою памятник не только литературный, но и официальный”. Я не мог согласиться со взглядом В.О. Ключевского и после дальнейших наблюдений над памятником пришел к некоторым новым о нем заключениям; их я изложил в статье “Столяров хронограф и его автор” (Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909; также мои “Статьи по русской истории” 2-е изд. СПб., 1912). Автором разбираемого произведения я признал дворянина и дьяка Баима Федоровича Болтина и находил, что, вопреки прежним мнениям, «Столяров хронограф не есть ни “летописное сочинение местного летописателя”, ни “летопись по официальному поручению”, ни, наконец, разрядная книга в обычном смысле термина. Если искать для памятника точного определения, то всего скорее можно его поставить на первом месте между “записками” русских людей XVII в., в непосредственной близости с записками князя С.И. Шаховского, от которых труд Болтина отличается замечательною полнотою».

19. *К с. 447.* Не можем настаивать на высказанном здесь предположении: Герман Тулупов раньше (7121 г.) звался “предтеченною поп Юрий Иванов сын Тулупов” (в Старице). См. рукопись Троице-Сергиевы лавры, № 532, л. 371–372. Кстати заметим, что отец Германа Тулупова звался “Ионою иноком” (Рукопись Троице-Сергиевы лавры. № 676. Л. 809).

20. *К с. 457.* Приводим из “Каталога Казанской научно-промышленной выставки 1890 г.” (Историко-этнографический отдел. Казань, 1890) любопытное “Приложение к странице 13-й”:

«Убиение царевича Дмитрия. В Чебоксарах в алтаре церкви Нерукотворенного Спаса издавна помещалась большая икона или, точнее, историческая картина, написанная масляными красками на полотне. На ней во весь рост изображен царевич Дмитрий, держащий в правой руке крест, а в левой, – посох, обвитый лентой. Затем вокруг царевича на картине изображены сцены убийства его в Угличе, с текстом следующего содержания: “Благоверный царь Феодор вручил жезл в руки будущему благоверному царевичу Дмитрию и посылает его в удельный град Углич с его матерью Марией Федоровной. Убийцы же побегоша за ним до града и не познаша его, мимо бежаша и возвратишася дней через пять. Борис Годунов посла в Углич Василисе Волохове многие дары, и еще обещавася ей дати большие некие дары, и еще обещавася сына ея Данила Волохова велика сана сподобити, да еще царевича Дмитрия тайно отравой уморити. Возвести же Василиса тайными посланниками Борису Годунову, яко царевича Дмитрия никакова же вредит трава, исполнился Борис печали и ярости. Борис Годунов посылает в Углич новые начальники и градоправители: Михаила Битяговского и сына его Данилу Битяговского, да племянника его Никиту Качалова и усмотря время и не боясь убить царевича Дмитрия. Василиса же обо-

льсти царицу лестными словами да отпустит царевича на двор. Царица, емше ей веру, отпусти царевича. Василиса же ведоша царевича из палат на двор, кормительница же его не хотяху отпустить, но Василиса ведуще едва не с нуждою его. Утаишися трое исконники в тайне ждуще, да сведет Василиса царевича на двор. И ту явишася ждуще трое убийцы Качалов Никита, Данило Битяговский, Данила Волохов, тот и прием царевича от матерь своя. Данило уязви святого царевича ножом и не убояшся пререзати ему гортань. Боявшися поверг нож и побеже. Кормительница же его с болезнованием последующе. Святый же паде на землю, кормительница же его прииде и паде на царевича, начала вопити, Никита Качалов и Данила Битяговский начаша ея дуги, царевичу же гортань перерезати. Пономарь, виде издалеча делаемое на дворе царице, той же пономарь възде на колокольню, начал в звон бити наскоро. Убийцы, услыша колокольный звон, и хотяху убити в звон ударяющего и не найдяху отверстии. Царица же Мария Федоровна и вси градоначальники плакаху неутешно над царевичевым закланым телом. Убийцы же от граждан камением побиени быша»).

Откуда и как попала эта картина, – в церкви указаний на это нет, но можно догадываться, что она принадлежала теще Федора Никитича Романова, дворянке Марии Шестовой, сосланной в Чебоксары, в Никольский девичий монастырь, Борисом Годуновым, и досталась церкви после нее.

21. *К с. 470.* Кроме указанных в тексте списков я видел еще два. Покойный М.И. Семевский в октябре 1889 г. показал мне рукопись, полученную им от В.Н. Шишонко (нового письма, в лист, 37 л., без переплета, № 1057–13); в ней заключался текст краткой редакции Сказания с припискою на конце: “Конец повести сей; списася лета сем тысяч сто семдесят четвертаго, месяца октября в 18 день” (то есть 18 октября 1665 г. – *С.П.*). В октябре 1893 г. барон В.Р. Розен передал мне для рассмотрения рукопись (в 8-ку, полууставом, также 7174 г.) с текстом краткой же редакции Сказания; рукопись эта тогда принадлежала Ф.Ф. Велсаго. Любопытная компиляция напечатана в “Приложениях” (С. 1–39) к труду А.А. Титова “Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву” (М., 1892. Вып. 2.). Ее источники – Повесть 1606 года и “Сказание, еже содеяся...” Особый интерес – в помете: “Писана книга сия лета 7129 году” (!?). См. С. VIII, 338 (№ 568) и 1–39.

22. *К с. 480:* В “Библиографе” за 1891 г. (№ 3–4. С. 57–60) А.И. Соболевский приписал Повесть Антонию Подольскому. В Журнале Министерства народного просвещения за тот же год (1891. Июнь. С. 450–451) Л.Н. Майков справедливо указал на то, что определенность этого мнения не соответствует его основательности.

ПОЛОЖЕНИЯ,

извлеченные из диссертации С.Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник”

1. Сказания и повести русских людей о Смутном времени Московского государства служат самостоятельной категорией источников для истории Смутной эпохи и в то же время представляют собою любопытное литературное явление в московской письменности XVII в., как по многочисленности произведений, так и по богатству историко-литературного содержания и по разнообразию литературных приемов.

2. За немногими исключениями, сказания и повести о Смуте не могут считаться простодушными записями о событиях современников и очевидцев Смуты. Во всех почти произведениях исследователь находит или предвзятую точку зрения на факты, или чуждые исторической истине влияния, от которых страдает простота и правдивость показаний памятника.

3. Авторы ранних произведений о Смутной эпохе, появившихся еще до окончания смут, всего чаще стоят на точке зрения публицистической и преследуют или политические цели (Повесть 1606 года, так называемая Новая повесть и др.), или цели морально-дидактические (Повесть протопопа Терентия, повести о видениях в Новгороде, Владимире и Нижнем Новгороде). О передаче событий в потомство они заботятся менее, чем о политическом и нравственном влиянии на читателей-современников; поэтому они более обсуждают факты, чем описывают их.

4. Публицистические черты не чужды и двум крупнейшим повествованиям о Смуте, составленным в первые годы царствования Михаила Феодоровича, – Временнику Ивана Тимофеева и Сказанию Авраамия Палицына. И в том, и в другом труде над фактическим изложением преобладает желание обличить пороки московского общества и ими объяснить происхождение смут. В зависимости от такой задачи являются отсутствие хронологической последовательности у обоих писателей, пробелы в их фактических показаниях, обилие отвлеченных рассуждений и нравoucений.

5. Позднейшие труды о Смуте, времени царя Михаила и царя Алексея, отличаются от ранних произведений большею объективностью и более фактическим изображением Смуты. Но и в них изложение часто бывает подчинено или условным риторическим приемам (что особенно заметно в произведениях князя Семена Шаховского), или одной общей точке зрения (например, агиографической – в житиях, официальной – в Рукописи Филарета и т.д.). В качестве исторического источника поэтому большее значение имеют именно те немногие произведения, которые отступали от общего литературного шаблона и не шли далее простой, бесхитростной передачи событий (Житие преподобного Иринарха, труды Ивана Наседки и Симона Азарьина, отчасти Новый летописец).

6. С половины XVII в. рядом с последними литературными воспоминаниями о Смуте ее современников начинается переработка ранних сказаний и

повестей в компилятивные рассказы, помощью которых позднейшие поколения московских людей знакомятся с событиями Смуты. Иногда в компиляциях оставалась без изменений литературная форма их оригиналов (хронографы так называемой третьей редакции); иногда же поздние писатели придавали своим источникам новую литературную форму (Латухинская Степенная книга).

7. В позднейших произведениях о Смуте рядом с литературной переработкой ранних известий развивалось и произвольное творчество, дополнявшее достоверные известия легендарно-поэтическими чертами. В некоторых случаях (в “Сказании о рождении князя М.В. Скопина”) легенда переносилась в письменный памятник прямо из устной народной песни. Иногда же легенда и зарождалась, и развивалась исключительно в сфере книжного творчества, так что исследователь может отметить в нескольких различных произведениях о Смуте последовательные ступени в развитии одной и той же легенды (например, легенды о московском пожаре 1591 г.).

ПЕРЕЧЕНЬ РУКОПИСЕЙ, УПОМЯНУТЫХ В ЭТОЙ КНИГЕ

Цифры, поставленные при названиях рукописей, обозначают страницы книги.

Рукописи Императорской Публичной библиотеки [Отдел рукописей]:

Погодинск. № 724 (Житие преп. Иринарха) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 457–460

Погодинск. № 725 (Житие преп. Иринарха) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 457–459

Погодинск. № 1465 (хронограф) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 476, 494

Погодинск. № 1502 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1503 (Сказание Авраамия Палицына и Иное сказание) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 196, 220, 245, 346

Погодинск. № 1504 (Сказание Авраамия Палицына и Плач о пленении Московского государства) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 287–298, 346

Погодинск. № 1505 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1506 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1507 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1508 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1509 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1510 (Сказание Авраамия Палицына) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 346

Погодинск. № 1551 (Повесть протопопа Терентия) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 245, 246

Погодинск. № 1558 (Милютинское житие царевича Дмитрия) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 228, 448–452, 456

Погодинск. № 1563 (О восстании мертвых поучение князю Ивану Хворостинину и Повесть о убиении царевича Дмитрия) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 364, 365, 453

- Погодинск. № 1570 (Повесть прот. Герентия) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 245
- Погодинск. № 1578 (краткая летопись) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 494
- Погодинск. № 1601 (Сказание об осаде Тихвинского монастыря) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 499
- Погодинск. № 1612 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 448
- Погодинск. № 1616 (несколько повествований о событиях Смуты) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 456, 476, 477, 494
- Погодинск. № 1617 (Сказание о царстве государя и великого князя Феодора Ивановича) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 489–492
- Погодинск. № 1619 (Сказание об осаде Тихвинского монастыря) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 499
- Погодинск. № 1622 (Послание прот. Герентия Лжедимитрию) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 246–247
- Погодинск. № 1624 (компилятивный рассказ о Смуте) [РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина] – 497
- F.IV.147 (Толстов. I. № 67: Отрывок Соловецкого хронографа о ссылке Романовых) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 494
- F.IV.163 (Толстов. I. № 17: Хроника Павла Пясецкого) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 497
- F.IV.165 (Толстов. I. № 61: хронограф особого состава) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 493–494
- F.IV.215 (Толстов. I. № 157: краткий рассказ о убийении царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 456
- F.IV.222 (Толстов. I. № 241: Повесть о некоей брани, належавшей на благочестивую Россию) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 299–304
- F.IV.228 (Толстов. I. № 447: Морозовский летописец) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 495–496
- F.IV.597 (Латухинская степенная книга) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 482–485
- F.XVII.17. (Толстов. I. № 198: компилятивный летописец) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 496
- Q.I.352 (Толстов. II. № 510: Повесть о перенесении мощей царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 231
- Q.I.762 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 448
- Q.I.877 (Жития царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 449, 455
- Q.IV.10 (Толстов. V. № 13: Повесть о явлении чудотворной иконы пресвятой Богородицы, иже нарицается Курская) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 501
- [Q.IV.122: *Примечание 10.*] [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 513

Q.IV.139 (Толстов. II. № 101: Летописец великия земли Российския и в нем Повесть прот. Терентия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 245, 497

Q.IV.144 (Толстов. II. № 438: Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 199, 226

Q.IV.154 (Повесть князя И.М. Катырева-Ростовского) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 378–380

Q.IV.172 (Словеса дней и царей и святителей московских кн. И.А. Хворостинина) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 223, 358–360, 365–376

Q.IV.234 (Сказание о царстве государя и великого князя Феодора Ивановича) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 489–492

Q.XVII.22 (Толстов. II. № 140: Милютинское житие царевича Дмитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 448

Q.XVII.28 (Толстов. II. № 287: Житие Феодосия архиепископа Астраханского) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 460

Q.XVII.33 (Толстов. II. № 70: Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и т.д.) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 470, 474, 475

Q.XVII.48 (Толстов. II. № 401: поздняя редакция жития царевича Дмитрия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 457

Q.XVII.54 (Толстов. II. № 74: О разорении града Углича) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 501

Q.XVII.94 (Повесть прот. Терентия) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 245

Q.XVII.114 (Сказание и повесть известна, како избави Господь Бог царствующий град Москву и т.д.) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 470, 474

Q.XVII.159 (компилятивный рассказ о событиях Смуты) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 495

O.IV.17 (несколько повествований о событиях Смуты) [РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги] – 199, 226, 245–249, 456–457

Эрмитажн. № 358 (Повести о видениях 1611 года и грамота того же года) [РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр.] – 304–305, 384

Рукописи Московского Публичного и Румянцевского музеев [РГБ]:

Общ. каталога № 260 (Милютинское житие царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 37. Собр. Т.Ф. Большакова] – 449

Общ. каталога № 925 (Милютинское житие царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 178. Музейное собр.] – 449

Общ. каталога № 1836 (Иное сказание) [РГБ. Ф. 178. Музейное собр.] – 196, 245

Ундольск. № 303 (Милютинское житие царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 449

- Ундольск. № 609 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 449
- Ундольск. № 623 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 449
- Ундольск. № 643 (Тулуповское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 231
- Ундольск. № 660 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 449
- Ундольск. № 725 (Хронограф третьей редакции) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 493
- Ундольск. № 790 (Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 469
- Ундольск. № 1110 (История о первом Иове патриархе) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 444–445
- Ундольск. № 1306 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского] – 449
- Беляев. № 1510 (Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве) [РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева] – 469, 475
- Беляев. № 1515 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева] – 449
- Беляев. № 1516 (Сказание и повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов) [РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беляева] – 226
- Попов. № 2529 (Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и Плач о пленении и конечном разорении Московского государства) [РГБ. Ф. 236. Собр. А.Н. Попова. № 64] – 226, 287–292, 295, 296
- Пискарев. № 109 (Повесть кн. И.М. Катырева-Ростовского) [РГБ. Ф. 228. Собр. Д.В. Пискарева] – 377, 380
- Румянцев. № 39 (История о первом Иове патриархе) [РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева] – 444
- Румянцев. № 156 (История о первом Иове патриархе) [РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева] – 444
- Румянцев. № 157 (Тулуповское житие царевича Димитрия) [РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева] – 231
- Румянцев. № 390 (Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве) [РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцева] – 469
- Рукописи Археографической комиссии** [Архив СПбИИ РАН. Ф. 11. Кол. Археографической комиссии]:
- № 142 (Хронограф Муханова) – 493
- № 143 (Повесть князя И.М. Катырева-Ростовского) – 377, 379
- Рукописи императорской Академии наук:**
- № 46 (отрывок Нового летописца) [БАН, 16.3.9] – 496–497
- № 62 (Петра Крекшина повествование о Борисе Годунове) [БАН, 16.3.20] – 497

№ 153 (Повесть князя И.М. Катырева-Ростовского) [БАН, 16.3.2] – 377–380

Рукописи Московского главного Архива Министерства иностранных дел:

№ 101–128 (Хронограф князя Оболенского) [РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД] – 485–489

Рукописи Московской Синодальной библиотеки:

№ 416 (Житие преподобного Дионисия) [ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собр.] – 461

№ 805 (Милютинское житие царевича Димитрия) [ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собр.] – 271, 448, 450–452, 490

№ 858 (Милютинское житие царевича Димитрия и рассказ о погребении мощей царевича в 1606 г.) [ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собр.] – 456

Рукописи Московской духовной академии:

№ 175 (Новая повесть о преславном Российском царстве и первые главы Сказания Палицына в особой редакции) [РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА] – 272, 274–277, 279, 281–286, 318, 327, 328, 350, 353–356

№ 201 (Повесть о разорении Московского государства) [РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА] – 477

№ 203 (Книга о чудесах преподобного Сергия и Повесть о разорении Московского государства) [РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА] – 407, 408, 461, 464–466, 477

№ 213 (Творения князя С.И. Шаховского) [РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА] – 223, 224, 362, 402, 404–406, 409–414

№ 214 (Творения князя С.И. Шаховского) [РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА] – 362, 402, 404–406, 409–414

Рукописи Санкт-Петербургской духовной академии:

[Кирилловское собр. № 68–1307] [РНБ. Ф. 351. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря] – 364, 382

Софийск. № 1357 (Тулуповское житие царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 728. Софийское собр.] – 231–235, 451, 452

Софийск. № 1459 (Тулуповское и Милютинское жития царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 728. Софийское собр.] – 231, 448, 456

Софийск. № 1493 (Милютинское житие царевича Димитрия) [РНБ. Ф. 728. Софийское собр.] – 448, 456

[Рукопись Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии:

№ О.4/4.50 (Плач о пленении Московского государства) – *Примечание 8*] [НБУВ. Ф. 160. Собр. Киевской духовной академии. № 186 П.] – 512, 513

[Рукопись Казанской духовной академии:

Соловецк. № 18: *Примечание 17*] [РНБ. Ф. 717. Соловецкое собр. № 18/1477] – 516

Рукописи Троице-Сергиевой лавры:

№ 325 (краткая запись о убиении царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры] – 457

[№ 532: *Примечание 19*] – 516

№ 625 (Тулуповское житие царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры] – 231

№ 676 (Тулуповское житие царевича Дмитрия) [РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры] [*Примечание 19*] – 231, 233, 516

Рукописи монастырей:

[Выдубицкого: *Примечание 9*] [РНБ. Ф. 536. Собр. ОЛДП. 0.272] – 513

Костромского Богоявленского № 838 (Тулуповское житие царевича Дмитрия) [*современное местонахождение неизвестно*] – 231, 232

Саввина-Сторожевского № 5 (История о первом Иове патриархе) [*современное местонахождение неизвестно*] – 444–447

Флорищевой пустыни № 108–682 (Временник Ивана Тимофеева) [РГБ. Музейное собр. № 10692] – 271, 310–322, 324–327, 329–339, 341–345

Рукопись имп. Общества любителей древней письменности:

Ф. № VI (Повесть князя И.М. Катырева-Ростовского) [РНБ. Ф. 536. Собр. ОЛДП.4] – 377, 380

Рукописи имп. Общества истории и древностей:

Отд. I. № 227 (Записки князя С.И. Шаховского) [РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР] – 401

Без № (Повесть о некоем мнISE князя С.И. Шаховского) [*современное местонахождение неизвестно*] – 409

Рукопись имп. Санкт-Петербургского университета:

Без № (Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов) [Научная библиотека СПбГУ. MS E II 3] – 226

Рукописи И.Н. Царского (графа А.С. Уварова):

Царск. № 412 (Повесть кн. И.М. Катырева-Ростовского) [ГИМ. Отдел рукописей. Ув. 609] – 377

Царск. № 415 (История, како грех ради наших попусти Господь Бог праведное свое наказание и т.д.) [ГИМ. Отдел рукописей. Ув. 612] – 495

Царск. № 417 (Уваровское собр. № 896: Плач о пленении Московского государства и т.д.) [ГИМ. Отдел рукописей. Ув. 896] – 287

Царск. № 459 (Сказание о царстве государя царя и великого князя Феодора Иоанновича) [ГИМ. Отдел рукописей. Ув. 357] – 489

Царск. № 548 (Повесть о явлении иконы Курской) [ГИМ. Отдел рукописей. Ув. 673] – 501

Рукопись библиотеки А.И. Хлудова:

№ 258 (Повесть протопопа Терентия) [ГИМ. Отдел рукописей. Хлуд. 258] – 245

Рукописи библиотеки И.А. Шляпкина:

Без № (Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов) [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 154. Собр. И.А. Шляпкина. Оп. 1. Карт. 11. № 848] – 226

Без № (Повесть о чудесном видении мниху Варлааму) [Научная библиотека СГУ. Собр. И.А. Шляпкина. № 577] – 250

[Рукопись библиотеки М.И. Соколова:

[ГИМ. Собр. М.И. Соколова] *Примечание 4*] – 512

[Рукопись библиотеки М.И. Семевского:

Примечание 21] [*современное местонахождение неизвестно*] – 517

[Рукопись библиотеки Ф.Ф. Веселаго:

Примечание 21][*современное местонахождение неизвестно*] – 517

Приложения

БОЯРСКАЯ ДУМА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ Н. ЗАГОСКИНА

Немного трудов посвящено в нашей науке тому предмету, который я намерен сегодня предложить вашему вниманию. Я не ошибусь, как кажется, если скажу, что вопрос о московской Боярской Думе специально разработан покуда только одним г. Загоскиным во 2-м томе его “Истории права Московского государства”. Исследование г. Загоскина мне представляется очень полным и добросовестным исследованием, и потому я положил его в основание моего реферата. Кроме г. Загоскина, вопросом о Боярской Думе занялся еще профессор Московского университета Ключевский. Он стал на широкую точку зрения, задался целью связать историю правительственного учреждения с историей общества, и в тех семи главах своего труда, которые напечатаны в “Русской мысли” за 1880 г., почтенный профессор успел только дать очерк истории русского общества до XIV в. включительно. Таким образом, несмотря на оригинальность взглядов и на блестящие порою страницы, этот труд не может служить нам пособием. А затем, кроме кратких обзоров деятельности Боярской Думы у Дмитриева (“История судебных инстанций”), у Троцины (“История судебных учреждений”), мы не имеем ничего по нашему вопросу. Вот почему, руководясь целью представить вам всесторонний очерк Думы Боярской, я должен был обратиться к сочинению Загоскина, которое – насколько я мог заметить – не пользуется в кругу студентов большою распространенностью. Это обстоятельство дает мне повод думать, что мое изложение не будет для вас повторением старого и давно всем известного.

В первом периоде своей общественно-государственной жизни Русь представляется нам раздробленною на многочисленные “волости” или княжения, друг от друга независимые в политическом отношении. В каждом княжении русском мы наблюдаем две власти, одна другой неподчиненные, отношения которых между собою определялись “порядом”, договором, иначе говоря, свободным соглашением. Эти две власти были князь с его мужами с одной стороны, и народное вече – с другой. Князь был необходим народу, без князя не мыслилась древнерусская общественная жизнь; даже Новгород не мог обходиться без князя, и новгородский летописец спешит отметить те необычайные дни,

когда пустовал новгородский княжеский стол. Но князь не был неограниченным властелином своей земли. Управление ею было в его руках, он ведал суд, ему была присуща законодательная деятельность, но при этом, если он нарушал права и интересы народа, делал что-либо, народу неприятное, преступал тот “ряд”, который положил с народом, – народ, собравшись на вече, протестовал против действий своего князя. Этот протест нередко кончался не в пользу князя: он должен был иногда уступать власти народа и изменять свою политику, согласно желанию веча, чтобы сохранить мир. Но столкновение князя с вечем иногда приводило не к миру, а к полному разрыву между ними, и тогда или вече “показывало князю путь”, т.е. изгоняло его, или князь, если он был сильнее веча, удерживал власть, пользуясь ею уже по праву сильного, а не по договору. Таким образом, мы видим, что князь в удельно-вечевой период не был облечен бесконтрольной властью и мог править без смуты только в том случае, если соблюдал свой “порядок” с народом, находился с ним в согласии или, как тогда выражались, “в одиначестве”.

Князь имел вокруг себя дружину, которая являлась его помощницей как в ратных делах, так и в управлении княжой волостью. Она составляла ядро его войска, к которому примыкало земское ополчение. Дружинников своих князь посылает посадниками и наместниками по городам; они же ведают и его собственное хозяйство. Но дружина княжая является не только помощниками-исполнителями княжеской воли, но и советниками князя. Такое значение принадлежало старшей дружине князя, боярам княжим и мужам. Они представляли собою силу, на которой основывалось могущество князя; без них он лишался своего значения. Владимир Святой характеризовал удачно значение дружины, говоря, что серебром и золотом не добыть дружины, а с дружиною можно добыть и золото, и серебро. Будучи свободными людьми, служа князю по добровольному уговору и пользуясь правом оставить службу когда захочется, бояре и мужи “считали себя вправе, – по выражению К.Н. Бестужева-Рюмина, – обсудить то предприятие, в котором должны участвовать”. Осуществление этого права мы видим очень часто. Мужья и бояре призываются князем на совет не только по военным делам и по внешней политике, но князь советуется с ними и относительно всякого мало-мальски важного мероприятия. Владимир Святой созывает “бояры своя и старцы градские” на совет о религиозных делах, о перемене религии. В Русской Правде читаем, что сыновья Ярослава отменили смертную кару за убийство по совету с мужьями своими. Летописи очень богаты указаниями на совещания князей с боярами и

мужами своими. Князя, словом, ничего важного не предпринимали, не “сдумав с мужи своими”, не заручившись их согласием. По словам летописи, князь Дмитрий Иванович Донской, умирая, говорит детям: “Бояры своя любите... без воли их ничтоже не творите”. Сопровождения с боярами и мужами княжими были освящены обычаем и стали правом дружинников. Когда князя пытались нарушать это право, дружина энергически его защищала. Андрей Боголюбский, который хотел “един быть властитель”, поплатился за властолюбие жизнью. Дружина князя Владимира Мстиславовича отказывается (в 1169 г.) следовать за ним в поход на его племянника: “о собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали”, – говорят бояре. В другом месте летописец вставляет в уста бояр такие слова: “тебе без нас того нельзя было замыслить, ни створити.” Это говорит дружина князю Мстиславу Изяславичу. Если же нарушение прав дружины со стороны князя повторялось, если дружинникам казалось, что они не пользуются должным почетом, если, одним словом, княжие мужи не были довольны князем, они могли от него “отъехать”, сохраняя всецело свои права на имения, оставшиеся в волости этого князя. Таким образом, бояре и мужи, составляя княжескую думу, являлись в княжестве не только совещательным элементом, но и элементом ограничительным. (Как ни смел этот термин, я решаюсь употребить его.)

Нагрянуло татарское иго. Центр русской государственной жизни окончательно переместился на северо-восток. Значение княжеской власти быстро возрастало; под татарским давлением должна была прекратиться вечевая свободная жизнь. Объединение Руси, для которого – сознательно, нет ли, – но работал целый ряд умных, расчетливых, ловких и осторожных московских князей, объединение Руси, говорю я, шло постепенно, медленно, но безостановочно. И когда после 250-летнего рабства наша родина стряхнула с себя иноземные цепи, она имела совершенно новый вид: вместо многих княжеств явилось единое государство, и в этом государстве мы видим совершенно иные отношения общественных элементов, чем те, какие мы наблюдали в дотатарском, удельно-вечевом периоде.

Верховная власть вся сосредоточивается в лице московского государя. Престол московский наследуется, а не передается по желанию народа. Древний ряд совершенно исчезает: московский государь является прирожденным государем, власть которого основывается на божественной воле; он самодержавен и неограничен ничем – ни народом, ни законами Московского государства. Ему нераздельно принадлежит как законодательная, так ис-

полнительная и судебная власть; ему принадлежит и церковное главенство, т.е. попечение о правильном устройстве иерархии и “о благостоянии святых Божиих церквей и святых монастырей и мест”, как выражается одна соборная грамота (1564 г.). В другой грамоте XVI в. царь называется “браздодержателем святых Божиих церквей” и даже “истинным наставником христианской веры” (!). При таком характере верховной власти значение народной воли должно было превратиться в ничто. И действительно, народ только тогда принимал участие в делах управления и законодательства, когда этого желал государь. Народ не имел никаких гарантированных прав и, если получал их, то в виде царского “пожалования”, государевой “милости”, как писалось во всех льготных грамотах, и эта “милость” могла быть во всякое время взята назад. Но, не имея законом признанных прав, народ сохранял за собою чисто нравственное значение. Государи московские стремятся быть с народом “в одиначестве”, в единении и заручаются в важных делах согласием “всей земли”, волею “всего государства”, которая выражается земскими соборами.

Разделение русских людей удельно-вечевого периода на дружину и “людей” в Московском государстве заменилось постепенно новым. Вместо этих разрядов мы видим сословное деление на служилых и тяглых людей, причем переходы из одного класса в другой затруднены почти до полной невозможности. В княжой дружине пользовались иногда значением и неродовитые люди: в числе бояр княжеских (в Галиче) летопись показывает “Судича, попова внука” и “Молибожича от племени смердь”. В Московском государстве попову или смердю внуку не представлялось возможности достигнуть боярства, ибо оно сделалось^a чином и^a было уделом лишь именитых родов, и то не всех. И низшие служилые чины достигались тяглыми людьми в исключительных случаях.

В каких же отношениях к московскому государю находились служилые люди, заменившие княжескую дружину? Эти отношения уже не зиждутся на свободном договоре. Служилый человек приносит государю *присягу*, в которой обязуется “служить и прямить” ему “безо всякия хитрости... опричь его, государя... иного государя не хотети... и в иныя ни в которыя государства не отъехати”. Служилые люди сидели на “государевой” земле и были поэтому обязаны службою, несмотря на то, хотели они этого или нет; средство избавления от службы – отъезд – для них в Московском государстве не существовал как право, да и фактически, с объединением русской земли, отъезжать стало некуда, разве, только в Литву или к иноземцам... Система поместий и вотчина,

в связи с централизацией и усилением княжеской власти вообще, уничтожила договорное начало в отношениях князя и дружины, заменив его началом обязательной службы.

Несмотря, однако, на такую перемену в положении служилых людей, несмотря на то, что они стали мало-помалу вполне зависимы от московского государя, государь продолжает совещаться с высшими чинами служилых людей. Уже в удельно-вечевой период эти совещания имели характер постоянного, обыденного явления; теперь же, так сказать, в московское время – Государева Дума стала определенным правительственным учреждением с разнообразным кругом деятельности. Но в Московской Руси это было прежде всего совещательное учреждение безо всяких ограничительных прав, какие можно признать за княжеской Думой; это был государев совет, который только помогал государю нести его труды по управлению государством во всех сферах его деятельности. Всякого рода государственные дела, доходившие до государя, могли быть им переданы на рассмотрение его Думы.

Служа прямым продолжением княжеской Думы, Дума Боярская не вдруг явилась в таком виде, не сразу потеряла ограничительный свой характер. Это совершалось постепенно и незаметно, как постепенно и незаметно менялось на Руси понятие и значение верховной власти. Мы сейчас проследим исторически, как изменялось значение Боярской Думы, а теперь я обращаю ваше внимание на то, что Боярская Дума отличается от Думы княжеской не только по значению, но и по составу своих членов. Князь звал на Думу всех тех дружинников, которыми он не мог пренебрегать, которые выдавались из числа других своим богатством и значением и потому назывались “болярами” (вероятно, от слова “болий”, “больший”). Поэтому “попов внук” или человек “от племени смердя” имел доступ в совет князя и получал название боярина, если он обладал большими средствами и нравственным влиянием. Московская же Боярская Дума состояла из служилых людей высших чинов, которым присваивалось название бояр уже не в силу экономического и личного превосходства, как прежде, а в силу высокого служилого положения. С XIV в. слово “бояре” начинает означать уже *чин*, помимо экономического состояния лица. Так как достижение высших служилых чинов в московской Руси обуславливалось известной родовитостью лица, то мы вправе сказать, что московская Боярская Дума имела характер аристократический, чего не было в удельно-вечевой Руси. Этот аристократический характер является уже с XIV в., а в XVI в. Иван Васильевич Грозный, в лице думных дворян, создает противовес родовитому боярству, желает демократизировать свою Думу.

Указав на совещательное значение Боярской Думы и на аристократический ее характер как на признаки, отличающие ее от княжеской Думы, перейдем к краткому изложению истории Боярской или Государевой Думы.

Я привел уже из летописи слова князя Димитрия Ивановича Донского к его детям: “Бояры своя любите, без воли их ничтоже не творите”. Эти слова показывают, что боярство при Донском сохраняло свое значение ограничительного по отношению к князю элемента. Сохраняло оно свои исконные права и при его преемниках: они признавали права “бояр и слуг” своих на совет с ними, они допускали их отъезд. Юрий Галицкий в борьбе с Василием Темным занял Москву, но вынужден был ее оставить, ибо все бояре “отъехали” от него к Василию. В междукняжеских договорных грамотах, дошедших до нас от времени Василия Дмитриевича, Василия Васильевича и даже Ивана III, сплошь и рядом встречаются слова: “а боярам и слугам межи нас волным воля” (СГГД. Ч. 1. № 35–37, 45–50, 52–55, 88–90 и др.; ААЭ. Т. I. № 10, 14, 29, 70). Иван III признает за боярами право отъезда, советуется с ними о делах и не только терпит возражение или “встречу” с их стороны, но жалуется на тех, “которые против его говоривали”. Так свидетельствует нам боярин Берсень-Беклимишев, недовольный самовластием Василия Ивановича, при котором положение боярства изменилось. Василий Иванович не придавал Боярской Думе никакого значения. Со одной стороны, он был потомком византийских императоров, воспитанным на идеях византийского абсолютизма; с другой стороны, он наследовал своему отцу, могущественному князю. К его времени Русь стала свободна от варваров, она была сплочена в одно целое могучее государство; от древнего удельно-вечевого быта уцелели только слабые остатки. Ему было удобно применять к делу принесенные ^бна Русь ^бего матерью принципы византийского самовластия: в народе он не мог встретить препятствий, ибо народ привык видеть в московских князьях своих друзей-охранителей от татарских погромов и избавителей от даней и зависимости. Духовенство поддерживало стремление князей к усилению их власти отчасти вследствие выгод, получаемых при этом, отчасти потому, что для него источником мудрости и образцом для подражания была Византия. Одно только боярство было недовольно усилением княжеской власти, так как это усиление обуславливалось ограничением его прав, но в своей оппозиции оно не могло найти себе союзников: одна традиция, старина была за них. За нее они и держались, но это ни к чему не привело. Бояре не возвратили себе влияния на дела, князь Василий пользовался советами не бояр, а своих любимцев

дьяков – людей недумных и незнатных. Дума же хотя и собиралась, но не имела прежнего значения. Умный наблюдатель Герберштейн, бывший в это время в Москве, находил, что русский государь своею властью превосходит всех монархов. А между тем, в среде бояр ровно *половину* их числа составляли князья Рюриковичи и Гедиминовичи, перешедшие на службу московского князя! Оппозиция боярства выразилась в частых отъездах в Литву, которая враждовала тогда с Москвою, и поэтому эти отъезды имели характер государственной измены. Те же бояре, которые оставались и не умели сдерживать своего языка, дорого платились за порицание нового порядка. Так, Ивану Берсень-Беклемишеву был урезан язык, другие попадали в заточение или в ссылку.

По смерти Василия Ивановича боярство подняло голову. Власть перешла сперва к Елене Глинской и боярам, а потом вся сосредоточилась в руках бояр. Государь был совсем еще ребенком, бояре распоряжались самовластно. Время было удобно для того, чтоб твердо укрепить пошатнувшееся значение боярства. Но с первых же дней после смерти князя Василия начались интриги среди бояр, выдвинулись личные интересы, народное же благо было забыто. Правление бояр тяжелым бременем легло на русскую землю: она была угнетаема и разоряема. Боярство не доросло до сознания общенародных интересов, не доросло даже до сознания интересов сословных. В нем господствовал узкий близорукий эгоизм. Возбудив против себя молодого царя, не имея ни единения в своей среде, ни союзников, бояре легко уступили первому же проявлению личной воли Ивана Грозного. Показав свою власть казнями Шуйского, Воронцова и других, царь стал искать советников и помощников вне боярства. Около него мы видим простого попа Сильвестра и незнатного Адашева. При содействии их и митрополита Макария Боярская Дума обновляется в своем составе, является достойною своего назначения и оказывает влияние на дела государства. Период ее деятельности совпадает с лучшим временем царствования Грозного. Но надо полагать, и эта Дума не забывала боярских традиций, стремилась приобрести ограничительное значение, на что указывает царь Иван Васильевич в письме к Курбскому: “Или убо сие светло, попу и прегордым лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властно же ничем же лучше быти раба?” ...Такого положения дела не мог переносить царь Иван Васильевич, имевший о царской власти самое высокое понятие. Некоторые бестактности Сильвестра и Адашевых, поведение их приверженцев во время болезни царя, влияние противной им партии (царицы Анастасии) охладили царя к его любимцам и

«усилили его»^в враждебные отношения к боярству. Мало-помалу в нем созрело решение свести окончательные счета с боярством, и значение бояр падает. Казни, ссылки, опалы следуют одна за другой; боярство подвергается систематическому гонению; кто может, спасается в Литву, как, например, Курбский. Митрополит Филипп мужественно протестует против жестокостей и кровопролития и сам подвергается ссылке и затем насильственной смерти. Этот террор, исходивший от верховной власти, достиг своей цели: значение боярства было сломлено совсем; в Боярской Думе царь не слышал противоречий. Но меры, принятые царем для того, чтоб уничтожить значение бояр, не ограничивались одними преследованиями и казнями. Царь задумал *демократизировать* то учреждение, посредством которого могло выражаться влияние боярства, т.е. Боярскую Думу. С 1572 г. мы видим в Боярской Думе, кроме бояр и окольных, еще «*думных дворян*», в лице которых получают доступ в Думу и люди незнатного рода. Иван Грозный думал парализовать притязания бояр, пополняя состав своей Думы лицами неродовитыми, чуждыми боярских стремлений и готовыми беспрекословно следовать велению царя. Одновременно с этим начинают получать большое значение дьяки, которых царь избирает «не от шляхетскаго роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простаго всенародства», по выражению Курбского.

Погром, который понесло боярство от царя Ивана Васильевича Грозного, послужил заключительным актом его борьбы за свои старинные права. Боярство было побеждено, и с этих пор Боярская Дума, сохраняя свой аристократический характер – хотя и не с прежней исключительностью, – становится чисто совещательным учреждением. Ее значение сводится, как говорит г. Загоскин, «к значению высшей судебно-административной инстанции». В таком виде Боярская Дума существовала до первых лет XVIII в.; в 1704 г. вместо ее действует Ближняя Канцелярия Петра I-го.

Иногда, впрочем, в XVII в., мы видим со стороны бояр попытки вернуть свое прежнее значение, но эти попытки никогда не удаются, оставаясь узко сословными и не находя себе поддержки ни в одном слое русского народа. Они возникали только в эпохи междоусобиц, когда обстоятельства особенно им благоприятствовали. Когда же царский престол был занят дееспособным государем, бояре не решались изменять характер своих обычных отношений к нему, отношений слуги к господину.

До сих пор я старался выяснить общее понятие о Боярской Думе и показать исторический ход ее образования. Теперь обра-

тимся к более подробному рассмотрению ее организации и предметов ее ведомства. Здесь руководителем нашим всецело будет г. Загоскин, и дальнейшие страницы моего реферата будут изложением данных, сгруппированных в добросовестном труде этого ученого.

Говоря о московской Государевой Думе, мы все время называли ее Боярскою Думою. Этот термин выработался не в Московской Руси, а позднее: это произведение науки. В московский период звали Государеву Думу или просто Думой, или Палатой, по месту ее заседания: Золотой палатой, Столовой палатой и т.п. В актах писалось вместо Боярской Думы просто “бояре”: “царь с бояры приговорил” и пр. Термин “Боярская Дума” удобен тем, что отмечает как сущность учреждения, так и аристократический его характер; поэтому он и признан наукой^г.

Прежде всего скажем о составе Боярской Думы. Мы уже видели, что с XIV в. право участия в ней ограничивается двумя высшими чинами: боярами и окольными и что в^д эпоху Ивана Грозного вводится в Думу демократический элемент – думные дворяне^д. Вскоре затем этот элемент усиливается допущением в Думу дьяков, которые потому и получают наименование думных. Когда это произошло, мы точно не знаем. Если верить Флетчеру, то уже в 1588 г. в Думе было 4 дьяка. Число их долго не превышало четырех, и только при детях Алексея Михайловича дьяков в Думе насчитывалось до 14. По мнению Загоскина, причина призвания их в Думу заключалась в необходимости общения и правильных отношений между Думой и приказами, которыми прежде заправляли дьяки. Думе следовало знать о деятельности приказов, а приказы в свою очередь должны были знать о направлении дел в Думе. Поэтому заправители основных четырех приказов получили право заседать в Думе. Когда же приказами стали заведывать и высшие^е чины, то звание думных дьяков давалось дьякам тех приказов, в которых не было людей боярского и окольного чина. Некоторые исследователи думают, что думные дьяки заведовали в Думе делопроизводством и составляли ее канцелярию. Но Дума не нуждалась в канцелярии; дела готовились к докладу приказами, вносились на рассмотрение в Думу начальниками приказов и^ж чрез них же решение Думы сообщалось в приказ для исполнения. Верней всего, что дьяки заседали в Думе на равных основаниях с прочими членами и обладали правом голоса.

Таким образом, правом заседать в Думе пользовались четыре высших придворных чина: бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки. Бояре и окольные очень^з часто^з назывались

общим именем бояр, а дворяне и дьяки общим именем думных людей.

Иван III при восшествии на престол застал в Думе всего 6 членов: 5 бояр и одного окольного. При вступлении на престол Ивана Грозного было уже 20 бояр, а всего думных чинов 22 человека. При^и Василии Шуйском число их^и достигает уже 40 человек; но затем число думных чинов начинает убывать, и при воцарении своем Алексей Михайлович застаёт всего 19 лиц, имеющих право на участие в Думе. К концу его царствования таких лиц было уже около 65, а при Иване и Петре Алексеевичах около 180. Между количеством лиц того или другого чина нет никакого правильного отношения. Можно только сказать, что собственно *бояр* было обыкновенно больше, чем людей какого-нибудь другого чина. Но не все лица, имевшие право на присутствие в Думе, действительно присутствовали в ней. Очень много из них сидело по городам воеводствами, бывало в походах, в посольствах и т.д.; так что действительный состав Боярской Думы был меньше тех цифр, которые мы приводили.

Состав Боярской Думы не всегда ограничивался боярами и думными людьми. В первое время существования Московского государства в Думе заседали, кроме самого государя, другие лица государева рода. Еще при Иване III и Василии Ивановиче мы видим в Думе их братьев. При Грозном в его Думе заседают его двоюродный брат Владимир Андреевич и сын Иван. Борис Годунов берет в Думу сына Федора. Если же при царях Романовых нет этого явления, то это, надо полагать, зависело от чисто случайных причин: в царском роде не было родни мужчин, наследники же престола были малолетни и потому не бывали в Думе. Кроме лиц царского рода в Думе заседало часто духовенство. Патриарха можно считать обычным членом Боярской Думы: в документах имеется весьма много указаний на его участие в обсуждении Думой вопросов чисто светского характера: например, посольских дел, дел о беглых крестьянах и т.п. Есть указания и на то, что в Думу иногда приглашались вместе с патриархом и другие церковные иерархи, которые могли обсуждать и светские дела. Для обсуждения особо важных дел – часто светского же характера – собирався вместе с Думой и весь освященный собор. При участии его было решено издание Уложения, обсуждались правила для продажи вина (1652 г.) и было определено уничтожение местничества. Заседая в Думе, духовенство имело, без сомнения, и право голоса при решении обсуждаемых дел.

Иной совсем характер носит участие торговых людей в заседаниях Боярской Думы. Их призывают иногда в Думу для объяс-

нения различных промышленно-торговых вопросов, знакомство с которыми было боярству не “в обычай”. Торговые люди играют здесь роль экспертов и правом голоса не пользуются. Примеры такого участия торговых людей в заседаниях Думы были в 1660 г., по поводу дороговизны съестных припасов в Москве, и в 1667 г., по поводу торговых сношений с Востоком.

Так пополнялся иногда нормальный состав Боярской Думы. Иногда же, напротив, государь совещался только с самыми близкими, наиболее доверенными боярами; эти интимные, так сказать, совещания назывались Ближней или Тайною Думою. Ограничение круга советников вызывалось таким характером дела, который не допускал огласки. О такого рода Думе есть известия у Котошихина, также^к у Маржерета и других иностранцев.

В^л науке существует мнение, высказанное Карамзиным и повторенное Троциной, что Дмитрий Самозванец сделал изменения в составе Думы, а именно: увеличил число думных членов, причем переименовал их в сенаторов, и затем привлек к постоянному участию в Думе духовных иерархов. Но Загоскин совершенно резонно опровергает это мнение. Увеличение числа бояр подтверждается источниками, но ведь мы видели, как часто колебалось число думных чинов в Московском государстве. Реформы в этом отношении со стороны Самозванца нельзя видеть никакой, если даже он и пожаловал многих высшими чинами. Мнение о переименовании думных членов в сенаторы основывается на том, что Буссов называет их сенаторами, и, кроме того, на списке всех членов Думы Дмитрия Самозванца, списке, составленном поляком Бучинским, есть надпись: “Ordo Senatorum Moskiewskich” (СГГД. Ч. 2. С. 93). Но на терминологию иностранцев полагаться нельзя. Это весьма слабое доказательство, тем более, что в официальных актах думные чины и во время Самозванца не зовутся сенаторами, а продолжают зваться “боярами”. Что же касается до *постоянного* участия духовных властей в Думе, то его не могло быть, ибо духовные иерархи – по существу своих обязанностей – должны были находиться вне Москвы по далеким епархиям.

Мы всесторонне рассмотрели состав Боярской Думы и его временные изменения, скажем теперь о производствах в думные чины, о жалованье и о преимуществах думных чинов. Первые два чина – бояре и окольные – по степени своей родовитости подразделялись на статьи: были бояре большей статьи и бояре меньшей статьи, точно так же окольные большей статьи и окольные меньшей статьи. Это подразделение, как сказано уже, было построено на родовых традициях и оказывало влияние на производство в тот или другой чин. Государь обыкновенно обращали

внимание на родовитость жалуемого лица, хотя, как самодержцы, могли и не принимать ее в расчет, что и бывало, правда, в виде редких исключений. Самые знатные роды служили исключительно в боярском чине. В бояре они жаловались из стольников и других придворных не думных чинов, которые были им в молодости как бы подготовкой к думной службе. Это были бояре большей статьи. Другие, менее знатные роды, служили и окольными, и боярами. Они были окольными большей статьи, но боярами меньшей статьи. Также роды, которые не дослуживались выше окольного чина, звались окольными меньшей статьи. Котошихин говорит, что бояре и окольные, пожалованные из спальников, звались ближними боярами и окольными, вследствие того, что становились, будучи спальниками, близки царю по свойству этой должности.

Из сказанного видно, что для получения боярства и^М окольности^М не требовалось прохождения низших думных чинов. Родовитые люди избегали этого. А человек не родовитый, будучи думным дворянином, мог достичь боярства только в исключительном случае, в том случае, если он был любимцем государя. Такие случаи достижения боярства крайне редки и обуславливались они непременно прохождением промежуточных до боярства чинов. Это видно на примерах Афанасия Ордын-Нащокина и Кирилла Нарышкина. Таким образом, два старших думных чина, иначе говоря, наше боярство отличается замкнутым аристократическим характером. Напротив, низшие чины, дворян и дьяков думных, имеют характер демократический: они доступны всякому человеку, служилому и гостю, здесь необходимо только согласие царя, не руководимое никакими традициями.

Производство в чин “сказывалось”, т.е. совершалось на словах и записывалось для памяти в разрядные книги. Жаловались чины чаще всего по праздникам. Сказывание в чин имело место во дворце; сказывал не сам царь: для этого назначалось два лица, а именно думный дьяк объявлял о пожаловании чином, а лицо^Н одного из трех^Н высших думных чинов присутствовало при этом. Обыкновенно, ассистент не бывал *выше* чином чем пожалованный, иначе он начинал местничаться, так как присутствовать при “сказке” низшего чина считалось “порухою отечества”. При сказке в думные дворяне и дьяки ассистентов не было. При вступлении в число думных лиц приносилась присяга, в которой кроме общих всем гражданам обязательств, думный человек обязывался еще «не сказывать ни своим, ни иностранцам о тайных и иных думных делах, самовольством ничего не делать, не корыстоваться, судить “в правду”» и т.д. Пожалованный думным чином не

мог никуда “ни на один день” отъезжать из Москвы без царского отпуска.

Думные чины не получали вознаграждения, как члены Думы, но они получали его за те должности или службы, которые совмещали с обязанностью заседать в Думе, за воеводства, приказные службы и т.д. Вознаграждения бывали денежные и поместные. В официальном документе (1658 г.) денежное жалованье показывается таким образом: обыкновенный оклад бояр был 400–500 рублей в год; некоторые получали меньше (380, 300 рублей), а некоторые имели придачи за разные службы. Больше 1200 рублей оклада мы не знаем (его получал Борис Иванович Морозов). Для окольничих средний оклад был – 300 рублей, а дворяне и дьяки думные получали около 250 рублей. Поместных окладов не было более 1000 четвертей.

Составляя родовую и служебную^o аристократию в государстве, бояре и думные люди пользовались большими преимуществами и льготами пред остальными классами населения. Они пользовались правом свободного приезда ко двору, составляли ближайшую свиту царей и занимали после них первое место во всех придворных собраниях и церемониях. Они пользовались почетом и со стороны населения. Указом царским в 1681 г. запрещено служилым и тяглым людям кланяться в землю при встрече с боярами, что было до того в обычае. Члены Государевой Думы были избавлены от телесного наказания там, где оно постигало других; иногда тюрьма заменялась для них пенею. Вместо батогов и тюрьмы наказаниями для них были удаление от двора, понижение в чине, лишение думного звания, ссылка. Бояре иⁿ думные людиⁿ пользовались правом не платить некоторых пошлин; их по судебным делам допрашивали на дому. Затем члены^p Думы имели^p льготы чисто внешнего свойства: бояре и думные люди могли писать свое отчество с окончанием на “вич”, могли ездить парой и в каретах. Все это возбранялось низшим чинам.

По^c мнению г. Загоскина^c, Дума слушала всякого рода дела в полном составе своем. Она не разделялась на специальные отделения, каждое^t с особой определенной сферой ведения. Таких отделений не было до конца XVII в. Г[осподин] Загоскин в своем труде полемизирует по этому вопросу с профессором Дмитриевым, который находит возможным утверждать, что такие постоянные отделения существовали. Всмотриваясь в^y аргументы той и другой стороны, можно скорей оправдать мнение Загоскина. Действительно, мы не имеем прямых указаний на разделение Думы; напротив, Уложение предписывает боярам “всякия дела делати всем вместе”; Котошихин, упоминая о Тайной Думе, ничего не

говорит об отделениях Думы. Из его рассказа скорее можно заключить, что бояре заседают все вместе. Различные же наименования Думы – Столовой, Передней палатой, на которые опирается Дмитриев в своем предположении и о которых мы упоминали, ничего не доказывают. Ими означалось только *место* заседания Думы, и никакого другого значения они не имели. По месту заседания у нас не назывались правительственные учреждения.

Одно постоянное отделение или^ф постоянная комиссия возникла в Думе, но уже в конце XVII в. Она звалась Расправною палатою и ведала все судебные дела, доходившие до Боярской Думы. В состав ее входило 15–20 членов Думы. Первое упоминание о ней в официальных источниках относится к 1681 г. Причиной ее учреждения была необходимость правильно организовать судебную функцию Думы Боярской. Вследствие частых отъездов из Москвы Боярской Думы, сопровождавшей государя во всех его поездках, правильный ход судебных дел прекращался, так как бояре, остававшиеся в Москве для “ведания” ее, не все дела решали по своему усмотрению, а ссылались с государем и Думой, на что требовалось время. Это неудобство было устранено учреждением Расправной палаты, которая, оставаясь всегда в Москве, могла решать дела безостановочно, согласно своим^х полномочиям. Так объясняет г. Загоскин возникновение Расправной палаты.

Кроме Расправной палаты, существовали еще *временные* комиссии из членов Думы, выделявшиеся для каких-либо специальных целей. Так во время отъездов государя из Москвы, оставались, по назначению государя, несколько членов Думы “для ведания Москвы”. Обыкновенно число их не превышало 7. Они как бы представляли собою отсутствующую Думу, принимали доклады из приказов, решали те дела, которые решить им “было мочно”, а дела важнейшие отправляли к государю. При приезде иностранных послов для переговоров с ними назначалась также комиссия из 5–6 думных чинов людей. Это называлось “быть в ответе”. Иностранные послы имели у государя две аудиенции: “прием на приезде” и “отпуск”, т.е. прощальную аудиенцию. Все же переговоры велись через такие “ответные” комиссии. Кроме того, назначались комиссии по случайным делам особой важности: так в 1662 г. назначена была комиссия по делу патриарха Никона.

Боярская Дума не имела определенного места для своих собраний. Одна только Расправная палата заседала постоянно в Золотой палате Кремлевского дворца. Заседания же всей Думы имели место в различных как парадных, так и жилых покоях дворца,

где укажет государь. В редких случаях Дума заседала вне дворца: так, в 1653 и 1674 гг. Дума в полном своем составе допрашивала государственных преступников на Земском дворе. Когда государь уезжал из Москвы, Дума его сопровождала, и тогда заседания ее происходили в местах пребывания государя. Во время ратных походов Дума носила характер военного совета.

В XVI в. Дума Боярская собиралась для слушания очередных дел по понедельникам, средам и пятницам; в случае надобности собиралась и в прочие дни. Так говорит Флетчер. Но в XVII в. Дума заседает, как видно из документов, уже ежедневно, кроме суббот и воскресений. Обыкновенно бояре и думные люди съезжались во дворец на заседания ранним утром; после заседания шли с государем слушать обедню, которая начиналась в 7 или 8 часов; после обедни разъезжались по домам и снова собирались после обеда. Для послеобеденного приезда часы часто менялись: иногда бояре и думные люди съезжались в 2 часа, а иногда в 6 часов. Вечерние заседания длились два или три часа.

Переходим теперь к обозрению делопроизводства в Думе и порядка думных заседаний.

Мы уже говорили, что Дума не имела канцелярии; в ней почти совсем не было письмоводства, и этим объясняется то любопытное явление, что до нас не дошло почти никаких актов и приговоров, обнародованных самой Думой. От деятельности Думы остались только записи боярских приговоров в приказных книгах да пометы боярских решений на челобитных... Делопроизводство в Думе отличалось несложностью. Дела поступали в Думу не через канцелярию, а вносились непосредственно в самую Думу или самим государем, или в виде докладов из приказов, или в виде челобитных на государево имя, которые он передавал на рассмотрение Думы.

Дела, возбуждаемые инициативой государя, иногда готовились к обсуждению в Думе государевыми дьяками или, позднее, Приказом тайных дел, т.е., говоря языком нашего времени, собственной Канцелярией государя. Когда по ним в Думе принималось известное решение, оно передавалось заправителю соответствующего приказа, который присутствовал в Думе. В приказе оно записывалось в книгу и обнародовалось. Если дело поступало в Думу из приказа, то в приказе составлялся доклад, объясняющий сущность дела, и вносился в Думу заправителем приказа. Боярский приговор отмечался на докладе, и дело возвращалось в приказ к исполнению. Те челобитные, которые могли быть подаваемы прямо на государево имя, принимались дьяками Расправной палаты. (Обыкновенно же челобитные подавались

в приказы.) Думные дьяки, приняв челобитную, докладывают ее Думе. Приговор отмечается на челобитной, и она^н передается в соответствующий приказ, где приговор приводится в исполнение.

Думные приговоры, хотя бы они постановлялись в отсутствие государя, который не всегда бывал на заседаниях, считались все-таки сделанными по государеву “указу” и получали обязательную силу.

В заключении обзора организации Боярской Думы скажем несколько слов о внешнем порядке думных заседаний. Он нам не совсем ясен. Председателем Думы является сам государь, но на деле он часто не бывает в заседаниях, особенно в тех, где обсуждаются текущие мелкие дела. Кто без него руководит заседанием, неизвестно. Боярство в Думе сидело поодаль от государя по чинам. Каждый чин рассаживался по “породе”, и здесь было много поводов к местничанью, причем за неуместную обидчивость оберегатели своей “породы” иногда жестоко платились. Думные дьяки могли сесть только с позволения государя; если же его не последует, они стоят. Котошихин пишет, что государь объявляет боярам дело, по которому они созваны, и приказывает о нем “помыслить”. Так начинается обсуждение дела. Решение, надо думать, достигалось не большинством голосов, а общим соглашением по исконному русскому обычаю.

Вопрос об организации Боярской Думы мы рассмотрели. Теперь попробуем перечислить предметы ее ведомства, указать сферу деятельности этого учреждения. Эта сфера очень обширна: все роды дел, доходившие до ведения государя, подлежали ведению и его Думы, были передаваемы им на ее рассмотрение. Московские государи не были привычны решать дела исключительно своею волею, хотя и имели на это право.

Думе Боярской была присуща, во-первых, законодательная деятельность, во-вторых, судебная деятельность и, в-третьих, деятельность исполнительная.

1. *Законодательная деятельность* присуща была Боярской Думе настолько, насколько допускал это государь. Здесь совещательное значение Думы сказывалось в полной силе: без санкции государя Дума не могла издать ни одного постановления. Но на деле московские государи всегда давали Думе возможность широкого участия в законодательстве.

Законодательная деятельность Думы вызывалась иногда самим государем: издание Судебников и Уложения совершалось по инициативе государя с участием Думы. Но вообще мы мало имеем указаний на почин верховной власти в законодательстве.

Часто законодательная деятельность московского правительства возбуждалась различными недоразумениями, возникавшими при практическом применении действующего законодательства. Приказы докладывали об этих недоразумениях в Думу, которая и устраняла их новыми законоположениями. Весьма часто законодательную деятельность правительства вызывала земщина своими челобитьями, в которых указывались различные пробелы и недостатки законодательства. В Московском государстве народ широко пользовался правом ходатайства: челобитья земских людей влияли на законодательную деятельность правительства, давая ей направление сообразное с народными нуждами.

Кроме кодификационной деятельности, которая выразилась в составлении Судебников и Уложения, Боярская Дума принимала участие в создании *новых* законоположений, дополнявших Судебники и Уложение; далее, законодательная функция Думы выражалась в дополнении, разъяснении и отмене различных статей действовавших законов. Таково было содержание законодательной деятельности Думы.

Эта законодательная деятельность обнимала все сферы общественно-государственной жизни; она касалась области прав государственного, гражданского, уголовного и финансового, затрагивала и^ч вопросы полицейского свойства. Она простиралась иногда даже^м и на дела церковного благоустройства. Так, Боярская Дума принимала участие в заседаниях Стоглавого собора 1551 г. Впрочем, этого нельзя считать правилом: в 1551 г. вопрос о запрещении духовенству приобретать вотчины решается государем при участии одного духовенства, хотя это дело столько же светское, сколько церковное.

2. *Судебную деятельность* Боярской Думы можно подразделить на два вида: одни дела решались ею как первой судебной инстанцией, т.е. были подсудны только Боярской Думе; другие же дела решались Думой как инстанцией высшей, т.е. только в тех случаях, когда решение этих дел в приказах чем-либо затруднялось или же обжаловалось.

Как первая инстанция, Дума ведала *политические преступления* (например, дело Шеина под Смоленском в 1634 г.), далее, дела о *преступлениях по должности* (например, дела о противозаконных действиях воевод) и, наконец, Дума судила как первая инстанция *дела местнические*, которые возникали очень часто. Однако нужно заметить, что дела всех этих трех категорий могли разбираться и приказами, если они были не важны.

Как высшая инстанция, Боярская Дума рассматривала, во-первых, все те дела, которые не могли быть решены приказами, по

каким бы то ни было причинам, и во-вторых, как высшая инстанция Дума рассматривала апелляционные жалобы на неправильные приговоры приказов. Жалобы эти приносились в форме челобитий на государево имя.

3. *Правительственная исполнительная деятельность* Думы выражалась прежде всего участием ее в делах *внешней политики*. На это есть много указаний; я приведу только один интересный пример: в 1614 г. от лица московских бояр за их подписями была послана в Польшу грамота о заключении прочного мира между Польшей и Москвою. Затем, Боярская Дума ведала *ратные дела*: государственную защиту и ратное устройство вообще. Бояре являлись полководцами на войне; если государь находился в походе, бояре составляли его военный совет. В мирное время ратные дела ведались некоторыми приказами, так что до Боярской Думы доходили только важнейшие из них. Когда какой-нибудь приказ затруднялся решением какого-либо дела, входившего в сферу его *исполнительной* деятельности, это^м дело^м передавалось в Думу; так^б, один приказ просил у Думы инструкций по делу о воеводе, который по болезни не исправлял своих обязанностей. Иногда^м Боярская Дума принимала участие в обсуждении *чрезвычайных мер*; например, она обсуждала в 1648 г. вопрос о созвании земского собора.

Этим я заканчиваю обзор организации и деятельности Боярской Думы. Для полноты очерка остается еще упомянуть о том виде Думы Боярской, который г. Загоскин называет *Думой с чрезвычайной властью*. Дело в том, что во время междуцарствий или малолетности государя вся правительственная власть сосредоточивалась в Думе. В таких случаях Дума имела характер или верховной государственной власти, как в 1610–1612 гг., или же регентства, как было, например, после смерти Василия Ивановича. Такая роль Думы была, конечно, временной.

Вот в общих чертах та характеристика Боярской Думы, которая заключается в труде г. Загоскина.

На этом я мог бы кончить свое изложение, но я попрошу у вас еще нескольких минут внимания: мне было бы желательно сказать кое-что о боярстве, т.е. о двух высших думных чинах как о родовой аристократии Московского государства.

Боярство, без сомнения, было не только служебной, но и родовой аристократией, как бы высшим сословием в государстве. Оно имело все признаки сословности: *замкнутость*, не допускавшую в него лиц других разрядов, *особые права и обязанности*, не присущие никому, кроме боярства, и, наконец, *наследственность* этих прав и обязанностей. Все это дает нам некоторое пра-

во прилагать к боярству эпитеты: сословие, сословный и т.п. Но при этом нужно помнить следующее: принцип, легший в основу деления московских людей на сословия, заключался в различии государственных повинностей или тягл; одна часть населения – служилые люди – несла тягло в виде личной службы, а другая часть платила подати. По роду службы своей, с точки зрения этого принципа, боярство вполне отождествимо со всем служилым сословием, а потому и не может считаться отдельным сословием, а только^б обособившеюся *частью* служилого сословия. Вследствие своей близости к государю боярство получило более почетное положение, чем другие служилые чины, особые права и обязанности, стало замкнутым кругом лиц. В среду^в боярства мало-помалу вошел большой процент родов, происходивших от прежних удельных князей (их было около 200). Эти роды очень способствовали еще большему обособлению боярства и развитию в нем аристократических традиций, начал родовой чести, породивших местничество. Право земельного владения вместе с развивавшимся крепостным правом, по справедливому выражению Валуева, “лишили боярство последних признаков, отделяющих его от аристократии” (Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1. С. 179). Таким образом, будучи частью служилого сословия, боярство в то же время и резко отделялось от него. Оно все-таки было особым кругом лиц с исключительными правами, обязанностями и интересами, и поэтому, в силу своих сословных признаков, оно может быть называемо сословием без особенной погрешности.

С этой точки зрения и английская аристократия сплошь и рядом называется сословием, хотя многие – в том числе и Фриман – протестуют против этого. Английская аристократия выделилась из среды прочего дворянства и составила мало-помалу замкнутый круг с многими сословными признаками. У ней есть в этом отношении^ю аналогические черты с московским боярством. Она занимает места в верхней палате парламента по наследству, причем старший сын пэра, считаясь при жизни отца простым гражданином, после его смерти возводится в пэры. Это напоминает наше “сказывание” в боярские чины. Английская аристократия имеет исключительные политические и гражданские преимущества, которых нет у прочего дворянства. Английские юристы делят всех граждан на благородных (noblemen) и простых (commoners); к первым относятся лорды, а ко вторым – остальное дворянство и прочие классы...

Какую же роль играло боярство в русской жизни? Было ли оно здоровым органом государственного организма или было

больной и слабой его частью? Ответ еще не сказан наукой. Насколько мне известно, ни один русский историк не брался за всестороннее рассмотрение этого вопроса; может быть я ошибаюсь, но я не знаю ни одного сочинения, посвященного истории боярства и его значения в русской государственной жизни.

А между тем нашей науке известны некоторые факты, очень красноречивые, которые, так сказать, предрасполагают сделать известное заключение о боярстве в смысле для него неблагоприятном. Я попробую сгруппировать здесь важнейшие из таких фактов и попрошу вас вспомнить, что мы говорили в историческом очерке Боярской Думы. Мы видели, что оппозиция бояр самовластия московских государей всегда была чисто сословной: ни при Василии Ивановиче, ни при Грозном боярство не получало помощи от других классов населения. Народ был другом не боярства, а московских государей, ибо они доставили государству силу, а народу хоть относительный покой. Боярство же не проявляло никогда особенных забот о благоденствии народа. После смерти Василия Ивановича вся власть очутилась в руках бояр, но они не воспользовались ею, чтоб возратить себе утерянное значение: власть их тяжело отозвалась на спокойствии и благосостоянии народа. Не сознавая своих сословных интересов, боярство оттолкнуло от себя своими неправдами народ, союз с которым мог принести боярству громадную пользу. Не только не было^a понимания сословных выгод, но не было и чувства сословного единства у^{aa} бояр^{aa}, когда они – на глазах вверенного их попечению царя – интригами и грубыми насилиями губили друг друга, преследуя личные цели. Они воспитали государству такого царя, который наполнил ужасом всю страну, – а ведь у Ивана Грозного была талантливая и доступная добру натура! После Грозного мы видим те же смуты, те же эгоистические расчеты, как и при начале его царствования: слабый царь Федор мог бы уступить власть боярству, но ее захватил ловкий Годунов – сословного единства снова не оказалось. При воцарении Годунова бояре думали ограничить его власть, но он их перехитрил и взошел на престол волею всего народа, а не боярства. Василий Шуйский был ограничен в своей власти в пользу боярства, целовал крест на том, чтобы никого не казнить, “не осудя истинным судом с бояры своими”, но он был скоро свергнут, и вся власть перешла к боярам. Не стану говорить подробно о времени междоцарствия; скажу только, что занимаясь личными счетами и выгодами, ведя постоянные интриги и отличаясь отсутствием политического смысла, боярство в это время совершенно потеряло кредит в глазах народа, и государство из ужасного положения было выведено напряжением на-

родных сил, народным движением, в котором боярство не играло никакой роли. Его нельзя считать спасителем нашего отечества; оно оказалось ниже той задачи, которая выпала ему на долю, и не смогло руководить государством в трудные дни. Народ спас сам себя, и по взятии Москвы верховная власть перешла к народу, сосредоточилась в руках всего земского собора, собравшегося в Москве. Собор этот рассылал грамоты от лица “всей земли”, а не боярства, и передал свою власть новоизбранному государю. Если присмотреться к этому подвигу народной самодеятельности и понять всю мощь и значение этого народного движения, то естественным покажется дойти до того обожания народа, какое мы видим в трудах славянофилов...

Сыграв плохую роль во время междуцарствия, боярство окончило ею свою политическую деятельность. Во время царей Романовых оно, сохраняя свой аристократический характер, является уже только высшим чиновничеством и проявляет деятельность исключительно административно-судебную и совещательную, оставаясь покорными царскими слугами. Но лучше ли оно исполняло свои правительственные обязанности, чем действовало на политическом поприще?

В качестве сословия, на политической арене оно показало, что в нем не было не только широкого понимания своих интересов, но часто и простого сознания сословного единства. В этом отношении наше боярство нельзя сравнить с английской средневековой аристократией. Та широким пониманием своих интересов⁶⁶, ловкою политикой привела весь⁶⁷ народ, не только самое себя, к обладанию политическими правами; она шла впереди своего народа и была его руководительницею. Наше боярство оказалось бессильным в минуты опасности, – и народ пошел впереди боярства.

В роли высшего чиновничества боярство тоже не показало особенных способностей и достоинств. Вспомним, что Дмитрий Самозванец – а его никак нельзя считать европейски образованным человеком – Дмитрий Самозванец, бывая в заседаниях Думы Боярской, легко решал те дела, которые для бояр были трудными, и упрекал бояр в невежестве. Вспомним слова Котошихина, что в Думе “иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные”. Вспомним, как много вредили государственным, особенно военным, делам бесконечные местнические споры. Вспомним, наконец, что областные правители, воеводы, назначаемые из боярства, ложились тяжелым бременем на земщину и, пользуясь

трудностью контроля со стороны правительства, иногда совершенно разоряли управляемые области. На земском соборе 1642 г. торговые люди прямо заявляют: “а в городех всякие люди обнищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод”; городовые дворяне говорят: “разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских басурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов”. Под “неправедным” судом здесь можно разуметь и областной суд, бывший в руках воеводы, и приказный, а в приказах в XVII в. вместе с дьяками заседали и бояре. И эту жалобу, значит, можно рассматривать как жалобу на бояр. Боярство было, следовательно, настолько же плохим чиновничеством, насколько плохим политическим деятелем.

Я указал только ничтожную долю фактов, характеризующих боярство с этой стороны. Но и эти факты дают нам если не право, то достаточный повод думать, что боярство наше было^г ниже своей роли высшего сословия. Я отнюдь не решусь утверждать, что боярство было и неспособнее, и невежественнее, и безнравственнее других классов общества московского, но я полагаю, что было не лучше их и не развитее их, и что оно занимало свое высокое положение “не по разуму, а по великой породе” и потому оказывалось в своей совокупности ниже своего положения. Это делается еще яснее, если мы вспомним деятельность земщины в Смутное время, если просмотрим те наивные, быть может, по форме, но далеко не чуждые политического смысла мнения простых людей на земских соборах; если, наконец, припомним, с какой глубокой иногда^д библейской начитанностью выступали простые люди против Никоновых новшеств... Нет, с той точки^е зрения, на которой я стою, боярство не заслуживает^ж похвалы пред лицом беспристрастной истории, и будущий его исследователь произнесет над ним справедливый и, быть может, суровый приговор...

15-го декабря 1880 г.

Читан 26 января 1881 г.

К с. 542*. Вопрос об организации Боярской Думы мы рассмотрели. Следовало бы теперь перейти к рассмотрению предметов ее ведомства; но для того, чтобы чтение мое не вышло слишком продолжительным и в виду специально юридического характера этой части моего реферата, я решаюсь только в самых общих чертах указать сферу деятельности Боярской Думы.

Во-первых, ей была присуща законодательная деятельность. Она выражалась участием Думы как в составлении Судебников и Уложения, так и в издании дополнительных к ним частных законоположений, от-

---

* Добавление, сделанное С.Ф. Платоновым в конце рукописи.

носящихся ко всем сторонам народной жизни. Иногда даже Дума занималась делами церковного благоустройства: она принимала участие в заседаниях Стоглавого собора.

Во-вторых, Боярской Думе была присуща *судебная* деятельность. Некоторые дела (как, например, местнические и политические) были подсудны только одной Боярской Думе. Остальные судебные дела она рассматривала как высшая инстанция, т.е. в тех только случаях, когда они почему-либо не могли быть решены приказами или же когда решение приказа обжаловалось посредством челобитной на государево имя.

В-третьих, Боярской Думе была присуща *правительственная (исполнительная)* деятельность: она ведала дипломатические дела, государственную защиту и дела ратные, разрешала спорные вопросы приказной исполнительской практики и, наконец, обсуждала различные чрезвычайные меры.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ РЕФЕРАТА (г. Бушуева, юриста IV курса)

Изложению труда Загоскина о Боярской Думе Вы предпослали краткий исторический очерк, в котором Боярскую Думу при московских царях признаете заместительницей княжеской Думы, ее преемницей в историческом ходе развития государственной жизни России. Различие той и другой Вы проводите, но различие чисто внешнее; причины этого различия их также, по-вашему, чисто внешние. Совершенно верно, что усиление власти князя произвело огромный переворот в политической жизни России, но едва ли можно сказать, что влияние это, отразившись на княжеской Думе, обратило ее в Думу Боярскую, в то учреждение, которое вполне организовалось ко времени Ивана IV. Внимательное изучение состава той и другой, элементов, из которых этот состав выходил, должно привести нас к тому утверждению, что сравнивать и связывать ту и другую никаким образом нельзя, что Боярская Дума в корне своем имеет совершенно иной принцип, нежели Дума княжеская. Княжеская Дума была следствием бытовых условий жизни народа; существование же Боярской Думы едва ли оправдывалось жизненной необходимостью. Эти два исторических факта обуславливали самый состав той и другой; в этом кроется причина народности первой и отсутствия земских сил во второй. Со стороны состава, я скорее бы назвал княжескую Думу – боярской, а боярскую – московскую – царской.

В подробности, конечно, не вхожу, но считаю необходимым заметить, что то боярство, которое участвовало в княжеской Думе обратилось в боярство земское, в помещиков, вотчинников, в высший разряд городских обывателей – словом, в ту земскую силу, которая не раз спасала Россию от гибели и которую реферат напрасно смешивает с московским боярством. Московское боярство только взяло кличку бояр княжеской эпохи, плоть же и кровь последних была ему чужда. Вообще я утверждаю: во-первых, эта Боярская Дума ни малейшего отношения не

имеет [к князей эпохе]³³, и, во-вторых – московское боярство чуждо по плоти своей и духу боярству княжеской эпохи.

НВ. Затем мне желательно обратить внимание на деление – на народ и дружину и особенно на причисление бояр к дружине, на разделение их на бояр княжеских и земских. Я считаю возможными разделять только по занятиям.

Читано 26 января 1881 г.

^{а-а} *Дописано над строкой.*

^{б-б} *Дописано над строкой.*

^{в-в} *Написано над строкой вместо зачеркнутого в основном тексте поставили во.*

^г *Далее зачеркнуто* Сделав эту оговорку, переходим к обзору организации Думы.

^{д-д} *Исправлено из* Иван Грозный вводит в Думу демократический элемент – думных дворян.

^е *Написано над строкой вместо зачеркнутого в основном тексте* думные.

^ж *Дописано над строкой.*

^{з-з} *Дописано над строкой.*

^{и-и} *Исправлено из* Число их при Василии Шуйском.

^к *Написано над строкой вместо зачеркнутого в основном тексте и.*

^л *Отсюда и далее, до слов вне Москвы по далеким епархиям, текст всего абзаца перечеркнут волнистой чертой.*

^{м-м} *Дописано над строкой.*

^{н-н} *Исправлено из* лица трех.

^о *Написано над строкой вместо зачеркнутого в основном тексте* думную.

^{п-п} *Дописано над строкой.*

^{р-р} *Исправлено из* боярство имело.

^{с-с} *Зачеркнуто.*

^т *Дописано над строкой.*

^у *Далее зачеркнуто* такие.

^ф *Дописано над строкой.*

^х *Дописано над строкой.*

^ц *Дописано над строкой.*

^ч *Дописано над строкой.*

^ш *Дописано над строкой.*

^{ш-ш} *Исправлено из* то это.

^ъ *Далее зачеркнуто* (в 1675).

^ы *Далее зачеркнуто* почин.

^ь *Далее зачеркнуто* частью.

^э *Исправлено из* число.

^ю *Далее зачеркнуто* многие.

^я *Далее зачеркнуто* сословного единства.

^{аа-аа} *Дописано над строкой.*

^{бб} *Дописано над строкой.*

^{вв} *Дописано над строкой.*

^{гг} *Дописано над строкой.*

^{дд} *Далее зачеркнуто* начи.

^{ее} *В рукописи это слово пропущено, восстановлено по смыслу.*

^{жж} *Далее зачеркнуто* опра.

^{зз} *В рукописи этих слов нет, видимо, вследствие пропуска, данные слова вставлены по смыслу.*

[ПРЕДИСЛОВИЕ С.Ф. ПЛАТОНОВА К КНИГЕ
“ДРЕВНЕРУССКИЕ СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ
О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ XVII ВЕКА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК”
(неопубликованный вариант)]

Предлагаемый труд первоначально был напечатан в *Журнале Министерства народного просвещения* за 1887 г. (октябрь, ноябрь и декабрь) и за 1888 г. (февраль, март и апрель). В настоящем издании прибавлено заключение, указатель имен личных и географических и указатель рукописей, разобранных и упомянутых в книге.

В своем труде автор желал дать систематический обзор тех литературных произведений великорусской письменности XVII в., которые были посвящены изображению и обсуждению событий Смутного времени Московского государства. Число таких произведений довольно велико. Они стали появляться еще до окончания Смуты по поводу отдельных ее фактов. При царе Михаиле Феодоровиче создалось несколько обширных и цельных описаний Смутной эпохи. И при царе Алексее Михайловиче записано было несколько любопытных воспоминаний и преданий. Но во второй половине XVII в. непосредственные воспоминания о Смуте стали уже замирать, и люди, писавшие о временах самозванщины, или перерабатывали более ранние повествования или создавали легендарно-поэтические рассказы. Все эти разновременные памятники дошли до нашего времени в большом количестве списков.

Задача нашего труда – рассмотрение тех произведений древней русской письменности, которые посвящены событиям Смутного времени конца XVI и начала XVII в. Обилие древнерусских повествований о Смуте, общеизвестность одних сказаний и почти полная неизвестность других, давно установившийся обычай пользоваться их показаниями, иногда даже предпочтительно пред данными прочих источников, – устраняют мысль о преждевременности предпринятого нами труда. Напротив, критическое исследование источников для истории Смутного времени составляет явную потребность нашей историографии, вытекающую из того неудовлетворительного состояния, в каком находится служащий к изучению Смуты исторический материал.

Русские сказания о Смуте по количеству своему составляют очень малую часть всего богатства источников для изучения этой эпохи. Обширная литература иностранных мемуаров о Смутном времени на Руси рядом с русскими повествованиями давно уже вошла в научный оборот и служит исследователям. Масса актов Смутного времени, русских и иностранных, хранится в архивах едва ли не всех европейских стран, но этот разнообразный материал далеко не приведен в известность, не издан и не изучен критически. При занятиях нашей темой нам пришлось встречаться с литературными памятниками или совсем неизвестными, или же просто забытыми. К первым можно причислить несколько анонимных произведений о Смуте¹; ко вторым – такие вещи, как произведения князя Ивана Андреевича Хворостинина и дьяка Тимофеева². Сравнение с изданными актами о Смуте отчетов корреспондента Археографической комиссии проф. Соловьева³ убеждает нас в том, что не все хранящиеся в Швеции и ему известные документы Смутного времени были изданы. Каждый, работавший над рукописными материалами для истории XVI–XVII вв., может, конечно, засвидетельствовать, как много необнародованных и неизвестных актов Смутного периода хранится в наших архивах⁴. При обилии материала, при полном отсутствии какой-либо систематизации сведений о нем много необходимо времени и труда для того, чтобы привести в известность, не говорим уже обнародовать, весь этот материал, все то, что может служить к изучению истории Смуты.

Но и из того, что уже обнародовано и чем уже пользовались в ученых трудах, весьма многое не может удовлетворить требованиям исследователя. Издание памятников Смутного времени, начатое кн. Щербатовым и Н.И. Новиковым в прошлом веке,

---

¹ “Плач о пленении и конечном разорении Московского государства”, “Повесть о некоей брани, належавшей на благочестивую Россию”, Повесть о видении монаха Варлаама в Новгороде в 1611 году, “Сказание о царстве государя и великого князя Феодора Ивановича” и любопытную легенду о погребении св. царевича Димитрия в 1606 г. в Москве.

² Оба произведения знал П.М. Строев (*Строев П.М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоповедения // ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. 2. С. 175; *Строев.* Словарь. С. 269 и 289). Труд князя Хворостинина был известен и И.П. Сахарову (*Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. Предисловие). Но ссылок на эти сказания нам не встретилось ни в одном исследовании.

³ Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1; СПб., 1886. Вып. 2.

⁴ Нам лично случалось видеть грамоты Смутного времени не только в архивах, но и в библиотеках: например, в имп. Публичной библиотеке (рукопись F.IV.344, F.IV.345 и др.), в Библиотеке имп. Академии наук (в связке № 16/178, № 91 и др.).

продолжается до наших дней. Смотри на издание исторических документов весьма серьезно как на “дар Отечеству и любопытной публике” и понимая необходимость точного воспроизведения текстов, наши предки однако не владели приемами ученых издателей. Издания Нового летописца, не раз повторявшиеся в XVIII в.⁵, наполнены ошибками: читая этот ценный памятник, мы не всегда можем отличить простую опечатку от слишком внимательной передачи неисправной рукописи; даже более, – не всегда знаем, какого чтения держаться при разногласии напечатанных списков⁶. Сказание Авраамия Палицына⁷ издано удовлетворительнее; но и в нем исследователи нашего времени должны нередко исправлять неточности изданного текста с помощью рукописей⁸. С течением времени выработались лучшие способы издания, и печатный источник стал более или менее твердою опорой при исследовании; но вместе с тем недоверие к печатному материалу, изданному уже в наше время, может быть иногда основательным. Так, например, один из интереснейших памятников Смутного времени, “Иное сказание о самозванцах”, издано было в 1853 г. по одному списку с явными пропусками и искажениями текста, для понимания которого иногда положительно необходимо обращаться к рукописям⁹. Находящаяся в “Ином сказании” и пропущенная при его издании Повесть 1606 года “О видении некоторого мужа” была напечатана отдельно также по одному списку, позднему и уже потерявшему стилистические особенности произведения; а между тем этот памятник дошел до нас в первоначальном своем виде в нескольких списках¹⁰. Не

---

⁵ Под названием Летописи о многих мятежах (М., 1773 и 1788), в 8-м томе Русской летописи по Никонову списку (СПб., 1792).

⁶ Например, о суде над Шуйскими в 1605 г. ср.: Летопись о многих мятежах. 2-е изд. М., 1788. С. 96 (“На том же соборе не властники из бояр; но из простых людей никто же им пособствующе, все на них же кричаху”) и Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 71 (“На том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им пособствующе, все на них же кричаху”).

⁷ Первое издание в 1784, второе в 1822 г.

⁸ Так часто делает г. Кедров в своем труде “Авраамий Палицын” (Чтения ОИДР. 1880. Кн. 4).

⁹ Временик ОИДР. М., 1853. Кн. 16. – В печатном тексте Иного сказания, не считая отдельных фраз и слов, пропущены: целая повесть о чудесном видении 1606 года в Москве (с. 58), характеристика патриарха Гермогена (с. 70) и рассказ о принесении в Москву срачицы Христовой (должен быть на с. 76). Для того, чтобы показать образец искажений, приведем следующее место: “...приидоша к государю царю свитцкие послы от короля Густава Адол Фастем (следует читать: Адольфа с тем), чтобы государь с ним стоял на литовского короля” (с. 78).

¹⁰ ЛЗАК. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. 2. С. 52. Лучший список в рукописи имп. Публичной библиотеки О.IV.17.

одни лишь литературные произведения о Смуте пострадали от неудачных изданий. Вспомним знаменитый указ о крестьянах царя В.И. Шуйского (9 марта 1607 г.), напечатанный Татищевым, заподозренный Карамзиным и до сих пор вполне не объясненный¹¹. Вспомним далее чрезвычайно интересный документ – Соборный приговор 30 июня 1611 г. в ополчении Прокопия Ляпунова и князя Д.Т. Трубецкого. Карамзин добросовестно воспользовался всем, что имел об этом приговоре; но он имел лишь неполную и современную ему копию документа, которую в подлиннике никто не знает¹².

Приведенные примеры могут убедить в том, что изданный материал о Смуте не всегда может быть надежной помощью для изучения Смутного времени. Прежде чем изучать факт, историк Смуты неизбежно должен произвести предварительное исследование не только своего источника, но даже его издания. Это общее правило научного труда в отношении к Смутной эпохе должно применяться с особою строгостию не только вследствие неудовлетворительного состояния самих источников, но еще и потому, что в данном случае изучающий Смуту не имеет в нашей литературе никакого вспомогательного критического исследования источников. Иностранцы мемуары о Смуте еще не нашли исследователя, русское летописание позднейших веков также не изучено; нет и простого указателя актов, относящихся к Смутному времени.

В значительной зависимости от такого положения исторического материала, не вполне известного, не всегда хорошо изданного и неизученного, находятся и наши знания о Смутном времени. Они далеко не удовлетворительны, несмотря на то что интерес к изучению Смуты, сильный еще в XVIII в., возрастал с развитием нашей историографии. Сознание исторической важности Смутной эпохи выразилось в длинном ряде трудов о Смуте, но не привело к полному разрешению еще многих весьма существенных в ее истории вопросов. Можно даже сказать, что до сих пор не выяснено вполне общее значение событий Смуты в развитии русской государственной и общественной жизни. Как известно, тот общий взгляд на происхождение и исторический

---

¹¹ Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 165; *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. 2-е изд. М., 1879. С. 103; *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // Русская мысль. 1885. Октябрь. С. 14.

¹² Карамзин. ИГР. Т. 12. Примеч. 793. Подлинник Карамзина (в рукописи имп. Публичной библиотеки F.IV.341, скоропись XIX в.) не включает в себе ничего сверх напечатанного.

смысл Смуты, который впервые был высказан С.М. Соловьевым с точки зрения так называемой школы родового быта¹³, уже в свое время вызвал возражения славянофилов в лице К.С. Аксакова¹⁴. Теперь же, когда основное положение школы родового быта – о господстве родовых начал в древнерусской жизни – окончательно расшатано ученою критикою¹⁵, нет возможности принимать во всей полноте историческую оценку Смуты, сделанную С.М. Соловьевым. Мы не можем считать Смутную эпоху эпилогом борьбы нового государственного порядка со старым родовым и не можем видеть в Смуте неизбежного следствия падения родовых начал, ибо не можем уже признавать господствующего значения этих начал в древней русской гражданственности. Но отрицание выводов отжившего свое время исторического учения не может влиять на наше сочувствие к основному мотиву этого учения – к стремлению найти органическую связь между всеми явлениями народной жизни. В трудах Соловьева была раскрыта эта связь Смутной эпохи как с предыдущими, так и с последующими временами русской жизни. Элемент случайности отсутствовал в объяснениях Соловьева, и позднейшие исследования о Смуте далеко уступали в этом отношении его трудам. Монография Н.И. Костомарова, заключая в себе новую точку зрения на русскую Смуту как на факт международных отношений в XVI–XVII вв., вместе с тем свела всю Смутную эпоху на степень несчастного случая в нашей национальной истории, не имевшего в русской жизни ни причин, ни последствий¹⁶. Статьи И.Е. Забелина¹⁷, направленные против взглядов Костомарова, напротив, довольно говорят о причинах Смуты; но во взглядах на Смуту почтенного историка мало найдется оригинальных черт. При объяснении происхождения Смуты И.Е. Забелин весьма близко подходит к воззрениям Соловьева: народную Смуту он ставит в зависимость от борьбы с юным московским единодержавием старого боярства. Меняя термины, он называет бояр носителями ветхих “дружинных” начал: у Соловьева бояре были носителями начал родовых. Но Со-

---

¹³ В статьях “Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого” (Публичные лекции. М., 1852) и “Древняя Россия” (М., 1856); затем в *Истории России*, т. 7–9.

¹⁴ В его статье “По поводу III тома *Истории России* Соловьева” в *Собрании сочинений (Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 255)*.

¹⁵ Оно отвергалось, как известно, славянофилами в лице К.С. Аксакова и И.Д. Беляева, юристами в лице Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича, Ф.И. Леонтовича и историками в лице К.Н. Бестужева-Рюмина.

¹⁶ См. заключение монографии “Смутное время” в *Вестнике Европы* за 1866–1867 гг. и в “*Исторических монографиях и исследованиях*” (СПб., 1884. Т. 6).

¹⁷ “*Минин и Пожарский*” в *Русском архиве* за 1872 г. и отдельно (М., 1883).

ловьев думал, что борьба московских князей с их слугами наряду с другими обстоятельствами русской жизни XVI в. вызвала расщепление народных нравов, обусловившее собою развитие Смуты в самом народе. И.Е. Забелин далек от этой мысли. Ограничивая подобно К.С. Аксакову “понятие государства только государственною властью с ее органами и представителями”, он говорит, что Смута родилась и развивалась только в этой государственной сфере; русский же “сирота-народ” или “материк-общество” был неповинен в Смуте так же, как, по теории Аксакова, была неповинна “земля”. И для “земли” Аксакова, и для “сироты народа” Забелина Смута явилась совершенно случайною болезнью, извне привитую и бесследно прошедшей. Такое эклектическое соединение черт противоречивых исторических воззрений Соловьева и Аксакова, первому уступающее в прагматизме, а второму в цельности, не может считаться шагом вперед в понимании Смутной эпохи. А между тем труд г. Забелина был последнею по времени попыткою осветить значение и смысл Смутной эпохи, историческая важность которой признается без исключения всеми исследователями.

Таким образом, в настоящее время, имея несколько исследований о Смутном времени, наша историография не имеет такого труда, который бы удовлетворительно разрешал вопрос о происхождении, значении и следствиях Смуты. Мы полагаем, что появление такого труда пока даже и невозможно. Для него необходимо, с одной стороны, чтобы изучение русской жизни XVI века привело нас к ясному и точному представлению о свойствах того внутреннего кризиса, какой переживало тогда русское общество¹⁸. Критическое положение дел чувствовали сами русские люди¹⁹; его видели приезжавшие тогда в Россию иностранцы. Из них

---

¹⁸ В ученой литературе напрасно будем искать обстоятельного исследования этого кризиса. Лишь некоторые исследователи мимоходом касаются некоторых его сторон, связывая с ним перемену взаимных отношений землевладельческого и земледельческого классов и объясняя им установление крепостной зависимости крестьянства (Беляева “Крестьяне на Руси”, кн. Черкасского “Юрьев день (о подвижности народонаселения в древней России)” в Русском архиве (1882. Кн. 1), Ключевского “Происхождение крепостного права” в Русской мысли (1885. Август и октябрь), Владимирского-Буданова “Обзор истории русского права” (Киев, 1881. Вып. 1. С. 116–119)). На основании их трудов можно составить приблизительное понятие о свойствах перелома в народном хозяйстве, происшедшего в XVI в. Но экономическим кризисом не объясняются признаки кризиса нравственного, о которых свидетельствует Флетчер и на которые указывает С.М. Соловьев (*Соловьев*. История. Т. 8. Гл. 2).

¹⁹ Об этом свидетельствует известный приговор об уничтожении тарханов “пока земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением” (СГД. Ч. 1. № 202. С. 594).

Флетчер с замечательной прозорливостью предсказал грядущие смуты на основании своих впечатлений от русского общества²⁰. С другой стороны, для надлежащей исторической оценки Смутной эпохи необходимо и окончательное исследование тех темных и загадочных фактов, которыми началась Смута и которые в нашей исторической литературе обратились в одни из самых запутанных вопросов. Делом праздного любопытства может иногда казаться стремление разрешить эти вопросы о роде смерти царевича Дмитрия, о сущности тех дворцовых отношений и интриг, центром которых была личность Годунова, наконец, о происхождении первого самозванца. Но пока такое стремление не удовлетворено, начало Смуты останется для нас непонятным историческим фактом, возбуждающим ряд существенных недоумений. И если для устранения их весьма важно накопление новых исторических источников, то настолько же важно и более тщательное изучение старого материала, которым пользовались иногда без достаточного знакомства с его истинным характером. Только на основании точной критической разработки разноречивых источников может исследователь если не окончательно разрешить темные вопросы в истории Смуты, то определить прочное к ним отношение научно поставленную гипотезу. И по нашему разумению, такая критическая разработка исторического материала должна быть первым шагом в дальнейших работах по изучению фактов Смуты.

Эта точка зрения обусловила характер нашего труда, посвященного исследованию не событий Смутной эпохи, а части источников, к ней относящихся. Не отваживаясь на оценку всей массы документов о Смуте, мы остановились на русских летописных сказаниях о ней. Составляя совершенно самостоятельную категорию источников, эти сказания могут быть предметом цельного историко-литературного труда и заслуживают серьезного внимания историка. Свободно касаясь той интимной стороны общественных и личных отношений Смутного времени, которая не могла быть по своему существу выражена официальными документами, русские сказания и повести являются иногда един-

---

²⁰ В V и IX главах своей книги "Of the Russe Common Wealth", вышедшей в 1591 г., Флетчер, бывший в России в 1588–1589 гг., определенно указывает на опасность, в какой находится жизнь царевича Дмитрия от покушения тех, кто простирает свои виды на престол в случае бездетной смерти царя Феодора. Он убежден, что прекращение династии Калиты произведет переворот в Московском государстве: политика Ивана Грозного, по его словам, так потрясла все государство и до того возбудила умы, что дело должно кончиться всеобщим восстанием.

ственным и всегда веским источником сведений о многих фактах. Там, где официальные документы молчат, или там, где есть основание им не доверять, историк находит нередко ценные указания в частных повестях о Смуте. Повествования иностранцев в этом отношении далеко уступают русским, ибо писаны людьми, чуждыми русской жизни, в большинстве враждебно к ней настроенными и не понимавшими русских общественных отношений.

Значение частных русских известий о Смуте давно и, быть может, даже слишком высоко было оценено исследователями, предпочитавшими иногда частные известия официальным²¹. Со времени Карамзина, имевшего в своих руках гораздо большее сравнительно с его предшественниками количество рукописных сказаний и повестей о Смуте, к этому роду источников прибегали, как известно, все исследователи Смутной эпохи. Они пользовались не только приведенными у Карамзина выдержками из сказаний и позднее изданными сказаниями, но и самостоятельно добытыми рукописными текстами²². Конечно, Карамзин, впервые внося в научный оборот многие памятники, не мог оценить каждого из них со стороны научной ценности их показаний. С одинаковой степенью интереса относился он и к таким ценным памятникам, как Новый летописец, и к таким поздним компиляциям, как Степенная книга Латухина и Морозовский летописец. После Карамзина, хотя круг известных сказаний и повестей о Смуте расширился, критическое изучение их почти вовсе не подвинулось вперед. До сих пор в нашей литературе не существует общего критического обзора русских повествований о Смуте²³. Некоторые замечания о них, сделанные С.М. Соловьевым и А.Н. Поповым, слишком общи и кратки и касаются далеко не всех даже важнейших произведений. Те предисловия, которыми сопровож-

---

²¹ Как, например, в вопросе об избрании Бориса на престол. Не говорим уже о смерти царевича Димитрия, которую считают насильственной крупнейшие исторические авторитеты вопреки современным ей официальным актам.

²² С.М. Соловьев, как видно по его цитатам и ссылкам, имел в руках много рукописей Карамзина, кроме того пользовался и другими рукописями о Смуте имп. Публичной библиотеки и московских музеев и архивов. Рукописными текстами повестей и сказаний пользовался и Костомаров. Обилием рукописных материалов, замечательным для своего времени, отличается "Исследование о смерти царевича Димитрия" архиепископа Филарета (Чтения ОИДР. 1858. Кн. 1. Исследования).

²³ "Обзор хронографов русской редакции" А.Н. Попова не обнимает всей летописной литературы о Смуте, хотя и касается некоторых ее произведений (Авраамия Палицына, Иного сказания) кроме собственно хронографических статей. Об отдельных сказаниях о Смуте есть лишь труд г. Кондратьева "О так называемой рукописи патриарха Филарета" (ЖМНП. 1878. Сентябрь) и несколько слов в "Истории России" Соловьева (Соловьев. История. Т. 9. Гл. 5).

далось издание некоторых памятников²⁴, не имеют характера исследований и могут иногда ввести в заблуждение доверяющих им ученых²⁵. Не подлежит сомнению, что такой недостаток критического изучения первого материала не мог не отражаться и на частностях, и на общих результатах некоторых трудов²⁶.

Устранение этого недостатка и составляло цель нашего труда. Первою нашею задачею было собрать весь доступный изучению летописный материал о Смуте, как изданный, так и рукописный. Из него затем старались мы выделить произведения литературно самостоятельные, и на них сосредоточили свое исследование, не оставляя без внимания и наиболее распространенные по количеству списков компиляции. Останавливаться на разборе каждого фактического показания в том или другом произведении мы не имели в виду, ограничиваясь желанием определить время составления и личность автора каждого памятника, указать на обстоятельства, при которых писал автор, выяснить цели, какими он руководился в своем труде, найти источники сведений, которыми он пользовался, наконец, характеризовать особенности изложения памятника и приблизительную степень общей достоверности или правдоподобности его рассказа. Обилие сказаний, обладающих литературною самостоятельностью, лишило нас возможности с одинаковою подробностью входить в разбор каждого из них. Это значительно увеличило бы объем нашей работы, и мы сочли себя вправе менее останавливаться, с одной стороны, на тех сказаниях, которые уже подвергались критической оценке в научных трудах, а с другой стороны, на тех памятниках, которые

---

²⁴ Нового летописца (Временник ОИДР. 1853. Кн. 17. Материалы; и отдельно: М., 1853), Иного сказания (Временник ОИДР. М., 1853. Кн. 16. Материалы.) и др.

²⁵ Так г. Кондратьев в помянутом труде о Рукописи патриарха Филарета, считая редакцию Нового летописца, изданную князем Оболенским (Временник ОИДР. Кн. 17) за первоначальную, следует в этом неосновательному заключению ее издателя.

²⁶ Заметно отразился он на любопытном исследовании Е.А. Белова “О смерти царевича Димитрия” (ЖМНП. 1873. Июль и август). Раскрывая достоверность летописных показаний об убиении царевича, г. Белов ограничился разбором одного Нового летописца, тогда как об этом убиении разноречиво повествуют еще несколько житий и сказаний, частью изданных, частью находящихся в рукописях (Иное сказание во Временнике ОИДР. Кн. 16; Повесть о убиении царевича Димитрия в Чтениях ОИДР (1864. Кн. 4. Смесь); Жития царевича разных редакций; Сказание о царстве государя царя Феодора Ивановича). Опровержение одного сказания не уничтожает значения прочих, и благодаря этому труд г. Белова не достигает своего результата. Но в этом нельзя винить исследователя, не имевшего возможности собрать малоизвестные, по большей части еще не напечатанные тексты сказаний и житий.

посвящены были описанию маловажных событий, имевших лишь местный интерес.

Лучшею системою, какой могли мы держаться в своем изложении, без сомнения, была бы система хронологическая, при которой разбор более ранних произведений предшествовал бы разбору более поздних. Но отсутствие точных указаний на время составления многих памятников лишило нас возможности расположить их в строгом порядке по времени их происхождения. Кроме того, по частным соображениям, нам иногда казалось более удобным давать отчет в одном месте о разновременных произведениях в силу их внутренней близости и зависимости одного от другого. Несмотря на эти уклонения от желаемого порядка, мы стремились все-таки соблюдать его настолько, чтобы читателю было ясно постепенное развитие исторической письменности о Смутном времени, которая началась еще в самое Смутное время, рядом крупных трудов выразилась при Михаиле Феодоровиче, не замерла и в позднейшее время.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуются как уже изданное исследование С.Ф. Платонова, так и его неопубликованные тексты. Главной задачей публикаторов было достичь единства в передаче этих столь разных в археографическом отношении текстов.

Сочинение “Земские соборы” сохранилось в черновике и белой рукописи, обе рукописи хранятся в фонде С.Ф. Платонова в Отделе рукописей РНБ (Ф. 585. № 1244 – черновик и № 1243 – беловик). Беловой список является той самой рукописью, которая была представлена Платоновым для получения звания кандидата. Об этом свидетельствует помета Е.Е. Замысловского на титульном листе: “Сочинение это считаю удовлетворительным для получения степени кандидата. Е. Замысловский”. Кроме того, там же читается запись, сделанная неустановленным лицом: “Уже утвержден кандидатом”. Официальный характер данной рукописи позволяет видеть в ней окончательный вариант этого сочинения, и издавать текст по ней.

Реферат книги Н.М. Загоскина “Боярская дума в Московском государстве” издается также по беловому списку (РНБ. Ф. 585. № 1242), который имеет на титульном листе запись рукой С.Ф. Платонова “Читано 26 января 1881 г.”. К этой рукописи приложен переписанный рукой Платонова отзыв на реферат студента IV курса юридического факультета Бушуева, текст его публикуется непосредственно после реферата.

Ситуация с другим сочинением, магистерской диссертацией “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник”, иная. “Сказания” были опубликованы трижды – первый раз в Журнале Министерства народного просвещения (1887. № 10. С. 167–249; № 11. С. 1–46; № 12. С. 251–303; 1888. № 2. С. 326–376; № 3. С. 118–160; № 4. С. 380–448), второй и третий раз в виде отдельной книги (СПб., 1888; СПб., 1913 – соответственно: издания 1-е и 2-е). Характерно, что при подготовке 2-го издания Платонов сохранил в неприкосновенности текст 1-го издания, была сохранена даже постраничная разбивка книги 1888 г. Таким образом, каноническим можно было бы признать текст издания 1888 г. Однако во 2-м издании Платонов добавил некоторые комментарии, поместив их, правда, в квадратные скобки. Эти комментарии носят содержательный характер и отражают

исследовательскую работу Платонова над “Сказаниями” между 1888 и 1913 гг. Таким образом, окончательный текст “Сказаний” представляет все же 2-е издание. Оно и было положено в основу настоящей публикации. В его текст, однако, пришлось внести изменение – не отмечать постраничную разбивку издания 1888 г. Соответственно, в предисловии автора из фразы “В настоящем издании текст исследования оставлен без всяких изменений, и на полях страниц указана прежняя пагинация книги” исключены слова “и на полях страниц указана прежняя пагинация книги”. Следует отметить, что Платонов в предисловии воспроизвел свою речь на защите диссертации не полностью. Поскольку в нашем распоряжении имеется текст этой речи, написанный рукой Платонова (РНБ. Ф. 585. № 1254), то, сравнив его с цитатой из предисловия увидим, что после слов: “в постановке темы, отправляясь от изучения эпохи, я пришел к изучению ее источников; а в исполнении поставленной темы, отправляясь от критики фактических известий, пришел к критике литературных произведений. Тема историческая перешла в историко-литературную рядом постепенных, для меня не всегда даже сознательных изменений”, Платонов опустил небольшой, но весьма значимый для его методологических взглядов фрагмент: “И этот переход меня немало смущает – вот почему. Обратив внимание на ряд литературных произведений XVII в., я дал односторонние их характеристики. Преследуя задачи историка, я смотрел на каждое произведение как на исторический источник и только. А между тем каждое произведение само есть любопытный факт из истории литературы, а иногда и из истории языка. Будучи специалистом историком, я не владею знаниями и приемами лингвиста и историка литературы и сознательно проходил мимо тех фактов в сказаниях, над которыми остановились бы другие исследователи. Следы польского литературного влияния Повести Катырева, любопытное словообразование во Временнике Тимофеева – остались без должной оценки в моей книге, потому что моя книга есть исследование только об исторических источниках. Я смущен, таким образом, тем, что книга дает менее выводов из материала, чем позволяет этот материал. Утешаться я могу, однако, тем, что если объективные результаты труда кажутся мне неполными, то субъективные – очень велики. У каждого исследователя его труд оставляет целый ряд воспоминаний и впечатлений не только от личных усилий, но и от предмета работ. Предмет моих работ – письменность XVII века – и во мне оставил сильные впечатления. Десятки произведений прошли предо мною; на некоторых губительно отразилось господство условной мертвенности литературных

форм с XV века, установленных на Руси неумелыми последователями Киприана и Пахомия Лагофета. Но в большей части произведений...”. После этих слов текст речи в рукописи обрывается (РНБ. Ф. 585. № 1254. Л. 9–10). Вероятно, он Платоновым так и не был завершен. Рассматривая текст издания 1913 г. как канонический, мы не сочли возможным вставлять в предисловие этот опущенный самим автором фрагмент речи на защите диссертации.

Столь же неоднозначно обстоит дело с примечаниями ко 2-му изданию. На экземпляре 1-го издания “Сказаний”, хранящемся ныне в подсобной библиотеке Отдела рукописей РНБ (шифр У1/П37), на вpletенных листах читаются многочисленные маргиналии, написанные рукой Платонова. По-видимому, эта книга происходит из личной библиотеки историка, и пометы на ее страницах послужили источником для комментариев ко 2-му изданию (эти комментарии иногда помещены в сносках авторского текста, но основной их объем выделен в виде примечаний в конце текста). Для подтверждения этого положения приведем следующий пример. Дополняя характеристику известных ему списков Иного сказания, Платонов на экземпляре 1-го издания сделал следующую помету, которая впоследствии стала источником примечания 1 в тексте 2-го издания:

Маргиналия (к с. 1)	Примечание 1 к тексту 2-го издания
<p>1. Третий список в рукописи Воронежского губерн[ско-го] музея № 4, в 4°, XVII в. (см. Труды Вор[онежской] уч[еной] арх[ивной] ком[иссии], I, 1902, стр. 90 – неоконченное описание рукописи). Рукопись видел сам на выставке в Харькове в авг[усте] 1902.</p>	<p>1. Третий список Иного Сказания (в таком же соединении с Сказанием Авраамия Палицына) поступил в Воронежский губернский музей (См.: Труды Воронежской ученой архивной комиссии. Воронеж, 1902. Т. I. С. 90). Список этот (рукопись № 4, в 4 долю, XVII в., скоропись) любопытен тем, что дает несколько лучших чтений; но, к сожалению, в рукописи недостает листов.</p>

Такие источники в маргиналиях платоновского экземпляра 1-го издания отыскиваются для всех примечаний 2-го издания кроме двух: примечания 18 и 20 никак не отражены в корпусе маргиналий. В первом из них речь идет об авторстве Столяровского хронографа – теме, которой Платонов посвятил статью, увидевшую свет в 1912 г.¹ В примечании 20 Платонов приводит пространное описание картины убиения царевича Димитрия, находившейся в Чебоксарах и описанной в Каталоге Казанской на-

¹ В рукописи примечаний этот текст представлен вырезкой из статьи Платонова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1259. Л. 84). Видимо, набор текста данного примечания осуществлялся по ней.

учно-промышленной выставки 1890 г.² В ряде случаев примечания ко 2-му изданию содержат еще и дополнительную информацию по сравнению с соответствующими маргиналиями. Так, в примечании 4, где речь идет о Повести о видении протопопа Терентия, две позиции (о списке из собрания СПбДА и запрещении Синодом публикации текста о двух чудесах) имеют своим источником маргиналии³, а один пункт в маргиналиях отсутствует: “После напечатания первой главы этой книги в Журнале Министерства народного просвещения (1887 г., октябрь) проф. Матвей Иванович Соколов сообщил автору из своего собрания список послания протоиерея Терентия (нового письма, в 4-ку, 6 л.). В этом списке содержатся обе части послания Терентия под одним заглавием, как одно цельное произведение (что для автора послужило подтверждением высказанного им взгляда на памятник)”. В примечании 7 читается ссылка на книгу Скворцова о Дионисии Зобнинском, которой нет в маргиналиях. Дополнение относительно маргиналий сделано в примечании 10, в котором речь идет об упоминаниях Ивана Тимофеева в различных источниках XVII в. Так, в маргиналиях отсутствуют ссылка на челобитную Тимофеева Делагарди и боярам, упоминание Тимофеева с дочерью в шведских документах, сведения об однофамильце Ивашке Тимофееве 1627 г. и ссылки на статьи П.Г. Васенко и А.И. Яковлева.

Среди маргиналий есть такие, которые не получили отражения в примечаниях ко 2-му изданию. Прежде всего, это комплекс малозначительных маргиналий, некоторые из них в авторском экземпляре зачеркнуты карандашом. Во-вторых, это перекрестные ссылки⁴. Наконец, в примечаниях не отражена часть маргиналий, более или менее существенно дополняющих основной текст. Так, перечисляя списки “Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов”, Платонов упомянул сборник Московского Публичного музея № 1516⁵. В авторском экземпляре против этого упоминания написано чернилами «Р[у]к[о]п[и]сь № 1516 – со вставками из “Сказ[ания,] еже сод[ея...]”»; эта маргиналия зачеркнута карандашом с пометой “не вст[авлять]”. При упоминании Повести о видении иноку Варлааму в тексте 1-го издания отмечено, что в единственном известном автору списке главный герой Повести в заглавии назван Авраамом. К этому ме-

---

² В рукописи примечаний вместо примечания 20 вложен лист, вырезанный из Каталога Казанской выставки (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1259. Л. 85).

³ Платонов С. Ф. Сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888 (экземпляр ОР РНБ, У1/П37). С. 56, 57.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 35. Примеч. 1.

сту относится зачеркнутая карандашом маргиналия «Описка “Авраам”»⁶. К изложению событий конца 1610 г. сделаны маргиналии “Уже в декабре в Новгороде шел слух о боях москвичей с поляками. АЭ, II, № 167”⁷, “то же и СГ[Г]Д, стр. 522, 540” (о попытках короля Сигизмунда опровергнуть порочащие его слухи)⁸. При изложении планов Сигизмунда после прихода к нему посольства из Москвы – маргиналия “Пересказано это в ярославской грамоте очень любопытно, СГ[Г]Д, II, стр. 518”⁹. К биографии Ивана Тимофеева: “Был Иван Тимофеев серебр[яный] мастер (1622–1628) см.: Древности М[осковского] Арх[еологического] общ[ества]. Т. IV, вып. III. Материалы к Словарю, стр. 103”, “Булгач Ив[анович] Тимофеев” (со ссылкой на книгу В.Н. Сторожева “Писцовые книги Рязанского края”, с. 233), “Опись вещей Татищева, VIII, 17, 21, 23, 32, 33”, “Митрополичий дьяк Степан Спячей ДАИ, II, стр. 7^{II}”¹⁰. О дочери Владимира Андреевича Старицкого Марии (о том, что она была жива в 1611 г. – со ссылкой на СГГД. Ч. 2. С. 585) сообщает еще одна маргиналия, не включенная в примечания¹¹. К словам основного текста, что “Тимофеев представляет Бориса даже неграмотным” сделано три маргиналии, из которых в текст примечаний вошла только одна (ссылка на опубликованный С.Д. Шереметевым автограф Бориса Годунова), еще две (ссылки на записки Массы и Жолкевского) в примечаниях не отразились¹². При упоминании поляка Заблоцкого, предположительного конфидента И.А. Хворостинина, к словам основного текста “сведений об этом Заблоцком нам не встретилось” сделана запись со ссылкой на книгу В.Н. Сторожева (Писцовые книги Рязанского края. С. 28. № 184) – в примечания эта информация не попала. При изложении биографии И.М. Катырева-Ростовского сделана маргиналия «1614 г. грамота его в “Вестн[ике] археол[огии]”. XV, стр. 341»¹³. Против слов основного текста “Можно думать, что подробных описаний угличского происшествия и не существовало до перенесения в Москву мощей царевича” помещена не совсем понятная маргиналия “Шляпкин на диспуте о Микулинск[ой] летописи”¹⁴. При указании на делопроизводственный характер повествования в Столяровском хронографе на

---

⁶ Там же. С. 61.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 129–130.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Там же. С. 150.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 267.

поле записано “в повести иначе объясняется”¹⁵. Против перечисления списков Жития Иринарха Ростовского помещено указание на “список Тверского музея, Опис[ание] Сперанского (Чт. 90. IV, стр. 11)”¹⁶. Против биографии Симона Азарьяна помещено указание на “запись Азарьяна 7173 года” со ссылкой на Временник ОИДР (кн. 8. С. III)¹⁷. При характеристике единственного известного автору на момент 1-го издания списка Латухинской Степенной книги указано еще четыре списка этого произведения (собр. Д.В. Пискарева 179, собр. Румянцевского музея 2900, собр. Киевской духовной академии 188; относительно четвертого списка написано “у А.Е. Преснякова”¹⁸), причем записи сделаны чернилами и карандашом¹⁹. В издании здесь помещена ссылка на статью П.Г. Васенко “Заметки к Латухинской Степенной книге”, где и введены в научный оборот указанные в маргиналии списки Латухинской Степенной книги. Против упоминания “Сказания о царстве государя и великого князя Феодора Иоанновича” читается указание на списки этого произведения: “Список Царского. Есть список у И.А. Вахромеева (Описание, т. II, № 513)”²⁰. При характеристике Повести о явлении иконы Курской Богоматери помещена следующая маргиналия: «Издано: “Историч[еское] описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни”. У.Л. СПб., 1876. См. Отчет Р[умянцевского] музея [18]92–[18]94 года, стр. 38, № 3163»²¹. При упоминании Угличского летописца – «Углиц[кий] лет[описец] издан: “Труды Яросл[авской] губ[ернской] учен[ой] арх[ивной] комиссии. Вып. I. СПб., 1890, стр. 85–135 (по списку Археогр[афической] комм[иссии] № 18)”»²².

В приложении публикуется и текст предисловия к магистерской диссертации, до настоящего времени неизданный. В фонде Платонова хранятся черновой и белой (выполненный почерком Платонова) экземпляры предисловия (РНБ. Ф. 585. № 1256). Издаем предисловие по беловому экземпляру, не отмечая ту незначительную правку, которая присутствует в рукописи, по-

---

¹⁵ Там же. С. 271.

¹⁶ Там же. С. 293.

¹⁷ Там же. С. 297.

¹⁸ Имеется в виду список из Синодального собрания 293, ошибочно описанный в XIX в. как список Лицевого свода, на что, видимо, обратил внимание Пресняков. П.Г. Васенко, исследовавший эту рукопись, благодарил за указание на нее Преснякова.

¹⁹ Платонов С.Ф. Сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888 (экземпляр ОР РНБ, У1/П37). С. 320.

²⁰ Там же. С. 328

²¹ Там же. С. 341.

²² Там же. С. 342.

сколькo она носит стилистический характер. В тексте белого экземпляра находится лист с текстом (он присутствует в трех экземплярах, в двух из которых текст обрывается на полуфразе²³), который никак не согласуется с имеющимся текстом Предисловия. По-видимому, он попал туда случайно. Однако этот текст близок к Предисловию тематически, поэтому он, можно думать, отражает еще один вариант Предисловия. Не имея возможности опубликовать его в тексте Предисловия как прерывающий повествование, помещаем его здесь: “русской историографии. Эту задачу и принял на себя автор настоящего труда в том убеждении, что дальнейшее изучение Смутной эпохи может идти с надлежащим успехом только путем критической разработки источников для истории Смуты. Главнейшим затруднением, какое надлежало преодолеть автору, было изучение рукописного материала, рассеянного по многим древлехранилищам: даже напечатанные тексты повестей и сказаний требовали нередко проверки по рукописям”²⁴.

При передаче текста мы руководствовались следующими принципами. Текст передается в современной орфографии, сокращения раскрываются. Это относится в первую очередь к автографам Платонова, где использованы следующие сокращения: “крой”, “крый” и т.п. под титлом (“которой”, “который” и т.п.), “наз.” (“называемые” и т.п.), “напр.” (“например”), “Авр.” (“Авраамий”), “кн.” (“князь”, “князя” и т.п.), “сл.” (“сличи”), “р.” (“рубль”, “рублей” и т.п.). Употребление цифр унифицировано следующим образом. Даты типа “1649–50” переданы в издании как “1649–1650”. Указание “во-1-х” (и т.п.) передается как “во-первых (и т.п.)”, “3-ья” (и т.п.) – “3-я” (и т.п.), “4-ре” (и т.п.) – “четыре” (и т.п.). Заголовки, написанные на полях, внесены в основной текст. Ссылка “*ibidem*”, если речь идет о русскоязычных материалах исправлена на “там же”. Все библиографические указания приведены в соответствии с современными требованиями.

При публикации книги “Сказание и повести о Смутном времени как исторический источник” оглавление, помещенное в начале книги, для удобства читателей и во избежание повтора перенесено в общее содержание. Оглавление сочинения “Земские соборы”, отсутствующее в рукописи, составлено публикаторами. Издание снабжено указателями имен и географических названий ко всем публикуемым произведениям.

А.В. Сиренов

---

²³ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 1256. Л. 58, 59.

²⁴ Там же. Л. 57.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛКАХ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою экспедициею. СПб., 1851. Т. 4; СПб., 1853. Т. 5
- АИ
АЮ — Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4
— Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1830
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864—1884. Т. 1—3
- АИЮС — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / изд. Н.В. Калачовым. М., 1850
- Барсуков. Источники* — *Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882
- Бычков. Описание* — *Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописей императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882
- Временник ОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10; М., 1853. Кн. 16
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1, 2; 1848. Т. 3
- Дворцовые разряды — Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной е.и.в. Канцелярии. СПб., 1850—1855. Т. 1—4
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 3; 6; 7; М., 1791. Ч. 16; Ч. 20
- ЖМНП
ЗОРСА — Журнал Министерства народного просвещения
— Записки Отдела русской и славянской археологии Русского Археологического общества
- Изборник — Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенный в Хронографы русских редакций (приложение к Обзору хронографов русской редакции) / Изд. А.Н. Попов. М., 1869
- ИПБ
Карамзин. ИГР — Императорская Публичная библиотека
— *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 2: (Т. 5—8); СПб., 1845. Кн. 3: (Т. 9—12)
- КДА — Казанская духовная академия
- Книга Степенная — Книга Степенная царского родословия... М., 1775. Ч. 1, 2
- Книги разрядные — Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1

- ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1861. Вып. 1
- МДА – Московская духовная академия
- МОИДР – Московское Общество истории и древностей российских
- МПРМ – Московский Публичный и Румянцевский музеи
- НБУВ – Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского
- ОИДР – Общество истории и древностей российских
- ОЛДП – Общество любителей древней письменности
- Описание МАМЮ – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции
- ПДП – Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Вып. 56
- Попов*. Обзор – *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1; 1869. Вып. 2
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 1, 2
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1; 1841. Т. 3; 1848. Т. 4; 1851. Т. 5; 1853. Т. 6; 1856. Т. 7; 1859. Т. 8; 1862. Т. 9; 1910. Т. 14
- Растопчин*. Сказания – *Растопчин Ф.В.* Четыре сказания о Лжедмитрии. СПб., 1863
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 1; 1876. Т. 3; 1875. Т. 2; 1884. Т. 8, 9; 1886. Т. 10; 1891. Т. 13
- РНБ – Российская национальная библиотека
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1; 1819. Ч. 2; 1882. Ч. 3; 1828. Ч. 4
- СГУ – Саратовский государственный университет
- Сказание Палицына – *Авраамий Палицын*. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. 2-е изд. М., 1822
- Соловьев*. История – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1863. Т. 13; 3-е изд. М., 1867. Т. 6; М., 1879. Т. 7; М., 1873. Т. 8; М., 1875. Т. 9; М., 1877. Т. 10; М., 1880. Т. 11; М., 1879. Т. 14.
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия
- СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Строев*. Словарь – *Строев П.М.* Словарь библиологический и черновые материалы к нему / Приведен в порядок и издан под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1882
- Строев*. Списки – *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- Щербатов*. История – *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1790. Т. 7

Указатель имен*

- Август, император римский 317
Август, самозванный царевич 295
Авраамий Палицын, троцкий монах 37, 38, 68, 70, 86, 90–92, 94, 172, 188, 192, 197, 201, 208, 221, 223, 271, 272, 276, 287, 318, 327, 328, 331, 336, 345–358, 367, 388, 389, 396, 412, 431, 443, 444, 446, 447, 459, 462–466, 468, 472, 474, 475, 479, 481, 484, 487–489, 493–497, 501, 503, 504, 509–513, 518, 520, 523, 555, 558, 560, 565
Аврамий, архимандрит Чудовского монастыря 94, 99
Авраам *см.* Варлаам, монах новгородский
Агарь, библ. 318
Адам, библ. 314, 315
Адашев А.Ф. 535
Адриан (Андрей), патриарх московский 358, 376
Азарьин *см.* Симон Азарьин
Аксаков К.С. 32, 41, 42, 47, 150, 153, 181, 557, 558
Аладьин Д., дворянин 94
Александр Ярославич Невский, великий князь, святой 202, 207, 208, 290
Александр (в мире Алексей), монах, составитель жития преподобного Иринарха 457–460
Александра Федоровна, царица *см.* Ирина
Алексеев А.И. 19
Алексей, митрополит московский, святитель 293, 374
Алексей Алексеевич, царевич 382
Алексей Михайлович, царь 40, 42, 45, 101, 121, 135, 136, 138, 141, 147, 149, 150, 155, 175, 176, 182, 187, 198, 238, 267, 273, 402, 453, 475–477, 480, 495, 497, 516, 518, 537, 538, 553
Алексей *см.* Александр, монах
Амфилохий (П.И. Казанский), архимандрит 459, 460, 457, 459, 460
Анастасия Романовна, царица 313, 319, 488, 535
Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь владимирский 428, 529, 531
Андрей Первозванный, апостол 366
Андронов Федор, думный дворянин 272, 275, 276, 282, 284, 291, 292, 296, 339, 391, 399, 400
Антоний Подольский 517
Антоний Сийский, святой 397
Ардашев Н.Н. 514
Арзамасский игумен *см.* Корнилий
Аркадий, император византийский 299
Арсений, иеромонах 461
Арсений Галасунский, архиепископ 466, 484, 488, 489

---

* При написании имен, отчеств и данных об отдельных лицах составители следовали в основном указателю, составленному самим автором.

- Арсений, иеромонах 461
 Арсеньев С.В. 514
 Артынов А.Я., крестьянин 382
 Арцыбашев Н.С. 69, 70, 220, 240, 256
 Афанасий Великий, архиепископ 201
 Афанасий, митрополит московский 55
 Ахамашуков-Черкасский В.П., князь 363
 Ахиллес, миф. 487
- Багадур-Гирей, хан 126, 127
 Байков Ф.И., посол в Китай 380
 Бантыш-Каменский Д.Н. 150, 151
 Бантыш-Каменский Н.Н. 406
 Барсов П. 136
 Барсуков А.П. 55, 56, 386, 453
 Барсуков Н.П. 221, 269, 377, 379, 416, 449, 453, 457, 460, 461
 Бартнев Второй, казначей А.Н. Романова 428
 Бартнев Чюлок, дьяк 312
 Басманов И.Ф., окольный 479
 Басманов П.Ф., боярин 65, 414
 Бахрушин С.В. 11
 Бахтеяров П.В., князь 77
 Бахтеяров-Ростовский В.И., князь 94
 Башмаков, владелец разрядной книги 513
 Безносков Иван Василиев 310
 Бекетов П.П. 401
 Беклемишев, дворянин 131, 171
 Белов Е.А. 424, 433, 434, 561
 Белозеров Д.П. 19
 Белокуров С.А. 438, 513, 514
 Бельский Б.Я., боярин 57, 314, 318, 323, 324
 Беляев И.Д. 32, 37, 43, 47, 52, 53, 55, 63–65, 106, 113, 115, 116, 156, 164, 165, 179, 181, 182, 183, 196, 197, 219, 239, 245, 257, 449, 475, 493, 494, 495, 523, 556–558
- Бер М. 223
 Берх (Берг) В.Н. 236, 388
 Бердников И.А., владелец рукописи 196
 Бередников Я.И. 377, 378
 Берсень-Беклемишев И.Н., боярин 534, 535
 Бестужев-Рюмин К.Н. 6, 13, 14, 190, 307, 319, 348, 530, 557
 Биркин Иван, стряпчий 467–469
 Битяговский Данило 213, 214, 259, 430, 432, 490, 516, 517
 Битяговский Михаил 213, 214, 389, 430, 432, 433, 450, 490, 516
 Блинский, поляк 282, 283
 Боголеп *см.* Годунов Борис
 Богомолов С., выборный посадский человек 87
 Богословский М.М. 10, 13
 Бодянский О.М. 329, 469
 Болотников Иван Исаевич 197, 199, 204, 232, 237–240, 243, 255, 263, 288, 311
 Болтин Баим Федорович, дьяк 516
 Большаков Т.Ф. 522
 Бомелий Елисей, врач 317
 Борис, “зовомый Мясник” 307
 Борняков Григорий, посланник в Польшу 119
 Борятинский И.М., князь 123
 Бочкин Илейка 405
 Бредихин, дьяк 152, 153
 Буйнос И.А., родоначальник князей Буйносовых-Ростовских 381
 Буйносов Ю.П., князь 381
 Буйносов-Ростовский И.П., князь 384
 Буйносова-Ростовская М.П., жена В.И.Шуйского 383, 384, 399
 Буйносовы-Ростовские, князя 381
 Буслав Ф.И. 506
 Буссов К. 39, 59, 66, 68, 91, 220, 224, 282, 301, 326, 473, 537

- Бутурлин В.В., боярин 153–155
 Бутурлин В.И. 73
 Бутурлин Д.П., граф 223, 236, 256,
 296, 311, 320, 434, 495
 Бутурлин М.М. 103
 Бухерт В.Г. 12
 Бучинские, приближенные Лже-
 димитрия I 207, 236, 344, 472,
 492, 537
 Бучинский, поляк 539
 Бушуев, студент 551, 563
 Бычков А.Ф. 90, 190, 246, 364,
 367, 368, 453, 454, 476, 489–
 491, 494, 497, 499
 Бычков И.А. 190
 Бычков Ф.А. 232, 359, 381, 382

 Валуев Д.А. 547
 Варлаам Хутынский, святой 251,
 339
 Варлаам, митрополит новгород-
 ский 254
 Варлаам, монах новгородский
 249–251, 526, 554, 566
 Варлаам, старец, автор «Извета»
 203–205, 220, 221, 228
 Васенко П.Г. 195, 442, 482, 512,
 514, 566, 568
 Василий Блаженный, святой 297,
 350
 Василий I Дмитриевич, великий
 князь 534
 Василий II Васильевич Темный,
 великий князь 379, 534
 Василий III Иванович, великий
 князь 53, 379, 382, 392, 534,
 535, 538, 546, 548
 Василий Иванович, царь *см.* Шуй-
 ский В.И.
 Василий, великий князь *см.* Вла-
 димир Святой
 Василиса Волохова *см.* Волохова
 Васильев Матвей, гость 514
 Васильев Третьяк, дьяк 402, 407,
 408
 Васильевский В.Г. 6, 13, 14
 Вахромеев И.А. 517, 568

 Вельяминов М. 77
 Вельяминов Р.А., воевода новго-
 родский 312
 Венедикт, монах 228
 Веселаго Ф.Ф. 517, 526
 Ветошник, ключник 77
 Викторов А.Е. 380, 475
 Висковатого И.М., печатник 56,
 171
 Витовтов Евдоким 400
 Вишневецкие, князья 204
 Вишневецкий Адам, князь 470
 Вишневецкий Константин, князь
 205, 470
 Владимир Андреевич Старицкий,
 князь 55, 161, 313, 319, 538,
 567
 Владимир Мстиславович, вели-
 кий князь киевский 531
 Владимир Святославович Святой,
 великий князь киевский 208,
 300
 Владимирский-Буданов М.Ф. 26,
 44, 52, 133, 165, 168, 169, 173,
 174, 182, 558
 Владислав, королевич польский
 47, 69, 72, 89, 91, 94, 110, 112,
 117, 123, 124, 273, 279, 280,
 282, 286, 288, 291, 300, 314,
 339, 340, 349–354, 361, 372,
 373, 399, 403, 420, 422, 514
 Власьев Афанасий 333, 472,
 475
 Волконский Ф.Ф., князь, окольні-
 чий 137, 152–154
 Волович Евстафий 471
 Волович Николай 471
 Волович Ян 471
 Волович, пан 471
 Волохов Осип (Данило) 213, 214,
 424, 516, 517
 Волохова Василиса (Мария) 450,
 516, 517
 Волошенинов Михайло, думный
 дьяк 515
 Волынский М.П., воевода терский
 407

- Вольдемар, королевич датский 407, 515
- Воронцов И.М., боярин 49, 533
- Воронцовы 50
- Воротынский А.И., князь 443
- Воротынский И.А., князь 514
- Воротынский И.М., князь 71, 90, 100, 443, 514
- Воротынский М.И., князь 322
- Востоков А.Х. 231, 444
- Всеволод Юрьевич Большое гнездо, великий князь владимирский 31
- Вяземский П.П., князь 190
- Гаврилов Григорий, подьячий 515
- Гагарин Роман, князь 256, 461
- Гагарин Семен, князь 360
- Гагин С.И., князь 406
- Гамель И.Х. 307
- Ганделиус Эразм 343
- Гацкий А.С. 313, 489, 501
- Гедиминовичи, княжеская династия 535
- Гектор, миф. 487
- Геласий, митрополит крутицкий (сарский) 214, 255, 266
- Георгий Васильевич, князь углецкий 49
- Герасим, архиепископ 105
- Герберштейн С. 535
- Геркман Э. 39, 68, 203, 218, 223–225, 236, 241, 273, 319, 329, 335, 359, 368, 369, 474
- Герман Тулупов, монах 226, 231, 267, 434, 447–449, 516, 522, 523
- Гермоген, патриарх московский 69, 71, 91, 112, 218, 235, 243, 254, 256–258, 262, 265, 272–274, 276–279, 281, 283, 285, 286, 290–292, 294, 295, 297, 299, 314, 324, 339, 340, 360, 365, 370–375, 391, 397, 399, 400, 412, 413, 416–418, 422, 424–426, 432, 435, 437, 439, 442, 452, 456, 460, 461, 472, 493, 496, 511, 512, 515, 553
- Гильфердинг А.Ф. 40
- Глинская Елена Васильевна, великая княгиня московская 48, 535
- Глинские, князья 51
- Глинский Юрий Васильевич, князь 51
- Годунов Борис Федорович, царь 9, 37–39, 57–65, 82, 89, 95, 192, 197–199, 202, 203, 207, 209–228, 230, 233–235, 237, 242, 254, 259, 260, 262, 265, 266, 269–272, 287, 289, 295, 309, 311, 314, 316, 318–332, 334, 340, 349, 353, 355, 356, 366–368, 383, 388–391, 394, 409–413, 419, 421, 423, 424, 430, 432–434, 437, 441, 445, 446, 450, 451, 453–455, 464, 470, 473, 475, 476, 479–481, 484, 485, 489–491, 494, 496, 497, 507, 509, 510, 516, 517, 521, 522, 526, 538, 548, 559, 560, 566, 567
- Годунов Гр. В., боярин 433, 434, 495
- Годунов Дмитрий 320, 330
- Годунов И.И. 210, 485
- Годунов М.М., боярин 110
- Годунов Семен 320, 330
- Годунов Федор Борисович, царевич 222, 254, 229, 254, 265, 333, 368, 414, 430, 437, 473, 479, 538
- Годунова Ксения Борисовна, царевна 222–224, 332, 412
- Годуновы 61, 220, 223, 320, 327, 368, 411, 439, 485, 494
- Голиков И.И. 275, 302, 386
- Голицын В.В. (ум. 1619), князь 69, 72, 76, 90, 91, 95, 272, 275, 284, 373, 379, 391, 421
- Голицын В.В., князь 155, 156
- Голицын И.А., князь 77, 127, 387
- Головин В.П., окольничий 249

- Головин Ф.А., окольничий 94
 Голохвастов Д.П. 346, 347, 349, 350, 352, 353
 Голубовский Андрей 404, 405
 Голубцов А.П. 515
 Гонорий, император римский 299
 Гонсевский А.-К., гетман 84, 400, 442
 Горбачевский Н. 301, 305, 307, 451, 473
 Горсей Дж. 39, 57, 58
 Горский А.В. 346, 347, 349, 350, 352, 354, 355, 461, 465
 Горчаков Илья, самозванец *см.* Петр, самозванец
 Готье Ю.В. 11
 Градовский А.Д. 6, 14
 Грамотин Иван, думный дьяк 515
 Грибоедов Федор, дьяк 137
 Григорий (Гришка) Отрепьев *см.* Отрепьев Григорий
 Григорий Нисский, епископ, святой 201, 233
 Григорий, нижегородец 304–308, 428, 432
 Грязной Тимофей 256
 Гурий, самозванец 295, 296
 Густав II Адольф, король шведский 555
 Густав, принц шведский 323
- Даниил Александрович, князь московский 392
 Данилов Кирша 443
 Делагарди Яков Понтус, воевода шведский 80, 89, 486, 487, 514
 Димитрий, митрополит ростовский, святой 449, 452, 453, 456, 457
 Димитрий, самозванец *см.* Отрепьев Григорий
 Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 564
 Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 446–448, 461–466, 505, 523
- Дионисий, митрополит московский 212, 423, 479
 Дионисий, патриарх константинопольский 175
 Дитятин И.И. 27, 31, 45, 168, 182
 Дмитриев Ф.М. 529, 541, 542
 Дмитрий (Димитрий) Иванович, царевич 57, 68, 198–203, 211–215, 221, 222, 226–236, 240, 242, 255, 259, 260, 266, 267, 269, 271, 288, 290, 295, 308, 314, 319–321, 323, 324, 332, 367, 370, 389, 391, 393, 395, 398, 399, 401, 409, 410, 413, 423–425, 433, 434, 441, 448–456, 460, 470, 476, 477, 479, 481, 483, 489–491, 494, 495, 503, 505, 507, 516, 517, 520–525, 554, 559, 560, 561, 565, 567
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 202, 531, 534
 Долгорукая М.В., жена царя Михаила Федоровича 500
 Долгоруков (Долгорукий) Ю.А., князь 146, 147
 Долгоруков М.Ю., князь 155
 Дорофей, старец Троице-Сергиева монастыря 462
 Дружинин В.Г. 190
 Дубасов И.И. 184
 Дубровский Б. 89
 Дьяков Герасим, купец 514
- Евгений (Е.А. Болховитинов), митрополит 406, 480
 Евфимий, архимандрит Новоспасского монастыря 276
 Еган *см.* Иоанн, королевич
 Елизаров Григорий, дьяк 512
 Ельнин, крестьянин, владелец рукописи 467
 Ермоген *см.* Гермоген
 Ермолаев И.А., владелец рукописи 226
 Ефрем, игумен Сретенского монастыря 419

- Ефрем, митрополит казанский и
свияжский 95
- Желябовский (Желябужский) Фе-
дор, дворянин 384, 426, 435
- Желябовский (Желябужский)
Яков, дворянин 384
- Желябужские, дворяне 384
- Желябужский, дворянин 131, 171
- Жигимонт *см.* Сигизмунд
- Жолкевский Станислав, гетман
39, 69–72, 91, 278, 279, 291,
300, 320, 340, 400, 442, 567
- Забелин И.Е. 140, 188, 191, 347,
352, 361, 382, 385, 457, 467,
486–489, 515
- Заблоцкий, поляк 362, 567
- Загоскин Н.П. 19, 32, 44, 45, 47,
52, 55, 60, 71, 77, 103, 106,
111, 113, 116, 120, 124, 129,
131, 137, 141, 145–147, 150,
152, 153, 160, 163–165, 170,
173, 174, 177, 181, 182, 529,
536, 537, 539, 541, 542, 546,
551, 563
- Загряжский Владимир 434
- Замысловский Е.Е. 190, 563
- Заруцкий Иван 73–75, 77, 80, 103,
167, 177, 258, 361, 431
- Захарьин-Юрьев *см.* Юрьев
- Звягин М.Ф., торговый человек
196
- Зернин А. 149
- Зюзин А.И., окольный 341
- Иван I Данилович Калита, вели-
кий князь 269, 296, 559
- Иван III Васильевич, великий
князь 53, 534, 538
- Иван IV Васильевич Грозный,
великий князь, царь 9, 24–27,
29, 47–51, 53–55, 57, 58, 83,
109, 174, 209, 227, 233, 244,
252, 253, 259, 262, 289, 295,
307, 313, 315, 317–319, 322,
323, 348, 377, 379, 382, 388,
397, 410, 415, 416, 450, 453,
533, 535–538, 548, 551, 552,
559
- Иван V Алексеевич, царь 538
- Иван Иванович, царевич 244, 245,
313, 319, 397, 538
- Иван Милютин, священник 448,
449
- Иван Наседка (Наседкин), свя-
щенник 412, 458, 461, 462–
464, 505, 518
- Иван Тимофеев *см.* Тимофеев
- Иван
- Иван, самозванный царевич 296
- Иван, сын Марины Мнишек 88
- Иванов П.И. 33, 94, 96–100, 112,
568
- Игнатий, архиепископ кипрский
430
- Игнатий, патриарх московский
67, 218, 230, 246, 333, 370,
412, 429, 430, 460, 485
- Иевлев Корнил, дьяк 312
- Измаил, библи. 318
- Измайлов А.В., окольный 77,
123
- Измайлов В., стольник 77
- Иконников В.С. 194, 256, 338,
339, 443, 444
- Иоанн III, король шведский 470
- Иоанн, архиепископ новгород-
ский 250
- Иоанн, епископ ростовский, суз-
дальский и владимирский 31
- Иоанн, королевич датский 323,
421
- Иоасаф, патриарх московский
125, 126
- Иоасаф, митрополит 49, 126
- Иов, патриарх московский 60–65,
95, 214, 216–219, 221, 222,
228, 265, 269–272, 290, 294,
308, 309, 325, 327, 331, 333,
411, 415–417, 423, 424, 435,
441, 444–448, 478, 485, 505,
515, 523, 524

- Иоанн Креститель, библ. 248, 293
 Иона (Тулупов), инок 516
 Иона, митрополит московский, святой 293, 328
 Иона *см.* Иван IV Васильевич Грозный
 Иона, монах Сийского монастыря 397
 Иосиф, архимандрит 92
 Иосиф, епископ коломенский 472
 Иосиф, келейник патриарх Иова 415, 416, 423, 435
 Иосиф, патриарх московский 151
 Иосиф *см.* Хворостинин И.А., князь
 Ирина Михайловна, царевна 515
 Ирина Федоровна (в иночестве Александра) 60, 62, 63, 95, 215–218, 269, 325, 326, 356, 491
 Ирнарх, затворник ростовский 457–459, 460, 505, 518, 520, 568
 Иродион Сергеев, иконник Богородицкого Большого Тихвинского монастыря 499
 Исаков Ермачко, человек Ив. Тимофеева 514
 Исидор, митрополит новгородский и великолуцкий 108, 311–313, 341, 425
 Иуда, апостол 274
 Иулиан *см.* Юлиан
 Кавелин К.Д. 14
 Казы-Гирей, хан крымский 322
 Калайдович К.Ф. 380, 495
 Калачов Н.В. 33, 140, 141, 147, 486
 Кантакузин Фома, турецкий посланник 117, 126
 Карамзин Н.М. 10, 16, 33, 37, 38, 47, 51, 55, 59, 60, 65, 68–70, 74, 75, 77, 78, 91, 181, 188, 196, 220, 223, 226, 228, 240, 250, 256, 262, 301, 310, 317, 319, 320, 322, 323, 329, 332, 367, 368, 383, 393, 394, 436, 437, 439, 455, 469, 471, 477, 482, 484, 485, 490, 491, 494–496, 539, 556, 560
 Катырев-Ростовский А.И., князь 381
 Катырев-Ростовский И.М., князь 223, 224, 271, 277, 278, 288, 332, 358, 361, 363, 376, 379–393, 395, 396, 398, 399, 401, 409–417, 441, 448, 493, 495, 496, 504–507, 514, 515, 521, 522, 523, 525, 564, 567
 Катырев-Ростовский М.П., князь 379–381, 383, 391
 Катырев-Ростовский П.И., князь 381
 Катырева-Ростовская Ирина Григорьевна, жена князя И.М. Катырева-Ростовского 382, 387
 Катырева-Ростовская Татьяна Федоровна, жена князя И.М. Катырева-Ростовского 382
 Катыревы-Ростовские, князья 380, 381, 383, 515
 Катырь-Хохолков И.А., князь 381
 Качалов Никита (Митька) 213, 214, 259, 389, 424, 430, 432, 490, 516, 517
 Кашпирев В.В. 453
 Кедров С.И. 272, 346, 348–352, 355, 356, 464, 468, 555
 Кернозицкий, поляк 339
 Кетлер, магистр Ливонского ордена 54
 Киприан, митрополит новгородский 405, 420, 565
 Кирилл, митрополит ростовский и ярославский 80, 85
 Кирилл, святой 319
 Клешнин Андрей (в иночестве Лупп), окольничий 320, 434
 Клешнины 320
 Ключевский В.О. 5, 7, 14, 190, 194, 209, 380, 382, 385, 387, 397, 445, 447–449, 457, 459,

- 460, 461, 500, 504, 514–516, 529, 556, 558
- Княжегорский, стрелецкий сотник 87
- Кобеко Д.Ф. 190
- Кобельский Севастиан, пан 240, 241
- Козьма Минин *см.* Минин Козьма
- Колобков В.А. 11, 12, 19
- Колычев-Умной Ф.И., боярин 57
- Коллопанов Н.П. 182, 183
- Кондратьев А.А. 391, 395–398, 400, 401, 560, 561
- Константин Всеволодович, князь 31
- Константин Константинович, великий князь 7
- Коншин Н. 359
- Корб И.-Г. 39, 40, 157, 174
- Корнилий, игумен Спасского Арзамасского монастыря 436, 439
- Корнилий, ученик затворника Иринарха 458
- Коробейников Трифон 253, 258, 260
- Коробьин С.Г., дворянин 405
- Коробьин, посол в Турцию 126
- Костомаров Н.И. 32, 38, 45, 46, 55, 71, 77, 84, 89–91, 93, 182, 191, 204, 205, 219, 221, 223, 307, 347, 348, 442, 460, 467–469, 471, 557, 560
- Котошихин Г.К., подьячий 38, 101, 135, 136, 273, 453, 539–542, 544, 549
- Крапольский *см.* Кропольский
- Крекшин П.Н. 497, 523
- Кровков Иван, сын боярский 437
- Кропольский Григорий, толмач 300, 301
- Ксения Борисовна Годунова *см.* Годунова Ксения
- Кубасов Сергей Иевлев, сын боярский 376–378, 380, 381, 395
- Кубенский И.И., князь 50
- Кудрявцев Тимофей, дьяк 514
- Кузмин Микита, священник 515
- Кулешев Ф.В., крестьянин, владелец рукописи 196
- Куракин А.П., князь 311, 312
- Курбский А.М., князь 38, 49, 51, 319, 471, 535, 536
- Курдюмов М.Г. 514
- Кучкович Яким, убийца князя Андрея Боголюбского 428
- Лаврентий (Лаврушка), самозванец 295
- Лавровский Н.А. 89
- Ламанский В.И. 18
- Латухин, балахнинский купец, владелец рукописи 482, 560
- Лебедев Д.П. 190
- Левитский Н. 211
- Ленин В.И. 9
- Леонид (Л.А. Кавелин), архимандрит 190, 272, 350, 497
- Леонид, старец 225, 228
- Леонтович Ф.И. 557
- Леонтьев Г., дьяк 137
- Лжедмитрий I *см.* Отрепьев Григорий
- Лжедмитрий II *см.* Тушинский вор
- Лжедмитрий III 439
- Лжепетр *см.* Петр (Петрушка), самозванец
- Липинский М.А. 515
- Лисовский А.-И., полковник 464, 465, 477
- Литовские князья 416
- Лихачев Н.П. 11, 512
- Лихачев Ф.Ф., думный дьяк 128, 166
- Лобков А.И., владелец рукописи 437, 439
- Луба, самозванец 136
- Луговский Томило, думный дьяк 72, 363
- Лука, апостол 356
- Львов Б.М., князь 105, 111, 125
- Львов А.М., князь 514
- Любавский М.К. 11

- Ляпунов Захарий 69–71
 Ляпунов Прокопий, думный дворянин 69, 70, 73–75, 77, 82, 83, 177, 258, 265, 275, 277, 278, 280, 294, 296, 297, 304, 352, 399, 400, 422, 431, 439, 476, 480, 487, 511, 556
- Маврикий**, император византийский 328, 411
- Майков Л.Н. 17, 190, 359, 380, 388, 443, 517
- Макарий (М.П. Булгаков), митрополит московский 235, 247, 359, 402, 406, 425, 444, 446, 447, 461, 512
- Макарий, митрополит московский 51, 415, 417, 483, 535
- Малат-Гирей *см.* Мурат-Гирей
- Маржерет Ж. 39, 59, 60, 66, 68, 220, 223, 539
- Марина Мнишек *см.* Мнишек
 Марина
- Мария Владимировна, дочь князя Владимира Андреевича Старицкого 319, 567
- Мария Нагая *см.* Нагая Мария
- Маркевич А.И. 437, 515
- Марфа Нагая *см.* Нагая Мария
- Марфа, инокиня 68, 95–97, 341, 343, 382
- Масальский Василий, князь 332
- Маскевич 278, 280, 282
- Масса И. 68, 203, 218, 220, 223–225, 236, 241, 273, 319, 329, 335, 359, 368, 369, 474, 567
- Матвеев А.С., боярин 480, 481
- Матвеев, посол в Турцию 126
- Матрона *см.* Шаховская Матрона
- Мезецкий Д.И., князь, окольничий 72, 100, 114, 267, 341
- Мелания, свидетельница чудесного явления 307, 308
- Мельников А.В. 12, 19
- Мельников П.И. 91, 436, 437, 439, 467
- Мерик Джон, посол английский 343, 385
- Миловидов И.В. 351
- Милославский И.Д., князь 40, 134, 137
- Милюков П.Н. 13, 438, 512
- Милютин *см.* Иван Милютин
- Минин-Сухорукий Козьма, нижегородец 15, 79, 80, 92, 191, 258, 262, 293, 347, 352, 426, 437, 438, 459, 465–469, 476, 486, 487, 489, 505, 511, 557
- Мисаил Повадин, чернец 221, 228
- Митякова Дарья, кормилица царевича Димитрия 490
- Михаил Федорович, царь 34, 35, 37, 42, 46, 58, 59, 65, 66, 68–70, 72–74, 78, 80, 82–86, 88–105, 107–114, 116–120, 122, 125–129, 133–136, 138, 155, 159, 172, 178, 196–198, 209, 240, 241, 243, 252, 255, 257, 258, 262, 264, 266, 267, 272, 293, 294, 298, 303, 304, 309, 310, 318, 304, 318, 322, 323, 337–339, 341–343, 348–351, 353, 354, 358, 363, 368, 372, 383, 388, 390, 392, 394, 398–400, 402, 403, 412, 413, 415, 416, 418–433, 436, 438, 439, 442, 461, 464, 467, 477, 480, 481, 484, 486–488, 493, 497, 500, 518, 553, 562
- Михаил, император византийский 369
- Михайлов Иван, человек князя И.А. Хворостинина 364, 365
- Мнишек Марина 88, 103, 290, 332, 333, 472, 473, 484, 486
- Мнишек Юрий, воевода 205, 224, 236, 412, 414, 472, 473
- Молибожич, боярин 532
- Морозов Б.И., боярин 136, 137, 149, 541
- Морозов В.В. 19
- Морозов В.П., боярин 100, 387
- Морозов И.В., боярин 387

- Морозов, боярин 92
- Морозовы, купцы, владельцы рукописи 495
- Мосеев Родион, посадский человек 277
- Мстислав Изяславович, великий князь 531
- Мстиславский Ф.И., князь 72, 88, 92, 99, 177, 210, 212, 361, 425
- Мурат-Гирей, хан крымский 323, 431
- Муханов П.А. 70, 235, 278, 298, 320, 370, 394–397, 493, 515, 523
- Нагая Мария Федоровна** (в иночестве Марфа), мать царевича Димитрия 57, 207, 213, 229, 314, 410, 451, 454, 455, 476, 496, 477, 490, 491, 516, 517
- Нагие, бояре 57, 213, 214, 320, 432, 454, 455, 479
- Нагой Г.Ф., боярин 213
- Нагой М.Ф., боярин 213, 455
- Нарышкин К.П., боярин 540
- Наседка *см.* Иван Наседка
- Настасея *см.* Шаховская Настасья
- Никита Романович Захарьин-Юрьев *см.* Юрьев Н.Р.
- Никита, епископ новгородский 250
- Никон (Н. Минов), патриарх московский 148, 153, 175, 176, 417, 542, 550
- Никон Радонежский, святой 346, 354
- Новиков Н.И. 554
- Оболенский М.А.**, князь 36, 58, 400, 415, 420, 421, 430, 432, 467, 485–488, 489, 497, 507, 523, 561
- Одоевский Большой И.Н., боярин 312
- Одоевский Н.И., князь 137, 139–144, 146, 147
- Олеарий А. 39, 136
- Олег Иванович, великий князь рязанский 202
- Ондронов Федка *см.* Андронов
- Ордын-Нащокин А.Л., ближний боярин 540
- Осипов Тимофей, дьяк 207, 472, 477
- Осман, султан 117
- Острожский В.К., князь 207
- Отрепьев Григорий (Лжедмитрий, Расстрига, Самозванец) 58–60, 65–69, 197, 198, 200, 203–206, 208, 210–212, 219–222, 224–226, 228, 229, 234, 236–239, 243, 246, 247, 254, 260, 263, 273, 278, 282, 287–290, 294, 314, 324, 326, 327, 329, 332–336, 340, 345, 349, 359, 360, 365, 366, 368–370, 383, 388–393, 400, 401, 411–414, 421, 423, 431, 437–439, 441, 446, 449, 454, 460, 469–479, 484–486, 489–492, 494, 496, 497, 501, 509, 510, 513, 521, 539, 549, 559
- Отрепьев-Смирной 479
- Павел**, апостол 301
- Павел Пясецкий, епископ перемышльский 497, 521
- Павлов П.В. 42, 58, 181
- Павлов-Сильванский Н.П. 5
- Паерле Г.-Г. 223
- Палицын Авраамий *см.* Авраамий Палицын
- Пафнутий, архимандрит Чудова монастыря 221
- Пахомий Логофет 565
- Пахомий, архиепископ астраханский 397
- Пахомий, святой 259
- Пахомов Роман, сын боярский 277
- Пашков Истома 199, 240, 241, 255
- Петр (Петрушка), самозванец 238–240, 243, 244, 254, 255, 261, 263, 295, 311, 501

- Петр I Алексеевич Великий, царь, император 9, 10, 15, 23, 24, 42, 43, 156, 157, 173, 174, 179, 181, 245, 275, 287, 302, 386, 483, 536, 538, 557
- Петр, апостол 301
- Петр, митрополит московский, святитель 293, 328, 329
- Петрей П. 39, 58, 91, 224, 326
- Пешков А. 69, 70
- Пискарев Д.В. 377, 380, 522, 568
- Пичета В.И. 11
- Платонов С.Ф. 4–20, 274–276, 370, 388, 456, 512, 516, 518, 550, 553, 563–568
- Платонова Н.Н. 190
- Повадин Мисаил *см.* Мисаил Повадин
- Погодин М.П. 196, 202, 428, 438, 476, 494, 515, 520, 521
- Пожарский Д.М., князь 15, 79–82, 84, 85, 90, 191, 123, 124, 177, 293, 294, 296–298, 347, 352, 426, 428, 432, 433, 437, 438, 458, 459, 462, 467, 468, 476, 486–488, 511, 557
- Покровский М.Н. 10, 11
- Полторацкий А.В. 514
- Попов А.Н. 38, 188, 198, 199, 219, 243, 252, 253, 257, 259, 262, 264, 265, 287, 346, 377–379, 397, 436, 443, 444, 475–478, 480, 492, 493, 523, 560
- Попов Евтифей Сидоров, владелец рукописи 310
- Потемкин Юрий 431
- Празмовский А., польский посол 150
- Пресняков А.Е. 5, 568
- Простев С.М., стольник 108
- Прозоровский С.В., князь 137
- Прокофий Ляпунов *см.* Ляпунов Прокопий
- Пунтусов *см.* Деллагарди
- Радзевиллы 84
- Разин С.Т. 136
- Расстрига *см.* Отрепьев Григорий
- Растопчин Ф.В., граф 252, 254, 266, 377–379, 390, 391, 476, 493
- Рафаил, епископ 149, 150
- Репнин Б.А., князь, боярин 152–154
- Репнин П.А., князь, воевода 387
- Родосский А.С. 190, 512
- Розен В.Р., барон 517
- Роман, князь угличский 515
- Романов Б.А. 12
- Романов И.Н., боярин 383, 384, 464
- Романов Л.Н., боярин 494
- Романов М.Ф. *см.* Михаил Федорович
- Романов Ф.Н. *см.* Филарет Никитич
- Романова Татьяна Федоровна *см.* Катырева-Ростовская
- Романовы, бояре, цари 36, 82, 83, 90, 91, 93, 260, 262, 381–384, 387, 389, 392, 411, 419, 425, 428, 430, 441, 494, 521, 538, 549
- Романов-Юрьев М.Ф. *см.* Михаил Федорович
- Ростовские князья 381
- Румянцев Н.П., граф 523
- Руссов С. 388
- Рыбников П.Н. 40
- Рюриковичи, княжеская династия 381, 535
- Рязанов Д.Б. 8
- Савва (И.М. Тихомиров), архимандрит 271
- Савва В.И. 514
- Савва, протопоп 87
- Сагайдачный, гетман 361
- Салтыков И.М., боярин 73
- Салтыков М.Г., боярин 276, 282, 284–286, 291, 292, 296, 338, 339, 391, 399, 400
- Сапега Лев, канцлер 275, 276, 278
- Сапега Ян, гетман 278

- Сатынников С., сын боярский 170
 Саул, библ. 410
 Сахаров И.П. 226, 358, 359, 554
 Святополк Владимирович (Окаянный), князь киевский 202
 Севастиан, пан *см.* Кобельский Севастиан
 Семевский М.И. 517, 526
 Сендомирский *см.* Мнишек Юрий
 Сергеевич В.И. 6, 14, 23, 29, 31, 32, 43–45, 47, 52, 106, 141, 160, 163, 164, 168–170, 173–176, 178, 181–183, 557
 Сергей Радонежский, святой 201, 346, 352, 354, 407, 408, 431, 446, 462–467, 484, 488, 489, 523
 Середонин С.М. 512
 Сигизмунд-Август, король польский 54
 Сигизмунд III, король польский 69, 70, 72, 84, 85, 94, 118, 122, 123, 204, 248, 273, 275, 276, 278–284, 286, 290, 291, 296, 302, 303, 336, 339, 345, 352, 372, 373, 399, 403, 427, 442, 464, 470, 475, 486, 510, 567
 Сильвестр Медведев, писатель 497
 Сильвестр, священник 51, 535
 Симеон Бекбулатович, князь 57, 317, 423
 Симеон, игумен Борисоглебского на Устье монастыря 458
 Симон Азарьин, келарь Троице-Сергиева монастыря 407, 408, 412, 458, 461–464, 466–468, 480, 505, 518, 568
 Сиренов А.В. 19, 569
 Скворцов Д.И. 512
 Скопин-Шуйский М.В., князь 69, 76, 240, 256, 260, 312, 314, 315, 337–339, 352, 383, 391, 397–399, 421, 424, 427, 428, 442–444, 458, 459, 486, 487, 506, 519
 Скороходова М.И. 195
 Смирнов А. 359, 402
 Спячей Степан, митрополичий дьяк 567
 Смирнов С.К. 464, 483
 Смирной Отрепьев *см.* Отрепьев-Смирной
 Смирный, калужский гость 91
 Снегирев И.М. 382, 384, 387
 Соболевский А.И. 517
 Соколов М.И. 512, 526, 566
 Соколов П.И. 497
 Соловьев С.В. 554
 Соловьев С.М. 14, 28, 32, 33, 37–42, 47, 55, 60, 63–65, 69, 75, 77, 90, 92, 101, 109, 126, 149, 150, 152, 153, 156, 157, 170, 181, 188, 196, 199, 200, 202, 204, 211, 223, 226, 235, 239, 240, 245, 246, 255, 256, 270, 279, 301, 303, 307, 319, 322, 359, 383, 395, 402, 407, 446, 495, 496, 500, 557, 558, 560
 Сомов Василий, дьяк 87
 Софья Алексеевна, царевна 157, 174
 Софья Палеолог, великая княгиня 534
 Старицкий *см.* Владимир Андреевич Старицкий
 Стародубский вор *см.* Тушинский вор
 Старчевский А.В. 310
 Степан (Стенька), казак 433
 Стефанов Евстратий 513
 Сторожев В.Н. 514, 567
 Стрешнев, стольник 152, 153
 Строгановы, именитые люди 102, 106, 108
 Строев П.М. 17, 196–198, 221, 231–233, 287, 310–313, 316, 341, 345, 346, 349, 350, 353, 358, 359, 362, 363, 371, 375, 377–380, 390, 402, 404, 420, 436, 444, 448, 453, 457, 458, 470, 480–483, 489, 495, 500, 514, 554
 Судич, боярин 532

- Сукин В.Б., думный дворянин 276
- Сулешев Ю.Я., князь, боярин 387
- Сумбулов (Сунбулов) Григорий 256, 461
- Сыдавный Васильев, дьяк 276
- Сычев Андрей Иванович, посадский, владелец рукописи 470
- Тарле Е.В. 11
- Татищев В.Н. 415, 416, 423
- Татищев М.И., окольный 311, 312, 334, 335, 337, 338, 567
- Татьяна Федоровна Романова *см.* Шаховская Татьяна
- Татьяна *см.* Шаховская Татьяна
- Телепнев В.Г., думный дьяк 72, 300
- Телепнев Ефим, думный дьяк 312, 337
- Терентий, протопоп 246–251, 267, 269, 288, 304, 305, 308, 497, 509, 512, 518, 520–522, 524, 566
- Тимофеев А.И. 190
- Тимофеев Булгач Иванович 567
- Тимофеев Иван Яковлев, рязанский помещик 514
- Тимофеев Иван, дьяк 17, 271, 310–345, 357, 358, 367, 387–389, 434, 503, 504, 507, 509, 510, 513, 514, 518, 525, 554, 564, 566, 567
- Тимофеев Иван, подьячий 514
- Тимофеев Иван, серебряных дел мастер 567
- Титов А.А. 359, 381, 382, 402, 403, 408, 483, 517
- Тихон, старец 449, 451, 452, 456, 489, 490
- Тихон, архимандрит макарьевский 482–485
- Тихонов Алексей 463
- Толстой М.В., граф 457
- Толстой Ф.А., граф 226, 299, 448, 456, 457, 460, 470, 494–497, 501, 521
- Толстой Ю.В. 57
- Трегубов, владелец рукописи 287
- Третьяков В.А., стольник 381
- Трифон, игумен Хлыновского монастыря 221
- Троекуров И.Ф., князь, стольник 97, 98, 383, 384
- Троекурова А.Н., княгиня 384
- Троицкий И.Е. 190
- Троцина К.Е. 529, 539
- Трубецкие, княжеская династия 381
- Трубецкой Д.Т., князь 73–75, 77, 85, 90, 177, 293, 294, 352, 476, 487
- Трубецкой Т.Р., князь 381
- Трубецкой Ю.Н., князь 383
- Ту, де 39, 66, 223
- Тулупов Герман *см.* Герман Тулупов
- Тулупов Иоанн Иоаннович, житель Старицы 447
- Тургенев Петр, дворянин 207
- Тушинский вор (Калужский вор, Стародубский вор, Самозванец второй) 70, 72, 256, 261, 277–280, 282, 288, 290, 291, 295, 296, 300–302, 311, 336, 352, 353, 383, 384, 427, 431, 459, 485, 501, 513
- У.Л. 568
- Уар, святой 237
- Уваров А.С., граф 287–289, 293, 295, 297, 377, 393, 489, 495, 501, 525
- Уваров С.С., граф 194
- Ульянов Яунька, стрелец 87
- Ундольский В.М. 91, 231, 444, 445, 449, 457, 459, 460, 469, 483, 493, 522, 523
- Урусов Петр, князь 302
- Устиниан *см.* Юстиниан
- Устрялов Н.Г. 49, 51, 58, 223, 273, 319, 471
- Федка, самозванец 295
- Федор Алексеич, царь 155, 497

- Федор (Феодор) Иванович, царь 57–60, 62, 91, 93, 203, 211, 212, 215–217, 222, 227, 228, 234, 238, 243, 244, 253, 254, 260, 261, 265, 269–272, 308, 313, 319, 320, 322–325, 330, 349, 368, 379, 410, 415–417, 420, 424, 428, 430, 433, 441, 445, 446, 450, 451, 453, 470, 478, 479, 483, 486, 488, 489, 491, 493, 495–497, 507, 516, 521, 526, 548, 554, 559, 561, 568
- Федоров Иван Петров 55
- Феодор Борисович, царь *см.* Годунов Ф.Б.
- Феодора, императрица византийская 343
- Феодосий, архиепископ астраханский 460, 521
- Феодорит, архиепископ рязанский и муромский 92, 94–96, 99, 375
- Феодосий Великий, император римский 299
- Феодосий, архимандрит Печерского Нижегородского монастыря 467, 469
- Феофан, патриарх иерусалимский 112
- Филарет (Д.Г. Гумилевский), архиепископ 560
- Филарет Никитич (Ф.Н. Романов), патриарх московский 38, 67, 70, 76, 88, 94–96, 112–115, 119, 121, 124, 167, 235, 255, 266, 272, 275, 278, 297, 298, 310, 341, 343, 346, 354, 355, 359, 363, 364, 370, 373, 376, 382, 384, 385, 388, 391–402, 404, 406, 408, 413, 415, 417, 419, 420, 422, 423, 425–427, 430, 431, 435, 436, 441, 442, 449, 461, 481, 492, 494, 504, 505, 517, 518, 560, 561
- Филипп (Ф.С. Кольчев), митрополит московский 534
- Филипп IV Красивый, король французский 29
- Филипп, королевич шведский 73
- Флетчер Д. 39, 165, 512, 537, 543, 558, 559
- Фока, император византийский 227, 411
- Фримен (Freetman) Э., английский историк 547
- Фуников Н., дьяк 55
- Хворостинин Г.Ф., князь 359
- Хворостинин И.Д., князь 359, 365
- Хворостина Михаил, князь 359
- Хворостинин (Старко) А.И., князь 359
- Хворостинин (Старков) И.А. (в иночестве Иосиф), князь 223, 358–376, 378, 380, 504, 505, 510, 511, 514, 515, 520, 521, 554, 567
- Хворостинин Ф.И., князь 359
- Хворостинин Ю.Д., князь 359
- Хворостинины, князь 359
- Хлебников Н. 182, 183
- Хлопова Мария, невеста царя Михаила Федоровича 384
- Хлудов А.И. 245, 526
- Хмельницкий Б.М., гетман 150–155
- Хованский Андрей, князь, белевский воевода 360, 365
- Хованский И.Н., князь 149, 150
- Хоткевич, гетман 399
- Хохолков И.А., князь *см.* Катырь
- Царский И.Н. 287, 377–379, 489, 495, 525, 568
- Цветаев Д.В. 358, 461
- Чепчугов Никифор 434
- Черкасская (урожденная Нагая) Анна Васильевна, княгиня 455
- Черкасский В.А., князь 558
- Черкасский Д.М., князь 103, 124

- Черкасский И.Б., князь, боярин 111, 114
- Черкасский П.Э., князь 455
- Черкасский *см.* Ахамашуков-Черкасский
- Чичерин Б.Н. 32, 43, 46, 133, 135, 152, 173, 178, 182, 555
- Чоглоков Корнил, воевода 428
- Шаховская** Матрона, жена князя Шаховского С.И. 404
- Шаховская** Настасья (Настасея), жена князя Шаховского С.И. 404
- Шаховская** Татьяна, жена князя Шаховского С.И. 404
- Шаховские**, князья 404–406
- Шаховской** А.А., князь 405
- Шаховской** Андрей Ф., князь 405
- Шаховской** Афанасий Ф., князь 405
- Шаховской** Г.П., князь 402
- Шаховской** Иван, князь 405
- Шаховской** М.Ф., князь 405
- Шаховской** С.И. (младший), князь 408, 516
- Шаховской** Харя С.И., князь 223, 224, 358, 361, 362, 365, 378, 380, 385, 401–414, 448, 496, 505, 510, 515, 516, 518, 525
- Шейн** М.Б., боярин 123, 124, 419, 545
- Шереметев** И. 77
- Шереметев** И.П., стольник, боярин 99, 386, 387
- Шереметев** С.Д., граф 320, 330, 567
- Шереметев** Ф.И., боярин 90, 91, 94, 210
- Шереметевы** 55, 56, 386
- Шестова** Мария, дворянка 517
- Шишонко** В.Н. 517
- Шлецер** А.-Л. 42, 152, 181
- Шляпкин** И.А. 190, 226, 250, 526, 567
- Шмидт** С.О. 20
- Шпилевский** С.М. 43, 181, 182
- Шуйские**, князья 49, 59, 62–69, 209, 211, 212, 218, 225, 227, 233, 253, 254, 299, 303, 308, 311, 312, 314, 321, 328, 334–337, 340, 344, 349, 353, 355, 356, 359, 366, 370, 371, 372, 375, 383, 384, 387, 388, 390, 391, 394–400, 402, 403, 413, 418, 421, 423, 424, 471, 472, 479, 555
- Шуйский** Андрей, князь 50, 535
- Шуйский** Андрей Иванович, князь 212
- Шуйский** Василий Иванович, царь 37–39, 47, 60, 65–72, 78, 82, 90, 91, 96, 197–200, 204–215, 218, 221, 222, 224–226, 229, 230, 232, 234–242, 245, 252, 254–258, 261, 264–267, 275, 288, 290, 291, 296, 299–302, 311, 312, 314, 328, 334–336, 338, 340, 344, 349, 352, 353, 355, 356, 359, 366, 370–372, 375, 383, 384, 387–391, 394–400, 402, 403, 413, 418, 424, 425, 428, 434, 437–439, 441, 442, 444, 451, 454, 456, 458, 459, 461, 472, 477, 478, 484, 486, 488, 491, 492, 493, 494, 496, 499, 500, 509, 510, 513, 515, 538, 548, 552, 556
- Шуйский** Д.И., князь 69, 210, 302
- Шуйский** И.И., князь 204, 245, 302, 303
- Шуйский** И.П., князь 209, 212
- Шуйский** М.В. Скопин *см.* Скопин-Шуйский
- Щапов** А.П. 43, 181
- Щелкалов** А.Я., думный дьяк 329
- Щелкалов** В.Я., думный дьяк 329
- Щербатов** М.М., князь 204, 236, 332, 554
- Юдин** 467, 469
- Юлиан**, император римский 452
- Юрий** (Георгий) Всеволодович, князь 31

Юрий Галицкий, князь 534
Юрьев Н.Р., боярин 260, 384,
389

Юрьева Анна Никитична *см.*
Троекурова Анна

Юстиниан, император византий-
ский 247, 328

Юшка (Юрий) Отрепьев *см.*
Отрепьев Григорий

Яган *см.* Иоанн, королевич
Яковлев А.И. 13, 514, 566

Ян-Казимир, король польский
478

Ярослав I Владимирович Мудрый,
великий князь киевский 530
Ярославские князья 359, 361, 380

Adelung F. 224, 318

Bussov C. *см.* Буссов К.
Bobrzyńskiу 478

Fletcher D. *см.* Флетчер Д.

Margeret *см.* Маржерет Ж.

Указатель географических названий*

- Азов**, г. 126, 127, 131, 132, 134, 135, 151
Алатырь, г. 140
Александрова слобода 300, 443
Алексин, г. 88, 129
Англия 29
Арзамас, г. 88, 129, 140, 436, 439, 465
Архангельск, г. 77, 407
Астрахань, г. 103, 312, 323, 484, 486
Атамар, г. 140
- Балахна**, г. 140, 482
Бежицкий Верх 88, 140
Белгород, г. 88, 140, 254
Белев, г. 102, 129, 140, 360
Белоозеро, г. 129, 140, 319
Белоруссия 489
Белый, г. 61, 129
Болхов, г. 77, 129, 140
Борисов, г. 324
Боровск, г. 88, 129, 140
Братовщина, с. 100
Брянск, г. 77, 88, 140, 169, 513
Бурцова, д. Переяславского у. 365
- Васильсурск**, г. 140.
Венден, г. 54
Венев, г. 240
Веря, г. 140
Владимир, г. 31, 77, 88, 129, 131, 140, 239, 293, 306, 307, 311
Владимирская дорога 300
- Водская пятина** 61
Волга, р. 103, 306, 455
Вологда, г. 77, 88, 140, 305, 307
Волоколамск, г. 88, 140, 430
Волхов, р. 267, 318
Вольмар, г. 54
Воронеж, г. 140
Воротынск, г. 77, 129
Вырка, р. 240
Вязьма, г. 84, 88, 129, 140, 404, 458
Вятка г. 88, 140
Вятка, р. 284
- Галич**, г. 67, 77, 90, 129, 140, 165, 220, 300, 402, 407, 532
Галичский у. 390
Германия 344, 420
Гдов, г. 140
Гороховец, г. 129, 140
- Даратниково**, с. Переяславского у. 365
Двина, р. 54, 56, 239
Двинский у. 88
Деулино, с. 112, 117
Дмитриева слобода 140
Добрыничи, с. 210, 224, 242
Дмитров, г. 77, 140
Дон, р. 131, 488
- Елатьма**, г. 140
Елец, г. 140, 213, 239, 402
Енисейск, г. 406

---

* Принятые сокращения: г. – город; д. – деревня; р. – река; с. – село; у. – уезд

Жупновица, г. 205

Западная Европа 30, 54, 344

Зарайск, г. 85, 140

Звенигород, г. 77, 129

Зубцов, г. 129, 140

Зубцовский у. 382

Иван-город 337, 338, 487

Кадом, г. 88, 140

Казань, г. 88, 140, 253, 279, 293,
427, 429

Казанские города 293

Кайгородок, г. 140

Калуга, г. 76, 77, 88, 91, 102, 116,
129, 140, 240, 241, 263, 302,
459, 513

Калязин, г. 443, 458

Карачев, г. 129, 140

Каргополь, г. 140

Кашин, г. 77, 88, 106, 140

Кашира, г. 129, 140, 164

Киржацкий ям 300

Киржач, р. 300

Киев, г. 204, 210, 228

Клин, г. 140

Клушино, с. 69, 399, 444

Козельск, г. 88, 129, 360

Козмодемьянск, г. 88, 140

Кола, г. 407

Коломенское, с. 69, 70, 239–242,
255

Колмогоры, г. 140

Коломна, г. 88, 129, 140, 428

Комарицкая волость 225

Копорье, г. 487

Корельский городок 487

Кострома, г. 35, 77, 88, 94, 95, 97,
129, 140, 162, 300

Костромской у. 221

Крапивна, г. 406

Кременецк, г. 140

Кромы, г. 140, 203, 210, 229, 239

Крым 54, 125, 126, 130, 270

Крымская дорога 210

Курляндия 54

Курмыш, г. 140

Курск, г. 88, 140, 501

Ладога, г. 140

Ливны, г. 88, 140

Ливония 54, 56

Литва (Литовская сторона, Литов-
ская земля) 76, 203, 206, 211,
220, 221, 224, 228, 280, 290,
291, 332, 342, 363, 414, 419,
458, 469–471, 473, 474, 479,
513, 532, 536

Литовская граница 363

Лихвин, г. 77, 129, 140

Лух, г. 129, 140

Малороссия 150–153, 477

Малый Ярославец, г. 61, 88, 129,
140

Медынь, г. 129

Мещерск, г. 77, 129, 140

Мещовск, г. 88, 129

Минск, г. 140

Можайск, г. 77, 110, 129, 140, 404

Монастыри:

Арзамасский   Спасский
436

Благовещенский на Киржаче
300

Борисоглебский на Устье
457, 458, 460

Варсонофьев в Москве 207,
223

Воскресенский Новоиеру-
салимский близ Москвы
417

Выдубицкий 513, 525

Данилов в Москве 70

Донской в Москве 322

Желтоводский Троицкий
Макарьевский 482, 483

Железоборовский Предте-
ченский 221, 390

Иосифов Волоколамский
359, 360, 364, 430, 459

- Ипатьевский Костромской 95, 351
- Калязин Макарьевский 443
- Кириллов Белозерский 319, 363–365, 382, 455
- Колмов Пречистенский близ Новгорода 250
- Костромской Богоявленский 231, 232, 525
- Крыпецкий Псковский 228
- Кукоцкий Спасов 221
- Новгород-Северский Преображенский 205
- Новодевичий в Москве 60, 62, 63, 65, 215–217, 220, 314, 325, 327, 356, 396, 429, 432
- Новоспасский в Москве 51, 382, 384, 387
- Пафнутьев Боровский 431
- Печерский Успенский Киевский 228
- Печерский Нижегородский 467
- Печерский Псковский 500
- Рождественский в Москве 91
- Саввин-Сторожевский 444–447, 483, 525
- Симонов в Москве 239, 243, 263
- Соловецкий 148
- Спасо-Евфимьев Суздальский 221, 390, 446, 447
- Старицкий Успенский 446
- Тихвинский Богородицкий 499, 504, 521
- Троице-Сергиев 38, 68, 70, 86, 90–92, 94, 99, 172, 201, 223, 225, 226, 228, 264, 267, 272, 346–350, 352–354, 361, 364, 365, 385, 431, 448, 451, 461–466, 468, 480, 484, 489, 512
- Угрешский Николаевский 221
- Флорищева пустынь 310–313, 315–321, 322, 324–339, 341–344, 525
- Хлыновский Успенский 221
- Чудов в Москве 201, 221, 360, 373, 374, 406, 446
- Монастыревский (Моравск, Муромск) городок 393
- Москва-река 71, 207, 225
- Москва, г. 5, 8, 9, 11–20, 25, 28, 29, 35, 48–53, 57–59, 62, 63, 65, 67–76, 78, 79, 81, 83–86, 88–113, 115, 117–124, 126–130, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 144, 145, 149–153, 155, 156, 160, 162–164, 168, 178, 191, 193, 197–199, 201, 203–205, 210, 211, 213, 216, 218, 220–227, 229, 231, 232, 234–242, 247, 249, 253–255, 257, 258, 262, 265, 266, 270, 271, 273, 275–284, 286, 287, 288, 290–294, 296–304, 306–308, 311, 312, 314, 315, 318, 320–322, 324, 325, 327–329, 332–334, 336, 338, 339, 341–343, 348–354, 357–361, 363–367, 369, 372–376, 379, 383–386, 388–393, 398–400, 402–408, 410, 412–414, 418, 420, 421, 425, 427, 429–432, 434, 437–439, 442, 443, 446–449, 451, 452, 455, 456, 458–463, 465, 466, 468, 469, 472–474, 476, 477, 479, 480, 484, 486–489, 492, 496, 497, 499, 507, 508, 511, 512, 514, 515, 519, 521, 523, 525, 534, 535, 539, 541–543, 546, 549, 552, 554, 555, 566, 567
- В Москве*
- Арбатские ворота 70
- Белый город 484
- Варварский крестец 204

- Калужские ворота 240
 Серпуховские ворота 71
 Замоскворечье 385
 Китай-город 399, 487
 Красная площадь 51, 67, 71, 438, 496
 Кремль 67, 96, 272, 277, 360, 374, 432, 472, 513
В Кремле
 Фроловские ворота 472
 Грановитая палата Кремлевского дворца 117, 154, 165
 Золотая палата Кремлевского дворца 113
 Кремлевский дворец 113, 122, 165, 542
 Лобное место 51, 92
 Московские слободы 161
 Ответная палата 146, 155, 165
 Патриарший двор 426
 Столовая палата Кремлевского дворца 122, 128, 129, 151, 165
 Потешный «ад», дворец Самозванца 234
Приказы:
 Большого Дворца 143, 417
 Большой приход 75
 Большой Разрядный 75, 128, 163, 363, 437
 Владимирский судный 86
 Земский 75
 Казенный двор 275
 Монастырский 27, 143
 Поместный 76
 Посольский 104, 107, 125, 128, 155, 164, 300, 303, 363, 480, 481, 515
 Разбойный 25, 75
 Разрядная изба 438
 Тайных дел 541
 Московское государство (Московская Русь, Московское царство, Московия, Московская земля) 7, 16, 23–29, 32, 36, 41–45, 47, 48, 50–53, 55, 58, 60, 65, 68–72, 74, 77, 78, 80, 82, 85, 87–89, 92, 94, 101, 103, 104, 106, 108, 110–113, 115, 116, 118–121, 124, 127, 129, 130, 132, 136, 138, 141, 150, 152, 154, 157, 159, 160, 163–165, 168, 170, 174, 177, 179, 181, 182, 187, 194, 204, 208–210, 219, 238, 240, 257, 269, 272, 273, 280, 281, 283, 287, 291, 293, 306, 307, 314, 315, 322, 323, 334, 340, 343, 345, 358, 370, 393, 414, 431, 444, 458, 461, 465–468, 473, 477, 478, 480, 503, 508, 509, 512, 513, 515, 518, 520, 523, 524, 529, 531–533, 537–539, 545, 546, 553, 554, 559, 563
 Муром, г. 77, 129, 131, 140, 393, 477
 Мценск, г. 88, 129, 140, 360
 Нерехта, г. 140
 Несвиж, г. 84
 Нижний Новгород, г. 15, 77, 79, 87, 88, 108, 111, 129, 140, 162, 277, 278, 293, 304–306, 313, 427, 465, 467, 469, 514, 518
 Новгород Великий, г. 30, 73, 80, 82, 109, 129, 140, 162, 202, 249–252, 267, 268, 307–309, 311–315, 318, 334–339, 341–343, 383, 387, 399, 402, 403, 420, 427, 428, 444, 487, 498, 513, 514, 518, 529, 530, 554, 567
 Новгород-Северский, г. 140, 203, 209, 210, 473
 Новгородская епархия 499
 Новгородские пятины 163
 Новосиль, г. 88, 129, 140, 361

Ногайская орда 302

Обонежская пятина 139

Одоев, г. 88, 140

Озерицкий повет 56

Ока, р. 322

Опочка, г. 140

Орешек, г. 338, 487

Оскол, г. 88, 140

Осташков, г. 84, 88

Перемышль, г. 88

Переяславль-Залесский, г. 77, 98,
129, 140, 300, 301, 364, 458

Переяславль-Рязанский, г. 88, 140,
361

Пермь, г. 71, 72, 107, 108, 165

Персия 136, 155

Полоцк, г. 54, 56

Полоцкий повет 54, 56

Польша 54, 55, 91, 94, 96, 105,
116–120, 122–124, 150–154,
167, 171, 222, 245, 273, 280,
281, 290, 293, 295, 303, 332,
333, 342, 351, 354, 376, 390,
399, 406, 411, 470, 471, 473,
477, 478, 497, 546

Поморские города 80, 85

Понизовые города 85

Порхов, г. 140

Пошехонье, г. 77, 80, 129, 140

Пронск, г. 403

Псков, г. 30, 56, 121, 140, 149, 150,
337, 499, 500

Псковская область 25

Путивль, г. 140, 225, 244, 255

Пчельня, р. 240

Ржев, г. 61, 129, 140

Ржева Пустая, г. 140, 515

Ржевский у. 516

Рига, г. 54

Рим, г. 336, 475

Романов, г. 77, 88, 140

Ростов, г. 31, 77, 85, 88, 98, 129,
140, 300, 370, 376, 381, 382,
397, 398, 419, 431, 457, 492

Ростовский у. 381, 382

Руза, г. 140

Русь (Россия, Русская земля,
Русское государство, Русское
царство, Российское государ-
ство, Российское царствие,
Российская область, «все
государства Российского цар-
ствия») 28, 39, 41, 43, 54, 55,
59, 68, 78, 99, 106, 120, 126,
127, 150, 191, 203, 208, 209,
220, 221, 227, 229, 233, 235,
236, 238, 249, 253, 256, 265,
269, 271–273, 275, 280, 281,
283, 286, 289–291, 293, 296,
299, 306, 313, 315, 319, 330,
332–336, 339, 340, 343, 346,
353, 354, 357, 358, 384, 366,
392–394, 411, 415, 421, 422,
427, 430, 435, 441, 442, 449,
465, 471, 475, 477, 522, 554,
565

Рыльск, г. 88

Рязск, г. 129

Рязань, г. (Рязанские грады, Ря-
занский край) 88, 129, 140,
239, 255, 256, 278, 352, 361,
374–376, 430, 514, 567

Самбор, г. 204, 205

Санкт-Петербург, г. 189, 193

Свияжск, г. 88, 140

Север Русский (северные города)
28, 54, 79, 80, 104, 105, 304

Северская область (Севера, Се-
верские города) 85, 91, 199,
206, 239, 290, 374, 402

Серебряные пруды 240

Серпейск, г. 88, 129

Серпухов, г. 88, 129, 140, 314, 322,
327, 385

Сибирь (Сибирское царство) 156,
270, 304, 380, 383, 384, 408,
415

Смоленск, г. 40, 64, 73, 77, 123,
124, 129, 140, 206, 239, 254,

- 272, 273, 275–277, 280, 281,
283, 288, 291, 356, 396, 419,
427, 431, 545
- Солова, г. 88, 140
- Соль Великая, г. 140
- Соль Вычегодская, г. 140
- Соль Галицкая, г. 140
- Соль Камская, г. 140
- Среднее Поволжье 131
- Старя Руса, г. 140
- Старица, г. 129, 140, 446, 447, 516
- Стародуб, г. 140
- Суздаль, г. 129, 140, 212, 221, 293,
390, 444
- Тарки, г. 431
- Таруса, г. 129
- Тверь, г. 88, 140, 407
- Терек, р. 406, 407
- Тихвин, г. 80
- Тобольск, г. 384, 405, 406
- Томск, г. 407, 516
- Торжок, г. 88, 129, 140, 428, 487
- Торопец, г. 129, 140, 403
- Тотьма, г. 380
- Троя, г. 343
- Тула, г. 88, 129, 140, 197, 239, 241,
243, 252, 255, 258, 261, 263,
288, 361, 385, 386, 402, 437,
513
- Турция 127, 130, 134
- Тушино, с. 74, 76, 256, 300, 301,
336, 337, 352, 355, 398, 403,
418, 459, 461
- Углич г. 57, 80, 102, 140, 201, 213,
214, 222, 227, 228, 230–233,
255, 259, 320, 321, 410, 413,
424, 430, 432–434, 450, 451,
452, 455, 460, 476, 490, 507,
515–513, 522, 567, 568
- В Угличе:*
- Дворец 214
- Украинные города 85, 126, 132,
199
- Украинный разряд 361, 385
- Украина 126, 154
- Унжа г. 140
- Унжа, р. 403
- Усть-Кола г. 407, 516
- Устье р. 457
- Устюг, г. 28, 305, 307, 407
- Устюжский у. 28
- Устюжна Железная (Железополь-
ская), г. 88, 501
- Уфа, г. 140
- Франция 29**
- «Хинская земля» 40
- Хлынов, г. 140, 221, 279, 498
- Царевококшайск, г. 140**
- Царевосанчурск, г. 88, 140
- Церкван:**
- Архангельская соборная в
Москве 249, 473
- Благовещенская соборная в
Москве 248
- Василия Блаженного в Мос-
кве 292, 297, 306
- Параскевы Пятницы на
Красной площади в Мос-
кве 496
- Преображения Господня в
Москве 368
- Преображения Господня в
Угличе 232, 233
- Софийская соборная в Нов-
городе 250, 251
- Спаса на Дворце в Москве
248, 368
- Спаса Нерукотворного в Че-
боксарах 516
- Троицы в Ипатьевском мо-
настыре 95
- Троицы в Троице-Сергиевом
монастыре 201
- Успенская соборная в Мос-
кве 51, 67, 93, 96, 97,
99, 115, 136, 222, 238,

246, 248, 250, 279, 290,
327, 328, 371, 374, 461,
473

Чаронда, г. 140

Чебоксары, г. 88, 140, 516, 517, 565

Чердынь, г. 140

Чернигов, г. 5, 140

Черниговская страна 244, 261

Чернь, г. 88, 129, 140

Чухлома, г. 140

Шацк, г. 88, 255

Швеция («Свейская земля») 251,
303

Шелонская пятина 61

Щуя, г. 140

Юрьев (Юрьи) Ливонский, г. 56,
77, 487

Юрьев Польский, г. 77, 129, 140

Ядрин, г. 140, 403, 404

Яранск, г. 140

Якутской город 407

Ярославль, г. 77, 79–82, 84, 85, 88,
94, 97, 98, 110, 129, 140, 183,

293, 300, 305, 307, 313, 359,
361, 402, 403, 408, 429, 462

Яуза, р. 432

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>С.О. Шмидт</i>).....	5
МОСКОВСКИЕ ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ XVI И XVII ВЕКОВ	
Глава первая	23
Участие земщины в управлении Московского государства. – Земские соборы как вид этого участия. – Определение соборов. – Причины их возникновения. – Веча и соборы	
Глава вторая	32
Источники вопроса: акты; разрядные книги; источники летописного характера; сказания современников. – Песни. Литература вопроса: К.С. Аксаков и С. М. Соловьев. – Б.Н. Чичерин. – И.Д. Беляев. – В.И. Сергеевич. – Н.П. Загоскин. – И.И. Дитятин. – Н.И. Костомаров	
Глава третья. Исторический обзор земских соборов	47
Земские соборы до Смутного времени: 1549/50 г., 1566 г., 1584 г., 1598 г. и 1605 г. – Избрание и свержение Шуйского. – Избрание Владислава. – Соборы в земских ратах: 1611 и 1612 гг. – Постоянные земские соборы 1613–1622 гг. – Последующие соборы: 1632–1634 гг., 1637 г., 1642 г., 1645 г., 1648–1649 гг., 1650 г. и 1653 г. – Комиссии выборных людей: комиссии 1681–1682 гг. – Известия о соборе 1698 г.	
Глава четвертая. Организация земских соборов	159
Общее число соборов. – Предметы занятий. – Состав соборов и порядок выбора представителей. – Место, время и порядок соборных заседаний	
Глава пятая	173
Причины прекращения соборов. Их значение с точки зрения права и истории	
Приложения	180
ДРЕВНЕРУССКИЕ СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ XVII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	
Предисловие	187
Произведения, составленные до окончания Смуты	
Глава первая	196
Иное сказание; его состав (с. 196). Первая часть Иного сказания или Повесть 1606 года (с. 198). – Извет старца Варлаама (с. 203). – Повесть, како восхити неправдою царский престол Борис Годунов (с. 226). – Житие царевича Димитрия,	

внесенное в Минеи Германа Тулупова, и Повесть 1607 года о перенесении мощей царевича в Москву (с. 231).

Вторая часть Иного сказания: грамоты царя Василия Ивановича Шуйского (с. 235).

Третья часть Иного сказания: повествование о событиях 1606–1607 гг. (с. 238).

Четвертая часть Иного сказания или Повесть 1606 года о видении некоторого мужа в Москве, составленная протопопом Терентием (с. 245). – Повесть о видении 1611 года мниха Варлаама в Новгороде (с. 249).

Пятая часть Иного сказания: статьи о событиях 1607–1613 гг., тождественные со статьями Хронографа второй редакции (1617 г.); разбор статей о Смуте этого Хронографа (с. 252).

Заключительные заметки Иного сказания (с. 267).

Глава вторая 269

Патрирха Иова Повесть о честнем житии царя Феодора Ивановича (с. 269).

Новая Повесть о преславном Российском царстве (с. 272). – Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства (с. 287).

Повесть о некоей брани (с. 299).

Сказания о чудесных видениях 1611 года, нижегородском и владимирском (с. 304).

Важнейшие произведения о Смуте времени царя Михаила Феодоровича

Глава третья 310

Временник дьяка Ивана Тимофеева (с. 310).

Сказание келаря Авраамия Палицына (с. 345).

Глава четвертая 357

Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России, князя И.А. Хворостинина (с. 358). – Повесть князя И.М. Катырева-Ростовского, внесенная в Хронограф Сергея Кубасова (с. 376). – Рукопись Филарета, патриарха Московского (с. 394). – Произведения князя С.И. Шаховского: Житие царевича Димитрия и Повесть о нем, како послася от Бога на царя Бориса (с. 401).

Книга, глаголемая Новый летописец (с. 414). – Разрядная книга, известная под названием Столярова (и Лобковского) хронографа (с. 436).

Произведения о Смуте второстепенные и позднейшие

Глава пятая 440

Памятники биографического характера: Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича (с. 441). – Сказание о рождении князя М.В. Скопина (с. 442). – История о первом Иове, патриархе Московском (с. 444). – Житие царевича Димитрия, внесенное в Минеи Иоанна Милютина, и произведения, от него зависящие (с. 448). – Повесть о убиении царевича Димитрия (с. 453). – Житие ростовского затворника Иринарха (с. 457). – Житие архиепископа астраханского Феодосия (с. 460). – Житие архимандрита Дионисия, составленное

Симоном Азарьиным и Иваном Наседкою (с. 461). – Симона Азарьина Книга о чудесах преп. Сергия (с. 464). – Ельнинский хронограф (с. 467). – Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве (с. 469).

Памятники компилятивные: Погодинский хронограф № 1465 (с. 476). – Повесть о разорении Московского государства (с. 477). – Книга об избрании на престол царя Михаила Феодоровича и Книга о титулах (с. 480). – Латухинская степенная книга (с. 482). – Хронограф князя М.А. Оболенского (с. 485). – Сказание о царстве государя и великого князя Феодора Иоанновича (с. 489). – Хронографы третьей редакции (с. 493). – Хронограф имп. Публичной библиотеки F.IV.165 (с. 493). – Погодинский сборник № 1578 (с. 494). – Погодинский сборник № 1616 (с. 494). – Отрывок Соловецкого хронографа о Романовых (с. 494). – Сборник имп. Публичной библиотеки Q.XVII.159 (с. 495). – История, како грех ради наших попусти Господь Бог праведное свое наказание (с. 495). – Морозовский летописец (с. 495). – Летописец имп. Публичной библиотеки F.XVII.17 (с. 496). – Рукопись Имп. Академии наук № 46 (с. 496).
Сказания местные (с. 498).

Заключение	502
Примечания	512
Положения, извлеченные из диссертации С.Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник”, (тезисы) для диспута	518
Перечень рукописей, упомянутых в этой книге	520

ПРИЛОЖЕНИЯ

Боярская дума в Московском государстве по исследованию Н. Загоскина	529
Предисловие С.Ф. Платонова к книге “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник” (неопубликованный вариант)	553
Археографическое послесловие (А.В. Сиренов)	563
Сокращения, принятые в библиографических ссылках	570
Указатель имен	572
Указатель географических названий	588

Платонов С.Ф.

Собрание сочинений : В 6 т. / С.Ф. Платонов ; Ин-т славяноведения РАН ; Археографическая комиссия РАН ; Российская национальная библиотека ; [отв. ред. С.О. Шмидт]. – М. : Наука, 2010. – ISBN 978-5-02-037575-8.

Т. 1 / [Сост. В.В. Морозов, А.В. Сиренов]. – 2010. – 597 с. – ISBN 978-5-02-037576-5 (в пер.).

В томе представлены монография “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник” (оцениваемая ныне и историками, и литературоведами как классический труд), а также впервые публикуемое выпускное студенческое сочинение “Московские земские соборы XVI и XVII веков” и реферат “Боярская дума в Московском государстве по исследованию Н. Загоскина”. Издание подготовлено Археографической комиссией РАН совместно с Отделом рукописей Российской национальной библиотеки по материалам личного архивного фонда академика С.Ф. Платонова.

Для историков, филологов и всех интересующихся отечественной историей.

По сети “Академкнига”

Научное издание

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович

**Собрание сочинений
в шести томах**

Том первый

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

*Заведующая редакцией Н.Л. Петрова
Редактор М.М. Леренман
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор Т.В. Жмелькова
Корректоры З.Д. Алексева,
Е.А. Желнова, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 27.05.2010. Формат 60 × 90^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 37,5 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 37,6. Уч.-изд.л. 41,0
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3232

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-037576-5

9 785020 375765

